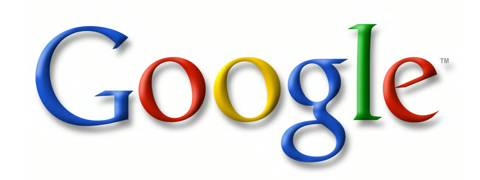
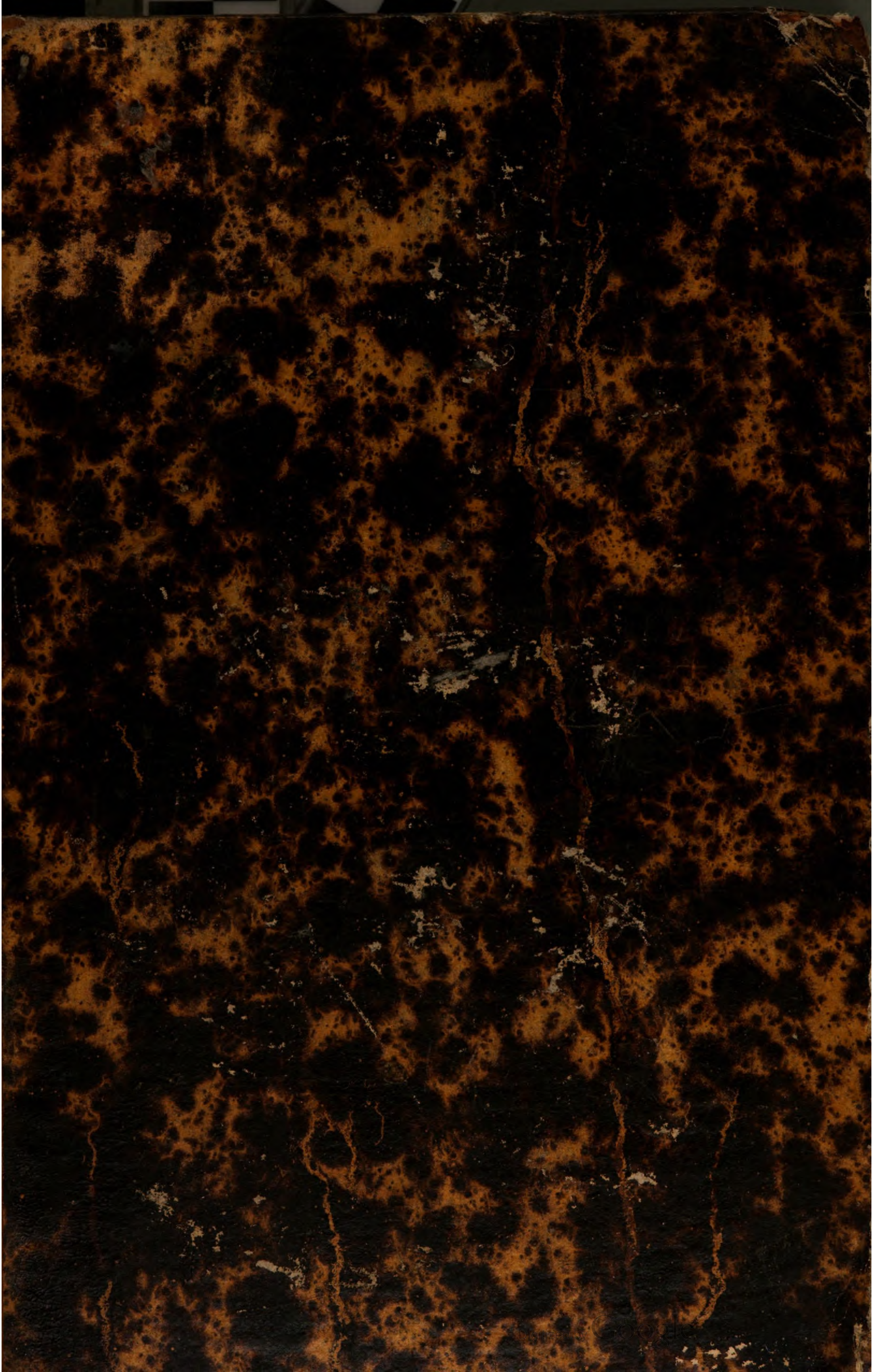
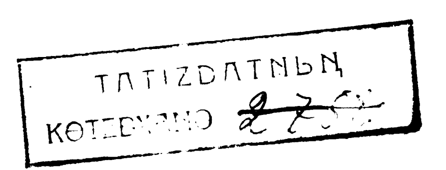

Google

Digitized by Google

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ,

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ, И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. ХОВАНСКИМЪ.

1869.

ГОДЪ ОСЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ I.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. А. Гольдштейна.

Содержаніе I выпуска.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ,

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ, И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. ХОВАНСКИМЪ.

1869.

ГОДЪ ОСЬМОЙ.

8.

ВЫПУСКЪ I.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. А. Гольдштейна.

Дозволено Цензурой. Москва, 18 Марта 1869.

МАЛОРОССІЯ (ЮЖНАЯ РУСЬ) ВЪ ИСТОРІИ ЕЯ ЛИТЕРАТУРЫ СЪ XI ПО XVIII ВѢКЪ *).

. . . . . Простонародная Украинская жизнь есть цѣлый міръ самостоятельныхъ понятій человѣка о томъ, какъ ему быть на свѣтѣ. Жизнь эта не такъ мелкодонна и узка, чтобы ее исчерпать наблюдательнымъ умомъ въ теченіе короткаго времени. Жизнь эта по-своему сохранила слѣды глубокой старины Славянской, и потомъ удержала остатки историческаго бытія народовъ, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависѣло ея теченіе.—Она, однимъ словомъ, заняла насъ, какъ новая наука, которой до сихъ поръ не было дано *принадлежащаго ей мѣста въ ряду предметовъ подлежащихъ вѣдѣнію свободнаго ума человѣческаго.*

П. Кулишъ.

I.

Мѣстность, занимаемая Южно-Русскимъ племенемъ, начинается на западѣ отъ г. Сандеча, въ десяти миляхъ отъ Кракова (Галицкая Русь), захватываетъ половину Люблинской губ. (Русины), часть Гродненской и Минской (Пинчуки), занимаетъ все пространство губерній Волынской, Каменецъ-Подольской (Польщаки), Херсонской, Кіевской (Украинцы),

*) Отдавая полную справедливость добросовѣстному и кропотливому труду автора—въ изслѣдованіяхъ о Малорусской литературѣ, труду, въ которомъ собрано и такъ удачно сгруппировано все, что когда-либо говорилось у насъ до сихъ поръ о литературной дѣятельности въ Малороссіи, мы находимъ, что

Полтавской (Степовики), Харьковской, Черниговской (Гетьманцы), часть Курской, Воронежской, Таврической, всю землю Черноморскаго Войска, и на северо-востоке доходитъ до Мглина (на сѣв. Черниг. губ.), а на югѣ упирается въ Днѣстръ и Карпаты. Все протяженіе ея, занимая 20°/₀ долготы, составляетъ слишкомъ 10870 кв. миль, и населено 14,300,000 жителей, говорящихъ Южно-Русскимъ языкомъ (См: Осн. 1861, Май, Іюнь, Ноябрь и Декабрь). Языкъ Южной-Руси заключаетъ въ себѣ столь же самобытныя и древнія черты, какъ и остальныя Славянскія нарѣчія и составляется изъ нѣсколькихъ поднарѣчій, представителемъ которыхъ служитъ нарѣчіе Полтавско-Чигиринское (Сѣгобочной Украины), заявившее себя широкой литературной дѣятельностью. На этомъ нарѣчіи пропѣлъ свои пѣсни Славянскій поэтъ Т. Г. Шевченко.

Главнѣйшія формы, отличающія Южно-Русскій языкъ, какъ онъ сложился въ настоящую минуту, далеко не достигнувъ своего послѣдняго предѣла, слѣдующія: *і* вмѣсто *ѣ:* світъ, вінокъ; *і* вм. *о* и *е*: бікъ, вівци, жінка, вечіръ, камінь, шія; *и* вм. *ы*: воли; *у* вм *ы*: бути, добути; *іо* вм. *е*: ёму, слёза; приставка *и*, гдѣ встрѣчается стеченіе

вопросъ о самобытности Южно-Русскаго языка все-таки остается вопросомъ далеко нерѣшеннымъ. Нѣтъ спора, что Украинская литература богата произведеніями и мы готовы вѣрить свидѣтельствамъ авторитетовъ науки, которыя привелъ авторъ въ доказательство своей задачи, но желательно было бы видѣть еще болѣе осязательныхъ фактовъ въ подтвержденіе этого важнаго и спорнаго вопроса о самобытности Южно-Русскаго языка. Съ удовольствіемъ помѣщаемъ эту статью почтеннаго автора ради болѣе достовѣрнаго разъясненія вопроса, въ которомъ, надѣемся, и другіе ученые не откажутъ намъ въ своихъ замѣткахъ. Статья эта есть трудъ не Малорусса, а Великорусса, слѣд. составлена не въ узкихъ интересахъ одной народности, а въ интересахъ всего народа; сверхъ того всѣ данныя передаются въ ней по памятникамъ.

Ред.

согласныхъ: иржа; отбрасываніе гласныхъ для благозвучія: голка (иголка); древнее полногласіе даже въ окончаніяхъ: Дніпро, Петро; коренное славянское *о*, дающее особое могущество Славянской рѣчи, никогда не переходитъ въ *а*; отсутствіе смягченія губныхъ: бъю, пъю, голубъ, степъ; *у* вм. *в*, и обратно: Вкраіна, усякій, вчиться; *к* вм. *ц*: квитка; *с* вм. *х* и *ш*: Петрусь, наській; *дж* вм. *ж*: джбанъ, джерело; *з* вм. *с*: зверчений, зъ ласки вашоі; *в* вм. *л*: вовкъ, човенъ, жовтий; вставка *л*: сплять, роблять; *к* вм. *г*: лузка, брязкотати; образованіе уменьшительныхъ именъ съ оттѣнкомъ особой ласки и нѣжности: зіронька, козаченько, лишечко, спатоньки; смягченіе *т* въ 3-мъ лицѣ глаголовъ настоящаго времени: ходють; смягченіе *ц* передъ гласными: травиця, хлопці; окончанія на *щі*: любощі; на *ові* и *еві*: Богові, козакові, и на *мо*: ходимо *). Словомъ, изъ соединенія сурово-могучей, коренной Славянской рѣчи съ нѣжностью языка, свойственной южному небу, сложился новый языкъ, отличающійся необыкновенной силой, звучностью и граціей.

Лучшіе представители Славянскаго языкознанія, каковы Миклошичъ (Vergl. Grammat. I. IX) и А. Шлейхеръ (Beitr. z. v. Sprachf. I. 22.) считаютъ Южно-Русскій языкъ самостоятельнымъ и самобытнымъ (Mikl: Selbständige Sprache). Ламанскій полагаетъ, что главнѣйшія отличія Южно-Русскаго языка восходятъ къ доисторическому времени (Зап. Ак. Н. VI, I., прил. 80). Профессоръ Срезневскій выражается такъ:

*) Лавровскій, «Обзоръ замѣч отлич. нарѣчія Малорусскаго.» Жур. М. Н. Пр., ч. CII. Тамъ же въ 1863 г: «О нѣкоторыхъ фонетическихъ особенностяхъ Южно-Русскаго языка.» Въ высшей степени было бъ поучительно разсказать всю исторію споровъ объ Южно-Русскомъ языкѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ развивалось въ наукѣ установившееся о немъ понятіе.

«Давни, но не испоконны черты, отдѣляющія одно отъ другаго нарѣчія сѣверное и южное, Великороссійское и Малороссійское» (Мысли, 40). Въ Южно-Русскомъ языкѣ онъ видитъ такой же цѣльный языкъ, какъ Сербскій или Болгарскій, и потому раздѣляетъ Славянскія нарѣчія на относящіяся къ восточному отдѣлу, которыя распадаются а) на Великорусское съ поднарѣчіемъ Бѣлорусскимъ, в) Малороссійское, восточное и западное,—и на Юго-западныя: а) Старославянское, б) Болгарское, и в) Сербское (Ж. М. Н. Пр., XL, VIII: «Обозр. гл. чертъ сродства въ Слав. нар.»). Профессоръ Лавровскій, разсмотрѣвъ формы Южно-Русскаго языка, находитъ, что они даютъ ему неоспоримое право на такое же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія Славянскія нарѣчія (Ibid. 263.). Проф. Максимовичъ, еще въ 1839 г. указалъ самостоятельность Южно-Русскаго языка, и далъ ему свое мѣсто въ исторіи русскаго слова (Макс. Ист. Рус. Слов. 97, и сл.). Професоръ Головацкій въ своемъ сочиненіи: «Розправа о языцѣ Южно-Русскомъ и его нарѣчіяхъ» (Львовъ, 1849), ссылаясь на памятники, доказывалъ, что Южно-Русскій языкъ *самостатный* и *стародавній* (стр. 19) и что въ древности онъ имѣлъ въ головныхъ зачеркахъ тую самую стать, то саме направленье, що нынѣшній (стр. 21). Наконецъ лучшій знатокъ Южно-Русскаго языка, професоръ Бодянскій, не думая соглашаться съ мнѣніемъ, недавно возникшимъ, о позднѣйшемъ происхожденіи Малорусскаго языка, требуетъ, чтобъ люди, которые пишутъ все, что ни взбредетъ имъ въ голову, *поглубже* познакомились бы съ историческимъ развитіемъ языка (Чтенія 1858. IV, III, 72).

II.

Отдѣлившись въ сѣдой старинѣ отъ общеславянскаго корня, Южно-Русскій языкъ развивался съ тѣхъ поръ вмѣстѣ съ *Русскимъ* (южно-русскимъ) наро-

домъ, носившимъ древнее имя *Русь*: «Роусь» (Зап. Ак. Наукъ VI, I, прил. 121; Бодянскій, Сынъ От. 1835, 39, 173,—199; Котляревскій, О погреб. обыч. Прилож. стр. 35 и выше) и еще въ XIII вѣкѣ называвшемъ свою страну *Украиной* (П. С. Л. II 160). Центромъ русской жизни былъ Кыєвъ, основанный въ незапамятное время, и носившій высокое имя матери русскихъ городовъ: «мати градомъ Руськымъ.» Имя Руси распространяется на Волынь, Галичъ, и т. д., и затѣмъ становится именемъ всѣхъ земель восточнаго Славянства, связанныхъ единствомъ языка, вѣры и культуры: «се токмо Словенескъ языкъ въ Руси,» свидѣтельствуетъ начальный лѣтописецъ. И теперь, отъ устьевъ Днѣстра и до устья сѣверной Двины, не смотря на различія языка, обычаевъ, и т. д.,—все это одна великая *Русь*, *Русь-матушка* (Россія—слово книжное).

Поляне-Русь были просвѣщеннѣе своихъ сосѣдей, чему много помогалъ *Дніпро Словутицй*, служившій путемъ въ Грецію и Тавриду, гдѣ еще сохранялись остатки древней образованности. Съ XI вѣка идутъ византійскія извѣстія о крещеніи Руси; въ Кіевѣ развивается христіанство; онъ становится центромъ, связующимъ сосѣднія племена, старшимъ братомъ Славянъ: «ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъ-славлю». На западѣ Кіеву подавалъ руку древній *Галичъ*, гдѣ русскій князь, сидя на своемъ златокованномъ столѣ, подпиралъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступалъ путь королю, затворялъ ворота Дунаю, суды рядилъ до Дуная...

Кіевъ былъ богатъ. Кіевляне, какъ помнитъ еще *былина*, отличались свободой, красотой и сладострастіемъ; жизнь народа связывалъ *духъ братства* и *побратимства*, нашедшій себѣ идеалъ въ братской любви Св. Бориса и Глѣба, и развившійся потомъ въ духовныя *братства* юго-западной Руси. Братская жизнь, возникавшая около князя, *вскормлен-*

ника русской земли, тянула къ себѣ людей изъ сосѣднихъ земель, и въ Кіевъ, ко Владиміру—ясно-солнышко, съѣзжались молодцы изъ Чернигова, Волынца, Галича, изъ Суздаля и Мурома, изъ Кракова и Царя—города, — съѣзжались Нѣмцы и Славяне, Чехи и Ляхи....

Не смотря на удѣльный характеръ жизни, заведенный Ярославомъ, не смотря на то, что съ XI вѣка возникаютъ отдѣльныя земли въ Кіевѣ, въ Черниговѣ, на Волыни, въ Туровѣ, въ Червонной Руси и т. д.,—связь земель не прекращается, потому что правители происходятъ отъ одного рода, и помнятъ о своей обязанности печься *о Русской земль*, блюсти ее, беречь ее отъ обиды, класть за нее свои головы. Но князья размножались, заводили коромолы; съ княжескими междоусобіями переплетались непріязненныя отношенія земель, и являлась жизнь крайне непокойная.... Здѣсь-то возникаютъ прекрасные образы мудраго оберегателя земли и удалаго князя *Владиміра Мономаха*, и *удальца*, нерѣдкаго въ княжескихъ и народныхъ дружинахъ, выросшаго впослѣдствіи, на сѣверо-востокѣ, нъ высокую и благородную личность *Ильи Муромца*, а на югѣ въ *вольнаго козака*. Нѣкоторые изслѣдователи русской исторіи предполагаютъ, что въ составъ Южно-Русскаго народа вошло извѣстное количество чуждаго населенія, которое, переработанное жизнію, на основаніи извѣстнаго этнологическаго закона, помогло создать *новую* энергическую народность. (Костом. Черты Южнор. исторіи II, 37, Котляревс. Осн. 1862. X.).

Въ этотъ-то первый періодъ своей исторической жизни, окончившійся татарскимъ погромомъ, Южная Русь, вмѣстѣ съ зачатками своей народности, вырабатывала и языкъ, и воспитывала въ нѣдрахъ своихъ христіанство, просвѣщеніе для всего восточнаго Славянства, искусство и поэзію....

III.

Какъ ни трудно слѣдить за первымъ появленіемъ Южно-Русскаго языка, скрытаго подъ церковно-славянскими формами и недоступнаго для насъ въ большинствѣ лѣтописей и актовъ, *гдѣ*, по словамъ знатоковъ, *ни одна строка не можетъ похвалиться филологической вѣрностью*,—мы все-таки встрѣчаемся съ нимъ въ XI вѣкѣ. Формы его замѣтны въ сборникѣ 1073 г: *Оуселенноуѧ* вм. вселенную, *въгодьно, квѣлить, квѣтъ, оучрьмьнъ*; ѥ вм. ѥсть, *змарагдъ, кацѣми любо, Оуйттелиосъ* (Виттелій) и т. д. Даже Буслаевъ, радикально отвергающій самобытность Южно-Русскаго языка, здѣсь какъ-то проговорился *о вліяніи южно-русскаго писца*, и по поводу ѥ, которое въ сборникѣ постоянно вмѣсто *ѥсть*, прибавилъ: «это по-малорусски» (Хрест. 276, 278). Въ XII вѣкѣ мы слышимъ южно-Русскій говоръ въ спискѣ пролога Лобкова: *чисти* вм. *чести*; *чили* вм. *или*, *чловѣкъ*, *вгню* вм. *огню*; потомъ въ грамотѣ Кіевскаго князя Мстислава Владиміровича 1128, и наконецъ въ Галицкомъ спискѣ Евангелія 1144 г: *сѣкыра выметаемо, нарицаемо, пшеніцю, свяжѣте, оубоінікъ*, 3-е лиц. множ. числа на *тъ*, и т. д. (Горс. и Нев Опис. Слав. ркп. I, 208). Въ XIII в., въ спискѣ поученій Ефрема Сирина мы встрѣчаемъ Южно-Русскій языкъ уже вполнѣ сложившимся. Въ этихъ-то поученіяхъ вставлено южно-русское *слово*, носящее такое заглавіе: «отъ грѣшного Георгѧ Черноризцѧ: Зарубьскъіѧ пещеръі. Повчѣньѥ къ дховному чаду.» Вотъ встрѣчающіяся здѣсь главныя формы языка: *ого, его, идемъі, работаймо, ходимо, оугодиню, жьнють, простѧ женъ, свидитель, оу часъ, оу страну, оу пагубу, повчити, увъ молитвахъ, вгодно* (Зап. Ак. Наукъ VII. II. 154. 161). Въ грамотѣ Льва Даниловича писецъ Захарія писалъ:» *вѣчнић, будучић, нашћ*. Но драгоцѣннѣйшимъ памятникомъ Южно-Русскаго языка XII в. служитъ *Слово о Полку Игоревѣ*.

IV.

Широкое развитіе южно-русской жизни вызвало эпосъ, сначала миѳическій, потомъ историческій. Великорусскій богатырскій эпосъ, получившій начало, можетъ быть, еще до племеннаго раздѣленія на Велико- и Мало-Руссовъ, сохранился, хотя далеко не въ первобытной свѣжести, въ глухихъ окраинахъ Русской земли, какъ Олонецъ, Пермь, Сибирь. — Былины, открываемыя здѣсь, рядомъ съ мамонтами, словно окаменѣлые обломки стариннаго творчества; живой, исторической жизни въ нихъ нѣтъ и слѣда. Не то было на югѣ. Въ южной Руси, не смотря на то, что грозныя событія всколебали до дна народныя массы, и новые образы отодвинули назадъ и заслонили старинный эпосъ—остатки его долго еще были цѣлы и живы; какъ будто прикованные къ Кіевскимъ горамъ, они и доселѣ еще живутъ въ памяти народа, и лѣтопись *начальнаго Кіевскаго лѣтописца*—это какъ будто комментарій на теперешнія преданія Кіевской Руси.. .

Въ Южной Руси до сихъ поръ извѣстны до-историческія преданія о *велетняхъ* (великанахъ), оставившихъ слѣды свои въ *могилахъ* и земляныхъ *валахъ* (Nowos. Lud Ukraiń. II, 117, I, 234; Костом. Черты Южно-рус. ист. I); древлянскій край полонъ памятью *объ Ольгѣ*; сохранились драгоцѣнныя думы *о походѣ старшаго князя язычника въ цареградскую землю* (Кулишъ, Зап. о Юж. Руси I, 172), *о службѣ* Южноруссовъ въ Цареградѣ (Морд. Сборн. 192), *объ Олексіи Поповичѣ* (Осн. 1862, Авг.).

Распространяя христіанство и отбиваясь отъ полчищъ, напиравшихъ изъ Азіи, Кіевская Русь, съ одной стороны, слагаетъ религіозныя сказанія, а съ

другой—входитъ въ новый періодъ историческаго эпоса. Такъ въ Кіевѣ сохранилось преданіе объ Апостолѣ Андреѣ, проповѣдовавшемъ *на горахъ Кіевскихъ* (Зап. Ак. Наукъ VI, I, Прил. 110). Къ XII в., какъ видно изъ дошедшаго до насъ рукописнаго житія, сложились въ Кіевской Руси идеалы братской любви Св. Бориса и Глѣба («еже есть праздникъ новый Руськыя земли» П. С. Л. I, 95), получившихъ *высокое* народное значеніе (Кіевл. 1850, кн. 3), вошедшихъ въ легенды и народныя повѣрья, и неизвѣстныхъ съ этой стороны въ сѣверо Востокѣ. (Бусл. Очер. II, 107) Въ битвахъ съ Печенѣгами возникаетъ сказаніе *о Кириллѣ Кожемякѣ* (Кул. Зап. о Южн. Руси I, 27), сохранившееся въ лѣтописномъ разсказѣ объ *Усмошвецѣ*, въ названіи Кіевской мѣстности *Кожемяки* (Закр. Кіевъ (въ Чт. 38. 94), и въ русской сказкѣ о *Никитѣ Кожемякѣ*. Печенѣговъ смѣняютъ Половцы. *Владиміръ Всеволодовичъ*,—знаменитый Владиміръ Мономахъ, «добрый страдалецъ за русскую землю,» соединивъ въ 1103 и 1104 гг. князей въ походъ противъ Половцевъ, ходилъ въ степь, и Половцы были разбиты. Въ походѣ участвовали не одни княжескія дружины, но и народъ (рольи); впереди войска шли священники съ образами и пѣли стихиры; побѣдѣ предшествовали знаменія свыше, и слава объ ней «ко Грекомъ и Угромъ, и Лехомъ и Чехомъ, дондеже и до Рима пройде.» Эту-то побѣду, думаетъ Костомаровъ, воспѣлъ *Боянъ*, южно-русскій пѣвецъ періода кровавой и обильной великими подвигами борьбы *за Русскую землю*. Имя Бояна сохранившееся въ Словѣ о Полку Игоревѣ—не вымыселъ,—оно, извѣстно было въ VI вѣкѣ (Stritt. Mem. Populor. II, 48); въ началѣ X вѣка у Болгаръ имя Бояна носилъ младшій братъ царя Симеона, который тоже былъ вѣщимъ пѣвцомъ (Jireč. Die Echtheit d. K. H. 50). Имя Бояна осталось въ славянскихъ фамильныхъ именахъ и въ географическихъ названіяхъ въ Албаніи, въ Италіи, въ Чехахъ, въ

Познани (Rieger. Slown. Naučný I, 13). Въ Рязанскихъ актахъ XV и XVI в. встрѣчается мѣстность, называемая *Бояновъ Колодезь* (Писк Др. гр. ряз кр. *2*, *3*). Русскій Боянъ пѣлъ въ XI вѣкѣ *про стараго Ярослава* (ум. 1054), который «утеръ пота» съ дружиною; про *храбраго Мстислава* (ум. 1033), «иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми»; про краснаго *Романа Мстиславича* (ум. 1079), приведшаго на Русскую землю Половцевъ, про *Олега Святославича* (ум. 1115), который «мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше»; про *Святослава Ярославича* (ум. 1076), установлявшаго вмѣстѣ съ братьями *Русскую правду*; про Всеслава, который «людямъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, изъ Кыева дорискаше до куръ, Тмутороканя.» Пѣвецъ *Слова*, относящійся къ Бояну съ высокимъ уваженіемъ, величаетъ его *соловьемъ* стараго времени, *вѣщимъ пѣвцемъ*, внукомъ Велеса, т. е. бога пѣсенъ, русскаго Аполлона, и разсказываетъ про него, что онъ пѣлъ, возлагая на струны свои десять перстъ,— какъ поютъ доселѣ его потомки, украинскіе бандуристы.

Война съ тѣми же самыми Половцами вызвала въ XII вѣкѣ новаго пѣвца, оставившаго намъ *Слово о Полку Игоревѣ*. Слово это было извѣстно въ XIV вѣкѣ (Горск. и Нев. Опис. Сл. рук. I, 293; Чтенія 1867, II, см. 13); слѣды его встрѣчаются въ XIV—XV вѣкѣ въ житіяхъ Святыхъ, въ историческихъ повѣстяхъ (Задонщина), въ сказкахъ, былинахъ, думахъ и пѣсняхъ (Изв. Ак. Наукъ VI, 312), и не смотря на то, что оно дошло до насъ въ позднѣйшей рукописи. XV—XVI в., все-таки носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды Южно-Русскаго языка XII вѣка *).

*) Библіографію *Слова* смотри: въ Русскихъ Достопам., III, и у Максимовича: «Пѣснь о Полку Игоревѣ, ст. 1-я (въ Жур: М. Н. Пр.). Затѣмъ: Буслаева, Очер. I, 381;—Тихонравова, Слово

Пѣвецъ называетъ свое Слово *пѣснью* и *повѣстью* Сынъ Русской земли, переживающій ея горе и радости, онъ идетъ дальше Бояна: тотъ пѣлъ по своему *замышленію*, а этотъ поетъ по *былинамъ* своего времени, и является создателемъ того, полнаго живой правды, *историческаго эпоса*, который какъ увидимъ, шелъ за всей исторіей южной Руси.... Княжескій пѣвецъ, вѣроятно участвовавшій въ Игоревомъ походѣ, онъ поетъ собственно не о князѣ, а объ *Русской землѣ* Приступая къ пѣсни, онъ думаетъ начать ее отъ славнаго времени князя Владиміра и кончить Игоремъ, слѣдовательно обнять въ своей пѣснѣ всю славу Руси, прошлую и настоящую,—но останавливается только на концѣ,—на судьбахъ постигшихъ Игоря, когда онъ пошелъ на Половцевъ за *землю Русьскую*, съ Русичами *главу свою приложити*.

Походъ противъ Половцевъ былъ въ 1185 году. 25 Апрѣля, Игорь выѣхалъ изъ своего Новгорода въ Путивль, и отъ мѣста, которое доселѣ называется «*Игоревымъ Станомъ*, началъ походъ: «наведе своя храбрыя пълкы на землю Половецькую *за землю Русьскую*.—Хощу бо, говорилъ онъ, копіє приломити конець поля Половецького, съ вами, Русичи, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!» Перейдя рѣку Осколу, Игорь дождался тамъ своего брата Всеволода, съ его Курянами; «а Куряне свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы

о Полку Игоревѣ.—Полеваго, Опытъ обозр. памятн. 91.—Пекарскаго, Зап. Ак. Наукъ V, прил. № 2.—Буслаева, Майкова и Некрасова въ Ж. М. Н. Пр. 1866, Февр. и Мартъ.—Моск. Унив. Изв. 1866—7, № 2.—Ореста Миллера, Опытъ Словесности, 355, и сл. Наука не потеряла еще надежды, что этотъ драгоцѣнный памятникъ Кіевской Руси отъищется въ лучшей рукописи въ какой нибудь монастырской или церковной библіотекѣ, или въ книгохранилищѣ старовѣровъ.

въздѣлѣни, конець копія въскрмлени; пути имъ вѣдоми, яруги имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъощрени, сами скачють аки сѣрыи вълци въ полѣ, ищущи себѣ чьти, а князю слави.» 1 Мая Русичи приблизились къ Донцу, а въ Пятницу 3 Мая «потопташа поганыя плъкы Половецькыя.»—«Дремлеть въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.» и не чуетъ, что на утро готовится жестокая битва. Битва, длившаяся полторы сутки, кончилась въ полдень пятаго Мая: «ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Руськую.» Между тѣмъ Святославъ въ Кіевѣ видитъ грозный сонъ, плачется на Святослава Черниговскаго, не пославшаго на помощь ему своихъ храбрыхъ дружинъ, что «безъ щитовъ, съ засапожникы, кликомъ пълкы побѣждають, звонячи въ придѣдьскую славу,» и молитъ великаго Святослава Кіевскаго, Ярослава Осмомысла Галицкаго, вступиться «за обиду сего времени, за землю Руськую, за раны Игоревы, буєго Святъславича!»—жалуется на коромолы князей, и уносится мыслью къ славнымъ русскимъ князьямъ стараго времени: «О, стонати Руськой земли, помянувше пьрвую годину и пьрвыхъ князей!» Весной слѣдующаго года Игорь возвращается изъ плѣна, вся земля радуется его возвращенію, «дѣвицы поють по Дунаи, вьются голоси чрезъ море до Кыева:» «слава Игорю Святъславичу, буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Здрави князи и дружина, поборая за христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава и дружинѣ!»

Въ пѣвцѣ Игоря Максимовичъ видитъ не только современника, но и участника въ походѣ на Каялу, и предполагаетъ, что первыя двѣ пѣсни Слова сложены около 1165 г, а третья въ 1186 г, когда Игорь возвратился изъ плѣна. Во всякомъ случаѣ южнорусская основа не подлежитъ теперь ни малѣйшему сомнѣнію: «народъ, поющій украинскія думы, есть потомокъ народа, создавшаго *Слово о Полку Игоревѣ* (Котля-

ревскій, Осн. 1862. Х; Дубенск., стр. L.). Еще Бѣлинскій не могъ не замѣтить, что «за южное происхожденіе Слова говоритъ больше всего выражающійся въ немъ бытъ народа. Есть что-то теплое, благородно-человѣческое во взаимныхъ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ этой поэмы, особенно поразительны благородныя отношенія половъ. «(Бѣл. V. 87—8). Южное происхожденіе Слова подтверждается 1) южно-русскими формами языка: *бьшеть, помняшеть, вѣци, галици, на кровати тисовѣ, птичь, ни птичю, си ночь, крычать телгы полунощы, аркучи, конець поля* и т. д. 2) употребленіемъ словъ, составляющихъ принадлежность Южно-Русскаго языка: *година, туга. смага, яруга, оксамиты, кресити, брешуть, разсушась, не былонь* (укр. було нь), *Дніпре словутицю*, и т. д.

Кромѣ этихъ двухъ великихъ пѣвцовъ Южной Руси, Волынская лѣтопись подъ 1241 г. упоминаетъ вскользь *о словутьномъ пѣвцѣ Митусѣ* (Митяй, Михаилъ): «словутьного пѣвца Митусу, древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу (Даніилу Романовичу), раздраного акы связьня (узника) приведоша.» (Вол. Л. 160). Максимовичъ полагалъ, что по характеру лѣтописнаго разсказа это совсѣмъ не пѣвецъ, а просто пѣвчій владыки Перемышльскаго (Осн. 1861. Іюнь). Но будь это такъ, лѣтописецъ ни за что не рѣшился бы назвать простаго пѣвчаго высокимъ именемъ *словутьного пѣвца*.

Этотъ періодъ Южно-русской (русской) жизни, когда въ Кіевѣ заложено было зерно Русской земли, оканчивается нашествіемъ Татаръ въ 1224 году. Въ 1240 г. Кіевъ былъ взятъ и разрушенъ; о погибели его составился новый рядъ сказаній, можетъ быть, пѣсенъ, и изъ нихъ дошли до нашего времени сказанія *о Батыѣ* (Кул. Зап. о Юж. Руси. I, 315) и *о золотыхъ Кіевскихъ вратахъ* или *о Михаилѣ Семилѣткѣ* (ibid. I, 3). Семилѣтній богатырь, говоритъ Н. И. Костомаровъ,—типъ народной надежды на грядущія поколѣнія, идеалъ нестарѣющейся, вѣчно юной,

всегда обновляющейся силы народа, защищалъ Кіевъ противъ иноплеменныхъ враговъ. Татары видѣли, что онъ одинъ удерживаетъ Кіевлянъ, и предложили пощаду городу, если выдадутъ имъ богатыря. Кіевляне соблазнились. Тогда Семилітокъ, выѣхавъ на своемъ чудномъ конѣ, ударилъ копьемъ въ золотыя ворота, поднялъ ихъ на воздухъ и закричалъ:

Кіяне-громадо!
Погана ваша рада!
Коли бъ ви мене не отдали,
Поки світъ-сонця Татари бъ Кіева не взяли.

Онъ проѣхалъ сквозь татарское полчище, и враги не смѣли прикоснуться къ чудотворному герою; онъ провезъ золотыя ворота даже до далекаго Цареграда, и тамъ поставилъ ихъ. Они стоятъ тамъ уже много вѣковъ. Кто пройдетъ мимо ихъ и подумаетъ: не быть золотымъ воротамъ на прежнемъ мѣстѣ,— злато на нихъ и потускнѣетъ; а кто пройдетъ мимо ихъ и скажетъ: быть вамъ, золотыя ворота, на прежнемъ мѣстѣ, въ Кіевѣ—золото заблеститъ и засіяетъ. (Кост. Черты Южно-рус. нар. II).....

V.

Жизнь Южной Руси съ 1240 г., въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, полна страданій, о которыхъ даже не упоминаетъ исторія ... Знаемъ только, что Кіевъ *остолпила* сила татарская, что отъ скрипа телѣгъ нельзя было разслышать другъ-друга, и что въ окрестностяхъ Кіева находили множество череповъ и костей человѣческихъ (Плано-Карп. II, и сля.). Въ 1320 году Гедиминъ съ войскомъ, состоявшимъ большею частію *изъ Русскихъ*, взялъ Владиміръ Волын-

скій, Луцкъ, и бояре, собранные со всей земли, признали его княземъ. Въ слѣдующемъ году онъ двинулся къ Кіеву, гдѣ сидѣлъ какой-то Станиславъ, съ войскомъ, составленнымъ изъ Русскихъ и Татаръ; Гедиминъ разбилъ его, выгналъ Татаръ изъ Кіева и присоединилъ его къ Литовскому княжеству, къ которому въ 1340 г. присоединенъ былъ и древній Галичь. Въ это время вся земля Кіевская съ принадлежавшими къ ней днѣпровскими порогами и съ землею Переяславскою составляла одно удѣльное княжество, принадлежавшее Гедиминову внуку, Владиміру Ольгердовичу, возвращенное потомъ сыну его Александру (Олельку), а по немъ доставшееся сыну его Симеону Олельковичу, возобновителю церкви Печерской, въ которой онъ и погребенъ въ 1471 г. Въ это-то время Казиміръ. король польскій, отказавъ посадить въ Кіевѣ сына Симеонова Мартина, посадилъ туда воеводу съ Литвы, Мартина Гаштольда, Ляха. Кіевляне сначала не хотѣли принять его, «яко не токмо не князь бѣ, но болѣе яко Ляхъ бѣ,» но потомъ вынуждены были покориться. «И отселѣ, продолжаетъ лѣтопись, на Кіевѣ князи престаша быти, а вмѣсто князей воеводы насташа.» (П. С. Л. II, 358). Литовское владычество обновило одряхлѣвшій и разложившійся порядокъ Южной-Руси. Сложивъ южно-русскую жизнь, Литовцы оставили ей вѣру, право и языкъ, и, мало того, Южно-Русскій языкъ сталъ государственнымъ языкомъ, что продолжалось и при Польскомъ владычествѣ. Въ 1576 г. брацлавская шляхта, не смотря на то, что состояла изъ Католиковъ, била челомъ королю Стефану, чтобъ велѣно было писать къ нимъ *по-русски*, а не на польскомъ языкѣ. (См. А. З. Росс. III, 64). Самый Статутъ Литовскій нисколько не былъ Литовскимъ сочиненіемъ, а только дальнѣйшимъ развитіемъ древне-русскаго права. (Кул. Зап. о Юж. Рус. III. 215). Въ Литовскомъ Статутѣ, написанномъ на Русскомъ языкѣ, въ разд. IV, арт. 1, было поста-

новлено, что писарь земскій долженъ писать всѣ бумаги по-русски, словомъ и буквами русскими; въ Арт. 37, что воеводы и старосты избираютъ въ судьи и писаря только знающихъ право и грамоту русскую («в праве и писма русского уместнихъ»). И вотъ теперь судьбы міра выводятъ на позорище исторіи Южно-русскій народъ съ его теплымъ и свѣтлымъ христіанствомъ, народъ, невѣдавшій ни расколовъ, ни ересей,—чуждый всякой нетерпимости и фанатизма, необыкновенно богатый пѣснями, въ которыхъ слышится его доброе, любящее сердце, горячо преданное своей *матери Украинѣ*,—народъ умный и честный, не ничтожный народъ, а, напротивъ, *хранитель началъ высшей гражданственности* (Чорна Рада). Въ этомъ-то народѣ, по словамъ Русалки Днѣторовой (Будимъ, 1837) «душа русска була середъ Славянщины, якъ чиста слёза дівоча въ долони Серафима»...

При Гедиминовичахъ еще невидно было приднѣпровскаго козачества, которое становится извѣстнымъ только послѣ 1471 года, указаннаго выше, развивается при Сигизмундѣ 1-мъ (1506—1548), со времени гетьмана *Евстафія Ивановича Дашкевича* (1518—1536), и вступаетъ въ полную силу со времени несчастнаго присоединенія южной Руси къ Польшѣ въ 1569 году.—Тогда для Южно-русскаго народа опять наступило время борьбы *за Русскую землю*, и въ теченіе этой борьбы въ Южной Руси возникаютъ *просвѣщеніе* и *поэзія*....

(Продолженіе и окончаніе въ слѣд. кн.).

НУЖНО ЛИ РУКОВОДСТВО ПРИ ИЗУЧЕНІИ ЯЗЫКА ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ И ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ?

Ни одна изъ теорій,—даже и въ прежнее время, когда довѣрчиво увлекались ими,—не подвергалась такому гоненію, какъ теорія словесности. Никто, конечно, не сомнѣвается, что одна лишь теорія, безъ природныхъ способностей и безъ врожденнаго призванія, не можетъ сдѣлать поэтовъ, также какъ не дѣлаетъ ни художниковъ, ни артистовъ: никто, однако жъ, не станетъ и оспаривать, что, каковы бы ни были природныя способности и врожденное призваніе, безъ теоретическаго усвоенія основаній искусства и безъ практическаго къ нему приспособленія, дарованія заглохнутъ безслѣдно и усилія потратятся безуспѣшно, т. е. говоря проще и точнѣе, ни одно искусство, ни одно ремесло не можетъ обойтись безъ обученія и упражненія. Какая же была причина гоненія на теорію словесности еще въ ту пору, когда ее и не отрицали совершенно? Не иная, какъ неудовлетворительность ея! Причина же этой неудовлетворительности заключалась въ самомъ ея происхожденіи: она была сколкомъ неправильно понятаго ученія древнихъ наставниковъ краснорѣчія и еще хуже примѣненнаго къ требованіямъ нашего времени, при томъ же людьми далеко не столь даровитыми, какіе посвящали свои труды другимъ наукамъ. Не вдаваясь въ разборъ всѣхъ коренныхъ

недостатковъ прежнихъ системъ и курсовъ словесности, обратимъ отчасти вниманіе на одно обстоятельство.

Тогда какъ всѣ науки больше или меньше были разграничены между собою и каждая порознь имѣла опредѣленное содержаніе, одна теорія словесности справедливо была порицаема и осмѣиваема за то, что въ ней не были опредѣлены: ни предметъ, ни объемъ, ни содержаніе, ни даже употребленіе существенныхъ терминовъ, выражающихъ ея значеніе. Прежде смѣшивали ее съ діалектикой, педагогикой, филологіей (въ обширномъ значеніи humaniora studia), энциклопедіей (собственно такъ называемыхъ свободныхъ наукъ—liberalia studia), потомъ съ грамматикой, логикой, психологіей, эстетикой. Самую теорію словесности—то ограничивали тѣснымъ кругомъ въ строгіе законы заключеннаго и вѣками утвержденнаго ученія о различныхъ формахъ рѣчи,—то возводили ее въ исключительную сферу умозрительныхъ отвлеченностей,—то низводили до низшей степени чистой практики. Равнымъ образомъ термины: «словесность» и «литература» были камнями преткновенія для сочинителей различныхъ руководствъ къ изученію словесности; такъ первымъ называли и способность слова и высшее ея развитіе въ искуствѣ слова и, наконецъ, технику словеснаго искуства, т. е. самую науку слова; второй же или безразлично смѣшивали съ первымъ, разумѣя произведенія слова, или, ради пуризма, замѣняли первымъ, именуя Словесностью совокупность словесныхъ произведеній, увѣковѣченныхъ письменами, или, также какъ и первымъ, называли имъ науку слова въ обширныхъ предѣлахъ.

Точно также не была установлена и правильная точка взгляда на содержаніе и объемъ литературы: то ограничивали ее поэзіей и краснорѣчіемъ, присоединяя, какъ бы съ уступкою, исторію,—то обнимали всю сферу наукъ, искуствъ и знаній;—то начинали исторію умственнаго и художественнаго развитія съ зародыша языка, включая сюда все, что народъ не только написалъ, но и выгово-

ралъ,—то удостоивали вниманіемъ лишь сознательное проявленіе умственной и художественной дѣятельности народа, согласно съ его политическимъ положеніемъ. И все это еще систематическія и отчетливыя ошибки; сколько же было злоупотребленій самопроизвольныхъ и безсознательныхъ!—А что все это было такъ дѣйствительно, и еще недавно, свидѣтельствуютъ всѣ наши учебники теоріи словесности и исторіи литературы *).

Несомнѣнно, однакожъ, что успѣхи во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности человѣчества не минули и предмета настоящихъ изслѣдованій. Отчего же—весьма

*) Извѣстно, что первая славянская Риторика относится къ XI в., а отъ XVII и XVIII в. в., осталось много рукописныхъ Риторикъ латинскихъ и славянскихъ; но не о нихъ здѣсь рѣчь. Въ половинѣ XVIII в. Ломоносовъ, сочинившій первую русскую, а не славянскую, грамматику, далъ и первую русскую риторику, составлявшую начало обширнаго труда, въ которомъ онъ предполагалъ, но не успѣлъ, заключить полный курсъ такъ называемой теперь теоріи словесности. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе ста лѣтъ, безпрерывно, плодились учебники, а въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ особенно былъ на нихъ урожай; но всѣ они, безъ исключенія, страдаютъ объясненными здѣсь недостатками болѣе или менѣе. Подробно исчислять и разбирать ихъ здѣсь нѣтъ возможности и надобности. Достаточно замѣтить, что этою путаницей мыслей, понятій, словъ и выраженій въ опредѣленіи значенія и содержанія теоріи словесности и исторіи литературы, отличаются сочиненія нѣкогда знаменитыхъ нашихъ теоретиковъ и историковъ литературы, равно какъ наиболѣе распространенные учебники, начиная съ «Учебной книги Русской Словесности» Греча и его же «Опыта краткой исторіи Русской Литературы» до «Гимназическаго курса», составленнаго Давыдовымъ изъ «Риторикъ» Кошанскаго и «Курса Русской Словесности для учащихся» Зеленецкаго. Не лишнимъ еще присовокупить, что три представителя нашей критики въ свое время Полевой, Сенковскій и Бѣлинскій не разъ обстоятельно толковали и вѣрно опредѣляли значеніе терминовъ «словесность» и «литература», подробно объясняя кругъ и составъ теоріи словесности и исторіи литературы.

естественно спросить — въ новѣйшее время, когда филологія сдѣлала такіе громадные успѣхи, когда эстетика, — въ числѣ прочихъ изящныхъ искуствъ, заключающая въ себѣ и словесныя искусства, — освѣтилась и освѣжилась новыми взглядами теоретическими и практическими, а исторія литературы обогатилась многочисленными и разнообразными матеріалами фактическихъ подробностей, — отчего эти предметы на педагогической почвѣ нетолько не имѣютъ надлежащей опоры и постановки, но *въ систематическомъ видѣ* своемъ даже вовсе отрицаются и допускаются только, какъ *масса отрывочныхъ свѣдѣній*, пріобрѣтаемыхъ при практическихъ упражненіяхъ? — Но такое отношеніе новѣйшей педагогики къ этимъ предметамъ нѣсколько измѣняется; принявъ во вниманіе и соображеніе, что по уставу университетскому предметамъ этимъ, противъ прежняго, придано гораздо высшее значеніе и нѣкоторыя части ихъ, вовсе не составлявшія отдѣльныхъ предметовъ преподаванія, почтены самостоятельными каѳедрами, а гимназическими программами, въ которыя входитъ систематическое изложеніе ученія о родахъ и видахъ литратурныхъ произведеній, высшій курсъ грамматики Русскаго языка, требуется «основательное знаніе теоріи словесности», — мы видимъ, что *непосредственно практическая метода преподаванія* трактуемыхъ здѣсь предметовъ, *съ исключеніемъ вовсе теоріи*, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, не совершенно установилась и упрочилась, а возбуждаетъ опроверженія и, если принимается, то не безусловно, а соединяя непремѣнно съ практикой и теорію, значитъ, положительно признается необходимость учебниковъ *). Если же и предполо-

*) Не далеко ходивши, примѣръ этого можно найти въ самихъ «Филологическихъ Запискахъ», въ критической статьѣ редактора: «*О съѣздѣ учителей Русскаго языка и Словесности въ Казани въ іюлѣ 1866 г.*» (1867 г. выпускъ 1-й). Результатомъ этого съѣзда было мнѣніе объ объемѣ гимназическаго преподаванія Словесности, формулированное такъ: въ 5 классѣ— «ознакомленіе съ разнаго рода прозаическими сочиненіями посред-

жимъ несомнѣннымъ принципъ, что преподаваніе языкознанія, теоріи словесности и исторіи литературы должно быть въ высшихъ заведеніяхъ теоретическое, а въ сред-

---

ствомъ разбора произведеній руской литературы; понятіе о главныхъ родахъ поэзіи и изложеніе главнѣйшихъ видовъ и формъ эпоса, также по образцамъ отечественной литературы»; въ 6-мъ классѣ: «знакомство съ главнѣйшими видами и формами поэзіи лирической и драматической также посредствомъ разбора произведеній отечественной словесности»; въ 7 классѣ: «систематическое изложеніе исторіи русской словесности» — по составленной програмиѣ,—при окончательномъ чтеніи которой высказана была мысль, о необходимости учебника,» что ученики не могутъ обойтись безъ книги или записокъ, что учебникъ долженъ играть у нихъ роль справочной книги''—,,Изъ этого ясно видимъ—заключаетъ авторъ статьи—что *педагогика наша стала мало по малу колебаться въ томъ, можно ли учиться безъ книгъ?* Такъ Тихонравовъ, по поводу выпускнымъ экзаменовъ въ 3-й Московской гимназіи, на которыхъ онъ присутствовалъ, въ донесеніи своемъ говоритъ (см. Жур. Мин. Нар. Пр. 1867 г. январь: ст. «гимназіи» стр. 33): «считаю необходимымъ замѣтить это (что пособій ученики не имѣли) только для того, чтобы выразить крайнюю и настоятельную потребность въ учебномъ руководствѣ по русской словесности, безъ чего этотъ предметъ долго еще останется жертвою самаго жалкаго произвола и самыхъ противорѣчащихъ тенденцій»; въ подсрочномъ же примѣчаніи авторъ пополняетъ: «попечительскій совѣтъ Харьковскаго Учебнаго Округа, сознавая необходимость въ составленіи руководства по Словесности, соотвѣтсвенно современнымъ научнымъ и педагогическимъ требованіямъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что за составленіе лучшаго учебника слѣдуетъ назначить премію изъ специальныхъ средствъ всѣхъ гимназій.» Въ другомъ мѣстѣ редакторъ «Филологическихъ Записокъ», 1867 г. выпускъ VI, по поводу статьи «Поэтъ и поэзія, изъ уроковъ по Руской Словесности», замѣтилъ: «*при современомъ у насъ практическомъ направленіи Словесности, дѣльное и разумное пособіе, полагаемъ, никогда не можетъ быть лишнимъ; оно можетъ быть не нужно для преподавателя, но для учащихся оно положительно необходимо—какъ «выводъ» изъ практическихъ занятій и какъ «справочная книга»*.

нихъ практическое; то также естественно раждается вопросъ: можетъ ли практическое преподаваніе быть вполнѣ примѣнено на дѣлѣ и служить достаточнымъ приготовленіемъ къ дальнѣйшему преуспѣянію въ наукѣ на почвѣ теоретической?

Но здѣсь предстоитъ необходимость уяснить главные мотивы собственно практической методы преподаванія языкознанія, теоріи словесности и исторіи литературы, хоть приблизительно, по невозможности постановить въ ней твердыя основанія: такъ какъ безъ программы, безъ учебника, въ ней все почти зависитъ отъ дарованій, усердія и опытности наставника, а также отъ взгляда его нетолько на предметъ своего преподаванія, но и на множество предметовъ, входящихъ посредственно или непосредственно въ кругъ этого преподаванія, — не говоря уже о другихъ внѣшнихъ и случайныхъ условіяхъ.—Сокращая въ одну фразу опредѣленіе этой методы, можно сказать, что она состоитъ въ чтеніи разнаго рода литературныхъ произведеній; при чемъ объясняются: существенныя формы и свойства рѣчи, мѣстныя и временныя особенности языка, отличительныя качества литературнаго слововыраженія, различные роды и виды прозаическихъ и поэтическихъ произведеній, характеристики главнѣйшихъ писателей и главнѣйшихъ литературныхъ эпохъ. И хорошо, если бы это выполнялось такимъ образомъ, чтобы учащіеся, по окончаніи курса, могли усвоить себѣ точныя и обстоятельныя свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ предметахъ. Но возможно ли это,—не говоря уже о томъ, выполняется ли это?—Начать съ того, что усвоеніе передаваемаго зависитъ не только отъ того, кто передаетъ, но и отъ тѣхъ, которые воспринимаютъ: поэтому,—предполагая даже, что наставникъ захочетъ, съумѣетъ и успѣетъ передать ученикамъ всѣ вышеозначенные предметы,—возможно ли, чтобы всѣ они сохранились въ памяти учениковъ изъ одной устной бесѣды наставника и сложились въ умахъ ихъ въ стройной цѣлости, безъ руководительнаго, письменнаго или печатнаго, пособія?

Вѣдь ученики должны изъ всего, что говоритъ имъ наставникъ въ классѣ (не касаясь уже того, что имъ говорится) сами для себя извлекать существенное и, если хотятъ все то упрочить въ своей памяти, записывать: слѣдовательно, здѣсь напрасно тратится время и трудъ, да и все-таки не вполнѣ достигается цѣль, потому что всѣ ли учащіеся не только могутъ имѣть въ одинаковой степени охоту и умѣнье, но и достаточно ли имъ для этого времени, при другихъ занятіяхъ по этому и другимъ предметамъ преподаванія? Могутъ же быть и такіе случаи, что, по различнымъ причинамъ, ученики пропустятъ нѣкоторые — одни, а другіе—иные предметы, входящіе въ кругъ преподаванія. Какой же сумбуръ долженъ составиться въ памятныхъ тетрадкахъ учениковъ, а безъ тетрадокъ—въ головахъ ихъ! Если же наставникъ возьмется за пересмотръ и исправленіе этихъ тетрадокъ, то этотъ лишній трудъ отвлечетъ его отъ другихъ обязанностей, каковъ, въ томъ числѣ, и пересмотръ ученическихъ упражненій, сочиненій и переводовъ; а если наставникъ станетъ выдавать записки, — то во-первыхъ этимъ самымъ доказывается необходимость учебника, а во-вторыхъ о неудобствѣ и вредѣ записокъ такъ много было говорено и писано, что повторять здѣсь было бы излишне.

Обращаясь къ другой сторонѣ дѣла, то есть къ способу преподаванія, не станемъ касаться ни дарованій, ни усердія, ни опытности, ни же благонамѣренности наставника, а предположивъ все это въ самой достаточной и удовлетворительной степени, обратимъ вниманіе только на взглядъ наставника на свое дѣло въ частности, и образъ мыслей его вообще. Пословица говоритъ: «сколько головъ, столько умовъ». А сколько мы читали различныхъ мнѣній, печатныхъ и письменныхъ, и слышали устныхъ сужденій о пріемахъ преподаванія, о выборѣ образцовъ для чтенія, объ извлеченіи изъ нихъ особенно интересныхъ и необходимыхъ для усвоенія учащимися предметовъ! И сколько можетъ быть (или и есть),

въ этомъ отношеніи, разнообразныхъ и протирѣчащихъ способовъ, не высказанныхъ, а исполняемыхъ! Сколько можетъ быть здѣсь (не касаясь того, дѣйствительно ли бываетъ) произвола, увлеченія и, вслѣдствіе того, несоотвѣтственности истиннымъ цѣлямъ преподаванія! Остановимся нѣсколько хоть на одномъ обстоятельствѣ: изученіе словесности и литературы, выходя изъ предѣловъ своего назначенія, само становится не цѣлью, а средствомъ: такъ его дѣлаютъ какъ бы школой *умственно-нравственнаго* развитія учащихся, которое однако жъ достигается и можетъ быть достигнуто не одними только этими предметами, а совокупностью всего курса ученія, состоящаго изъ всѣхъ учебныхъ предметовъ, изъ которыхъ словесности и литературѣ принадлежитъ преимущественно развитіе *эстетическое*. А между тѣмъ собственно эстетическая сторона литературныхъ произведеній отходитъ на второй планъ и уступаетъ мѣсто сторонѣ или моральной или сціентифической, судя по тому, къ чему болѣе вліянія у наставниковъ, изъ которыхъ одинъ охотникъ до идей морально-соціальныхъ, другой—историко-политическихъ, третій—геологическихъ, физіологическихъ и такъ далѣе. Слѣдствіемъ этого и бываетъ (ибо и не можетъ не быть) навыкъ воспитываемыхъ въ легкомысленномъ отношеніи къ серьезнымъ вопросамъ и привычка ихъ къ пустословію—«о томъ, о семъ, а пуще ни о чемъ», это же ничѣмъ не лучше, а подчасъ можетъ сдѣлаться и хуже—*ребяческихъ сужденій* о предметахъ эстетическихъ и литературныхъ, которые,—какъ утверждаютъ,—усвоиваются воспитывающимися изъ теоріи словесности и исторіи литературы. Но довольно: цѣлью всего высказаннаго здѣсь было только показать, что изученію предметовъ настоящаго изслѣдованія навязывается роль, *отклоняющая отъ прямаго назначенія* этого изученія, на томъ основаніи, что предметы эти не заключаютъ въ себѣ *образовательныхъ элементовъ* и не могутъ составить *органической системы*.

Дѣйствительно ли же теорія словесности и исторія литературы,—до такой степени, какъ ихъ разумѣютъ въ наше время,—безпредметны, безсодержательны, безплодны и безполезны? Не вдаваясь въ подробности,—неумѣстныя въ этомъ краткомъ изложеніи,—достаточно лишь опредѣлить термины «словесность» и «литература»: тогда сами собой обнаружатся предметъ, объемъ и содержаніе теоріи словесности и исторіи литературы, равно какъ ихъ цѣль и значеніе. *Слово*, какъ органъ выраженія повседневныхъ общежитейскихъ дѣлъ и потребностей, равно высшихъ предметовъ, составляющихъ обширный и разнообразный міръ изящныхъ искусствъ, положительныхъ наукъ и всякаго рода знаній, называется *языкомъ*; изящныя произведенія словеснаго искусства именуются *словесностью*; а совокупность всей умственной производительности на языкѣ какого либо народа, увѣковѣченной письменами, образуетъ *литературу* въ обширномъ значеніи, въ тѣсномъ же значеніи каждая наука, знаніе и искусство могутъ имѣть свою литературу, или собственно называемую *библіографію*. Изслѣдованіе общихъ физіологическихъ основаній и частныхъ этнологическихъ видоизмѣненій языка есть языкознаніе, или *филологія*; изложеніе условій, при которыхъ творческія идеи осуществляются изящнымъ словомъ, въ художественныхъ произведеніяхъ, а также законовъ, по которымъ совершается это осуществленіе на искуственномъ языкѣ, разсматриваемомъ въ этомъ второмъ видѣ, съ точки зрѣнія эстетической, составляетъ *теорію словесности*; наконецъ обозрѣніе постояннаго развитія языка, хода литературной дѣятельности и состоянія образованности одного или многихъ народовъ, заключается *въ исторіи литературы* (которую нѣмцы отличаютъ отъ исторіи образованія подъ названіемъ Kultursgeschichte и, называя ее Geschichte der Literatur,—раздѣляютъ на двѣ части — Literär-geschichte и Literatur geschichte, т. е. внѣшнюю и внутреннюю исторію литературы). Изъ этого непосредственно вытекаютъ отношенія между собою филологіи, теоріи

словесности и исторія литературы, равно какъ этихъ частей ученія о словѣ и его проявленіяхъ къ другимъ отраслямъ вѣдѣнія: такимъ образомъ филологія пользуется пособіемъ физіологіи и этнографіи, также какъ теорія словесности пособіемъ логики, психологіи и эстетики, а исторія литературы имѣетъ тѣсную связь съ исторіей церковною, исторіей гражданскою и исторіей образованія вообще; но эта взаимнообразность и относительность не суть подчиненность или смѣшанность, подобно тому, какъ физика не можетъ обойтись безъ математики, исторія безъ географіи, философія входитъ въ непосредственный союзъ съ религіей,—но каждая изъ этихъ отраслей вѣдѣнія сохраняетъ свою самостоятельность и независимость.

Никто, конечно, не потребуетъ теперь объясненія *пользы* и *важности* трактуемыхъ здѣсь предметовъ изученія, какъ то водилось прежде въ учебникахъ всѣхъ наукъ и знаній; но не излишнимъ будетъ упомянуть,—не считая нужнымъ и возможнымъ въ настоящемъ случаѣ слишкомъ распространяться *) о *необходимости и интересѣ* собственно филологіи, теоріи словесности и исторіи литературы,—послѣ того какъ громадными трудами и остроумными открытіями геніальныхъ умовъ, занимавшихся изслѣдованіемъ слова и мысли,—составляющихъ одно нераздѣльное цѣльное свойство природы человѣка, какъ существа разумно-словеснаго,—языковѣдѣніе организовано въ науку, которая въ дальнѣйшемъ ея развитіи по проложенному пути сравнительнаго и историческаго языкознанія и современнымъ ихъ примѣненіямъ,—каковы лингвистическая палеонтологія и народная психологія,—обѣщаетъ результаты, какихъ мы, стоя еще какъ бы у предверія этой науки, и предвидѣть не можемъ;

*) Уже и потому, что о томъ, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, неоднократно трактовалось въ «Филологическихъ Запискахъ» и читатели ихъ могли ознакомиться съ современнымъ научнымъ состояніемъ предметовъ настоящаго изложенія.

когда политическая исторія дополняется и поясняется исторіей наукъ и искуствъ, подкрѣпляющихъ самую историческую достовѣрность событій,—исторія литературная не мыслима безъ отношенія къ духу времени, характеру народа и его, такъ сказать, нравственной жизни; когда тщательныя разработки народной поэзіи измѣнили совершенно существовавшій на нее взглядъ и теорія словесности изъ науки гипотетической дѣлается проблематическою. Все это факты и факты, во очію совершающіеся передъ нами, а потому и оспаривать ихъ, какъ очевидные, никто, вѣроятно, не станетъ.

Но могутъ возразить, что наука въ существенномъ ея значеніи, въ послѣднихъ выводахъ и въ особенныхъ примѣненіяхъ, есть дѣло *окончательнаго* изученія, совершающагося въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которому обученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ служитъ только *пріуготовленіемъ*. Здѣсь мы подходимъ къ вопросу, на который выше сдѣланъ намекъ: можетъ ли исключительное практическое пріуготовленіе быть достаточной подготовкой для полнаго усвоенія теоріи науки со всевозможными ея цѣлями? Извѣстно, что высшее преподаваніе состоитъ не въ сообщеніи фактическихъ свѣдѣній, которыми память должна предварительно запастись въ достаточной степени, чтобы этотъ мертвый матеріалъ могъ одухотвориться въ живомъ идеалѣ самостоятельной науки; на долю же реальной стороны преподаванія остаются здѣсь—сціентифическіе пріемы и историческія подробности постепеннаго хода науки, безъ которыхъ невозможно дальнѣйшее ея развитіе и многообразное примѣненіе. Эти-то фактическія свѣдѣнія пріобрѣтаются въ низшихъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ первыхъ общія элементарныя понятія получаются учащимися отъ наставника какъ бы безсознательно путемъ исключительно практическимъ; во-вторыхъ они дополняются необходимыми частностями и сознательно усвояются самодѣятельностію учащихся, подъ руководствомъ наставника *на прочномъ основаніи*, а это можетъ быть достигнуто

лишь при помощи *систематическаго указателя данныхъ науки*, который, въ сферѣ трактуемыхъ здѣсь предметовъ, и есть то, что называется грамматическимъ учебникомъ, теоріей словесности и исторіей литературы,— будетъ ли это въ формѣ христоматіи, курса, или просто программы... Такой указатель, въ отношеніи наставника, не стѣсняя педагогической свободы, въ практическомъ приспособленіи,—какъ важнаго условія успѣха преподаванія, —строгимъ ограниченіемъ теоретическаго содержанія, устранитъ произволъ, случайность и отрывочность, отклоняющія отъ прямаго назначенія преподаваемыхъ предметовъ; въ отношеніи же учащихся, не обременяя ихъ, какъ прежніе учебники, тяжелымъ игомъ безчисленныхъ опредѣленій, правилъ и формъ, препятствующихъ свободной ихъ самодѣятельности, послужитъ только необходимымъ пособіемъ для укрѣпленія въ ихъ памяти существенныхъ истинъ, основаній и явленій, необходимыхъ вообще для полнаго, твердаго и яснаго ознакомленія съ этой сферой вѣдѣнія, а въ частности для пріобрѣтенія (какъ выше замѣчено) достаточнаго запаса фактическихъ свѣдѣній, претворяемыхъ высшимъ преподаваніемъ въ гармоническое цѣлое науки, въ обширномъ значеніи этого слова.

Каковъ же можетъ и долженъ быть этотъ указатель?—вопросъ этотъ выходитъ изъ предѣловъ настоящаго изложенія, цѣль котораго (какъ показываетъ и заглавіе)—рѣшеніе вопроса: нужно ли руководство при изученіи языка, теоріи словесности и исторіи литературы? — Развѣ только не лишнимъ будетъ оговорить, что каковъ бы ни былъ объемъ и составъ этого руководства или руководствъ, они должны *согласоваться съ требованіями современной науки*. Въ примѣръ возьмемъ языкознаніе, которое, между прочимъ, требуетъ, чтобы первоначальное преподаваніе языка состояло въ единовременномъ развитіи въ учащихся мысли и слова, нераздѣльныхъ въ своей сущности, но чтобы оно было не искусственное, а соотвѣтственное

природнымъ понятіямъ, ощущеніямъ и впечатлѣніямъ дѣтей, выражаемымъ также свойственнымъ дѣтской природѣ словомъ во всей безъискуственной простотѣ: между тѣмъ какъ прежнее преподаваніе навязывало дѣтямъ чуждые и недоступные ихъ возрасту взгляды и чувства, также какъ и формы слововыраженія, что все вмѣстѣ съ раннихъ лѣтъ пріучало ихъ къ высокопарному резонерству; само собою, что при преподаваніи отечественнаго языка, вѣроятно, вездѣ уже вышли изъ употребленія прежніе грамматическіе учебники, учившіе языку искуственному, т. е. установленному въ литературномъ употребленіи, такъ что къ грамматическимъ правиламъ и формамъ тѣхъ учебниковъ не подходилъ и современный имъ литературный языкъ: они, конечно, замѣнены новыми грамматиками живаго языка, въ который входятъ всѣ элементы народной рѣчи и всѣ особенности и новизны, оправдываемыя употребленіемъ лучшихъ писателей. Точно также теперешнее практически-аналитическое преподаваніе языка противоположно прежнему догматически-синтетическому: прежде отвлеченныя правила подтверждались примѣрами, а нынѣ изъ наглядныхъ примѣровъ выводятся правила. Наконецъ этимъ требованіямъ языка соотвѣтствуетъ и выборъ статей для чтенія и разбора, равно какъ и темъ для упражненія въ сочиненіяхъ, согласно съ существенными цѣлями преподаванія и при соблюденіи главнаго условія, чтобы примѣры и задачи были разнообразны и занимательны въ такой степени, что могли бы интересовать учащихся: противъ этого особенно грѣшила прежняя метода преподаванія, наскучавшая учащимся такими примѣрами, которые даже для ихъ возраста были ничтожными и, утомляя ихъ упражненіями на темы, изъ которыхъ нельзя было выжать никакихъ мыслей и чувствъ, кромѣ подбора словъ, составленнаго изъ общихъ мѣстъ. Равнымъ образомъ современное направленіе теоріи словесности и исторіи литературы условливаетъ своего рода требованія, съ которыми должно согласоваться преподаваніе. Главное же правило, котораго должно держаться преподаваніе языка,

словесности и литературы состоитъ въ томъ, чтобы *существенныя цѣли преподаванія стояли на первомъ планѣ, а не подчинялись цѣлямъ второстепеннымъ*: таково литературно-эстетическое развитіе, которое содѣйствуетъ умственно-нравственному развитію учащихся, какъ выше замѣчено, въ общей совокупности воспитанія, направляемаго къ этимъ главнымъ его цѣлямъ.

Въ заключеніе остается замѣтить, что мы имѣемъ по языкознанію нѣсколько учебниковъ, составленныхъ согласно съ современнымъ состояніемъ науки о словѣ, равно какъ нѣсколько переводовъ важнѣйшихъ сочиненій знаменитыхъ европейскихъ языкѣвѣдовъ, а по исторіи всеобщей литературы довольно полную компиляцію, къ сожалѣнію ограниченную только древней литературой, и не мало переводныхъ сочиненій, извѣстныхъ въ современной европейской литературѣ; по отечественной же литературѣ до сихъ поръ вышла половина капитальнаго труда, кромѣ краткихъ руководствъ, правду сказать, неудовлетворительныхъ, да болѣе или менѣе обширныхъ и серьезныхъ изслѣдованій и монографій. Теорія словесности не можетъ и этимъ похвалиться; но мы не можемъ упускать изъ виду,—какъ недавно еще у насъ на почвѣ языковѣдѣнія принялись сѣмена новыхъ методъ, возникшихъ изъ современныхъ ученій сравнительнаго и историческаго языкознанія, смѣнившихъ вѣками укрѣпленные предразсудки древней филологіи,—какъ еще недавніе французскіе доктринеры, въ качествѣ историковъ литературы, уступили мѣсто нѣмецкимъ ученымъ. А между тѣмъ европейская литература не имѣетъ недостатка ни въ сочиненіяхъ по эстетикѣ, теоріи и исторіи искусствъ вообще, ни въ частности, критико-историческихъ трактатахъ о разныхъ родахъ поэзіи въ ихъ проявленіи у разныхъ народовъ. У насъ все и всегда начиналось переимчивостью по весьма естественнымъ причинамъ, что другіе народы опередилили насъ во всѣхъ проявленіяхъ

умственной жизни: въ педагогикѣ намъ, пока, достаточно умное заимствованіе чужой опытности, соединенное съ удачнымъ примѣненіемъ къ условіямъ нашего образованія.

П. М.

О ЗНАЧЕНІИ ДРЕВНИХЪ КЛАССИЧЕСКИХЪ И НОВѢЙШИХЪ ЯЗЫКОВЪ ВЪ РУССКИХЪ КЛАССИЧЕСКИХЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

Рѣчь, произнесенная на актѣ въ Воронежской гимназіи 3-го Октября 1868 г.

Мм. Гг!

Въ началѣ учебнаго 1865 года вступилъ въ дѣйствіе новый Уставъ, Высочайше утвержденный, на основаніи котораго, вмѣстѣ со многими другими, преобразовалась и наша Воронежская Гимназія въ классическую. Такое коренное преобразованіе, только что пустившее корни въ нашей гимназіи, не могло въ этотъ короткій промежутокъ времени довести успѣхи до тѣхъ благопріятныхъ результатовъ, которые правительство имѣло въ виду и которые довольно ярко характеризуютъ гимназіи Германіи, а отчасти Англіи. Классическія гимназіи этихъ странъ —вѣковыя учрежденія, въ которыхъ искони процвѣтали классическія языки—учрежденія, въ которыхъ еще въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія, ученики гимназій болѣе были знакомы съ ученіемъ Сократа, Платона и Аристотеля, нежели съ открытіями Кювье, Лавуазье, Гумбольдта и другихъ натуралистовъ, положившихъ основаніе всѣмъ отраслямъ естествовѣдѣнія. Изъ описательныхъ отдѣловъ естествовѣдѣнія проходилась только самая элементарная

ботаника, по системѣ Линнея, которая въ младшихъ классахъ служила невинною, но безплодною забавою. Даже, когда естествовѣдѣніе трудами Либиха, Розе, Матисерлиха, Рейхенбаха и многихъ другихъ пустило глубокіе корни въ университетахъ и привело къ изумительнымъ результатамъ промышленности и мануфактуры и къ громаднымъ переворотамъ въ матеріальной жизни народовъ— даже тогда германскія гимназіи, хотя не безвременнаго колебанія, съумѣли отстоять вѣковой свой характеръ общеобразовательныхъ заведеній безъ спеціальныхъ цѣлей. Образовались, рядомъ съ классическими, такъ называемыя, реальныя гимназіи, но не для вступленія молодыхъ людей въ университетъ, а для приготовленія ихъ къ спеціальнымъ цѣлямъ промышленности, фабрикъ, мануфактуръ, садоводства, лѣсоводства и т. под., требовавшихъ въ то время болѣе обширныхъ свѣдѣній по естественнымъ наукамъ, нежели какія можно было пріобрѣсти въ народныхъ школахъ. Для нашихъ преобразуемыхъ гимназій требуется еще значительное время, чтобы благая цѣль Правительства, оставившаго систему реальнаго многоученія и усвоившаго взглядъ германскихъ педагоговъ, могла быть достигнута, и поэтому вмѣсто того, чтобы безполезно ратовать о недостиженіи до сихъ поръ вожделѣнной цѣли, мы должны разъяснить себѣ цѣль, къ которой должны стремиться, и средства, которыя должны вести насъ къ этой цѣли.

Преобразованіе нашихъ гимназій главнымъ образомъ состоитъ въ ограниченіи объема естествовѣдѣнія и во введеніи или усиленіи преподаванія древнихъ языковъ, и потому, въ этотъ торжественный для Воронежской гимназіи день, я буду имѣть честь, Мм. Гг. изложить значеніе и цѣль преподаванія въ гимназіяхъ древныхъ классическихъ языковъ и новѣйшихъ—Французскаго и Нѣмецкаго. Я сочту себя счастливымъ, если мнѣ удастся, сообщеніемъ моихъ мыслей содѣйствовать къ болѣе вѣрному взгляду на этотъ предметъ, занимавшій въ продолженіе многихъ лѣтъ и занимающій еще теперь весь педагогическій міръ Россіи.

Польза отъ изученія иностранныхъ языковъ, какая можетъ достигаться въ нашихъ гимназіяхъ, главнымъ образомъ двоякая: культурная и формально-образовательная. Я начинаю изложеніемъ первой. Въ числѣ историческихъ народовъ мы встрѣчаемъ такіе, которые промышленностью, науками, искусствомъ и хорошимъ устройствомъ гражданской жизни опередили другихъ,—народы, въ культурѣ которыхъ сосредоточивалось образованіе современныхъ и отжившихъ народовъ, какъ солнечные лучи въ зажигательномъ зеркалѣ. Такимъ народомъ былъ древній Греческій. Счастливое совпаденіе благопріятныхъ обстоятельствъ, но еще болѣе дѣятельность и даровитость самаго народа, сдѣлали его представителемъ культуры всего древняго міра, сосредоточенной въ немъ и возвышенной имъ. Теплый, но умѣренный климатъ, географическое положеніе, способствовавшее торговлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ограждавшее ее отъ властолюбія сосѣдей, пріобрѣтенное торговлею благосостояніе и превосходное гражданское и политическое устройство, представлявшее народу и его племенамъ свободу дѣйствія и идей, возбуждали кипящую, умственную жизнь, возбуждали любовь къ поэзіи, искусствамъ и наукамъ, и сдѣлали Греческій народъ первенствующимъ во всемъ древнемъ мірѣ. Даже послѣ утраты политической самостоятельности, Греція оставалась центромъ образованія, Греческій языкъ и греческая культура сдѣлались господствующими далеко за предѣлами страны. Въ чемъ же именно состоитъ это превосходство греческой культуры?—Оно состоитъ во 1-хъ въ удивительной логичной точности и твердости, которыя отражаются на всѣхъ прозаическихъ произведеніяхъ и положили основаніе философической методѣ и отчасти другимъ наукамъ, особливо математикѣ, во 2-хъ въ удивительной поэтической способности и общечеловѣческихъ воззрѣніяхъ этого народа. Изумительна въ самомъ дѣлѣ эта простота и логичность греческаго слога. Вы въ немъ не найдете ни одного лишняго слова, ни одного неумѣстнаго эпитета, ни одной неясной метафоры—недостатки, которыми такъ изобилуетъ слогъ многихъ авторовъ

новѣйшихъ народовъ. Древній Грекъ говорилъ только то, что онъ хотѣлъ сказать, и онъ высказывалъ это ясно и коротко. Греческое прозаическое изложеніе всегда разумно, его заключенія логичны и чужды намѣренія произвести ложный эффектъ,—второй недостатокъ многихъ писателей новѣйшихъ народовъ, особливо французовъ. Убѣдить—вотъ торжество греческаго писателя. Этотъ здравый образъ мышленія есть причина превосходства ихъ языка, который чрезвычайно богатъ корнями, производными и сложными словами и формами флексій, а, съ другой стороны, это превосходство языка способствовало процвѣтанію и усовершенствованію наукъ, особливо философіи и всѣхъ тѣхъ отраслей человѣческихъ свѣдѣній, которыя менѣе основываются на эмпиризмѣ, т. е. наблюденіи надъ внѣшнимъ міромъ и выводѣ изъ него законовъ, чѣмъ на созерцаніи внутренняго, умственнаго міра. Такъ какъ для успѣшнаго развитія наукъ необходимы безпрерывныя наблюденія и труды всѣхъ тружениковъ науки и всѣхъ странъ и вѣковъ, то нельзя ожидать блистательныхъ успѣховъ науки отъ одного только народа, какъ бы ни былъ онъ даровитъ и развитъ.

Нигдѣ такъ ярко не обрисовывается наивный человѣкъ въ единствѣ съ природою; нигдѣ такъ ярко не выдается человѣческое достоинство безъ помощи науки, какъ въ древнемъ греческомъ мірѣ. *Древній Грекъ* жилъ въ полномъ единствѣ съ прекрасною, его окружающею природою; внутренній міръ его идей сосредоточивался въ природѣ и въ реальной жизни, чѣмъ и объясняется та спокойная объективность, которую мы замѣчаемъ въ Гомерѣ. Культура не разъединяла ихъ въ значительной степени отъ природы, какъ и гражданская жизнь не допускала и не производила такого различія въ слояхъ общества, съ такимъ различіемъ образованія и воззрѣнія, которое характеризуетъ новѣйшія времена, а потому и въ поэзіи вполнѣ у нихъ могло совершиться соглашеніе идеальной жизни съ реальною. Доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что въ древней Греціи не

существовало различія между искусственною и народною поэзіею, что составляетъ главный характеръ новѣйшей поэзіи. И въ самомъ дѣлѣ, поэзія, даже самыхъ образованныхъ вѣковъ Греціи, была и оставалась общимъ неотъемлемымъ достояніемъ всего греческаго народа; и простолюдинъ слушалъ на Олимпійскихъ, Коринѳскихъ и другихъ играхъ, великія трагедіи Софокла и Эсхила съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ онъ смотрѣлъ на доблести гимнастовъ и состязанія колесницъ. Но мы не имѣли полнаго понятія о достоинствѣ греческой поэзіи, еслибы оставили безъ вниманія другой необходимый элементъ поэзіи и каждаго искуства—изящество. Подъ изяществомъ разумѣю я употребленіе тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ каждое произведеніе искусства достигаетъ высшаго значенія т. е. быть прекраснымъ и тѣмъ удовлетворять требованіямъ нашихъ чувствъ въ высшемъ значеніи слова. Поэтъ, какъ бы онъ ни представлялъ хорошо и вѣрно реальность жизни, не можетъ удовлетворить насъ, если онъ не переноситъ собственную свою прекрасную натуру на представляемый имъ предметъ,—когда онъ не умѣетъ соблюдать необходимыя условія того рода поэзіи, который онъ выбралъ,—когда онъ не съумѣетъ соблюдать той гармоніи и симметріи, которыя суть необходимыя свойства всякаго организма и всякаго произведенія искусства. Въ этомъ отношеніи древніе Греки дали намъ образцы, не только для всѣхъ родовъ поэзіи, но и для всѣхъ родовъ искусства. Національныя поэмы, Иліада и Одиссея, имѣющія основаніемъ великія національныя событія, трагедіи Софокла, Эсхила и Еврипида, съ своею идеею о неизбѣжности рока—оба эти рода поэзіи суть такія величественныя произведенія, въ сравненіи съ которыми почти исчезаютъ полныя комизма и игривости комедіи Аристофана и лирическія произведенія Анакреона, Сафо и другихъ. Наконецъ, при томъ устройствѣ гражданской жизни Грековъ, по которому всѣ гражданскія и политическія дѣла рѣшались открыто и гласно, не можетъ не удивлять насъ то совершенство ораторскаго искусства, къ которому будущіе государственные

люди готовились съ самаго ранняго возраста. Демосеенъ навсегда будетъ служить образцомъ того краснорѣчія, которымъ ораторъ, одною только силою логики и выводовъ, достигаетъ предполагаемой имъ цѣли. Таковъ былъ греческій міръ и его культура.

Къ западу отъ Греціи, но нѣсколькими столѣтіями позже, возникъ другой народъ, занимавшій въ началѣ ничтожное пространство, но вмѣщавшее въ себѣ богатые элементы для развитія въ будущемъ, имѣвшій не менѣе вліянія чѣмъ Греція на весь міръ, но съ различнымъ во всѣхъ отношеніяхъ характеромъ: я разумѣю народъ Римскій. Этотъ народъ былъ твердаго, почти суроваго характера, былъ воинственъ, но практиченъ во всѣхъ отношеніяхъ и, до знакомства съ Греціей и ея культурою, не оказывалъ способностей къ поэзіи и искусствамъ, и если проявлялись онѣ, то тотчасъ были поглощаемы суровостью политической жизни. Постоянная борьба съ внѣшними врагами, изъ которой онъ почти всегда выходилъ побѣдителемъ, съ расширеніемъ своего владычества, какъ борьба внутренняя между аристократами и плебеями, которая привела наконецъ къ анархіи и къ уничтоженію республиканской формы правленія—всѣ эти обстоятельства неблагопріятствовали процвѣтанію поэзіи и искусствъ; но за то Римляне быстро усвоили себѣ все то, что только имѣетъ практическое примѣненіе: кораблестроеніе, военное искусство, солидную архитектуру и т. п. Они хотя и полюбили впослѣдствіи произведенія искусствъ, но болѣе для роскоши и для украшенія домашняго и общественнаго быта, чѣмъ по собственному призванію; они предпочитали брать памятники искусствъ у другихъ народовъ, а не производить ихъ собственнымъ своимъ трудомъ и искусствомъ. Изъ литературныхъ произведеній, до знакомства съ Греціей и ея культурою, мы встрѣчаемъ у нихъ только ораторскую рѣчь, необходимое слѣдствіе устройства ихъ гражданской жизни, но еще безформенной и безъ изящества, и исторію, но больше подъ формою сухихъ анналовъ. Завоевавъ же древній міръ, и

сообщивъ ему свою культуру, на сколько этого требовали ихъ интересы, Римляне не могли противостоять вліянію греческой культуры, явленіе, которое довольно часто встрѣчается въ исторіи. Римляне знатныхъ фамилій стали изучать Греческій языкъ, греческую культуру, стали съ этой цѣлью посѣщать Грецію и нанимать для своихъ дѣтей греческихъ учителей,—словомъ: греческая культура въ нѣкоторой степени стала сливаться съ Римской. Слѣдствіемъ этого знакомства съ греческою культурою было процвѣтаніе литературы такъ называемаго золотаго вѣка. Цицеронъ придавалъ рѣчамъ своимъ все изящество Демосѳеновыхъ рѣчей; Горацій, хотя поэтическій эпикуреецъ, доказалъ своими одами и сатирами, къ какой силѣ и гибкости способенъ Латинскій языкъ.

Но если большая часть римскихъ писателей чужди идеальнаго направленія, за то они имѣютъ для насъ, особливо для молодыхъ людей, весьма большое значеніе во 1-хъ въ отношеніи строгой логичности при замѣчательной краткости и сжатости слога, а во 2-хъ по причинѣ ихъ нравственнаго направленія.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманіе историческія изслѣдованія, изложеніе которыхъ сдѣлалось уже прагматическимъ, отчасти даже философическимъ, также басни, какъ напр: Федра, нравственно—философскія диссертаціи, особенно Цицерона, и сатиры, какъ напр. Горація, Ювенала, Луціана и другихъ.

Наконецъ, великая Римская имперія, уже разслабленная раздѣленіемъ на двѣ половины и разстерзанная раздорами своихъ повелителей и военнымъ деспотизмомъ, не могла устоять противъ напора многочисленныхъ, свѣжихъ, храбрыхъ, но полудикихъ племенъ Германцевъ. Она рушилась, и на ея развалинахъ образовались новыя государства совершенно другаго характера. Великая культура древняго міра, за исключеніемъ небольшой Восточной имперіи, изчезла вездѣ подъ мракомъ невѣжества

Только христіанское духовенство сохранило слабую тѣнь древняго образованія, подъ формою сухой схоластики и враждебнаго къ поэзіи догматизма. Феодальная система новыхъ государствъ, безпрерывныя войны изъ-за династическихъ интересовъ и двусмысленное положеніе западнаго духовенства подъ династіею властолюбивыхъ папъ много препятствовали процвѣтанію поэзіи и искуствъ. Проходя молчаніемъ почти цѣлое тысячелѣтіе, въ которомъ мы встрѣчаемъ только поэзію трубадуровъ съ односторонними стремленіями и воззрѣніями одного только класса народа, германскій эпосъ, не имѣющій еще изящной формы, я перехожу къ періоду реформаціи, или возрожденія наукъ. Ознакомленіе съ культурой древнихъ, сперва въ Италіи, по причинѣ сосѣдства Греціи, а потомъ и въ остальной Западной Европѣ возпроизвело новую эру въ жизни народовъ. Учреждены были университеты и школы, въ которыхъ науки, особливо философія, пріобрѣли твердое основаніе въ наукахъ древнихъ, и книгопечатаніе распространяло новыя идеи во всѣ слои общества. Съ тѣхъ поръ наука шла впередъ, медленно, но безъ препятствій, а поэзія шла различнымъ путемъ, отчасти по причинѣ различныхъ политическихъ и нравственныхъ вліяній, а больше еще по причинѣ того различія въ усердіи, съ которымъ образованные классы народовъ относились къ изученію поэзіи древнихъ, я ставлю себѣ задачею съ этой точки зрѣнія подвергнуть критикѣ поэзію французовъ и нѣмцевъ, языки которыхъ входятъ въ программу гимназическаго курса.

Въ то время, когда Германія переживала слѣдствія религіозныхъ войнъ и страдала отъ раздробленія на множество мелкихъ государствъ, находящихся въ весьма слабой связи къ верховной власти императоровъ, во Франціи уже уничтожены были послѣдніе слѣды феодализма, объединеніемъ всѣхъ провинцій въ одно могущественное государство. Прежде могущественные вассалы сдѣлались покорными царедворцами, и централизація власти, въ рукахъ властолюбиваго Людовика XIV, оправ-

дывали его слова: «L'état c'est moi»! Военная слава французскаго вѣнценосца, покровительство, оказываемое имъ наукамъ и искусствамъ, а больше всего возвышеніе національнаго чувства, всѣ эти обстоятельства благопріятствовали процвѣтанію литературы. Французскій языкъ сдѣлался моднымъ языкомъ, языкомъ царедворцевъ, высшихъ слоевъ общества и дипломатовъ, чѣмъ онъ и остался до настоящей минуты. Признавая вполнѣ необходимымъ международное нарѣчіе и сознавая съ полнымъ убѣжденіемъ, что Французскій языкъ болѣе другихъ способенъ быть дипломатическимъ языкомъ, не только по характеру изысканной вѣжливости, которую ему придавало вѣковое его употребленіе въ высшихъ сферахъ общества, но по причинѣ своей опредѣленности и законченности, я съ другой стороны, не могу не согласиться съ тѣмъ приговоромъ, который основательная критика произнесла надъ такъ называемымъ классическимъ періодомъ французской поэзіи, а именно: что она не заслуживаетъ этого названія и того уваженія, которымъ пользовалась она у современниковъ. Всѣмъ извѣстно состояніе французскаго двора и высшихъ классовъ общества въ царствованіе Людовика XIV, регента, принца Орлеанскаго и Людовика XV. Поэзія этого времени не могла быть наивна, но только искусственно—идеальна; но такъ какъ поэтъ всегда образуетъ свой идеалъ по мѣрѣ своего нравственнаго достоинства, то и поэзія того времени вполнѣ носитъ отпечатокъ этихъ неудачныхъ попытокъ,—согласить идеалъ съ реальностью чистой, человѣческой натуры, а потому не можетъ имѣть общечеловѣческаго значенія. Лучшія поэтическія произведенія того времени по этому имѣютъ нѣчто притворное и шагаютъ не на котурнѣ, а на ходуляхъ. Французы домогались только одной внѣшней формы прекраснаго, т. е. изящества, и не понимая вѣчныхъ законовъ поэзіи, они этимъ свойствомъ старались вознаградить отсутствіе внутренняго поэтическаго достоинства.

Этимъ объясняется то свойство французскаго ума,

который я, за неимѣніемъ соотвѣтствующаго термина, называю французскимъ именемъ «esprit.», то есть то умѣнье высказывать не только важныя, но и самые ничтожныя вещи интереснымъ образомъ, остроумно и эффектно. Эта мѣткость французскаго ума и слога имѣютъ много привлекательнаго, въ особенности въ общественной жизни, но она не можетъ вознаградить ложнаго направленія поэзіи, потерявшей, такъ сказать, почву подъ ногами. При такомъ направленіи поэзіи, не смотря на многія хорошія стороны, французская поэзія послѣдующаго періода, безъ серьезнаго изученія классическихъ образцовъ и законовъ критики, должна была пасть еще на степень ниже и потерять всякое право на вниманіе современниковъ.

Германская и англіяская поэзія хотя и развились позже, чѣмъ французская, но за то на болѣе прочномъ основаніи, т. е. на классицизмѣ. Жалкую картину представляла Германія по окончаніи тридцатилѣтней войны, когда во Франціи уже начала процвѣтать поэзія. Провинціи, опустошенныя войною, еще дымящіяся пожарища прежде цвѣтущихъ городовъ, одичалый народъ, уничтоженныя промышленность и торговля, отсутствіе политическаго единства и ослабленіе національнаго чувства—вотъ картина Германіи въ началѣ второй половины XVII столѣтія. Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ умолкла поэзія. Народъ своимъ трудомъ хотя и началъ оправляться отъ бѣдствій войны, но народная поэтическая жизнь уничтожена была надолго. Тогда въ образованныхъ классахъ общества поэзія древнихъ замѣняла народную нѣмецкую, какъ и наука основывалась на наукѣ древнихъ, въ особенности философія. Великіе мыслители, какъ Вольфъ, Лейбницъ, Кантъ и другіе, положили философію въ основаніе всѣхъ наукъ; философская метода проникла во всѣ предметы преподаванія въ университетахъ и гимназіяхъ. Сердца молодыхъ людей согрѣвались истинною поэзіею древняго міра, особливо Грековъ, и ихъ умы крѣпли и просвѣщались изученіемъ

философіи, этой науки всѣхъ наукъ. Такъ созрѣвало нѣмецкое образованіе на основаніи древняго міра, и, когда соціальные идеи XVIII столѣтія произвели великое броженіе въ умахъ и сердцахъ всего міра, тогда эта новая эра въ жизни народовъ не могла приводить въ заблужденіе уже окрѣпшіе умы, но могла только плодотворно дѣйствовать на развитіе поэзіи.

Великіе критики, какъ Винкельманъ, Бодмеръ а въ особенности Лессингъ, показывая значеніе поэзіи и условія изящнаго, останавливали писателей на ложномъ пути. Такъ нѣмецкая поэзія, послѣ менѣе замѣчательныхъ произведеній, въ продолженіе одного столѣтія, внезапно поднялась до высокой степени, по содержанію и изяществу. Начертаніе, даже самое краткое, достоинствъ и значенія главныхъ поэтовъ Германіи чрезмѣрно утомило бы ваше вниманіе, и потому я замѣчу только, что Германія не оставила безъ вниманія лучшія поэтическія произведенія у другихъ наровъ, какъ напр: Данте, Аріоста, Кальдерона, Сервантеса, Мильтона и въ особенности Шекспира. Ихъ произведенія были переведены или преложены на Нѣмецкій языкъ, и германская поэзія, въ нѣкоторомъ смыслѣ, сдѣлалась универсальной; и эта универсальность не ограничивалась усвоеніемъ произведеній замѣчательныхъ поэтовъ Европейскаго запада, но и древне-европейскаго, персидскаго, древне-индѣйскаго и другихъ народовъ, поэзія и культура которыхъ сдѣлалась намъ доступна трудами филологовъ, преимущественно же германскихъ. Классическій періодъ принесъ Германіи богатые плоды. Всѣ великіе поэты сдѣлались достояніемъ всего народа, возвысили его вкусъ и его нравственность. Въ послѣдовавшій затѣмъ періодъ до настоящаго времени, конечно, замѣчаются различныя направленія поэзіи, изъ которыхъ романтизмъ, безъ сомнѣнія, не самое лучшее явленіе; но вообще можно безъ преувеличенія сказать, что не многіе народы такъ проникнуты духомъ истинной поэзіи, какъ нѣмецкій. Даже въ романѣ, этой простѣйшей формѣ эпоса, проявляется въ настоящее время

болѣе здравый вкусъ и стремленіе къ объективности, съ избѣжаніемъ соціальныхъ идей французскихъ, какъ и скучной растянутости англійскихъ романовъ; и при этомъ направленіи поэзіи съ одной, и возрастающемъ уровнѣ народнаго образованія съ другой стороны, можетъ быть, совершится процессъ слiянія искусственной поэзіи съ народною въ одну общую національную.

Если мнѣ удалось, Мм. Гг. раскрыть передъ вашими глазами, вѣрную картину культуры, въ особенности поэзіи древняго міра, и поэзіи Франціи и Германіи, то надѣюсь согласитесь и въ томъ, что безъ явной нужды мы не должны лишать себя этого великаго элемента образованія, который представляетъ намъ изученіе древнихъ классическихъ и классическихъ нѣмецкихъ поэтовъ; французской литературѣ, съ точки зрѣнія истинной поэзіи, не могу придать большаго значенія. Истинная поэзія возбуждаетъ любовь къ прекрасному, которое неразлучно съ прекраснымъ и благороднымъ; истинная поэзія есть потребность каждаго благороднаго человѣка, который старается, сознательно или безсознательно, возвыситься надъ окружающимъ его реальнымъ міромъ; поэтому мы должны дать возможность молодому поколѣнію изучить и созерцать истинно прекрасную поэзію.

Насколько возможно, я старался объяснить вамъ, Мм. Гг. что Римляне не стыдились учиться у побѣжденныхъ ими Грековъ, и на сколько серьезно и съ какимъ успѣхомъ отнеслись къ дѣлу ученія; я старался доказать, какъ Германцы съ большимъ усердіемъ и сознаніемъ отнеслись къ культурѣ классическихъ народовъ и какіе богатые плоды внесли изъ этого въ свою народную жизнь; я старался, наконецъ, доказать, что при всемъ моемъ уваженіи къ національности и мѣткости французскаго ума, я не могу скрыть, что французы не умѣли разработать и усвоить истиннаго классицизма и вслѣдствіе этого не могутъ имѣть особеннаго значенія для русскаго молодаго по-

коленія. Нѣтъ сомнѣнія, что и мы можемъ и должны учиться такимъ же путемъ, воспринимая въ отношеніи къ изящному, лучшіе образцы, не только классическихъ народовъ, но и тѣхъ изъ новѣйшихъ, которые ознаменовали свое поэтическое достоинство, не для того, чтобы измѣнить или изуродовать народный характеръ, а для того, чтобы возвысить и облагородить его.

Теперь остается еще присовокупить нѣсколько словъ относительно наукъ, которыя, при обозрѣніи новѣйшихъ временъ, я оставилъ безъ вниманія. Искусство представляетъ міръ, какъ онъ существуетъ по нашему соображенію,—наука же, какъ и по какимъ законамъ онъ с ществуетъ; условія для искусства лежатъ въ насъ самихъ, условія же для наукъ внѣ насъ; достоинство произведеній искусствъ обусловливается даровитостью и характеромъ поэта и художника, успѣхъ наукъ обусловливается постояннымъ наблюденіемъ внѣшняго міра, трудами всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ. Поэтому въ настоящее время наука сдѣлалась достояніемъ всего міра, и мы не можемъ обойтись безъ знанія языковъ современныхъ культурныхъ народовъ, чтобы воспринимать отъ нихъ и усвоивать себѣ результаты, достигнутые ими въ области наукъ. При очевидной невозможности изучать языки всѣхъ культурныхъ народовъ, мы должны выбрать тѣ языки, которые въ отношеніи наукъ, вознаграждаютъ нашъ трудъ въ болѣе обширномъ размѣрѣ. Такую пользу доставляетъ намъ знаніе языковъ Французскаго и Нѣмецкаго, особливо послѣдняго, потому что новѣйшіе результаты наукъ, гдѣ бы они ни проявлялись, посредствомъ перевода тотчасъ воспринимаются нѣмецкими учеными. Наука древнихъ въ настоящее время, конечно не имѣетъ большаго значенія для насъ, за исключеніемъ впрочемъ философіи, т. е. той науки, которая разсматриваетъ міръ идей безъ помощи эмпиризма. Со временъ Аристотеля философія сдѣлала мало успѣховъ до самаго Канта, который придалъ системѣ Аристотеля только болѣе прочное основаніе, соединивъ идеализмъ Платона съ реализ-

момъ Аристотеля. Строгая философическая система, конечно, не дѣло гимназіи, но метода Сократа и Платона, представляющая юный періодъ философіи, не только доступна юному возрасту, но даже весьма полезна для него и чтеніе не только греческихъ, но и римскихъ философическихъ сочиненій имѣетъ для этого возраста большое преимущество передъ чтеніемъ новѣйшихъ, къ которому наши ученики еще не приготовлены. Множество встрѣчающихся въ нихъ техническихъ терминовъ различныхъ философическихъ, соціальныхъ и вообще научныхъ системъ, недоступныхъ еще нашимъ ученикамъ, имѣетъ весьма вредное вліяніе на ихъ образъ мышленія. Они пріучаются преждевременно, а потому безсознательно, употреблять подобныя выраженія, результатомъ чего бываетъ то пустословіе и фразерство, которое мы замѣчаемъ даже у людей, называемыхъ образованными. Вообще, въ дѣлѣ педагогики весьма раціонально итти тѣмъ путемъ, который мы замѣчаемъ въ развитіи человѣческаго рода. Для юнаго возраста—небольшой міръ понятій и идей, съ строгимъ логическимъ изложеніемъ, для зрѣлаго возраста—полная научная система.

Обозрѣвая все изложенное мною выше, я прихожу къ тому заключенію, 1) что древніе классическіе языки необходимы для нашихъ гимназій, потому что они представляютъ намъ совершеннѣйшіе образцы всѣхъ родовъ поэзіи и того рода прозаическаго изложенія, который болѣе доступенъ нашимъ ученикамъ; 2) что Французскій языкъ не имѣетъ для насъ этого значенія въ отношеніи поэзіи, и полезенъ болѣе въ отношеніи науки,—и наконецъ, 3) что Нѣмецкій языкъ полезенъ для насъ въ томъ и другомъ отношеніи.

Можетъ быть, нѣкоторые скажутъ, что переводы могутъ замѣнять намъ подлинники и что, поэтому, можно обойтись безъ изученія столь многихъ, отчасти трудныхъ языковъ. На это отвѣчаю: относительно поэтическихъ произведеній никакой переводъ не можетъ передать намъ

этой прелести, которою отличается подлинникъ; въ отношенiи же наукъ должно сказать, что мы не имѣемъ въ переводѣ всѣхъ тѣхъ сочиненiй, которыя намъ нужны для науки, или по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ ихъ тогда, когда онѣ намъ нужны. Наконецъ, необходимы же намъ и переводчики, но гдѣ бы ихъ нашли, если бы преподаванiе языковъ прекратилось въ гимназiяхъ, т. е. въ тѣхъ заведенiяхъ, которыя приготовляютъ молодыхъ людей къ изученiю наукъ.

Обратимся къ оцѣнкѣ формально образовательнаго элемента языкоученiя.

Подъ формально-образовательнымъ элементомъ языкоученiя я разумѣю ту пользу, которую мы извлекаемъ изъ сравненiя нашего отечественнаго языка съ какимъ нибудь другимъ иностраннымъ; цѣль тутъ троякая: логическая, лингвистическая а ритмическая. Всѣ люди мыслятъ по однимъ и тѣмъ же логическимъ законамъ, иначе переводъ съ одного языка на другой былъ бы не возможенъ. Понятiя, въ смыслѣ логики, у всѣхъ народовъ одни и тѣ же, выражаются только различными словами; соединенiе понятiй въ мысль и мыслей въ одну мысль высшаго объема производится у всѣхъ народовъ по однимъ и тѣмъ же логическимъ законамъ; но способы этого соединенiя различны. Слѣдовательно во всѣхъ языкахъ есть то общее, что они выражаютъ одинаково свойственныя всѣмъ людямъ понятiя и логическiя категорiи, а отличаются другъ отъ друга только различiемъ способовъ къ достиженiю этой цѣли. Зная только свой отечественный языкъ, мы не въ состоянiи отличать многихъ красотъ и достоинствъ, свойственныхъ ему одному и употребляемъ свой родной языкъ иногда безсознательно, руководясь только подражанiемъ тѣмъ образцамъ, которые мы, также безсознательно, считаемъ лучшими. Но какъ только мы приступаемъ къ изученiю чужаго языка, то мы тотчасъ замѣчаемъ различiе въ способахъ выраженiя, особенности его, и сравненiемъ этихъ различныхъ способовъ намъ дается

возможность понять, какъ общій законъ, такъ и значеніе частностей. Этотъ процессъ совершается двоякимъ образомъ: или черезъ синтезисъ т. е. выводъ общаго изъ частностей (conclusio a minore ad majus), или же черезъ анализисъ, т. е. примѣненіе общаго закона къ частностямъ (conclusio a majore ad minus). Постояннымъ упражненіемъ въ примѣненіи къ дѣлу этихъ двухъ коренныхъ способовъ мышленія мы доходимъ до великой логической твердости и силы разсужденія, и никакой педагогическій способъ, даже математика съ своими простыми, хотя строгими силлогизмами, не можетъ доставить намъ той пользы, которую мы извлекаемъ изъ раціональнаго преподаванія языковъ на грамматическомъ основаніи; гдѣ эта польза не достигается, тамъ виновата метода, а не предметъ. Эта польза возрастаетъ не только съ числомъ изучаемыхъ нами языковъ, но и по мѣрѣ характерныхъ ихъ свойствъ. Примѣняя этотъ законъ къ тѣмъ языкамъ, которые мы разсмотрѣли уже въ отношеніи культуры, мы по различію ихъ свойствъ, должны изученіе ихъ считать полезнымъ наравнѣ съ каждымъ другимъ языкомъ. Но не всѣ языки одинаково важны для насъ; богатому языку мы отдаемъ преимущество передъ менѣе богатымъ. Изученіемъ такого богатаго языка мы вносимъ въ нашъ умъ новые способы для выраженія логическихъ отношеній, которыя въ нашемъ отечественномъ языкѣ заключаются еще въ зародышѣ, а при постоянномъ переводѣ съ такого языка на родной нашъ языкъ, мы находимся вынужденными развить этотъ зародышъ, не нанося, конечно, насилія нашему языку, но развивая только лежащія въ немъ способности. У каждаго языка есть свой органическій характеръ, и искусственныя нововведенія, искажающія этотъ характеръ, устраняются имъ самимъ, какъ всякій живой организмъ устраняетъ и исключаетъ изъ себя всѣ вредные ему элементы; но какъ всякая отдѣльная личность совершенствуетъ свой слогъ черезъ внимательное изученіе лучшихъ образцовъ рѣчи своего языка, такъ и цѣлый строй языка всего народа можетъ только извлекать пользу изъ изученія богатыхъ ино-

странныхъ языковъ. Преимущество одного языка передъ другимъ обусловливается его матеріаломъ т. е. словами, какъ коренными, такъ производными и сложными, эти мологическими и синтаксическими формами, соединяющими слова въ предложенія, и предложенія между собою.

Богатство языка, въ отношеніи его матеріала, зависитъ отъ многихъ условій: отъ свойства природы, окружающей народъ, отъ степени развитія торговли и промышленности, отъ даровитости самого народа—словомъ, отъ его обстановки, и отъ развитія его умственной и душевной жизни, что отражается на поэзіи, наукахъ и искусствахъ его. У Гренландцевъ, окруженныхъ Ледовитымъ моремъ и снѣжными пустынями, въ которыхъ только на нѣсколько недѣль является лѣто съ скудною растительностью, у Гренладцевъ, не имѣющихъ гражданской жизни и питающихъ только одно желаніе—защищаться отъ голода и холода—у нихъ, какъ и у другихъ народовъ, находящихся въ подобномъ положеніи, конечно, весьма ограниченъ кругъ понятій, слѣдовательно, и языкъ ихъ очень бѣденъ словами; языкъ дикаря Саваннъ американскихъ уже гораздо богаче словами, потому что онъ живетъ среди богатой, вѣчно цвѣтущей природы, но его языкъ бѣднѣе языка тѣхъ народовъ, у которыхъ развиты торговля, промышленность и гражданская жизнь. Второе достоинство языка обусловливается достаточнымъ развитіемъ служебныхъ словъ т. е. тѣхъ словъ, которыя не выражаютъ понятія, а отношеніе ихъ къ говорящему лицу. Въ этомъ отношеніи мы не замѣчаемъ особеннаго различія между языками, потому что эти простыя отношенія однѣ и тѣ же у всѣхъ народовъ. Третье достоинство языка обусловливается большимъ или меньшимъ развитіемъ этимологическихъ формъ т. е. тѣми флексіями, которыми выражаются всѣ различныя отношенія между словами одного и того же предложенія и, независимо отъ этого, различныя логическія категоріи, по соображенію говорящаго лица, какъ напр. отношенія совершеннаго и несовершеннаго, однократнаго и многократнаго

дѣйствія, возможность и необходимость дѣйствія съ различными оттѣнками, опредѣленность и объемъ понятій и т. п. Въ отношеніи флексій мы замѣчаемъ въ языкахъ разныхъ народовъ большое разнообразіе и различныя степени превосходства. Главнѣйшее же достоинство языковъ заключается въ болѣе или менѣе обширномъ развитіи тѣхъ синтаксическихъ способовъ, которыми предложенія соединяются въ одно предложеніе высшаго объема. На этомъ свойствѣ отражается та степень логической образованности, которая является вслѣдствіе занятій народа науками, и представляетъ собою зрѣлый періодъ въ жизни его. Созерцаніе природы, болѣе или менѣе удовлетворительная обстановка реальной жизни, болѣе всего содѣйствуетъ развитію языка въ упомянутыхъ отношеніяхъ; совершенство же въ образованіи періода, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, достигается преимущественно въ періодѣ развитія наукъ. Это будетъ намъ вполнѣ понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что поэзія не только наивная, но, въ нѣкоторой степени также искусственная, воспроизводя жизнь въ картинахъ, не входитъ въ разсужденіе о взаимной связи явленій жизни, наука же имѣя задачею прослѣдить эту взаимную связь, порождаетъ въ языкѣ необходимость, для сравненія этихъ частныхъ явленій и для вывода изъ нихъ общихъ законовъ, изыскать, усовершенствовать въ языкѣ тѣ способы, которые могутъ служить для выраженія и соединенія сложныхъ мыслей. Эта связь между предложеніями столь же разнообразна, какъ и связь между самими мыслями, которыя ими выражаются, и большая или меньшая способность языковъ въ отношеніи образованія періодовъ, возвышаетъ ихъ значеніе и важность въ нашихъ глазахъ. Это превосходство одного языка передъ другимъ, главнымъ образомъ, основывается на тѣхъ способахъ, посредствомъ которыхъ одно предложеніе подчиняется другому, т. е. придаточное предложеніе главному. Можно придаточному предложенію дать такое значеніе: или оно болѣе выражаетъ мысль еще несостоявшуюся, но тѣмъ не менѣе важную въ цѣпи мыслей, или

же можно представить его, какъ результатъ уже совершившагося логическаго процесса, какъ нѣчто второстепенное, менѣе важное.

Языки, въ которыхъ развиты способы представлять всѣ роды придаточныхъ предложеній подъ полною или сокращенною формою, имѣютъ, въ отношеніи логической опредѣленности и точности, большое преимущество передъ другими, въ этомъ отношеніи менѣе развитыми языками; а это преимущество получаетъ еще большее значеніе по мѣрѣ той свободы, которою владѣютъ языки въ распредѣленіи придаточныхъ предложеній. Это преимущество вполнѣ принадлежитъ Греческому языку, въ которомъ сокращается придаточное существительное въ винительный съ неопредѣленнымъ; прилагательное—посредствомъ многочисленныхъ причастій всѣхъ главныхъ временъ, обоихъ залоговъ, а обстоятельственное даже двоякимъ образомъ: при разныхъ подлежащихъ въ главномъ и придаточномъ, послѣднее сокращается въ родительный самостоятельный, а при общемъ подлежащемъ прибавленіемъ къ существительному на мѣсто сказуемаго еще причастія вспомогательнаго глагола, что выражается въ Русскомъ языкѣ дѣепричастіемъ. Латинскій языкъ имѣетъ всѣ эти формы, за исключеніемъ послѣдней; но число причастій значительно меньше. Французскій языкъ не сокращаетъ придаточныхъ существительныхъ, изъ причастій болѣе употребительно только причастіе прошедшаго времени, но за то обстоятельственныя представляютъ большее разнообразіе способовъ сокращенія, а именно: при общемъ подлежащемъ—причастія всѣхъ временъ и залоговъ и неопредѣленное наклоненіе послѣ нѣкоторыхъ частицъ, какъ: pour, afin de, avant de,—а при различныхъ подлежащихъ—конструкцію, соотвѣтствующую латинскому творительному и греческому родительному самостоятельному. Слабѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи Нѣмецкій языкъ, который не имѣетъ способовъ сокращенія древнихъ языковъ, не имѣетъ дѣепричастія французскаго, а употребляетъ причастіе въ ограниченномъ размѣрѣ. Не

надлежитъ сомнѣнію, что изложенные выше способы сокращать придаточныя предложенія, какъ результатъ сужденія уже совершившагося, менѣе важнаго чѣмъ полное, и притомъ болѣе краткаго по формѣ, придаютъ древнимъ языкамъ большое преимущество въ отношеніи сжатости и логичной точности. Это преимущество древнихъ языковъ, особенно Греческаго, получитъ въ нашихъ главахъ еще большое значеніе въ ритмическомъ отношеніи, къ изложенію котораго мы теперь обращаемся.

Подъ ритмомъ или ритмическимъ элементомъ языка мы разумѣемъ ту послѣдовательность ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ, которая болѣе пріятна для нашего слуха. Но такъ какъ логическій элементъ не менѣе ритмическаго вліяетъ на конструкцію предложеній и общій строй языка, то, по мѣрѣ преобладанія въ языкахъ того или другаго элемента, языки получаютъ весьма различный характеръ. Латинскій языкъ, а еще болѣе Греческій, вполнѣ подчиняются ритмическому элементу. Удареніе въ нихъ не возвышаетъ того слога, который важнѣе другихъ слоговъ, или того слова, которое важнѣе другихъ словъ въ логическомъ отношеніи, но ставится на томъ мѣстѣ, гдѣ оно удобнѣе для болѣе ровнаго теченія рѣчи, т. е. на второмъ или третьемъ слогѣ отъ конца слова, смотря по количеству т. е. протяжности или краткости послѣдняго слога; даже неударяемыя короткія частицы принимаютъ удареніе, когда за ними слѣдуютъ еще другія неударяемыя частицы. Нѣмецкій языкъ въ этомъ отношеніи представляетъ собою діаметральную противоположность древнимъ языкамъ. Въ немъ удареніе исключительно имѣетъ логическое значеніе и ставится въ простыхъ словахъ на коренномъ слогѣ, а въ сложныхъ словахъ на первомъ. Этотъ законъ, вмѣстѣ съ строгологичнымъ распредѣленіемъ членовъ предложенія, придаетъ Нѣмецкому языку значительную логическую ясность, но съ другой стороны лишаетъ его той звучности, которою отличаются древніе языки. Вслѣдствіе этого уже неизмѣннаго закона, въ настоящее время, всѣ полныя звучныя гласныя суффиксовъ, приставокъ и окон-

чаній флексій древняго Нѣмецкаго языка частью совсѣмъ утратились, частью значительно сокращены. Эта неподвижность ударенія, по всей вѣроятности, и была причиною слабаго развитія отглагольныхъ формъ языка. Французскій языкъ, какъ языкъ производный, былъ лишенъ возможности, органически развивать въ себѣ ритмическій элементъ: онъ перенесъ удареніе на послѣдній слогъ въ словѣ, чѣмъ и сохранилъ пріятную для слуха звучность элементовъ словъ.

Соображая всѣ вышеприведенныя доказательства относительно формально образовательнаго элемента разсматриваемыхъ нами языковъ, мы доходимъ до слѣдующихъ заключеній:

1) Что Греческій языкъ не только богатѣйшій изъ всѣхъ въ отношеніи матеріала и формъ, но и совершеннѣйшій въ отношеніи пластичности въ теченіи его рѣчи;

2) Что Латинскій языкъ менѣе богатъ въ отношеніи матеріала и формъ, но замѣчателенъ своею сжатостью и пластичностью;

3) Что Французскій языкъ, будучи бѣденъ въ отношеніи матеріала и флексій, въ нѣкоторой степени вознаграждаетъ эти недостатки способами періода, разнообразіемъ выраженій, мягкостью и плавностью своею и звучностью *элементовъ*.

4) Что Нѣмецкій языкъ богатѣйшій въ отношеніи матеріала и формъ, какъ и въ отношеніи логичности, понесъ большой ущербъ въ отношеніи пластичности, принесенной имъ въ жертву логичности.

Окончательнымъ же результатомъ нашего изслѣдованія будетъ то, что съ одной стороны всѣ упомянутые языки полезны для насъ, именно по причинѣ того разнообразія, которымъ они отличаются другъ отъ друга,

ніямъ въ выраженіи логическихъ категорій, такъ и по причинѣ различія въ обладаніи ритмическимъ элементомъ; а что съ другой стороны древніе языки для Русскихъ полезнѣе новѣйшихъ, не только по причинѣ богатства ихъ флексій, но въ особенности по причинѣ той гармоніи, которая существуетъ въ нихъ между логическимъ и ритмическимъ элементами, особливо въ послѣднемъ отношеніи, изученіе древнихъ классическихъ языковъ и образцовыхъ ихъ произведеній, какъ въ области поэзіи, такъ и въ прозѣ, должно принести величайшую пользу Русскому языку, который, не смотря на свое громадное богатство, и, быть можетъ, именно по причинѣ этого богатства находится еще въ полномъ разгарѣ своего образованія, т. е. въ борьбѣ между логическимъ и ритмическимъ элементами. Русскій языкъ—юный великанъ, а такому великану нужна здоровая пища, которую онъ найдетъ себѣ въ сближеніи только съ тѣми языками, которые при одинаковомъ богатствѣ, успѣли уже совершить процессъ своего образованія и представляютъ собою законченное во всѣхъ отношеніяхъ органическое цѣлое, я разумѣю ознакомленіе съ древними языками, особливо Греческимъ. Эта польза языкоученія, какъ вообще формально-образовательная, не такъ осязательна и не можетъ быть измѣряема, потому что для этого нѣтъ мѣры сравненія, но тѣмъ не менѣе эта польза, должна достигаться, какъ она достигалась въ Италіи, Англіи и Германіи, гдѣ она обнаружилась внезапнымъ совершенствованіемъ языка и процвѣтаніемъ литературы. Болѣе всѣхъ другихъ въ этой полезности языкоученія можетъ убѣдиться преподователь языковъ, когда онъ видитъ, что ученикъ, прежде съ трудомъ справлявшійся съ отечественнымъ только языкомъ, постояннымъ своимъ трудомъ наконецъ доходитъ до того, что онъ при строгомъ переводѣ съ иностраннаго языка замѣчаетъ всѣ идіотизмы роднаго языка и тѣмъ убѣждается, что онъ не только понялъ логическую категорію, но и различіе способовъ примѣненія ея въ томъ и другомъ языкѣ.

Мг. Гг.! Я старался доказать, что изученіе древ-

нихъ, какъ и новѣйшихъ языковъ имѣетъ для нашихъ гимназій двоякое значеніе, а именно: что они въ культурномъ отношеніи служатъ средствомъ для достиженія высокой цѣли—изучать культуру, образъ мыслей, поэзію и науки великихъ историческихъ народовъ, а во 2-хъ) что въ формально-образовательномъ отношеніи цѣль языкоученія лежитъ въ немъ самомъ. Если удалось мнѣ изложить это по возможности ясно, съ примѣненіемъ этихъ истинъ ко всѣмъ языкамъ, которые входятъ въ программу преподаванія гимназическаго курса, то вамъ легко придти къ тому заключенію, что изученіе древнихъ классическихъ языковъ для насъ необходимо, нестолько въ отношеніи науки, сколько по причинѣ заключающагося въ нихъ великаго образовательнаго элемента, какъ и по причинѣ изящества и достоинства поэзіи и строгологическаго изложенія древнихъ прозаиковъ, и что изученіе новѣйшихъ языковъ необходимо для насъ отчасти въ этихъ отношеніяхъ, а болѣе еще въ отношеніи современной науки.

Для полной оцѣнки классицизма, я долженъ былъ бы еще указать на отношеніе, которое существуетъ или должно существовать между языкоученіемъ и реальными предметами гимназической программы, какъ и на значеніе идеализма и реализма вообще, и на слѣдствія односторонняго преобладанія одного изъ этихъ элементовъ; но такое изложеніе чрезмѣрно утомило бы ваше благосклонное вниманіе и вышло бы изъ предѣловъ избранной мною темы. Поэтому я ограничиваюсь двумя неоспоримыми заключеніями:

Изученіе языковъ отнюдь не относится враждебно къ наукамъ, но напротивъ есть лучшая подготовка молодыхъ людей къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ, сообщая ихъ уму прочную логическую твердость. Изученіе языковъ вноситъ въ воспитательное дѣло другой высокій элементъ, не заключающійся въ реальныхъ предметахъ—любовь къ изящному и прекрасному, не-

раздѣльному съ истинно-высокимъ и нравственнымъ. Полное же гармоническое развитіе всѣхъ человѣческихъ способностей, просвѣщеніе ума, возвышеніе вкуса и нравственности должно быть цѣлью каждаго учебнаго заведенія какъ и каждаго человѣка.

Изложивъ въ общихъ чертахъ значеніе древнихъ и новѣйшихъ языковъ въ классическихъ гимназіяхъ, я позволяю себѣ выразить надежду, что при полномъ осуществленіи предначертаній правительства относительно устройства классическихъ гимназій, мы посильными трудами своими все болѣе и болѣе будемъ приближаться къ достиженію этой высокой цѣли.

Въ заключеніе обращаюсь къ вамъ, воспитанники Воронежской гимназіи. Относитесь къ изученію языковъ, пользу которыхъ я старался вамъ объяснить, такъ серьезно, какъ вы должны относиться къ изученію наукъ и великихъ спасительныхъ истинъ священной религіи. Изученіе языковъ требуетъ серьезнаго труда, но прочно только то, что добыто трудомъ. Per aspera ad astra, говорили древніе Римляне. Стремитесь къ гармоническому развитію всѣхъ вашихъ способностей это должно быть цѣлью вашего пребыванія въ стѣнахъ гимназіи; трудитесь серьезно и сознательно, къ радости вашихъ родителей, не увлекаясь всѣмъ тѣмъ, что преждевременно для васъ; трудитесь неутомимо и неуклонно, чтобы когда правительство или общество призоветъ васъ къ гражданской дѣятельности—чтобы этотъ призывъ засталъ васъ готовыми съ окрѣпшимъ умомъ и облагороженнымъ сердцемъ дѣйствовать для блага отечества, для блага будущихъ поколѣній.

Ав. Ремеръ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Очеркъ древнихъ Славяно-русскихъ словарей.

Уже между древнѣйшими памятниками нашей письменности встрѣчаемъ труды чисто филологическаго содержанія, труды, вызванные не увлеченіемъ какихъ нибудь библіомановъ, а сознаніемъ нужды въ нихъ, естественнымъ желаніемъ объяснить себѣ непонятное, дать себѣ отчетъ въ томъ, что употребляется безсознательно. Мы хотимъ сказать о древнихъ нашихъ Славяно-русскихъ словаряхъ. Они, конечно, и не могутъ имѣть претензіи на научныя достоинства нынѣшнихъ подобныхъ произведеній, но не могутъ быть оставлены безъ вниманія любителемъ нашей родной литературы, какъ первыя филологическія попытки нашихъ предковъ и какъ зародыши настоящей нашей филологіи. Въ предлагаемомъ изслѣдованіи мы постараемся показать отличительныя особенности этихъ филологическихъ трудовъ и то значеніе, которое они могутъ имѣть въ ряду нашихъ древнихъ памятниковъ.

Потребность въ словаряхъ, особенно такихъ, каковы наши древнѣйшіе словари, должна была явиться у нашихъ предковъ очень рано и именно вмѣстѣ съ принятіемъ Христіанской вѣры. Съ этого времени у насъ почти вдругъ явилась совершенно новая для понятія нашихъ предковъ литература, съ новымъ содержаніемъ, съ чуж-

дыми имъ идеями и на такомъ языкѣ, который, какъ бы ни былъ близокъ къ родному ихъ языку, все-таки представлялъ не мало новаго для нихъ какъ по составу своему, такъ особенно по формамъ. Свящ. писаніе и другія церковныя книги, переведенныя съ Греческаго, уже по однимъ высокимъ понятіямъ, въ нихъ заключающимся, представляли совершенно отличное отъ того, что входило въ кругъ міросозерцанія нашихъ предковъ-язычниковъ. Эти понятія, какъ они ни просты, не могли однакожь во всемъ живоносномъ свѣтѣ вдругъ войти въ кругъ понятій язычника. Для этого требовалось или полное систематическое ихъ изложеніе, которое бы представило ихъ во всемъ свѣтѣ, чего не было и, очевидно, не могло быть скоро,— или частное, энциклопедическое объясненіе христіанскихъ понятій болѣе рѣзкихъ, выдающихся предъ другими и вообще почему нибудь интересныхъ для знакомящагося съ христіанскимъ вѣроученіемъ язычника. И вотъ уже и здѣсь открывается нужда въ словаряхъ, въ словаряхъ съ энциклопедическимъ характеромъ. Если же мы представимъ себѣ то, что появившаяся у насъ литература, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своемъ, была чисто переводная и притомъ на такомъ языкѣ, который хотя и близокъ былъ къ нашему, но въ тоже время заключалъ въ себѣ немаловажныя различія; то потребность въ словаряхъ должна была сдѣлаться гораздо ощутительнѣе: всякій переводъ, какъ бы безукоризненно ни былъ сдѣланъ, всегда сохранитъ на себѣ отпечатокъ подлинника, никогда не будетъ свободенъ если не отъ самыхъ словъ его, оставшихся безъ перевода, то, по крайней мѣрѣ, отъ выраженій и оборотовъ, свойственныхъ языку подлинника. Вотъ причины, вызвавшія собою появленіе словарей,— это суть: съ одной стороны, трудность усвоенія новыхъ понятій, съ другой, главнымъ образомъ, трудность со стороны языка первоначальной литературы. Уничтожить эти трудности, объяснить иностранныя и непонятныя слова, встрѣчающіяся въ Свящ. книгахъ, и есть цѣль нашихъ древнѣйшихъ словарей. Она прямо высказывается уже въ самыхъ заглавіяхъ ихъ, на прим. «Рѣчь Жидовскаго языка

преложена на русскую неразумно на разумъ....» «Тлъкованіе неудобь познаваемомъ въ писаныхъ рѣчемъ....» «Сказаніе о неудобь понимаемыхъ рѣчахъ, иже обрѣтаются во святыхъ книгахъ непреложены на Русскій языкъ, ихъ же древніи преводницы неудоволищася преложити на Русскій языкъ.» «Лексисъ, сиричь реченія, вькратцѣ събранны и из Словенскаго языка на простыи Русскій діалектъ истолкованы Л. Z.» Въ своихъ предисловіяхъ къ словарямъ составители ихъ душевно скорбятъ о томъ, что многіе читающіе церковныя книги или не понимаютъ въ нихъ значенія многихъ словъ или понимаютъ не вѣрно, давая имъ произвольный и часто превратный смыслъ. Прекрасно говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи авторъ Азбуковника: «Въ книгахъ Славянскихъ многи рѣчи неудобь разумѣваемыхъ обрѣтаются; якоже се есть въ канонѣ Покрову Пресв. Богородицы: свѣтящеся Владычице омофоръ твой паче илектъра; а невѣдущѣи силѣ слова тую рѣчь пишутъ сице: паче алектора, а не хотятъ разумѣти, яко ино есть илектръ, и ино алекторъ. алекторъ бо есть пѣтелъ, и кая суть похвала Богородицы.» Далѣе онъ говоритъ: неискусные писцы пишутъ вмѣсто кедръ—китръ, вмѣсто ересь—ересива. «Тако и ины многи рѣчи во св. книзѣхъ обрѣтая написаны неискусно, велми о семъ сжалихся; и того ради сила елика сила и елико мощно ми бысть понудихся таковыя рѣчи во св. книгахъ обрѣтая толкованы изобрѣсти отъ многихъ различныхъ повѣстей и главъ толковыхъ, едино по единое собирая и собиравъ во единое совокупивъ и вся книги по алфавиту написахъ.» Съ такимъ же сознаніемъ необходимости объясненія непонятныхъ словъ и съ особенною силою начинаетъ свое предисловіе издатель словаря П. Берынды. «Читать, а не разумѣть глупая рѣчь есть; мовитъ нѣкто отъ мудрыхъ....» и причиною неразумѣнія считаетъ именно трудности для понятія словъ. Так. обр. и составители древнихъ словарей, какъ видно изъ приведенныхъ мѣстъ, главною цѣлію своею поставляли разрѣшеніе недоумѣній, встрѣчающихся при чтеніи Св. книгъ.

Такъ какъ эти недоразумѣнія происходили а) главнымъ образомъ, со стороны самыхъ словъ и б) со стороны понятій, обозначаемыхъ ими, то естественно, что наши древніе словари должны заключать въ себѣ объясненія тѣхъ и другихъ. Таковъ и дѣйствительно составъ ихъ. Большею частію, впрочемъ, они объясняютъ только непонятныя слова, и это со всею справедливостію можно сказать о древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ словаряхъ, каковы, напр., Новгородскіе и Азбуковники: въ нихъ мы находимъ почти одни только иностранныя слова съ прибавкою случайною или намѣренною очень немногихъ также, конечно, непонятныхъ. Только позднѣйшіе словари замѣтно перестали ограничиваться подобнымъ наборомъ словъ: они начинаютъ помѣщать на своихъ страницахъ нетолько дѣйствительно непонятныя слова, но и могущія, почему бы то ни было, показаться непонятными, таковъ отчасти словарь Л. Зизанія и особенно словарь П. Берынды.—Первоначальная литература наша, какъ мы сказали, состояла главнымъ образомъ изъ переводовъ съ Греческаго и притомъ изъ переводовъ, сдѣланныхъ въ различныхъ мѣстахъ, на разныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, изъ переводовъ, которые составляли первоначально общее достояніе Славянъ и ходили по всему Славянскому православному міру. Ясно, что и въ словари наши поэтому должы были войти многія слова: греческія, оставшіяся безъ перевода, далѣе еврейскія, коихъ не мало заключается въ Св. писаніи, и наконецъ слова изъ разныхъ нарѣчій Славянскихъ, напр. Болгарскаго, Сербскаго; равнымъ образомъ поэтому же въ нихъ должны были войти и слова другихъ языковъ, наприм. Сирскаго, Египетскаго, особенно собственныя имена.—Объясненіе же самыхъ понятій и предметовъ появляется уже въ поздѣйшихъ словаряхъ и занимаетъ впрочемъ очень не значительное мѣсто. Причина понятна: не до того еще сначала было нашимъ предкамъ, чтобы стараться глубоко проникнуть въ смыслъ писаній, съ которыми они только еще начинали знакомиться,—они довольствовались уже и тѣмъ, если были способны читать ихъ; только болѣе близкое

знакомство съ читаемыми книгами могло родить вторую потребность.

Такъ какъ наши древніе словари явились какъ пособіе къ чтенію Св. книгъ, то это, конечно, составляетъ и отличительную ихъ черту отъ нынѣшнихъ подобныхъ трудовъ. Теперь они уже почти совсѣмъ потеряли то значеніе, которое имѣли въ свое время, но во всякомъ случаѣ нельзя имъ отказать въ значеніи памятниковъ, интересныхъ въ историко-филологическомъ отношеніи. И вотъ съ этой-то точки зрѣнія мы и будемъ ихъ разсматривать.

Словари вообще, разсматриваемые съ точки зрѣнія историко-филологической, составляютъ весьма важные памятники. Если языкъ есть выраженіе понятій извѣстнаго народа, то словари, по всей справедливости, должно назвать сокровищницами понятій, принадлежащихъ той или другой эпохѣ. И потому чѣмъ полнѣе словарь, тѣмъ болѣе говоритъ онъ объ образованности извѣстной эпохи. Нельзя сказать этого о нашихъ древнѣйшихъ словаряхъ, исключая словаря П. Берынды: они отличаются неполнотою, а скудостію. Взамѣнъ того они представляютъ своего рода данныя, важныя для филологическихъ изысканій.

а) Такъ какъ слова въ нихъ взяты большею частію изъ книгъ и при томъ въ нѣкоторыхъ съ обозначеніемъ, изъ какихъ именно, то по нимъ лучше, чѣмъ по другимъ источникамъ, опредѣляется циклъ книгъ, бывшихъ тогда въ ходу, а слѣд. отчасти и характеръ тогдашней образованности.

б) Древніе словари суть толковники «неудобь неразумѣваемымъ рѣчемъ,» взятымъ большею частію изъ другихъ языковъ,—они суть проводники понятій чуждыхъ народу; поэтому они служили если не первостепеннымъ источникомъ, по крайней мѣрѣ, способствовали распространенію различныхъ новыхъ понятій, взглядовъ на природу, повѣрій, суевѣрій и т. п., которыя теперь всего лучше могутъ объясняться именно чрезъ нихъ. Особенно важны въ этомъ случаѣ объясненія понятій еще новыхъ для народа.

Въ этихъ двухъ отношеніяхъ словари служатъ ма-

теріаломъ для исторіи образованности; но еще болѣе они представляютъ матеріала для исторіи языка.

в) Если почему, то особенно по древнимъ словарямъ, мы можемъ судить объ отношеніи Русскаго языка къ Ц.-Славянскому и о томъ, на сколько первый еще въ древнѣйшія времена подвергался вліянію иностранному.

Имѣя это въ виду, обратимся къ древнѣйшей нашей лексикографіи и преимущественно разсмотримъ словарь Памвы Берынды, какъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ нашей старинной литературы (*).

Зачатки словарныхъ трудовъ появились у насъ довольно рано. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ опытовъ толкованія непонятныхъ словъ дошелъ до насъ въ спискѣ Кормчей 1282 г., писанномъ для Новгородскаго Архіепископа Климента, и озаглавливается: «Рѣчь Жидовскаго языка преложена на русскую, неразумно на разумъ и въ Евангеліяхъ и Апостолахъ и въ Псалтыри и Пареміи и въ прочихъ книгахъ.» Несмотря на столько источниковъ, изъ коихъ составитель заимствовалъ слова, ихъ однакожь очень немного: всего 174 слова. Всѣ они причисляются авторомъ, какъ значится въ рукописяхъ, къ словамъ Еврейскаго языка, хотя между ними находятся и Славянскія,—таковы: бисеръ, бритва, зѣло, ковъ, ликъ, рогъ, степень, тина, череща. Въ составъ его вошли главнымъ образомъ собственныя библейскія имена, какъ наприм: Авессаломъ, Агарь, Марія, Михаилъ, Раавь, Филипъ, Голгофа и т. п. Число словъ впослѣдствіи дополнено было переписчиками до 344.

Легко объяснить такой составъ этого древнѣйшаго изъ извѣстныхъ намъ словарей. Очевидно, онъ былъ слѣдствіемъ первой потребности нашихъ любознательныхъ

(*) Не можемъ не указать здѣсь, какъ на необходимыя пособія при разсмотрѣніи нашихъ древнихъ словарей, на предисловія къ нимъ въ Сказаніяхъ Русск. народа, Сахарова, на статьи Буслаева (Архивъ Историко-Юрид. свѣдѣній, Калачова, кн. 1 и Мордовцева (Чтенія въ Общ. Истор. и древн., кн. 4). Мы обращаемъ вниманіе на составъ ихъ преимущественно съ точки зрѣнія библіографической.

предковъ, которая представлялась прежде всего при чтеніи книгъ церковныхъ: потребности соединять смыслъ съ словами, чуждыми отечественному языку; ясно также, почему въ него вошли собственныя имена,—это названія, которыя чаще всего останавливали пониманіе читателями церковныхъ книгъ и потому прежде всего и затрогивали ихъ филологическую любознательность. Но одни собственныя Еврейскія или случайно попавшіяся немногія Греческія не много представляютъ собою данныхъ для исторіи тогдашняго языка даже со стороны орѳографіи. Впрочемъ въ этомъ отношеніи не льзя не замѣтить нѣкоторыхъ особенностей, принадлежащихъ объяснительнымъ словамъ и представляющихъ слѣды правописанія Старославянскаго,—это а) употребленіе глухихъ звуковъ вмѣсто ясныхъ: земля въилощена, село кръви, дъщи сильнаго, правьдныи князь, насовьцъ, воздържаніе, въздвигни, дьрзъ; б) употребленіе ж, который въ позднѣйшихъ спискахъ замѣняется чрезъ оу: стждъ; в) послѣ свистящихъ встрѣчается употребленіе ь,—отець, глась.

Такою же скудостію отличается и другой Новгородскій словарь, дошедшій до насъ при книгѣ Іоаннъ Лѣствичникъ, подъ заглавіемъ: «Тлъкованіе неудобь познаваемомъ въ писанныхъ речемь, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ начальныхъ преводникъ ово Словенскы, и ино Сръбскы, и друга Блъгарскы и Гръчъскы, ихже неудоволишася преложити на Рускый.» По Новгородскому списку словарь этотъ заключаетъ въ себѣ 61 рѣчь. Позднѣйшіе переписчики умножили и этотъ словарь до 200 словъ. Первообразъ его, по всей вѣроятности, составляетъ тотъ словарь, который приложенъ къ книгѣ Іоаннъ Лѣствичникъ по Сербскому переводу, подъ заглавіемъ: «Пртклъ лѣствци ѡ рѣчех покръвенихъ.» (Рукопись Импер. Публ. Библіотеки, написанная полууставомъ XIV в.) Этотъ послѣдній заключаетъ въ себѣ только около 30 словъ почти исключительно Сербскихъ, взятыхъ, конечно, изъ той же книги. Такимъ образомъ и второй Новгородскій словарь, какъ

и первый, объясняетъ слова непонятныя, но не «Жидовскія,» а, большею частію, Сербскія съ прибавкою нѣсколькихъ Болгарскихъ и Греческихъ, сдѣланною позднѣйшими переписчиками. При такомъ составѣ, словарь этотъ, не смотря на свою скудость, уже можетъ быть разсматриваемъ, какъ пособіе при изученіи древняго Славянскаго и Русскаго языка, представляя объясненіе древнихъ Славянскихъ словъ, уже вышедшихъ изъ употребленія,—таковы наприм: бальство—нечестіе, бъхма—весьма, ешa—еще, кромство—освѣнство, прокыхъ—прочихъ, пъвание—дръзновение, свѣне—кромѣ, съпроста—стыждь, тезъ—едино, художьство—хытрость, хуханіе—рьптаніе хулное и др. Но уже и изъ этихъ словъ можно замѣтить, что въ немъ строго не отличаются стихіи Русскаго языка отъ другихъ: посему-то мы и находимъ здѣсь объясненіе словъ Славянскихъ Русскими и послѣднихъ первыми, т. е. слова одного и тогоже нарѣчія входятъ и въ разрядъ объясняемыхъ и объясняющихъ,—кромство объясняется чрезъ освѣнство, и свѣне чрезъ кромѣ. Орѳографія въ тѣхъ и другихъ одна и таже. Употребленіе ж и глухихъ звуковъ вмѣсто ясныхъ одинаково какъ въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ, наприм., между первыми встрѣчаемъ хжхание, поувръзение, пъвание, бъхма, и между послѣдними: отнждъ, съкръвенъ, съставъ и др.; тоже нужно сказать и относительно употребленія гласныхъ широкихъ послѣ гортанныхъ,—и въ первыхъ находимъ прокыхъ, которое однако объясняется чрезъ прочихъ, и во вторыхъ—хытрость.

Вотѣ два древнѣйшіе словаря, принадлежащіе Новгородской письменности. (*) Къ сожалѣнію, по своей скудости, по случайности набора словъ, оба они не представляютъ того, чего можно было бы ожидать отъ нихъ для исторіи языка, а тѣмъ болѣе для исторіи образован-

(*) Напечатаны въ изданіи Калайдовича: Іоаннъ, Екзархъ Болгарскій и у Сахарова въ Сказаніяхъ Русскаго народа.

ности. Одна заслуга ихъ, какъ мы уже замѣтили, состоитъ въ объясненіи нѣкоторыхъ непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ древнихъ памятникахъ, и въ отличеніи Русскихъ словъ отъ словъ, принадлежащимъ уже издавна другимъ нарѣчіямъ Славянскимъ.

Гораздо отчетливѣе разсмотрѣнныхъ нами словарей: «Лексисъ сирѣчь реченія, въкратъцѣ събраны и из Словенскаго языка на простый Русскій діялектъ истолкованы,» составленный Лаврентіемъ Зизаніемъ и напечатанный въ 1596 году. Составитель его Лаврентій Зизаній, православный протопопъ въ городѣ Корцѣ, извѣстенъ еще другимъ филологическимъ трудомъ-Славянскою грамматикою: поэтому естественно и отъ словаря его ожидать болѣе отчетливости, какъ отъ труда человѣка, опытнаго въ этомъ дѣлѣ.

За отсутствіемъ цитатъ въ его словарѣ, нельзя положительно сказать, изъ какихъ именно источниковъ онъ заимствовалъ слова. Правда, въ немъ встрѣчается нѣсколько словъ находящихся въ Новогородскомъ словарѣ 1431 года; но это не даетъ еще права считать ихъ заимствованными изъ него. Судя по составу его, должно заключить, что главнымъ источникомъ его служили книги Св. Писанія и книги Богослужебныя и только немногія слова попали въ него изъ другихъ источниковъ, что и видно, на прим., изъ нѣсколькихъ ссылокъ на Кирилла Іерусалимскаго. Но взамѣнъ того онъ самъ послужилъ источникомъ для другихъ словарей, именно, для Азбуковниковъ и для лексикона П. Берынды, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Словарь Л. Зизанія принадлежитъ грамотности Литовской. Въ немъ слова Славянскія, иностранныя объясняются рѣчью Литовскою, потому что и самъ составитель былъ родомъ изъ Литвы. Это послѣднее обстоятельство, конечно, служитъ причиною того, что Зизаній придалъ ему характеръ чисто Славянскаго лексикона,—конечно, въ такомъ словарѣ болѣе другихъ и нуждались жители Литвы. Не входя въ разсмотрѣніе объясняющихъ Литовскихъ словъ, которыя тоже, въ свою очередь, мо-

суть представлять данныя для исторіи Литовской рѣчи того времени, скажемъ только о словахъ, стоящихъ въ ряду объясняемыхъ. По отношенію къ симъ послѣднимъ, словарь Зизанія представляетъ уже значительное превосходство въ сравненіи съ прежними словарями: а) Зизаній держался азбучнаго порядка въ размѣщеніи словъ, б) количество словъ гораздо значительнѣе противъ прежнихъ, в) въ немъ не мало есть объясненій и энциклопедическихъ и г) что всего важнѣе, онъ представляетъ слова Славянскія, за исключеніемъ очень немногихъ иностранныхъ. Обратимъ вниманіе на двѣ послѣднія особенности этого словаря. Энциклопедическій отдѣлъ въ немъ ограничивается нѣсколькими предметами изъ естественной исторіи,—таковы наприм: драчіе, зеленичіе, мурта, неясыть, онокентавръ, онокроталъ, препруда, рамна, уена, иссопъ и нѣкоторые другіе. Всѣ объясненія ихъ запечатлѣны миѳологическимъ характеромъ. Словъ иностранныхъ въ этомъ словарѣ очень мало, и почти только тѣ, которыя чаще встрѣчаются въ церковныхъ книгахъ, таковы наприм: акаѳистъ, Архистратигъ, Асарій, аллилуія, Еммануилъ, каѳоликъ и т. п. Л. Зизаній имѣлъ въ виду почти исключительно слова Славянскія. Нельзя думать, чтобы онъ хотѣлъ составить полный сборникъ славянскихъ словъ, даже тѣхъ, которыя встрѣчаются въ Библіи, потому что его лексиконъ слишкомъ для этого ограниченъ и далеко не исчерпывалъ бы своего матеріала. Съ другой стороны нельзя думать и того, чтобы Зизаній включалъ въ свой лексиконъ только случайно попадающіяся слова, потому что его лексиконъ носитъ ясные слѣды тщательной и разумной работы. По всей вѣроятности, Зизаній, какъ и прежніе составители словарей, ограничивался только словами непонятными или могущими показаться такими. Это видно и изъ объясненій, которыя суть только сословы и почти нигдѣ не являются перифразами, показывающими, что объясняемое слово употребительно въ народѣ и потому не находится соотвѣтствующаго для него сослова.—Таже цѣль, кото-

рую имѣли прежніе лексикографы,—объяснять только слова непонятныя, есть цѣль и словаря Зизанія.

Словарь этотъ представляетъ много устарѣлыхъ Славянскихъ словъ. Безполезно было бы приводить ихъ: они почти всѣ вошли въ лексиконъ Берынды и въ значительномъ количествѣ занесены въ Словари Академіи Наукъ и Востокова. Остается за словаремъ Зизанія значеніе памятника, необходимаго для изучающаго Западно-Русскую письменность.

Весьма замѣчательное явленіе представляютъ два словаря, относящіеся къ Велико-Русской письменности. Первый изъ нихъ озаглавливается: «Сказаніе о неудобь познаваемыхъ рѣчахъ, иже обрѣтаются во святыхъ книгахъ Русскаго языка, ихъ же древніи преводницы не удоволишася на Русскій языкъ преложити, понеже ова обрѣтаются Еврейски, оваже Сирски, ина же Римски, ина Латынски, ина Еллински, ина Египетски, ина Сербски, ина Гречески, и инѣхъ многихъ языкъ, яже здѣ положены по буквамъ скораго ради обрѣтенія, паче же рѣщи яко истинно на Русскій языкъ преложены.» Другой имѣетъ разныя заглавія: 1) «Книга глаголемая азбуковникъ, или: буквы, 2) Книга глаголемая алфавитъ, 3) Лексисъ неудобь разумѣваемымъ рѣчемъ.» Списки этихъ словарей многочисленны и относятся къ XVI и XVII стол. (*) Оба эти словаря, весьма сходные между собою, подобно прежнимъ, также имѣютъ цѣлію объяснять непонятныя слова; но при этомъ представляютъ въ своемъ составѣ весьма значительныя отличія отъ нихъ. Обращая вниманіе на составъ ихъ, съ перваго взгляда приходишь въ недоумѣніе, для какого языка составлены эти сборники. Количество Славянскихъ словъ въ нихъ весьма не значительно; они занимаютъ не болѣе десятой ихъ части, прочія же относятся составителями ко многимъ различнымъ языкамъ. «Вѣдомо буди,—говорится въ припискѣ втораго словаря,—еже что ради каждо

(*) Въ Импер. Публ. Библіотекѣ находится до 10 древнихъ списковъ этихъ словарей. Оба они напечатаны въ Сказаніяхъ Русскаго народа Сахарова.

рѣчь въ семъ буквицѣ имать надъ собою красную букву, внимай: аще надъ коею рѣчью азъ красенъ, то есть сице: Арабски, Армински, Еллински, Ееіопски, Еврейски, Египетски, Гречески, Евхаитски, Жидовски, Иверски, Латински, Литовски, Македонски, Мидонски, Пермски, Римски, Сербски, Сирски, Татарски, Чешски.» Такое огромное количество иностранныхъ словъ сравнительно съ Русскими и разнообразіе ихъ наводятъ на мысль: не хотѣли ли авторы этихъ словарей составить всеязычные сборники. Странно, конечно, предположить подобную попытку въ Русскомъ человѣкѣ XVI стол., тѣмъ не менѣе это явленіе заслуживаетъ вниманія. Нѣтъ сомнѣнія, оно имѣетъ связь съ состояніемъ тогдашней письменности и отношеніемъ ея къ читателямъ. Это было такое время, когда письменность, состоящая преимущественно изъ переводовъ, уже значительно распространилась среди общества, когда предки наши хотѣли поглубже вникнуть въ смыслъ церк. писаній, когда уже явилась потребность въ критическомъ объясненіи непонятнаго въ нихъ; а между тѣмъ церковныя книги того времени представляли множество ошибокъ, происшедшихъ отъ невѣжества или подлога переписчиковъ,—писали на прим. въ нихъ, какъ говоритъ составитель азбуковника, вмѣсто илектръ а л е к т о т ъ, вмѣсто кедръ к и т р ъ, вмѣсто ересь е р е с и в а и т. п., что конечно, не могло не возбуждать опасеній въ ревнителяхъ чистоты церковнаго ученія. Эти искаженія въ церковныхъ книгахъ настоятельно требовали исправленія ихъ. Оно, какъ извѣстно, и сдѣлалось предметомъ серьезныхъ трудовъ въ XVII стол. при Патріархахъ Іосифѣ и Никонѣ; но съ другой стороны и любознательные читатели церковныхъ книгъ не могли равнодушно смотрѣть на эти искаженія въ нихъ и считали для себя христіанскимъ долгомъ дать средства для разъясненія ихъ. Этими-то средствами между прочимъ считали и словари, объясняющіе слова непонятныя, которыя чаще подвергались искаженіямъ со стороны переписчиковъ и подавали поводъ къ извращенію смысла Писанія, «да никто проходя святое писаніе,—говоритъ авторъ азбуковника,—и

обрѣте, что неудобь разумѣваемо, паче же иноязычнымъ глаголаніемъ положено, и на свой разумъ уповавъ, та о себѣ разсуждавъ криво толкуетъ.» А такъ какъ эти искаженія особенно часто встрѣчались въ иностранныхъ словахъ, то и понятно, что составители словарей обратили на нихъ преимущественное свое вниманіе и старались по возможности объяснить ихъ. Вотъ въ чемъ заключается главная причина внесенія въ Велико-Русскіе словари такого огромнаго количества иностранныхъ словъ сравнительно съ Славянскими.

Чтобы ближе познакомиться съ составомъ этихъ словарей, обратимъ вниманіе на тѣ источники, изъ которыхъ заимствованы слова. Припоминая сказанное составителемъ перваго словаря, что онъ взялся объяснить слова Еврейскія, Сирскія, Египетскія и др., невѣроятно предположить, чтобы онъ зналъ всѣ эти языки: мы теперь не можемъ понять его различія языковъ: Еврейскаго и Жидовскаго, Латинскаго и Римскаго, Греческаго и Еллинскаго,—не говоримъ уже объ языкахъ Македонскомъ, Евхаитскомъ, Сирскомъ, Скиескомъ и др. Всему этому виною, какъ справедливо замѣчаетъ Сахаровъ, наши толковники, любившіе дѣлать на поляхъ рукописей свои замѣчанія. Такъ сочиненія Ефрема Сирина, писанныя на Сирскомъ языкѣ, были переведены прежде на Греческій, съ Греческаго на Болгарскій. Русскіе переписчики обновили Болгарскій переводъ по своему. Составитель словаря, выбирая слова изъ сочиненій Ефрема Сирина, называетъ ихъ Сирскими. Вотъ источникъ знанія его въ Сирскомъ языкѣ. Отсюда можно дѣлать посылку и къ другимъ словарямъ. Тѣмъ не менѣе, вознамѣрившись мыслію составить сборники, объясняющіе неразумительныя слова, преимущественно изъ другихъ языковъ, составители дали себѣ полную свободу и набирали всякія изъ нихъ и отовсюду, гдѣ только случалось найти ихъ. Источниками имъ служили и прежніе словари: Новгородскіе и Зизаніи: и «Толкованіеніе именъ» Максима Грека *). и Греческіе

*) Начертаніе при Славянской грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, изд. 1648 г., также въ изданіи А. С. Сырояятникова, подъ

и Латинскіе словари, на что указываютъ въ рукописяхъ частыя выписки преимущественно Греческихъ словъ сподрядъ, а можетъ быть, Сербскіе и Чешскіе. Но какіе именно? Пока еще нельзя сказать. Греческій источникъ нашихъ словарей, по всей вѣроятности, заключался въ трудахъ Византійцевъ,—таковъ, наприм., Греческій словарь Гезихія *), относящійся къ XII—XIII вв., къ которому Русскій придѣлалъ Славянскіе глоссы; таковы и древне-Чешскіе словари, **) о которыхъ однакожъ также нельзя сказать, чтобъ они послужили источниками для Велико-Русскихъ лексикографовъ. Но кромѣ указанныхъ нами и, такъ сказать, прямыхъ источниковъ, изъ которыхъ преимущественно заимствованы объясненія словъ, въ рукописяхъ находимъ много ссылокъ на разныя другаго рода письменныя произведенія, съ обозначеніемъ ихъ названія. Объясненія, заимствованныя отсюда, касаются большею частію самыхъ предметовъ и представляютъ свѣдѣнія энциклопедическія. Кругъ этихъ источниковъ довольно обширенъ. Это суть большею частію писатели греческіе въ славянскихъ переводахъ. Между ними есть не только духовные писатели, но и свѣтскіе; притомъ одни изъ нихъ относятся къ древнѣйшему періоду Славянской литературы, другіе почти современны лексикографамъ. Писатели и сочиненія, на которыхъ указываетъ лексикографъ, суть: Діонисій Ареопагитъ, Григорій Богословъ, Лѣствичникъ, Максимъ Грекъ, грамматика, вѣроятно, Лавр. Зизанія, Уставъ Геннадія, Патерикъ Египетскій, Скитскій и Азбучной, Кроника царей Греческихъ и Римскихъ, Козма Индикопловъ, предисловіе къ Юдифи, Іоаннъ Богословъ, Уставъ, Семеонъ Юродивый, Цѣпь Златая, Кириллъ Александрійскій, Кириллъ Бѣлозерскій, Похвала царю Константину, Геннадія житіе Ѳеодосія Великаго, Авва Дороѳей, Ефремъ Сиринъ;

заглавіемъ: Бесѣдованіе Максима Грека о пользѣ грамматики. 1782 г.

*) См. изданіе Копитара: Hesychü glossograhi discipulus. 1840 г.

**) См. изданіе Ганки: Mater verborum.

Слово Успенію Богородицы, Варсонуфій Великій, Златоустъ, Епифаній Кипрскій, Кормчая, Григорій, пресвитеръ обители Пантократорскія, Толкованіе Григорія, папы Римскаго, Іоаннъ Дамаскинъ, Греческіе хронографы, житіе Аверкія, Даніилъ Столпникъ, житіе Іоанна Дамаскина, житіе Епифанія Кипрскаго, Петръ Митрополитъ, житіе Онуфрія Великаго, Іоанна Милостиваго, Сергія Радонежскаго, Пахомія Великаго, Аѳанасія Аѳонскаго, Арсенія Великаго, Іоанна Златоустаго, Саввы Священнаго, Повѣсть о Святогорскихъ монастыряхъ, хожденіе Александра, царя Македонскаго, Палія, Правила соборныя, Прологъ, Паремія, Книги Ветхаго и Новаго Завѣта, Пахвала царю Константину. Свѣдѣнія, заимствованныя изъ нихъ, относятся къ разнымъ отраслямъ знаній и представляютъ весьма интересныя данныя для исторіи просвѣщенія. Любознательные составители этихъ словарей брали изъ названныхъ сочиненій все, что только казалось имъ новымъ и любопытнымъ и изъ области географіи и этнографіи, изъ всеобщей и естественной исторіи, изъ миѳологіи, астрономіи, метеорологіи, и если не даютъ намъ полной тогдашней энциклопедіи свѣдѣній по означеннымъ отраслямъ знаній, за то свидѣтельствуютъ объ ихъ характерѣ, о степени образованности и міросозерцаніи передовыхъ людей того времени. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ сдѣлать указаній на всѣ такого рода объясненія съ означеніемъ сочиненій, откуда они заимствованы,—ихъ можно найти въ изданіи Сахарова, гдѣ это дѣло исполнено весьма тщательно и отчетливо, хотя и не со всей полнотой.

Богатство энциклопедическихъ свѣдѣній составляетъ отличительную черту Велико-русскихъ словарей и важное преимущество ихъ предъ прежними словарями; въ другихъ отношеніяхъ, для исторіи языка, они имѣютъ одинаковое значеніе съ послѣдними, отличаясь отъ нихъ большимъ числомъ и разнообразіемъ словъ, но за то и большею случайностію ихъ подбора.

Эта случайность набора словъ составляетъ общую черту и всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами словарей. Только

одна мысль выставляется въ этихъ трудахъ, какъ главная и руководительная,—это мысль выбирать слова «неудобь разумѣваемыя,» употребляющіяся преимущественно въ кругу церковной письменности. Но исполненіе ея совершенно случайное: составители этихъ словарей, исключая Л. Зизанія, не заботились о томъ, къ какому языку или нарѣчію принадлежатъ тѣ или другія слова,—всякое попавшееся слово казалось имъ годнымъ, лишь только оно было непонятно. Не таковъ трудъ Памвы Берынды, хотя и онъ также имѣетъ характеръ древнихъ словарей.

К. Ширскій.

(Окончаніе въ слѣд. кн.).

СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ о Супрасльской рукописи.

Приступая къ разбору одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ Славянской письменности, не лишнимъ считаю предварительно сказать нѣсколько словъ объ руководящемъ мною мотивѣ, побудившемъ меня остановить свое вниманіе на исключительно настоящемъ изслѣдованіи, о планѣ, которымъ я руководствовался при изложеніи, и наконецъ о тѣхъ средствахъ, которыя мнѣ служили пособіемъ и руководящими нитями при изслѣдованіи этого памятника.

Нахожу лишнимъ распространяться о важности избранной мною темы. Предметъ такъ важенъ, а до сихъ поръ такъ мало разработанъ въ научномъ отношеніи, что уже эти двѣ причины могутъ служить достаточнымъ основаніемъ нашего выбора.

То, что мы имѣли въ виду, можно свести въ двѣ главныя рубрики. Въ первой мы желали представить, такъ сказать, исторію нашего памятника, т. е. время его возникновенія, отрытія и дальнѣйшіе за тѣмъ переходы, съ нимъ послѣдовавшіе, затѣмъ опредѣлить мѣсто, которое онъ занимаетъ въ ряду другихъ, сродныхъ съ нимъ и одновременныхъ ему памятниковъ Славянской письменности XI-го вѣка, и, наконецъ, посредствомъ сравненія доступныхъ намъ источниковъ, опредѣлить отсюда языкъ памятника, особенности котораго уже войдутъ во вторую часть—филологическую. Здѣсь мы старались представить фонетическія формы языка Супрасльской рукописи, очеркъ флексій и тѣхъ своеобразныхъ уклоненій отъ общихъ законовъ измѣненій древнеславянскихъ словъ, которыя выдвигаютъ этотъ памятникъ изъ ряда другихъ, писанныхъ Кирилловскими буквами въ томъже вѣкѣ и придаютъ ему свой особый, индивидуаль-

ный характеръ.—Но здѣсь же мы должны сдѣлать оговорку: слѣдя за развитіемъ этихъ положеній въ самомъ изслѣдованіи, нерѣдко можно встрѣтить нѣкоторыя уклоненія отъ принятаго нами плана, а въ иныхъ мѣстахъ почти даже совершенныя отступленія;—поэтому мы обязаны здѣсь же предварить читателя, что такая разработка этого памятника зависѣла главнымъ образомъ отъ извѣстнаго количества и степени пригодности тѣхъ источниковъ, которыми мы имѣли возможность пользоваться. Мы затронули здѣсь только тотъ рядъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ желательно было бы всякому изслѣдователю; но надѣюсь, не поставятъ намъ въ укоръ того, что мы не выполнили вполнѣ той задачи, которую сами для себя сдѣлали обязательной. Мы представляемъ здѣсь нашъ посильный трудъ, который, между прочимъ, можетъ служить тоже въ нѣкоторой степени и мѣриломъ того, на сколько мы обладали возможностью удовлетворить заявленнымъ здѣсь требованіямъ.—Вообще, объ источникахъ по этому предмету мы должны здѣсь прибавить нѣсколько соображеній. Скудость и неудовлетворительность ихъ объясняется тѣмъ, что предметъ, нами изслѣдуемый, такъ еще новъ, что большой литературной разработки его едва ли и можно было бы и требовать. Но чему приписать часто встрѣчающіяся разногласія объ одномъ и томъ же предметѣ, неисключая даже и такихъ случаевъ, когда дѣло идетъ о второстепенныхъ вещахъ? Чѣмъ напр. объяснить извѣстіе ксендза Бобровскаго о найденной имъ Супрасльской рукописи, которую онъ называетъ membraneus (*), въ то время какъ Миклошичъ называетъ её membranaceus, конечно, это филологическія тонкости; однако все таки мы не рѣшимся этихъ двухъ выраженій назвать синонимами. Но объ этомъ мы будемъ говорить еще въ своемъ мѣстѣ; теперь же перейдемъ къ первой части этого изслѣдованія—исторической.

(*) Membrana—кожа, плева, пергаментъ, отсюда прилагательное membraneus кожаный, и другое прилагательное membranaceus, употреблено въ смыслѣ матеріала (кожи), какъ вещества, на которомъ была рукопись написана.

I.

Часть историческая.

Въ 1825 году ученый корреспондентъ «Библіографическихъ Листовъ,» Ксендзъ Михаилъ Бобровскій, въ письмѣ своемъ отъ 20-го Марта прислалъ къ издателю этихъ Листовъ, Петру Ивановичу Кеппену, Описаніе пергаментной рукописи Славянской, видѣнной имъ въ Супрасльскомъ Греко-Уніатскомъ монастырѣ (мѣстечко Супрасль—въ 15 верстахъ отъ Бѣлостока, уѣзднаго города Гродненской губерніи). При этомъ онъ приложилъ снимокъ 16-ти строкъ изъ этой рукописи.

Извѣстіе это объ Супральской рукописи, обнародованное П. И. Кеппеномъ въ 14-мъ № его Листовъ за этотъ годъ, считается первымъ по времени.

Послѣ него Францъ Миклошичъ въ 1846 году издалъ въ Вѣнѣ въ образецъ этой рукописи, отрывокъ изъ нея, подъ заглавіемъ: «Homilia S. Ioannis Chrysostomi;» но, какъ можно заключить изъ послѣдующихъ его изданій, не прибавилъ къ нему никакихъ, ни историческихъ, ни филологическихъ свѣдѣній объ этой рукописи.

Въ слѣдующемъ году, 1847, онъ же снова отпечаталъ въ Вѣнѣ «Житія Святыхъ» (Vitae Sanctorum), это нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ Житій въ самой рукописи; но здѣсь онъ говоритъ, что Житія эти онъ перепечатываетъ изъ Кодекса, который, нѣкогда принадлежа Варѳоломею Копитару, теперь, вмѣстѣ съ его книгами, поступилъ въ библіотеку Лайбахскаго (Люблянскаго) Лицея. Когда и какимъ образомъ рукопись эта, которую ксендзъ Бобровскій еще 1825 г. видѣлъ въ Супрасльскомъ монастырѣ, перешла потомъ къ Варѳоломею Копитару, объ этомъ мы нигдѣ не нашли никакихъ извѣ-

стій. Время же перехода ея въ библіотеку Люблянскаго Лицея можетъ быть опредѣлено только проблематически, допустивъ, что она перешла туда послѣ смерти обладателя ея, Варѳоломея Копитара (послѣ 1846 г.)

Свѣдѣній о томъ, кто принесъ эту рукопись въ Супрасльскій монастырь, тоже нѣтъ. Ф. Миклошичъ, издавшій ее въ 1851 году въ Вѣнѣ подъ заглавіемъ: «Monumenta linguae palaeoslovenicae, e codice Suprasliensi,»—предполагаетъ, что рукопись эта принесена въ Супрасльскій монастырь или основателемъ его, Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ, или однимъ изъ его преемниковъ. На сколько вѣроятно это предположеніе—опредѣлить мы не можемъ, но полагаемъ, что съ такою же достовѣрностью можно предположить, на основаніи тѣхъ же источниковъ, (*) что и монахи Базильяне, перешедшіе въ этотъ монастырь, могли съ собою принести эту же рукопись, такъ какъ въ цитируемомъ сочиненіи мы находимъ ясныя доказательства того, что Базильяне Супрасльскаго монастыря собрали значительную библіотеку, обладающую рѣдкими сочиненіями. Заботливость монаховъ съ одной стороны и богатство этой библіотеки съ другой, кажется, дѣлаютъ возможнымъ допущенное нами предположеніе.

Что же касается самаго Супрасльскаго монастыря, который одни называютъ Базильянскимъ, другіе—Греко-Уніатскимъ, то, чтобы согласить между собою эти разногласія, слѣдуетъ замѣтить, что основаніе этого монастыря изслѣдователи относятъ къ 1533-му году, прибавляя, что онъ первоначально устроенъ былъ для монаховъ Базильянскаго Ордена; но, со введеніемъ Уніи, т. е.,

---

(*) См. Baliński i Lipiński. Starożytna Polska. Warszawa. 1846 г. Т. III. стр. 391.

съ 1596 г. и этотъ монастырь, безъ сомнѣнія, перешелъ въ вѣдѣніе Уніатовъ, существовавшихъ еще во время посѣщенія этого монастыря ксендзомъ Бобровскимъ въ 1825 году. Но, со времени уничтоженія Уніи въ 1839 году и перехода всѣхъ Уніатовъ на лоно Православно-Каѳолической Церкви, и Супрасльскій Греко-Уніатскій монастырь перешелъ въ вѣдѣніе православнаго духовенства. Такимъ образомъ дѣлается понятнымъ, отчего кс. Бобровскій называетъ этотъ монастырь Греко-Уніатскимъ, а Миклошичъ—Базильянскимъ.

Кто писалъ Супрасльскую рукопись—неизвѣстно. Еще А. Х. Востоковъ (въ 14-мъ № Библіографическихъ Листовъ за 1825-й годъ), прочтя въ выпискѣ г. Бобровскаго, что на 103 страницѣ приписано: «ги (*) помилоуі ретка» предположилъ: «не писецъ ли назывался ретъко или ретокъ.» Но предположеніе это Востокова опровергъ Миклошичъ, говоря, что это, вѣроятно, позднѣйшая приписка. (У него, между прочимъ, на 104-й страницѣ). На такомъ же точно основаніи можно бы было предположить, что рукопись эту писалъ или амосъ или макаріос, потому что и эти имена значатся на поляхъ 152 и 189 листовъ нашей рукописи.

Супрасльская рукопись по древности своей уступаетъ развѣ немногимъ Славянскимъ памятникамъ Кирилловскаго шрифта. Но такъ какъ годъ въ этой рукописи не означенъ, то для того, чтобы опредѣлить, когда именно она написана, нужно прибѣгнуть къ изслѣдованіямъ филологическимъ, ибо такихъ историческихъ данныхъ, по которымъ бы можно было судить о древности ея,—

(*) По другой редакціи: господи.

нѣтъ. Первый оцѣнщикъ этого памятника, г. Бобровскій, говоритъ, что онъ относится къ XIII вѣку,—заключая это по нѣкоторымъ, происшедшимъ уже въ XIII в. у Сербовъ, разностямъ правописанія (какъ то: что иногда ъ употребляется вмѣсто ь, и обратно; иногда поставлено день, а иногда дьнь), quod negligentia librariorum factum est in Serbia seculo XIII (говоритъ онъ), ut observavit celeber. Dobrowski (Institutio linguae Slov. pag. 13); quare et hunc codicem ad seculnm XIII retuli:»

Возраженія на это мнѣніе приведены Востоковымъ въ той же самой статьѣ. Здѣсь доказывается неосновательность мнѣнія Бобровскаго тѣмъ, что тѣ разности, по которымъ онъ относитъ этотъ памятникъ къ XIII вѣку, признаются несомнѣнно существовавшими уже и въ письменныхъ памятникахъ XI-го вѣка. Въ подтвержденіе того мнѣнія, что ъ и ь часто мѣнялись, приводятся примѣры изъ Григорія Богослова (въ № 7 Библіографическихъ Листовъ стр. 89: погыбѣлъ (вм.—ль,) съдѣлаетъ (вм.—ть). Также въ Изборникѣ Святослава 1076 и въ Остромировомъ Еванг. 1056 г. находится кое-гдѣ ъ послѣ ж, ш, ч, щ вм. ь—ря: шъдъ (вм,—шьдъ) лежащъ (вм.—щь). и проч. Тоже въ спискѣ Богословія Іоан. Дамаскина, начала XII в. (см. Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, стр. 22) шъдъ, пришъдъ (вм. шьдъ, пришьдъ) (*).

Изъ этихъ примѣровъ видно, что мѣна ъ—ра и ь—ря употреблялась далеко еще до XIII-го вѣка, и только съ того времени она начала чаще встрѣчаться, (напр. въ спискѣ Шестоднева 1263 г. См. Іоаннъ, Экз. Болгарскій, изд. Калайдовича). Впрочемъ Во-

(*) Въ начертаніи буквы и (и) мы слѣдовали снимку изъ Супрасльской рукописи, приложенному къ ея изданію—(н.)

стоковъ здѣсь же прибавляетъ, что это явленіе (ъ вм. ь—ря и обратно) есть уклоненіе отъ общепринятаго въ древнѣйшихъ Ц. славянскихъ рукописяхъ употребленія; и замѣтивъ въ одномъ древнемъ отрывкѣ (Житіе Св. Кодрата, см. списокъ русскимъ памятникамъ № 20 стр. 24-я), относимомъ имъ къ XI вѣку, что въ немъ употреблены были все ъ—ра, называетъ даже это странностью!

А. Востоковъ въ общихъ чертахъ такъ описываетъ признаки древности Супрасльской рукописи: «Форма буквъ, языкъ и правописаніе (видѣннаго имъ отрывка),—все показываетъ въ этой рукописи еще одинъ уцѣлѣвшій памятникъ древнѣйшей Словенской письменности, по нашему мнѣнію, никакъ не моложе XI-го вѣка!» Въ другомъ мѣстѣ онъ нѣсколько подробнѣе опредѣляетъ тѣже признаки. Онъ говоритъ: «Въ сей рукописи (Спр.) слѣдуетъ замѣтить два признака древности, находимые обыкновенно только въ рукописяхъ XI-го и XII вѣка, а именно: полное прописываніе предлога отъ вмѣсто позднѣйшаго сокращенія ѿ и употребленіе буквъ шт вм. щ. Къ сему прибавить можно слова: цѣсарь, цѣсарьствоующтоу (вм. царь, царьствоующоу), и наконецъ самую форму буквъ, которая безошибочнѣе всѣхъ другихъ доказательствъ. «Чтобы представить полный очеркъ мнѣній Востокова, высказанныхъ имъ о древности Супрасльской рукописи, слѣдуетъ прибавить еще одно обстоятельство: замѣтивъ, что дни новѣйшихъ Святцъ не соотвѣтствуютъ порядку Житій въ рукописи, ученый изслѣдователь заключаетъ, что и это слѣдуетъ отнести къ ея древности, ибо, говоритъ онъ, это новое доказательство того, что рукопись написана была многими вѣками прежде извѣстнаго исправленія Православною Церковью Мѣсяцеслова. Въ возраженіе на это нельзя привести того, что листы, какъ увидимъ ни-

же, переплетены не въ порядкѣ, и что, поэтому, неудивительно, если новѣйшіе Святцы не согласуются съ расположеніемъ Житій въ рукописи. Соображеніе это не имѣетъ мѣста еще потому, что здѣсь дѣло идетъ о празднованіи въ одни и тѣже дни мѣсяца не однихъ и тѣхъ же Святыхъ.

Обратимся теперь къ самому издателю этой рукописи, Миклошичу, и посмотримъ, какъ тотъ опредѣляетъ время ея составленія. Въ полномъ изданіи своемъ (см. Monumenta linguae palaeoslovenicae, pag. IV.) онъ говоритъ: «Что касается до времени, къ которому слѣдуетъ относить нашъ кадексъ, то въ этомъ мы сошлемся на нашихъ изслѣдователей, (и Востокова? между проч.) утверждающихъ, что этотъ памятникъ, самый древній изъ всѣхъ старославянскихъ рукописей, писанныхъ Кирилловскими буквами на Славянскомъ языкѣ, должно относить къ XI-му вѣку: это явствуетъ изъ многихъ словъ, впервые сдѣлавшихся памятными изъ этого кодекса; это видно изъ древнѣйшихъ фонетическихъ формъ; видно, наконецъ, изъ начертанія буквъ, а также изъ буквы, ѧ, которая въ одномъ только этомъ кодексѣ соблюдается.»

Далѣе приведена ссылка на А. Х. Востокова, относящаго эту рукопись къ XI вѣку. Наконецъ несомнѣнно утверждается, что она написана была гораздо прежде, чѣмъ принесена въ Россію.

Приведенныя здѣсь доказательства древности этой рукописи по большей части вѣрны, и могутъ быть оправданы на дѣлѣ; посему оспаривать ихъ мы не станемъ; но мы не можемъ также согласиться съ почтеннымъ издателемъ этого памятника, г. Миклошичемъ, относящимъ сюда и особое начертаніе буквы ѧ, какъ признакъ его древности. Мы думаемъ, что эта замѣна буквы ѧ буквою

оригинальной формы—(д), могла произойти и позже, и довольно трудно утверждать бездоказательно, что именно употребленіе этой буквы, между прочимъ, служитъ признакомъ древности самой рукописи. Да, наконецъ, и самъ Востоковъ умалчиваетъ объ этомъ признакѣ; и если мы не можемъ его словъ привести въ пользу нашего предположенія, это же самое, въ свою очередь, относится и къ мнѣнію Миклошича.

Теперь намъ слѣдуетъ опредѣлить мѣсто составленія разсматриваемой нами рукописи. И на этотъ вопросъ, какъ и на предшествующіе, мы не находимъ отвѣта въ самой рукописи; для рѣшенія его мы снова принуждены обратиться къ филологическимъ изслѣдованіямъ. Ни Бобровской, ни Востоковъ не даютъ намъ положительнаго отвѣта на это. Послѣдній только въ нѣкоторыхъ особенностяхъ правописанія видитъ признаки какого либо нарѣчія Западныхъ Славянъ. Онъ выводитъ это: 1) изъ замѣны ъ—ра ь—ремъ въ предлогахъ: вь, сь, оть (вм. съ, въ, отъ); въ мѣстоименіяхъ: ть (вм. тъ) и въ словахъ: мльуаливааго, мльуаниѥ, и 2) изъ отсутствія вставныхъ л (л epentheticum), принадлежащихъ восточному племени (см. Dobrowski: Instifulio linguae Slavicae. Praefacio § I.). (*) Здѣсь они замѣнены ь—мъ: поставьѥнъ (вм. поставлѥнъ), ослѣпьаѥтъ (вм. ослѣплаѥтъ) и проч. Но встрѣтивъ въ томъ же памятникѣ особенность русскаго Новгородскаго нарѣчія (ч вм. ц и обратно), согласуетъ это явленіе съ предшествовавшимъ тѣмъ, что допускаетъ тотъ же признакъ и въ другомъ какомъ либо нарѣчіи Западныхъ Славянъ, кромѣ Русскихъ (**).

(*) Šafárik. Slov. Narodop. Признакъ III-й.
(**) Кеппенъ.

Изъ приведенныхъ мѣстъ мы можемъ только заключить нѣчто объ языкѣ и въ особенности о діалектѣ нашего памятника, но объ мѣстѣ его составленія нельзя сказать ничего вѣрнаго, почему обратимся къ другимъ изслѣдователямъ, не найдемъ ли у нихъ какихъ—либо указаній.

Опредѣленнѣе другихъ объ этомъ говоритъ Миклошичъ: «Nobis persuasum est (пишетъ онъ), et sine dubio etiam doctus lector nobiscum persuasum habebit, codicem nostrum neque in Serbia, neque in Russia, sed in ipsa linguae Palaeoslovenicae partia scriptum esse.» Если принять мнѣніе большей части новѣйшихъ ученыхъ, какъ Востокова, Бодянскаго, (*) Горскаго, (**) и, изъ соплеменныхъ, Шафарика, (***) а также Шлейхера какъ положеніе, что языкъ Церковно-Славянскій есть древне-Болгарскій, то и можно предположить съ нѣкоторою вѣроятностью, что Patria linquae Palaeoslovenicae есть древняя Болгарія, и что, въ такомъ случаѣ, и Супрасльская рукопись была написана въ Болгаріи. Но объ этомъ самъ Миклошичъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ еще удовлетворительнѣе; мы позволимъ себѣ передать это его же словами: «въ Супрасльской рукописи, которая хотя написана по сю сторону Дуная, однако, что въ высшей степени вѣроятно, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ хранилась въ Россіи,—я не могу не признать исправлявшей руки Русскаго въ окончаніи ть нѣкоторыхъ формъ,

---

(*) Бодянскаго: Пересопницкое Евангеліе. Ж. М. Н. Пр. 1858 г. № 5.

(**) Что Ц.-Славянской языкъ есть древне-Болгарскій. См. Ж. М. Н. Пр. 1843. № 6-й.

(***) Слав. Древности въ переводѣ Бодянскаго. Т. 2 кн. 1-я Slov. Nărodop. изд. 3-е 1849 г. стр. 34-я.

образовавшихся посредствомъ флексій; а что исправленія были, показываетъ рукопись.» Наконецъ если сюда еще прибавимъ, что Миклошичъ въ словахъ: кропами, которое должно быть написано кропьями, и въ корабь видитъ вставку такъ называемаго епентетическаго л., которую онъ считаетъ позднѣйшей передѣлкой, послѣдовавшей вслѣдствіе вліянія русскаго говора,—то не усумнимся памятникъ этотъ отнести по происхожденію къ Западно-Славянской вѣтви. (*) Теперь можемъ приступить къ ознакомленію съ самой рукописью.

Супрасльская рукопись и по наружному своему виду носитъ всѣ признаки глубокой древности. Объ этомъ Бобровскій говоритъ слѣдующее: «Codice isto, qno ad formam exteriorem, nullum antiquiorem in extraneis bibliothecis vidi»..... И даже... «membrana ob antiqnitatem florescens; atramenti nigredo quodammodo evanuit».....
Изъ этихъ словъ видно, что рукопись состоитъ изъ пергамента; но Бобровскій прибавляетъ, что онъ даже довольно тонокъ и гладокъ.

Форматъ рукописи большой, in—4°. Миклошичъ говоритъ, что Кодексъ этотъ membranaceus; если такъ, то онъ не membraneus, т. е. только онъ похожъ съ вида на пергаментный, имѣющій видъ пергаментнаго, то это еще не значитъ, что такъ по крайней мѣрѣ мы объясняемъ изъ пергамента себѣ эти два различныхъ названія. Число листовъ показано не одинаково. Бобровскій писалъ, что рукопись эта состоитъ изъ 253 листовъ въ большую 4-тку; но издатель ея, Миклошичъ, опредѣляетъ объемъ ея въ 285 листовъ, изъ коихъ первые 118-ть находятся теперь въ Библіотекѣ Лайбахскаго Лицея, пе-

(*) Miklosich. Fergleichende Lautlehre §§ 77—78.

решли же онисюда отъ Вареоломея Капитара, вмѣстѣ съ его книгами; но куда унесены остальные, въ числѣ 167-ми листовъ, онъ опредѣлить не можетъ. Однако Библіотека сказаннаго Лицея обладаетъ спискомъ всего Кодекса, писаннымъ рукою Вареоломея Копитара. Изъ этого видно, что списыватель имѣлъ подъ рукою еще цѣлую рукопись, и только, можетъ быть, при переходѣ ея въ Библіотеку Лайбахскаго Лицея часть ея затерялась. Значитъ, и г. Бобровскій видѣлъ въ Супрасльскомъ монастырѣ еще полную оригинальную рукопись! Отчего же онъ говоритъ, что въ ней только 253 листа? Не опечатка ли это? «Но и онъ, и Миклошичъ единогласно утвержаютъ, что тетради этой рукописи переплетены не въ порядкѣ, и оттого статьи перемѣшаны.

Число тетрадей—37. Они соединены между собою слѣдующимъ образомъ:

I. Тетрадь in—4° изъ 7-ми листовъ; недостаетъ 1-го листа.

II. Тетрадь in—4° цѣльная;

III. Тетрадь in—4° изъ 6-ти листовъ; нѣтъ въ ней 4-го и 5-го листа;

IV—V. Двѣ тетради in—4° цѣльныя;

VI. Тетрадь in—5° изъ 9-ти листовъ; нѣтъ 10-го листа; но въ текстѣ этотъ перерывъ не замѣтенъ.

VII—X (включительно). Четыре тетради in—4° цѣльныя;

XI. Тетрадь in—4° изъ 6-ти листовъ; нѣтъ 7-го и 8-го листа.

XII. Тетрадь in 4° изъ 4-хъ листовъ; недостаетъ 4-хъ листовъ 5-го, 6-го, 7-го и 8-го.

XIII—XV. (включительно). Три тетради in—4° цѣльныя.

XVI. Тетрадь in—4° изъ 6-ти листовъ; недостаетъ въ ней 7-го и 8-го листа.

XVII—XXXVI (включительно). Двадцать тетрадей in—4° цѣльныхъ,

XXXVII. Тетрадь in—4o изъ 7-ми листовъ; ибо недостаетъ въ ней 7-го листа.

Сколько листовъ недостаетъ между X-й и XI-й тетрадью in—4o—неизвѣстно.

Каждая страница заключаетъ въ себѣ 30 строкъ. Содержаніе Супрасльской рукописи слѣдующее:

15 Мученій разныхъ Святыхъ, память которыхъ празднуется Православною Церковью съ 4-го по 31-ое Марта.

8 Житій Святыхъ, празднуемыхъ съ 10-го по 30-е Марта.

1 Чудотвореніе Св. Кóнона.

20 Словъ Іоанна Златоуста на разные святые дни и праздники отъ Вербной до Ѳоминой недѣли.

1 Слово Патріарха Фотія.

1 Епифанія, Арх. Кипрскаго.

1 Василія Великаго (Похвала о 40 мученикахъ).

1 Молитва Св. Піона (взятая изъ другихъ источниковъ).

Для того, чтобы получить полное представленіе объ содержаніи этой рукописи, мы прибавляемъ описаніе его съ показаніемъ, въ какіе дни мѣсяца праздновалась память какихъ Святыхъ въ то время, когда рукопись была написана сравнительно съ новѣйшими Святцами.

Отсюда же видно, какихъ частей недоставало въ оглавленіи г. Бобровскаго.

Статья 1-я занимаетъ 7 листовъ. Начала нѣтъ. Далѣе статьи слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ. Они, какъ видно, перемѣщаны, что, какъ мы уже знаемъ, произошло отъ непраправильнаго переплета.

Представляемъ здѣсь содержаніе Супрасльской рукописи въ слѣдующей таблицѣ.

Порядокъ статей у		Числа дней въ		
Мик.	Бобр	Рук.	Свят	Содержаніе Супрасльской рукописи.
1	1	—	4	Мученіе Св. Павла и Іуліаніи, сестры его.
2	2	є҃	3	Мѣсяца Марта въ є҃ день. Мученіе Святаго Василиска.
3	3	ѕ҃	5	— — — — — ѕ҃ — Чудотвореніе Св. Конона въ Исавріи.
4	4	ξ	6	Мученіе Св. Мученика Өеодора, Константина, Калиста, Васоя.
5	5	д	9	Мученіе м҃ мучен. Севастійскихъ.
6	6	—	—	Св. Василія похвала 40 мучен.
7	7	ї	10	Мученіе Кодрата и иже съ нимъ.
8	8	аї	11	Житіе Григоры, папы Роумскаго.
9	9	вї	—	Мученіе Св. Піона Пресвитера.
10	—	—	—	Молитва Св. Піона (иже ся обрѣтѣ въ другомъ писаніи).
10	1	гі	16	Мученіе Св. Савина.
12	—	—	15	Martyrium S. Alexandri.
13	—	—	—	Martyrium S. Thalassii.
14	11	Өі	10	Житіе Павла Прѣпростааго.
15	12	к	—	Мученіе Теренція, Африкана и Помпія.
16	13	ка	22	Житіе Исааки.
17	14	кв	18	Мученіе Св. Трофима и Евкарпіона.
18	15	кг	—	Мученіе Дометія и ученикъ его.
19	16	вд	24	Страсть Мученика Артемія.
20	—	—	25	Homilia S. Ioanni Chrysosthomi. in Annuntiatio).
21	17	—	25	Слово Іоанна Златоустаго на Благовѣщеніе.
22	18	кѕ	26	Мученіе Святаго Иринея.
23	—	кө	31	Мученіе Іоны и Варахисія.
24	19	л	30	Житіе Іоанна Схоластика.

Порядъ статей у		Дни Святцъ въ		
Мик.	Боб.	Рук.	Нов.	
25	20	ла	30	Житіе Іоанна Молчаливаго.
26	21	—	—	Слово Іоан. Златоуст. о Лазарѣ.
27	—	—	—	Слово Іоан. Златоуст. о Лазарѣ.
28	22	—	—	Слово Іоан. Злат. на Вербн. нед.
29	23	—	—	Слово Фотія на Вербную недѣлю о Лазарѣ.
30	30	—	—	Слово Златоуста въ Вел. Понед.
31	24	—	—	Слово Златоуста о Алканіи и о Іосифѣ, и о Іонѣ, и о Давидѣ.
32	25	—	—	Слово Златоуста въ Святой Втор.
33	26	—	—	Слово Іоанна Злат. въ Вел. Втор.
34	27	—	—	Слово Іоанна Златоуста въ Великую Среду къ Пасцѣ.
35	28	—	—	Слово Іоан. Злат. въ Вел. Среду.
36	29	—	—	Слово Іоан. Злат. въ Святой Четв.
37	31	—	—	Слово Іоан. Злат. въ Великій Чет.
38	32	—	—	Слово Іоан. Злат. въ Святой Пят.
39	33	—	—	Слово Іоанна Златоуста на утрени по Пятницѣ (въ Субботу?)
40	34	—	—	Слово Св. Епифанія Архіепископа Кипрскаго.
41	35	—	—	Слово Іоанна Златоустаго на Воскресеніе Христово.
42	36	—	—	Слово Іоанна Златоустаго на Святую Пасху.
43	37	—	—	Слово Іоан. Злат. на Свят. Пон.
44	38	—	—	Слово Іоанна Златоустаго въ Новую Недѣлю по Ѳомѣ.
45	39	—	—	Слово Іоан. Злат. о Апос. Ѳомѣ.
46	40	—	—	Житіе Якова Черноризца.
47	41	3	7	Житіе Василія и Капитона.
48	42	іи вм.	иі	Житіе Анина (конца нѣтъ).
48	42	Марта 5–31	3–31	

Этой послѣдней статьей, занимающей 14 листовъ, рукопись прерывается.

Изъ этого оглавленія видно, что число статей у Миклошича и Бобровскаго неодинаково; у втораго меньше 6-ю статьями; это могло произойти отъ того, что онъ выписывалъ, какъ, кажется, одни заглавія, и статьи безъ заглавій въ текстѣ остались у него не выписанными; между тѣмъ какъ Миклошичъ поставилъ въ своемъ изданіи особо и такія статьи, которыя не имѣли собственныхъ заглавій. Но и онъ не всѣ еще внесъ въ оглавленіе и не указалъ ихъ въ содержаніи; такъ онъ пропустилъ: 1) Василія Великаго похвала о 40 мученикахъ и 2) Молитвы Св. Піона.

Есть еще одинъ памятникъ древности, относимый Востоковымъ тоже къ XI вѣку, это Житіе Св. Кодрата, находящееся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, отрывки коего изданы Кеппеномъ въ спискѣ русскихъ памятниковъ, Москва 1822 г. in 8о № 20 стр. 24. Рукопись эта содержитъ тотъ же текстъ, что и Супрасльская, только съ небольшими перемѣнами въ словахъ; изъ этого слѣдуетъ, что оба эти одновременные памятники имѣли одинъ и тотъ же источникъ, по всей вѣроятности, греческій, (*) и Миклошичъ въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ, что, и онъ имѣлъ подъ рукою, при изданіи, нѣкоторыя части этого памятника въ оригиналѣ, (кажется, греческомъ). Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности пользоваться этими источниками.

Рукопись наша написана красивымъ уставнымъ почеркомъ, въ правильности начертаній уступающимъ, можетъ быть, развѣ только Остромирову Евангелію. Но онъ

(*) Или лучше сказать—древне-Болгарскій.

писанъ не однимъ лицомъ. Миклошичъ замѣчаетъ, что на страницѣ 99-й (по его изд.) въ строкѣ 20-й отъ слова еша, до стр. 100, строки 9-й слова гатьство—другая рука (?) и въ этомъ отрывкѣ видитъ даже другой способъ выраженія (образъ рѣчи).

Наконецъ въ 4-хъ листахъ на поляхъ написано по большей части другими несвѣдущими и позднѣйшими лицами; мѣста эти (по изд. Микл.) суть:

1. Листъ 96-й: ѡбрадованнаꙗ радоуися стобоѭ господь имѣ миръ дꙋшамо моимо;

2. Листъ 104: господи помилоуи ретка аминь;

3. Листъ 152: господи помози рабоу амосоу оуоую (sic) сꙗ писати;

4. Листъ 189. Макаріос амир о.

Итакъ, въ этой части изслѣдованія мы послѣдовательно помѣстили историческія свѣдѣнія о Супрасльской рукописи, изданія ея, переходы съ ней совершавшіеся (въ хронологическомъ порядкѣ); за тѣмъ опредѣлили значеніе Супрасльскаго монастыря, старались найти личность писателя, время и мѣсто составленія рукописи; далѣе, описали наружный видъ ея, объемъ и порядокъ статей; наконецъ, содержаніе съ указаніемъ на статьи, въ ней заключающіяся, и, въ заключеніе, прибавили нѣсколько словъ о почеркѣ рукописи.

Теперь перейдемъ къ изслѣдованіямъ филологическимъ.

II.

Изслѣдованія Филологическія.

Супрасльская Рукопись написана Кирилловскими буквами. Начертанія этихъ буквъ почти одинаковы съ начертаніями ихъ въ Остромировомъ Евангеліи. Число особыхъ начертаній въ Супрасльской рукописи простирается до 48. Вотъ они (*):

ⰰ, ꙗ, Б, В, Г, Д, Є, Ѥ, Ж, Ѕ, Ꙁ, З, И, Ї, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, ОУ, Ȣ, Ю, Ф, Х, Ц, (ц), Ч (ч), Ш, ШТ, Щ, Ъ, Ꙑ, Ь, Ы, Ѣ, Ѧ, Ѩ, Ѫ, Ѧ, Ѥ, Ѭ, Ѯ, Ѱ, Ѳ, Ѵ.

Нѣкоторыя изъ этихъ буквъ имѣютъ и численное значеніе, а именно:

а=1, в= 2, г=3, д=4, є=5, ѕ=6, ꙁ=з=7, и=8, ѳ=9, ї=10, к=20, л=30, м=40; изъ нихъ составлены нѣкоторыя и сложныя цифры, какъ-то: аї, вї, и т. д., но есть и їи; здѣсь, какъ видно, переставлены буквы, вмѣсто иї, (для означенія числа 18-ти).

Сравнивая буквы Супрасльской рукописи и Остромирова Евангелія (по изд. Востокова), мы видимъ, что не смотря на одновременность составленія обоихъ памятниковъ, между ними естъ нѣкоторое различіе, а именно:

1) Въ нашей рукописи нѣтъ начертнія ѕ, показаннаго Востоковымъ при s; но въ замѣнъ его встрѣчается з; первое начертаніе въ Остром. Евангеліи употребляется только два раза, и то для означенія числа 6-ти, у насъ же послѣднее встрѣчается очень часто.

(*) Въ образецъ принятъ снимокъ при рукописи.

2) Въ численномъ же значенiи служитъ для означенiя 7-ми, а не 6-ти, вопреки мнѣнiю Востокова, который полагаетъ, что во всѣхъ древнихъ рукописяхъ, до конца XIV-го вѣка, ѕ почти исключительно употребляется для числа 6-ти. У насъ для этого же числа служитъ буква ѕ, имѣющая только численное значенiе.

3) Въ приведенномъ нами алфавитѣ, буква ч (ц) имѣющая въ другихъ рукописяхъ нѣсколько отличное начертанiе (ч въ Остр. Ев.) легко можетъ быть смѣшиваема съ буквою ц, по сходству съ ней. Предположенiе наше даже оправдывается въ нѣкоторой степени, когда мы сошлемся на Бобровскаго, который читалъ именно эту букву какъ ч; напр. дѣвицъ вм. дѣвицъ; а на основанiи такого чтенiя и Востоковъ въ Библiографическихъ Листахъ полагалъ, что Рукоп. эта имѣетъ дѣйствительно такiя формы, которыя онъ назвалъ особенностями одного изъ Западно-Славянскихъ нарѣчiй; но все дѣло объясняется, когда мы внимательно разсмотримъ описываемыя нами начертанiя, тогда увидимъ, что для буквы ц есть совершенно особое начертанiе, точно также, какъ и въ Остром. Ев. ч, и потребляется совершенно правильно. А тѣ слова, которыя по видимому неправильно написаны чрезъ ч, должны быть написаны чрезъ ц. Для доказательства должно сравнить редакцiю выписокъ Бобровскаго, съ редакцiей рукописи по изд. Миклошича. Второй тамъ именно и ставилъ ч, гдѣ въ рукописи было начертано ч, во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ писалъ ц. Сравни у Бобровскаги (Библ. Листовъ стр. 192—4) мѫчениць памяти и у Миклошича (Супр. рук. стр. 62.) мѫчениче памяти· и Микл. Супральскую Рукопись и приложенный Fac-simile съ рукописью въ концѣ книги: сице, цѣсарьствоующоу отцоу,

мѣсаца, темници вмѣсто: **сице, цѣсарьствоующоумоу, отъ тоу, мѣсаца, темници**, и, наоборотъ, гдѣ въ снимкѣ ч, тамъ и въ изданіи ц, **мжченніе, плачаса, и обличи, мжцен-ніе, плацаса и облици.**

4) Въ нашей рукописи буквы **ѿ**—нѣтъ; она произошла изъ позднѣйшаго сокращенія предлога **отъ**, и отсутствіемъ своимъ въ рукописи говоритъ въ пользу ея древности.

5) Бубква **ѡ**, употребляется точно также, какъ и въ Остр. Евангеліи, т. е. въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ: **іѡаннъ**, и служитъ для выраженія междометія **ѡ!**

6) Равнымъ образомъ и буквы **щ** въ нашей рукописи не употребляется, также какъ и въ Глагольскихъ памятникахъ, а замѣнена сложнымъ начертаніемъ **шт**, изъ котораго, собственно говоря, и составилась она; напр. **живжште, аште, творяштиихъ**. Ученые изслѣдователи, между прочимъ, и этотъ признакъ относятъ къ древности рукописи. Однако Миклошичъ въ своей грамматикѣ утверждаетъ, что и буква **щ** иногда употребляется, только очень рѣдко; (мы однако не нашли ни разу составнаго ея начертанія) хотя и онъ самъ нѣсколько прежде въ изданномъ имъ отрывкѣ изъ Супр. рукоп. (1847 г.) говоритъ, что «compositae **щ** codex noster caret.»

7) Сверхъ того въ Супр. кодексѣ встрѣчаются еще слѣдующія буквы, которыхъ Остромирово Евангеліе не имѣетъ: **ы, ꙗ, и ю.**

Изъ сравненія начертаній буквъ въ этихъ двухъ памятникахъ мы видимъ, что разбираемый нами кодексъ обладаетъ большимъ количествомъ начертаній противъ

Остр. Евангелія, и, по нашему мнѣнію, онъ богаче въ этомъ отношеніи другихъ памятниковъ Славянской письменности того же шрифта.

Вообще о буквахъ нашей рукописи, начиная съ носовыхъ гласныхъ и двугласныхъ, мы должны замѣтить слѣдующее:

1) То, что составляетъ главную особенность нашей рукописи въ отношеніи къ буквамъ, это именно начертаніе буквы ѧ, встрѣчаемое почти исключительно въ нашей рукописи. Говоримъ: почти, ибо въ новѣйшее время Миклошичъ нашелъ начертаніе ѧ еще въ двухъ рукописяхъ, въ каждой по разу, именно: въ Патерикѣ монастыря Крка въ Далмаціи, XIV в. и въ отрывкѣ Евангелія, принадлежащемъ Константинопольскому Генералъ-Консулу Михановичу. Обѣ рукописи принадлежатъ Болгарской вѣтви (*).

Буква эта (ѧ) замѣняетъ собою носовую гласную ѫ, употреблявшуюся во всѣхъ прочихъ памятникахъ Кирилловскаго шрифта, и стоитъ въ текстѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ другихъ рокописяхъ ѫ: власти. (вм. власти) Впрочемъ бываютъ и исключенія: ѫ встрѣчается тамъ, гдѣ слѣдовало бы быть начертанію ѧ: сѫ (стран. 8 строка 23; 99—22;) тѫ, стран. 76 строк. 25. мѫ стр. 176—19: кънѧзоу (160—1); рѣшѫ (99—22; 99—25) лежѫштоу, (169—3) протѧгъше (75—21) ништѫѫ, (251-28); дръзѣншѫѫ (73—22); съвръшшѫѫ (248—5); творѫштѫѫ (145—13); надѣѭштѫѫ (74—16); (195—13); ненавидѫштѫѫ (10—21); градѫштѫѫ (340—11). Въ нѣкоторыхъ формахъ можно оправдать употребленіе ѫ вм. ѧ тѣмъ, что ·имъ

(*) Miklosich. Vergleichende Lautlehre 1852 г. seite 60.

предшествуетъ смягченный звукъ: глаголꙗ (325—8); дꙗлꙗ (210—18); на нꙗ (78—10); послѣдньꙗꙗ (273—11).

Буквѣ же ꙗ, встрѣчающейся въ другихъ рукописяхъ, въ нашей соотвѣтствуетъ ꙗ, такъ что въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ пишется ꙗ, послѣ согласныхъ а: ꙗзыкъ, добрыꙗ, своꙗ, свꙗтыни.

Востоковъ говоритъ, что ѩ и ꙗ уже съ XI вѣка вышли изъ употребленія, и ежели въ какой рукописи еще найдутся, то это можетъ служить вѣрнымъ признакомъ ея древности (*).

2) Сложныя начертанія буквъ ꙗ, ꙗ—ꙗ, ꙗ встрѣчаются очень рѣдко. Первое изъ нихъ (ꙗ) стоитъ вмѣсто ꙗ только въ слѣдующихъ словахъ: ꙗже 125—2, 137—17 (....) и ꙗзыкы 385—26; ꙗзеѫ 246—6. И въ этихъ случаяхъ, какъ замѣчаетъ Миклошичъ, формы эти уже позднѣйшей приписки. Столь же рѣдко встрѣчается буква іа вмѣсто тойже ꙗ: поіа, 261—22; сыа 163—2; мѫчителіа 399—6.

3) Буквы ѫ и ѭ правильно и постоянно употребляются для изображенія польскаго носоваго звука: ą, ią (**). зѫбъ, мѫжъ, голѫбъ, ѫзъкъіи—быкаѫтъ (***).

(*) См. Труды Московск. Общества любителей Русской Словесности, часть XVII. стр. 42 199. (Востокова: Разсужденіе о Словенскомъ языкѣ).

(**) Носовой выговоръ во всей силѣ остался еще у Люнебурскихъ Славянъ да у Поляковъ. Новославянскій языкъ сохранилъ слабые слѣды его. Всѣ же прочіе Слав. языки его утратили. Mikl Vrgl. Lautl ss. 50—56.

(***) Idem стр. 52. и 99.

4) Вмѣсто ꙑ встрѣчается, хотя очень рѣдко, неправильное начертаніе ы, и то только въ видѣ исключенія: бывьшоу, 160 — 2, вьн 52—2; вѣры 182—3: ногы 160—4; ньн 59—7; пакы 100—2; патын 129—3; съборы 146—14; сыны 195—12; севыровъ 218—14). Тоже самое явленіе замѣчается и въ другомъ Славянскомъ памятникѣ, того же вѣка, въ изборникѣ Святослава 1073 года, по замѣчанію Востокова. ън вмѣсто ꙑи находимъ преимущественно въ окончаніи им. пад. мужескаго рода прилагательныхъ: таковън (ркп. 253—13) и въ причастіи прошедшаго времени дѣйствит. залога сложнаго склоненія помъін (435—15). Въ другихъ случаяхъ рѣже: водън 323—23;—плодън 30—20; несъньтьство 30—19. прѣбънша 12—18; мѫченнкън. 156—23 помъншленню 182—11.

5) Впрочемъ, такое разнообразіе въ употребленіи начертаній одной и той же буквы легко будетъ понять, когда мы обратимся къ буквамъ, составившимъ это начертаніе. Оно состоитъ или изъ ъ или изъ ь-ря съ прибавленіемъ къ нимъ і или н; но такъ какъ полугласныя ъ и ь очень часто мѣняются въ нашей рукописи, то не удивительно, что тоже самое происходитъ и съ ихъ сложными начертаніями. И въ самомъ дѣлѣ, ъ вм. ь-ря встрѣчается въ окончаніи глаголовъ напримѣръ юстъ, бъістъ (вм. юсть, бъість) бѫдетъ (вм. бѫдеть) виждъ (вм. виждь и также въ срединѣ словъ: кръста, пръвон, пришъдъ,—хотя это, по мнѣнію Востокова, есть уклоненіе отъ принятаго въ древнѣйшихъ Церковно-Славянскихъ рукописяхъ употребленіе, чаще встрѣчающееся съ

XIII в. (въ приведенномъ выше спискѣ Шестоднева 1263 г.) но существовавщее несомнѣнно уже и въ XI вѣкѣ.

6) ь вмѣсто ъ нѣсколько разъ въ предлогахъ: вь, сь, оть, (вм. въ, съ, отъ) и мѣстоименіи ть (вмѣсто тъ въ словахъ: мльчаливааго, мльчание.—И вообще ъ и ь очень часто смѣшивается: нашъ вм. нашь, къ вм. кь, отьвѣтѣхъ вм. отъвѣтѣхъ.

7) Вмѣсто полугласной ь очень часто встрѣчается є: дєнь, домєнъ, вм. дьнь, домьнъ (отъ греч. Δόμνος), лєвъ, лєгъко, льстєць, тємница вм. львъ, льгъко, льстьць, тьмница. И вообще, ь и є переходятъ одно въ другое а) въ корняхъ бездєниє 57—17; вєсь 70—28; вьзєми 233—10; вьзємъ 18—29; възємъ 91—33; вьнємн 16—4; жєрьцємъ 15—16; лєстьми 41—28; мєсть 22—23; мєча 259—4; натєньшє 23—12; облєгъчи 58—1; прѣлєсть 78—14; сьнємъ 72—7, тємьныи 54—18; чєсть 44—14; шєдъ 12—5; 163—12; шєлъ 26—8; б) въ суффиксахъ, именно въ суфф. ьнъ, затѣмъ въ єнъ вм. ьнъ, впрочемъ только тогда, когда послѣ н нѣтъ твердой гласной, въ противномъ случаѣ ь или остается, или совсѣмъ выбрасывается: благодѣпєнъ 22—18; боурєнъ 57—18, вѣрєнъ 387—27; истинєнъ 24—27; силєнъ 20—36; въ суфф. ьць: конєцъ 7—13; род. множ. овєцъ 164—26 и друг. (*).

8) Буквы ѧ и ѫ иногда, впрочемъ оченъ рѣдко, смѣшиваются; такъ формы тысѧшта 254—18; тысѧштьнъ 200—7, являются рядомъ съ формой тысѫшта, которая,

---

(*) Miklosich: Vergleichend. Lautlehre ss. 83—4.

однако, встрѣчается чаще; въ твор. же единств. егуптѣнынеѭ 270—5 вм. неѭ, кажется, ошибка писца.

9) ѣ мѣняется съ и: оүничижихъ рядомъ съ оүниѹжити, 42 8—2; ѹисти 5—27 и еще пять разъ почисти 388—12 рядомъ съ ѹести 243—21, и поѹьсти; подобнымъ же образомъ цвисти 220—10; и цвететь 261—11; цвьтѫшть 297—14; причемъ, однако, слѣдуетъ допустить по всей вѣроятности, усиленіе гласной: въ словѣ оүшидь (φαγας) 69—19; кажется и стоитъ вмѣсто ь: оүшьдъ(*).

10) ъ иногда переходитъ въ о; въ позднѣйшихъ же рукописяхъ это бываетъ очень часто: въ нашей же встрѣчается олько огогда 41—11, рядомъ съ инъгда 341—18, тогда 93—2; и въ другихъ мѣстахъ вмѣсто и рядомъ съ тъгда и хотѣти встрѣчается сплошь да рядомъ съ хътѣти 86—3; 117—1; 128—9; 128—22; 406—6; 416—11 (**).

11) ъ переходитъ въ ы: въ одномъ множ. вѣмы 392—14; оүвѣмы 371—13; накажемы 283—15; накрънимы 216—16; поспѣшимы 283—24; позьримы 283—13; имѣмы 283—14; прѣбѫдѣмы 329—24; приобраштамы 337—3 быхомы 324—22; побыхомы 159—8; поманѫхомы 330-17; сънидохомы 323—9; и ликоүимн 236—25: вм. правильныхъ: вѣмъ, оүвѣмъ и т. д. (***).

12) По замѣчанію Миклошича, въ началѣ рукописи очень часто ъ въ твор. пад. ед. числа существит. мужеск. и средн. рода выскоблено и написано ь; это он

(*) Mikl. Vrg. Lautl. ss. 82—83.
(**) S. 87.
(***) Idem s. 87.

относитъ къ тому періоду времени, когда рукопись находилась въ Россіи; онъ объ этомъ говоритъ слѣдующее: «Въ Супрасльской рукописи хотя и написанной по лѣвую сторону Дуная, однако, что въ высшей степени вѣроятно, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ хранившейся въ Россіи,— я не могу не признать исправлявшей руки Русскаго въ окончаніи мь тѣхъ формъ, о которыхъ идетъ рѣчь: что исправленія были, показываетъ рукопись (*).» Это явленіе совершенно аналогично съ такимъ же въ Остром. Ев., гдѣ писецъ вмѣсто формъ Церковно-Славянскихъ, поухахъ и прѣгънжкъ употребляетъ русскія поухахъ, перегънжкъ.

Объ замѣнѣ ъ-ра ь-мъ говоритъ и Востоковъ, что онъ нашелъ тоже явленіе и въ другомъ памятникѣ, одновременномъ съ нашимъ, это—Житіе Кодрата; (sic) но и въ немъ ъ-ра, стоящіе вм. ь-ря подчищены, какъ и въ Супрасльской рукописи. Вообще этотъ памятникъ очень близокъ къ нашему, и по содержанію и по правописанію, какъ видно изъ упомянутыхъ выше источниковъ.

13) Миклошичъ замѣчаетъ, что въ то время, когда была написана Супрасльская рукопись, звукъ смягченный -рю, былъ уже затерянъ. Это онъ видитъ въ томъ, что сочетанія *лъ*, *нъ*, *ръ*, въ извѣстныхъ случаяхъ, произносились какъ смягченныя *л̑*, *н̑*, *р̑*.

14) Въ подтвержденіе того мнѣнія, что ъ, во время появленія этого памятника, былъ уже глухимъ звукомъ, Миклошичъ приводитъ слѣдующія: суффиксъ ьнъ теряетъ полугласную ь, какъ только форма приращается въ кон-

(*) Idem. ss. 77—8.

цѣ: изъ красьнъ образуется чрезъ elisio (опущеніе гласной) форма красна (Суп. 247—13;) изъ оумьнъ выходитъ оумни 49—6; въ этихъ случаяхъ буква, слѣдующая за н, безъ сомнѣнія—гласная, и имѣетъ свой особый звукъ: теперь такъ какъ въ именит. ед. существит. склоненія красьнъ, оумьнъ, полугласная ь никогда, или почти никогда не выпадаетъ, то Миклошичъ отсюда и заключаетъ, что конечное ъ было глухое. (*) Мы привели это мнѣніе Миклошича потому, что оно касается выговора полугласныхъ ъ-ра и ь-ря въ тотъ періодъ времени, когда рукопись наша была составлена.

15) Наконецъ здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить объ разбираемыхъ нами буквахъ, что въ этой рукописи нѣкоторыя собственныя имена стоятъ безъ всякихъ гласныхъ и полугласныхъ на концѣ: авивос 187—23; арисос 392—24; заниѳас 187—22; исоус 83—7; антоус 6—6; парис 187—23; рядомъ съ парисъ 193—24; пароѳас 187—22; пасраѳ 189—13; нерсис 187—23; рядомъ съ нерсисъ 198—24; никал 50—19; сакердон 50—14; симкенѳис 198—24; симконѳис 187—24; сироѳ 189—13; филиктимон 50—17; ѳеодул 50—18; ѳолас 200—26; и макаріос 128—1; амин 104 (**).

Теперь перейдемъ къ другимъ гласнымъ:

16) Буквы и и н въ Супрасльской рукописи имѣютъ древнее начертаніе и и н, такое же, какъ въ Остромі-

---

(*) Mikl. Vrgl. Lautleh. ss. 71—72.
(**) Mikl. Vrgl. Lautlh. ss. 74—75. Monumenta ling. Palaeols. стр. XII въ предисловіи.

ровомъ Евангеліи; они въ изданной рукописи нѣсколько измѣнены; именно, буква н, которая въ снимкѣ, приложенномъ при изданіи, имѣетъ показанную форму, въ текстѣ—имѣетъ видъ н; буква же н имѣетъ такую же форму, какъ и въ рукописи.

а) н предъ другою гласною измѣняется въ ь: акіе, матерьѭ (и матернѭ), прѣпадьные, ѥдноогласье.

б) Сочетаніе гласныхъ ьи измѣняется большею частью въ ии: сии, (сіи) велии, оукрашни=сь—и, вель—и, оукрашь—и.

в) Послѣ и часто встрѣчается буква ї: тиї, дьниї, ноштиї, гвоздні, третиї, приїмѣте; и їшедъ, и изъїди.

г) Нѣсколько разъ, особенно въ концѣ строки, вмѣсто и или ї встрѣчается і: кардіаховѣ, быти, прізъвавъ; и вообще і въ Супрасльской рукописи встрѣчается чаще, чѣмъ у Остроміра.

д) и стоитъ иногда вмѣсто ы: би 61—3; 113—22; аби 226—4; бимъ 279—19; бивъша 238—13.

е) Послѣ ъ мѣстоименіе и въ винит. един. муж. рода является часто въ видѣ сочетанія їи: видѣвъ їи 75—27; 124—24; 142—11; 151—24 и т. д.

17) Буква а часто мѣняется въ Супрасльской рукописи съ о, особенно въ предлогахъ; такъ встрѣчается: то *раз*, (по Миклошичу—правильнѣе слѣдующей формы) то *роз*: розбити 104—24; розбоинникъ 439—22; 440—29; розвѣ 298—21; 438—14; 441—4; розлиучѣнъ 407—6; 437—20; 537—4; розмыслити 129—8; розмышлаи 425—5; ростворити 436—15; роширити 417—13; сюда же отно-

сится такъ же розвѣны 94—24; странна только форма покланитъ сѧ 244—28; 272—7; 330—6; 385—15 *).

18) Буква о въ словахъ, взятыхъ изъ другихъ языковъ, часто переходитъ въ оу: єпискоупъ (ἐπίσκοπος) 149—5 рядомъ съ єпископъ 162—27. роумин҄ъ (ῥωμαῖος) 283—19; откуда творит. множ. роумы 325—3; роумьскъ 90—9; 107—3; 109—17; 110—11; солоунъ (θεσσαλονίκη) 146—2 **).

19) Буква ѣ въ рукописи нашей очень часто смѣшивается съ буквою ꙗ. Миклошичъ это объясняетъ тѣмъ, что обѣ эти буквы имѣли первоначально одинъ звукъ; что видно изъ глагольскаго алфавита, въ которомъ дѣйствительно нѣтъ послѣдняго начертанія, а только первое. Мѣна этихъ буквъ видна изъ каждой страницы. Приведемъ хоть нѣсколько примѣровъ, болѣе характеристичныхъ: нынѣ 39—8 рядомъ съ несравненно чаще встрѣчающимся нынꙗ 20—20; прѣмышлѣи 165—6; рядомъ съ оумышлꙗи 3—22; 76—22; изъ образованныхъ при помощи того же суффикса — окыꙗи 47—4; смирѣнъ 400—18; рядомъ съ смиренъ 397—26; конѣ вин. пад. ед. числа 142—28; огнѣ род. ед. 4—21; вьседрьжителѣ род. ед. 100—7; блнѣ им. ед. 57—4; матерѣ им. ед. жен. 175—13; примышлѣи ед. повелит. 125—27; творѣше 146—15; творѣше 14—26; рядомъ съ творꙗше 360—4 и творꙗше

*) Mikl. Vrgl Laull. ss 12—13.
**) Idem. ss. 34.

205—19; и еще: дивполѣ вм.—лю; раздѣлѣа вм.—лиа, гражителѣ вм.—лю, морѣ вм.—рю, монастырѣ вм.—рю (*).

б) ѣ вмѣсто ꙗ въ нашей рукописи встрѣчается только разъ, въ словѣ: помѣнѣта 335—9; въ словѣ же пꙗтꙗ 307—6, Миклошичъ допускаетъ, что первый ꙗ стоитъ вмѣсто ѣ: прѣтꙗ (**).

в) Далѣе: ѣ смѣшивается съ и: погрѣбати 189—7 рядомъ съ погрибати 346—23; съплѣтати 317—3 рядомъ съ съплитати 109—8; пролѣжтъ 358—22 рядомъ съ пролияти 44—10 (***).

20) Буква ѵ рѣдко вмѣсто стоитъ оу; впрочемъ встрѣчается иногда и въ коренныхъ словахъ: вм. морѵ; мороу, агрикоудѵ вм. агрикоудоу, и фѵртоунатинъ вмѣсто фоуртоунатинъ. И вообще, короткое ѵ мало знакомо древне-Славянскому языку.

21) оу часто смѣшивается: а) съ и; такъ, что мѣняются формы роумьскъ и римьскъ; верига и вероуга; сюда же принадлежитъ также жидъ и Греческое ἰουδαῖος (****).

б) Буква оу стоитъ вм. ж; такъ формы: гнѣзноути 331—15; дръзноувъ 342—21; миноувъшоу 447—9;

(*) Mikl. Monum. liug. Palaeosl. Предисл. стр. X-я; его же: Vitae Ss. въ предисловіи (стр. не номерованы) Его же: Vrgl. Lautlh. ss. 91—94.

(**) Mikl. Vrgl. Lault ss. 60.

(***) Idem. s. 93.

(****) Idem. s. 25.

кажоүштоү 448—19; имоүштоүоүмоү 279—24 стоятъ вмѣсто правильныхъ: гонєзнжти, дръзнжвъ и т. д. оноүдє 279—19, кажется, написано вмѣсто онъдє, точно такъ, какъ доүждєвъ 221—7; вм. дъждєвъ. И, наоборотъ: буква ж разъ только встрѣчается вмѣсто оү: джшж 282—29; вм. доүшж въ словѣ же сланжтъкъ 30—10 вм. сланоүтъкъ, *) гласная ж—дѣло позднѣйшей приписки.

в)— вм. ы: бєстыдьнъ рядомъ съ бєстоүдьнъ; сыровъ рядомъ съ соүровъ;

г)—вм. въ: въгодивъшиимъ 121—15; въгаждати 206—6; въгаждаашє 206—10; въгодєнъ 217—12 вмѣсто оүг—и т. д. **).

22) О буквѣ ȣ Миклошичъ говоритъ, что она вмѣсто оү въ древнѣйшихъ памятникахъ пишется довольно рѣдко ***). Относя это же и къ Супрасльской рукописи, онъ такъ выражается: «ȣ рѣдко встрѣчается въ срединѣ строки, но почти всегда въ концѣ ея;» ****) значитъ, почти совершенно обратное явленіе, какъ въ Остроміровомъ Евангеліи; ибо Востоковъ объ этомъ такъ пишетъ: ȣ весьма рѣдко въ концѣ строки и въ заглавіяхъ встрѣчается вмѣсто оү *****).

Впрочемъ, мы находимъ необходимымъ замѣтить

*) Mikl. Vrgl. Lautl. s. 61.

**) Idem. s. 105.

***) Idem. s. 1.

****) Его же Monumenta linguae palaeoslov. Предисловіе стр. XI.

*****) Остромірово Евангеліе (часть грамматическая) стран. 2-я.

Миклошичу, что едва ли можно съ достовѣрностію утверждать, что буква ꙋ *почти всегда* встрѣчается въ концѣ строки: мы, безъ особеннаго труда, нходимъ примѣры обратные этому **въздоу—ха** 58—2; **ѥдинодоу—шенъ** 58—28; **възбоу—ди** 59—12 и т. д. Такъ, на основаніи этого, рѣшаемся заключить, что скорѣе **оу** *почти всегда стоитъ въ концѣ строки*, а по крайней мѣрѣ *по большей части*—вмѣсто предполагаемаго Миклочемъ ꙋ. Впрочемъ, этимъ мы не отвергаемъ употребленія и ꙋ въ концѣ строки, и вотъ примѣры: **искꙋ—шени** 52—24; **штꙋ—ждь** 54—19; **бывъшꙋ** 59—8, и разъ всего, кажется, предлогъ ꙋ, 293—3, вмѣсто **оу**, быть можетъ, тоже въ концѣ строки *).

23) Въ нашей рукописи большую роль играетъ такъ называемая *ассимиляція звуковъ*. Это такое вліяніе одной гласной на другую, рядомъ съ ней стоящую, по которому эта послѣдняя переходитъ въ первую, или же приближается къ ней (ассимилируется), переходя въ другую гласную, съ ней сродную. Такое уподобленіе или сближеніе гласныхъ имѣетъ мѣсто въ нашей рукописи въ слѣдующихъ формахъ:

а) Въ дательномъ падежѣ *прилагательныхъ полнаго окончанія* (или, по Миклошичу, сложнаго склоненія, что одно и тоже) единственнаго числа мужескаго и средняго рода: **новоуоумоу**, **стоꙗштоуоумоу** 25—

*) Для рѣшенія этого вопроса мы пользовались отрывкомъ Супрасльской рукописи, изданнымъ Миклошичемъ, подъ заглавіемъ Vitae Sanctorum, въ которомъ текстъ напечатанъ съ соблюденіемъ раздѣленія на строки, находящіяся въ рукописи. Такимъ образомъ мы нашли соотвѣтственныя слова въ отрывкѣ и указали ихъ мѣсто въ рукописи.

12; блаженноѹоѹмоѹ 18—12; и мн. другія. Формы эти (оѹоѹмоѹ) образовались изъ новоѹ, стоѩштоѹ, блаженоѹ и ѥмоѹ такимъ образомъ, что ѥ мѣстоименія и перешло здѣсь въ оѹ. Впрочемъ, рядомъ съ формами оѹоѹмоѹ, въ Супрасльской рукописи встрѣчается первоначальная форма оѹѥмоѹ: оусѫжденоѹѥмоѹ 183—19. Впрочемъ это только какъ исключеніе *).

б) Въ мѣстномъ пад. единств. числа мужескаго и средняго родовъ обыкновенно встрѣчается форма ѣмь вмѣсто ѣѥмь: бѣсовьстѣѣмъ 130—6; адьстѣѣмъ 348—19; веснѣѣмь 397—10; врѣменьнѣѣмъ 81—17; вьторѣѣмъ 436—28; вьсѣчьстѣѣмь 274—8; вьторѣѣмь 380—28; вѣчьнѣѣм 271—12; грѣшьнѣѣмъ 167—18, добрѣѣмъ 263—17; дроѹзѣѣмъ 224—19; доѹховнѣѣмъ 267—7; доѹшьнѣѣмь 292—1; доѹховѣѣмь 267—7 (отъ dux), истиньнѣѣмъ 330—27; крьстьнѣѣмъ 260—23; милостивѣѣмъ 141—28; милостьнѣѣмъ 274—6; мирьстѣѣмъ 233—21; нарицаѥмѣѣмъ 90—16; начальнѣѣмь 49—8; никаѥоньствѣмъ 423—19; небесьнѣѣмъ 307—16; небесьстѣѣмь 48—8; новѣѣмь 274—23; затѣмъ 4—17; 226—7; 219—6; 274—29; 436—27; 214—28; 119—19; 146—28; 25—24; 348—18; 403—18; 308—17; 263—18; 229—13; 222—10. По мнѣнію Миклошича, такимъ же точно образомъ слѣдуетъ читать и слѣдующія слова: огнѣ̓мъ 447—6; малѣ̓мь 110—3; пророѹчьстѣ̓мъ 408—28; потому что придыханіе легкое, (̓) въ этихъ случаяхъ означаетъ повтореніе предъидущей гласной. Рядомъ съ ѣмъ два раза только въ

*) Mikl. Vrgl. Lautl. s. 117.

Супрасльской рукописи встрѣчается первопачальная форма ѣѥмъ: възвѣштенѣѥмъ 216—26, трьдѣѥмъ 157—17 (*).

в) Сродствомъ звуковъ ѣ съ ꙗ и ѧ объясняются формы ѣꙗмь и ѣамь, которыя въ этомъ памятникѣ встрѣчаются два раза, каждая по разу: гробьнѣꙗмь 337—12; и адьстѣамъ 348—18. (**) Этимъ объясняется недоумѣніе Востокова, высказанное имъ по поводу встрѣтившейся ему въ нашей рукописи форма гробнѣꙗмь. Онъ впрочемъ говоритъ, что она стоитъ вм. гробнѣємь. (***) По нашему, скорѣе вмѣсто гробнѣѥмь или, что тоже, ѣѥмь, а ужь никакъ не ѣемь. Онъ еще, какъ видно, въ то время не имѣлъ случая замѣтить часто встрѣчающейся замѣны буквы ѣ и ꙗ въ этомъ памятникѣ, что и подало ему поводъ назвать это окончаніе необыкновеннымъ! Впрочемъ, за то онъ въ тоже время сообщилъ намъ другое, не менѣе важное, извѣстіе: въ отрывкѣ Житія Св. Кондрата (****) онъ нашелъ форму, очень близкую со второй въ Супрасльской рукописи; тамъ поставлено: «о блаженѣамь Саторинѣ и Руфинѣ.»—Формы пѫнтьстѣмь и бѣсовьстѣмъ 123—6 произошли изъ ѣѣмь вслѣдствіе выпаденія одной изъ двухъ одинаковыхъ гласныхъ (*****).

г) И такъ, мы послѣдовательно дошли до слѣдующаго вопроса: «не превращено-ли ѥ въ ѧ въ словѣ бываатъ (вм. бываѥтъ).» Этими словами нашъ ученый

(*) Miklosich. Vrglesih Lautl ss. 117—118.
(**) Idem. s. 118.
(***) Библіографическіе листы Кеппени 1825 г. № 14 стр. 139—и слѣд.
(****) Кеппена. Списокъ Русскимъ памятникамъ, № 20 стр. 14 и слѣд.
(*****) Библ. листы 1825 г. № 14 стр. 139. и слѣд.

изслѣдователь даетъ право предполагать, что онъ допускалъ въ этомъ случаѣ чью либо поправку; но мы теперь обладаемъ огромнымъ запасомъ фактовъ, несомнѣнно доказывающихъ, что форма эта обыкновенно встрѣчается въ Супрасльской рукописи въ настоящемъ времени глаголовъ пятаго класса втораго отдѣленія во второмъ и третьемъ лицѣ единств. числа, гдѣ изъ ае, вслѣдствіе ассимиляціи, образуется аа: выкаатъ 289—24; 330—16; 269—23; вьмѣштаатъ 347—3; въскрѣшаатъ 355—5; гноушаатъ са 427—5; исповѣдаатъ 392—28; нарицаатъ 15—18; наальнѣатъ 70—2; насыштаатъ 82—24; наскаатъ 405—28; обѣштаатъ 406—27; отрѣзаатъ 203—14; отъкриваатъ 249—16; пожождаатъ 404—14; 352—; 395—1; 260—11; и т. д. пнѣваashи 300—22; прѣбываашi 36—15; свѣштаашi 393—21; и т. д. и т. д.

Всего одинъ разъ встрѣчается въ нашей рукописи форма поминаатъ 151—23; точно такъ же какъ и подобаа 274—9.

д) Здѣсь кстати замѣтить, что почти не встрѣчающееся въ источникахъ правой стороны Дуная (Slavisma Isdanubianus по Копитару) правописаніе цесарь и цесарьствиіе вмѣсто цѣсарь и цѣсарьствиіе, которое Востоковъ, прибавимъ, считаетъ вѣрнымъ, ошибочно; Миклошичъ доказываетъ, что форма кесарь, какъ доказываютъ туземные источники, правильна. Впрочемъ, это не мѣшало Востокову въ формахъ (по его мнѣнію, хотя и неправильныхъ) цѣсарь, цѣсарьствоуіжштоу (вм. царь, и царьствоуіжштоу) видѣть доказательство древности нашей рукописи (*).

(*) Ср. Востокова статью въ Библіографическихъ Листахъ Кеппена Москва за 1825 годъ; и Mikl. Vrgl. Lautl. Wien 1825 ss. 97 и слѣд.

е) Рѣдко можно встрѣтить формы а а въ супинѣ: блюсилать 252—18 и полищатъ 244—6; вмѣсто полищать.

ж) Наконецъ форма дѣѣши, которая въ Супрасльской рукописи встрѣчается въ связи съ ли, (ли) и служа такимъ образомъ для выраженія вопроса, соотвѣтствуетъ Греческому μή: дѣѣши 225—18; и еще одинадцать разъ дѣѣши стоитъ, очевидно вмѣсто дѣюши, (это послѣднее въ Супр. рукоп. 299—15) и происходитъ отъ дѣти, дѣяти,— поэтому, дѣѣши ли однозначущее съ латинскимъ ain' (*) (aisne tu?)

Остается намъ еще разсмотрѣть тѣ согласныя буквы, встрѣчающіяся въ Супрасльской рукописи, о коихъ до сихъ поръ мы еще не говорили.

Предварительно считаемъ нужнымъ замѣтить,—что эту часть нашего изслѣдованія разработалъ гораздо прежде и, притомъ, удовлетворительнѣе другихъ Миклошичъ. Ту часть грамматики, которую онъ посвятилъ разбору согласныхъ, онъ основалъ почти исключительно на изучаемомъ нами памятникѣ, и потому все, что можетъ быть здѣсь сказано о согласныхъ Супрасльской рукописи, несравненно полнѣе и, безъ сомнѣнія, удовлетворительнѣе насъ уже разобрано Миклошичемъ. По этому, мы хотя, быть можетъ, и уклонимся отъ принятаго нами плана,—но повтореній дѣлать не станемъ, а, въ замѣнъ того, ограничимся разборомъ относящихся сюда грамматическихъ и филологическихъ примѣчаній этого ученаго изслѣдователя, помѣщенныхъ послѣдовательно въ его сочиненіяхъ.

1) Начнемъ съ согласныхъ плавныхъ л, н, р.

(*) Mikl. Vrgl. Lautl. ss. 120—121.

Буквы эти въ древне-Славянскомъ языкѣ обладаютъ способностью къ такому смягченію, которое состоитъ въ сліяніи одной изъ нихъ въ согласною ı. Въ этомъ случаѣ рукопись наша отмѣчаетъ это смягченіе согласныхъ л и н (рѣдко р) особымъ знакомъ (ˆ), въ ней только одной встрѣчающимся:

Издатель этой рукописи и вполнѣ компетентный судья въ этомъ дѣлѣ, въ первый разъ по поводу изданія отрывка ея, подъ заглавіемъ: Vitae Sanctorum, такъ говоритъ о смягчаемости этихъ буквъ:

Когда согласныя л и н должны быть произносимы мягко, тогда слѣдующія за ними гласныя ѩ, ь, ѧ, е, ж, ѣ, отмѣчаются облеченнымъ удареніемъ (accentu circumflexo); диꙗволи; прѣисподьни; съпаситель; благыни; глаголѧ, на нѧ; изволение, гонение, (и испльнение), глаголѫ, банѫ; раздѣлѣа; нынѣ.—Если же послѣ согласныхъ л и н стоятъ гласныя а или оу, то сіи послѣднія измѣняются въ двугласныя ꙗ, ю; вышнꙗго, поклонание; подателю, блюдѣте (*).

Посмотримъ, то ли онъ говоритъ объ этомъ и въ другихъ изданіяхъ.

1. Въ слѣдующемъ за тѣмъ полномъ изданіи Супрасльской рукописи, въ предисловіи, онъ говоритъ уже, что облеченное удареніе стоитъ не надъ гласными, а надъ согласными (**), что онъ потомъ не разъ повторяетъ и въ своей грамматикѣ (***). А между тѣмъ въ текстѣ изданной имъ рукописи и въ приложенномъ снимкѣ знаки эти такъ разставлены, что они одинаково могутъ быть относимы какъ къ смягчающимъ гласнымъ, такъ и

(*) Mikl. Vitae Sanct. Praef. стр. не номер.
(**) Mikl. Monum. ling. paleoslov. pagina XI.
(***) Vrgl. Lautl. ss. 106, 164—5, 204.

къ смягчаемымъ согласнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что за безошибочнымъ рѣшеніемъ того вопроса, надъ какими буквами слѣдуетъ считать стоящую камору, слѣдуетъ обратиться къ самой рукописи; но за неимѣніемъ ея, мы думаемъ, что большой ошибки не сдѣлаемъ, когда предпочтемъ въ этомъ случаѣ снимокъ отрывка изъ Супрасльской рукописи всѣмъ другимъ источникамъ. Изъ всѣхъ встрѣчаемыхъ въ немъ примѣровъ употребленія каморы, характеристичнѣе другихъ въ словѣ: съ ни҃мь, гдѣ ясно видно правописаніе этого знака. Онъ обыкновенно такъ пишется, что одной стороной захватываетъ смягчаемую согласную, а съ другой смягчающую гласную. Этимъ объясняются колебанія Миклошича въ разстановкѣ этого знака — то надъ гласными, то надъ согласными (**).

2. Въ «Vitae Sanctorum.» высчитывая гласныя, которыя, при мягкости произношенія л и н, обозначаются знакомъ ҃, онъ пропускаетъ сначала ꙗ, — вставляемое имъ въ Monum. Ling. paleosl. (***), но въ Vergleichende Lautlehre онъ къ этимъ 7-ми гласнымъ, прибавляетъ еще десять, которыя, для ясности, означены на прилагаемой здѣсь таблицѣ:

Vitae Ss.	н	ь	а	є	ж	ѣ	—	—	—	—	—	—	—		—	—
Monum.	н	ь	а	є	ж	ѣ	ꙗ	—	—	—	—	—	—		—	—
Gramm.	н	ь	—	є	ж	ѣ	ꙗ	ѧ	ѥ	оу	ю	ѣ	ѧ вм. а	ꙗ вм. ѧ	іж	ѵ

Изъ этого числа слѣдуетъ исключить: 1-е двугласную ꙗ, поставленную имъ, какъ видно, по ошиб-

(**) Mikl. ling, pal. Vindobonae 1851.
(***) Idem стр. 4.

нъ, ибо, какъ оказывается по справкѣ примѣровъ съ текстомъ, — это, просто, ѧ; (*) а приводимые имъ примѣры на гласную ѧ — примѣрами на букву ѧ, которую Миклошичъ совершенно пропустилъ въ числѣ другихъ буквъ, что произошло, безъ сомнѣнія тоже по недосмотру, ибо изъ двухъ другихъ изданій Миклошича, и, наконецъ, и изъ самой рукописи, достаточно видно, что гласная, наравнѣ съ прочими, при стеченіи съ одной изъ гласныхъ л и н, тоже обусловливаетъ собою знакъ смягченія. Изъ всего этого слѣдуетъ что всѣхъ буквъ, прибавленныхъ къ исчисленнымъ въ Monumenta—7, а къ исчисленнымъ въ Vitae—8.

3. Когда послѣ согласныхъ л и н стоятъ ѧ или оу, то сіи послѣднія, какъ видно изъ предшествующаго, не измѣняются въ ѩ или ю, а означаются, какъ и другія подобныя имъ, только знакомъ ҆.

4. Наконецъ Миклошичъ въ Monumenta прибавляетъ, что и третья согласная плавная, р, (о которой до сихъ поръ онъ тоже не упомянулъ), пользуется такимъ знакомъ (҆); но насчитываетъ всего одинъ случай такого смягченія (въ словѣ гор҆жштиимъ 4—17); въ Vrgl. Lautl. у него нашлось ихъ еще два (покар҆ѣти 43—22; покар҆ѣжште 105—4) (***).

Весь этотъ разборъ смягчаемости плавныхъ л, н, р мы позволимъ себѣ заключить окончательнымъ выводомъ Миклошича объ этихъ буквахъ. Онъ говоритъ (***), что изъ всѣхъ буквъ въ древне-Славянскомъ языкѣ, только эти согласныя способны къ смягченію; а изъ того, что р очень

(*) Mikl. Monum. ling. paleosl. IX.
(**) Vitae Sanctoram стр. не означена.
(***) Mikl. Vrgl. Lautl. s. 172.

рѣдко встрѣчается въ нашемъ памятникѣ, онъ выводитъ то заключеніе, что мягкій выговоръ звука этой буквы, постепенно ослабляясь, былъ уже рѣдкостью въ то время, когда Супрасльская рукопись писалась.

2) Слѣдуя порядку, принятому Миклошичемъ въ его Vrgl. Lautl, мы должны теперь сказать хотя нѣсколько словъ, о, такъ называемомъ, эпентетическомъ или евероническомъ л. Миклошичъ думаетъ, что это л поздняго происхожденія, потому что въ Супрасльской рукописи встрѣчается рѣдко. Въ этомъ памятникѣ евероническое л находится на трехъ ступеняхъ развитія; но примѣрами древнѣйшей формы остались только три слова: избавлıашь 260—2; приставлıемъ 11—2; въплıти. Средняя форма въ этомъ памятникѣ принята за правило: избавьıашє, приставьıєнъ.

Примѣромъ позднѣйшей формы можетъ быть слово въпль 224—1. (*) До такого вывода дошли не скоро. Востоковъ и самъ Миклошичъ первоначально утверждали, что эпентетическаго л, какъ признака нарѣчія Славянъ Восточнаго племени, въ Супрасльскомъ кодексѣ нѣтъ, а онъ замѣненъ въ немъ ь-ремъ. И послѣдній изъ этихъ ученыхъ пришелъ къ совершенно другому заключенію только тогда, когда уже издалъ полный текстъ этой рукописи (**).

3) При сочетаніи предлоговъ, оканчивающихся на з, со словами, начинающимися съ р, между з и р обык-

---

(*) Mikl. Vrgl. Lautl. ss. 178—9.
(**) Статьи Востокова въ Библіогр. Листахъ 1825 г. № 14.

новенно вставляется д: издрекж 267—5; ту же согласную можно встрѣтить вставленную для благозвучія (euphoniae causa) и въ иждени вм. изъ—жени. Въ иностранныхъ же словахъ даже часто она вставляется: издраилѣ 363—22 (*).

4) Прилагательныя на—ьскъ въ мѣстн. пад. ед. числа всѣхъ родовъ и склоненій оканчиваются на стѣ и сти вм. сцѣ и сци въ друг. рукописяхъ (Клоц. Глаголита): пастѣ 289—21; 362—2. И вообще ск передъ и и ѣ измѣняется въ ст, въ друг. рукописяхъ въ сц: жидовьстии, египтьстии, бѣсовьстѣмь, пжтьстѣмь, римьстѣи (**).

5) Видоизмѣненіе гортанныхъ г, к, х въ словахъ иностранныхъ передъ є, и и ь обозначается въ Супрасльской рукописи облеченнымъ удареніемъ. Изъ всѣхъ памятниковъ, только въ немъ одномъ этотъ особый выговоръ отмѣчается особымъ знакомъ. Миклошичъ первоначально полагалъ (***) что въ этихъ случаяхъ г и к произносились какъ Сербскія ђ и ћ (дь и ть, по Востокову) (****), но впослѣдствіи отказался отъ этого мнѣнія. (*****) Примѣровъ въ Супрасльской рукописи со зна-

(*) Mikl. Vitae Sanct. praefacio; стран. не номерована.
Idem. Vergl Lautl. ss. 191—2; 211 213.
Vitae Sanct. praef. стр. не номеров.
(**) Mikl. Vergl Laut s. 202; Vitae Ss. praef.
(***) Mikl. Vitae Sanctoum. Praef. стр. не ном.
(****) Востоковъ: Разсужденіе о Славянскомъ язкѣ см. Труды Моск. Общества Любит. Россійской Слов. 1820 г. Часть XXVII стр. 9-я.
(*****) Mikl. Vergl. Lautlehr 204—5.

ками смягченія много; только х съ облеченнымъ удареніемъ встрѣчается всего одинъ разъ (*).

Остается намъ еще сказать нѣсколько словъ о надстрочныхъ знакахъ, встрѣчающихся въ Супрасльской рукописи.

1. Придыханіе легкое (’) (spiritus lenis)- стоитъ:

a) надъ ь, рѣже надъ ъ; b) чаще всего оно означаетъ пропущенную гласную, въ особенности въ концѣ строки; а, ж, ѣ, ъ, ь и рѣдко при ѣ и ѭ (надѣ’въ, пол’ѭше).

2. Придыханіе тяжелое (’ spiritus asper) стоитъ: a) надъ гласной, съ которой начинается слово, за исключеніемъ оу и ω; b) надъ второю изъ двухъ гласныхъ, непосредственно слѣдующихъ одна за другой, если вторая—на ю и ѭ.

3. Облеченное удареніе (ˆ accentus circumflexus, камо́ра): a) надъ оу и ω; b) надъ ю и ѭ, когда передъ ними стоитъ другая гласная; c) оно стоитъ во всѣхъ, приведенныхъ выше, случаяхъ надъ плавными и гортанными согласными.

4. Знакъ краткости (˘) изрѣдка стоитъ вмѣсто оу.

5. Тяжелое удареніе встрѣчается рѣдко, и, кажется, новѣйшаго происхожденія.

Наконецъ, взаключеніе, мы могли бы еще сказать нѣсколько словъ о сокращеніяхъ, встрѣчаемыхъ въ Супрасльской рукописи, о различіи въ этомъ отношеніи редакцій Бобровскаго и Миклошича о правописаніи слож-

(*) Monumenta Linguae Paleoslov. pag. IX.

ныхъ словъ въ текстѣ изданной рукописи, но такъ какъ все это объяснилъ самъ издатель, то мы повторять здѣсь все это считаемъ лишнимъ.

Итакъ, въ этой части изслѣдованія, какъ и въ предъидущей, намъ предстоялъ трудъ собрать разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ сочиненій однородныя положенія, сличить и провѣрить ихъ между собою, опредѣлить ихъ достоинство и тогда уже примѣнять къ каждому данному случаю. Трудъ этотъ, по видимому, незначительный, требуетъ однако немало времени и усидчивыхъ занятій.

А что мы на́ слово не принимали ни одного положенія, тому лучшимъ доказательствомъ—сдѣланные нами выводы. Такимъ сравнительнымъ изслѣдованіемъ Супрасльской рукописи мы старались вѣрнѣе всего достигнуть предположенной нами цѣли, а на сколько мы удовлетворили заявленнымъ здѣсь требованіямъ, самымъ лучшимъ отвѣтомъ тому настоящее изслѣдованіе.

А. Беmъ.

НАУКА О ЯЗЫКѢ.

НОВЫЙ РЯДЪ ЧТЕНІЙ

Макса Мюллера.

Лекція VIII.

Метафора.

Немногіе философы такъ ясно поняли важность и значеніе языка во всѣхъ проявленіяхъ человѣческаго ума, немногіе такъ настойчиво доказывали необходимость изслѣдовать вліяніе словъ на мысль, какъ *Локкъ* въ своемъ сочиненіи о человѣческомъ Разумѣ. Изъ четырехъ книгъ, на которыя раздѣлено это сочиненіе, третья исключительно посвящена Словамъ или Языку вообще. Въ то время, когда писалъ Локкъ, на философію языка обращали весьма мало вниманія, и авторъ, опасаясь, что онъ, какъ могло казаться, придаетъ предмету слишкомъ большое значеніе, считалъ необходимымъ защищать себя противъ такого обвиненія слѣдующими словами: «По мнѣнію нѣкоторыхъ, здѣсь, въ третьей книгѣ, относительно словъ я сказалъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ требовалъ того столь маловажный предметъ. Положимъ, могъ я его вдвинуть въ болѣе тѣсныя рамки, но я желалъ остановить вниманіе читателя на предметѣ, который мнѣ кажется новымъ и выходящимъ изъ круга обыденныхъ (этого, правда, я не имѣлъ въ виду, когда принимался за настоящій трудъ); при этомъ, благодаря всесторон-

нему изученію предмета, можетъ выясниться та или другая его сторона и навести читателя на мысль о томъ, какъ равнодушіе и предъубѣжденіе потворствуютъ такимъ, вошедшимъ въ привычку, промахамъ, которые, не смотря на то, что на нихъ такъ мало обращаютъ вниманія, имѣютъ очень важныя послѣдствія. Если принять во вниманіе, сколько надѣлали шуму эти эссенціи, и сколько всѣ роды знанія, всѣ изслѣдованія и бесѣды страдали и подвергались путаницѣ, вслѣдствіе несовершеннаго и запутаннаго употребленія и примѣненія словъ, то, можетъ быть, сочтутъ достойнымъ трудъ мой — все это вполнѣ вывести наружу. Пусть извинятъ меня, если я остановился слишкомъ долго на предметѣ, который, я полагаю, слѣдуетъ запечатлѣть въ своей памяти; ибо ошибки, въ который обыкновинно впадаютъ въ этомъ случаѣ, не только служатъ значительнымъ препятствіемъ къ истинному знанію, но часто даже принимаются за самое знаніе. Тутъ увидѣли бы, какая незначительная доля ума и истины заключается въ этомъ знаніи, а иногда, можетъ быть, и вовсе ни того, ни другаго не содержится въ тѣхъ напыщенныхъ мнѣніяхъ, которыми люди наполнены, если бы они только поставили себя выше модныхъ выраженій и слѣдили бы за тѣмъ, какія понятія заключаются или не заключатся въ тѣхъ словахъ, которыми они такъ самоувѣренно пользуются при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Я буду считать услугой истинѣ, міру и наукѣ, если, распространяясь въ разсмотрѣніи этого предмета, мнѣ удастся заставить нѣкоторыхъ подумать о томъ, какъ они употребляютъ свой языкъ и какъ съ ними можетъ случаться то же самое, что и бываетъ съ другими, т. е. что зачастую они иногда устно или письменно употребляютъ чрезвычайно хорошія и общеупотребительныя слова, который однако имѣютъ весьма неопредѣленное, слабое значеніе, или иногда вовсе лишены всякаго значенія. Поэтому было бы весьма благоразумно, если бы были они сами осторожны и внимательны и позволяли также и другимъ разсматривать употребляемыя ими слова»[1]).

[1] Locke, On the Understanding, III. 5, 16.

Резюмируя далѣе результаты своихъ изслѣдованій, Локкъ говоритъ: »Такъ какъ ни одинъ изъ предметовъ, созерцаемыхъ умомъ, кромѣ его самого, не присущъ разуму, то необходимо, чтобы что нибудь другое было присуще ему, какъ знакъ или изображеніе того предмета, который онъ разсматриваетъ; а это именно и есть идеи. Но такъ какъ кругъ идей, обнимаемыхъ мыслью одного человѣка, не можетъ быть раскрытъ непосредственному взгляду другаго, и вообще складывается только въ одной памяти—въ этомъ не очень надежномъ хранилищѣ—то оказывается необходимость въ знакахъ идей какъ для сообщенія нашихъ мыслей другимъ, такъ и для припоминанія ихъ для нашего собственнаго употребленія. Наиболѣе удобными знаками оказались членораздѣльные звуки, которые и сдѣлались вслѣдствіе этого общеупотребительными. Поэтому разсмотрѣніе идей и словъ, какъ важныхъ орудій познанія, составляетъ немаловажную часть изученія для того, кто желаетъ обозрѣть человѣческое знаніе во всемъ его объемѣ. Подвергнутыя всестороннему разсмотрѣнію и точной оцѣнкѣ, они, можетъ быть, указали бы намъ другіе пріемы логики и критики, отличные отъ тѣхъ, съ которыми мы такъ свыклись.»

Но не смотря на то, что Локкъ такъ ясно представлялъ себѣ то значеніе, какое языкъ имѣетъ въ отправленіяхъ разума, онъ все-таки не замѣчалъ, что общія понятія и слова суть нераздѣльны, что одни не могутъ существовать безъ другихъ, и что произвольный выборъ членораздѣльныхъ звуковъ для обозначенія опредѣленныхъ понятій есть предположеніе, не основанное ни на какихъ доказательствахъ. Локкъ, повидимому, не понималъ затрудненій процесса наименованія; онъ часто допускаетъ трудность, или иногда даже невозможность дѣйствовать какими либо общими понятіями безъ внѣшнихъ знаковъ языка, но онъ никогда не подвергаетъ разсмотрѣнію принятой теоріи, по которой когда-то во всемірной исторіи накопилось множество безъименныхъ общихъ понятій, снабженныхъ впослѣдствіи, когда пришло время умствен-

ныхъ и общественныхъ сношеній, — тѣми звуковыми виньетками, которыя мы называемъ словами.

Въ тотъ вѣкъ, когда жилъ и писалъ Локкъ, принимали мало участія въ тѣхъ изслѣдованіяхъ ранней исторіи человѣчества, которыя въ продолженіе двухъ послѣднихъ поколѣній обратили на себя вниманіе лучшихъ мыслителей. Вмѣсто того, чтобы собирать отрывки первобытнаго языка, поэзіи и религіи не только Римлянъ и Грековъ, но и всѣхъ народовъ свѣта, и вмѣсто того, чтобы стараться вникнуть, на сколько возможно, въ истинную и дѣйствительную жизнь человѣческаго рода, и такимъ образомъ узнать, какъ мы и въ мысляхъ и въ словахъ дошли до нынѣшняго настоящаго нашего состоянія,—вмѣсто всего этого философскія школы восемнадцатаго столѣтія довольствовались составленіемъ теорій, какимъ образомъ могъ возникнуть языкъ, какъ религія могла быть дана откровеніемъ или изобрѣтена, какъ миѳологія могла быть составлена жрецами, поэтами и государственными мужами для наставленія, забавы или обмана. Хотя между такими системами есть остроумныя и правдоподобныя, и еще до сихъ поръ вполнѣ удерживаются многими изъ нашихъ учебниковъ исторіи и философіи, однако имъ придется уступить духу такъ называемой *исторической школы* девятнадцатаго вѣка. Начала этихъ двухъ школъ діаметрально противоположны; одна начинаетъ съ теорій безъ фактовъ, другая съ фактовъ безъ теорій. Системы *Локка*, *Вольтера* и *Руссо*, и въ позднѣйшее время *Конта* (Comte), просты, понятны и вполнѣ раціональны; факты собранные *Вольфомъ*, *Нибуромъ*, *Ф. Шлегелемъ*, *В. фонъ Гумбольдтомъ*, *Боппомъ*, *Бюрнуфомъ*, *Гриммомъ*, *Бунзеномъ* и другими, суть отрывочны, заключенія, къ которымъ они ведутъ—неполны, темны, неясны и противоположны нѣкоторымъ изъ принятыхъ нами понятій. Тѣмъ не менѣе уже нельзя болѣе допускать, чтобы изученіе древности человѣка, палеонтологія человѣческаго ума, была спорнымъ предметомъ простыхъ теоретиковъ, хотя бы самыхъ смѣлыхъ и отличныхъ; но она впредь должна

быть обработываема согласно съ тѣми началами, которыя давали столь богатую жатву въ другихъ областяхъ индуктивнаго изслѣдованія. Это не есть недостатокъ уваженія къ великимъ мужамъ прошлыхъ вѣковъ, если мы скажемъ, что они писали бы иначе, если бы жили въ наше время. Имѣй *Локкъ* предъ собою результаты сравнительнаго языковѣдѣнія, онъ, вѣроятно, отвергъ бы всю свою третью книгу «О человѣческомъ Разумѣ;» даже ревностный и глубокомысленный ученикъ его Горнъ Тукъ написалъ бы совершенно иначе свою книгу «Diversions of Purley.» Но не смотря на это, нѣтъ такой книги, которая со всѣми своими ошибками, или даже именно по этимъ ошибкамъ, была бы столь поучительна для языковѣда, какъ Essay Локка, или Diversions Горна Тука; въ нихъ даже содержатся нѣкоторыя мѣста, указывающія на позднѣйшій ростъ языка, которыя они обработали и выяснили съ большимъ совершенствомъ, чѣмъ писавшіе послѣ нихъ.

Такъ напр. Локкъ первый ясно и опредѣленно высказалъ, что всѣ слова, выражающія отвлеченныя понятія, производятся посредствомъ метафоры отъ словъ, выражающихъ чувственныя понятія; и это теперь вполнѣ подтверждается изслѣдованіями сравнительныхъ языковѣдовъ. Всѣ корни, т. е. всѣ вещественные элементы языка, выражаютъ только чувственныя впечатлѣнія и такъ какъ всѣ слова, даже самыя отвлеченныя и возвышенныя производятся отъ корней, то сравнительное языковѣдѣніе вполнѣ признаетъ заключенія вѣрными, до которыхъ дошелъ Локкъ. Вотъ что говоритъ Локъ (III. 3):

«Мы можемъ нѣсколько приблизиться къ источнику всѣхъ нашихъ понятій и знаній, если замѣтимъ, въ какой степени наши слова зависятъ отъ простыхъ чувственныхъ идей, и какъ слова, употребляемыя для дѣйствій и понятій, весьма отдаленныхъ отъ нашихъ чувствъ, все таки происходятъ изъ того же источника и отъ очевидно чувственныхъ идей переносятся на болѣе скрытое значеніе и употребляются для идей, недоступныхъ познанію посредствомъ нашихъ чувствъ; такъ напр. представлять себѣ,

понимать, постигать, принимать, познавать, внушать отвращеніе, смущеніе, спокойствіе и т. д., все это слова, заимствованныя отъ впечатлѣній чувственныхъ предметовъ и примѣненныя къ извѣстному образу мышленія. *Духъ,* spiritus, имѣетъ первоначальное значеніе дыханія, *ангелъ* есть посланникъ.' Я не сомнѣваюсь, что если бы мы могли прослѣдить каждое слово до его источника, то мы нашли бы во всѣхъ языкахъ, что имена предметовъ, употребляемыя для не подлежащихъ нашимъ чувствамъ, происходятъ отъ чувственныхъ идей. Поэтому мы могли бы, въ извѣстной степени, предположить, откуда произошли и какого рода были понятія у первыхъ образователей языка, и какъ природа при самомъ наименованіи вещей незамѣтно представляла человѣческому уму первообразы и начала всякаго его знанія; между тѣмъ при выборѣ такихъ именъ, которыя должны были сдѣлать понятнымъ для другихъ какія либо умственныя операціи, происходившія въ душѣ человѣка, или какія либо другія идеи, не подлежащія чувствамъ, человѣкъ охотно заимствовалъ слова у общеизвѣстныхъ чувственныхъ идей, чтобы такимъ образомъ тѣмъ понятнѣе для другихъ сдѣлать тѣ операціи, которыя онъ испыталъ въ себѣ и которыя не имѣютъ внѣшнихъ проявленій. Когда люди пріобрѣли извѣстныя и употребительныя имена для обозначенія этихъ внутреннихъ операцій своего собственнаго ума, то они уже были въ состояніи выражать словами всѣ прочія свои идеи, которыя состояли или изъ однихъ внѣшнихъ ощущаемыхъ впечатлѣній, или изъ внутреннихъ операцій ихъ ума касательно этихъ же впечатлѣній, ибо у насъ нѣтъ никакихъ идей, какъ было доказано, за исключеніемъ только того, что первоначально было получено нами или отъ чувственныхъ предметовъ извнѣ, или что мы чувствуемъ въ себѣ вслѣдствіе внутренняго дѣйствія нашего собственнаго духа, сознаваемаго въ насъ нами самими.»

Хотя это мѣсто нѣсколько запутано и темно, однако оно тѣмъ не менѣе классическое и послужило предметомъ многихъ какъ благопріятныхъ, такъ и преврат-

ныхъ толкованій. Нѣкоторые изъ послѣдователей Локка, въ особенности же Горнъ Тукъ, воспользовались этимъ мнѣніемъ, что всѣ отвлеченныя слова первоначально имѣли матеріальное значеніе, чтобы доказать, что все наше знаніе ограничивается чувственнымъ знаніемъ. Ихъ доказательства были по-видимому до того убѣдительны, что и до настоящаго времени противники матеріалистическихъ теорій считаютъ необходимымъ оспаривать факты, приводимые Локкомъ и Горномъ Тукомъ, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать, какое имѣютъ значеніе тѣ заключенія, которыя, какъ полагаютъ, изъ нихъ вытекаютъ. Факты же, приведенные Локкомъ, кажется, не подлежатъ сомнѣнію. Spiritus, *духъ*, дѣйствительно происходитъ отъ глагола spirare, дышать. Animus, душа, духъ, по мнѣнію Цицерона [2]) названо такъ отъ anima, душа, и эти слова происходятъ отъ корня an, который по Санскритски значитъ дуть, и содержится въ Санскритскомъ и Греческомъ словахъ для *вѣтра* an-ila и án-emos. * Слова *ду-ша* и *дх-ть* тоже одного корня *д'у*. * Греческое thymos, душа, происходитъ такимъ же образомъ отъ thyein, шумѣть, бушевать. Санскр. dhu, шевелить, содержится въ въ Санскр. dhuli, пыль, dhuma дымъ, Лат. fumus. Въ Греческомъ отъ этого корня произошли слова thyella, буря и thymos, душа, какъ мѣсто пребыванія страстей. Платонъ совершенно справедливо полагаетъ (Крат. стр. 419), что душа, thymos, такъ названа ἀπὸ τῆς θύσεως καὶ ζέσεως τῆς ψυχῆς. Англ. to imagine, Франц. imaginer *воображать*, въ первоначальномъ понятіи навѣрно значило рисовать, представлять себѣ картину, образъ; но и рисовать есть слишкомъ сложное представленіе для того, чтобы выразиться однимъ корнемъ. Imago, образъ, картина, стоитъ вмѣсто mimago, какъ imitor вм. mimitor, Греч. mimeomai, которыя всѣ происходятъ отъ корня mâ, мѣрить, и первоначально значили все слова мѣрить, часто измѣрять, срисовывать, подражать. Англ.

---

[2]) Цицеронъ, Tuscul. I, 9. sub fin. Locke, Human Understanding, IV. 3, 6, прим. (ed. London, 1836, стр. 412). «Anima sit animus ignisve nescio,» и т. д.

to comprehend и to apprehend значили хватать что нибудь, обхватывать, т. е. *понимать*, отъ *по* и *имать* или брать.

Разсмотримъ какія либо слова, выражающія такіе предметы, которые не подлежатъ непосредственному воспріятію чувствъ, и намъ не трудно будетъ убѣдиться въ справедливости утвержденія Локка, что такія слова непремѣнно происходятъ отъ другихъ, первоначально выражавшихъ предметы чувственные.

Я начну со Кафрскихъ метафоръ:

Слова:	*буквальное значеніе*:	*переносное значеніе*:
beta	бить	наказывать
dhelana	вмѣстѣ ѣсть	быть съ кѣмъ нибудь въ сношеніяхъ.
fa	умирать	быть больнымъ.
hlala	сидѣть	жить, оставаться
ihlati	кустарникъ	убѣжище
in geala	летучій муравей	необыкновенная ловкость
innevade	родъ луковичнаго растенія	книга, стекло
inja	собака	зависимый
kolwa	быть довольнымъ	вѣрить
lila	кричать, плакать	печалиться
mnandi	сладкій	пріятный
gauka	быть сломаннымъ	быть мертвымъ
umsila	хвостъ	придворный посолъ
zidhla	съѣдать самого себя	гордиться
okasiboni	онъ насъ не видитъ	онъ отъ гордости насъ не замѣчаетъ
nikela indhlebe	преклонять ухо, превращаться въ слухъ	внимательно слушать
ukudhla ubomi	ѣсть жизнь	жить

ukudhla umntu ѣсть кого нибудь — брать, отнимать чужое имущество

ukumgekeza ломать чью нибудь голову inkloko — затруднять кого нибудь

ukunuka umntu слышать что нибудь по запаху — обвинять кого нибудь въ колдовствѣ [3]).

Tribulation, по англійски и по французски—скорбь, горесть, происходитъ отъ tribulum, что означало у древнихъ Римлянъ орудіе, которымъ они очищали зерна; оно состояло изъ деревянныхъ досокъ, обитыхъ вмѣстѣ и снабженныхъ снизу остроконечными кремнями и желѣзными зубцами. [4]) Между настроеніемъ духа, которое выражается этимъ словомъ, и состояніемъ зеренъ, бросаемыхъ подъ tribulum, сходство весьма ясно и до того разительно, что послѣ того, какъ оно разъ найдено, оно уже не забывается. Слово же tribulum происходитъ отъ глагола terere, растирать, раздроблять, молотить, угнетать, Греч. τίρω. Теперь представимъ себѣ человѣка, у котораго душа до того обременена тяжестью его прежнихъ дурныхъ поступковъ, что онъ не можетъ переносить такого нравственнаго давленія и чувствуетъ себя разбитымъ и раздавленнымъ; такой человѣкъ назоветъ состояніе своей души состояніемъ раздробленія, сокрушенія, угнетенія, contrition, что значитъ «быть разбитымъ, раздробленнымъ въ куски», отъ того же глагола terere.

Французское penser, думать, тоже самое слово, что и Лат. pensare, взвѣшивать, а это произошло отъ pendere вѣсить. Лат. dubium, Англ. doubt, сомнѣніе, собственно значитъ положеніе, колебаніе между двумя точками, и происходитъ отъ duo, два; точно такъ же Нѣмецкое Zweifel, сомнѣніе, указываетъ на zwei, два. Англ. to believe, полагать, находится въ связи съ Нѣм. belieben, изволить, желать, и съ Лат. libet, угодно. Но какъ Англ. to believe, такъ и Нѣм. glauben, полагать, пер-

---

[3]) Appleyard, стр. 70.

[4]) См. White, Latine-English Ditionary.

воначально означали болѣе, чѣмъ просто одобрять что нибудь. Оба слова приводятся къ корню lubh, который удержалъ первоначальное свое значенiе въ Санскр. lobha, желанiе, и въ Лат. libido, страстное, сильное желанiе. Этимъ же самымъ корнемъ воспользовались для выраженiя той неотразимой страсти душевной, которая заставляетъ человѣка явно пренебрегать очевидностью чувствъ и законами разума (credo quia absurdum), и которая увлекаетъ его неудержимою силою къ принятiю такой истины, которая одна только въ состоянiи удовлетворить естественному желанiю его существа. Это есть вѣра въ ея истинномъ смыслѣ, хотя она со временемъ утратила это значенiе и стала выражать не болѣе, какъ принимать, довольствоваться, точно такъ же, какъ и глаголъ *люблю*, происходящiй отъ того же корня, получилъ значенiе: «мнѣ нравится.»

Англ. truth, истина, по словамъ Г. Тука есть то, чему человѣкъ вѣритъ, troweth. Но этимъ ничего не объясняется. To trow, вѣрить, довѣрять, есть производный глаголъ, значащiй считать что-нибудь за вѣрное, истинное, true. Но true есть Санскр. dhruva [5]) крѣпкiй, прочный; отъ корня dhar, держать.

Другое слово, имѣющее значенiе истиннаго, вѣрнаго, есть satya, прилагательное, происходящее отъ причастiя настоящаго вспомогательнаго глагола as, быть. Sat есть тоже самое, что окончанiе Лат. причастiя ens, сущiй; отсюда происходитъ satya, истинный, сущiй, Грец. eteos, [6]) Англ. sooth. Внѣшнее сходство окончанiя sat съ Лат. окончанiемъ ens не такъ поразительно, но ens стоитъ вмѣсто sens, какъ это видно въ prae-sens, ab-sens и т. д. Далѣе, именительный единственнаго отъ sat есть san,

---

[5]) Kuhn's Zeitschrift, VII. 62.

[6]) См. Pott, Etymol. Forsch., II, стр. 364; Kern, Куна, Zeitschr., VIII, 400. Нужно замѣтить, что буква t въ satya принадлежитъ къ корню, а производственный элементъ здѣсь не tya, Греч. ςιός, а ya. Сомнительно, представляетъ ли εός ту же приставку, какъ Санскр. ya. См. Bopp, Vergl. Gramm. (2), §. 109 a, 2 (стр. 212), и §. 956. Санскр. sattva значитъ существо и сущiй.

такъ какъ въ Санскритѣ слово не можетъ оканчиваться на ns. Но винительный единств. есть santam, что равняется Лат. винительному sentem; именит. множ. есть santas, равно Лат. sentes. Послѣ этого нельзя сомнѣваться въ тождествѣ этихъ двухъ словъ въ Санскритскомъ и Латинскомъ языкахъ.

Теперь посмотримъ, какъ языкъ выразилъ то, что было бы самымъ несущественнымъ понятіемъ, если его вообще считать за раціональное понятіе, именно за *ничто*. Его выразили однимъ единственно возможнымъ образомъ, именно отрицаніемъ чего-либо существеннаго и чувственнаго, очевиднаго, или сравненіемъ съ нимъ. Въ Санскритѣ оно называется asat, не сущее, т. е. чего нѣтъ; Лат. nihil, т. е. nihilum [1]), которое стоитъ вмѣсто nifilum, т. е. ne-filum, что значитъ «ни одной нитки, ни крохи.» Французское rien есть просто искаженное rem, что есть винительный единственнаго отъ res, вещь; оно удерживаетъ свой отрицательный смыслъ даже безъ отрицательной частицы, которая первоначально стояла въ началѣ этого слова. Такимъ же образомъ Франц. ne-pas есть non-passum, ни шагу; ne-point произошло отъ non-punctum, ни точки. Франц. neant и Итал. niente суть Лат. non ens. Теперь замѣтимъ, какимъ образомъ развиваются выдумки или фантазіи подъ магическимъ вліяніемъ языка. Совершенно вѣрно будетъ сказать: «я тебѣ не дамъ ничего,» nihil, т. е. ни малѣйшей частицы (nefilum). Тутъ говорится объ относительномъ *ничто*, такъ какъ отрицаютъ что-то, или отказываются что-то дать. Также,

[1]) Ср. Kuhn, Zeitschr., I, 544. Dietrich приводитъ подобныя же сокращенія, какъ напр. cognitus и notus, pejero и juro. Боппъ очевидно отказался отъ той этимологіи слова nihil, которую онъ предлагалъ въ первомъ изданіи Сравнит. Грамматики, такъ какъ она во второмъ изданіи пропущена. Жаль, что столь тщательный ученый, каковъ Mr. White, въ своемъ Латинско-Англійскомъ Словарѣ продолжаетъ указывать на одно только первое изданіе книги Боппа. Относительно замѣны буквы f буквою h, намъ извѣстно, что въ Испанскомъ каждое Лат. f замѣняетъ буквою h, напр.: hablar=fabulari, hijo=filius, hierro=ferrum, hilo=filum. Но и въ самомъ Латинскомъ эти буквы часто мѣняются между собою. Вмѣсто hircus Сабинцы говорили fircus; вм. hoedus они говорили foedus; farena вм. harena. Приводится даже двоякая форма hordeum и fordeum, hostis и fostis, hariolus и fariolus. Ср. Corssen, Aussprache der Latein. Sprache, стр. 46.

вступая въ пустую комнату, мы совершенно справедливо говоримъ, что тамъ нѣтъ ничего, не понимая притомъ, что тамъ абсолютно ничего нѣтъ, а только нѣтъ тѣхъ предметовъ, которые мы желали бы найти въ комнатѣ. Вслѣдствіе частаго употребленія такихъ оборотовъ въ нашемъ умѣ постепенно образуется неопредѣленное понятіе о *ничто*, и nihil дѣлается выраженіемъ чего-то положительнаго, реальнаго. Въ самое раннее время стали еще говорить о *ничто*, какъ о чемъ-то существенномъ; съ изумленіемъ говорили о понятіи annihilation, *уничтожение*, хотя такое представленіе можетъ быть понятно только мозгу сумасшедшаго. Annihilation этимологически и логически могло бы быть приведено къ чему-то, не составляющему ни крохи, а это вѣдь не слишкомъ опасное состояніе, такъ какъ строго-логически подъ этимъ понимается все существующее въ мірѣ, за исключеніемъ того, что означено крохой или частицею. Но что за спекуляціи, опасенія и бредни тѣмъ не менѣе произошли отъ этого простаго слова *ничто!* Мы видимъ, какъ возрастаетъ что и умираетъ, мы бываемъ свидѣтелями рожденія и смерти живыхъ существъ, но никогда мы не видимъ пропавшаго или уничтоженнаго; а что не подлежитъ нашему чувственному познаванію и противорѣчитъ всѣмъ началамъ нашего разумнаго умозаключенія, то не можетъ быть выражено и въ языкѣ. Если отвлеченные предметы могутъ быть познаваемы разумомъ, то мы ихъ можемъ обозначать именами вещественныхъ предметовъ. Мы можемъ напр. познавать силы, которыя хотя не подлежатъ нашему созерцанію, но которымъ все таки нельзя отказать въ реальной дѣйствительности. Когда Англичане ихъ называютъ spirits, дыханіе, то они понимаютъ подъ этимъ еще что-то другое, чѣмъ простое дыханіе; также они могутъ быть названы ghosts, призраками,—слово, находящееся въ связи въ gust, порывъ вѣтра, geast, пѣна, gas, газъ, воздухъ, и другими почти не ощущаемыми газами. Но чего нельзя ни видѣть, ни понимать и не представить себѣ, того и не слѣдовало бы выражать словомъ и допускать въ словарь разумныхъ существъ.

Если разсудить, какъ говорятъ объ этомъ *ничто*, что поэты выбирали его предметомъ самыхъ усиленныхъ мечтаній, что оно составляло и теперь еще составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ большинства философскихъ системъ, что оно проникло даже въ область религіознаго размышленія и подъ названіемъ *Нирваны* стало высшимъ стремленіемъ цѣлыхъ милліоновъ послѣдователей Будды,—тогда мы, можетъ быть, даже, при такомъ предварительномъ изслѣдованіи, будемъ понимать, какую силу имѣетъ языкъ надъ мыслью, и уже не будемъ удивляться, почему древніе народы придавали названіямъ предметовъ природы, какъ солнцу, небу, мѣсяцу, зарѣ и вѣтрамъ характеръ сверхъестественныхъ силъ или божественныхъ лицъ, и почему они приносили поклоненіе и жертвы такимъ отвлеченнымъ названіямъ, каковы Судьба, Справедливость и Побѣда. Въ употребленіи слова *ничто* заключается столько же миѳологіи, какъ въ самыхъ безсмысленныхъ частяхъ миѳологической фразеологіи Индіи, Греціи и Рима; если первую приписать порчѣ языка, причину которой мы можемъ объяснить, то относительно послѣдней должно допустить, что языкъ впалъ почти въ состояніе бреда и утратилъ свое первоначальное назначеніе быть выраженіемъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ нашими чувствами, или понятій здраваго разума.

Однако вернемся къ утвержденію Локка, что всѣ имена отвлеченныхъ предметовъ происходятъ отъ именъ вещественныхъ предметовъ. Многіе философы, какъ я замѣтилъ, предпочли подвергнуть сомнѣнію точность наблюденій Локка, вмѣсто того, чтобы всѣми силами оспаривать заключенія, которыя будто бы выводятся изъ его наблюденій.

Викторъ Кузенъ (Cousin) въ своихъ «Чтеніяхъ объ исторіи философіи восемнадцатаго вѣка [8]) старается опровергнуть утвержденіе Локка слѣдующимъ образомъ: «Я предложу вамъ два слова и попрошу прослѣдить ихъ до ихъ первообразныхъ формъ, выражающихъ чувственныя

[8]) Paris, 1841. II. 274.

понятія. Возьмите Франц. je, я. Этого слова ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ языковъ нельзя разложить или привести къ его первообразу; оно само первобытное и не выражаетъ чувственнаго понятія, а имѣетъ только то значеніе, которое ему назначено умомъ; это—чистый и вѣрный знакъ, безъ всякаго отношенія къ какому либо чувственному понятію. Точно также и слово être, быть; оно первобытное и вполнѣ умственное. Я не знаю ни одного языка, въ которомъ франц. глаголъ être передавался бы соотвѣтственнымъ словомъ, выражающимъ чувственное понятіе. Поэтому несправедливо, что всѣ корни языка, въ послѣднемъ своемъ анализѣ, суть знаки чувственныхъ идей.»

Нельзя не допустить, что Франц. je, Санскр. aham, я, есть слово сомнительной этимологіи. Оно принадлежитъ къ древнѣйшимъ формаціямъ Арійской рѣчи, и неудивительно, что даже въ Санскритѣ исчезли матеріалы, изъ которыхъ образовалось это мѣстоименіе. Можно объяснить слова, подобныя Англ. myself или your honour, но нельзя при помощи одного англійскаго анализировать J, я, thou, ты, he онъ. То же самое можно сказать относительно Санскр. aham,—которое дошло до насъ съ потокомъ рѣчи изъ столь отдаленныхъ временъ, что въ сравненіи съ нимъ даже Веды нельзя назвать древними. Хотя происхожденіе слова aham сомнительно, однако еще ни одинъ ученый не сомнѣвался въ томъ, что оно, подобно всѣмъ прочимъ словамъ, должно имѣть свою этимологію, что оно происходитъ или отъ глагольнаго или отъ мѣстоименнаго корня.

Тѣ, которые производятъ aham отъ глагольнаго корня, имѣютъ въ виду корень ah, дышать, говорить; [6]) а кто производитъ это слово отъ мѣстоименнаго корня, приводятъ его къ ведическому gha, позднѣйшему ha, этотъ, что употре-

6) Въ моемъ сочиненіи History of Sanscrit Literature (стр. 21) я считалъ возможнымъ связать ah—am съ Санскр. aha, я сказалъ, Греч. ἦ, Лат. ajo и nego, Готск ahma (вм. agma), духъ; но теперь я отъ такого производства отказываюсь. Также я не согласенъ съ Бенфеемъ (Sanscr. Gramm. §. 773) относительно производства aham отъ мѣстоименнаго корня gha съ приставочнымъ a. Этимологія этого слова до сихъ поръ остается сомнительною.

бляется какъ Греч. ὅδε. Мы видѣли въ одной изъ прежнихъ лекцій, какъ выражается мѣстоименіе перваго лица въ Китайскомъ; хотя подобныя выраженія, какъ «слуга говоритъ» вм. «я говорю» намъ могутъ казаться новыми и искусственными, однако они въ Китайскомъ вовсе не таковы и, во всякомъ случаѣ, показываютъ, что столь безцвѣтное понятіе, какъ Я, можетъ быть выражено достаточно блѣдными и неопредѣленными знаками[10]).

Не то съ глаголомъ être, быть. Être[11]) есть лат. esse, измѣненное въ essere, и потомъ сокращенное. Корень — as во всѣхъ Арійскихъ языкахъ послужилъ матеріаломъ для вспомогательнаго глагола. Этотъ корень as, положимъ, даже въ Санскритѣ совершенно утратилъ свой матеріальный характеръ и означаетъ только *быть*. Но въ Санскритѣ есть производное отъ него слово ásu, жизненное дыханіе,— и въ немъ сохранилось первоначальное значеніе корня as. Чтобы дать происхожденіе такому слову, какъ asu, корень as долженъ былъ означать *дышать*, потомъ *жить*, *существовать*, и наконецъ, сталъ употребляться какъ отвлеченный вспомогательный глаголъ, который находимъ не только въ Санскритѣ, но и во всѣхъ Арійскихъ языкахъ. Если бы не сохранилось въ Санскритѣ это одно производное asu, то было бы невозможно отгадать первоначальное вещественное значеніе корня as, быть, но и тогда языковѣды могли бы приписывать ему такое значеніе. Хотя франц. être могло бы казаться совершенно отвлеченнымъ словомъ, однако прошедшее время j' étais и причастіе été ясно произведены отъ Лат. stare, *стоять*, показываютъ, какъ легко такое опредѣленное понятіе, какъ *стоять*, можетъ перейти въ отвлеченное понятіе *быть*. Обращаясь къ другимъ языкамъ, мы найдемъ, что французскій глаголъ être часто передается соотвѣтственными словами, перво-

---

10) Jean Paul (Levana, 33) говоритъ: «Ich ist—Gott ausgenommen, dieses Ur—Ich und Ur—du zugleich—das Höchste so wie Unbegreiflichste, was die Sprache ausspricht und wir anschauen. Es ist da auf einmal, wie das ganze Reich der Wahrheit und des Gewissens, dass ohne Ich nichts ist. Wir müssen dasselbe Gott, so wie den bewusstlosen Wesen Zuschreiben, wenn wir das Sein des Einen, das Dasein der anderen denken wollen.»

11) Срв. Diez, Lexicon подъ словомъ essere.

начально выражавшими чувственное понятіе. Русскій глаголъ *быть*, Англ. to be, производится отъ Санскр. bhû, что первоначально значило *рости*, [12]) какъ это видно изъ Греч. phyō. Англ. прошедшее J was, Нѣм. war, въ связи съ Готскимъ visan, жить, пребывать.

Хотя въ этомъ отношеніи языковѣдъ долженъ согласиться съ Локкомъ и допустить, безъ всякаго исключенія, матеріальный характеръ всѣхъ словъ, однако ничего не можетъ быть убѣдительнѣе того довода, которымъ Викторъ Кузенъ опровергаетъ заключенія, которыя, кромѣ, разумѣется, самого Локка, многіе философы выводятъ изъ такихъ основъ. «Если бы даже это было абсолютно вѣрно, пишетъ онъ, съ чѣмъ однако нельзя согласиться, то мы не могли бы болѣе сдѣлать другаго заключенія. Человѣкъ, при содѣйствіи всѣхъ своихъ способностей, сперва обращается къ внѣшнему міру,—явленія внѣшняго міра поражаютъ его первыя, и потому они первыя получаютъ названія. Первые знаки заимствованы отъ чувственныхъ предметовъ и отчасти приняли ихъ характеръ. Когда потомъ человѣкъ, обращаясь къ самому себѣ, болѣе или менѣе ясно начинаетъ распознавать интеллектуальныя явленія, которыя онъ всегда понималъ, хотя нѣсколько неопредѣленно, когда онъ потомъ этимъ новымъ проявленіямъ ума и души желаетъ дать выраженіе, то аналогія заставляетъ его связывать знаки, которыхъ онъ ищетъ, съ извѣстными ему уже знаками, ибо аналогія есть законъ всякаго возрастающаго или уже развившагося языка. Такимъ образомъ происходятъ метафоры, къ которымъ нашъ анализъ приводитъ большинство знаковъ и названій самыхъ отвлеченныхъ понятій.»

Такимъ образомъ Кузенъ дѣлаетъ весьма вѣрное предостереженіе тѣмъ, кто желалъ бы воспользоваться наблюденіемъ Локка для свидѣтельства въ пользу односторонней сенсуалистической философіи.

---

[12]) См. М. Мюллера Essay on the Aryan and Aboriginal Languages of India, 344.

Метафора есть одно изъ самыхъ сильныхъ орудій въ строеніи человѣческой рѣчи, и трудно себѣ представить, какъ безъ нея какой либо языкъ могъ бы развиться дальше самыхъ простыхъ началъ. Метафора вообще означаетъ перенесеніе названія отъ одного предмета, которому оно собственно принадлежитъ, на другіе, которые, по нашему представленію, въ томъ или другомъ отношеніи, раздѣляютъ свойства перваго предмета. Умственный процессъ, отъ котораго корень mar получилъ значеніе *усмиренія*, *смягченія*, состоялъ въ томъ, что человѣкъ замѣтилъ нѣкоторую аналогію между гладкою поверхностью, происходящею отъ тренія и полированія, и мягкимъ ласковымъ выраженіемъ лица, нѣжностью голоса, и спокойствіемъ взгляда, которое ласковыми и кроткими словами вызывается даже у нѣдруга. Такъ напр., говоря о журавлѣ или кранѣ мы примѣняемъ названіе птицы къ извѣстной машинѣ, потому что человѣкъ нашелъ извѣстное сходство между этою длинноногою птицею, собирающею свой кормъ длиннымъ клювомъ, и между названнымъ длиннымъ орудіемъ для подъема тяжестей. Греческое géranos также имѣетъ оба значенія. Это—метафора. Лат. spiritus первоначально имѣло значеніе дуновенія, вѣтра. Но когда требовалось назвать жизненное начало въ человѣкѣ или животномъ, то естественно для этого выбрали его внѣшній признакъ, т. е. дыханіе выходящее изо рта. Поэтому Санскр. asu, какъ и Лат. spiritus значатъ дыханіе и жизнь. Когда далѣе требовалось назвать еще что-то другое, не простую животную жизнь, а то, что ею поддерживается, то въ новѣйшихъ Латинскихъ нарѣчіяхъ это же слово послужило для выраженія духовнаго элемента въ человѣкѣ, въ противоположность чисто-матеріальному или животному элементу. Все это метафоры.

Въ Ведахъ, II, 3, 4. [13]) говорится: «Кто видѣлъ перворoднаго, когда тотъ, кто не имѣлъ образа (буквально: костей) сотворилъ его, по образу своему? Гдѣ было дыханіе (asuh), кровь (asrik), самое существо (âtma) земли? Кто спрашивалъ объ этомъ кого нибудь, кто это зналъ?»

[13]) М. Мюллера, History of Sanscrit Literature, 20.

Этими словами *дыханіе*, *кровь*, *самое существо* старались выразить то, что мы назвали бы причиною.

Теперь обратимъ, однако, вниманіе на то, что особенность, которую многіе философы, и преимущественно Локкъ, приписывали извѣстнымъ словамъ, каковы: to apprehend, to comprehend, to fathom, to imagine, spirit и angel, въ дѣйствительности, должно быть, принадлежала цѣлому періоду въ древнѣйшей исторіи рѣчи. Въ интеллектуальной жизни человѣка безъ метафоры не могло быть никакого успѣха. Большинство корней, намъ извѣстныхъ, первоначально имѣло матеріальное значеніе, и притомъ значеніе столь общее и обширное 14), что они легко могли быть примѣнимы ко многимъ спеціальнымъ предметамъ. Есть корни, которые значатъ: быть, свѣтить, ползать, рости, падать и пр.; мы не встрѣтимъ ни одного первобытнаго корня, который выражалъ бы дѣйствіе или состояніе, не воспринимаемое нашими чувствами, или корня, который выражалъ бы такія извѣстныя явленія, каковы дождь, громъ, градъ, чихать, стараться, помогать. Однако языкъ выручилъ человѣческій умъ. Съ весьма незначительнымъ запасомъ матеріальныхъ корней онъ далъ внѣшнюю оболочку безчисленнымъ проявленіямъ человѣческаго ума, не упуская изъ вида ни одного понятія, ни однаго чувства, за исключеніемъ развѣ того, что, по словамъ поэтовъ, невыразимо.

Такимъ образомъ отъ корней, выражавшихъ понятія свѣтить, блистать, произошли названія солнца, мѣсяца, глазъ, золота, серебра, игры, радости, счастія и любви. Отъ корней, имѣющихъ значеніе бить, могли произойти названія топора, палицы, кулака, паралича, пораженія и пр. Отъ корней, выжарающихъ значеніе—итти, могли быть произведены названія облаковъ, плюща, ползуновъ, змѣи, скота, движимаго и недвижимаго имущества. Изъ корня, имѣющаго значеніе крошиться, разсыпаться, образовались выраженія для болѣзни и смерти, вечера и ночи, старости и конца года.

---

14) Обособленіе общихъ корней болѣе обыкновенно, чѣмъ обобщеніе спеціальныхъ, хотя должно допустить оба процесса.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ
ЗАПИСКИ,

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ, И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. ХОВАНСКИМЪ.

1869.

ГОДЪ ОСЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ II и III.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. А Гольдштейна.

Содержаніе II и III выпуска.

МАЛОРОССІЯ (ЮЖНАЯ РУСЬ) ВЪ ИСТОРІИ ЕЯ ЛИТЕРАТУРЫ СЪ XI ПО XVIII ВѢКЪ.

(Продолженіе и окончаніе.)

VI.

Исторію Кіевскаго просвѣщенія должно начинать въ XI вѣкѣ съ преподобнаго Θеодосія, втораго Игумена Кіево-Печерской Лавры. Изъ глубины вѣковъ, гдѣ едва различишь черты Святаго, ясно слышится его высокое апостольское слово, учившее *любить человѣка*, и полагавшаго этимъ краеугольный камень Южно-русскому христіанству. Онъ говорилъ: «аще видиши нага. іли голодна. іли зимою. іли бѣдою одержима. ащеⷦ ти буⷣ жидовинъ. іли срацинъ. іли болгаринъ. іли еретⷦ. іли латинянининъ. іли ѿ што всѣⷯ поганыхъ. всякого помилуі. і ѿ бѣдъі избави ю аже можеши. і мъзды ѿ Ба не лишеⷩ будеⷮ.» Въ Кіевѣ и на Волыни, даже до времени Владиміра ведутся лѣтописи (Срезн. Чт. о Лѣт. 16. 19), собранныя въ XI вѣкѣ Несторомъ (1056 г.) въ новую *повѣсть времянныхъ лѣтъ*. Полный любви къ своей землѣ, къ своему дорогому Кіеву, Несторъ составляетъ *Житіе Бориса* и *Глѣба* и Житіе *Θеодосія Печерскаго*. Другіе Печерскіе монахи, *Симонъ* (✝ 1226) и *Поликарпъ* (1231), собираютъ житія другихъ отцовъ Кіевской церкви—*Печерскій Патерикъ*. Начальную лѣтопись продолжаетъ *Сильвестръ*, игуменъ Выдубицкаго монастыря (✝ 1123); трудъ *Сильвестра* продолжается въ *Кіевской лѣтописи* (до 1200). Кромѣ монастырскихъ лѣтописей, въ XIII в. является уже свѣтская лѣтопись *Галицко-Волынская* (до 1292), занятая дѣлами одной лишь юго-западной Руси. Складъ лѣтописи, полный эпическаго характера, напоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, и будущіе изслѣдователи Слова не обойдутся безъ внима-

тельнѣйшаго изученія Волынской Лѣтописи. Она дошла до насъ въ Ипатьевскомъ спискѣ; языкъ ея Церковно-Славянскій съ примѣсью Русскаго; но, по словамъ ученыхъ издателей лѣтописи,—*въ рѣчахъ князей и другихъ лицъ сохранился образецъ чистаго Южно-русскаго языка.* (П. С. Л. II, стр. VIII).

Кіевъ не утратилъ своего просвѣтительнаго характера и въ тяжкую годину татарскаго погрома. Когда онъ былъ разоренъ, когда его монастыри и церкви били разрушены, епископы перебиты Татарами, а митрополитъ Іосифъ погибъ даже неизвѣстно гдѣ,—въ это время Кіевскимъ митрополитомъ дѣлается *Кириллъ* II, умершій въ Переяславлѣ въ 1282 г. Въ 1274 г. Кириллъ поставилъ архимандрита Печерскаго монастыря *Серапіона* въ епископа Владимірскаго, но Серапіонъ на слѣдующій годъ умеръ. Кириллъ и Серапіонъ были тогда единственной опорой народа, положили за него душу свою, и послѣдній въ своихъ поученіяхъ оплакалъ Русскую землю, страдавшую отъ Татаръ. «За грѣхи наши, говорилъ онъ, Богъ навелъ на насъ языкъ немилостивъ, языкъ лютъ, языкъ не щадящь красоты уны, немощи старець, младости дѣтей» (Приб. къ Тв. Св. От. 1843. 1.). Языкъ его поученій Церковно-Славянскій съ южно-русскимъ ѥ вм. ѥсть, *з*, вм. *с*, и т. д. Въ послѣдніе годы XIII в. митрополитъ Максимъ оставляетъ Кіевъ для *непокоевъ Татарскихъ*, и удаляется на сѣверъ (Густ. 346), за нимъ туда тянутся и другіе, и Кіевскій престолъ пустѣетъ до 1415 г., когда, по настоянію Витовта, снова возстановлена была Кіевская митрополія, отдѣльная отъ Московской. Памятниками Южно-русскаго языка XIV в. остались: *Луцкое Евангеліе*, *Запись* Луцкаго епископа Іоанна 1398 г. (Восток. 110-107), и затѣмъ рядъ грамотъ епископовъ, Литовскихъ королей и бояръ (Ак. отн. къ Зап. Росс. I.). Изъ тьмы XIV в. не дошло до насъ ни единаго памятника народной поэзіи, исключая развѣ нѣкоторыхъ пѣсенъ о томъ, какъ козаки гуляли—

По степяхъ, по лугахъ, по турецькыхъ горахъ,
По чорныхъ моряхъ, и... по ляцькыхъ поляхъ...

VII.

Начавшееся въ XII в. просвѣщеніе въ Кіевѣ не умираетъ, какъ не умирала въ Южной Руси любовь къ свободѣ и къ родной землѣ. Въ XV вѣкѣ въ Львовѣ (съ 1498) пишется Южно-русская лѣтопись и тянется до 1649 г. *) Въ это же время въ Литвѣ ведется «Лѣтописецъ (до 1547) великаго княжества Литовскаго и Полоцкаго,» открытый Бодянскимъ въ Познанской библіотекѣ (Чт. 1846. 1.). Въ 1556 г. висцомъ Михаиломъ, сыномъ протопопа Саноцкаго, по порученію княгини Гольшанской, переведено Четвероевангеліе съ Болгарскаго на Южно-русскій языкъ, «для лѣпшого вырозумленья люду христіанского посполитого.» Евангеліе это открыто Бодянскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1838., Май,—Макс. Книжная стар. 1). Къ XV вѣку или къ началу XVI в. принадлежитъ переводъ на Южно-Русскій языкъ книги *Пѣсни Пѣсней* съ послѣсловіями о любви (Осн. 1861. Ноябр.). Въ переводѣ находятъ слѣды чехизма, и потому относятъ его къ тому времени, когда Скорина и другіе хлопотали о переводѣ Священнаго писанія на народныя нарѣчія. (Наук. Сб. 1865. IV. 235). Къ 1517 г. принадлежитъ Псалтирь доктора Скорины, писанный тоже Южно Русскимъ языкомъ (Бес. Общ. Люб. Р. Слов. I. 2—27).— Московскіе печатники, которыхъ въ Москвѣ сочли за колдуновъ, бѣгутъ въ Литовскую Русь; Гетьманъ Ходкевичъ даетъ имъ у себя пріютъ, и съ 1658 года въ Южной Руси начинается книгопечатаніе, сначала на Волыни, въ Червонной Руси, а съ 1616 г. въ Кіевѣ. Елисей Плетенецкій, происходившій, какъ и Гедеонъ Балабинъ, изъ старо-шляхетскаго рода, и избранный въ 1599 году на мѣсто умершаго Печерскаго архимандрита Никифора, собралъ въ Лаврѣ знаменитое *ученое братство* и ку-

*) Русск. Ист. Сб. Ш, 233.—Она прежде еще издана была Войцицкимъ въ Краковскомъ журналѣ Kwartalnik-Naukowy. См. ст. Евецкаго: Телеск. 1835., 17—20.

пилъ для него *Стрятинскую типографію* (Максим. Книжн. Стар. 1.) Въ это время въ Южной-Руси совершается необыкновенно замѣчательное явленіе. Церковь и гражданинъ соединяются въ одно (Чорна рода 69): монахъ подаетъ руку воину. Вся прошедшая жизнь приводила къ тому, что монахъ часто становился въ ряды козаковъ, а козаки дѣлались монахами. Монахи благословляли козаковъ на битву, они же *святили ножи*, и въ тоже время запорожецъ шелъ въ монахи, а войсковой судья вдругъ дѣлался митрополитомъ. Монахъ и козакъ одинаково были гражданами своей земли, одинаково служили просвѣщенію,—заводили школы, изучали свою *исторію*, занимались поэзіей.

Тимъ—то й сталась по всёму світу
Страшенная Козацькая сила,
Що у васъ, панове молодці,
Була воля й душа едина!....

Этотъ братскій союзъ всей земли сказался особенно въ—двухъ великихъ людяхъ Южной Руси начала XVI вѣка, въ Гетьманѣ Петрѣ Конашевичѣ *Сагайдачномъ* и Кіевскомъ митрополитѣ *Петрѣ Могилѣ*.

Гроза Турокъ и Татаръ, суровый Петръ Конашевичъ Сагайдачный, въ 1599 году, наслѣдуетъ булаву послѣ Наливайки, замученнаго Поляками. Онъ даетъ сиротствующему Кіевскому престолу митрополита Іова Борецкаго, на свой счетъ возобновляетъ Богоявленское Кіевское братство, учреждаетъ фундацію на школу братства Львовскаго («на науку и на цвицены баккалавровъ ученыхъ»), и рука, которая вчера еще громила Турокъ, теперь пишетъ *объясненіе на Унію*. Сагайдачный умеръ въ 1622 году г., и погребенъ на Подолѣ, въ дому *братства церковного*. По случаю его погребенія, ректоръ Кіевскихъ школъ Кассіанъ Саковичъ написалъ стихи, носившіе такое заглавіе: «вѣршѣ на жалостный погребъ Петра Конашевича Сагайдачнаго.» Они были посвящены *Запорожскому войску*....

Съ началомъ XVI в. въ Южной Руси начинается широкая литературная и ученая дѣятельность, которая вызывалась высокимъ чувствомъ *гражданина*, охватившаго теперь каждаго изъ сыновъ Южной Руси, начиная отъ козака и до монаха. Умершій въ 1626 г. *Захарія Капыстенскій*, намѣстникъ Печерской Лавры, подписываясь въ 1616 г. подъ спискомъ Кіевскаго братства, выражался слѣдующими теплыми словами: «во иночествѣ Захарія Копыстенскій, исповѣдникъ, ненавидя зла и прилѣпляясь къ благому, принимаю и лобызаю учрежденное въ Кіевѣ братство, повинуясь апостолу, который говорилъ: братолюбіемъ другъ ко другу любезни.» Умершій въ 1631 г. Кіевскій митрополитъ *Іовъ Борецкій*, въ одномъ сочиненіи, 1621 г., предписывалъ «возбуждать и приготовлять къ св. мученичеству,—какъ самихъ себя, воспоминая слова Христовы: «пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы,—такъ и сердца народа, и чтобы съ радостію переносили расхищеніе и разграбленіе своихъ имуществъ; наконецъ, охотно, мученически принимать всякую смерть, по примѣру Господа.... въ церквахъ должна быть проповѣдь; учреждать по городамъ школы»....

По кончинѣ Копыстенскаго, въ Лаврѣ происходили споры, два года не было архимандрита, и наконецъ въ 1628 г. въ это званіе избранъ *Петръ Могила*; посвящалъ его Іовъ Борецкій.

Петръ Могила—сынъ Симеона Могилы, бывшаго господаремъ Молдавіи. Родился онъ 1597 году, и, по преданію, воспитывался въ Парижѣ, потомъ служилъ въ польскихъ войскахъ, и участвовалъ въ битвѣ съ Турками подъ Хотинымъ. Въ 1626 году онъ является въ Печерскомъ монастырѣ, а въ 1628 году избранъ митрополитомъ и посвященъ во Львовѣ. То былъ новый, свѣжій человѣкъ, который придалъ новыя силы Кіевскому просвѣщенію. Онъ самъ впослѣдствіи такъ разказывалъ о своей дѣятельности: «Когда Богъ благословилъ быть мнѣ пастыремъ столицы митрополіи Кіевской, и прежде того еще архимандритомъ

Печерской Лавры—съ того времени, видя упадокъ благочестія, въ народѣ Русскомъ не отъ чего иного, какъ оттого, что не было никакого наставленія и наукъ, я положилъ обѣтъ мой Господу Богу, все мое имущество, доставшееся отъ родителей и что только, за должнымъ удовлетвореніемъ святыхъ мѣстъ, мнѣ ввѣренныхъ, останется изъ доходовъ съ имѣній, (имъ) принадлежащихъ, обращать частію на обновленіе разрушенныхъ домовъ Божіихъ, которыхъ жалкія оставались развалины, и частію на основаніе школъ въ Кіевѣ, правъ и вольностей народа Русскаго.» Петръ Могила честно сдержалъ свое обѣщаніе. Первымъ сердечнымъ дѣломъ его было учредить въ Кіевѣ Академію. Для этого онъ отправляетъ въ заграничныя Академіи на свой счетъ нѣсколько монаховъ, другихъ беретъ изъ Львовскаго братства, и обязуется доставлять имъ въ Кіевѣ всякія пособія. Кіево-Печерская братія изъявляетъ на это полное согласіе, и въ подпискѣ, которая была сдѣлана по сему случаю, одинъ изъ монаховъ подписывается слѣдующимъ образомъ: «Антоній Мужиловскій, іеромонахъ и старецъ монастыря Печерскаго, при томъ кровь свою пролить готовъ.» Люди, избранные въ наставники, собрались въ Кіевѣ, составили изъ себя *общежительное братство*, и въ концѣ 1631 г., при святыхъ вратахъ Печерскихъ водворена была *братская школа*, получившая названіе *Кіево могилянской Коллегіи*, или какъ еще называли ее, *Кіево-могилянскіе Аѳины*; школа преобразована потомъ въ Кіевскую Академію. Ученики Академіи, въ числѣ которыхъ были извѣстнѣйшія фамиліи православно — русскаго дворянства, въ 1632 г. поднесли Петру Могилѣ благодарственные стихи, подъ названіемъ *Евхаристиріонъ, албо вдячность*. Устроивая свою Коллегію, свое любимое дѣтище (collegium unicum pignus meum), Петръ Могила въ тоже время участвуетъ на Сеймахъ, собираетъ соборы, пишетъ окружныя посланія, даетъ церкви изложеніе Вѣры, катихизисъ, трудится надъ исправленіемъ Библіи, думаетъ о составленіи житій Святыхъ. Вслѣдъ за Печерской типографіей, являются другія типографіи въ Кіе-

вѣ, одна въ 1625, другая въ 1627, и около Петра Могилы возникаетъ новый періодъ книгопечатанія и просвѣщенія Южной Руси. Въ Декабрѣ 1646 года Петръ Могила занемогъ, 22 числа составилъ духовное завѣщаніе, и умеръ 1 Января 1647 года. Въ своей духовной онъ назначаетъ первою своей наслѣдницей *Кіевскую Коллегію*, оставляетъ ей значительныя суммы и всю свою библіотеку,—за тѣмъ поручаетъ ее покровительству знатнѣйшихъ тогда защитниковъ православія, и молитъ ихъ именемъ Бога *сохранить Академію* (Пекар. Наука и Лит. при Петрѣ. Его же: Предст. Кіев. учен. «От. Зап.» 1862. 2, 3, 4.)—Говорили, что передъ смертію Петръ Могила благословилъ Хмельницкаго на возстаніе, и наложилъ проклятіе на всякаго, кто откажется итти за нимъ. (Марк. I, 162). Одинъ изъ враговъ Петра Могилы, Саковичъ, обращаясь къ уніатамъ, такъ отзывался о Кіевскихъ школахъ: «меркнутъ ваши школы, не только предъ Латинскими (іезуитскими), но и предъ учрежденными Могилою, и эти, еслибъ въ нихъ не преподавалось еретическихъ наукъ и отщепенства, со временемъ имѣли бы чѣмъ *утѣшить Русь* (Epanthosis, 113). Они утѣшили Русь только благодаря тому, что умѣли учится и любить свой народъ.....

Преемникъ Петра Могилы, Сильверстъ Коссовъ, 1 Октября 1649 г. окруженный всѣмъ Кіевскихъ духовенствомъ, встрѣчаетъ побѣдителя Поляковъ, Богдана Хмельницкаго, который въ 1656 году отдаетъ Кіевскому духовенству «лядскія мѣстности и млины,» доминиканскія имѣнія и села. Кіевское просвѣщеніе пріобрѣтаетъ новыя средства, но война разгорается, и Коллегія пустѣетъ: академики вступаютъ въ ряды войска, а межъ тѣмъ въ 1654 году Южная Русь присоединена къ Московскому царству.

Не говоря о церковной литературѣ, обработанной въ Кіевѣ, мы остановимся на *стихотворной* драмѣ, *исторіи* и народной *думѣ*, которыя явились полными представляли кипѣвшей кругомъ нихъ жизни.

VIII.

Писаніе стиховъ (виршей, вѣршей, отъ лат. versus, польск. wiersz), особенно ради панигириковъ, было слабостью Кіевской Академіи. Пекарскій указалъ цѣлую книгу Черниговскаго епископа Максимовича, въ которой, за исключеніемъ 6-ти строкъ заглавнаго листа, все остальное—часть заглавія, предисловіе, посвященіе, текстъ и послѣсловіе, написаны силлабическими стихами: въ предисловіи и посвященіи 1094 стиха, въ текстѣ 23166. У Симеона Полоцкаго нашлась охота написать цѣлую книгу стиховъ на разные случаи (Риѳмологіонъ или Стихословъ). Силлабическая вирша завладѣла и новорожденной драмой.

Начала театра, заложеннныя глубоко въ жизни каждаго народа, и развившіяся на западѣ въ цеховыхъ учрежденіяхъ, на Руси нашли себѣ пріютъ *въ Кіевскомъ братствѣ*. Съ польскаго образца, по которому устроена была академія, взято было и правило, что учитель поэзіи *обязывался* каждый годъ приготовлять для лѣтнихъ рекреацій, комедію или трагедію. Сначала является *вертепная драма*, близкая къ *мистеріи*, занесенная изъ Польши и пріуроченная къ Рождеству Христову. Классическими вертепными драмами были *Поклоненіе волхвовъ*, *Смерть Ирода*, и т. п. Представленіе драмы сопровождалось часто колядками и пѣснями: то пѣли о богатырѣ, который обложилъ городъ Львовъ и не хотѣлъ отступать безъ того, пока не выдадутъ ему золотую дѣвицу, а то воспѣвали жида, поляка и т. д. (Лѣт. Русс. лит. V отд. II, 24). Забывая легенду, вертепная драма, спускается въ жизнь и беретъ изъ нея на сцену самые разнообразные случаи, гдѣ участвуютъ шинкарь, жидъ, покупатели у жида, пьяный, который бьетъ жену, и затѣмъ различныя любовныя похожденія, очень нескромныя. *Вертепную драму*, изданную Марковичемъ, и особенно начало ея, относятъ ко времени Сагайдачнаго (1600—1620). Дѣйствующими лицами этой драмы—пономарь въ

нанковомъ халатѣ, ангелы, пастухи, Иродъ, хоръ и т. д. Въ интермедіи участвуетъ солдатъ, Дарья Ивановна, цыганъ, цыганенокъ, дідъ и баба. Драма за исключеніемъ окончанія, на Церковно-Славянскомъ языкѣ; окончаніе ея и интермедія на Южно-русскомъ. Вотъ на сценѣ Полякъ и мальчикъ.

Полякъ. А цо тута за галацѣ!
Нѣхъ дзѣмбло вѣзмѣ гайдамацѣ!
Идьзь хлопку, ведзь до мене кохану,
Я ту краковяку вытанцевать стану.

Входитъ полька, танцуетъ съ полякомъ подъ пѣсню, а мальчикъ пляшетъ за спиной пана, потомъ падаетъ и убѣгаетъ вмѣстѣ съ другими, и за сценой раздается народная пѣсня:

Да не буде лучче,
Да не буде краще,
Якъ у насъ на Украини!
Що немае Жида,
Що немае Ляха,
Немае Унін!

(Н. Марк. Обычаи, и пр.)

Симеонъ Полоцкій (1626—1680), учившійся въ заграничныхъ академіяхъ, унаслѣдовалъ отъ нихъ страсть къ стихотворству, которую онъ не покидалъ до самаго дня своей смерти. Онъ писалъ и драмы: комедію «Блудный сынъ,» трагедію «Навуходоноссоръ.» Въ 1664 году онъ пріѣхалъ въ Москву учить царевича Өеодора, и съ нимъ вмѣстѣ переселилась сюда Кіевская драма.—*Св. Димитрій Ростовскій* (1651—1709), еще во время пребыванія своего въ Южной Руси, написалъ нѣсколько драмъ: «Грѣшникъ кающійся,» «Эсөирь» и «Агасферъ,» «Воскресеніе Христово,» «Рождество Христово.» (Лѣт. Р. Л. V, 154). Не смотря на легендарный (мистерія) характеръ его драмъ, въ нихъ являются живыя лица, говорятъ настоящимъ языкомъ. Пастыри его комедіи «Рождество Христово»

—чистые южно-руссы. На сценѣ два пастыря, Авраамъ и Аѳоня.

Авраамъ: Што братъ, гдѣ же тамъ поють хорошенько?
Еще я такъ не слыхавъ, ты слышишь Аѳонько?
Аѳоня: Я вже слышу и вижду: ей, птичка высоко,
Смотрите, едва бъ ваше не досмотритъ око:
Ты старъ, на глазъ хромъ, вотъ въ гору смотрите.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка является уже драма съ историческимъ направленіемъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, кромѣ драмы «Владиміръ», оставилъ еще другую, представленную въ Кіевскихъ школахъ въ 1728 году. Называется она «Милость Божія, Украину чрезъ Богдана Хмельницкого свободившая и возвеличившая». Максимовичъ полагаетъ, что «Милость Божія» написана во время пребыванія въ Москвѣ новоизбраннаго малороссійскаго Гетмана, Даніила Апостола, такъ ласково и почетно принятаго царемъ.... Ѳеофанъ оказывалъ всяческое вниманіе маститому и доблестному вождю Козацкому, и, конечно, тогда въ Москвѣ, помянувъ свои прежніе годы и свою родину, Кіевъ, написалъ онъ для возлюбленной Академіи своей новую драму (Чтенія 1859 I, ст. 77). Драма имѣетъ видъ сценическаго произведенія, написаннаго на случай. Въ 1-мъ дѣйствіи, 1-мъ явленіи Богданъ Хмельницкій долю козацкую оплакуетъ, и новые совѣты въ умъ пріемлетъ. На его слова отвѣчаетъ хоръ: муза и Аполло грядущую Ляхомъ погибель предвозвѣщаютъ:

Не видишъ, Поляче!
Кто по тебе плаче,
Кого обиждаешъ,
Кому досаждаешъ?
. . . .
Солнце зайдетъ въ хмуры,
Вдарятъ на тя бури,
Шкуры тебе дерти,
Главы будутъ терти,
Шіи вытягати,

Въ ярмо закладати,
По лѣсахъ гонити,
По рѣкахъ тонити,
Зъ склеповъ выдирати,
Ажъ за Вислу гнати.
Прійдутъ на тя злая
Непременно сяя;
Богъ бо тебе судить,
Судъ его не зблудитъ!

Дѣйствіе 2. Хмелницкій объявляетъ свой совѣтъ Запорожцамъ, вѣстники извѣщаютъ о приходѣ Ляховъ, козаки сѣдлаютъ коней. Дѣйствіе 3, 1 явл. На сценѣ одна *Украина*. Она «о помощь и пособіе Божіе Хмельницкому въ брани той проситъ.» Во 2 явл. вѣстникъ извѣщаетъ о побѣдахъ:

Не плачь, о Украино, престани тужити,
Печаль твою на радость время преложити....
Украина: Словеса твоя дивно мене утѣшаютъ,
Егда толикія мнѣ побѣды глашаютъ....

Дѣйствіе 4. Явл. 1. Хмельницкій съ торжествомъ на Украину возврати вся въ Кіевъ, при вратахъ торжественныхъ благодаритъ Бога за такія побѣды, дѣти Украинскіи, въ училищахъ Кіевскихъ учащіися, его привѣтствуютъ, потомъ и козаки чрезъ писаря толикой ему славы вѣншуютъ. Дѣйствіе 5. Явл. 1. Украина радуется и благодаритъ Бога. Явл. 2 Смотрѣніе Божіе указываетъ Украинѣ будущую судьбу; хоръ поетъ хвалы Хмѣльницкому. Наконецъ эпилогъ указываетъ народу на милость Божію.

Къ концу XVII в. и начала XVIII в. относятся нѣсколько южно-русскихъ *интермедій*, — чисто-народнаго склада. Въ рукоп. И. Публ. Библ., указанной Пекарскимъ, помѣщено нѣсколько интермедій, гдѣ собственно нѣтъ никакой завязки, а выведено нѣсколько лицъ, которыя ведутъ между собою разговоры. Въ одной изъ нихъ, называемой «интерлюдіи или между вброшенная забавная игралища», на сценѣ участвуютъ лица, хорошо извѣстныя въ тогдашней общественной жизни: раскольникъ,

ставленникъ, подъячій, пономарь и жидъ; раскольникъ и мошенникъ выражаются по-великорусски, а жидъ, слуга, цыганъ—по-украински (Тих. Лѣт. Р. Лит. III, II, 37). Въ другой интермедіи, тоже въ Рукоп. И Пуб. Библ. выведены гаеръ, двѣ молодки, шляхтичъ, цыганъ и купецъ. Гаеръ сначала бьетъ старуху кочергой, потомъ старуха колотитъ его ухватомъ, затѣмъ слѣдуютъ самыя незастѣнчивыя сцены одной молодки съ шляхтичемъ, другой съ гаеромъ и пьянымъ мужемъ, и наконецъ цыганъ продаетъ гаера купцу за десять дукатовъ. (Пек. Мист. Ст. II). Къ тому же времени относится еще одна интермедія на три персоны: «смерть, воинъ и хлопецъ» (изъ Сборника 1788), оставшаяся у Великорусскаго народа въ драматическихъ разказахъ объ Аникѣ воинѣ (Лѣт. Р. Лит. V, II. 78 Русс. Арх. 1864, 74). Учитель піитики въ Кіевской Академіи (1736), *Довгалевскій*, пишетъ комедіи и мистеріи, составленныя изъ нѣсколькихъ интерлюдій. Въ нихъ также, какъ и въ вертепной драмѣ Марковича, на сцену выведены три народности (Московская, Южнорусская и Польская). Выходитъ козакъ, до котораго выходитъ Ляхъ на влови (на охоту): козакъ хоронится, потомъ выходятъ къ томужъ Ляху *подданніи* съ поклономъ. Интерлюдія начинается думкою козака.

Мати моя старенькая, чи ти мнѣ раденькая
Моей молодости; 2.
Бувъ у Турка подъ руками, а въ Татаровъ з кайданамы
У самой жалости. 2.
Да вже правда теперь нема добра вь юди;
Дармо пряцуемъ, выставляемъ груды;
Богъ виручивъ мя оттуда, а теперь мѣсця не найду,
Въ дому не сидѣты. 2.
Лѣсы, поля спустошенни, луги, сѣна покошенни;
Пороспускавъ дѣты. 2.
Толко жъ правда що требо взирати на Бога,
Той есть всѣмъ въ добичи простая дорога.
Пойду знову на Сѣчь мати, пойду долѣ внизъ шукаты,

Козацкая доле! 2.
А че и буду потугою а въ Москаля заслугою.
Мати жъ моя Олее!
Спитаю, чи не буде хочь на низу добра,
Чи не трапитця де поймати лиса обо бобра.
Буду Турковъ воеваты, мечемъ слави добувати.
Буду воеваты 2.
Ей колибъ опять якъ була козацьная слава,
Що бъ распустилась всюди якъ перьями пава,
І щобъ зацвѣла знову якъ рожа у лѣтѣ.
Якъ Богъ позволитъ побрать турецкія дѣты,
Або Ляховъ на той часъ трапитца поимати,
І семъ кіевъ Козацкимъ по ребэсамъ дати.

Ляхъ разсуждаетъ о ястребахъ, а ему кляняются Литвины, *его подданги*, изъ которыхъ старшій такъ учитъ говорить младшаго: «на здоровье табѣ пане, нехай и панеи стане і всѣмъ здісткамъ вашимъ, нехай станіе се гето тутъ приходомъ нашимъ.» Пану такое привѣтетвіе не нравится; «что такое хлопы, теперь вы мнѣ говорите? и панского гнѣву не знаете?

Литвинъ. Нѣтъ, мосцане, мы къ тебѣ съ поклономъ пришлѣ,
И саколю мацъ до твоей милостцѣ приніеслѣ.
Ляхъ. Возми-ка, хлопче, самаго войта, какъ старшого,
Бей, тузь, валяй, паляй, бей хорошенько,
также и другого:
Что за диво мнѣ и какая бѣда—хлопа забить,
убить,
какъ негоднаго сына.

Въ то время, когда полки Миниха проходили черезъ Малороссію, является типъ русскаго солдата—Москаль....

На ярмаркѣ Жидъ расположилея съ своимъ шинкомъ и зазываетъ къ себѣ проходящихъ ксендзовъ.

Жидъ. Прошу на водочку, прошу—извольте пить.
Ксендзъ. Дай, жизю, на этотъ шостакъ бѣлый,
Мы не такой людъ, какъ схизма проклятая.

2-й ксен. Прошу, отче, скажи,—откуда вѣра взята?
3-й ксен. А что тутъ будешь о вѣрѣ разсуждать,
Слышу,—идетъ Москаль, будетъ штурмувать.
Москаль. Што здѣсь за шумъ, што за крыкъ, да нѣтъ ли раздоровъ?
Ксензъ. Чекай но, васпанъ, ми ни въ твоемъ двору.
Маскаль. Што болтаешь, ты меня называешь воромъ,
Да еще хвалишься здѣся сваимъ дворомъ!
Полна болтать; мнѣ нада дать скоро подводу.
(Тр. Кіев. Дух. Ак. 1865. Февр.)

Къ 40 мъ годамъ прошлаго вѣка относится *трагекомедія, сложенная Варлаамомъ Лащевскимъ въ Академіи Кіевской* (Лѣт. Р. Лит. I, II. 6.). Наконецъ, одинъ изъ лучшихъ людей Южной Русси, *Георгій Конисскій* (1717—1795) оставилъ драму въ пяти дѣйстіяхъ: «Воскресеніе мертвыхъ», показаное въ Кіевской Академіи 1747 г. трудами іеромонаха Георгія Конѣского (ib. VI. III, 177). Кіевская драма, занесенная Симеономъ Полоцкимъ на сѣверъ, тамъ замерла, не выработавъ ничего, и когда еще продолжали существовать интерлюдіи, а на театрахъ явились уже иные люди, сцены иной жизни, не имѣвшіе ничего общаго съ народомъ......... А между тѣмъ Южно-руссъ, переживая свои судьбы, постоянно вдумывался въ нихъ, часто посмѣивался надъ тѣмъ, что видѣлъ, и вѣчно сосредоточенный въ самомъ себѣ, онъ вырабатывалъ высоко-комическій элементъ, ярко сказавшійся во всей Южно-Русской литературѣ, начиная отъ пословицы, до пѣсни и интерлюдіи.

Съ такой же печатью народнаго духа, является въ Южной Руси и *Исторія*, которую, по прекраснымъ словамъ Максимовича, писали козаки на бранномъ полѣ оружіемъ и кровью, а потомъ переписывали на бумагу и хранили для памяти потомкамъ.» (Макс. о Сагайдачн. 352). Въ своихъ лѣтописяхъ и исторіяхъ Украинецъ является всегда въ одномъ видѣ—истиннымъ сыномъ своей родины, и эту благородную черту бережетъ, какъ увидимъ, даже въ позднѣйшихъ своихъ потомкахъ. Съ этой стороны Русь совершенно противоположна Польшѣ. По-

ляки, любя себя, забывали думать о своей землѣ, о народѣ, никогда не знали *исторіи своего народа*, и погибли отъ этого незнанія, явивъ этимъ поучительнѣйшій примѣръ для другихъ народовъ... Извѣстны роковыя слова, сказанныя Зинькевичемъ въ его предисловіи къ Scarbiec historii Polskiej: «Polacy, niemamy historii Polski!»

Напротивъ южно-русскіе историки успѣли отлично обработать исторію Южной Руси,—имъ же обязана своимъ свѣтомъ и исторія Россіи, — теперешней отчизны всѣхъ Русскихъ людей.

Мы видѣли, что въ Южной Руси лѣтопись велась, не прерываясь. Случалось, что лѣтописное сказаніе захватывало и судьбу сосѣднихъ областей, и дѣлались попытки по Русскимъ и Польскимъ источникамъ составить учебникъ исторіи. Погромъ самозванщины, охватившій сѣверо-востокъ, отзывается въ сердцахъ южно-Руссовъ, и неизвѣстное лицо, полное живаго участія къ судьбѣ сѣверныхъ братьевъ, пишетъ «плачъ о плѣненіи и о конечномъ разореніи превисокаго и пресвѣтлѣйшаго Московскаго Государства изложенъ в' пользу въ наказаніе случающимъ, сотворижеся сіе плѣніе и разореніе в' лѣто 7119.» Лѣтопись эта отыскана Судіенкомъ (Врем. V, см. 56). Лѣтописецъ поставилъ себѣ цѣлью отъискать, «чесо ради падеся превисокая и великая Россия.»

Позднѣйшія южно-Русскія лѣтописи, это собственно были сказанія о войнахъ, о Хмельницкомъ, — любимомъ героѣ лѣтописцевъ, и потомъ уже обращались въ сказанія о послѣдующихъ событіяхъ. Такова *Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмельницкаго* (Изд. Бодянск. Чт. 1846, I, II). Лѣтописецъ жилъ и дѣйствовалъ отъ начала войнъ Хмельницкаго до послѣднихъ годовъ XVII стол. Съ этой лѣтописи былъ сдѣланъ кѣмъ то *великорусскій* списокъ; и она же послужила основой для Исторіи Руссовъ Кониского. (Украин. I, 153). *Самуилъ Зорка* съ Волыни, сначала служилъ *писаремъ* (по нашему—правителемъ дѣлъ при военномъ штабѣ) въ Запорожскомъ Кошѣ, и во все продолженіе войны съ Поляками «о всѣхъ рѣчахъ и поведеньяхъ совершенно вѣдалъ и до-

сконально и пространно въ Діаріушѣ своемъ оніе описалъ.» Этотъ Діаріущъ до насъ не дошелъ, но имъ пользовался Величко, хотя и не вполнѣ. (Лѣт. Вел. I, 54). Самуилъ Зорка былъ преданъ Хмельницкому и сочинилъ ему нагробное слово, сохранившееся у Велички (Ч. X. раз. IX.) Самуилъ Величко, бывшій канцеляристъ канцеляріи войска Запорожскаго, удаляясь отъ дѣлъ въ село Жуки, Полтавскаго уѣзда, писалъ «Сказаніе о войнѣ козацкой зъ Поляками, чрезъ Зѣновія Богдана Хмельницкаго, Гетьмана войскъ Запорожскихъ, въ осми лѣтехъ точившойся.» Величко былъ войсковымъ писаремъ, и единственное свидѣтельство о его жизни составлено имъ самимъ въ припискѣ къ лѣтописи.

Не довольствуясь личнымъ знакомствомъ съ дѣяніями, которыя онъ описывалъ, Величко справлялся съ другими источниками, съ Нѣмецкой исторіей Пуффендорфа, южно-Русской Самуила Зорки, и Польской Самуила Твардовскаго (Woyna domowa). Рукопись *Сказанія* украшена десятью портретами Гетмановъ: Богдана Хмельницкаго, Ивана Виговскаго, Юрія Хмельницкаго, Ивана Брюховецкаго, Павла Тетери, Петра Дорошенко, Демьяна Многогрѣшнаго, Михаила Ханенко, Ивана Самойловича, Ивана Мазепы. Высокій гражданинъ, честно послужившій своей Украинѣ, онъ высказался вполнѣ на страницахъ своей исторіи. Въ заключеніи «предмовы до чителника,» онъ подписывается такъ: «истинній Малій Росіи синъ, тебѣ же, чителнику тоея жъ отчизни, всѣхъ благъ присножелательствующій братъ и слуга.» Украина для него— это мать родная: «матка наша Малая Росія;» (II. 18, 32, 34, 36). Въ его глазахъ Богданъ Хмельницкій— это Моисей, ниспосланный вывести Украину изъ Лядской неволи: «всемогущій Богъ посла имъ яко Моисея того, о немъ же пишемъ, Богдана Хмельницкаго, и даде ему смислъ и розумъ, чрезъ которій би возмоглъ отъ такъ тяжкаго ига Лядскаго волній Малороссійскій народъ освободити, и въ вожделѣнную паки пріобрѣсти свободу.» (I. 31). Лѣтопись его, къ несчастію дошла до насъ въ неполномъ видѣ,—нѣтъ начала, гдѣ былъ помѣщенъ рав-

сказъ о древнѣйшихъ происшествіяхъ, и нѣтъ конца, ибо онъ вѣроятно продолжалъ ее и послѣ 1700 года (Лѣт. Сам. Велички. Кіевъ 1848, стр. II.). Къ лѣтописямъ войнъ Хмельницкаго относятся *Реестры всего войска Запорозкого*, писанные въ два столбца на 449 листахъ,—первоначальный подлинникъ реестровъ, составленный для войсковой канцеляріи осенью 1649 г.— Реестры эти опять останавливаютъ насъ тою любовью къ Хмельницкому, отъ которой не спаслось даже офиціальное дѣло. На оборотѣ перваго заглавнаго листа помѣщенъ гербъ Хмельницкаго, и подъ нимъ слѣдующая подпись:

Старожитность, по тилько якъ бы обновила,
Же вѣкопомность явъно зновуся одкрыла
Клейнотъ, котрый Хмельницъкихъ домъ приоздобляетъ,
Въ мужности въ правдѣ въ вѣрѣ мощно утверждаетъ.
(Макс. Укр. I, 164.).

Въ Кіевской Лаврѣ является попытка составить систематическое изложеніе исторіи Южной Руси и Россіи. Слѣды историческаго изученія видны уже у Самуила Велички и въ Патерикѣ Сильвестра Косова (1635). Этотъ послѣдній въ своихъ Annotationes ссылается на Баронія, Стрыйковскаго, Длугоша, Бѣльскаго, Мѣховскаго, и др.— Игуменъ Злотоверхова монастыря Ѳеодосій *Сафоновичъ* (съ 1665) составляетъ *Хронику* о событіяхъ Россіи до 1290 г. и краткую хронику Польши и Литвы, собирая свѣдѣнія изъ лѣтописей Кіевской и Волынской и изъ Стрыйковскаго. Іеромонахъ Черниговскаго Ильинскаго монастыря въ 1699 году пишетъ другую *Хронику*, въ которой сначала идетъ всемірная исторія до 1444 г., далѣе происхожденіе Оттоманской Имперіи, исторія Польши и Литвы и Южной Россіи. Въ 1674 г. въ Кіевѣ напечатанъ *Синопсисъ* (Сокращеніе), или исторія, составленная по хроникѣ Сафоновича, и вышедшая въ свѣтъ по благословенію архимандрита Кіево-печерской Лавры Иннокентія Гизеля, происходившаго изъ Нѣмцевъ. Синопсисъ приписываютъ самому Иннокентію Гизелю.

Книга полная ошибокъ въ родѣ того, что слово *Русь* есть позднѣйшее, искаженное, а первоначальное было *Россъ*, *Россійскій*. Синопсисъ сдѣлался учебникомъ русской исторіи, и не потерялъ этого названія даже послѣ Краткаго Лѣтописца Ломоносова. Послѣднее изданіе его было въ 1836 году. (Пекар. Наука и Лит. I, 317).

На рубежѣ XVIII вѣка, какъ будто благословляя Россію на новый путь, стоитъ *Св. Димитрій Ростовскій*, всю свою жизнь трудившійся надъ исторіей. Сынъ малороссійскаго сотника *Саввы Григорьевича Туптала*, онъ родился близъ Кіева; при Галятовскомъ учился въ Кіевской Академіи, которая въ то время была полуразрушена, и потомъ постригся въ тамошнемъ Кирилловскомъ монастырѣ. Лазарь Барановичъ въ 1675 году вызвалъ его въ Черниговъ, и посвятилъ въ іеромонахи; въ 1679 году онъ переселился въ Батуринскій монастырь Св. Николы, и въ 1684 году, по приглашенію архимандрита Варлаама Ясинскаго, явился въ Кіевѣ для собранія житій Святыхъ, начатаго Петромъ Могилою. Около трехъ лѣтъ работалъ онъ надъ первыми тремя книгами Житій, и просилъ на изданіе ихъ благословенія Московскаго патріарха; благословеніе не приходило, и Кіево-Печерская Лавра сама рѣшилась напечатать ихъ въ 1689 году. Патріархъ Іоакимъ былъ недоволенъ этимъ, требовалъ исправленія ошибокъ, вкравшихся въ Житія, а также, чтобъ Кіевская Академія на будущее время ничего не печатала безъ его дозволенія. Удалившись въ свой скитъ, Димитрій Ростовскій въ 1693 г. окончилъ другую четверть Житій (изд. 1700 г.) а въ 1699 г. третью четверть. Петръ пригласилъ его въ Москву, гдѣ онъ и посвященъ былъ въ Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго, а потомъ назначенъ Митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ. Въ рѣчи, при вступленіи на паству, онъ приносилъ Ростову благословеніе Кіево-Печерскихъ угодниковъ, и говорилъ: «да не смущается сердце ваше о моемъ къ вамъ пришествіи: дверьми бо внидохъ, а не прелазяй инуди: не искахъ, но поисканъ есмь, и не видѣхъ васъ, ниже вы мене вѣдасте, судьбы же Господни

бывша инока, ты пастыря мя къ вамъ, азъ же прiидохъ, не да послужите ми, но да послужу вамъ.» Въ 1705 г. онъ окончилъ послѣднюю четверть Миней. Занятый просвѣщенiемъ своей паствы, онъ, сынъ южной Руси, не могъ не обратить христiанскаго вниманiя на непонятный, дикiй *расколъ*, скрывавшiйся въ Брынскихъ лѣсахъ. Уличая раскольниковъ въ полномъ отсутствiи у нихъ вѣры *христiанской*, онъ не довольствовался устными бесѣдами, а пустилъ въ рукописи свой *Розыскъ*. Кромѣ *Житiй* онъ оставилъ церковную (вмѣстѣ съ гражданской) исторiю, подъ именемъ *Келейной Лѣтописи*, доведенную до 3600 года. Какъ видно изъ письма его къ Стефану Яворскому, исторiя эта назначалась для Малороссiи. «Понеже, писалъ онъ, что въ нашей Малороссiйской сторонѣ трудно обрѣсти Библiю славянскую, и для того я хотѣлъ бы вкратцѣ библейскую исторiю преподать для вѣдѣнiя книжицею не зѣло великою и умѣренною.» За тѣмъ отъ него остались: *Хронографъ* о началѣ Славянскаго народа (рукопись), *Краткiй Мартирологъ*, *Лѣтописанiе царей и патрiарховъ*, *и Дiарiй* или ежедневныя записки о его жизни, написанныя на Южно-Русскомъ языкѣ и переведенныя Бантышъ-Каменскимъ на Велико-Русскiй. Человѣкъ необыкновенно просвѣщенный, онъ любилъ Горацiя. Въ библiотекѣ его собрано было все лучшее, что тогда давала наука по исторiи, классической и церковной литературѣ, и языкознанiю. Библiотека его была взята въ Москву, а черновыя рукописи, по завѣщанiю Святителя, были положены въ его гробъ вмѣсто подушки и подстилки. Его высоко-человѣческую кроткую личность народъ почтилъ искренней любовью и вѣрой, а церковь причислила его къ лику Святыхъ, хранителей Русской земли.

Лѣтописная и историческая дѣятельность продолжается въ Южной Руси и въ XVIII вѣкѣ. Iеромонахъ Кiевскаго Фроловскаго монастыря, *Максимъ Плещо* пишетъ лѣтопись, доведенную имъ до 1780 г. (Марк. Ист. V, 10—83, 92). *Григорiй Грабянка* (ум. 1730), гадяцкiй полковникъ, на основанiи «лѣтописей и дiарiу-

ша войны и показаній старожиловъ, пишетъ новую лѣтопись подъ названіемъ: «Небывалая брань Богдана Хмельницкого съ Поляками, не оконченная и 10 лѣтъ по смерти Хмельницкаго,» (Кіевъ, 1854.). Малороссійскій генеральный подскарбій, Яковъ Андреевичъ *Марковичъ*, ученикъ Кіевской Академіи, и близкій къ Өеофану Прокоповичу, съ 1716 по 1768, ведетъ свои записки, изданные недавно съ портретами самого Марковича и его жены въ народныхъ одеждахъ, бывшихъ тогда общественными.» (Моск. 1859 г. двѣ части). Въ это время является замѣчательнѣйшій изъ *русскихъ* историковъ *Георгій Кониской*. Сынъ дворянина, родился онъ въ Нѣжинѣ, въ 1717 г., и учился въ Кіевской Академіи; потомъ былъ ея префектомъ и ректоромъ, архимандритомъ Кіево-печерской Лавры, а съ 1783 архіепископомъ Бѣлорусскимъ. Проведя всю жизнь въ борьбѣ съ католиками и уніатами *за права и вольности* Русскаго народа, онъ, между тѣмъ, работаетъ надъ исторіей своего народа, пишетъ *Исторію Руссовъ.* По свидѣтельству Григорія Андреевича Полетики, который передавалъ слова Георгія Кониского, лѣтопись эта «ведена съ давнихъ поръ въ каөедральномъ Могилевскомъ монастырѣ искусными людьми, сносившимися о нужныхъ свѣдѣніяхъ съ учеными мужами Кіевской Академіи и разныхъ знатнѣйшихъ малороссійскихъ монастырей, и паче тѣхъ, въ коихъ проживалъ монахомъ Юрій Хмельницкій, оставившій въ нихъ многія записки и бумаги отца своего и Гетьмана Зиновія Хмельницкаго и самые журналы достопамятностей и дѣяній національныхъ, и что она притомъ *вновь* имъ пересмотрѣна и исправлена.» Исторія эта, переданная Конисскимъ Полетикѣ, предназначалась для великаго дѣла—служить ему руководствомъ по должности его депутатомъ въ Коммисіи проекта новаго уложенія....... Максимовичъ выразилъ сомнѣніе, чтобъ этотъ трудъ, въ которомъ встрѣчаются ошибки, принадлежалъ Кониcскому, отлично знакомому съ исторіей. (Кіевлян. 1865 г. 24). Но свидѣтельство самаго Конисскаго, которое мы сейчасъ привели, его художественный языкъ, повторяющій-

ся и въ другихъ сочиненіяхъ, его благородный характеръ,—все это не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что *Исторія Руссовъ* принадлежитъ Конисскому. Гражданинъ своей земли, искренно ее любившій, мѣстами Конисскій повторяетъ въ себѣ классическихъ историковъ, влагавшихъ въ уста своихъ героевъ рѣчи, которыхъ они не говорили, но сказать могли, и не смотря на эту восторженную любовь къ своимъ героямъ, онъ пишетъ *исторію дѣйствительную*, дѣйствительно пережитую южно-русскимъ народомъ. Безсмертный трудъ Конисскаго изданъ Бодянскимъ (Чтенія 1846—7), имъ же потомъ составлено «Подробное изложеніе исторіи Руссовъ.» (Чтенія 1846—7, III). Изданіемъ Конисскаго въ 1846 году, въ первой книгѣ Чтеній открылся 1-й годъ этого почтеннаго изданія Московскаго *Общества Исторіи и Древностей*. Отъ Конисскаго остались еще: сочиненіе Prawa i Wolnosci, изд. въ 1767 году, въ Варшавѣ, и *Записки объ уніи* (Чтенія 1847, № 8). Къ 1722 г. относится *Діаріушъ или журналъ* войсковой канцеляріи старшаго канцеляриста *Николая Ханенко*. Ханенко принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ мужамъ Южной Руси первой половины прошедшаго столѣтія. Потомокъ Стефана Ханенко, запорожца, который былъ Крымцевъ, правнукъ и внукъ людей, занимавшихъ значительныя мѣста въ войскѣ Козацкомъ сынъ наказнаго лубенскаго полковника Данилы Ханенко, онъ лишился своего отца въ малолѣтствѣ, главное образованіе получилъ въ Кіевской Академіи, потомъ поступилъ въ военную службу, былъ при Гетманѣ Скоропадскомъ старшимъ канцеляристомъ и съ этого времени велъ свой *Діаріушъ*. Въ Малороссіи учреждена была Коллегія, для денежныхъ сборовъ, а, между тѣмъ, по желанію ея президента Вельяминова, вытребована была въ Петербургъ вся генеральная старшина, вмѣстѣ съ наказнымъ Гетманомъ и туда же отправился Ханенко. Николай Даниловичъ служилъ потомъ наказнымъ полковникомъ, участвовалъ во многихъ битвахъ, и былъ предпослѣднимъ генеральнымъ хорунжимъ. «Въ его Діаріушѣ,—говоритъ Бодянскій»—

слышимъ мы разсказъ непосредственнаго очевидца многому, въ то время совершавшемуся въ Бѣлокаменной, и притомъ очевидца, вовсе недумавшаго о гласности, но записывавшаго для себя, «памяти ради,» и удовлетворенія собственной любознательности. Потребность эта проявилась въ немъ еще до поѣздки его въ Великую Россію, какъ показываетъ то другой *журналъ* его, начатый имъ за два года съ небольшимъ до того, и оставленный только незадолго до смерти. (Бодянск Чтенія 1858. I, Смѣсь). Отъ него осталась еще *Переписка*, разоблачающая дѣятельность преемника Мазепы, бывшаго генеральнаго писаря, а потомъ Гетьмана *Орлика*. (Чтенія 1847. I). Петръ Ивановичь *Симоновскій*, тоже воспитанникъ Кіевской Академіи, учился потомъ въ Варшавѣ, былъ за границей съ дѣтьми Гудовича, слушалъ профессоровъ во многихъ университетахъ, и, воротясь на родину, составилъ въ 1765 году *Краткое описаніе о Козацкомъ Малороссійскомъ народѣ*, доведенное имъ до пріѣзда Гетьмана Разумовскаго. Это *Краткое описаніе* есть нѣчто иное, нежели показываетъ заглавіе, именно полная исторія Южной Руси, писанная большею частію по документамъ. (Чтенія 1847, 2). Указатель къ *краткому лѣтописцу* составленъ Клевановымъ. (Чтенія 1848, 8). Упомянемъ еще о запискахъ *Чепы* (18 книгъ in f.), издавшаго въ 1798 году *Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ* (Бант.—Кам. И. Мал. Росс. изд. 2. т. I, VIII), о запискахъ о Малой Россіи Шафонскаго и о его же *Краткомъ географическомъ и историческомъ описаніи Малой Россіи*, 1786 года. Къ концу того же XVIII вѣка принадлежитъ еще одинъ замѣчательный историкъ Южной Руси *Ригельманъ*. Иностранецъ, хотя и православный, закинутый судьбою въ этотъ прекрасный край, онъ женился на украинкѣ, сдѣлался тамошнимъ помѣщикомъ, и, какъ видно, горячо полюбилъ свою новую отчизну. «Такое—говоритъ Бодянскій—чудное и единственное въ своемъ родѣ общество не могло не поразить юнаго, любознательнаго и просвѣщеннаго инженера (Ригельмана). Свѣдѣнія, сообщаемыя

имъ, обличаютъ человѣка, хорошо сжившагося съ тѣми, кого описываетъ, и описываетъ въ высшей степени достовѣрно, подробно и безпристрастно.» Еще въ 1778 году, во время пребыванія на Дону, онъ составилъ *Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи*, состоявшее изъ двухъ частей. Проводя остальные дни своей жизни въ деревнѣ, онъ передѣлывалъ и дополнялъ свою исторію, и она выросла до 4-хъ частей. Къ его исторіи приложено 27 изображеній Малороссіянъ разныхъ сословій, безъ сомнѣнія, въ народныхъ костюмахъ, ибо другихъ они не знали, портретъ Гетьмана Хмельницкаго, и двѣ карты древней и новой Малороссіи. Кромѣ того отъ Ригельмана остались «Исторія о Донскихъ козакахъ», 1778 г. тоже съ 17 изображеніями древняго и новаго одѣянія Донцовъ, и еще «Изъясненіе о Козлерской Крѣпости» 1754 года. Исторія Ригельмана, какъ и всѣ почти указанныя нами лѣтописи и историческія сочиненія открыты и изданы Бодянскимъ. Г. Бодянскій этимъ дѣломъ оказалъ великую услугу родной ему южной Руси, за которую глубоко почтутъ его позднѣйшіе потомки.......

Такъ какъ цѣль наша—не исторіографія Южной Руси, а попытка указать на высоко-развитое гражданское чувство Южно-русскихъ лѣтописцевъ и историковъ,—то мы ограничимся однимъ лишь перечисленіемъ послѣднихъ дѣятелей, занимавшихся исторіею и заключившихъ собою Кіевскій періодъ южной Руси. Всѣ они воспитанники Кіевской Академіи. Таковы были: Василій Григорьевичъ Барскій (1702—1747), Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій (1738—1814) и почтенный сынъ его Дмитрій Николаевичъ, обезсмертившій себя *Исторіей Малой Россіи* и *источниками Малороссійской Исторіи* (Чт. 1858, I.); иностранецъ *Миллеръ*, который, подобно Ригельману не могъ не увлечься судьбами Малороссіи, (Чтенія 1847, III, V, VI.) Максимъ Θеодоровичъ *Берлинскій* (1764—1848) (Манс. Врем. V. См. 38), Василій Григорьевичъ *Рубанъ* (1739—1795), и нѣкоторые другіе.

IX.

Таково было высокое значеніе Кіевской Академіи, собравшей въ своихъ стѣнахъ всѣ силы, кипѣвшія тогда въ Южной Руси. Ослабляемая со всѣхъ сторонъ, она нѣсколько ожила при митрополитѣ Гедеонѣ, кн. Четвертинскомъ (ум. 1690); но съ этихъ поръ упадала, а воспитанники ея переходили на сѣверъ для участія въ новой жизни, несли съ собой *просвѣщеніе*, но съ новой жизнью не такъ-то ладили.

Въ 1686 г., іерусалимскій патріархъ Досифей писалъ къ царю: «нынѣ въ той странѣ, глаголемой Козацкая земля, суть нѣціи, иже въ Римѣ и Польшѣ отъ латиновъ научени, и бяху архимандрити, игумени, и прочитаютъ неподобная мудрованія въ монастырѣхъ..... довольно бо есть православная вѣра ко спасенію, и не подобаетъ вѣрнымъ прельщатися черезъ философію и суетную прелесть..... исповѣдуемъ быти козаковъ православныхъ, обаче многіе разслѣнные имѣютъ правы, ихъ не подобаетъ учитися тамошнимъ православнымъ. (Пек. Наук. и Лит. I, 2—4). Не смотря на это патріархъ Андріанъ далъ *дозволеніе* митрополиту Кіевскому переложить новоизданный полный переводъ православнаго исповѣданія *на малороссійское нарѣчіе*, и напечатать у себя. Москва, слѣдовательно, возставала не противъ печатанія на чужомъ языкѣ,—а только противъ многихъ несогласій съ православнымъ ученіемъ. (Опис. Слав. рук. II, 2, 597).

Со времени Петра Кіевское просвѣщеніе пріобрѣтаетъ на сѣверо-востокѣ полное господство. Кіевъ далъ и ученыхъ, и первые учебники, и переводы извѣстныхъ сочиненій; но и тутъ не обошлось безъ того, чтобъ не объявили Ѳеофана Прокоповича ни больше, ни меньше какъ въ *безбожіи*.

Прокоповичъ, сынъ бѣднаго Кіевскаго мѣщанина, послѣ смерти отца, жилъ съ матерью въ крайней нищетѣ. Поступивъ въ Кіевскую Академію, онъ тотчасъ же сталъ выше своихъ товарищей. Назвавшись Уніатомъ,

онъ изъ Кіева отправился учиться въ Литву, во Львовъ, въ Вѣну, Флоренцію и Римъ. Въ Римѣ онъ поступилъ въ Коллегіумъ Св. Аѳанасія, учрежденный папою Григоріемъ XIII, усердно занимался науками, работалъ въ библіотекахъ, и такимъ образомъ «въ самой столицѣ католическаго міра собиралъ матеріалы для будущихъ нападокъ на папежскій духъ.» Въ 1702 году онъ возвратился въ Малороссію, и вступилъ преподавателемъ въ Кіевскую Академію. Встрѣча съ Петромъ I въ Кіевѣ въ 1706 и 1709 гг., среди Полтавскихъ ликованій, сопровожденіе Петра въ опасный Турецкій походъ 1711 г., рѣшаютъ его судьбу. По возвращеніи изъ похода, онъ былъ выбранъ въ игумены Кіево-Печорскаго монастыря, и въ ректоры Академіи, и эту должность, по словамъ Евгенія, проходилъ съ такою славою, какой предшественники его еще не имѣли. Въ 1716 г. онъ вызванъ въ Петербургъ, и здѣланъ архіепископомъ и вице-президентомъ Синода. Онъ писалъ драмы, элегіи; Ломоносову помогъ вступить въ университетъ, поощрялъ Кантеміра, содѣйствовалъ изданію книги Арндта «Объ истинномъ христіанствѣ,» напечатанной за границей, и при Елисаветѣ запрещенной. Согласно характеру времени, его проповѣди выходили политическими памфлетами, а законодательные памятники—сатирой. Ненавидя старое, онъ работалъ для новаго и шелъ къ своей цѣли, не стѣсняясь никакими средствами.—Но умеръ Петръ, и онъ былъ обвиненъ *въ безбожіи*. Прокоповичъ умеръ въ 1736 г., завѣщавъ свою библіотеку Новогородской Семинаріи, а имѣніе—на богоугодныя заведенія и на полезныя учрежденія (Пекар. Наук. и Лит. при Петрѣ I, 339—494; Чтенія 1862, I; 1864, IV.).

Кіевская Академія существовала еще въ XVIII в., выпуская изъ своихъ стѣнъ лучшихъ дѣятелей новой Россіи—духовныхъ, ученыхъ и государственныхъ людей, каковы: *Завадовскій*, *Безбородко*, *Трощинскій*, и т. д. Съ 1721 г. Кіевская типографія подчинена Синоду, и ей предписано: «а другихъ никакихъ книгъ, ни прежнихъ ни новыхъ, не объявя объ оныхъ въ духовной коллегіи—

въ тѣхъ монастыряхъ не печатать, и кромѣ того справлять книги съ велико-русскими печатьми, дабы никакой розни и *особаго нарѣчія* въ оныхъ не было (Пекар. II, 670). Указомъ 1817 г. Кіевская Академія обращена въ *Семинарію*. Извѣстно, что при Петрѣ Могилѣ Польскій языкъ былъ исключенъ изъ учебныхъ предметовъ Академіи; но теперь, когда польскій панъ сталъ русскимъ помѣщикомъ, явилось предположеніе устроить Кіевское просвѣщеніе *главнѣйше на Польскомъ языкѣ*. Предположеніе это вызвало въ Малороссіи протестъ. (Чтенія 1861, I, см. 166). Южно-русскіе ученые, явившись въ Москву, принесли ей *просвѣщеніе*, и, безъ сомнѣнія, знаніе Польскаго языка. Между тѣмъ Москва начинаетъ (въ высшихъ сословіяхъ) ополячиваться; посадскіе люди или граждане обращаются въ *мѣщанъ* (польское названіе), дворяне—въ *шляхетное сословіе*, *охабень* мѣняется на *кунтушъ*, и учитель изъ дьячковъ на учителя *Поляка*.... Тутъ ужь ни въ чемъ неповинны были Кіевскіе ученые и Кіевская Академія. Но не смотря на то, русскій историкъ, забывъ, что это ополяченіе началось съ самаго *смутнаго времени*, рѣшается сказать, что западно-русскіе ученые, принесли къ намъ *польское вліяніе*, и Русскій языкъ запестрѣлъ *полонизмами*.... (Сол. Ист. Рос. XIII. 228). Нѣтъ, не Кіевскіе ученые были виноваты въ томъ, что высшія сословія ополячивались и онѣмечивались, когда сами русскіе историки еще продолжаютъ заявлять, что велико-русскій народъ могли спасти не южно-русскіе ученые, а Нѣмцы: *нужны были Нѣмцы для этого* (т. е. для просвѣщенія), *нужно было ѣхать не въ Кіевъ* (!?). *а въ нѣмецкія государства* (Сол. Ист. Рос. XIII. 229).

Таковы судьбы Кіевской Академіи. Она была душою края,—была хранительницей Южно-Русскаго языка. Напрасно Буслаевъ, въ своей Христоматіи,—въ этомъ трудѣ, предназначенномъ для *преподаванія*, постоянно называетъ Южно-Русскій языкъ этого времени *Польско-Русскимъ*,—напрасно и Соловьевъ пишетъ слѣдующія не историческія вещи: «у западно-русскихъ людей не было

своего книжнаго языка: они писали или на такъ называемомъ Церковно-Славянскомъ языкѣ, или по-латыни, или по-польски; литература Польская доставляла имъ много матеріала.» (Сол. Ист. Рос. XIII. 228). Правда, въ Южно-Русскомъ языкѣ есть много Польскихъ словъ, но назвать этотъ языкъ *Польско-русскимъ*, забывая объ его исторіи, также умно, какъ назвать языкъ *Велико-Русскій* татарско-русскимъ, потому только, что въ него вошло много татарскихъ словъ. (См. Muchl. Zródlost.). Здѣсь-то, въ стѣнахъ Кіевской Академіи и Кіевскихъ Семинарій выростали и воспитывались и дѣти послѣдняго изъ козаковъ и самые знатные изъ Малороссійскаго дворянства: изъ нихъ-то вышли всѣ великіе люди южно-русскаго народа...... Несправедливо говорили Поляки, что козаки—это ни больше, ни меньше, какъ *разбойничья шайка* (łotrowstwo kozackie), несправедливо писалъ и Самойловъ, что Запорожцы—это *мамелюки*, *разбойники*, *бродяги*, *развращенные* (Бартенева, Рус. Арх. 1867, стр. 1024—5), и, наконецъ, сами историки велико-русскаго народа говорили, что козаки—это не что иное, какъ *искатели зипуновъ* (Сол. Ист. Рос. XIII. 49). Такъ говорить—непростительно, это значитъ не понимать исторіи своего народа. Но интересно знать, что были даже Поляки, которые лучше относились къ Южнорусскому народу. Мы позволимъ себѣ привести одно извѣстіе, относящееся не къ половинѣ XIX вѣка, когда русскіе историки позволяли обзывать цѣлое русское племя *искателями зипуновъ*,—а къ половинѣ XVI вѣка. Извѣстный геральдикъ, Папроцкій, въ стихотвореніи, напечатанномъ въ 1575 году, «do Polakow,» говоритъ:

A nie chcieycie rozumieć bym im pochlebował,
Nie dawnośmci w tym Kraju, nie z nimi się chował,
Alem zaraz zrozumiał sprawy ich poczciwe,
Ktore godne nawieki, a by były żywe...

Chociaż we pstrych, suianech oni to nie chodzą,
Ale w sławie snadź droższey niż we złocie brodzą,
Ta o tym czym narodzie wszędzy, zacnie słynie,
Y będzie wickom wiecznie choccoz Polska zginie.

Это значитъ по-русски: «Недумайте, что я льщу Русинамъ: я недавно еще между ними, и не съ ними воспитывался; но я тотчасъ оцѣнилъ ихъ славныя дѣла, заслуживающія вѣчной памяти въ потомствѣ.—Не носятъ они пестрыхъ одеждъ; они покрыты славою, которая дороже вашихъ нарядовъ.—Слава этого народа распространена всюду, и останется за нимъ на вѣки вѣчные, *хотя бы Польша и погибла* (II. К. въ СПБ, Вѣд. 1867.).

Поборникъ *Христіанства*, защитникъ Московскаго царства отъ Поляковъ и Крымцевъ, козакъ прежде всего учился въ Семинаріи, преимущественно же въ Кіевской Академіи, и если прежде не былъ монахомъ, то послѣ нерѣдко шелъ въ монастырь. Изъ Кіевской Академіи, вышли: *Богданъ Хмельницкій*, получившій въ ней отличное образованіе, знавшій языки Греческій, Латинскій, Польскій, Татарскій, Нѣмецкій, Французскій и Молдавскій,—*Тетеря*, *Сомко*, *Сѣрко*, *Самойловичъ* и т. д. И такъ козаки были хранителями *науки*, *просвѣщенія* и даже *поэзіи*... Въ козацкомъ быту выросъ и развился новый историческій эпосъ, какимъ не можетъ похвалиться ни одно Славянское племя.

X.

Украинская *дума*, съ ея разнообразной, вольной мѣрой стиховъ, нерѣдко переходящей въ лиру, начинаетъ свою жизнь отъ Слова о Полку Игоревѣ. Думы по большей части современны самому событію (Кулишъ. Зап. I. 179). Они слагались прежде всего пѣвцами, которые пѣли, играя обѣими руками на многострунной бандурѣ. Изъ далекихъ временъ битвъ съ Татарами донеслась до насъ дума о смерти козака бандуриста. Козакъ вышелъ изъ битвы израненнымъ, потерявъ саблю и коня, и вотъ, ожидая смерти, сидитъ онъ на *могилѣ* (холмъ) и прощается съ своей бандурою. Дума начинается великолѣпнымъ вступленіемъ, описывающимъ поле битвы:

Ой на татарскихъ поляхъ,
На козацкихъ поляхъ,
Не вовки-сіроманці квилять—проквиляють,
Не орли—чорнокрильці клекочуть і підъ небесами літають:
То сидить козакъ старесенькій,
Якъ голубонько сивесенькій,
У кобзу грае—вигравае,
Голосно співае.

И свою бандуру, друга своего милаго, онъ оставляетъ среди степи на могилѣ,—пусть буйный вѣтеръ, пролетая по степи, задѣваетъ ея струны:

Кобзо жъ моя, дружино вірная,
Бандуро моя мальованая!
Де жъ мині тебе діти?
А чи у чистому степу спалити?
И попілець по вітру пустити?
А чи на могилі положити?
Нехай буйний вітеръ по степахъ проліта́е,
Струни твоі зачипае,
Смутнесенько, жалібнесенько грае—вигравае....
(Кул. Зап. II. 185)

Думы и пѣсни слагаются также самими дѣйствующими лицами кровавой трагедіи. (Кул. Зап. I. 193). Такъ преданіе приписываетъ Хмельницкому пѣсню про бѣдную Украйну въ образѣ плачущей чайки:

Ой бѣда, бѣда
Чайцѣ небозѣ,
Що вивела дѣтки
При битий дорозѣ. (Макс. Пѣсни. 1827. 12. 214.)

Козаку Климовскому, жившему около 1724 г., приписывается пѣсня: «іхавъ козакъ за Дунай.» (ib. 83, 216).

Козацкія думы, начинаясь отъ битвъ съ Татарами, и оканчиваясь битвами съ Поляками, тянутся чрезъ всю исторію Южной Руси, начиная отъ ея первыхъ князей—воеводъ и до событій начала текущаго столѣтія, и составляютъ такимъ образомъ непрерывную поэтическую лѣтопись Украйны. Есть думы, которыя доходятъ до 400

стиховъ, и если вспомнимъ, что, кромѣ громаднаго количества, изданныхъ въ свѣтъ, остается еще множество думъ, или забытыхъ народомъ, или неизданныхъ,—то поэтическое творчество Южной Руси явится изумительнымъ. Какія бы безсмертныя созданія могли возникнуть въ Южно-русской литературѣ, если бъ она перешла изъ своего естественнаго состоянія въ художественное, какъ Шекспиръ перешолъ въ Шекспира поэта! Драгоцѣнные памятники Южно-русской музы не всѣ еще изданы, да и тѣ, которые изданы, разкиданы и не собраны въ одно цѣлое.

Въ XIII вѣкѣ Кіевъ разрушенъ Батыемъ, и съ этихъ поръ начинаются думы и пѣсни *о Татарахъ*. Это думы *невольничьи* (Макс. Пѣсни 1849, 10), думы *о Татарахъ и Туркахъ* (Евец. От. Зап. т. XV, пѣсня XI—XVII), о козацкихъ могилахъ, усѣявшихъ Южно-русскую землю,—*о Савуръ-могилѣ* (Макс. 1849, 15; Кул. Зап. I, 14), *о могилѣ трехъ братьевъ* (Кул. I, 17), объ освобожденіи Христіанъ изъ неволи,—о томъ, какъ

тая козацкая слава
Що по всёму свiту дыбомъ стала,
Що по всёму свiту степомъ розляглась—простяглась,
Да по всёму свiту луговинъ тожиномъ роздалась,
Туречинѣ да Татарщинѣ добримъ якимъ знати далась.
(Макс. Кіевл. 153).

Отъ 1493 года доносится пѣсня про *Малаго Гарею*, т. е., *Менгли-Гирея*, опустошавшаго Украйну (Метлин. 373), отъ 1534 обломокъ пѣсни про *Венцеслава Хмельницкаго* (Метл. 374; Макс. 1834, 82) и цѣлая поэма въ 400 стиховъ *о Самойлѣ Кушкѣ*, который бился съ Турками на Чорномъ морѣ, и умеръ въ Турецкомъ плѣну. (Макс. 1849. 31.) Поетъ пѣсня про *Дашковича*, одного изъ первыхъ козацкихъ вождей (Макс. 1834. 2.), оплакиваетъ предводителя козаковъ, русскаго князя *Дмитрія Вишневецкаго*, въ 1574 г. замученнаго Турками (Евец. От. Зап. т. XV, пѣсня № 1.), и его же прославляетъ подъ народнымъ именемъ *Байды* (Макс.

1859, 4; Голов. I, I; Макс. 1834, 106; Паули I, 130). Въ 1574 году опять оплакиваетъ *славу дней своихъ*, Ивана *Свирговскаго*, тоже погибшаго отъ Турокъ (Морд. 181; Макс. 1834, 71); въ 1575 поетъ о *Богданкѣ*, первомъ Запорожскомъ Гетьманѣ, установившемъ въ первый разъ генеральную козацкую Старшину (Макс. 1834, 47); въ 1575—77 хоронитъ *Безроднаго*, куреннаго атамана при Богданкѣ, погибшаго отъ Татаръ (Макс. 1849. 25; Метл. 440; Макс. 1834, 5), славитъ черноморскій походъ гетьмана Серпяги (Макс. 1849, 27), оплакиваетъ смерть его (Макс. 1834, 48; Морд. 183.), и въ 1589 году поетъ про *Богуславца*, сподвижника въ новомъ морскомъ походѣ при Скалозубѣ (Макс. 1834, 81.) Поетъ про битвы на Чорномъ морѣ *при Варнѣ*, (2605 г.) (Евец. 11; Рус. Днѣстр. 118; Паули 1, 135, Голов. 3), *при Синопѣ*, *Трапезундѣ*, поетъ *про взятіе Варны* (1616) Гетьманомъ Сагайдачнымъ, какъ это изображено на картинѣ 1622 г. приложенной къ стихамъ на погребъ Сагайдашнаго. Къ этому же періоду Татарско-Турецкихъ войнъ принадлежатъ думы *о побѣгѣ трехъ братьевъ* изъ Татарской неволи *въ Азовѣ* (Макс. 1834. 9; 18 9, 19; Кул. Зап. 1. 32), *о бурѣ на Чорномъ морѣ* при Самуилѣ Зборовскомъ (Макс. 1849. 48; 1834, 14; Кул. Зап. I. 28), о томъ, какъ козаки, покинувъ Запорожье, «пливли зъ Днiпра въ Чайскъ двiсти,—пливли та на Чорнее море»..... (Метл. 374).

Межъ тѣмъ историческія судьбы выдвигали новаго врага Украйны—Поляковъ.—«Народъ Украинскій бѣдовалъ подъ игомъ Поляковъ и Жидовъ. Его достояніе было расхищено; одни нищіе оставались безопасны. Земля его стала погономъ разбойниковъ, и нивы были не засѣяны, и пастбища пусты. Вѣра его была попрана; рабами жидовъ были служители церкви. Цвѣтъ народа Украинскаго, козаки, которыхъ отвага когда—то славилась, козаки, гордые именемъ защитниковъ Христіанства, теперь унижались передъ прихотью своихъ льстивыхъ владыкъ «(Срезн. Зап. Стар. II, II). И вотъ пѣсни поютъ *про пановъ* (Голов. 20), *про Унію*, *про Ляховъ*,

про рейментаря, совершавшаго всякiя насилiя (Голов. 29), про *Жидовъ—арендаторовъ* (Кулишъ 1, 56), *про Бондаривну*—жертву шляхетскаго разгула (Морд. 202), про *побѣгъ Украинки*, увезенной ляхами (Макс. 1827, 121). Рядъ думъ, помѣченныхъ годами, открывается думами 1596 г., которыя вызваны были прежде всего—разгуломъ волынскаго бояретва (возстанiе Косинскаго и Лободы), и борьбою съ польщизной—думы о томъ, *якъ Наливайко зъ Ляхомъ бився* (Макс. 1834. 21, 84), про сожженiе Могилева Наливайкой (Срезн. Зап. Стар. I, 36), про *Тетеренку* (Пасс. Оч. Росс. III. 192), про *Лободу* (Макс. 1839. 88). Дума подробно разсказываетъ кровавый эпизодъ объ *Иванѣ Голомъ* и *Саввѣ Чиломъ* (Макс. 1834, 86, 90; 1827, 33; Морд. 197; Голов. 18; Осн. 1862, Сент.), поетъ про *побѣду Чигиринскую* (Макс. 1849. 53), о *сборѣ Сулимы* на Поляковъ въ 1633 г., о *походѣ на Поляковъ Сомки мушкета* 1637. (Макс. 1834. 27; 1849, 57), *про Чурая*, замученнаго въ Варшавѣ (Макс. 1834, 95), про славнаго Гетьмана *Хвеську Ганжу Андыбера* (Метл. 377; Кул. I, 200, 319), про *осаду Львова* въ 1648 (Евецк. III.)

Съ возстанiемъ Хмельницкаго открывается цѣлый потокъ пѣсенъ и думъ про Украйну, которая

Вся кривцею обкипила,
Ой якою? Козацькою,
Вполовину изъ Лядьскою.....

Дума 1647 г. описываетъ коварство *Барибаша* (Метл. 385; Кул. I, 166; Макс. 1849, 64; 1834, 36), битвы Хмельницкаго—*Пилявскую*, *Желтоводскую*, *Корсуньскую* (Макс. 1834. 96; 1849, 67; Голов. 4; Срезн. III, 12, 20; Кул. 1, 223), поетъ про *Перебiйнiса* (Максимъ Кривоносъ), работавшаго на Волыни и Подоли, и погибшаго въ 1648 году (Метл. 399. Макс. 1834, 101;), *о походѣ Хмельницкаго въ Молдавiю* 1649 г. (Макс. 1827. 30; 1834. 40; 1849, 71; Срезн. Зап. Ст. 28), *про Хмельницкаго и Василiя Молдавскаго* (Метл. 391.) 7, *про Нечая* 1651 (Метл. 403; Макс. 1837, 97; Голов. Евец. IV, V.), такъ его описывая:

Чи не той-то хміль, хміль,
Що у пиві грае?
Чи не той-то козакъ Нечай,
Що Ляшківъ рубае?
Чи не той-то хміль, хміль,
Що у пиві кисне?
Чи не той-то козакъ Нечай,
Що Ляшеньківъ тисне?

Съ особеннымъ вниманіемъ наболѣвшей души дума останавливается на *битвѣ подъ Берестечкомъ* и на *Бѣлоцерковскомъ мирѣ* 1651 г. (Макс. 1849. 74; Метл. 352, 377. 413; Кул. I, 51; Морд. 185, 186), поетъ *про Ивана Бочуна* (Метл. 407), про *Козубая* (Голов. 6), про *битву Жванецкую* 1653 г. (Срезн. 35.), про *Морозенко*, героя 1655 г. (Голов. 5; Морд. 193; Метл. 408; Паули I. 146; Срезн. 14; Макс. 1834, 74), про его смерть въ 1678 г. (Евец. VI—VII; Морд. 193; Срезн. 55); описываетъ войны Хмельницкаго (Кул. I, 271; II, 253), и наконецъ плачетъ надъ его могилою, въ 1657 году (Макс. 1849, 77; 1834, 43; Метл. 395; Срезн. 40; Кул. I, 322)......

По присоединеніи Украйны къ Московскому царству въ 1654 году, дума продолжаетъ пѣть въ 1657 г. про *Юрія Хмельницкаго* (Срезн. 55), про *Юруся Хмельниченко* и *Павла Тетеренко* (Метл. 395), про *Виговскаго* и *Пушкаря* (Срезн. 47; Макс. 1849. 50; Пасс. Оч. I, 217), про *Веремія Волошина* (Метл. 413); поетъ безчисленныя пѣсни, періода 1665—1676 г., про Гетьмана *Петра Дорошенко* и *Грицька Сагайдачнаго* (Макс. 1827, 18; Кіевл. III, 153; Макс. 1834, 105; Голов. 26), про битву 1675 г. *подъ Почаевымъ* (Морд. 188), про *осаду Вѣны* Турками, въ 1683—87 г. (Евец. IX), въ 1687 году про *Ивася Вдовиченка* (Метл. 413), про *Ивана Коновченка* (Гол. 9; Евецк. X; Макс. 1834, 52; 1849, 81,, про *Ляховъ 1687 года* (Макс. 1834. 108). Около Полтавы слагается новый рядъ пѣсенъ и думъ *о Палеѣ и Мазепѣ* (Макс. 1849. 88; 1834, 57; Осн. 1862, Авг.), *о Палеѣ въ темницѣ въ Сибири*

(Срезн. 62. 68; Кул. I, 115, 123; Макс. 1834, 113), *про измѣну Мазепы* (Макс. 1834. 110), въ 1702 объ *Абозинѣ* (Голов. 12), въ 1709 *про Гордіенка* (Срезн. 71, Макс. 1834. 109). про *Полтавскую битву* (Срезн. 72, 76), про *смерть Мазепы* (ib. 79—81.), про *битву подъ Солопковцами* (Голов. 13), о томъ, какъ Ляхи въ 1735 г. искали дорогу *на Лугъ* (Голов. 15), про *Пятигоры* (ib. 16); въ 1736 г. *о Степкѣ Жадченкѣ* (Макс. 1837. 114), *о пикинірахъ* 1738 г. (Макс. 1834, 115; Осн. 1862. Авг.)

Наступаетъ послѣдняя—минута, въ которую вся злоба дня падаетъ на бѣдную Украйну: то—Коліівщина и Уманьская бѣда. Украинская бандура, облитая кровью, допѣваетъ послѣднія свои пѣсни: въ 1766 г. *про сотника Хорька* (Метл. 425, 427; Макс. 1834., 121; Голов. 21; Кул. I. 93; Морд. 191), про *Галайду*, (Метл. 527), еще разъ возсозданнаго Шевченкомъ въ его Гайдамакахъ; въ 1768 г. *про Швачку*, (Голов 17; Макс. 1834, 128), *про Коліівщину*, иль о томъ, *якъ Залізнякъ, Гонта Ляхівъ покаравъ.....* (Макс. 1834, 122, 126; Евец. XVIII—XXI; Голов. 26), о томъ, какъ Ляхи мучили Гонту, кожу сдирали, голову облупили, солью насолили, а панъ рейментарь, похаживая кругомъ, говорилъ:

Дивітеся люде!
Хто ся тілько збунтувавъ, то всімъ тее буде!.....

Съ тѣхъ-то поръ *народъ Русскій* ужь больше не бунтовалъ *противъ Ляха:* Ляхъ сталъ бунтовать *противъ Россіи.....*

Полягла козацька молодецька голова,
Якъ одъ вітру на степу трава....

Еще нѣсколько времени слышатся пѣсни *о золотой польской граматѣ* (Кул. I, 149), думы про *гайдамаківъ* (Голов. 152—176; Макс. 1854, 172), *про Січь, про Чупруна, Калнима, Петра Кошевенко* (Метл. 429); въ 1678 про гайдамака *Швачку* (Кул. 1, 175, 293), *про Сербина, Гаркушу* (Макс. 1837. 130), наконецъ, о томъ, *якъ Січь руйнували* въ 1775 г. (Осн. 1862 авг., окт.), какъ козаки звали *Хорька* встать изъ гроба (Макс.

1834, 127. Кул. I, 289, 321; Срез. 17.), да еще пѣсни *о Пугачѣ* (Макс. 1834, 129; 1827, 19). Затѣмъ пѣсня останавливаетъ на минуту свое вниманіе *на Очаковской битвѣ* 1788 г. (Макс. 1834, 132; Срезн. 22), на судьбахъ *Измаила*, *Яниколя* (Метл. 43), *Хотина* (Голов. 21; Макс. 1834.116); поетъ *про Коломыю*, о Козацкомъ *ополченіи* 1790 (Кул. I, 67), о войнѣ съ Польшею 1792 (ib. 73, 165), о томъ, какъ лиманъ плакался морю.... (Макс. 1827, 11; 1834, 141). Слышатся еще двѣ-три пѣсни *про уланскую вербунку* (Макс. 1834. 161), *про Костюшку*, *Потоцкаго*, *Пуловскаго* (Голов. 26), а потомъ *пѣсни рекрутскія* (Шейк. Бытъ Подол. I, 49. Морд. 255).... Отселѣ, говоритъ Максимовичъ, на усталыхъ струнахъ Украинской бандуры повторяется только прежнее, иногда съ передѣлкой на новый ладъ....

Ив. Прыжовъ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ, ЗАМѢТКИ И ВЫВОДЫ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ.

I. Остатки предлога ѫ, ѧ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ.

II. По поводу сочиненія Курціуса: Grundzüge der Griechischen Etymologie von Georg Curtius. Zweite erweiterte Auflage. Leipzig, 1866.

III. Арійскія слова въ Чудскихъ (Финскихъ) языкахъ.

Предлагаемыя на судъ читателямъ отрывочныя замѣтки и выводы составляютъ попытку, или, лучше сказать, слабые зачатки того обширнаго труда, въ которомъ предполагается разработать на данныхъ науки и представить на судъ ученыхъ сближенія корней словъ и понятій въ языкѣ по сравнительному методу, чтобы такимъ образомъ заявить ученому міру и нашу общую славяно-русскую дѣятельность. Зачатки этихъ трудовъ положены уже нами въ разработкѣ Корнеслова Русскаго языка и всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Желательно было бы воспользоваться замѣчаніями и указаніями извѣстныхъ нашихъ ученыхъ, въ какой степени могутъ быть допускаемы иногда и нѣкоторыя догадки и сближенія корней въ языкѣ.

Мы старались изъ частныхъ явленій выводить общіе результаты, выводить рѣчь человѣческую отъ самыхъ простыхъ началъ, отъ звукоподражательныхъ словъ,— такъ напр. *ва*, *ви*, *у* — sonare; вторичная форма съ *м*,

т. е. *вам*—vomere, собственно издавать звукъ. Нашему *блевать*, *блюю*, соотвѣствуетъ лит. *бляути*, *бляую*,—*бляуну*—ревѣть. Вообще, въ наблюденіяхъ своихъ мы старались поступать по указаніямъ самаго языка; не наша вина, если выводы эти не будутъ совпадать съ выводами нѣмецкихъ ученыхъ. Просимъ прослѣдить, сколько звукоподражательныхъ словъ выражаютъ вмѣстѣ и различныя вещества, орудія и т. п. напр. *чок* (румынск) клювъ, птичій носъ; *бот*—рыло—(русск. ботъ, ботать); англійск.—snap—стукъ, трескъ, хлопанье и пр. Слов. снопъ (Garbe); Литовск. *снапас*—клювъ, носъ, и пр. Слово *снасть*—вм. *с—над—ть*—родственно съ Санскритскимъ *над*—sonare, Изъ предлагаемыхъ отрывочныхъ замѣтокъ легко можно выводить свои заключенія филологу, психологу, историку, и пр,

Корни почти во всѣхъ языкахъ земнаго шара одни и тѣже, потому что они есть безсознательное выраженіе чувтсвъ, или звукоподражательны.

I.

ОСТАТКИ ПРЕДЛОГА â, ŷ ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЯХЪ.

Незабвенный Зорянъ Долуга Ходаковскій первый, сколько намъ извѣстно, замѣтилъ частицу *я*, стоящую въ началѣ нѣсколькихъ словъ. Обыкновенно удареніе находится на этой частицѣ. Въ седьмомъ томѣ Русскаго Историческаго Сборника, издаваемаго Имп. Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ на стран. 322—326 помѣщены слова, въ составъ коихъ, по мнѣнію Зоряна Ходаковскаго, входитъ частица *я*. Приводимъ здѣсь слова, не подверженныя никакому сомнѣнію: Я ж е л о б и ц ы (въ Валдайскомъ уѣздѣ); Я л о м н и ц а (рѣка у В о л ховъ); Л о м н а, Л о м н и ц а—мѣстныя названія въ Славянскихъ земляхъ; Я о с м а, Я в о с м а—рѣка въ Тихвинскомъ уѣздѣ, впадающая въ Пашу. О с м а 1) рѣка въ Новгородскомъ уѣздѣ, впадающая въ Волховъ, 2) рѣка въ Александровскомъ уѣздѣ, впадающая въ Пѣсочню, 3) рѣка, впадающая въ Днѣпръ, выше Дорогобужа, 4) рѣка, впадающая въ Оку въ Каширскомъ уѣздѣ. Я у з а 1) рѣчка въ Москвѣ, 2) рѣчка въ Гжатскомъ уѣздѣ, впадающая въ Гжать, 3) рѣчка въ Клинскомъ уѣздѣ, впадающая въ Лому. У з а 1) рѣчка въ Порховскомъ уѣздѣ, вливается въ Шелонь, 2) рѣчка въ Бѣлицкомъ уѣздѣ, течетъ въ Сожь. Я в о л о д ъ—бояринъ Смоленскій, см. Исторія Россіи С. М. Соловьева т. II стр. 343 и 367. Въ языкѣ Либскомъ (Livische Sprache) сохранилось слово Pag (пагъ), Spalt. Въ Галицкой Руси въ ходу слово *пага*—щель, трещина, разсѣлина. Хорватск. *япага*—Kluft, Schlucht, разсѣлина, ущелье.

Предлогъ â въ Санскритскомъ языкѣ значитъ — къ, до, zu—hin, bis an, bis zu, bis auf. Въ соединеніи съ

прилагательными, выражающими какой-либо цвѣтъ, напримѣръ, бѣлый, черный и т. п. представляетъ ихъ качество несовершенно полнымъ, напримѣръ â—панду—блѣдноватый, почти бѣлый; â—нîла—почти черный и пр.

Въ Зендскомъ—â—an, in, bis zu, напр. apem â—zum Wasser; vahma a—zum Gebet.

Въ Исландскомъ â—in, напр. â himin—in coelum; â—himnum—in coelis. Въ сложныхъ словахъ: е. a+vöxtr—fructus; — â+boginn — cernuus;—â+breida — stragulum, tegmen lecti.

Въ Славянскомъ языкѣ предлогъ â измѣнился въ *я*, но уцѣлѣлъ лишь въ нѣсколькихъ мѣстныхъ и личныхъ названіяхъ. Быть можетъ, и въ словахъ *яловая*, Латышск. *âлава*,—*абло*, *ябло*, *яблоко*, (Лит. *оболас*), *ягода*, *ястребъ*, *осокоръ*, западно-русск. *ясокоръ*, *ящуръ* (и *щуръ*—отъ Литовск. *кюрти*—становиться утлымъ, дырявымъ, дириться), начальный словъ *я* есть остатокъ предлога â.

Прим. слово *óлово*, Либское *алу* (олово) происходитъ, по всей вѣроятности, отъ корня *лў*—рѣзать; слѣдовательно, *óлово*, собственно—что легко рѣзать, топить, плавить.

II.

GRUNDZÜGE DER GRIECHISCHEN ETYMOLOGIE VON GEORG CURTIUS. ZWEITE ERWEITERTE AUFLAGE. LEIPZIG. 1866.

Сравнительнымъ Арійскимъ языкознаніемъ до сихъ поръ почти исключительно занимались одни Нѣмцы, правда, добросовѣстные труженики науки, но, къ сожалѣнію, мало знакомые съ Славянскимъ міромъ, съ славянскими воззрѣніями на жизнь и природу, съ Славянскими и Лѣтскими нарѣчіями...

Желая принести посильную лепту въ сокровищницу сравнительнаго Арійскаго языкознанія, предлагаемъ нѣсколько краткихъ замѣчаній на образцовый трудъ знаменитаго филолога Георга Курціуса «Grudzüge der Griechischen Etymologie.»

Въ книгѣ Курціуса пропущены многія греческія слова, родственныя съ Славянскими и Лѣтскими словами, напримѣръ, στὸξ, στυγέω, χάρφω и пр.

Въ Санскритѣ есть два родственныхъ корня *туд* и *тудж* (первоначальн. *туг*), они значатъ:

Туд (тудати) stossen, stacheln, stechen, geisseln, zerstossen. *Тудж*—schlagen, stossen, schnellen, überh. in rasche, heftige Bewegung wersetzen.

Tôda—Stich, die Empfindung des Stechens.

Тудж—Anstoss, Antrieb, Andrang, Angrif. 2) adj. drängend, treibend.

Санскритскіе корни *туд* и *туг*,—Латинск. tundo (tutudi) бить, колотить, толочь, Готск. stautan—stossen, schlagen съ родни нашимъ Русскимъ словамъ: *студа*, *студь*, *стужа*—холодъ, морозъ, зноба, зябь; *стыднуть*, *стынуть*, *стугнуть стыгнуть*—стыть, остывать, простывать;—*студъ*, *студа*, стыдъ—Scham.—Греч. στύγος—ненависть, отвращеніе; печаль, прискорбіе, боль, скорбь;—

Скандинавск. styggr—1) fugax, ferus, indomitus. 2) infensus; 3) qui abhorret a re aliqua;—stygd—f. offensio. И такъ, отъ корней *туд*, *туг*,—ударять, разить, произошли слова, выражающія непріятное физическое или нравственное ощущеніе.

Литовск. *скирбти* наст. *скирбсту*—киснуть, окисать, закисать, acescere, собств. становиться острымъ, рѣзкимъ. Съ Литовскимъ *скирбти* родственны наши русскія слова: *скорбъ*; *скорбнуть*—1) болѣть, 2) вянуть, сохнуть, присыхать; черствѣть, корявѣть, жесткнуть,—(мѣхъ заскорбъ) морщиться отъ засухи, ёжиться, коробиться; греч. *κάρφω*—сушу, засушаю, дѣлаю сухощавымъ, худымъ, морщиноватымъ, безображу.

Въ книгѣ Курціуса пропущено слово ἄλγος—боль, страданіе, печаль, скорбь, Латинск. algor—жестокая стужа, сильный морозъ, холодъ; algere—зябнуть, холодѣть, мерзнуть; страдать. Зендск. areg, arg—zittern, beben. Верхнешотландск. rag—stiff, rigid, not pliable, rigidus, rigens, torpens. Слав. *рогъ*, Литовск. *рагас*—cornu, собств. окоченѣлый, жесткій, твердый; Древнеслав. *срагъ*—строгій. Латинск. rigeo—окоченѣть, окостенѣть отъ стужи; оцѣпенѣть, затвердѣть, окрѣпнуть, торчать колюмъ, вверхъ. Греч. ῥῖγος—стужа, холодъ, морозъ, дрожь, ознобъ.

Κάρσιος—косой, Литовск. *скерсас*—поперечный. Рус. *чересъ*, *чересло*—поясъ, поясъ кошелемъ, въ которомъ носятъ деньги и т. п. *Чресла*, *чересла*—мѣсто, по которому люди опоясываются. Предлогъ *чрезъ*, *черезъ*, област. *нерезъ*, *перезъ*, откуда *перезать*, *подперезать*—опоясать, подпоясать. Древне-прусск. *кирша*—черезъ, über.

Стран. 125. Корень δερκ, δέρκομαι—смотрю, вижу. Корень *дар*, *дер* (*драть*, *деру*, *дирать*) имѣетъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ различныя значенія:—*драть глаза*—пялить, пучить глаза, стойко, упорно глядѣть на что—«*не дери глазъ на чужой квасъ*.» Стало быть, въ Русскомъ языкѣ сохранилось первоначальное, исконное арій-

ское выраженіе «*драть глаза*». Отъ корня *дар*, *дер* произошла вторичная форма *дарк*, *дерк*—смотрѣть, видѣть, собств. драть глаза.

Стран. 126. Ἑλίκη—верба. Латинск. salix, древне-Нѣмецк. salaha. Русск. *шелига*, *шелюга*—salix; Древнеслав. *сольга*—прутъ.

Стран. 127. Корень ιx вмѣсто σιx, ἰκμαίνω мочу, смачиваю. Санскр. *сич*, *синчâми*—spargo, rigo. Русск. *сикать*, *сикнуть*—брызнуть, пускать воду струей, брызгами, напр. изъ *сикалки*, брызгалки, насосика или дѣтской бузинной трубки съ поршнемъ; мочиться. Латышск. *сикт*—издавать слабый свистъ, слабое шипѣнье. Литовск. *шикти*—испражняться. Звукоподражательный корень *си* собств. издавать слабый свистъ;—слогъ *ка*, обыкновенная приставка въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, напр *да—кать*, *ши—кать*, *ша—кать*, *шар—кать*, *ту—кать*, *сту—кать* и пр. Въ Лѣтскихъ нарѣчіяхъ къ звукоподражательнымъ корнямъ обыкновенно приставляется одна согласная *к*, напр. *ши—к—ти*, въ Греческомъ языкѣ согласная γ, напр. τρι—γ, τρα—γ, κρι—γ, κρα—γ и пр. Мадярск. *си* (szi) сосать, Русск. *сиса*, *сися*, *сиська*. Стало быть, звукоподражательный корень *са*, *си*, *су*—производить слабый свистъ, сосать, въ Мадярскомъ языкѣ остался въ первоначальномъ видѣ; у насъ употребляется съ удвоеніемъ *со—са—ть*, въ Латинск. съ приставкою g, su—go.—Польск. *сусаць* (*су—су*) шептать; издавать слабый шелестъ (о деревьяхъ), древне-Нѣм. sûsan—sausen, оттуда *сусаль*, *сусолить*, *сусло*, *суслить*, *сусликъ* и пр.

Стран. 128. Корень Fιx, ἵκω, ἱκνέομαι, ἱκάνω—прихожу, вхожу. Санскр. виç, виçâми—intro, adeo, contingo. Литовск. *викти*—приходить, являться, появляться, случиться;—*вейкти*—производить, дѣлать, собст. facere ut aliquid appareat; *вѣка*, *вѣкас*—способность производить, дѣлать, сила;—*вайкас*—дитя; парень, дѣтина.

Стран. 131. Корень καπ. Κώπη—рукоятка, ручка; κάπτω—жадно хватаю, съ жадностью глотаю. Русск. *ха-*

пать, *цапать*, *чапать*. Корень *кап* существуетъ и въ Тюркскихъ нарѣчіяхъ: *капмак*—erwischen, erhaschen, attraper, prendre, откуда *капкан*—Schlinge, Falle für wilde Thiere; le piège, la trappe pour les bêtes sauvages; Русск. *капканъ*. —Литовск. *кôпти*, латышск. *кâпт*—карабкаться, лѣзть цѣпляясь, взбираться, взлѣзать, входить на что.

Стран. 131. Корень καπ, καπύω—дышать. Литовск. *квапас*—дыханіе, запахъ; Чешск. *квапъ*—спѣхъ, пухъ; *квапити*—спѣшить.

Стран. 135. Κείω, κεάζω—колю, разщепляю. Звукоподражательный корень *ка*, *ки*, *ку*,—ударять, бить рубить, производить стукъ, стукать—измѣнился въ *ска*, *ски*, *кси*, *ча* и пр. Зендск. skâ—schneiden, trennen; skata—Schlucht; ç̌â (вмѣсто kâ) schneiden, vernichten. Санскр. châ (ч' â) abschneiden, zerschneiden;—ksi вмѣсто ski—vernichten, zerstören, verderben. Отъ звукоподражательнаго корня *ка*—ударять, рубить, рѣзать, произошли слова: *конѣ*—рубъ, край, предѣлъ: *кнея* вмѣсто *конея*; *кънея*—охотничій гонъ или участокъ, захваченный облавою;—*конига*, *кънига*, *книга*—первоначальн. буква, собств. рѣзъ, черта. *Комъ*, *комель*—Польск. *кень* родит. *кня*—пень, *кновье*—комельки, нижній конецъ снопа. Литовск. *каменас*—Чешск. *кменъ*—пень, стволъ, голомя, собств. срубленное. Вторич. формы—*скепать*, *копать*, *казить*, греч. σκάπτω—копаю, рою.

Стран. 139. Корень κλυ, κλύζω—полощу, мою, чищу. Древне-лат. cluere—purgare; Готск. hlûtrs, древненѣм. hlûtar—lauter. Русск. *клювый*, *клюжій*—хорошій, гожій, красивый, статный, видный, казистый, баскій. Противоположное слову *клювый* у насъ осталось теперь *неуклюжій*, нехорошій, неловкій, негодный, безобразный. *Клюдъ*—краса, баса, стать, приличіе, порядокъ.

Стран. 140. Корень κοϜ, греч. ἀκούω слушаю, слышу; древне-Нѣм. skawôn. Русск. чую.

Стран. 143. Корень κρυ. Κρύος—стужа, морозъ; κρυμός—холодъ, стужа, морозъ. Зендск. khru—furchtbar

sein, verletzen; khru 1) adj. fuchtbar. 2) s. m. etwas Greuliches, Greuel. Khru вмѣсто kru отъ kar—ударять, разить, рубить, рѣзать, дѣлать, подобно тому какъ напр. sru—fluere отъ sar—ire, currere;—brû, mrû—loqui, dicere отъ первоначальнаго bar, var, mar—издавать звукъ;—dru, drâ—currere отъ dar, (Русск. *драть*—бѣжать);—онъ *удралъ*, ушелъ, убѣжалъ, далъ *драла*,—çrâ, çrî—вм. krâ, krî—печь, варить, отъ первоначальнаго kar, откуда *черный*, *чор—тъ*; *черень*—подъ или верхъ печи, то есть, самое горячее мѣсто въ печи;—*кры* (первон. *кру*) *крыть*, отъ первоначальнаго корня *кар*, изм. *кал*, *сал*—Латин. celo, древне-нѣм. hilan (hal) celare; Слав. *храмъ* вм. *хармъ*, *кармъ*; *шлемъ*, *шоломъ*; древне-слав. *чрѣмъ* вм. *чермъ*, *кермъ*, *кармъ*—кибитка, палатка; Литовск. *калмогай*, вм. *кармогай*—колымага. *Колымогъ*, колымага.

Стран. 146. Корень λαχ, ἔλαχον, λέλᾱχα, λάσκω—рваться, лопать, трещать, хрустѣть, шумѣть, громко говорить. ῥαίω—раздробляю, разбиваю, уничтожаю; въ страд. залогѣ: трескаюсь, распадаюсь, гибну. Звукоподдражательный корень *ра*, *ри*, *ру*—издавать звукъ. Русск. *рай*—отдаленный гулъ, раскатъ, зыкъ, голкъ, луна, отголосокъ;—*раять*—звучать, зычать, раздаваться гуломъ. Древне слав. *раръ*—шумъ, гулъ. Вторич. формы—*рак*, *рек*, *лак*, *лап*, *лам*. и пр.

Стран. 154. σκιά—тѣнь, сѣнь. Въ первоначальномъ Арійскомъ языкѣ существовалъ корень *ка*, *ки*, *ку* или *ка*, *ски*, *ску*, изм. *ха*, *ху*, *хы*—крыть, покрывать, защищать, охранять, откуда *ха—та*, *ко—тъ*, котецъ, *котухъ*; *ка—торъ*, *ку—торъ*, *ху—торъ*. Отъ неупотребительныхъ *каторъ*, *куторъ* произошли формы—южно-русск. *катрага*—навѣсъ, сарай, крыша надъ погребомъ;—Польск. *кутриско*, *кукриско*—старое пепелище. Польск. *котара*—пологъ, шатеръ, шалашъ, кибитка.—*Кутъ*, *куща*, *куча* (въ Галицкой Руси) хлѣвъ; Санск. kuta—Haus, kuti—Hütte, Halle, Schoppen. Древне-слав. хы—зъ, хы—за—домъ; Древне-нѣм. hu-s-Haus; hû—t—

Haut; Западно-русск. *хов—ать*—хоронить, прятать, хранить;—Латинск. ca—sa—хижина, шалашъ; мадярск. *хаз* (ház)—домъ; Русск. *хозяй*, *хозяй—инъ*, *хозяинъ*, *хозайка; ко—жа*; древне-русск. *хозъ*—тисненый, выбитый сафьянъ; *хозы*—хлѣбныя толстыя подошвы, и пр. Санскр. sku—tegere; fluctuare, salire; съ предлогомъ á, то есть, âsku—arripere, capere. Польск. *хы—жи*—прыткій скорый; мало-русск. *хижій*—хищный. Мало-русск. *хиватu*—хватать, трогать, прикасаться, Латышск. *скаут*, наст. *скаую*. прош. *скäву*—хватать, обхватить, обнять—санск. âsku—arripere, capere.—Отъ санскр. sku—fluctuare, salire—произошли вторич. формы:—санскр. ksubh вмѣсто skubh—agitari, schwanken, zittern, in Rewegung, in Aufregung gerathen,—готск. skiuban, древне-нѣм. sciuban, ново-нѣм. schieben—двигать, толкать, пихать, совать. Литовск. *скубети* наст. *скубу*—спѣшить; *скубус*—поспѣшный; — *сюботи* вмѣсто *ксюботи* — колыхаться. Русск. *шибать* вм. *шюбать*, *кшюбать*—бросать, кидать, метать, швырять, лукать, бить броскомъ, попасть во что швыряя. Польск. *хыбиць*, *хыботаць*—колебать, качать, покачивать, колыхать. Польск. *хыбки*—шибскій. Западно-русск. *хисать*, *хитать*, *хистать*, *хустать*—колебать, качать, покачивать, колыхать;—*хуткій*—скорый, быстрый, прыткій, проворный, спѣшный. Сербск. *хитати*—спѣшить, *хитрый*—скорый, прыткій. Литовск. *кутети*, *кушети*—двигаться, болтаться, шевелиться; *кутрус* (=Слав. хытръ) скорый, быстрый, прыткій;—Латышск. *кӯтрс*—медленно двигающійся, вялый, Греч. κῦφω, κύπτω—наклоняюсь, гнусь впередъ, Латин. cumbere—ложиться, лечь. Древне-русск. *кибить*—лука, дуга, гнутокъ, согнутый лучкомъ прутъ; дужка, лука. Польск. *кибиць*—коромысло у вѣсовъ.

Стран. 152. Корень σκαπ, σκιπ σκιμπ—σκήπτω, σκίμπτω—упираю, ставлю куда крѣпко; σκίπων—жезлъ, палка, Латин. scipio—трость, палка, клюка, посохъ.—Санскр. skabh, skambh—firmare, fulcire. Литовск. *кибти* наст. *кимбу*—цѣпляться, липнуть, вязнуть, виснуть; *кибети*, *киботи*—висѣть, болтаться, мотаться;—

кабети, *каботи*—висѣть; *каба*—крюкъ, вбитый въ стѣну для вѣшанья; — *кабинти*—цѣплять, вѣшать; по пути захватить, коснуться какой мѣстности (auf der Reise einen Ort berühren), встрѣтить на пути. Славян. *кобь*—встрѣча, предзнаменованіе, предвѣщеніе, ворожба. Русск. *каба*, *коба*, *кобелъ*, *коблъ*, *коблюхъ*—колъ вбитый въ землю, пень для причалки судна;—*скоба*; *хоботъ* собств. висящій, болтающійся. Польск. *кобета*—женщина, первоначально pellex;—*кобель*, *кобялка*—родъ лукошка, сума, сплетенная изъ лыкъ или изъ тоненькихъ драночекъ, съ покрышкою, носимая черезъ плечо пѣшеходами. Русск. *цѣпъ* вмѣсто *кѣпъ*, *кайпъ*—собств. палка; Западно-русск. *цѣпура*—кій, батогъ,палка;—*цѣпѣть*—цѣпенѣть. Литовс. *кайпти* наст. *кайпсту* — цѣпенѣть, коцѣть, околѣвать; Латышск. *гейбти*—цѣпенѣть, дубѣть, обмирать, впадать въ обморокъ; Литовск. *гейбус*—дубиноватый, нерасторонный, неловкій. Русск. *цѣпь*, *цѣплять*, *цѣпать*, *цепать*, *чапать* *цапать*.

Стран. 157. Корень ἀργ, ἀργός—бѣлый; быстрый. Литовск. *регети*—видѣть.

Стран. 159. γαστήρ—желудокъ, брюхо, чрево, животъ, собств. ѣдунъ, жрунъ, жора, отъ корня ghas—edere. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія укажемъ на Латин. alvus отъ alere; Верхнешотландск. brû s. f. venter, alvus, Русск. *брюхо* отъ санскр. bhar—halten, erhalten, unterhalten, hegen, pflegen, Литовск. *баріоти*—питать, кормить, откармливать;—Древнеслав. *адро*, *ядро* (утроба, нутро), Литовск. *ведарас* вмѣсто *эдарас*—желудокъ, сычугъ отъ корня *ад*, *яд*, *ѣд*—ѣсть. Славянск. *чрѣво*, *черево* отъ санск. *чарв*—zermalmen, zerkauen.

Стран. 161. γέρανος—журавль. Звукоподражательный корень—*га*, *ги*, *гу*, *гар*, *гир*, *гур*, *гра*, *гри*, *гру*—издавать звукъ. Въ Литовскомъ языкѣ вторич. формы—*гаргети* наст. *гаргу*—издавать звуки—*гар*, *гар*, напр. слышимые при полосканіи горла; *гиргетп*, *гиргу*—гоготать, кричать по гусиному; *гургети*, *гургу*—урчать. Санскр. *гардж*, первонач. гарг—rugire, ululare, Греч. γάργαρα

—толпа, множество. Западно-русск. *иргара*—огромное, что-либо неуклюжее.

Стран. 166. Корень θιγ, ἔθιγον, θιγγάνω—касаюсь, трогаю, дотрогиваюсь. Санск. dih, dêhmi—bestreiche; dêhi—Aufwurf, Wall; Зендск. diz—aufwerfen, anhäufen. Латин. fingo вм. dhingo; Готск. deiga—πλάσσω; daigs—φύραμα, Нѣм. Teig. Корень digh (очевидно вторичная форма, родственная съ dagh, dah—жечь) собств. тыкать, колоть, копать, слегка прикасаться, мазать, лѣпить, вылѣплять, выдѣлывать изъ мягкаго вещества. Литовск. *дигти* наст. *дигсту*—keimen, пускать ростки, собств. колоться, раскалываться; *дѣгти*, *дѣгю*—колю, pungo, говоря о чемъ-либо колючемъ;—*дигулис*—колотье въ боку; Seitenstechen. *Жѣсти* наст. *жѣдю*, *жѣджю* вмѣсто *дѣжти*, *дѣжю*—лѣплю, вылѣпляю, fingo, Слав. *зьдать*, *зидать* вмѣсто дизать. Латин. figo вмѣсто dhigo, тыкаю, втыкаю, вонзаю, вбиваю, вколачиваю.

Стран. 169. ὀρέγω, ὀρέγνυμι—протягиваю, простираю особ. руку. Санск. ардж, арджâми—erlange, рьнджê—strecke mich. Литовск. *ренжти*, *ранжити*—протягиваться, гордо выступать; протягиваться, валяться въ постели, Латин. ringi; ringi—*растягивать*, раззѣвать пасть, скалить зубы, сердиться. Сербск. *режати*, однокр. *регнути*—ворчать, оскаля зубы. Древне русск. *рагоза*—ссора. Латышск. *іргніс*—кто осклабляется, искривя ротъ.

Стран. 170. Корень ὑγ, ὑγρός—влажный, мокрый, Слав. *угъ*, *югъ* собств. оттепель; влажный вѣтеръ.

Стран. 171. φλέγω, φλεγέθω—горю, свѣчу. Санск. bharga—strahlender Glanz bhrâdža (б'рâджа)—schimmernd, funkelnd, bhûrdža (б'ȗраджа) betula, береза. Стало быть, слова *б'урджа*, древне-слав. *брѣза*, Литовск. *бержас*—Нѣм. Birke, значатъ собств. бѣлая. Отъ корня bhâ—сiять, вторичная форма bhar=свѣтить, горѣть, пылать, жечь, жарить, оттуда тюрское bor—ein fuchsrothes Pferd, cheval alezan;—bor—Kreide, craie собств. бѣлая. Литовск. *берас*, ж. *бера*—гнѣдой, мадярск. barna—braun;—древне-славян. *бронъ* вм. *борнъ*—бѣлый, сѣ-

дой «кони брони.»—Бретонск. (bas breton) béró или berv—кипѣнье. Латинск. fervere вмѣсто bhervere—кипѣть; пылать, горѣть;—frigo вмѣсто bhrigo—жарю, пеку; frigus—холодъ стужа, морозъ. Греч. φρύγω—сушу, жарю, поджариваю, пеку. Санск. bhardž (б'ардж) вмѣсто bharg—frigere, assare;—bhradž, (б'расдж) вм. bhrasg—frigere, assare. Русск. *брезгъ*—начало утренней зари, начало разсвѣта. Нѣм. Brand, brennen, braten, brauen, braun;—Born ключь, родникъ, собств. кипящій. Южно-слав. *бара*, Литовск. *бала*—болото, собств. болото, незамерзающее зимой, потому что въ немъ есть родники;—такое болото въ Галицкой Руси называютъ *млакъ* или *млака* (отъ сербск. *млакъ*—tepidus), по Польски: *опариско*, *опарелиско*, *опарчиско* (отъ прѣть).

Стран. 173. Корень αρχ. Санскр. arh (вмѣсто argh—) arhâmi—bin werth, vermag, kann, argha—Preis, Ehrengabe. Литовск. *алга*—плата, жалованье, возмездіе, награда;—*элгтис*—собирать милостыню, заработывать, снискивать себѣ вознагражденіе, читая молитвы, распѣвая набожныя пѣсни.

Стран. 174. Корень αχ, αγχ, ἄγχω—затягиваю снуркомъ, особ. горло, душу, давлю, вѣшаю. Древнеслав. *вязати*, то есть, *вензати* вм. *анзати*—вязать.

Стран. 174. βρέχω—кроплю, окропляю, прыскаю, мочу. Корень varh vargh; Польск. *вильги*—волгый, сырой влажный. Русск. *влага*, *волога*—вода, жидкость. Волга, уменьш. воложка—названіе рѣки, собств. вода;—Вологда собст. орошающая, Литовск. *вилгдити*—орошать;—Вильга, Вильгда—названіе рѣчекъ въ Польшѣ. Корень vargh, varh, barh (очевидно вторичная форма)—двигаться, двигать, приводить въ движеніе, дергать, толкать, вергать, напр. nibarh—niederschleudern, hinstürzen, zu Boden schmettern. Стало быть, слова—*влага*, вм. *валга*, *волгнуть*, *вергать* и греч. βρέχω—кроплю, прыскаю, орошаю, мочу—одного корня съ Санск. barh вм. varh, vardh—усиливаться, рости; Зендск. vareda—1) adj. wachsend. 2) s. m. Wachsthum, Stärke. Слав. *вла*-

да вм. *валда*, *владѣть*, *володѣть* соб. имѣть силу, быть сильнымъ; *брѣдо*, *бердо*—гора, собст. рослое, высокое. Зендск. varez (корень varh, vargh) wirken, thun, arbeiten. Греч. ἔργον вмѣсто Fέργον—дѣяніе, дѣло, дневная работа, ремесло, промыслъ, работа; трудное, тяжелое дѣло. Литовск. *вергас*—рабъ; *варгас*—нужда, бѣда, бѣдность; древне-прусск. wargs 1) adj. schlecht, übel; 2) Leid, Uebel; 3) Böses. Русск. *врагъ*, *ворогъ*. Слово *ворогъ* собст. злой, дурной, значитъ также колдунъ, знахарь, оттуда—ворожить.

Санск. vah, vanh, bah, banh вмѣсто vagh, vangh—усиливаться, рости;—bahala—dicht, dick, von einem Stoffe, von einer flüssigen Masse; derb, von einem Tone breit, umfänglich;—bahu—reichlich, viel, zahlreich, stätlich, tüchtig, kräftig. Греч. παχύς—толстый, дюжій, обширный. Литовск. *бингти*—усиливаться, становиться сильнымъ, бойкимъ, ярымъ; Латышск- *бѣзс*, ж. *бѣза*—плотный, частый, густой. Вторич. форма санскр. *вакш*, Нѣм. wachsen—расти; Латышск. *весель*—здоровый; Литовск. *атваша*—отпрыскъ, отростокъ.

Стран. 185. Корень χρι. Χρίω—царапаю, колю; мажу, натираю. Латинск. frio вм. bhrio—тру, растираю ину, крошу, Слав. *брити* tondere. Корень bhar—ударить, рубить, рѣзать, измѣнился въ bhri, hri, χρίω, bhrio, frio, бри—ıж, брѣю. Греч. φάρω—дѣлю, раскалываю, разрѣзываю. Втор. форм. Слав. *брѣсати*, русск. *бросать*, *броснуть*—напр. ленъ, коноплю. *Бриткій*—острый, рѣзкій, ѣдкій, Древне-чешск. *брить*—остріе, лезвее. Отъ корня bhar, bhri, bhru произошли слова: *бровь* собст. край; Польск. *брыла*—глыба; Русск. *брев*—но, Краинск. *брунъ*; *чабрунъ*,—чурбанъ.

Стран. 194. Корень στιγ, στίζω—остроконечнымъ орудіемъ дѣлаю точки, пятна. Санск. тидж (первонач. тиг) scharf sein; schärfen. Русск. *стегать*, *стебать*. Древне-нѣм. stingu—колю, Нѣм. Stange. Слав. стѫгъ (стенгъ), колъ, жердь, шестъ.

Стран. 196. Корень τα, ταν, τεν. Санск. tan—sich

dehnen, dehnen, spannen, ausführen. Слав. тѧгати, тѧзати, тѧгъ, тугой. Латышск. *стінгт*—становиться тугимъ, крѣпнуть, окрѣпнуть; по Польски тężeць (тэнжѣть), отъ тęги (тэнги) тугой.

Стран. 198. Корень τεκ, ἔτεκον, τίκτω—произвожу, раждаю. τυκ, τυχ, τυγχάνω—попадаю, получаю, достигаю; случаюсь. Τύκος—орудіе для тесанья камней; родъ бердыша, военнаго топора. Звукоподражательный корень *та, ти, ту, так, тик, тук*—ударять, стукать, рубить, дѣлать, производить. *Тап, тип, туп*—слегка прикасаться, ударять, бить, топать и пр. Санск. tan—tonare. Слав. тѧти, (то есть. *шинти*) *тинати*—рубить. Литовск. *тинти*—ударять, клепать, править косу молоткомъ. Греч. τέμ—νω—рѣжу, колю, щепаю, разрѣзываю, разрубаю, отсѣкаю. Санск. tup, tump, tuph—ударять, повреждать ударомъ. Греч. τυπ, τύπτω—ударяю, бью. Санск. *туд, туг*, (о которыхъ было говорено выше). *Тар, тир, тур*, тереть, тирать, турнуть и пр. и пр.

Стран. 203. Корень τρες, τρέω—fliehe, zittere—бѣгу, дрожу, боюсь. Первоначальный корень *тар, тир, тур*—двигаться, бѣгать. Санскр. tur—eilig sein; vorwärts drängen, rennen. Русск. и Польск. *тереть*—бѣжать. Русск. *туркій*—спѣшный, скорый, проворный, быстрый, отсюда *турить*, гнать кого, скоро бѣжать или ѣхать. Чешск. тирати 1) reiben, 2) rennen. Сербск. тирати, тjерати—treiben, agito. Санск. *тар*—переходить, переправляться; *тал*—двигаться, ходить, Слав. *телѣга, талига*.

Вторич. формы: Литовск. *трести, трасёти*—бѣгать, рыскать. Санскр. tras, trasâmi, trasjâmi—erzittere; apatras—fliehen. Греч. τρέμω, Латинск. tremo, Литовск. *триму*—дрожу. Западно-русск. *треміть*—дрожать, трястись. Латинск trepidus, Русск. *трепетъ, трепетать*, Греч. τάρβη, τάρβος—содроганіе, страхъ, Русск. *тревога*—безпокойство, смятеніе, испугъ, суматоха.

Стран. 218. ἰδ, σϜιδ—Санскр. svid—sudo. Западно-русск. *свидый*—сырой, неспѣлый, незрѣлый.

Стран. 223. Корень vad, ὕδω—пою, воспѣваю, славлю;—αὐδή—рѣчь. Первоначальный корень *ва*, *ви*, *у*—издавать звукъ, sonare, sonum edere. Корень *ва* сохранился въ Русскомъ областномъ *ва—ять*— выть, ревѣть, орать, плакать, вопить. Втор. формы: Санскр. *вад*, *вадâми*—dico, loquor;—*вач*, *вачми*—dico, voco. *Вар*, *вир*, *вал*, *вол*—Русск. *врать*, *вирать*—говорить пустяки, вздоръ. Польск. Чешск. *воламъ*—зову, кличу.

Отъ корня *ва* произошли слова: *Ванъ*, **Витъ** (винтъ), *Венетъ*—старинныя названія Славянъ, собст. parlant, говорящій.

Отъ формы *ви* остался аористъ—*отвѣ*, отвѣщ; *вѣтъ* вмѣсто *вайтъ*—sermo, consilium, pactum; вѣщити, вѣщати вм. вайтити, вайтјати, древне-прусск. вайтјат (waitiât) reden.

Корень *у* сохранился въ Санскритѣ—*у*, *авать*—sonum edere. Слав. **выти** вм. *вути*, *ути*. Польск. *выкъ*—выпь; пугачъ;—Южно-слав. выкати—clamare. Чешск. выръ, Словенск. *гвыръ*—пугачъ. Русск. кувыкать, кувериться, собств. кувыриться (*ку* приставка). Латышск. ŷnic—пугачъ. Сербск. *вапити*, *упити*—вопить. Русск. *вопъ*, *вопль*, *вопить*, вопѣть: Готск. vopjan—вопить, звать. Греч. Ϝεπ—rufen, sagen, ἔπος вм. Ϝέπος—слово. Хорутан. *улити*, Русск. *уландать*, Латин. ululo (ul—ul) выть. Отъ *выти* произошло слово выя какъ *шія*, *шея* отъ мадярск. *ши* (si) плакать, выть, ревѣть.

Стран. 242. Παίω—бью, рублю, толкаю. Παιάν—военная пѣснь. Звукоподражательный корень *па*, *пи*, *пу*—ударять, стукать, производить звукъ, издавать звукъ, звучать, пѣть. Слов. *пѣти*, *пѣю*, *пою*. Чешск. *пи—ка—ти*—колоть, pungere. Вторич. формы—Санскр. *пиш*, Латинск. pinso, Русск. пихать. Латин. pungere, pupugi (pu+g). Русск. *пика*—морда, рыло. Пи—ла, Литовск. пѣла; Литовск. пейлис (пей—лис) ножъ. Отъ *па* вторич. форма *пар*, *прать*, *перу*—ударять, бить, колотить. Отъ *пу* произошли—*пыръ*, *пырокъ*, *пырять*, *пырнуть*.

Страи. 255. Корень πρα, πίμπρημι — дую, надуваю, зажигаю, сожигаю. Звукоподражательный корень *па*, *пу* — дуть, вѣять, дыхать. Санскр. *пӯ* — вѣять, провѣвать, провѣвая чистить, вообще чистить, очищать. Мадярск. fú (неокончательное fúni) blasen, wehen, schnauben. Литовск. *пу* — *га*, южно-русск. *фу* — *га* — митель, вьюга.

Вторичныя формы: Польск. *пахаць*, *пухаць*, *пахаць*, пахаць (понхаць) нюхать, обнюхивать; *пухаць* сильно дуть, пыхать. Руск. *пахать*, *пахнуть* — дуть, навѣвать, давать воздуху теченіе. *Пахнуть* — испускать запахъ, издавать вонь, благовоніе. *Пухнуть* — вздуваться, вздыматься, толстѣть, бухнуть. Лужицко-Сербск. *пухорь*, *пухерь*. Польск. *пхерь* (панхерь) пузырь. Руск. *пу* — *зы*, *пу* — *зо*, *пузырь*, — собств. дутое, раздутое. Литовск. *пусти* (корень *пут*) дуть; *пустас* — пустой, собств. дутый, какъ Латинск. vanus отъ корня vâ — flare, откуда Слав. *вванъ*, *баня*, *жбанъ*, собств. дутое, раздутое, надутое. Литовск. *пусла*, *пусле* — пузырь; *пута* — пузырекъ на водѣ, мн. *путос* — пѣна. *Пурѳи* — становиться пухлымъ, рыхлымъ, *пурвас* — грязь, coenum lutum. Отъ корня *ра*, *пу* произошли слова — *пара* — жидкость, обращенная жаромъ въ летучее и воздушное вещество; пылъ, пыль, пылать. Греч. πῦρ — огонь, Чешск. *пыра* — прыскъ, порскъ, горячая зола. Въ Санскритѣ корень пӯ значитъ также издавать вонь, вонять, подвергаться гніенію, гнить. Литовск. *пути* наст. *пуву* или *пуну* — гнить.

Стран. 269. Корень φεν, φα — φα — τός — убитый; φόνος, φονή — убійство Звукоподражательный корень bha, bhi, bhu — ударять, стукать, бить, убивать, разить, поражать, наводить страхъ, боязнь. Греч. φα — τός — убитый, Хорватск. *батъ* — молотъ, отсюда Рус. *набатъ*, (бить въ набатъ). Слав. бити, бить. Латышск. *бит*, наст. *битy* — начинаю робѣть, падать духомъ, становлюсь робкимъ, пугливымъ. Санскр. bhî — Furcht, Schrecken; — bhî, bhajatê — бояться, опасаться, bhaja — Gefahr, Noth, Angst, Furcht. Мадярск. баи (baj) — Beschwerlichkeit, Mühe, Plage, Ungelegenheit, unun-

genehmes Geschäft;—*бў* (bú) dolor, moeror, der Schmerz, Gram, die Betrübniss. Южно-русск. *буба* — дѣтск. ушибъ, рана, боль. Русск. *бука*, *букать*, *бухать*; *бацъ*, *бацать*, *бахать*, *бабахнуть*; *боль*; *бутв*—слѣпень, оводъ Мадярск. Buk—lapsus cum fragore, cum strepitu,—der Fall, der Sturz mit Getöse, mit Knall; verber, plaga, ictus, der Klatsch, Schlag, Puff.

Стран. 270. Корень φέρ, φέρω—несу, беру на себя, имѣю. Санскр. bhar, med. ferri, sich schnell hinbewegen, нестись; вторич. форма bhrum—носиться туда и сюда. Литовск *бирти*, *бирети*—сыпаться, собств. быстро нестись; *берти*—сыпать. Бретонск. béra v. n. couler; s'écouler; fluer;—Верхнешотландск. bava—to go, to marsch, vadere, proficisci. Санскр. bhar—tragen, innehalten, enthalten, besitzen, Мадярск. bír (неокончат. birni)—besitzen, haben;—biro—adj. besitzend; s. Besitzer, Richter.

Отъ корня bhar нестись, кипѣть ferri, fervere произошли формы bhra, bhri bhru, bhla, bhli, bhlu. Латинск. flo, fluo; древне-нѣм. bla—an—blasen; bluojan—florere; греч. φλέω, φλύω, φλοίω. Латин. fleo—плачу, вою = Русск. блею.

Стран. 273. Корень φυ, φύω, ἔφυν—zeuge; φύομαι—wachse, werde. Первоначальный корень bha, bhi, bhu. Древне-нѣм. bim—bin; слав. *бѣ*; Латышск. *бiю*—я былъ;—Латинск. fio, fit, fa—cio.

Стран. 275. Корень ἀν, Санскр. an, animi—athme, ana—Hauch. Слав. *воня*, *вонь*, *ѫхв* (онхъ), *ѫхати* (онхати).—Литовск. *антис*, *энтис*—пазуха, собств. издающая запахъ, воняющая. «*Понюхай у себя за пазухой*», т. е. погляди сперва на самаго себя—говорятъ Литовцы пересудчику.

Стран. 275—276. ἀνήρ—мущина; мужъ. Санск. Зендск. *нар*, *нара*—мущина, мужъ. Славянок. *норикъ* мн. *нори*,—собир. *норь*, *норичй*—названіе Славянъ, искони населявшихъ область *Норикъ*, Noricum.

Стран. 277. Корень ενεχ—нести. Первоначальный

корень *на*, *ни*, *ну*—двигаться, двигать, приводить въ движеніе, нести, нестись. Латинск. narc—плыть, плавать, nere—прясть, собств. тянуть, вертѣть;—nuere—кивать, давать знакъ головою. Греч. νάω—fliesse, νέω—schimme. Древне-нѣм. na—an—шить, сшивать, соединять, собств. сводить. Сербск. *ньти*—нести. Санск. nî—ducere.— Санск. nas, nasê (вторич. форма отъ nâ) thue mich zusammen mit einem; samnasê—komme zu einem. Литовск. *нокти*, Латышск. *нäкт*—приходить, приходить въ зрѣлость, спѣть, посиѣвать. Сербск. *нихати*, Словацк. *книсати*, Чешск. *конушити*, *конышити*—качать, колыхать. Санск. nar—ducere. Литовск. *нирти*, *неру* или *нерю*— нырять; вдѣвать нитку въ игляное ушко; низать; вязать.

Стран. 292. μαλακός—мягкій—βλάξ, βλακός—нерадивый, безпечный, недѣятельный, безъ духа, глупый.—Корни санскритскіе—*мар*—zermalmen, zerschlagen и *джар* (первонач. *гар*) gebrechlich werden, in Verfall kommen, sich abnutzen, morsch werden, altern—измѣнились въ *мал*, *гал*, *млâ*, *глâ*. *Млâ*—erschlaffen, schwach werden, млâна—schutzig, âмлâна—welk, oder ein wenig (â) welk. Глâ—sich erschöpft fühlen, von Kräften kommen, abnehmen, schwinden. Сербск. *млакв*—tepidus. Русск. *млѣко*, *молоко*, Греч. γάλα род. γάλακτος,—γλάγος, Латинск. lac род. lactis—молоко. Литовск. *галус* прѣсный. Русск. *бологой*, *благой*, плохой. Сербохорватск. *млохавв*—слабый.

Стран. 296. Корень μερ, μαρ. Сербск. *маръ*—забота; *марити*—думать, заботиться о чемъ.

Стран. 301. Корень μαρ, μορ—μορ—μόρ—ω—шумлю, журчу, murmle, rausche.—Звукоподражательный корень *ма*, *ми*, *му*—издавать звукъ. Санскр. mâ (bildet Formen auch aus mê) mimâti—blöcken, brüllen (namentlich von Kühen und Kälbern). Древне-слав. мыти, мыж Латышск. *маут*—мычать. Вторич. формы—*мар*, *мур*, *мик*, *мук*, и пр. Литовск. *микти*, *мукти*—мычать. *мармети*, *мурмети*—ворчать, мурныкать. Нижне-лужиц. *марать*—болтать вздоръ.

Стран. 308. Корень. ερ, Fερ, εἴρω, ῥήτωρ. Отъ корня *ва*, *ви*, *у* (смотр. выше) издавать звукъ, вторичная форма *вăр*, *вир*, *ур*, изм. *вал*, *ул*. Русск. *врать*, *вирать*—говорить вздоръ, небылицу, пустое, пустословить, пустобаить. Древне-слав. *врѣти* вм. *варти*—кипѣть съ клокотомъ, клокотать, вытекать съ клокотомъ. Польск. *вр̆ава*—шумъ. Польск. Чешск. *воламъ*—зову, кличу. Вторич. форма—Польск. *вржескъ*, русск. *вер—везгъ* рѣзкій шумъ, гулъ; свистъ, визгъ; сильный плачъ ребенка. *Вер—езгъ* отъ *вар*, *вир*, какъ *ви—згъ* отъ *ви*.

Стран. 323. Корень λᾶ, λας, λάω—желаю, хочу. Замѣчателенъ переходъ понятій,—*дышать*, *сильно дышать*; *слышать*; *желать*; *быть усталымъ*, *отдыхать*. Латышск. *алстъ*, *элстъ*—сильно дышать, сопѣть, пыхтѣть;—Литовск. *алсти*—быть усталымъ;—Русск. *ласый*—лакомый до чего; *ласа*, *ласаться*, ласка, ласкать. Шоландск. elska—любить, Чешск. *ласка*—любовь, Санскр. *лаш*— optare, cupere.

Стран. 325. λάξ, λάγδεν mit dem Forse, mit dem Fusse; Лат. calx.—Русск. лягать, Латин. calx, calcare одного корня съ Русск. *щелкать*; *колкать*—стучать, стучаться. Литовск. *кульшо* отъ *култи*—ударять, колотить, молотить, какъ *пята* Древне-слав. пята (т. е. *пинта*) отъ *пинать*—толкать ногою.

Стран. 326, λάχνη Wolle, — λάχνος Schafwolle. Южно-русск. *лахи* — лохмотье; Русск. *лохмы*, *лохматый*.

Стран. 338 ἕσπερος—abendlich, Abend, лат. vesper, лит. vakaras. Нѣмецкіе ученые стараются доказать, что *вакарас*, *вечеръ* вм. *васкарас*, *васпарас*;—Не проще ли будетъ слова *вакарас*, *вечеръ*, сблизить съ латинскимъ vacare—гулять? «domus vacat—домъ гуляетъ.» Бретонск. vak—oisif, oiseux, слѣдовательно, *вакарас*, *вечеръ*—собств. гуляющее время, время отдыха послѣ дневныхъ трудовъ?

Стран. 339. Корень ἧς сидѣть. Санскр. âs, asê—sitze, halte mich auf; Зендск. âh—sitzen, bleiben. Литовск.

асла—полъ, т. е. низъ, долъ, земь, противоп. потолку.

Стран. 353. Корень ὑ, ὕ—ει—es regnet. Польск. *суцз*—сыпать, лить; *суты*—полный, богатый, изобильный. *Сытый* вм. *сутый* собств. полный.

Стран. 355. ὑσμίνη. Schlacht. Санск. judh—pugnare. Зендск. jud—pugnare, kämpfen; juz (вмѣсто juh, judh) sich bewegen. Литовск. *юдети* наст. *юду*—двигаться, шевелиться. Литовск. *юдинти* западно-русск. *юдить*—заставляю двигаться, побуждаю, подстрекаю. Русск. областное *взюндывать*—неспокойно, нетерпѣливо сидѣть.

Стран. 356. ἠμί sage, Skrt. Perf. âha—er sprach, er spricht.—Ah вмѣсто agh. Русск. *ягать*—шумѣть, кричать, браниться;—*язать*, *язаться*—сулить, обѣщать. *Яз—ыкъ*. собств. говорящій. Польск. *енз—ыкъ*, *енз—оръ*, *оз—оръ*—lingua, языкъ.—Санск. Зендск. agha—злой, дурной. Русск. *баба—яга* собств. злая баба; Польск. *баба—ендза*. Древне-слав. яза т. е. *енза*—morbus, болѣзнь.

Стран. 416—417. Корень βαλ, βάλλω intr. falle, Санск. gal—herabträufeln, wegfallen. Зендск. gar—herabfallen; schwer sein. Корень *гар* измѣнился въ *гру*, Литовск. *грути*—падать, валиться, разрушаться. Отъ *гар* втор. форма *грам*, *грим*, Латышск. *гримтъ*—падать, опускаться, погружаться; Древне-славянск. гразити (т. е. гринзнонти) вм. гримзнонти), Русск. *грузъ* вм. *гронзъ*, *грязнуть*, *грузнуть*, грязь. Латышск. *гариш* вм. *гарус*—длинный; Слав. *гор—аздъ*. *Гримт* отъ *гар*, какъ Санск. bhar—нестись и bhram—носиться туда и сюда;—Санск. bhar, литовск. барти—reprehendere, vituperare соб. sonum edere, лат. fremo вм. bhremo, древне-нѣм. briman (bram) fremere. Санск. ςrâ вм. krâ первонач. форма kar—печь, варить, латин. cremo—жгу, и пр.

Стран. 438. Корень θερ. Санск. ghar—горѣть, свѣтить;—оттуда гладати т. е. *глиндати*—смотрѣть; какъ прядать, прадати т. е. принданти отъ *прати*—volare, Нѣм. Brand, brennen вм. brenden отъ bhar и пр.—Нѣм.

warm отъ корня *вар*, *врѣти*, *варить*. Оттуда же произошли слова— *урмъ*, *варнъ*, *варна:* Эстонск. *урм*—кровь;—древне-прусск. *вармс*, *урминс*—красный;—Южно-русск. *верманый*—румяный; румяный вм. урмяный. Санскр. варна—color; цвѣтъ, краска; Слав· *вранъ*, *воронъ*, вороной.

Стран. 468 κράζω. Звукоподражательный корень *ка*, *ки*, *ку*; втор. форма *кар*, *кир*, *кур*. изм. *кра*, *кри*, *кру*, *кал*, *кли*, *клю*, и пр. Въ Русскомъ языкѣ, какъ извѣстно, къ звукоподражательнымъ корнямъ приставляется слогъ *ка*, *кар*—*кать*, *кир*—*кать*, *кы*—*кать*; въ Литовскомъ согласная *к* напр. *нар*—*к*—*ти*, въ Греческомъ согласная γ—*κρα*—γ, *κρι*—γ—Корень *кри* сохранился безъ приставки въ древне-нѣм. scrî—an, бретонск. kri—a—schreien, crier.

Стран. 632. σμάω, σμήχω—тру, натираю; мажу, намазываю, стираю, очищаю.

Корень *ма*, *му*—тереть. Греч. σμά—ω, вторич. форма σμή—χω. Русск. *ма*—*зать* (σμη—χω), *марать*. *Мыть* первоначальное *мути*, древне-прусск. *мŷт*—соб. тереть, стирать, очищать. Литовск. *Маути*—надвигать, насовывать, надѣвать напр. рукавицу на руку, обротъ на голову лошади. Латышск. *маут* значитъ также соваться въ воду, нырять, купаться, о водяныхъ птицахъ. Санск. *мар*—тереть, растирать, измельчать, молоть; втор. формы *марджс* (первонач. *марг*) abreiben, abwieschen, reinigen, putren;—мард—heftig drücken, andrücken, zerdrücken, zerstampfen; reiben;—mardh—überdrüssig werden, vernachlässigen. Греч ἀμέργω—гнету, выжимаю; стираю; срываю, ломаю;—ἀμέλγω—дою;—ὀμόργνυμι—выжимаю, выдавливаю; стираю, отираю. Русск. *сморгать*, *шморгать*, *смурыгать*—тереть, шмыгать. *Смы*—*гать*,—*шмы*—*гать*—тереть,—*смуга* темное пятно, ласа, полоса. Старинное *мелзти*, *молзти*, *молзати*—доить, собств. выжимать, выдавливать—Санскр. марджс, греч. ἀμέλγω,—оттуда—*молозиво; смолость*—вымя у коровы; *молостовъ*—Польск. *млостѣ*—дойница,

большой молочный горшокъ;—*оки—молость*—Lonicera, Польск. *и—молза*, *е—мёлза*—осокорь собст. жидкая, мягкая. Отъ корня *мар*, *марать* произошли слова: *хмара*, *хмура*—темное облако, *мурый*, *смурый*. Латышск. *мелт* (корень *мел*, *мер*, *мар*) становиться темнымъ, мрачнымъ, чернымъ, темнѣть, чернѣть,—Русск. *меркать*, *померкать*, *меркнуть*, *мракъ*, *морокъ*. Мадярск. mar (неокон. marni) кусать, mara—морозъ, иней, изморозь; Русск. *мер—зать*, *замерзать*, *мерзнуть*, *мерзѣть*, *мерзкій*.—Мадярск. *Моржа*—кроха, крупица; *мурва*—полева; крупный песокъ. Польск. *мерва*—мятая солома.

Мадярск. *Mâз*—Schmelz, Anstrich, Glasur; *мардош*, *мардоз*—beissen, nagen, Санскр. *мард*. Латин. mordeo, Русск. *морда*. Польск. *маз—гаць*—мазать, марать, Литовск. *мазготи*—мыть. Мадярск. *мош*—мыть, полоскать, *мозог*, *мозг*—sich bewegen, rühren, regen, Санск. масдж, первоначальн. *масг*—(маджджâми) нырять, соваться въ воду, Литовск. *мезгу*—всовываю, втыкаю, нижу, вяжу, какъ *нирти*—нырять и вязать. Мадярск. mer, mér наст. merom, mérom—черпаю, мѣряю жидкость, вообще мѣряю. Латышск. *смелт* наст. *смелю*—черпаю.—Санскр. *мар*, *марâми*—мру, умираю. Западно-русск. *маруна*—pyrethrum parthenium, маточная трава, собств. морительница, —ибо, если кто находясь при послѣднемъ издыханіи, долго мучится, то подъ него кладутъ траву марину, для того чтобъ онъ скоро и легко скончался. Литовск. *маринти*, *мердети*—находиться при смертномъ одрѣ умирающаго, провожать человѣка, отходящаго въ вѣчность, собств, морить, потому что встарь придумали задушать безнадежно больныхъ, дабы прекратить тяжкія ихъ страданія, которыя, по тогдашнимъ понятіямъ, считались противными богамъ и людямъ.

Санск. mi—in den Bodem einsenken, befestigen, gründen, aufrichten, errichten, bauen. Латышск. *мѣт*—тыкать, втыкать колышки въ землю; *мѣтс*, Литовск. *мѣтас*—колъ. Литовск, *смайлус* (корень *сми*, *ми*, приставка *лус*) остроконечный; *смигти*, *смегти*, *смейгти*—втыкать, вонзать.

Греч. ἀμύσσω, νύσσω (корень mugh, muh, nugh nuh) колю, царапаю, раню, разцарапываю, растерзываю, раздираю. Русск. *ноготь*, *низать*, *пронзить*, *заноза*, *ножъ*. Литовск. *нагас* — ноготь. Слова *ноготь*, *нагас* и *нагой* (nudus) одного корня,—это такъ понималъ, по видимому, и самъ народъ, и въ сознаніи Литовскаго и Западнорусскаго народа возникло повѣрье, что люди первоначально покрыты были роговою оболочкою, словно черепахи, и, разумѣется, не нуждались въ одеждѣ: современемъ сошла съ людей роговая оболочка и отъ нея остались у людей одни лишь ногти, по-Литовски *нагай*.

(Окончаніе будетъ.)

Ст. Микуцкій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Очеркъ древнихъ Словяно-русскихъ словарей.

(Окончаніе.)

Словарь Памвы Берынды въ первый разъ напечатанъ въ Кіевѣ, въ 1627 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Лексиконъ Славено-россскій и именъ тлъкованіе, пръвое типомъ изобразися въ Киновіи с. великія чудотворныя Лавры Печерскія Кіевскія Ставропигіа Н. Р. Константинопольскія патріархіи вселенскія, лѣта бытія міра 7135, отъ Рождества же Христова 1627, Кvріопасха индикта 10., Августа 11.» Въ началѣ его находится посвященіе отъ Берынды Димитрію и Даніилу Ѳеодоровичамъ Балобанамъ, на оборотѣ заглавнаго листа стихи Тарасія Земки, а въ концѣ послѣсловіе. Черезъ 26 лѣтъ онъ напечатанъ былъ во второй разъ, 1653 г., въ монастырѣ Кутеинскомъ, «тщаніемъ тояжде обители иноковъ.» Это изданіе имѣетъ особое предисловіе отъ издателя его іеромонаха и игумена Іоиля Труцевича. Изданія эти представляютъ только очень незначительныя разности. Іеромонахъ Труцевичъ, старался, конечно, объ улучшеніи своего изданія, но не сдѣлалъ въ немъ никакихъ измѣненій кромѣ того, что выбросилъ всѣ Греческія и Латинскія слова, стоящія въ изданіи Берынды въ числѣ объясняющихъ и,

конечно, показавшіяся ему ненужными. Вотъ единственная разность этихъ изданій; во всемъ прочемъ они совершенно тожественны.—Гораздо болѣе отличій отъ подлинника, а столько же и отъ втораго изданія представляетъ изданіе Сахарова. Сахаровъ мало обращалъ вниманія на палеографическую сторону памятника: выпустилъ многое изъ объясненій, казавшееся ему, неизвѣстно почему, лишнимъ, а также и ссылки на источники, изъ которыхъ заимствованы слова, на томъ основаніи, какъ онъ самъ объясняетъ, что «за неимѣніемъ подъ руками тѣхъ рукописей, которыя служили источникомъ для Лексикона Берынды, эти ссылки были бы совершенно безполезны.» Нечего и доказывать невѣрность этого взгляда. При разсмотрѣніи словаря Берынды, мы преимущественно пользуемся его первымъ изданіемъ.

Для того, чтобы ближе ознакомиться съ этимъ филологическимъ памятникомъ, небезполезно обратить вниманіе и на самую личность составителя, на нѣкоторыя обстоятельства его жизни. П. Берында родился въ Молдавіи отъ православныхъ родителей въ XVI ст. Путешествуя съ юныхъ лѣтъ по Св. мѣстамъ, онъ постригся въ Іерусалимѣ и занималъ тамъ разныя должности до тѣхъ поръ, какъ Львовскій Епископъ Гедеонъ Балобанъ вызвалъ его къ себѣ и поручилъ исправленіе книгъ и надзоръ за печатаніемъ ихъ въ Стрятинской и Крылосской типографіяхъ. Здѣсь среди занятій такого рода Берында началъ составлять свой лексиконъ. Послѣ смерти Гедеона Балобана, когда типографія, заведенная Ѳедоромъ Юрьевичемъ Балобаномъ, продана была въ Кіевопечерскую лавру, и онъ вызванъ былъ туда же Елисеемъ Плетенецкимъ. Здѣсь онъ, получивъ отъ Іерусалимскаго патріаршаго престола званіе протосингела и архитипографа Россійской церкви, занимался тѣми же трудами, какими и въ Львовѣ, т. е. завѣдывая типографіею, исправлялъ и издавалъ церковныя книги; но въ то же время не забывалъ своего лексикона, который и издалъ послѣ 30-ти лѣтнихъ трудовъ надъ нимъ. Это-то обстоятельство,

а равно и то, что составитель, завѣдывая долго типографіями, имѣлъ, конечно, подъ руками много разныхъ книгъ, и сообщило его лексикону ту отчетливость и полноту, которымъ далеко уступаютъ всѣ прежніе труды по этой части.

Какую цѣль Берында имѣлъ въ виду и какими побужденіями руководствовался при составленіи своего словаря? Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ посвященіи къ Балобанамъ: «Широкій и великославный языкъ Славенскій, милостивыи панове Балобанове, маючи оквитое залеценье не только отъ писмъ Богословскихъ и гимновъ церковныхъ съ Елинскаго нимъ претлумаченныхъ, але и съ божественныя литургіи и иныхъ таемницъ, которыя ся тымъ языкомъ въ Великой и Малой Россіи, въ Сербіи, Болгаріи и по инымъ сторонамъ отправуютъ, ижъ трудности тѣхъ словъ до выразуменя темныхъ многіи въ собѣ маетъ, зачимъ и самая церковь Россійская многимъ влаенымъ сыномъ въ огиду приходитъ... Тымъ разревнѣныи будучы,—прибавляетъ Труцевичъ,—мужъ побожный, духовной мудрости полный, блаженной памяти, Кѵръ Памво Берында, Протосиггелъ Ѳрону Іерусалимскаго многимъ трудомъ и працею (которая се сама отъ себѣ окажетъ)......... назвиска рѣчій и имена влаеныи людей, гиръ, пагорковъ, лѣсовъ, рѣкъ, и разныхъ урочищъ, розмолтыхъ діалектовъ, Сирскаго, Халдейскаго, Еврейскаго, Латинскаго и влаенаго нашего Славянскаго, вкоротцѣ вкупу згромаздившы, рѣчивисто, нашимъ языкомъ Русскимъ, объяснилъ и каждое трудное слово выложилъ.» Такимъ образомъ и Берында имѣлъ ту же цѣль, къ которой направляли свои труды и прежніе лексикографы,—объяснять трудныя для выразумѣнія слова—иностранныя и Славянскія, находящіяся въ «Святыхъ письмахъ.» Однакожъ при этой цѣли онъ не ограничивался только словами непонятными: онъ вносилъ на страницы своего лексикона каждое слово книжное, которое представляло хоть какое нибудь отличіе отъ соотвѣтствующаго ему народнаго не только въ лексическомъ,

даже въ фонетическомъ отношеніи; такъ напр. въ его лексиконѣ находится очень много объясненій подобныхъ слѣдующимъ: златарь,—золотарь; волна,—вовна; врата,—ворота; духовнѣ—духовное; веселіе,—веселье и т. д. Эти и подобныя имъ слова, столь мало отличающіяся отъ народныхъ, конечно, были понятны и для составителя и для тѣхъ, кому назначался лексиконъ, и если получили въ немъ мѣсто, то, конечно, потому, что рамки для лексикона были предположены болѣе обширныя, не исключающія и словъ извѣстныхъ, лишь только онѣ отзывались хоть чѣмъ нибудь чуждымъ для народнаго говора. Тѣмъ не менѣе составитель строго держится своей цѣли,—потому-то считаетъ долгомъ включать въ свой лексиконъ даже такія слова, на которыя не могъ найти объясненій, и, какъ онъ самъ говоритъ, «вписывалъ нѣкія изъ нихъ не толкованны.»

Имѣя одну цѣль съ прежними составителями словарей, Берында представляетъ трудъ, совершенно отличный отъ прежнихъ: то, что въ прежнихъ словаряхъ, было лишнимъ, напр. внесеніе Греческихъ и Латинскихъ и другихъ иностранныхъ словъ, которыхъ такое огромное количество находимъ въ азбуковникахъ, Берында не помѣстилъ въ своемъ лексиконѣ, и замѣнилъ хотя тоже иностранными, но только такими, которыя составляютъ или названія предметовъ иностранныхъ, или термины наукъ, искусствъ, нелишенные употребленія въ народѣ или, по крайней мѣрѣ, въ книжномъ языкѣ; съ другой стороны, все то, къ чему стремились прежніе составители словарей, у Берынды выполнено несравненно основательнѣе и отчетливѣе.

Тщательно занимаясь составленіемъ словаря въ продолженіе 30 лѣтъ, Берында собралъ словъ около четырехъ тысячъ, расположилъ ихъ въ правильномъ азбучномъ порядкѣ, и, понимая разницу между словами Славянскими и иностранными, раздѣлилъ свой лексиконъ на двѣ части: въ первой изложилъ слова Славянскія со вклю-

ченіемъ немногихъ иностранныхъ, освоившихся съ Славянскими, во второй-собственныя имена, взятыя изъ другихъ языковъ, а также названія горъ, пагорковъ, рѣкъ и т. п. Составляя словарь по различнымъ книгамъ Славянскимъ и въ помощь къ уразумѣнію книгъ, онъ счелъ нужнымъ выставлять указанія на тѣ источники, изъ которыхъ заимствовалъ слова, и дѣлаетъ это съ большею правильностію и постоянствомъ. Объясненія у Берынды несравненно отчетливѣе и полнѣе, нежели у прежнихъ составителей: онъ не только старался найти для каждаго слова соотвѣтствующіе и вполнѣ объясняющіе его сословы; но при словахъ непонятныхъ, или имѣющихъ различныя значенія, онъ приводитъ цѣлыя фразы, въ которыхъ они употреблены и въ которыхъ ясно опредѣляется ихъ смыслъ. При этомъ онъ доходитъ даже до роскоши по тому времени, нерѣдко поставляя въ объясненіяхъ слова Греческія и Латинскія напр. при словѣ: дръжава,—κράτος, robur, potentia, κραταίωμα, firmamentum, и т. п., а при нѣкоторыхъ даже Сирскія.

Вообще нужно сказать о лексиконѣ Берынды, что какъ въ наборѣ словъ, такъ и въ объясненіи ихъ нѣтъ уже той случайности, которую находимъ въ прежнихъ словаряхъ: онъ далеко превосходитъ ихъ по своей полнотѣ и отчетливости.

Вотъ внѣшніе пріемы, коими отличается Берында отъ прежнихъ составителей словарей. Разсмотримъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ болѣе важные для объясненія словаря его, и прежде всего обратимъ вниманіе на источники, которыми онъ пользовался. Они двухъ родовъ: а) словари и б) другаго рода сочиненія, которыя давали матеріалъ для его словаря.

Въ числѣ первыхъ Берында самъ указываетъ только на одинъ словарь Л. Зизанія; но, по сличеніи его лексикона съ разсмотрѣнными нами словарями, оказывается, что и всѣ они въ большей или меньшей мѣрѣ послужили

для него матеріаломъ. Скажемъ, какъ Берында пользовался ими,—этимъ отчасти объяснится и характеръ его словаря.

Словарь Лаврентія Зизанія почти весь цѣликомъ съ нѣкоторыми исправленіями вошелъ въ словарь Берынды; не вошла въ него только десятая часть «Лексиса.» Измѣненія состоятъ или въ замѣнѣ нѣкоторыхъ объяснительныхъ словъ Литовской рѣчи словами малороссійскими или въ различномъ написаніи словъ объясняемыхъ.

Какъ бы ни произошло это различіе въ орѳографіи, нельзя не замѣтить въ Берындѣ особеннаго чутья къ Ц. Славянскому нарѣчію: въ словахъ, передѣланныхъ Зизаніемъ съ Ц. Славянскаго языка, онъ замѣтно старается возстановить его орѳографію и большею частію, вѣрно, напр. Зизаніевы: скверна, скверный—измѣнены имъ въ скврна, скврный, червленица—въ чрвленица, черничіе—въ чрничіе, чертогъ—въ чртогъ; упражняю, упражненье—въ упраждняю, упраждненье, сладкось—сладкость. Равнымъ образомъ и выпустилъ Берында изъ Лексиса Зизанія именно или тѣ слова, которыя отзываются мѣстнымъ говоромъ Зизанія, напр. склащеніе, склащенный, мпа-футикъ, рукомыкъ (ручникъ), или тѣ, кои по формамъ образованія своего менѣе подходятъ къ Ц. Славянскому нарѣчію, напр. рекло, онужда, скоторойся, смотркѣ и т. п. При этомъ однакожъ въ нѣкоторыхъ словахъ и самъ въ свою очередь положилъ печать своего нарѣчія въ орѳографіи, напр. вмѣсто Зизаніева протору—онъ поставилъ протуру.

Кромѣ словаря Зизанія Берында пользовался еще и словарями Новгородскими, на которые впрочемъ онъ не дѣлаетъ ссылокъ.—Изъ перваго Новгородскаго словаря, наполненнаго словами еврейскими, онъ взялъ очень немного, почти только одни Славянскія, которыя попались туда случайно, такъ напр. въ Новгородскомъ словарѣ стоитъ: бритва, стригольникъ; Берында прибавилъ: бричъ, бритва, стригольникъ; у Берынды также встрѣ-

чаются: эѣло, рогъ, степень, падиръ, Соломонъ — совершенно съ такими же объясненіями, какъ и въ 1-мъ Новгородскомъ. Второй же Новгородскій словарь, состоящій почти изъ однихъ Славянскихъ словъ, почти весь вошелъ въ словарь Берынды съ нѣкоторыми — впрочемъ исправленіями и дополненіями, которыхъ требовало его мѣстное употребленіе.

Замѣчательно также, что Берында и здѣсь, подобно какъ и при заимствованныхъ изъ Зизанія, опускаетъ слова, казавшіяся ему несообразными съ характеромъ Ц. Слав. языка, а именно: поѳесь—вещь, гензе—лишился, кудь—произволеніе, тритеза—подвизанье и нѣкот. др., а также тѣ слова, которыя поставлены не въ примитивныхъ формахъ, напр. по строю, прокыхъ—прочихъ, которыя онъ, конечно, считалъ излишнимъ вносить въ свой словарь. Но, соблюдая большею частію орѳографію подлинника, Берында и здѣсь дѣлаетъ нѣкоторыя отступленія въ пользу своего нарѣчія: Старо-Славянское ъ переходитъ у него въ *о* (бъхма у него бохма), ь въ *е* (качьство, количьство=качество, количество), а также въ ъ (милотарь=милотаръ, отвернь =отвернъ), форма прош. вр. глаголовъ на аахъ измѣняется на аяхъ начаахъ, надѣахся=начаяхъ, надѣяхся), нафѳа=нафта, кыченіе=киченіе. Подобнымъ образомъ онъ пользовался и азбуковниками, изъ которыхъ впрочемъ болѣе заимствовалъ объясненія энциклопедическія. «Толкованіе же именъ» Максима Грека почти цѣликомъ вошло во 2-ю часть его лексикона. Такимъ образомъ какъ оказывается, Берында имѣлъ подъ руками всѣ прежніе извѣстные намъ словари.

Въ самомъ же лексиконѣ находимъ еще частыя указанія на книги Библейскія, Бесѣды Лѣствичника, Бесѣды Апостольскія, Григорія Богослова, Максима Грека, Кирилла Іерусалимскаго, Іоанна Дамаскина, Ефрема Сирина, Никона Черныя горы, Василія Великаго (о дѣвствѣ), Златоустаго, Григорія Богослова, Іоанна Пресвитера Бол-

гарскаго (предисловіе толков. Еванг.), Іоанна Кипрскаго, Патерикъ Соловецкихъ Чудотворцевъ, Никона, Кирилла Александрійскаго (о 3-хъ отроцѣхъ).

Нѣтъ сомнѣнія, что у Берынды означены не всѣ источники, изъ которыхъ онъ бралъ слова: эти источники очень немногочисленны въ сравненіи, напр., съ источниками великорусскихъ гораздо кратчайшихъ словарей,—а равнымъ образомъ не при всѣхъ словахъ, заимствованныхъ изъ означенныхъ источниковъ, дѣлалъ цитаты: гораздо большая часть словъ остается не цитованными. Принимая во вниманіе тщательность и отчетливость труда Берынды, нельзя, кажется, объяснить это чѣмъ нибудь инымъ, какъ не тѣмъ, что онъ означалъ цитатами только или слова непонятныя, или употребляющіяся въ разныхъ значеніяхъ, что дѣйствительно и замѣтно изъ объясненій такихъ словъ. Но уже и изъ указанныхъ нами источниковъ лексикона Берынды и изъ способа набора изъ нихъ словъ достаточно открывается, что Берында преимущественно пользовался книгами духовнаго содержанія и имѣлъ въ виду составить сборникъ словъ ц. Славянскихъ, отличая ихъ отъ словъ другихъ нарѣчій, и языковъ и относя послѣднія ко 2-й части своего лексикона.

Это-то отличеніе словъ Ц. Славянскаго языка того времени отъ словъ другихъ нарѣчій, сколько оно возможно было для Берынды, вмѣстѣ съ полнотою и отчетливостію труда составляетъ главное преимущество его предъ прежними лексикографами, которые набирали слова совершенно случайно, не заботясь о томъ, къ какому языку принадлежатъ они.—До какой степени можно приписать Берындѣ знаніе тѣхъ нарѣчій и языковъ, изъ которыхъ взяты у него слова, для того, чтобы умѣть отличить одни отъ другихъ? Не говоря о языкахъ Сирскомъ, Еврейскомъ, которые онъ могъ хорошо знать по обстоятельствамъ своей жизни, а также объ Латинскомъ и Греческомъ, нельзя отказать ему и въ знаніи нѣкоторыхъ Слав. нарѣчій, какъ человѣку, въ продол-

женіе всей почти жизни, занимавшемуся исправленіемъ Ц. Славянскихъ книгъ, и постоянно, по самой обязанности архитипографа, обращавшемуся съ многочисленными книгами, между которыми, нѣтъ сомнѣнія, были и книги различныхъ нарѣчій Славянскихъ, которыя въ то время особенно распространились въ Россіи. Подобную начитанность трудно найти въ человѣкѣ того времени, и, если мы встрѣчаемъ у него на ряду съ словами ц. Славянскими и слова изъ другихъ нарѣчій, то это или слова, чаще встрѣчавшіяся въ тогдашнихъ церковныхъ книгахъ или слова, попавшія туда случайно, подобно тому, какъ въ прежніе словари въ рядъ Славянскихъ вносились безъ всякой надобности слова Латинскія и Греческія.

Что же новаго сравнительно съ прежними представляетъ намъ словарь Берынды съ точки зрѣнія историко-филологической? Словарь Берынды, какъ и другіе, предшествовавшіе ему, можно разсматривать съ двухъ сторонъ: со стороны энциклопедической и собственно лексической.—Энциклопедическая часть этого словаря, подобно какъ въ «Лексисѣ» Зизанія и азбуковникахъ, сосостоитъ изъ описанія различныхъ предметовъ религіи, миѳологіи, естествознанія, общежитія и пр.; но при этомъ имѣетъ и свои особенности.—Пользуясь преимущественно книгами церковными и вообще книгами духовнаго содержанія, онъ и выбиралъ изъ нихъ такіе предметы, которые имѣютъ отношеніе къ религіи или только упоминаются въ духовныхъ книгахъ.—Такъ почти всѣ энциклопедическія объясненія его имѣютъ ссылки на эти книги, даже объясненія такихъ словъ, которыя заимствованы изъ азбуковниковъ и Лексиса Зизанія и которыя тамъ поставлены безъ цитатъ,—такъ напр. въ Азбуковникѣ объясняется: «Драчіе есть хойна, которая въ винѣ возварена уврачуетъ ухо удареное и очи битыя.» Берында прибавилъ ссылку «Ис. 55 при концѣ» точно также поступилъ онъ при объясненіи слова: Артемида, прибавивъ къ сказанному въ Азбуковникѣ ссыл-

ку на «Дѣян. 19 гл. 7 ст.» и при словѣ орелъ «Пс. 101.» Заботясь о близости объясняемыхъ предметовъ къ области духовной письменности, онъ естественно въ своемъ лексиконѣ не давалъ мѣста всякому случайно попадающемуся слову, какъ это видимъ въ Азбуковникахъ. — Онъ преимущественно распространяется въ объясненіяхъ духовныхъ предметовъ, — таковы напр. его объясненія на слова: Церковь, Св. Духъ и пр., и только немногія слова, относящіяся къ другимъ предметамъ, вошли въ него. — Въ числѣ послѣднихъ находимъ описанія миѳологическія, географическія, этнографическія, описанія предметовъ естествознанія и пр. По части миѳологіи, напр. находимъ слѣдующія объясненія:

Артемида, пріятна жертва, Діана, отъ дня названа есть, для того маетъ ясность подобную дневи, и мѣсяцъ тымъ именемъ зовутъ, имя богинѣ и идола въ Ефесѣ; Лука. Дѣян. 19. 7.

Ира, Лат. Юно, богиня, жона Діева, и дочка, имя идолу.

Сирены — дивъ морскій, до пояса станъ панянскій, а далѣй рыбѣй, Ис. 13. 21.

Иппокентавръ полъчеловѣка и полконь.

Фениксъ, финиковое дерево и ягода его; або закгиловое и овоцъ его; также кровавая фарба, або масть; часть Сиріи, гдѣ Сидонъ и Тиръ; есть и птахъ въ Аравіи близь Индіи, тотъ на кедрахъ Ливанскихъ жіетъ, нечого не ядачи, не пьючи, духомъ жіетъ, або въ 50 л., въ Иліуполи на святомъ жертовнику гды попъ до церкве зазвонитъ, самъ ся спалитъ, а съ попелу своего снова ся родитъ, и зазнову въ 500 л. тако чинитъ. Св. Епифаній такъ пишетъ.

Музы узлоношеніе или узоношеніе, обвѣшеніе

на выи чаровное ношенье. Вѣроятно, извѣстно было во время Берынды чарованіе наузами, о которомъ говоритъ еще Кириллъ Туровскій. Эти наузы или повязки дѣлались, вѣроятно, изъ зелья, т. е., травы и вѣтвей, и были надѣваемы на дѣтей волхвами (припомнимъ Всеслава Полоцкаго).

Вотъ весь кругъ миѳологическихъ предметовъ въ составѣ лексикона Берынды. Они далеко уже не такъ многочисленны, какъ въ азбуковникахъ; объясненія ихъ также далеко не представляютъ тѣхъ суевѣрныхъ воззрѣній, соединенныхъ съ личностію писателя, которыми такъ увлекалось воображеніе составителей Азбуковниковъ. Берында не раздѣляетъ уже тѣхъ суевѣрныхъ понятій, которыя онъ высказываетъ; онъ представляетъ ихъ отдѣльно отъ своей личности, какъ мнѣнія чуждыя ему. Даже тѣ объясненія миѳологическихъ предметовъ, которыя онъ заимствовалъ изъ азбуковниковъ, у него теряютъ суевѣрный характеръ и подвергаются анализу его разсудка,— такъ напр. онъ измѣнилъ и сократилъ объясненія въ Азбуковникѣ словъ: уэна, василискъ, орелъ, фениксъ, изъ коихъ объясненіе послѣдняго онъ считаетъ нужнымъ приписать Св. Епифанію, хотя на него нѣтъ ссылки въ Азбуковникѣ: «Св. Епиф. такъ пишетъ,» замѣчаетъ онъ.

Также не многочисленны у него и описанія другихъ предметовъ. Они суть слѣд: Амаликъ, Верника, Иллиринъ, Асіа, Академіа, иподромъ, онагръ, Аппіевъ торгъ, акриды, ночный вранъ, Левіаѳамъ, драчіе, желвъ, илектронъ, мирта, стихіа, Псинъ, Саламандра, талантъ, иссопъ, Іорданъ, поприще. О всѣхъ этихъ предметахъ Берында представляетъ свѣдѣнія, конечно, не лишенныя интереса для тогдашняго времени.

Энциклопедическая часть этого лексикона, по своей малочисленности, составляетъ явленіе какъ бы случайное: она и занимаетъ въ немъ самое незначительное мѣсто. Характеръ лексикона Берынды есть характеръ лексикона въ собственномъ смыслѣ словарнаго.

Мы уже выше замѣтили, что Берындѣ первому принадлежитъ честь тщательнаго и искуснаго собиранія собственно ц. Славянскихъ словъ и сознательнаго отличенія ихъ отъ другихъ нарѣчій и языковъ, сколько возможно было для человѣка того времени.—Это единственный у насъ филологическій памятникъ языка нашей древней Ц. Славянской письменности, представляющій довольно полный сборникъ словъ Славянскихъ, изъ которыхъ многія, нѣтъ сомнѣнія, оставили въ немъ послѣдніе слѣды своего существованія.—Эти уцѣлѣвшія въ немъ слова тѣмъ большую еще должны имѣть для насъ цѣну, чѣмъ древнѣе тѣ источники, изъ которыхъ они взяты. И не только рѣдкость, но также и особенности формъ ихъ образованія заставляютъ обратить на нихъ вниманіе. По этимъ-то качествамъ словарь Берынды останется не замѣнимъ для изучающаго нашъ Ц. Славянскій языкъ и его письменность.

Вторая часть Лексикона Берынды заключаетъ въ себѣ до полуторы тысячи словъ, взятыхъ изъ «Еврейскаго, Греческаго, Латинскаго и иныхъ языковъ» между ними большая часть собственныхъ именъ лицъ, преимущественно Святыхъ, празднуемыхъ Церковію, съ означеніемъ лица и дня ихъ празднованія; не мало также названій историческихъ, географическихъ и вообше словъ иностранныхъ. Сюдаже включены и нѣкоторыя Славянскія слова, которыя употребляются въ видѣ собственныхъ, напр. Богословъ, скнипы, почти всѣ слова, вошедшія во вторую часть Лексикона Берынды, снабжены ссылками. Эти ссылки показываютъ, что они также заимствованы изъ книгъ Церковныхъ и суть названія лицъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ Церковныхъ книгахъ.—Только не много находимъ здѣсь словъ иностранныхъ, выходящихъ изъ круга духовной письменности, какъ наприм: авторъ, аиръ, дуксъ, еффектъ, патеръ, и ихъ, конечно, нужно отнести къ явленіямъ того времени, когда Юго-западный книжный языкъ началъ подвергаться различнымъ чужероднымъ внесеніямъ.

Такимъ образомъ и эта часть лексикона представляетъ довольно полный сборникъ иностранныхъ словъ, издавна получившихъ право гражданства въ нашей Ц. Славянской письменности.

Остается еще показать фонетическія особенности словъ, вошедшихъ въ составъ его, и ихъ объясненій, т. е., показать особенности языка Берынды сравнительно съ языкомъ словъ объясняемыхъ.

Разсматривая объясняемыя у Берынды слова съ фонетической стороны, находимъ въ нихъ слѣд. особенности, принадлежащія Старо-Славянскому нарѣчію:

a) Почти вездѣ правильное употребленіе глухихъ звуковъ, напр: кръвь, мръзость, мрътвый, врътоградъ, връста, съзръзацаніе, поувръзеніе, съвръщаю, възъ и т. д.

b) Отсутствіе полногласія,—которое господствуетъ въ объясненіяхъ Берынды, такъ напр. встрѣчаемъ: крава—корова, платно—полотно, вракъ—морокъ, славій—соловей, срамъ—соромъ, стремглавъ—стромголовъ и пр.

c) *Жд* всюду, гдѣ въ объясненіяхъ ж,—тужду—тужу, разсуждаю—разсужаю, рожденіе—роженье, межда—межа и пр.

Эти черты проходятъ по всему лексикону. Но кромѣ ихъ встрѣчаемъ еще слѣд. фонетическія особенности въ объясняемыхъ словахъ: *аа* въ именахъ и глаголахъ замѣняются Берындою, большею частію, въ *ая*: настоательство—настоятельство, піанивъ—піяница, зіаю—зіяю, изваанъ—изваянъ. Послѣ *р* въ окончаніи *ъ*, а не *ь*, какъ въ объясненіяхъ Берынды,—рыбаръ, златаръ (золотарь), пастыръ (пастухъ), ниваръ (селянинъ). Послѣ *з* часто встрѣчается *д* предъ *р*, напр. раздрушаю, раздрѣшенье.

Окончаніе *іе* Берында почти всюду измѣняетъ въ *ье*,—рожденіе—у него роженье, уничижденіе—уничиженье, коленіе—колѣнье.

Въ окончаніяхъ глаголовъ въ 1-мъ лицѣ на аю, вмѣсто гортанныхъ *г*, *к* встрѣчаются *з—ц*—достизаю, постизаю, присязаю (посягаю), мизаю (мигаю), приницаю.

Кромѣ того находимъ еще слѣдующія замѣчательныя въ этимологическомъ отношеніи формы: кто у Берынды—хто, наялъ—нанялъ, нинѣ—нынѣ, папа—попъ, пепелъ—попелъ, познѣ—позно, вашестранъ—съ вашей стороны, нашестранъ—съ нашей стороны, онъсица—оный, обонъ—полъ—на той и на сей сторонѣ, также: пекло, било, рекло, рало, обязало, черпало, почерпало и т. п.

Не входя въ разборъ языка и объясненій Берынды, сдѣлаемъ однакожъ въ заключеніе нѣкототыя касательно его замѣчанія. Прежде всего поражаетъ въ немъ удивительная смѣсь словъ изъ различныхъ языковъ: въ числѣ сослововъ встрѣчаемъ и слова чисто ц. Славянскія, которыя въ свою очередь часто входятъ и въ составъ объясняемыхъ, и Малорусскія, и Польскія, и собственно Русскія, и Латинскія, равно какъ и слова собственно Малороссійскія, но образовавшіяся по образцу словъ польскихъ. Иногда даже одно и тоже слово имѣетъ объясняющія слова изъ всѣхъ этихъ языковъ. Это рачительное явленіе смѣси Юго-западнаго Русскаго языка того времени, когда онъ, во дни возстанія уніи, подвергся различнымъ чужероднымъ наплываомъ, преимущественно польскимъ.

Обозрѣвъ составъ Лексикона Берынды, мы приходимъ къ тому заключенію, что

а) Этотъ лексиконъ есть, по преимуществу, сбор-

никъ словъ книжнаго языка, — словъ ц. Славянскихъ и иностранныхъ, освоившихся съ ц. Славянскими;

б) Что онъ есть сборникъ полнѣйшій предъидущихъ, совмѣщающій въ себѣ всѣ слова этого рода, находящіяся въ прежнихъ словаряхъ;

в) Что онъ представляетъ много древнихъ словъ ц. Славянскихъ (изъ которыхъ большая часть уже вошла въ Словарь Востокова, а другія представляютъ матеріалъ для дополненій его);

и г) Наконецъ въ немъ находимъ и энциклопедическія свѣдѣнія, заключающіяся въ прежнихъ словаряхъ, въ исправленномъ видѣ, сообразно со взглядомъ автора. Вотъ его достоинства и преимущества предъ прежними словарями.

К. Ширскій.

Разныя литературныя извѣстія, новости и замѣтки.

Грамматическія наблюденія и выводы изъ живаго языка и житейскаго быта.—Сочиненія И. С. Никитина.—Старо-Славянская Грамматика Колосова.—Чешская Грамматика Чеха. Шрамека.—Молодой филологъ В Шерцлъ.

— Грамматическія наблюденія и выводы изъ живаго языка и житейскаго быта.

Тезисъ: Русскій произноситъ—обрусѣніе, Полякъ произноситъ—обрушеніе, Нѣмецъ произноситъ—опрусѣніе. Съ грамматической точки зрѣнія всѣ трое справедливы: всѣ трое выражаютъ одну и ту же мысль.

Существительное отъ глагола дѣйствительнаго имѣетъ примѣтою *е*, а отъ глагола средняго—*ѣ*. Напр. русить—русеніе (дѣйствіе русящихъ), русѣть—русѣніе (состояніе русѣющихъ),—это видъ несовершенный. Что же касается вида совершеннаго, обусловливаемаго въ данномъ случаѣ приставкою предлога *о*, *об*, то въ существительномъ отглагольномъ звукъ *с*, предшествующій примѣтѣ дѣйствительной *е*, переходитъ въ *щ*; наприм. окрасить—окрашеніе, воскресить—воскрешеніе, обрусить—обрушеніе; обрусѣніе же есть отглагольное существительное отъ средняго залога, вида совершеннаго, обрусѣть. Далѣе: Едва ли въ какомъ другомъ языкѣ письмо и выговоръ болѣе не согласны между собою, какъ въ Русскомъ. Не только Нѣмецъ, но и каждый Русскій не произноситъ лобъ, а непремѣнно лопъ, не бобъ, а бопъ; потому нѣтъ ничего мудренаго, что Нѣмецъ вм. обрусѣніе выговариваетъ опрусѣніе. Отсюда явствуетъ, что, въ грамматическомъ отношеніи, вся разница въ произ-

водствѣ и выговорѣ одного и того же слова. Русскій производитъ отъ средняго глагола обрусѣть—обрусѣніе, Полякъ отъ дѣйствительнаго глагола обрусить—обрушеніе, Нѣмецъ отъ средняго глагола обрусѣть, но, вслѣдствіе особенности своего вокализма, произноситъ не обрусѣніе, а опрусѣніе.

Конечно, въ словахъ—обрушеніе, опрусѣніе—кроется двусмысліе, намекъ, особенно въ словѣ опрусѣніе; но если опрусѣніе остается въ предѣлахъ выговора, грамматики, не входитъ въ жизнь, практику, политику,—тогда для обрусѣнія, не предстоитъ опасности отъ опрусѣнія.

Разсматривая обрусѣніе, обрушеніе und опрусѣніе съ житейской точки зрѣнія, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Мы, Русскіе, очень хорошо дѣлаемъ, что производимъ обрусѣніе отъ средняго залога обрусѣть, и потому пишемъ это отглагольное существительное черезъ *ѣ*, а не черезъ *е* (какъ это предлагалъ какой-то невѣгласъ). Дѣйствія силъ внѣшнихъ, физическихъ, грубыхъ обозначаются по преимуществу глаголами залога дѣйствительнаго, напр. бѣлить, красить, штукатурить; дѣятельность же тихая, спокойная, миролюбпая, самодѣятельность—выражается глаголами залога средняго. Въ дѣлѣ обрусѣнія мы не красильщики и не бѣлильщики, не руссификаторы; Русь нечего русить; наши отношенія къ Западной Руси свои, родныя, но не чужія, какъ это видно у Нѣмцевъ по отношенію къ подвластнымъ имъ Славянскимъ областямъ; тамъ они, дѣйствительно, и бѣлятъ, и красятъ на нѣмецкій ладъ, т. е. нѣмечатъ. Наше, Русскихъ, дѣло—освободить Западную Русь отъ польско-латинскихъ наносовъ, ксендзо-панскихъ порядковъ подпольныхъ махинацій, очистить дорогу для свободнаго русѣнія, возвращенія на лоно отцовское многострадальнаго западно-русскаго народа, намъ роднаго и единокровнаго. Очищая, мы тѣмъ самымъ подкапываемъ подъ самый корень многовѣтвистое латино-польское древо, давно уже акклиматизированное на западно-русской почвѣ. Древу сему грозитъ не-

сомнѣнное обрушеніе; и слѣдов. Полякъ, произносящій это слово, во второй разъ правъ, хотя и желаетъ видѣть въ произносимомъ имъ словѣ остроуміе нѣкое (котораго, между нами сказать, нѣтъ, а есть только истина горькая!). Обрусѣніе и обрушеніе (теперь уже отъ глагола обрушить) другъ друга обусловливаютъ. Коренное и повсюдное обрушеніе польскихъ интригъ, затѣй, надеждъ будетъ сигналомъ, что для обрусѣнія (кореннаго и повсюднаго) настала минута.

Обрусѣніе въ жизни, въ практикѣ—вопросъ большой и черезчуръ длинный. О немъ мы могли говорить только въ предѣлахъ грамматики.

Извращенныя названія мѣстностей и фамилій представитъ намъ случай еще не разъ вернуться къ посредству исторической грамматики.

Петръ Гильтебрандъ.

Вильна.
Январь, 1869 г.

—

—Въ Воронежѣ вышло въ свѣтъ изданіе «Сочиненій И. С. Никитина, Воронежскаго поэта, съ его портретомъ, видомъ надгробнаго памятника, facsimile и біографіей», въ 2-хъ томахъ, заключающихъ въ себѣ 60 печатныхъ листовъ въ 8°, 556—386 стр. Стихотвореній Никитина давно уже нѣтъ въ продажѣ и давно чувствовалась потребность въ полномъ собраніи его сочиненій. Теперь въ настоящемъ изданіи собрано почти все, что Никитинъ написалъ въ продолженіе своей жизни, что было извѣстно въ печати и что оставалось неизданнымъ изъ его теплой, задушевной и симпатичной поэзіи. Впрочемъ недостаетъ еще нѣкоторыхъ изъ его стихотвореній: нѣтъ переписки съ нѣкоторыми изъ его друзей, также три изъ его стихотвореній—«Опять знакомыя видѣнья,» «Теперь мы вышли на дорогу,» и «На пепелищѣ,»—по обстоятельствамъ, не вошли въ изданіе. Въ настоящее изданіе вошло всего 146

мелкихъ стихотвореній и большихъ піесъ, а именно: въ I томѣ помѣщены стихотворенія въ хронологическомъ порядкѣ до 1847 г. и большая поэма «Кулакъ», первая, неизданная редакція, самое капитальное произведеніе Никитина—съ примѣчаніями къ нимъ и варіантами; во II томѣ —всѣ мелкія стихотворенія, написанныя имъ въ 1857—1861 годахъ, большія піесы—поэма «Кулакъ», печатная редакція, «Поѣздка на хуторъ», «Тарасъ» и «Дневникъ Семинариста», также съ примѣчаніями и варіантами. Къ изданію приложена прекрасная, обширная біографія, въ 7 главахъ, составленная М. Ѳ. Де-Пуле, душеприкащикомъ Никитина, прекрасно и живо обрисовывающая личность Никитина, его образъ мыслей, грустное настроеніе и положеніе въ жизни и обществѣ,—личность, которая невольно вызываетъ къ себѣ симпатію. Покойный поэтъ отъ настоящаго (1-го послѣ его смерти) изданія сочиненій все, что будетъ выручено (за издержками), завѣщалъ въ пользу Воронежской женской гимназіи, въ учрежденіи которой онъ принималъ горячее участіе. Дальнѣйшія изданія завѣщаны имъ въ пользу бѣдныхъ и неимущихъ. Исполненіе воли покойнаго съ этою благотворительною цѣлью принялъ на себя въ настоящемъ изданіи Воронежскій почетный гражданинъ А. Р. Михайловъ.

«Сочиненія Никитина», какъ одного изъ самыхъ симпатичныхъ и популярныхъ поэтовъ 50-хъ годовъ, еще слишкомъ мало оцѣненнаго нашей критикой, но хорошо знакомаго всему читающему люду, вообще требуютъ всесторонняго, безпристрастнаго разсмотрѣнія. Предлагая пока читателямъ нашимъ эту краткую замѣтку о нашемъ воронежскомъ изданіи, мы въ слѣдующей книжкѣ надѣемся помѣстить статью о содержаніи и характерѣ поэзіи Никитина. Прежде всего—это изданіе наше, Воронежское во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ Никитинъ родился, воспитывался, развивался и работалъ въ Воронежѣ; въ содержаніе его поэзіи—легла Воронежская жизнь и природа, и только въ

сферѣ этой жизни и природы онъ былъ самобытнымъ, сильнымъ и замѣчательнымъ поэтомъ. Въ настоящемъ изданіи приняли самое горячее участіе друзья Никитина, особенно ближайшій его другъ и душеприкащикъ М. Ѳ. Д-Пуле, хорошо извѣстный своею литературною дѣятельностію; ему по преимуществу принадлежитъ весь редакціонной трудъ по собранію и приведенію въ хронологическій порядокъ изданныхъ и неизданныхъ произведеній поэта. Примѣчанія, которыми снабжено, изданіе, принадлежатъ другу поэта, Н. П. Курбатову, одному изъ членовъ никитинскаго кружка; издатель книги—также одно изъ приближенныхъ къ Никитину лицъ. Самое изданіе печаталось подъ редакціей «Филологическихъ Записокъ.» Что касается до внѣшности изданія, оно, по изящности и чистотѣ типографской стороны, не уступитъ любому столичному изданію.

До сихъ поръ было два изданія стихотвореній Никитина, изъ которыхъ ни въ одно не вошли ни «Кулакъ», ни «Дневникъ семинариста», ни другія большія піесы, и многія мелкія стихотворенія, преимущественно 1859 —60—61 годовъ, т. е. лучшія, наиболѣе зрѣлыя изъ его произведеній. Первое изданіе, графа Д. Н. Толстаго, было выпущено въ 1856 году съ предисловіемъ издателя, который указываетъ на красоту описаній окружающей поэта природы и окружающаго его быта и на глубокую грусть, которая слышна въ его звукахъ, вызванную грустными явленіями жизни, пороками, неправдою, бѣдностью, какъ на характеристическія черты поэзіи Никитина; въ это изданіе не вошло и десятой доли тѣхъ піесъ, которыя высказали всю своеобразность и силу поэтическаго дарованія Никитина; но нельзя не согласиться, что издатель и по этимъ даннымъ—умѣлъ угадать характеристическія черты Никитинской поэзіи. Во второмъ изданіи, вышедшемъ въ 1869 году, мы видимъ уже совсѣмъ другаго Никитина, читаемъ такія стихотворенія, какъ «Гнѣздо ласточки», «Сплетня»,

«Дѣтство веселое», «Пѣсня бобыля», «Нищій», «Пахарь», «Соха», «Старый слуга», «Ѣхалъ съ ярмарки ухарь—купецъ», «Мертвое тѣло», въ которыхъ проявляется самостоятельная сила, пробивается ярко и смѣло новое слово, новые звуки, новые образы. Поэма «Кулакъ» въ 1858 году была издана отдѣльно: изданіе разошлось быстро, но поэма прошла «незамѣченная нашею критикой», да и въ обществѣ не возбудила того восторга, который вызывали многія изъ мелкихъ стихотвореній Никитина, хотя, безъ сомнѣнія, это лучшее его произведеніе, въ которомъ онъ явился совершенно самостоятельнымъ поэтомъ, именно тѣмъ реальнымъ художникомъ, который соотвѣтствовалъ потребностямъ времени, сближалъ искусство съ жизнью, не унижая и не профанируя его. Все, что не вошло въ названныя нами изданія и написано Никитинымъ въ самый зрѣлый періодъ его дѣятельности, разбросано по періодическимъ изданіямъ, многое хранилось въ рукописяхъ у его друзей,—и наша читающая публика едва-ли имѣла возможность составить полное и цѣльное представленіе о поэтической физіономіи Никитина. Новое изданіе дастъ ей эту возможность —тѣмъ болѣе, что при немъ есть полная біографія поэта, которая служитъ превосходнымъ объясненіемъ къ содержанію и характеру его поэзіи. Читая эту біографію, въ которой попадаются часто—и письма поэта, и живыя сцены изъ его жизни, и характеристики людей того кружка, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ, читая—говоримъ мы, эту біографію параллельно съ сочиненіями Никитина, легко и наглядно можно слѣдить за постепеннымъ ростомъ человѣка и поэта: натура своеобразная, сильная, закаленная, но въ то же время и поломанная жизнью, шагъ за шагомъ складывается въ цѣльный, могучій характеръ,—и передъ глазами читателя, какъ изъ тумана, постепенно вырѣзывается оригинальный образъ, въ которомъ сплотились во-едино черты богатаго поэтическаго духа, дѣльнаго, смышленаго, нѣсколько огрубѣлаго дворника и глубоко-гуманной, болящей и ноющей, скорбящей и плачущей, человѣческой личности. При

чтеніи піесъ совершенно зрѣлаго періода дѣятельности, передъ читателемъ стоитъ уже вполнѣ отчетливый, яркій и могучій образъ поэта—Никитина, пѣвца нищеты, подъ лохмотьями отъискивающаго человѣческую личность, бойца за право человѣка, какъ человѣка, независимо отъ его суровой доли, горячо воскицающаго:

«Бѣдность голодная, грязью покрытая,
«Бѣдность несмѣлая, бѣдность забитая,
«Днемъ она гибнетъ, и въ полночь и за-полночь,
«Гибнетъ она—и никто нейдетъ ей на-помочь;
«Гибнетъ она—и опоры нѣтъ волоса,
«Теплаго сердца, знакомаго голоса...
«Горькій полынь—эта пѣснь невеселая,
«Пѣснь невеселая, правда тяжелая!
«Кто здѣсь узнаетъ кручину свою?
«Эту я пѣсню про бѣдность пою.»

Вообще многія піесы невольно вызываютъ изъ души грусть и слезы, какъ и самъ поэтъ грустилъ и плакалъ надъ ними, какъ напр. въ піесахъ «Портной», «Дневникъ Семинариста,» и «Кулакъ.»

Чтобы ближе познакомить нашихъ читателей съ грустною, но сильною поэтическою натурою Никитина, съ его воспитаніемъ, обстановкой и образомъ жизни, мы, съ согласія издателя, признали за лучшее привести здѣсь три главы изъ его біографіи.

—Въ Одессѣ вышла «Старо-Славянская Грамматика,» учебникъ для Гимназіи, состав. М. Колосовымъ, 1868 г. Важность изученія Старо-Славянскаго языка, въ настоящее время, признана всѣми. Значеніе его какъ въ фонетическомъ, такъ и въ логическомъ отношеніи громадно и, можно сказать, что Старо-Славянской языкъ своими строго-логическими фонетическими и коренными законами доставляетъ для развитія учащихся такое же образовательное начало, какое до-

ставяютъ классическіе языки. Многія непонятныя формы въ современномъ нашемъ живомъ языкѣ объясняются именно изъ строя и формъ Ст.-Слав. языка. Такъ какъ вся этимологія языка коренится на звуковыхъ его началахъ, то авторъ, какъ видно, съ особеннымъ стараніемъ изложилъ фонетику, съ большою полнотою и наглядностію, обогатилъ ее примѣрами и для сравненія формъ современнаго языка съ Ст.-Славянскимъ сопоставилъ гдѣ нужно, факты того и другаго.

Въ началѣ учебника для наглядности представлено родословное древо Славянскихъ, индоевропейскихъ языковъ, но, къ сожолѣнію, въ сжатомъ видѣ и не полномъ. Для этого слѣдовало бы воспользоваться указаніями Шлейхера и г. Гильфердинга.

Особенно довольно полно изслѣдованіе о гласныхъ звукахъ—широкихъ, узкихъ іотированныхъ, глухихъ, особенно о юсахъ и разложеніи ихъ изложено подробно и просто—также переходы—возвышеніе и пониженіе гласныхъ, о придыханіяхъ, раздѣленіе согласныхъ звучныхъ и отзвучныхъ, смягченіе ихъ и пр. и пр. все это на примѣрахъ представлено довольно наглядно.

Въ словообразованіи разсматривается корень слова, тема, суффиксы и флексіи. О второй и третьей части слова (тема и суффиксъ) желательно было бы видѣть болѣе подробное изложеніе, такъ какъ эти вопросы у насъ менѣе всего разработаны въ грамматикахъ. Въ склоненіяхъ и спряженіяхъ есть много удачныхъ выводовъ и объясненій; замѣтимъ только одно: во временахъ слѣдовало бы аористъ замѣнить словомъ—прошедшее неопредѣленное, потому что въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, напр. въ Воен. Гимназіяхъ въ которыхъ ни Греч. ни Лат. языки не преподаются, слово аористъ становится непонятнымъ.

Изъ Синтаксиса, въ видѣ прибавленія, взяты только главнѣйшія особенности.

Вообще учебникъ г. Колосова, въ сжатомъ, но общедоступномъ своемъ изложеніи, съ пользою и въ достаточной мѣрѣ можетъ ознакомить ученика гимназіи съ Ст.-Славянскимъ языкомъ. Въ Одесскомъ Учебномъ Округѣ учебникъ этотъ принятъ въ руководство по гимназіямъ.

—Вышла въ свѣтъ «Чешская Грамматика.» Сост. Чехъ Ив. Шрамекъ. С.ПБ. 1868. г. Въ настоящее время, когда пробудилась идея единенія съ нами Славянъ, когда западные Славяне горячо и съ любовію стали изучать нашъ Русскій языкъ, явилась настоятельная потребность и у насъ въ изученіи Славянскихъ нарѣчій и богатой литературы. Съ этою цѣлію г. Шрамекъ издалъ и для насъ свою элементарную грамматику для изученія богатаго, пѣвчуаго и обработаннаго Чешскаго языка.

Грамматика г. Шрамека заключаетъ въ себѣ одну этимологію; расположена въ общепринятой системѣ частей рѣчи и снабжена многими объясненіями относительно измѣненія формъ Чешскаго языка,—произношенія и вставки буквъ. Жаль только, что недостаетъ подробнаго объясненія свойственнаго Чешскому языку выговора буквъ, носящихъ на себѣ надстрочные знаки, а это необходимо было бы для насъ Русскихъ прежде всего. Правильное чтеніе очень важно, а незнаніе предварительныхъ условій произношенія безъ обстоятельнаго указанія, безъ помощи учителя, оно будетъ затруднять и сбивать въ нѣкоторыхъ формахъ тѣхъ, кто захотѣлъ бы изучать Чешскій языкъ самъ по себѣ. Не смотря на это грамматика г. Шрамека представляетъ достаточное и подробное изложеніе формъ языка для того, чтобы ознакомиться съ ними и пріобрѣсти возможность читать и понимать произведенія Чешской литературы.

Позволяемъ себѣ выразить одно желаніе, чтобы г. Шрамекъ при слѣдующемъ изданіи своей грамматики присовокупилъ къ ней нѣсколько образцовъ языка и хо-

тя коротенькій Чешскій словарь такихъ словъ, которыя въ звуковомъ отношеніи и въ значеніи рѣзко расходятся съ нашимъ языкомъ. Запасъ такихъ словъ болѣе всего нуженъ каждому.

Словарей для Славянскихъ нарѣчій мы еще вовсе не имѣемъ. Знаемъ только, что въ скоромъ времени появится въ свѣтъ обширный Словарь «Сербско-Русскаго языка,» составленный знатокомъ Слав. нарѣчій, энергичнымъ и неутомимымъ труженикомъ науки, Проф. П. А. Лавровскимъ. Отъ души заранѣе привѣтствуетъ этотъ капитальный трудъ, надъ которымъ авторъ трудился нѣсколько лѣтъ.

—Какъ на замѣчательный фактъ, съ какою любовію посвящаютъ себя молодые люди наукѣ филологіи, и какихъ достигаютъ блистательныхъ успѣховъ, считаемъ пріятнымъ сообщить извѣстіе о замѣчательномъ молодомъ филологѣ. «9-го Мая, въ С. Петербургскомъ Университетѣ, по словамъ «Голоса,» происходило защищеніе диссертаціи на степень магистра Санскритской словесности, кандидатомъ В. Шерцломъ. Это защищеніе, не смотря на спеціальность предмета диссертаціи, представленной магистрантомъ («Личныя мѣстоименія въ Санскритскомъ языкѣ и сродныя формы»), представляло необыкновенный интересъ какъ по своему ходу, такъ и по самой личности магистранта. Г. Шерцлъ представляетъ собою рѣдкое явленіе: громадныя филологическія познанія его напоминаютъ кардинала Меццофанти и полу-баснословнаго Шаде-ла-Мирандола. Онъ говоритъ на множествѣ языковъ и въ томъ числѣ на языккахъ мало кому въ Европѣ извѣстныхъ — Малайскомъ, Готтентотскомъ, древне-Мексиканскомъ и пр. Санскритскимъ и Зендскимъ языками онъ владѣетъ, какъ своимъ природнымъ, и до всей этой невѣроятной филологической премудрости онъ дошелъ «кабинетнымъ трудомъ». Два года назадъ, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга Славянъ, явился сюда молодой чехъ, въ которомъ принималъ горячее участіе докторъ Ригеръ, и

который пріѣхалъ въ Россію изъ Лондона, гдѣ былъ предметомъ восторженныхъ овацій тамошнихъ филологовъ. Этотъ молодой чехъ былъ г. В. Шерцлъ. Онъ родился въ Прагѣ въ 1843 году: слѣдовательно, во время пріѣзда его въ Россію ему было всего 24 года. Въ эту эпоху онъ уже пользовался большою извѣстностью между иностранными филологами. Г. Шерцлъ воспитывался въ Пражскомъ университетѣ и, по окончаніи курса, отправился во Францію и въ Англію. Въ Англіи онъ пробылъ годъ, занимаясь въ Британскомъ музеѣ (Britisch Museum) составленіемъ всеобщаго каталога сочиненій, относящихся до художествъ, какъ на европейскихъ, такъ и на азіатскихъ языкахъ. 30-го мая 1867 г. онъ прибылъ въ Петербургъ, чтобы поселиться въ Россіи и посвятить ей свои необыкновенныя способности и свою громадную эрудицію. Въ то время онъ уже зналъ Русскій языкъ, но говорилъ на немъ не совсѣмъ чисто и правильно. Г. Шерцлъ пріѣхалъ въ Россію безъ всякихъ средствъ, но въ Петербургѣ нашелся одинъ добрый русскій человѣкъ, который, принялъ его въ свое семейство, гдѣ молодой славянинъ-филологъ снискалъ себѣ общее уваженіе и любовь. Выдержавъ блистательно кандидатскій экзаменъ въ здѣшнемъ университетѣ и удививъ весь Филологическій факультетъ своимъ невѣроятнымъ языкознаніемъ, онъ побывалъ въ Лондонѣ, возвратился оттуда съ молодою супругою и, обезпеченный нѣсколько въ средствахъ къ жизни, заботливостью г-на Министра Народнаго Просвѣщенія и бывшаго Попечителя здѣшняго округа, И. Д. Делянова, исходатайствовавшихъ ему денежное вспомоществованіе, принялся за составленіе своей магистерской диссертаціи.

Защищеніе этой диссертаціи было полнѣйшимъ торжествомъ для г. Шерцла. Его офиціальные опоненты не столько возражали ему, сколько бесѣдовали съ молодымъ ученымъ, и всѣ какъ бы преклонялись передъ его эрудиціею. Каждый изъ нихъ начиналъ свои возраженія горячимъ панегирикомъ диссертаціи и самому магистранту и заявлялъ, что возражаетъ только по обязанности.

Шерцлъ отвѣчалъ блистательно на всѣ возраженія, изъ которыхъ одно было въ высшей степени лестно для него, потому что опонентъ нападалъ на спеціальность избраннаго предмета и сожалѣлъ, что магистрантъ, при его огромныхъ способностяхъ и эрудиціи, не представилъ сочиненія, которое не только доказывало бы его знаніе но и обогатило бы филологическую литературу новымъ ученымъ самостоятельнымъ трудомъ... Болѣе громкаго признанія той цѣны, которую придаетъ опонентъ г. Шерцлу, трудно и придумать.

Послѣ двухчасовой «ученой бесѣды»—иначе и не называютъ этотъ диспутъ—г. Шерцлъ былъ провозглашенъ, безъ всякихъ преній, магистромъ при громкихъ рукоплесканіяхъ присутствовавшихъ. Отъ души поздравляемъ молодаго ученаго славянина и желаемъ, чтобы онъ всегда на предстоящей ученой карьерѣ оставался при тѣхъ же взглядахъ на Россію, которые одушевляли его, когда онъ сказалъ: «Славянинъ родомъ, я не могу, не хочу считать себя чужеземцомъ въ Россіи.»

БІОГРАФІЯ НИКИТИНА.

ИВАНЪ САВИЧЪ НИКИТИНЪ. *)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Родители Никитина.—Дѣтство и юность.—Семинарское образованіе.—Вліяніе литературы.—Смерть матери.—Отецъ.—Безвыходное положеніе.—Постоялый дворъ.—Литературныя занятія.—Сношенія съ редакціей «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».—Письмо Никитина къ редактору.

Жизнь Никитина представляетъ во всякомъ случаѣ замѣчательное явленіе. Обязанный своею извѣстностію стихотворенію «Р у с ь», появившемуся въ самый разгаръ Крымской войны и поставившему его имя рядомъ съ именемъ Кольцова, его одноземца, Никитинъ потомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, до 1857 или даже 1858 г., утратилъ часть этой извѣстности и возбужденныхъ къ нему симпатій: въ мѣщанинѣ-Никитинѣ не нашли втораго Кольцова, воронежскаго мѣщанина и поэта; послѣдовало разочарованіе, слѣдствіемъ котораго было то, что въ Никитинѣ нѣкоторые даже не хотѣли признать поэта. Въ послѣдніе четыре года своей жизни, рядомъ произведеній, даровитость которыхъ не подверглась уже ни чьему сомнѣнію, Ни-

*) Первыя пять и VII-я главы напечатаны, нѣсколько въ иномъ видѣ, въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1867 г. (См. №№ 9, 11, 12, 18, 19, 24, 29, 31, 32, 75—81, 83, 86—88, 90).

китинъ снова возбуждаетъ къ себѣ горячія симпатіи и сходитъ въ могилу, сопровождаемый искреннимъ сожалѣніемъ современной литературы. Но, кромѣ интереса литературнаго, жизнь Никитина представляетъ другое любопытное явленіе: Никитинъ былъ вполнѣ сыномъ своего времени, своей родины и среды, отъ которыхъ онъ никогда не отрывался.

Иванъ Савичъ Никитинъ родился въ Воронежѣ 21-го Сентября 1824 года, въ Субботу утромъ. Отецъ его Савва Евтѣевичъ (Евтихіевичъ) происходилъ изъ духовнаго званія и прозывался Кириловымъ; эту родовую фамилію онъ перемѣнилъ на Никитина уже по исключеніи его изъ духовнаго званія, изъ котораго онъ вышелъ по причинамъ, намъ неизвѣстнымъ. Мать Ивана Савича, Прасковья Ивановна, происходила изъ воронежскихъ мѣщанъ, въ сословіе которыхъ записался и Савва Евтѣичъ, по выходѣ своемъ изъ духовнаго званія. Они имѣли свой домъ близъ церкви Нерукотвореннаго Спаса, въ той части Воронежа, которая расположена на высокихъ горахъ, тянущихся по правому берегу соименной городу рѣки; видъ не только съ этихъ горъ, но съ каждой улицы, изъ каждаго дома, если только онъ смотритъ на рѣку, очаровательный. Въ этомъ домѣ родился у Никитиныхъ единственный сынъ,—нашъ поэтъ, который никогда не могъ проходить равнодушно по маленькимъ и узкимъ улицамъ, идущимъ отъ Митрофановскаго монастыря къ Ильинской и Спасской церквамъ. Эта часть Воронежа очень хороша и много напоминаетъ Москву, съ тою, однако же, разницею, что она какъ-бы ныряетъ въ живописныхъ горахъ и съ трехъ сторонъ обставлена великолѣпнѣйшей зарѣч-

ной панорамой, имѣя съ четвертой, западной, городской, также въ московскомъ вкусѣ картину— Митрофановскій монастырь съ его высокими башнями, громадной колокольней и ярко сіяющими золотыми главами. Въ такой мѣстности, средней между городской и деревенской, возрасталъ будущій нашъ поэтъ. Родители Никитина, не смотря на свое мѣщанское званіе, жили очень хорошо; домъ ихъ былъ полной чашей: всего вдоволь; было чѣмъ принять и угостить знакомыхъ, которыхъ у нихъ было очень много, такъ-какъ Савва Евтѣичъ былъ лицомъ замѣтнымъ въ городѣ. Онъ имѣлъ свой свѣчной заводъ (восковыхъ свѣчъ) и свою лавку подъ Смоленскимъ соборомъ, на самомъ бойкомъ торговомъ мѣстѣ. Громадный притокъ богомольцевъ значительно въ то время (это было въ 30-хъ годахъ) оживлялъ въ Воронежѣ торговлю восковыми свѣчами; но Никитинъ не довольствовался одной городской продажей: значительныя партіи свѣчъ онъ разсылалъ съ своими прикащиками по донскимъ и украинскимъ ярмаркамъ; торговые обороты его простирались не менѣе, какъ на сто тысячъ руб. асс. Но, кромѣ состоянія, вездѣ дающаго право на почетъ, Савва Евтѣичъ и по личнымъ своимъ качествамъ былъ выше окружающей его среды. Это былъ человѣкъ замѣчательно умный и относительно образованный. Мы познакомились съ нимъ довольно поздно, въ печальную пору его болѣзненнаго состоянія. Но когда онъ бывалъ здоровъ, пріятно было послушать его оригинальную рѣчь. Онъ любилъ читать книги религіознаго содержанія, имѣлъ свою маленькую библіотеку и зналъ хорошо нашихъ старинныхъ писателей до Пушкина. Онъ былъ небольшаго роста, коренастый, съ страшною си-

лой, которою онъ наводилъ ужасъ на кулачныхъ бояхъ, являясь всегда первымъ предводителемъ городской молодежи въ борьбѣ съ Чижовцами и Придаченцами. *) Не имѣющему понятія о кулачныхъ бояхъ, еще процвѣтавшихъ въ 30-хъ годахъ, трудно представить себѣ теперь, что въ этой грубой, по-видимому, потѣхѣ было что-нибудь увлекательное и молодецки-удалое; а на самомъ дѣлѣ это было, и мы еще хорошо помнимъ, съ какимъ наслажденіемъ, бывало, летѣла на кулачный бой, «побиться, подраться, порататься» даже молодежь, принадлежащая къ среднему сословію! Ловкій торговецъ, атлетъ-боецъ, умный, начитанный человѣкъ, Савва Евтѣичъ пользовался значительнымъ вліяніемъ въ окружающемъ его обществѣ. Надобно думать, что этими качествами онъ заслужилъ и любовь Прасковьи Ивановны, которую онъ очень любилъ и смерть которой горько оплакивалъ. Но эти хорошія качества соединялись въ немъ съ характеромъ крутымъ и до высшей степени самовластнымъ. Прасковья Ивановна Никитина составляла совершенный контрастъ съ своимъ мужемъ: это было существо кроткое, любящее и безотвѣтное. Одинокимъ росъ въ домѣ своихъ родителей Иванъ Савичъ. Единственною подругою его дѣтскихъ игръ была двоюродная сестра Аннушка, дочь его тетки Тюриной, бѣдной женщины, жившей съ Никитиными по сосѣдству. Лицомъ Никитинъ былъ живой портретъ своей матери, бойкостію и даровитостію походилъ на отца. Ребенкомъ онъ былъ очень живъ и рѣзвъ, и поэтому часто ссорился съ своею подругой; но съ годами эта рѣзвость стала замѣняться въ немъ преждевременною серьёзностію и какъ бы сосредото-

*) Чижовка и Придача—пригородныя слободы Воронежа.

ченностію. Первымъ учителемъ Никитина былъ сапожникъ, научившій его грамотѣ; первыми прочтенными книгами: «Мальчикъ у ручья», Коцебу и «Луиза или Подземелье Ліонскаго замка», Радклифъ. Въ 1832 году, *) когда мальчику было восемь лѣтъ, отецъ отдалъ его въ Духовное училище. Выборъ училища объясняется какъ происхожденіемъ Саввы Евтѣича, такъ, несомнѣнно, и вліяніемъ на него духовенства, среди котораго онъ имѣлъ очень многихъ знакомыхъ, благодаря, конечно, его уму, нѣкоторому образованію и роду его занятій. Школьная жизнь не подѣйствовала на мальчика благотворно; онъ учился отлично, но задумчивость и сосредоточенность росли въ немъ не по лѣтамъ. Оставлены были преждевременно дѣтскія игры съ Аннушкой; мѣсто ихъ замѣнили: рисованіе, чтеніе и голуби. Отецъ любилъ сына, радовался его успѣхамъ и иначе не звалъ его, какъ Иваномъ Савичемъ, но содержалъ очень строго; мать любила его съ особенною нѣжностью. По окончаніи курса Духовнаго училища, Иванъ Савичъ поступилъ въ Воронежскую Семинарію; это было въ 1841-мъ году. Давая сыну систематическое образованіе, Никитинъ готовилъ его къ университету, надѣясь видѣть въ немъ со временемъ лѣкаря. Учился онъ въ Семинаріи такъ же хорошо, какъ и въ Духовномъ училищѣ; но особенно блестящіе успѣхи оказалъ въ словесности, въ составленіи разныхъ задачекъ. Въ Семинаріи же онъ написалъ первое свое стихотворе-

*) Первыя біографическія свѣдѣнія о Никитинѣ были напечатаны въ «Отеч. Зап.» 1854 г. въ 6 №, въ отдѣлѣ Новости Литературы и проч. Статья эта принадлежитъ А. П. Пордштейну. Приводимые въ ней факты нѣсколько разнятся отъ нашихъ (какъ напр. годъ рожденія); но наши вѣрнѣе, потому что были не разъ провѣрены, послѣ смерти поэта, со словъ его отца и двоюродной сестры.

ніе и показалъ его профессору Словесности Чехову; профессоръ похвалилъ и совѣтовалъ продолжать. Между отцомъ и сыномъ продолжали существовать самыя добрыя отношенія; но все говорило, что они не надолго останутся такими. Торговыя дѣла Саввы Евтѣича стали хромать. До сихъ поръ свободная торговля восковыми свѣчами мало-по-малу начала принимать характеръ монополіи; прикащики, ѣздившіе по ярмаркамъ, начали его обкрадывать, кредиторы не платить долговъ. Неудачи эти раздражали его характеръ, и безъ того крутой; семейный миръ, поддерживаемый любящей и безотвѣтной женой, былъ нарушенъ; преодолѣть горе и неудачи не достало нравственнаго мужества, и вотъ Никитинъ-отецъ сталъ прибѣгать къ обычному несчастному утѣшенію русскаго человѣка,—къ чаркѣ. Такая перемѣна жизни прежде всего и самымъ ужаснымъ образомъ отразилась на Прасковьѣ Ивановнѣ: бѣдная женщина не вынесла капризовъ и безобразій мужа и начала пить. Она страдала этимъ недугомъ три года, до самой своей смерти. Эти семейныя обстоятельства не могли остаться безъ вліянія на юнаго семинариста; они дѣйствовали на него глубоко и, такъ сказать, загоняли его внутрь себя. Никитинъ семинаристъ былъ очень красивый юноша, съ изящными, до извѣстной степени, манерами и большой франтъ. Онъ былъ средняго роста и, подобно отцу, атлетическаго сложенія. Онъ имѣлъ смуглое, сухощавое лицо, лучшимъ украшеніемъ котораго были большіе черные глаза, съ тѣмъ привлекательнымъ глубокимъ взоромъ, который только и встрѣчается у людей даровитыхъ. Молодой семинаристъ былъ молчаливымъ гостемъ въ своемъ домѣ. Приготовленіе уроковъ, чтеніе книгъ, игра на гусляхъ

и гитарѣ были его обычными домашними занятіями. Рѣдко онъ выходилъ изъ дома, развѣ для прогулокъ и на охоту съ ружьёмъ по окрестностямъ Воронежа. Товарищей, друзей юности, у него не было, какъ не было друзей дѣтства, кромѣ Аннушки. Ни самъ онъ никуда не ходилъ, ни къ себѣ никого не приглашалъ изъ товарищей-семинаристовъ. Отецъ по-прежнему былъ имъ доволенъ, и до нѣкоторой степени даже имъ гордился. Молчаливый и сосредоточенный, молодой Никитинъ сталъ менѣе откровененъ даже съ тѣми, съ которыми онъ прежде былъ близокъ, такъ что осталось тайной—освѣтилась ли ранняя его юность любовію къ женщинѣ, или же прошла она, совсѣмъ не испытавъ этого чувства. Какъ бы то ни было, но юность его прошла безъ разсвѣта, безъ яркой утренней зари, предвѣстницы роскошнаго лѣтняго дня; на эту безразсвѣтную жизнь часто и горько жалуется Никитинъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Сложившаяся такимъ образомъ жизнь уже имѣла сама въ себѣ источникъ будущихъ страданій: молодой человѣкъ развивался на счетъ одного ума; сердце черствѣло и замыкалось. А между тѣмъ, на сколько мы знали Никитина потомъ, натура его была очень многосторонняя: это была не бездушная тряпичная натура, не знакомая ни съ какою страстью; страсть свѣтилась въ его большихъ глазахъ, которые очень часто возгорались ея пламенемъ. Но не смотря на это, все-таки чувствовалось, что по натурѣ, по душѣ Никитина прошла когда-то сильная струя холода, оставившая въ ней на всю жизнь неизгладимый слѣдъ; она была постоянной помѣхой, по которой вспыхивающая въ душѣ его страсть никогда не разгоралась пламенемъ общаго пожара.

Причины этого явленія, этой преждевременно развившейся рефлексіи, могли лежать и въ самой его натурѣ; но главнѣйшимъ образомъ, онѣ развились подъ вліяніемъ домашняго и школьнаго воспитанія. Въ то время, т. е. въ 1841 году, когда Никитинъ поступилъ въ Воронежскую Духовную Семинарію, это учебное заведеніе, которое онъ всегда не любилъ, не могло похвалиться хорошимъ составомъ преподавателей: не было ни одного, который бы имѣлъ такое вліяніе на молодежь, какое имѣлъ нѣкогда Ставровъ на Серебрянскаго и его товарищей въ 30-хъ годахъ. Но семинарія еще была полна воспоминаніями о Серебрянскомъ; Кольцовъ, умершій въ 1842 году, былъ еще живымъ напоминаніемъ о преждевременно погибшемъ юношѣ, возбуждавшемъ восторгъ въ семинарской молодежи; огненныя статьи Бѣлинскаго, такъ близкаго къ Кольцову, читались съ жаромъ и чуть не заучивались наизусть; самое семинарское образованіе, какъ ни плохо оно было въ то время, по своему отвлеченному направленію, способствовало къ развитію въ молодой даровитой натурѣ духа пытливости и рефлексіи;—однимъ словомъ, пребываніе въ Семинаріи, совпадающее съ умственнымъ движеніемъ тогдашняго времени, имѣло на Никитина громадное вліяніе. Это умственное движеніе, какъ извѣстно, произведено было Бѣлинскимъ.

Въ біографическомъ очеркѣ Никитина было бы неумѣстно распространяться о Бѣлинскомъ; но мы не можемъ пройти о немъ молчаніемъ, потому что герой нашего разсказа былъ одинъ изъ многочисленнѣйшихъ его питомцевъ. Почти двадцать лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ Бѣлинскаго, но безпристрастной оцѣнки его литературной дѣятельности еще ни-

кѣмъ не сдѣлано. Относиться къ нему исторически мы еще никакъ не можемъ: и теперь еще то восторгаются имъ, то чуть не бранять его. Бѣлинскаго считають родоначальникомъ западниковъ, основателемъ отрицательнаго направленія въ нашей литературѣ и жизни; это не совсѣмъ вѣрно. Западники были у насъ и до Петра Великаго; западникомъ былъ самъ Петръ, Ломоносовъ, Карамзинъ и даже Пушкинъ. Самое глубокое отрицаніе темныхъ сторонъ нашей жизни внесли въ литературу не только эти лица, но такія, которыхъ никакъ нельзя упрекнуть въ нелюбви ко всему русскому, каковы: Екатерина II, Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ, этотъ истинный основатель такъ называемаго «славянофильскаго направленія,» и Гоголь; отрицаніе темныхъ, вредящихъ естественному развитію народа, сторонъ нашей современной жизни легло и въ основаніе ученія славянофиловъ; ибо позитивизмъ, равносильный глубочайшему застою и неподвижности, восторгающейся ими по разнымъ побужденіямъ, только и могъ найти себѣ убѣжище въ «Сѣверной Пчелѣ» Булгарина и въ «Маякѣ» Бурачка. Стало быть, люди, пережившіе внѣшній европеизмъ, вполнѣ просвѣщенные и истинно Русскіе, не имѣютъ никакого права враждебно относиться къ Бѣлинскому. Передъ эпохой появленія Бѣлинскаго въ нашей общественной атмосферѣ было такъ тяжело и душно, что истинно удивляешься, чѣмъ дышалъ тогда мыслящій Русскій человѣкъ, и не удивляешься, что отъ ума было ему горе. Чтобы освѣжить воздухъ, понадобились новые идеалы, потребовалось, выражаясь словами Тургенева, сожженіе того, чему поклонялись: понадобилось отрицаніе пошлой жизни, могучимъ вырази-

телемъ которой былъ собственно не Бѣлинскій, а Гоголь. Отрицая свое, но только негодное, Бѣлинскій указывалъ на европейскіе или, какъ онъ любилъ выражаться, на общечеловѣческіе, не всегда пригодные для насъ идеалы,—это правда; но посмотрите, какимъ превосходнымъ орудіемъ онъ дѣйствовалъ! Стремленіе къ идеалу онъ проводилъ путемъ эстетическаго, глубоко-жизненнаго воспитанія, путемъ благоговѣйнаго уваженія къ наукѣ, знанію, путемъ, наконецъ, самаго внутренняго, культурнаго, такъ сказать, гуманизма, недостаткомъ котораго такъ страдало тогдашнее, а избыткомъ едва-ли можетъ похвалиться теперешнее наше общество. Въ отрицаніи Бѣлинскаго нѣтъ и тѣни того, что мы замѣчаемъ у его незаконныхъ дѣтей, хотя законныхъ питомцевъ эпохи 48-го и слѣдующихъ годовъ, такъ называемыхъ нигилистовъ, доведшихъ отрицаніе до абсурда, до игры имъ, до презрѣнія всякой идеи, выходящей за уровень матеріальныхъ, насущныхъ потребностей. Отрицаніе Бѣлинскаго, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, непремѣнно должно было привести къ направленію, выразившемуся потомъ въ «Русской Бесѣдѣ» и «Днѣ», отрицаніе нигилистовъ—до всесторонняго невѣжества, о чемъ, конечно, не думали основатели этой школы. Но всякая школа, всякое направленіе, имѣютъ свои неизбѣжныя крайности. Эстетическій европеизмъ Бѣлинскаго съ презрѣніемъ отворачивался отъ окружающей его жизни, не хотѣлъ войти съ ней ни въ какую сдѣлку, и называлъ её не иначе, какъ *грязной дѣйствительностію*; страстно, но идеально любя простой народъ, онъ въ прикосновеніи къ нему чувствовалъ тоже самое, т. е. если не отвращеніе, то какую-то брезгливую неловкость; ибо и

въ жизни простаго народа прежде всего и больше всего бросалась ему въ глаза грязная дѣйствительность, о которой, если онъ и не кричалъ, такъ только потому, что нужно же было опереться на какой-нибудь свой идеалъ, нужно же было кого-нибудь любить. Но полное любви и вѣры въ человѣка, направленіе Бѣлинскаго, не смотря на всѣ его крайности, должно было выработать изъ себя нѣчто глубоко-жизненное, что и доказало позднѣйшее, ближайшее къ намъ время.

Молодой Никитинъ вполнѣ воспитался подъ вліяніемъ этого направленія; но оно, произведя въ немъ внутреннюю переработку, внутренній душевный перестрой, направленный къ добру и красотѣ, вредно подѣйствовало на него всѣми своими крайностями. Въ семействѣ, гдѣ уже начиналась невзгода, молодой семинаристъ увидѣлъ одни бури и ураганы; онъ отвернулся отъ окружающаго его міра безъ борьбы и еще болѣе спрятался въ самого себя; дѣйствительная жизнь стала ему противна своею *грязью*, т. е. своею прозаическою стороною. А между тѣмъ семейныя дѣла Никитиныхъ становились съ каждымъ днемъ все хуже. Ярморочная торговля окончательно разрушилась, вмѣстѣ съ заводомъ; кое-какъ еще держалась свѣчная лавка подлѣ Смоленскаго собора. Отъ Спаса Никитины перешли на Кирочную улицу, гдѣ купили постоялый дворъ, довольно плохо обстроенный. Дворъ отдавали въ аренду, а сами помѣщались въ ветхомъ флигелькѣ. Въ 1843 году Иванъ Савичъ окончилъ философскій курсъ. Надобно было думать объ университетѣ, о которомъ давно мечтали отецъ и сынъ; но судьба опредѣлила иначе. Савва Евтѣичъ, не смотря на разстройство своихъ дѣлъ, хотѣлъ послать сына

въ университетъ; но этому рѣшительно воспротивилась Прасковья Ивановна, на колѣняхъ умолявшая мужа не отправлять сына въ чужой городъ и убѣждавшая поскорѣе женить его и посадить въ лавку, но невѣсты не отъискалось, и—вотъ нашъ семинаристъ очутился за прилавкомъ. Полгода сидѣлъ Иванъ Савичъ въ лавкѣ, до смерти своей матери. Само собою разумѣется, что въ такое короткое время плохая торговля восковыми свѣчами, могла только опротивѣть молодому человѣку, мечтающему объ университетѣ и идеалахъ; полюбить и узнать торговое дѣло онъ не могъ. Смерть матери имѣла роковое значеніе въ судьбѣ Ивана Савича: отсюда начинается десятилѣтній, мрачный періодъ его жизни, поразительно бѣдный фактами, но исполненный борьбою и страданіями. Это десятилѣтіе представляетъ любопытнѣйшій предметъ для психологическихъ изслѣдованій; жаль только, что для этого нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ. Объ этомъ періодѣ своей жизни Никитинъ не разъ говоритъ въ своихъ стихотвореніяхъ и въ письмахъ къ разнымъ лицамъ; но все это говорилось и писалось послѣ, въ болѣе счастливую пору,—и, какъ къ прошедшему, относилось только лирически. Въ 1864 году умеръ Савва Евтѣичъ, переживъ сына тремя годами; со смертію его прекратился родъ Кириловыхъ-Никитиныхъ,—обстоятельство, давшее намъ полную свободу при составленіи этого очерка.

Смерть жены глубоко поразила и Савву Евтѣича. Оставшись одинъ съ девятнадцатилѣтнимъ сыномъ, котораго умъ и образованіе радовали его, но который, по взглядамъ, по образу своей жизни, былъ совершенно чуждъ ему, почти лишившись состоянія и почета и уже всякой нравственной под-

держки, Никитинъ-отецъ не выдержалъ и запилъ —запилъ, какъ говорится, мертвую чашу. Никѣмъ и ничѣмъ нравственнымъ не вздерживаемый, видя въ образѣ сына безмолвный, но раздражающій его укоръ, Савва Евтѣичъ предался пьянству со всѣми ужасами страсти, извѣстной у нась подъ именемъ запоя; эта страсть владѣла имъ двадцать лѣтъ и проводила его въ могилу. Ближайшимъ слѣдствіемъ пьянства было полнѣйшее разореніе Никитиныхъ. У нихъ только оставался скудный доходъ съ постоялаго двора, да свой уголъ. Правда, Иванъ Савичъ выходилъ передъ большими праздниками торговать восковыми свѣчами на столахъ, разставленныхъ обыкновенно по Смоленской площади, для продажи разныхъ вещей, какъ-то: свѣчъ, ладону, стеклянной посуды и проч.; но эта торговля доставляла ему самые ничтожные барыши и почти всегда сопровождалась нравственной пыткой.—«А! посмотрите,—вонъ ученый идетъ! Вонъ студентъ сидитъ за столикомъ, его благородіе, словно нашъ братъ-мужикъ!» кричали обыкновенно кулаки, толпившіеся на базарныхъ площадяхъ и указывавшіе пальцами на молодаго Никитина. Что было ему дѣлать, ему двадцатилѣтнему юношѣ! Изъ порядочной жизненной обстановки, изъ матеріальнаго довольства, онъ вдругъ и разомъ окунулся въ бѣдность, въ нищенство. Отецъ пилъ и ничѣмъ не занимался. Отъ лѣности и отъ пьянства въ немъ развилось самое дикое самодурство, которое всею своею тяжестью обрушивалось на сынѣ. Какъ только хмѣль сбивалъ съ ногъ эту могучую натуру, Савва Евтѣичъ начиналъ кричать на весь домъ слѣдующія, или въ родѣ слѣдующихъ, слова:

— Иванъ Савичъ! Подлецъ, такой-сякой! А кто далъ тебѣ образованіе и вывелъ въ люди? А? не чувствуешь! Не почитаешь отца! Не кормишь его хлѣбомъ! Вонъ изъ моего дома!.....................

И все, что стояло на столѣ для потребы пьянаго человѣка—огурцы, хлѣбъ, солонка, рюмка, стаканы, все это летѣло въ бѣднаго Ивана Савича. И такъ каждый почти день! И неумолкаемо почти каждый день раздавались эти дикіе вопли! Бѣдность и нищета дошли до крайнихъ предѣловъ. Все, что можно было прожить, прожито,—платье, вещи; все, что добывалось,—шло на водку и дикія оргіи. Молодой Никитинъ потерялся и палъ духомъ. Предоставляемъ читателю судить о тогдашнихъ его страданіяхъ, и просимъ тѣхъ, кто зналъ его въ послѣдствіи, представить его себѣ за 10—15 лѣтъ назадъ, его, еще цвѣтущаго юношу, но блѣднаго, изможденнаго, съ усталостью и страданіемъ во взорѣ, одѣтаго почти въ рубище—въ длинную потертую чуйку, и обутаго въ стоптанные дырявые сапоги! Страдающій, мечтающій, загнанный, часто голодный, сидѣлъ упыремъ этотъ юноша дома, или лежалъ на сѣновалѣ съ книгою въ рукахъ, или бродилъ по городу и его окрестностямъ безъ всякаго дѣла. Не разъ пробовалъ онъ предложить свои услуги въ качествѣ конторщика или прикащика тому и другому изъ воронежскихъ купцовъ, но всѣ эти попытки оставались безуспѣшными. Бѣдная одежда, образованная рѣчь, взоръ, исполненный мысли и огня,—все это, мы полагаемъ, для людей неразвитыхъ, хотя несомнѣнно и добрыхъ, скорѣе служило признакомъ наслѣдственной отъ отца болѣзни просителя, скорѣе оправдывало поговорку «яблочко отъ яблонки не далеко падаетъ», хотя Иванъ Савичъ нико-

му не подалъ ни малѣйшаго повода къ подобному подозрѣнію,—чѣмъ могло возбудить къ нему сочувствіе. Еще прежде, при матери, Никитинъ просился у родителей отпустить его изъ Воронежа въ другой какой-нибудь городъ,—зачѣмъ? онъ самъ не могъ отдать себѣ отчета. Его тогда не пустили; уѣхать теперь не было никакой возможности, да и жаль и не на кого было оставить отца, который начиналъ требовать за собою ухода. Прибавьте ко всему этому полнѣйшее одиночество, отсутствіе всякаго знакомства и безвыѣздную жизнь въ Воронежѣ, такъ какъ всѣ путешествія Никитина ограничивались единственною поѣздкою въ Задонскъ, за 84 версты отъ роднаго города. Мы не находимъ достаточно темныхъ красокъ, чтобы начертить картину жизни молодаго человѣка въ эту эпоху. Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось! Но могло кончиться очень печальнымъ, пожалуй, живымъ примѣромъ отца, еслибы слѣдующій случай не потрясъ до глубины души Никитина. Шелъ онъ разъ по Садовой улицѣ, по направленію къ Чугунному кладбищу. Въ этомъ мѣстѣ улица довольно пустынна. Шелъ онъ въ своемъ бѣдномъ, нищенскомъ одѣяніи, опустивъ голову и устремивъ свой глубокій взоръ куда-то въ безпредѣльную даль. Что говорилъ этотъ взоръ? Что выражало его мускулистое смуглое лицо? Надобно думать, что что-нибудь глубоко-безотрадное и роковое. Но, спасеніе явилось!...

—Стой, молодецъ! раздался надъ его ухомъ незнакомый голосъ:—ты задумалъ что-то недоброе! Ты, знать, порѣшить себя хочешь,—либо утопиться, иль удавиться?.. Иди же домой и помолись Богу.

Оказалось, что незнакомецъ, встрѣтившись съ Никитинымъ, былъ такъ пораженъ зловѣщимъ выра-

2.

женіемъ лица его, что, отойдя нѣсколько шаговъ, оглянулся назадъ и рѣшился спасти его отъ задуманнаго, какъ онъ предполагалъ, самоубійства. Было ли нѣчто подобное на душѣ у Никитина,— это осталось его тайной.

Проза жизни, *грязь дѣйствительности* спасли отъ неизбѣжной погибели Никитина. Онъ сталъ дворничать, т. е. разсчелъ арендатора, снимавшаго постоялый дворъ, и самъ началъ заниматься его содержаніемъ. Дворъ этотъ былъ одинъ изъ плохихъ и наиболѣе отдаленныхъ отъ базара; на большой пріѣздъ народа не было никакой возможности разсчитывать; оставалось одно средство—привлечь ко двору извѣстныя партіи извощиковъ, обыкновенно односельчанъ, заслужить ихъ расположеніе. Никитинъ успѣлъ привлечь и заслужить расположеніе извощиковъ, которые обыкновенно называли его *Савельичемъ*. Но какихъ неусыпныхъ трудовъ, какой ужасной борьбы съ самимъ собою стоило это ученику Бѣлинскаго, все еще восторгавшемуся Пушкинымъ, Лермонтовымъ и Кольцовымъ, съ которыми онъ и теперь не переставалъ бесѣдовать въ своемъ кабинетѣ—сѣновалѣ! Дворникъ-Никитинъ и по наружности преобразился въ дворника: волосы подрѣзалъ въ кружокъ, сапоги надѣлъ съ голенищами до колѣнъ, лѣтомъ носилъ простую чуйку, а зимою нагольный тулупъ. Да иначе и быть не могло, такъ-какъ самому приходилось, во всякое время дня и ночи, встрѣчать и провожать извощиковъ, выдавать имъ овесъ и сѣно, очень часто прислуживать имъ при ихъ трапезѣ и бѣгать въ кабакъ за водкой; очень часто самому приходилось для нихъ стряпать! На сколько мы знали Никитина, мы увѣрены, что эта трудовая жизнь до из-

вѣстной степени его удовлетворяла и успокоивала; мало этого: она должна была доставлять ему нѣсколько отрадныхъ минутъ; онъ сталъ имѣть дѣло съ живыми людьми, онъ почувствовалъ благо независимости и нѣкотораго довольства. Явилась возможность выстроить небольшой деревянный флигель въ пять комнатъ, изъ которыхъ три оказалось возможнымъ отдать подъ постой одному изъ профессоровъ Семинаріи, сожительство съ которымъ сдѣлало, по крайней мѣрѣ, то хорошаго, что внесло въ домъ, гдѣ царилъ прежде только хаосъ, нѣкоторую порядочность. Но съ другой стороны, внутреннее чувство требовало иного, душа тосковала и томилась по чемъ-то; съ другой стороны домашнія бури не утихали, а увеличивались съ каждымъ днемъ. По мѣрѣ улучшенія матеріальнаго благосостоянія, возрастало безобразіе отца и его увѣренность, что онъ имѣетъ полное право безобразничать и жить чужимъ человѣкомъ въ домѣ, который онъ, однакоже, называлъ своимъ; въ такой же мѣрѣ, т. е. сообразно этимъ притязаніямъ, возрастала и раздражительность Ивана Савича. Между отцомъ и сыномъ образовались странныя, прискорбныя отношенія, продолжавшіяся до смерти послѣдняго. Оба другъ-друга любили,—мы на это имѣемъ тысячу доказательствъ, и оба другъ-друга, каждый по-своему, мучали. Когда Савва Евтѣичъ былъ въ трезвомъ состояніи, трудно было найти отца, который бы такъ кротко и любовно относился къ сыну; но за то надобно было поискать сына, который бы за подобное обращеніе отвѣчалъ такой суровостію и даже дерзостію. Когда старикъ бывалъ пьянъ и буйствовалъ, можно было удивляться кротости сына, ухаживающаго за нимъ, какъ за ре-

бенкомъ, безъ всякой горечи и досады. На замѣчанія друзей своихъ о неровности обращенія съ отцомъ Никитинъ обыкновенно отвѣчалъ: «Что жь дѣлать! Иначе я не могу». На совѣты—оставить отца, обезпечивъ его всѣмъ нужнымъ, переѣхать на особую квартиру, или же совсѣмъ выѣхать изъ города, онъ отвѣчалъ тѣмъ же *не могу*, прибавляя: «безъ меня онъ совсѣмъ пропадетъ». Не разъ покойный поэтъ говаривалъ: «Я въ состояніи убить того, кто рѣшился бы обидѣть старика въ моихъ глазахъ; но когда онъ отрезвляется и смотритъ здравомыслящимъ человѣкомъ, вся желчь приливаетъ къ моему сердцу, и я не въ силахъ простить ему моихъ страданій». Добившись скуднаго матеріальнаго довольства, ограничивающагося однимъ насущнымъ хлѣбомъ, могъ ли Никитинъ остановиться на этомъ и не желать знанія, не стремиться къ удовлетворенію присущей ему поэтической способности? Могъ, и долженъ бы,—скажетъ только грубый матеріалистъ, но никакъ не благосклонный читатель. Вотъ что говоритъ самъ Никитинъ въ одномъ изъ писемъ объ этомъ періодѣ своей жизни.

«Любовь къ родной литературѣ, къ родному русскому слову не угасала во мнѣ среди новой, совершенно незнакомой мнѣ дѣятельности. Окруженный людьми, лишенными малѣйшаго образованія, не имѣя руководителей, не слыша разумнаго совѣта, за что и какъ мнѣ нужно взяться, я бросался на всякое сколько-нибудь замѣчательное произведеніе, бросался и на посредственное, за неимѣніемъ лучшаго. Продавая извощикамъ овесъ и сѣно, я обдумывалъ прочитанныя мною и поразившія меня строки, обдумывалъ ихъ въ грязной избѣ, нерѣдко подъ крикъ и пѣсни разгулявшихся мужи-

ковъ. Сердце мое обливалось кровью отъ грязныхъ сценъ; но, съ помощію доброй воли, я не развратилъ своей души. Найдя свободную минуту, я уходилъ въ какой-нибудь отдаленный уголокъ моего дома. Тамъ я знакомился съ тѣмъ, что составляетъ гордость человѣчества, тамъ я слагалъ скромный стихъ, просившійся у меня изъ сердца. Все написанное я скрывалъ, какъ преступленіе, отъ всякаго посторонняго лица, и съ разсвѣтомъ сожигалъ строки, надъ которыми я плакалъ во время безсонной ночи. Съ лѣтами любовь къ поэзіи росла въ моей груди, но вмѣстѣ съ нею росло и сомнѣніе: «есть-ли во мнѣ хотя искра дарованія?»—«Если бы вы знали, пишетъ Никитинъ въ другомъ письмѣ, какія сцены окружали меня съ дѣтства, какая мелочная, но тѣмъ не менѣе страшная драма разъигрывалась передъ моими глазами, драма, гдѣ мнѣ доводилось играть роль, возмущавшую меня до глубины души!»—Но, повторяемъ, человѣкъ былъ спасенъ, хотя страшно поплатился за свое спасеніе. Къ концу этого періода судьба послала Никитину утѣшеніе: онъ подружился съ однимъ молодымъ человѣкомъ Иваномъ Ивановичемъ Дураковымъ, нижнедѣвицкимъ мѣщаниномъ; сходство семейнаго положенія ихъ сблизило; любовь къ чтенію скрѣпила ихъ отношенія. Дураковъ былъ первымъ слушателемъ литературныхъ произведеній Никитина, первымъ человѣкомъ, которому онъ вполнѣ довѣрился. Смерть Дуракова, послѣдовавшая въ 1856 году отъ чахотки, т. е. въ то время, когда у Никитина были уже другія связи и иныя дружественныя отношенія, глубоко его поразила. Вотъ что онъ писалъ къ Второву въ день извѣстія о смерти Дуракова: «Простите, что не зашелъ къ вамъ отъ кня-

зя. *) Только успѣлъ выйти изъ его воротъ, какъ знакомый купецъ сообщилъ мнѣ новость, что мой другъ, извѣстный вамъ Дураковъ, умеръ. Это меня такъ поразило, что я и теперь не соберу мыслей. Ради Бога, простите!»

Не безъ вліянія и одобренія Дуракова Никитинъ осмѣлился послать нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній въ редакцію тогдашнихъ журналовъ, ожидая съ нетерпѣніемъ рѣшенія своей участи въ роковомъ для него вопросѣ о поэтическомъ дарованіи; но журналы хранили упорное молчаніе, увеличивавшее муки бѣднаго поэта-дворника. Мы убѣждены, что посланныя Никитинымъ стихотворенія были недурны и во всякомъ случаѣ годны для печати; но они не появились въ свѣтъ, во-первыхъ, потому, что еще сильна была паника, нагнанная Бѣлинскимъ на всѣхъ стихотворцевъ вообще, и на журналистовъ тѣмъ паче, а во-вторыхъ, журналисты и редакторы, по всей вѣроятности, и не прочитывали стихотвореній какого-то Никитина, сваливъ ихъ въ редакторскую Лету,—какъ это водилось и водится зачастую и теперь. Не удалось въ столичныхъ изданіяхъ, надобно попробовать въ своемъ мѣстномъ—разсуждали наши друзья,—и вотъ въ Октябрѣ 1849 года они послали въ редакцію «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» два стихотворенія: «Лѣсъ» и «Дума». Вышелъ 45 № этой газеты 5-го Ноября, въ которомъ отъ имени редактора было сказано слѣдующее:—«На дняхъ присланы намъ отъ неизвѣстнаго лица, при письмѣ, подписанномъ буквами И. Н., два стихотворенія, которыя мы, по прочтеніи, нашли такъ замѣчательными, что готовы были на этотъ разъ, изъ уваженія къ дарованію,

*) Ю. А. Долгорукова, тогдашняго Воронежскаго губернатора.

отступить отъ принятой нами программы и помѣстить ихъ въ нашей газетѣ. Единственное препятствіе, которое удерживаетъ насъ—это незнаніе нами имени автора!» Отзывъ былъ очень лестный и ободряющій, тѣмъ болѣе, что тогдашняя редакція Воронежскихъ Вѣдомостей, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежала къ числу лучшихъ въ Россіи: редакторомъ былъ В. А. Срединъ, кандидатъ Петербургскаго Университета, а сотрудниками, дававшими тонъ и направленіе газетѣ, Н. И. Второвъ и К. О. Александровъ-Дольникъ. Отзывъ былъ благопріятный; на мнѣніе редакціи положиться было можно; но бѣда въ томъ, что программа Губернскихъ Вѣдомостей не допускала въ эту газету стихотвореній. Что же было дѣлать! Ближе всего слѣдовало бы открыть свое имя и воспользоваться совѣтами умной редакціи; такъ Никитинъ-семинаристъ, еще мечтавшій объ университетѣ, по всей вѣроятности, и сдѣлалъ-бы; но Никитинъ-дворникъ, значительно одичавшій и потерявшій вѣру въ себя, такъ сдѣлать уже не могъ, не смотря на то, или, можетъ потому именно, что все сильнѣе и сильнѣе развивалось въ немъ поэтическое призваніе и серьёзнѣе понималась его задача. Прошло еще четыре года неизвѣстности, сомнѣній, борьбы съ самимъ собою и съ обстоятельствами житейскими. Что было за это время съ Никитинымъ,—мы не знаемъ. Не смотря на нашу близость съ покойнымъ, мы очень мало знаемъ о его жизни до 1853 года, хотя эта жизнь и не могла быть богата фактами. Покойный поэтъ не любилъ о ней распространяться, хотя обращался къ ней не рѣдко. Но вотъ наступилъ 1853 годъ; грянули громы Крымской войны, болѣзненно отозвавшіеся въ русскомъ сердцѣ; народный

духъ, послѣ долгаго усыпленія, воспрянулъ;—все оживилось! Суждено было ожить и даже сдѣлаться извѣстнымъ и воронежскому дворнику.—Его, человѣка совершенно русскаго, человѣка образованнаго, охватило всего своимъ жгучимъ пламенемъ патріотическое чувство.—Онъ беретъ перо и пишетъ стихотвореніе «Русь»,—лучшее поэтическое произведеніе того времени въ патріотическомъ родѣ.—Дураковъ былъ первымъ его читателемъ. По совѣту Дуракова, пишется письмо къ редактору и, кромѣ «Руси», посылаются къ нему два другихъ стихотворенія:—«Поле» и «Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный».—Дураковъ вызывается нести въ редакцію эту роковую посылку, отъ которой зависѣло—быть или не быть. Вотъ письмо Никитина къ редактору «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

«Милостивый Государь

Валентинъ Андреевичъ!

«Назадъ тому четыре года, при письмѣ, подписанномъ буквами И. Н., я посылалъ вамъ два стихотворенія для напечатанія въ издаваемой вами газетѣ. Вы были такъ снисходительны, что нашли въ нихъ нѣкоторыя достоинства, и единственное препятствіе къ ихъ печатанію заключалось, по вашимъ словамъ, въ неизвѣстности имени автора.

«Въ настоящее время, не считая нужнымъ скрывать свое имя, я осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ подобною же просьбой. Вотъ причина моей новой просьбы.—Я увѣренъ, что она не покажется вамъ смѣшною, потому что я знаю васъ, хотя по

отзывамъ другихъ, съ одной стороны, какъ человѣка отлично образованнаго, а съ другой, какъ человѣка въ высшей степени благороднаго.

«Я здѣшній мѣщанинъ. Не знаю, какая непостижимая сила влечетъ меня къ искусству, въ которомъ, можетъ быть, я ничтожный ремесленникъ! Какая непонятная власть заставляетъ меня слагать задумчивую пѣснь, въ то время, когда горькая дѣйствительность окружаетъ жалкою прозою мое одинокое незавидное существованіе! Скажите, у кого мнѣ просить совѣта и въ комъ искать теплаго участія? Кругъ моихъ знакомыхъ слишкомъ ограниченъ и составляетъ со мною рѣшительный контрастъ во взглядахъ на предметы, въ понятіяхъ и желаніяхъ. Быть можетъ, моя любовь къ поэзіи и мои грустныя пѣсни вы назовете плодомъ раздраженнаго воображенія и смѣшною претензіею выйти изъ той сферы, въ которую я поставленъ судьбою. Рѣшеніе этого вопроса я предоставляю вамъ, и скажу откровенно, буду ожидать этого рѣшенія не совсѣмъ равнодушно: оно покажетъ мнѣ или мое значеніе, или мою ничтожность, мое нравственное—быть или не быть?

«Какое бы ни было мое званіе, я увѣренъ, оно не будетъ служить цѣлью для вашихъ сарказмовъ, причина этому—свойственное вамъ благородство и безусловная къ вамъ довѣренность человѣка, не имѣющаго ни сильныхъ покровителей, ни случайныхъ связей.

«Съ просьбою о напечатаніи своихъ стихотвореній въ одномъ изъ современныхъ журналовъ я не обращаюсь къ кому-либо по своей неизвѣстности и неувѣренности въ силѣ своего дарованія. Пусть прежде вашъ высоко цѣнимый мною приговоръ рѣ-

шитъ однажды навсегда: смѣшонъ или нѣтъ мой трудъ, который я называю своимъ призваніемъ.

«Могутъ ли быть приложенныя здѣсь стихотворенія по своему достоинству помѣщены въ вашей газетѣ (*напр.*: въ Смѣси, или гдѣ вамъ угодно),— я полагаюсь на вашъ просвѣщенный взглядъ и съ глубочайшимъ уваженіемъ ожидаю вашего суда. И. Никитинъ.»

12-го Ноября 1853 г.
Воронежъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Н. И. Второвъ.—Его біографическая записка о Никитинѣ.—Первое время литературной извѣстности поэта въ Воронежѣ и за его предѣлами.—Заочныя знакомства.—Новость положенія.—Первое изданіе стихотвореній.—Литературныя работы.—Матеріальное довольство.—Нравственное перерожденіе Никитина.—Картина литературныхъ вечеровъ въ Никитинскомъ домикѣ.

Мы напечатали письмо Никитина къ редактору Воронежскихъ Вѣдомостей безъ малѣйшихъ перемѣнъ и поправокъ въ орѳографіи и слогѣ. Какъ въ 1861 году, при составленіи «Дневника Семинариста», такъ и задолго до своей извѣстности, Никитинъ владѣлъ изящною прозаическою рѣчью и писалъ безукоризненно правильно,—условія, встрѣчаемыя у насъ только въ человѣкѣ высокаго образованія, въ литераторѣ. И между тѣмъ такъ пишетъ мѣщанинъ, дворникъ, когда другой воронежскій мѣщанинъ, Кольцовъ, писалъ какими-то каракульками самымъ безграмотнѣйшимъ образомъ! Отсюда, между прочимъ, начинаются сближенія Никитина съ Кольцовымъ, сближенія совершенно внѣшнія и въ началѣ повредившія Ивану Савичу; Никитинъ не только не былъ Кольцовымъ, но долгое время не могъ быть и самимъ собою. Можно было быть увѣреннымъ, что стихотвореніе «Русь» появилось бы не только въ Воронежскихъ Вѣдомостяхъ, но и въ любомъ столичномъ періодическомъ изданіи того времени; несомнѣнно, что его встрѣтили бы

съ тѣмъ же восторгомъ, съ какимъ оно и было встрѣчено; теплый привѣтъ со стороны такихъ писателей, какъ А. Н. Майковъ и И. Й. Введенскій, и таковой же отъ журналистовъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ бы наградой нашему поэту и имя его, быть можетъ, мы еще чаще бы встрѣчали на страницахъ петербургскихъ и московскихъ изданій; —это такъ! Но Никитина, того Никитина, который честно прошелъ свой недолгій жизненный путь, могло бы и не быть: дворнику-Никитину нужно было новое паки-бытіе, второе перерожденіе къ жизни новой, могущее совершиться только подъ вліяніемъ души глубоко-любящей и чистой. Не знаемъ, что подумалъ читатель, но когда мы въ первый разъ прочитали письмо Никитина къ Средину, намъ почему-то пришелъ на память Бѣлинскій, лично намъ не знакомый. На это письмо-исповѣдь нельзя было отвѣчать любезнымъ, даже теплымъ письмомъ; если письмомъ отвѣчать, то надобно, чтобы строки его горѣли чувствомъ; если не письмомъ, а живымъ словомъ,—надобно, чтобы не языкъ и голова, а душа въ немъ говорила! Но всякій ли на это способенъ, да и въ правѣ ли кто-бы то ни былъ заявлять подобныя требованія отъ людей? Къ счастію Никитина, такой человѣкъ нашелся въ Воронежѣ: это былъ Николай Ивановичъ Второвъ, теперь такъ же покойникъ.

Съ Второвымъ я былъ очень хорошъ. Насъ сблизила дружба къ Никитину, хотя это сближеніе укрѣпилось уже послѣ смерти поэта и было, такъ сказать, заочнымъ: Второвъ жилъ въ Петербургѣ, я—въ Воронежѣ. Благодаря просвѣщенной благосклонности Н. А. Второвой, мы имѣемъ много любопытныхъ бумагъ, принадлежащихъ покойному

другу Никитина, и намѣрены, по возможности, въ непродолжительное время, составить его біографическій очеркъ; поэтому, здѣсь, въ біографіи Никитина, мы не будемъ много о немъ распространяться. По нашему мнѣнію, имя Второва непремѣнно войдетъ въ будущую исторію нашего просвѣщенія, т. е. нашей культуры, какъ имя основателя кружка, до такой степени благотворно дѣйствовавшаго въ одномъ изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ, что плоды его дѣятельности свѣжи еще и до сихъ поръ, по прошествіи слишкомъ пятнадцати лѣтъ. Второвъ, воспитанникъ Казанскаго Университета, былъ человѣкъ благороднѣйшаго характера и самой доброй и теплой души. Сынъ умнаго, образованнаго отца, Николай Ивановичъ едва ли не ранѣе людей своего поколѣнія, сыновъ 30-хъ—40-хъ годовъ, умѣлъ органически слить въ себѣ два направленія нашей цивилизаціи, западное и русское, (славянофильское) и, что всего важнѣе, слить не на словахъ, а на дѣлѣ.—Онъ былъ человѣкомъ дѣла въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Самое образованіе его отличалось этимъ характеромъ дѣловитости; оно было самобытно, съ научнымъ направленіемъ и ничего диллетантическаго, а тѣмъ болѣе журнальнаго, въ себѣ не заключало. Это, какъ нельзя болѣе, доказываютъ его литературно-ученые труды, которыми онъ занимался какъ въ Воронежѣ, такъ потомъ и въ Петербургѣ. До послѣдняго времени Воронежъ болѣе другихъ нашихъ провинціальныхъ городовъ отличался литературно-ученымъ направленіемъ; начало этого направленія идетъ отъ Второва, съ 1849 года: имъ оно было положено; другіе продолжали только его дѣло. Все, что въ Воронежѣ было въ то время живаго

и мыслящаго, Второвъ съумѣлъ соединить вокругъ себя, съумѣлъ воодушевить и подвинуть на работу: теплымъ своимъ словомъ онъ далъ новую жизнь поэту; онъ былъ непосредственнымъ виновникомъ такъ рѣдкаго у насъ явленія, что скромные труженики науки и искусства, нѣкоторые изъ воронежскихъ корпусныхъ педагоговъ (назовемъ Н. С. Тарачкова и С. П. Павлова), становились потомъ не безполезными въ своемъ дѣлѣ специалистами; онъ, наконецъ, всею своею дѣятельностію, всѣмъ существомъ своимъ, необыкновенно простымъ и натуральнымъ, и помимо собиравшагося въ его домѣ кружка, вездѣ, гдѣ онъ ни показывался—въ службѣ (онъ былъ совѣтникомъ Губернскаго Правленія), въ обществѣ—распространилъ тотъ кроткій, но истинный свѣтъ просвѣщенія, который никогда не потухаетъ безслѣдно. И все это было послѣ 1848 года, въ глуши провинціи, далеко отъ университетовъ! К. О. Александровъ-Дольникъ, близкій его родственникъ по женѣ, и нѣкоторое время жившій съ нимъ на одной квартирѣ, его другъ и товарищъ, былъ, можно сказать, его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ, если только слово помощникъ не принимать въ смыслѣ чего-то придуманнаго и внѣшнимъ образомъ привязаннаго къ дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь.—Въ ту пору, о которой мы говоримъ, къ кружку Второва, между другими, принадлежали А. П. Нордштейнъ, членъ Строительной и Дорожной Комиссіи, и И. А. Придорогинъ, воронежскій купецъ; оба они, послѣ Второва, были первыми друзьями Никитина, первыми воспріемниками его для новой жизни. О Придорогинѣ мы скажемъ ниже. Не говоримъ о лицахъ, еще здравствующихъ—А. П. Нордштейнѣ и А. Р. Михайловѣ, теперешнемъ

издателѣ сочиненій Никитина, находившемся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ покойнымъ поэтомъ.

Вскорѣ послѣ смерти Никитина, когда возникла мысль объ изданіи его сочиненій, мы съ Второвымъ условились: мнѣ писать біографію, а ему набросать свои воспоминанія о Никитинѣ, пополнивъ ихъ выписками изъ его писемъ (числомъ 120 №№). Многосложныя занятія по службѣ, по должности вице-директора Хозяйственнаго Департамента въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, долго мѣшали Второву исполнить это намѣреніе; впрочемъ, и спѣшить не было причины, ибо мы, друзья Никитина, не имѣли возможности издать его сочиненія. Но когда въ Апрѣлѣ 1865 года теперешній издатель Никитина обязательно и безкорыстно предложилъ свои услуги, Второвъ, какъ бы въ предчувствіи близкой смерти, прислалъ ко мнѣ всѣ письма Никитина, и объяснительную къ нимъ записку: мы говоримъ—въ предчувствіи, ибо свойственная ему деликатность и скромность долгое время не позволяли ему согласиться прислать къ намъ для просмотра письма Никитина. «Я увѣренъ, пишетъ Второвъ въ своей запискѣ, что внутреннее чувство и тактъ укажутъ ему, т. е. мнѣ (ниже подписавшемуся), что́ именно въ этихъ бумагахъ можетъ быть обнародовано, и о чемъ должно быть умолчано. Собственно въ отношеніи меня я желалъ бы, чтобы моя личность, при выпискахъ изъ нихъ, оставалась совершенно въ сторонѣ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда почему-либо неизбѣжно было бы нужно упомянуть о ней, то ограничиться одними начальными буквами (В. или Н. И. В.), какъ и о всѣхъ еще живыхъ лицахъ». Увы! въ исполненіи этого жела-

нія теперь не настоитъ надобности! Вотъ вступительныя слова записки Второва:

«Съ первой поры моего знакомства съ Никитинымъ я привязался къ нему всею душею. Я полюбилъ въ немъ просто человѣка, человѣка съ благороднѣйшею душою, съ тонкимъ, изящнымъ чувствомъ, какого рѣдко встрѣтить не только въ той средѣ, въ которой онъ воспитывался, но даже и въ такъ называемой благовоспитанной.»

«Мнѣ всегда казалось,—не смотря на то, что я былъ старше его лѣтъ на восемь,—что я переживу его и мнѣ прійдется когда-нибудь, если не быть его біографомъ, то, по крайней мѣрѣ, отдать отчетъ о личныхъ отношеніяхъ моихъ къ этому, во всякомъ случаѣ замѣчательному, человѣку, съ которымъ судьба связала меня такою тѣсною дружбою. Вотъ почему я тщательно сберегалъ всѣ, даже ничтожныя записки его ко мнѣ, письма и другія бумаги, которыя могли сколько-нибудь характеризовать его.»

«Предчувствіе мое сбылось. Вотъ уже болѣе трехъ съ половиною лѣтъ *), какъ не стало Никитина. Потеря его до сихъ поръ съ болью отзывается въ моемъ сердцѣ..... Умирая, онъ завѣщалъ мнѣ издать его сочиненія, съ тѣмъ, чтобы вырученную отъ продажи ихъ сумму употребить на какое-либо доброе дѣло. Теперь, благодаря великодушному предложенію одного изъ почитателей таланта покойнаго Никитина, представляется возможность исполнить его волю.»

Но обратимся къ Никитину. Болѣе, чѣмъ не совсѣмъ равнодушно, ожидалъ онъ рѣшенія своей участи. Что-то будетъ! думалъ бѣдный молодой че-

*) Записка писана 20-го Мая 1865 года.

ловѣкъ; и мы имѣемъ право предполагать, что надежда едва-ли улыбалась ему въ эти тревожныя минуты.... Но,—о, радость! къ нему является незнакомый гость и зоветъ его къ Второву, къ тому Второву, котораго не могъ не знать Никитинъ по слуху, не могъ не знать отношенія его къ Губернскимъ Вѣдомостямъ. Но пусть лучше говоритъ самъ Второвъ:

«Не помню, въ тотъ же, или на другой день, какъ Иванъ Савичъ прислалъ свое письмо къ редактору Губернскихъ Вѣдомостей г. Средину, гласный Думы Н. Н. Рубцовъ, вызвавшійся непремѣнно розъискать автора письма, пріѣхалъ съ нимъ ко мнѣ вечеромъ. Я жилъ тогда близъ церкви Воскресенья, въ домѣ Михнева. Изъ оконъ моей квартиры, во 2-мъ этажѣ, открывался великолѣпный видъ на зарѣчную сторону, описанный во вступленіи къ «Кулаку». Блѣдный, худощавый, выглядывавшій какъ-то изъ подлобья, въ длинномъ сюртукѣ, Иванъ Савичъ робко слѣдовалъ за Рубцовымъ, и когда послѣдній съ торжествомъ объявилъ, что это тотъ самый Никитинъ, съ которымъ я желалъ познакомиться,—онъ, словно подсудимый, призванный къ отвѣту, сталъ извиняться, что позволилъ себѣ такую дерзость (т. е. написать письмо) и проч. Насилу могъ я усадить его; но и затѣмъ, какъ только началъ я говорить съ нимъ, онъ тотчасъ же вскакивалъ, и не малыхъ усилій стоило мнѣ уговорить его вести разговоръ со мною сидя. Изъ разговора нашего, который скоро обратился къ литературѣ, оказалось, что Иванъ Савичъ много читалъ, но много такъ же оставалось ему еще неизвѣстнымъ. Онъ съ радостію принялъ предложеніе мое пользоваться небольшою моею библіотекою, и на пер-

вый же разъ запасся, помнится, «Давидомъ Копперфильдомъ» Диккенса. Рубцовъ, посидѣвъ нѣсколько времени, удалился; за нимъ хотѣлъ-было подняться и Никитинъ, но я удержалъ его. Между тѣмъ подошелъ вскорѣ К. О. Александровъ-Дольникъ. Бесѣда наша продолжалась довольно долго, и онъ разстался съ нами не такимъ букой, какимъ пришелъ! Тѣмъ не менѣе, въ началѣ, не легко-таки было залучать его къ себѣ. У меня и Константина Осиповича, по одному разу въ недѣлю, собирались короткіе наши знакомые, не для карточной (столь обыкновенной въ нашей общественной жизни) бесѣды, а для простой. Само собою разумѣется, что мы оба тотчасъ же предложили Никитину бывать у насъ въ эти дни. Какъ ни чужды были всякаго этикета наши вечеринки, Иванъ Савичъ все-таки сначала дичился, и нужно было каждый разъ повторять приглашеніе, чтобы видѣть его у себя; въ другое время приходить къ намъ запросто сталъ онъ уже, спустя довольно долго, послѣ перваго нашего знакомства. Хотя вообще мы скоро сблизились съ Иваномъ Савичемъ, со мною въ особенности (такъ-какъ Константинъ Осиповичъ еще лѣтомъ 1854 года переселился изъ Воронежа въ Москву) личныя отношенія перешли въ дружескія; но онъ продолжалъ соблюдать нѣкоторыя церемонности».

«Никитинъ не замедлилъ, по просьбѣ нашей, познакомить насъ съ своими стихотвореніями. Онъ принесъ намъ сначала небольшую тетрадь, въ которой заключалось десятка два стихотвореній, а потомъ еще нѣсколько другихъ. Бо́льшая часть ихъ, въ исправленномъ отчасти видѣ, вошла въ изданіе гр. Толстаго (первыя 42 стихотворенія). Мало-помалу появлялись у него новыя произведенія, и все

написанное онъ спѣшилъ давать намъ для прочтенія. Едва-ли не первое изъ таковыхъ стихотвореній было написано имъ по слѣдующему случаю. Вскорѣ послѣ напечатанія въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ «Руси», не помню, кто-то передалъ мнѣ написанный однимъ гимназистомъ (кажется, знаменитымъ въ послѣдствіи В—іемъ С—скимъ) разборъ этого стихотворенія. Статейка была очень глупенькая и даже пошленькая. Никитинъ, которому я показалъ ее, искренно смѣялся надъ нею; но, тѣмъ не менѣе, она задѣла его за живое и на другой же день онъ принесъ написанное имъ стихотвореніе: «Задумчивый пѣвецъ въ пустынѣ неизвѣстной», въ послѣдствіи имъ передѣланное въ изданіи 1859 года.»

«Посѣщая меня и Константина Осиповича, Никитинъ познакомился съ нашимъ кружкомъ, всего же болѣе сошелся онъ съ Александромъ Петровичемъ Нордштейномъ, человѣкомъ отличнѣйшей души, скромнымъ, благороднымъ, честнымъ, какихъ трудно встрѣтить на мѣстѣ, которое онъ занималъ тогда (непремѣн. членъ Строительной и Дорожной Коммисіи). Никитинъ началъ бывать у Нордштейна, и только ограничился этими тремя домами,—т. е. моимъ, К. О. Дольника и Нордштейна. Въ послѣдствіи, чрезъ Нордштейна, Никитинъ познакомился съ его родственниками—Плотниковыми, къ которымъ часто ѣзжалъ потомъ гостить въ деревню. Чрезъ Плотниковыхъ Иванъ Савичъ познакомился съ Игуменіею Воронежскаго Дѣвичьяго монастыря Смарагдою *), сестрою бывшаго Воронежскаго губернатора Д. Н. Бѣгичева, **) которая всегда питала къ нему большое уваженіе.»

*) Умершею въ 1866 году въ преклонной старости.

**) Д. Н. Бѣгичевъ—авторъ романа «Семейство Холмскихъ».

«Между тѣмъ стихотворенія Никитина распространялись по городу въ рукописяхъ и пріобрѣтали ему бóльшую и бóльшую извѣстность. Многіе стали искать случая познакомиться съ нимъ. Между прочими выразила желаніе видѣть Никитина супруга тогдашняго губернатора княгиня Е. Г. Долгорукая, и, по ея просьбѣ, я въ первый разъ привезъ къ ней Ивана Савича. Она сдѣлалась одною изъ ревностнѣйшихъ почитательницъ его таланта (особенно нравились ей стихотворенія религіознаго содержанія—«Моленіе о Чашѣ», «Сладость молитвы» и пр.), заставляла переписывать для себя его стихотворенія, читала ихъ всѣмъ и каждому, и очень любила, когда ихъ читали ей вслухъ. Послѣ перваго посѣщенія Никитина, она неоднократно приглашала его къ себѣ по вечерамъ и вообще оказывала ему много вниманія: такъ она подарила ему прекрасный эстампъ «Моленіе о Чашѣ» (съ картины Бруни) *) и нѣсколько книгъ. Довольно любезностей показалъ къ Никитину и супругъ ея, князь Юрій Алексѣевичъ, также любитель литературы.»

«Извѣстность Никитина скоро распространилась и за предѣлами Ворóнежа, хотя онъ и не рѣшался еще посылать куда-либо своихъ произведеній. Нѣкоторыя газеты не замедлили перепечатать изъ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщенныя въ нихъ два его стихотворенія («Русь» и «Война за вѣру»). За тѣмъ гр. Д. Н. Толстой, съ которымъ въ то время я былъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ и къ которому, въ частномъ письмѣ, я разсказалъ о появленіи въ Воронежѣ но-

*) Эта картина внушила Никитину мысль о стихотвореніи того же названія, а не просьба одной особы, какъ мы предполагали въ нашей замѣткѣ, напечатанной въ «Русск. Архивѣ» 1865 года.

ваго дарованія, приложивъ для образчика нѣсколько стихотвореній, вздумалъ это письмо мое цѣликомъ напечатать въ «Москвитянинѣ», и тогда же сдѣлалъ Никитину предложеніе издать на свой счетъ собраніе его стихотвореній.»

Выше мы говорили о радости Никитина, отправлявшагося съ Рубцовымъ къ Второву; нечего говорить о его восторгѣ послѣ этого свиданія, послѣ сближенія съ Второвымъ, и шумѣ, который поднялся въ городѣ по поводу его стихотвореній. Но что чувствовали родные,—отецъ и двоюродная сестра Тюрина, жившая въ лачужкѣ насупротивъ домика Никитиныхъ, изъ которыхъ Анна Николаевна (прежняя Анюта) была частой гостьей у брата? Какъ они посмотрѣли на новую жизнь своего Ивана Савича, попавшаго въ общество Губернатора, Совѣтниковъ и другихъ важныхъ господъ? Родные просто испугались: они боялись, что Ивана Савича *возьмутъ* въ Петербургъ! Впрочемъ, отецъ потомъ далеко не былъ равнодушенъ къ извѣстности сына, что и высказывалъ по-своему, даже въ самые сильные пароксизмы пьянства: «Эй, ты, Васька-Ворокъ (или кто-нибудь въ этомъ родѣ знакомецъ), подлецъ! Развѣ ты не знаешь, какой у меня сынъ-то, Иванъ Савичъ!»—кричитъ, бывало, старикъ на весь домъ, прерывая эти возгласы къ отсутствующимъ друзьямъ или непріятелямъ крупною бранью сейчасъ же хвалимаго сына.

Восторгъ, произведенный стихотвореніемъ «Русь», былъ очень великъ; въ Воронежѣ онъ увеличивался, благодаря положенію поэта-дворника, возбудившему теплое сочувствіе къ нему во всѣхъ тогдашнихъ лучшихъ людяхъ. Популярность его возрасла особенно послѣ написаннаго имъ стихотворенія

«Моленіе о Чашѣ»: о Никитинѣ заговорили во всѣхъ даже едва грамотныхъ слояхъ общества; стихотвореніе переписывалось во множествѣ экземпляровъ и распространилось далеко за предѣлы Воронежа и даже губерніи. Всѣ бросились искать знакомства съ Никитинымъ; но поэтъ все еще дичился и не легко шелъ на знакомства. Легко представить себѣ положеніе бѣднаго дворника, вызваннаго къ новой жизни; легко понять его благодарное чувство къ тѣмъ людямъ, которые не дали ему задохнуться въ душной атмосферѣ. Хотя въ этомъ чувствѣ не было ничего не свободнаго, но первое время своей воронежской извѣстности Никитинъ почти не принадлежалъ самому себѣ. Благодарность и дружба до такой степени овладѣли его душою, что онъ отдался имъ вполнѣ. Безъ Второва, не бывши знакомымъ съ Второвымъ, въ первое время невозможно было близко сойтись съ Никитинымъ, даже рѣдко можно было застать его дома: онъ былъ или у Второва, или вмѣстѣ съ Второвымъ ѣздилъ куда-нибудь къ немногимъ его знакомымъ; къ числу послѣднихъ принадлежали семейства А. Р. Михайлова и И. А. Придорогина. Нѣкоторые изъ желавшихъ познакомиться съ Никитинымъ обижались трудностію добиться его и распространили по городу сплетни, что Никитинъ пишетъ на этихъ вечерахъ по заказу стихи, что его возятъ какъ диковинку. Я познакомился съ Никитинымъ въ Январѣ 1854 года, въ квартирѣ Н. С. Тарачкова и С. П. Павлова, жившихъ тогда вмѣстѣ; г. Павловъ снималъ съ него въ это время портретъ, напечатанный потомъ въ «Художественномъ Листкѣ» Тимма. Я, какъ и многіе, былъ изумленъ тѣмъ, что не нашелъ въ немъ того, чего ожидалъ. Хо-

тѣлось, надо правду сказать, найти въ немъ нѣчто въ родѣ мужичка или молодаго парня въ длинномъ сюртукѣ и подстриженнаго въ кружекъ, а оказалось совсѣмъ не то. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, познакомившіеся прежде съ Никитинымъ, не шутя говорили, что̀ онъ похожъ на Шиллера. Оставя въ сторонѣ всякое сравненіе, въ Никитинѣ въ самомъ дѣлѣ было что-то, если не нѣмецкое (чего никогда въ немъ вовсе не было), то задумчивое, литературное. Воронежскій дворникъ высматривалъ рѣшительнымъ литераторомъ, и отчаянный славянофилъ того времени непремѣнно назвалъ бы его и по одеждѣ (онъ былъ уже одѣтъ въ короткій сюртукъ, гладко обстриженъ и брилъ бороду, какъ, впрочемъ, и прежде), и по способу выраженія, чистѣйшимъ западникомъ. Я услышалъ отъ него прежде, чѣмъ прочелъ потомъ въ его книгѣ, такія фразы, какъ «грязная жизнь, грязная дѣйствительность» и т. п., надъ которыми въ послѣдствіи онъ самъ искренно смѣялся. Но прошло болѣе года, пока это начальное знакомство не обратилось въ дружественныя отношенія. И въ послѣдствіи времени Никитинъ былъ тугъ на знакомства: сосредоточенность въ характерѣ, нѣкоторая скрытность и недовѣрчивость къ людямъ, печальныя семейныя обстоятельства, все это, въ соединеніи, если можно выразиться, съ мѣщанскою гордостію, были тому причиной.

И за предѣлами Воронежа Никитинъ нашелъ себѣ горячій привѣтъ. Корифей тогдашней литературной критики и одинъ изъ лучшихъ Петербургскихъ педагоговъ, И. И. Введенскій, написалъ къ нему восторженное письмо. Введенскій пишетъ, что стихотвореніе «Русь» онъ немедленно

прочелъ всѣмъ своимъ ученикамъ «и съ величайшимъ восторгомъ привѣтствовалъ васъ, какъ народнаго поэта». Введенскій восхищался стихомъ Никитина и пророчилъ ему блестящую будущность, если только онъ останется вѣренъ самому себѣ; «но если, говоритъ онъ, тотъ же Никитинъ промѣняетъ свой постоялый дворъ на искусственный кабинетъ петербургскаго или московскаго литератора, геній его станетъ увядать постепенно, и онъ займетъ мѣсто въ разрядѣ жалкихъ посредственностей, которыми, къ несчастію, такъ богата Русская поэзія.» Также привѣтливо и почти въ томъ же смыслѣ о необходимости самобытности и народности въ поэзіи писалъ къ Никитину А. Н. Майковъ, познакомившійся съ нимъ заочно чрезъ посредство г. Нордштейна; къ числу такихъ заочныхъ знакомыхъ, и все чрезъ того же г. Нордштейна, принадлежалъ г. Порѣцкій, постоянный почитатель и посредникъ Никитина съ петербургскими журналистами. Къ числу же литературныхъ знакомствъ, сдѣланныхъ Никитинымъ въ это время, принадлежитъ знакомство его съ Н. В. Кукольникомъ, проживавшимъ зиму 1853—1854 г. въ г. Воронежѣ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Военномъ Министерствѣ по заготовкѣ провіанта для дѣйствующей арміи. Счастливъ былъ Никитинъ въ эту пору своей жизни; лучи счастія облили, можно сказать, все существо его, но положеніе его, какъ поэта, было фальшиво. Въ эту эпоху крайнее направленіе западничества изживало свои послѣдніе дни; духота общественной и литературной атмосферы была поразительная. «Здѣсь васъ, писалъ Никитину одинъ петербургскій литераторъ, заставятъ разлюбить Россію. Я представляю себѣ, какія у васъ въ глуши

иногда, въ настоящее время великой войны, идутъ бесѣды о Россіи, ея силахъ, ея будущемъ! Представляю себѣ, какъ вы страдаете за нашу славу, ревнуете ее и вмѣстѣ съ тѣмъ полны вѣры, что «коренная вынесетъ!».. Надо много характера, чтобъ хранить и святить это чувство въ Петербургѣ.... Знаете ли, что я завидую вамъ? Завидую тому, что васъ воспитала и воскормила сермяжная Русь, слѣдовательно, вы должны ее знать лучше меня». Но громы войны, неудачной, но, тѣмъ не менѣе славной, очищали воздухъ. Отовсюду носились новыя требованія, новые запросы жизни. Поэтъ-дворникъ, поэтъ-мѣщанинъ, сынъ степей и «сермяжной Руси», одноземецъ Кольцова,—есть отъ чего восторгаться! На автора «Руси», написанной свѣжимъ и сочнымъ стихомъ, есть причины понадѣяться! Но, увы! мы видѣли, что Никитинъ почти не выѣзжалъ изъ заставы Воронежа; что мѣщаниномъ онъ былъ только по названію, а дворникомъ по одной профессіи; что его воспитали не «сермяжная Русь», о которой онъ судилъ только по заѣзжавшимъ на его дворъ извощикамъ, не степи, которыхъ онъ никогда не видалъ, а литература сороковыхъ годовъ. Конечно, литераторъ-дворникъ далеко не то, что литераторъ-дворянинъ, литераторъ-москвичъ или петербуржецъ: до нѣкоторой степени ему присуще было то, что въ немъ предполагалось, но только до нѣкоторой. Непосредственнаго, напримѣръ, даже Кольцовскаго, отношенія къ окружающей жизни его у Никитина не было и быть не могло; для этого онъ былъ слишкомъ рефлективенъ и лириченъ. Онъ, какъ питомецъ литературы 40-хъ годовъ, конечно, не доучившійся, стремился къ направленію, къ практической пользѣ

въ поэзіи, и это стремленіе увеличивалось по мѣрѣ его развитія,—а отъ него требовали непосредственной, объективной народности, вѣры только въ самого себя, въ то время, когда въ самомъ-то себѣ онъ чувствовалъ раздвоеніе, надломъ! Не нашли того, на что надѣялись,—и восторгъ смѣнился охлажденіемъ! Все это увеличивало внутреннюю борьбу Никитина съ самимъ собою. Изъ воронежскихъ друзей его вліялъ на него, въ смыслѣ Введенскаго и г. Майкова, А. П. Нордштейнъ, человѣкъ вполнѣ русскій; письма г. Нордштейна, сохранившіяся въ бумагахъ Никитина, доказываютъ это вліяніе. Почти до самой смерти Никитина у нѣкоторыхъ сохранилось убѣжденіе, что онъ былъ такъ-себѣ—простой мѣщанинъ, человѣкъ безъ всякаго образованія. Такъ въ 1860 г., кажется, рецензентъ «Современника», разбирая 2-ое изданіе его стихотвореній, выразился слѣдующимъ образомъ: «Г. Никитинъ, вѣроятно, думалъ, что если *господа* такъ пишутъ, то почему и мнѣ не писать!»... Но мы уже забѣжали впередъ, опередивъ событія.

Сочувствіе къ положенію Никитина выразилось и матеріальнымъ образомъ. Проживавшій въ то время въ Воронежѣ г. Рукавишниковъ, извѣстный откупщикъ и золотопромышленникъ, уѣзжая въ Иркутскъ, звалъ къ себѣ Никитина и предлагалъ ему очень выгодное мѣсто на пріискахъ, на всемъ его содержаніи, съ платою по 1,200 р. въ годъ. Долго шли объ этомъ толки; но, не смотря на чистосердечное желаніе г. Рукавишникова помочь Никитину, въ Сибирь онъ не поѣхалъ: жаль было отца бросить, Второва, жаль было оторваться отъ новой жизни.—«Сибирь»!... пишетъ Никитинъ въ одной изъ записокъ къ Второву:

Напишешь это слово,—
И вдругъ свободная мечта
Меня уноситъ въ край суровый.
Природы дикой красота
Вдали встаетъ передо мною.
И, мнится, вижу я Байкалъ
Съ его прозрачной глубиною,
И цѣпи горъ съ громадой скалъ,
И безконечную равнину
Вокругъ бѣлѣющихъ снѣговъ,
И грозныхъ, дѣвственныхъ лѣсовъ
Необозримую вершину.....
Но вотъ проходитъ этотъ бредъ,
И снова видишь предъ собою:
Диванъ съ подушкою худою,
Комодъ, старинный туалетъ,
Семь стульевъ, столъ на жалкихъ ножкахъ,
Навозъ какой-то на полу,
Цвѣты въ какихъ-то глупыхъ плошкахъ,
И наконецъ, кота въ углу.
Да вотъ пришелъ старикъ сердитый,
О похоронахъ говоритъ
И, кажется, меня бранитъ.

Никитинъ ожилъ, и новая жизнь начала его толкать и задѣвать всячески; вмѣстѣ съ счастіемъ начались своего рода заботы и треволненія. Сильно его озабочивало предстоящее изданіе его стихотвореній, предпринятое гр. Д. Н. Толстымъ и А. А. Половцовымъ: надобно было позаботиться о томъ, какія стихотворенія отобрать для печати, что въ нихъ поправить и т. п. Рукопись стихотвореній была отослана къ графу въ Октябрѣ 1854 г., а книжка вышла въ началѣ 1856 года.

Главнѣйшее затрудненіе заключалось въ неизбѣжности частной переписки съ издателемъ, въ пере-

сылкѣ къ нему новыхъ стихотвореній, въ просьбѣ прибавить то, урѣзать другое. Никитинъ тревожился; но незавидно было положеніе и графа Толстаго, такъ-какъ мудрено было удовлетворить желанію автора, живущаго за тысячу слишкомъ верстъ отъ Петербурга. «Вы не читали «Сѣверной Почты»? спрашиваетъ Никитинъ у Второва, по выходѣ уже 1-го изданія: «Ѳ. Булгаринъ, говорили мнѣ, изволилъ сдѣлать вотъ какой взглядъ на мою книжонку:—что вотъ-де самородка произведеніе, исправленное и изданное гр. Д. Н. Толстымъ, на котораго смѣло можно положиться; что-де въ самомъ дѣлѣ книжка вышла премилая; что у меня-де есть кипы подобныхъ самородныхъ произведеній, да все, знаете, некогда взяться за исправленіе и т. д.» Вотъ что пѣлъ Булгаринъ, а другіе говорили, и, кажется, печатали, что гр. Толстой не обращалъ никакого вниманія на поправки и замѣтки Никитина, а печаталъ, что ему вздумалось; намъ положительно извѣстно, что и то и другое неправда. Не менѣе доставляла хлопотъ и волненій Никитину отправка новыхъ стихотвореній въ тогдашніе петербургскіе журналы. Хотя г. Порѣцкій, какъ мы сказали, былъ самымъ усерднымъ его коммиссіонеромъ; но въ положеніи Никитина, было отъ чего волноваться! Волновали его и толки о немъ, какъ о поэтѣ, и взгляды на его общественное положеніе. Такъ одинъ журналистъ предложилъ за напечатанныя имъ семь довольно большихъ стихотвореній Никитина 25 р. с.; г. Порѣцкій не взялъ этихъ денегъ, сказавъ: «Я узнаю, согласится ли на это Никитинъ.»—«На что ему деньги! восклицаетъ суровый журналистъ:—вѣдъ онъ даромъ ихъ проѣстъ на своемъ постояломъ дворѣ!» Другой шлетъ ему,

вмѣсто денегъ и въ видѣ подарка, какой-нибудь разрозненный хламъ, большею частію своего издѣлія. Здѣсь уже кстати сказать о волненіяхъ и тревогахъ, испытанныхъ Никитинымъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія его стихотвореній въ началѣ 1856 г.; особенно опечалила его статья «Русскаго Вѣстника», кажется, принадлежавшая покойному Кудрявцеву, статья дѣльная, но односторонняя. Впрочемъ, всѣ эти тревоги, неизбѣжныя для начинающаго литератора, изчезали въ полнотѣ наслажденія поэтическимъ творчествомъ, доселѣ не испытаннаго Никитинымъ. Со всѣмъ жаромъ долго голодавшей души, онъ предался этому наслажденію и писалъ относительно много, замѣчательно быстро совершенствуясь въ стихѣ и композиціи. Въ Іюлѣ 1854 года онъ началъ уже «Кулака», лучшее и совершеннѣйшее свое произведеніе, къ которому часто и подолгу возвращался.—Чтеніе самое разнообразное и серьёзное, изученіе Французскаго языка, на которомъ Никитинъ въ послѣдствіи свободно читалъ и могъ кое-какъ объясняться, составленіе для себя маленькой библіотеки изъ нашихъ лучшихъ писателей, живыя бесѣды съ образованными людьми, въ особенности съ женщинами, все это производило на него самое благотворное, умиротворяющее вліяніе. Стоитъ только прочитать крошечныя его записки къ Второву (1854—1856 г.г.), съ которымъ онъ часто ими обмѣнивался, чтобы убѣдиться въ этомъ; отъ нѣкоторыхъ строкъ такъ и вѣетъ полнотою счастія.

«Я стою теперь передъ столомъ. Книги на столѣ въ порядкѣ; гляжу на нихъ, улыбаюсь самодовольно и думаю: Фу, чертъ возьми! Ужь, въ самомъ дѣлѣ, не великій ли я человѣкъ! вѣдь пять книгъ!....

Но, вдругъ, о ужасъ! какой-нибудь извощикъ выводитъ меня изъ самозабвенія крикомъ: « Савеличъ! овса!.... Э, малый! да ты острыгся! Вишь виски-то, щетина-щетиной!» — «Я сегодня ѣздилъ въ поле. Боже! какъ хорошо! Ручьевъ тысячи, звуковъ тысячи! Все кипитъ, начинаетъ жить. Видѣлъ и слышалъ жаворонковъ, грачей, скворцовъ, утокъ. Теперь—въ ушахъ шумъ, въ глазахъ—видѣнная картина.»

А вотъ другая, зимняя картина въ шуточномъ родѣ, когда, стало быть, было до шутокъ:

Ну, вотъ я дождался разсвѣта,
Гляжу въ окно—все нѣтъ добра!
Чертъ знаетъ! Ни зима, ни лѣто...
Бѣги хоть съ горя со двора!
Мой другъ! Скажите, ради Бога,
Когда-жь падетъ надежный снѣгъ,
Окончится ѣзда телѣгъ,
Настанетъ зимняя дорога?
Напрасно я за ворота
Спѣшу, обозовъ поджидая:
Безмолвна улица пустая,
Дворъ пустъ, въ карманѣ пустота!..
Дай помолюсь въ тоскѣ-печали:
Не медли, матушка зима!
Мы безъ тебя оголодали,
Всѣмъ дворникамъ грозитъ сума....
О, горе, горе! Въ избахъ пусто....
Куда же дѣнется у насъ
Въ кадушкахъ припасенный квасъ
И наша кислая капуста,—
Чѣмъ дорожитъ, къ чему привыкъ
Нашъ русскій баринъ и мужикъ?
Аминь! Да будетъ власть Господня!
«Лукичъ» *) мой просится сегодня

*) «Лукичъ»—герой «Кулака», рукопись котораго часто читалась и пересылалась Второву.

Къ вамъ въ гости. Этакой оселъ!
Какъ зюзя съ ярмарки пришелъ.....*)

Въ P. S. въ одной изъ своихъ записокъ, писанной на розовой бумагѣ, Никитинъ говоритъ: «Конечно, вы замѣчаете своего рода прогрессъ въ моихъ запискахъ?... Ничего, ничего... Молчаніе!»—«Въ эту пору, замѣчаетъ Второвъ, Никитинъ сдѣлался уже свѣтскимъ человѣкомъ. Онъ бросилъ свой длиннополый сюртукъ и сшилъ себѣ платье по модѣ (только до фрака никогда не доходило дѣло), сдѣлался очень развязенъ; прежней дикости не было и слѣда». Повторяемъ, едва-ли былъ такъ счастливъ Никитинъ, какъ въ эту первую пору своей новой жизни, а когда онъ былъ счастливъ, т. е. спокоенъ, трудно было найти человѣка живѣе и любезнѣе его! Нелюдимости и угрюмости какъ не бывало; шутки и остроты не сходили съ устъ; въ такомъ же родѣ писались записки къ знакомымъ, иногда стихами, какъ слѣдующіе стихи къ Второву, при посылкѣ къ нему «Живописца», журнала Новикова:

Изъ библіотеки старинной
Вамъ томъ разрозненный дарю;
Я, признаюсь, морали чинной
Въ сатирѣ скучной не люблю.
Желаю вамъ подъ этой пылью
Съискать побольше добрыхъ лицъ;
Пусть вѣетъ сладостною былью
На васъ отъ сѣренькихъ страницъ.
Да, кстати! Новость сообщаю:
Мой Дмитричъ далеко.... увы!
Я самъ извощиковъ ветрѣчаю,—
И дворникъ съ ногъ до головы!

---

*) См. главы V и VI поэмы «Кулакъ». Стихи писаны 23 Декабря 1856 года.

Дмитричъ былъ что-то въ родѣ прикащика у Никитина, прикащика, впрочемъ, не очень расторопнаго; онъ назывался иначе «ритористомъ», потому что когда-то учился въ Семинаріи, гдѣ дошелъ до риторики.

Перерожденіе Никитина, такъ быстро совершившееся, не оттолкнуло, однако же, его отъ «грязной дѣйствительности», отъ постоялаго двора. Съ того времени, когда онъ началъ получать гонорарій за свои стихотворенія, и когда оказалась довольно порядочная выручка отъ распродажи книжки, за уплатой расходовъ по изданію, самое положеніе постоялаго двора измѣнилось къ лучшему, вмѣстѣ съ положеніемъ его хозяина; всѣ постояло-дворскія потребности удовлетворялись безотлагательно; явилась возможность имѣть прикащика и завести лошадь; не было надобности самому стряпать и прислуживать извощикамъ. Правда, было много хлопотъ и возни съ дворомъ; было много грязи въ этой постояло-дворской обстановкѣ,—но что за надобность, когда на нее никто изъ друзей Никитина не обращалъ вниманія, когда каждый изъ нихъ спѣшилъ на этотъ бѣдный постоялый дворъ, въ это убогое мѣщанское жилище, во всякое время дня и ночи, по зову и безъ зова хозяина! Никитинъ любилъ собирать у себя вечеринки во всякое время, но особенно въ дни большихъ праздниковъ и на свои имянины, 26-го Сентября. Еще свѣжи въ нашемъ воспоминаніи эти вечера, и отсюда, издалека, какъ живая рисуется въ нашемъ воображеніи дорогая картина! Вотъ онъ—крошечный домикъ на Кирочной улицѣ, второй отъ угла, налѣво, съ тремя окнами на улицу. Ѣдешь, бывало, къ нему въ тёмную осеннюю ночь по едва мощенной и ничѣмъ

не освѣщенной улицѣ. Ни звука, ни шороха! Только покачиваешься на извощичьихъ пролеткахъ, ныряющихъ по лужамъ. Но вотъ обдаютъ тебя лучи свѣта, и сквозь вспотѣвшія три окна видишь знакомыя листья розовой травки и лилій. «Стой!» кричишь извощику; сходишь съ пролетокъ, съ трудомъ пробираешься по узкому ветхому крылечку и прямо входишь въ переднюю, изъ которой ведутъ двѣ двери,—направо и налѣво; направо въ большую комнату, выходящую на улицу тремя знакомыми намъ окнами, налѣво—въ другую половину домика, которую занималъ Савва Евтѣичъ. Комната направо была спальней, кабинетомъ, гостиной и всѣмъ, чѣмъ хотите, для Ивана Савича; ее описалъ онъ въ выше приведенныхъ нами стихахъ. Здѣсь-то, во время вечеринокъ, шла немолчная бесѣда, отсюда-то ложились лучи свѣта по грязной улицѣ, привѣтно васъ манившіе. Вы входите и садитесь непремѣнно подлѣ круглаго желтаго «стола на жалкихъ ножкахъ», на «диванѣ съ подушкою худою», или на стульяхъ. Шума и крику довольно; гости вооружены большими стаканами съ чаемъ, который приготовляется въ комнатѣ, что̀ насупротивъ передней, и чинно разносится двоюродными сестрами Никитина, сосѣдками Тюриными (Анной и Пелагеей Николаевнами), обыкновенно призываемыми для подобныхъ торжественныхъ случаевъ; въ случаѣ отсутствія одной изъ нихъ, самъ хозяинъ-поэтъ занималъ ея мѣсто. Тѣмъ же чиннымъ порядкомъ разносился десертъ, состоящій изъ разныхъ благодатей мѣстной Помоны. На имянины непремѣнно приготовлялась легкая закуска съ неизбѣжнымъ и всегда плохимъ пирогомъ. Но гостямъ не было дѣла ни до десерта, ни до закуски. Заводчикомъ спо-

ровъ, стало быть, душою бесѣды, былъ Придорогинъ съ его страстію вѣчно ставить вопросы и никогда не затрудняться ихъ рѣшеніемъ, какъ бы оно радикально ни было; истиннымъ Несторомъ бесѣдъ былъ Второвъ, лучше и основательнѣе другихъ образованный, съ его умною, логически-послѣдовательною рѣчью. Изрѣдка ввертывалъ и свое, иногда очень мѣткое и оригинальное, слово Савва Евтѣичъ, тутъ же обыкновенно, между гостями, сидѣвшій въ своемъ длиннополомъ синемъ сюртукѣ. Самъ Иванъ Савичъ только урывками принималъ участіе въ бесѣдѣ, принужденный хлопотать по хозяйству, или принимать гостей; если гость былъ въ первый разъ въ домѣ, онъ непремѣнно подводилъ его къ отцу, говоря: — «рекомендую вамъ—мой батенька!» Да, шумѣли много на Никитиныхъ вечеринкахъ; но нельзя сказать, чтобы «шумѣли—и только!» Начиная съ 1856—57 г., когда появились «Русскій Вѣстникъ» и «Русская Бесѣда», когда въ воздухѣ запахло освобожденіемъ крестьянъ и ароматомъ самыхъ смѣлыхъ надеждъ, когда намъ, провинціаламъ, все же многому недоучившимся, приходилось провѣрять себя, сводить счеты съ своимъ прошлымъ, перевоспитываться, — эти скромныя вечеринки, на которыхъ приносилась только одна жертва—змѣиному зелію, отъ Китянъ получаемому, нисколько не походили на Репетиловскія, хотя участвующіе въ нихъ, расходясь далеко за полночь по домамъ, нерѣдко вспоминали безсмертные стихи Грибоѣдова. Или вотъ другая картина, все въ той же комнатѣ, но уже въ лѣтнюю пору, и еще до захожденія солнца. Придешь, бывало, одинъ къ Никитину и застаешь его сидящимъ на диванѣ за столомъ. На столѣ лежатъ двѣ-три книги, стоитъ чернильница, разбро-

саны бумаги. По прошествіи многихъ лѣтъ—пяти забылись веденныя рѣчи, но не забылось чтеніе Никитинымъ задушевнѣйшихъ его произведеній, не забылся его симпатичный голосъ, звенящій чистымъ баритономъ; никогда не забудется выраженіе строгаго и блѣднаго лица его, его горящихъ глазъ, на вѣкахъ которыхъ часто дрожали слёзы! Трепетъ пробѣгалъ по вашему тѣлу, когда въ безмолвной комнатѣ, залитой лучами лѣтняго солнца, мужественно раздавались звуки, напримѣръ, вотъ такихъ стиховъ:

Какъ узникъ, я рвался на волю,
Упрямо цѣпи разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!

Да, и вы твердо и свято вѣрили чтецу, что онъ и рвался, и разбивалъ, и желалъ и не жалѣлъ! Одной изъ такихъ минутъ я обязанъ дружественнымъ сближеніемъ съ Никитинымъ.

4*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Деревня и общество женщинъ.—Болѣзнь Никитина.—Отъѣздъ Второва.—Письмо къ нему Никитина.—Новая жизнь послѣдняго съ весны 1857 года. «Кулакъ».—Любовь.—Мысль о книжной торговлѣ.—Городскія сплетни.—Устройство книжнаго магазина и его открытіе.

Освоившись съ своимъ новымъ положеніемъ, Никитинъ съ удовольствіемъ покидалъ свою берлогу не только для бесѣды съ своими городскими друзьями и знакомыми, но и для деревни, для общества людей, мало ему знакомыхъ. По свидѣтельству Второва, Никитинъ часто ѣзжалъ въ деревню Плотниковыхъ, находившуюся не далеко отъ Воронежа, если не ошибаемся, въ Землянскомъ уѣздѣ. Здѣсь открылся передъ нимъ новый міръ—природы и быта. Довольно живописная природа воронежскихъ окрестностей, хорошо знакомая Никитину, еще не давала ему полнаго понятія о всемъ разнообразіи и прелести нашей при-донской природы, отличающейся кроткимъ характеромъ безконечныхъ, но живописныхъ равнинъ. Питомецъ мѣщанскаго быта и постоялаго двора, Никитинъ оживалъ въ деревнѣ, былъ обязанъ ей лучшими минутами своей жизни. Благотворно и поучительно, до нѣкоторой степени, было на него вліяніе и деревенскаго быта. Здѣсь онъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ крестьянину въ его домашней, семейной обстановкѣ; здѣсь на него хорошо подѣйствовалъ и помѣщичій бытъ, хотя Никитинъ едва-ли сознавалъ по-

слѣднее. Надо правду сказать, всѣ мы до начала великой крестьянской реформы были до нѣкоторой степени нигилистами. Страстно желая освобожденія крестьянъ, мы относились къ помѣщичьему быту съ полнѣйшимъ отрицаніемъ его историческихъ заслугъ: мы, образованные люди, забывали, что въ помѣщичьей средѣ хранились историческія преданія, росла и крѣпла наша цивилизація и было, право, много хорошаго. Мы не хотимъ пѣть панигирика отжившему явленію, и тѣмъ менѣе, раздражать кого бы то ни было: мы только здѣсь, кстати, хотѣли сказать,—и это намъ нужно и по отношенію къ герою нашего разсказа,—что безпощадно рвать всякую связь съ прошлымъ и въ тоже время изумляться: откуда берутся эти рвущіе? сдѣлалось хронической нашей болѣзней. Вокругъ женщины, какъ само-собою разумѣется, сосредоточивалась вся прелесть и поэзія отжившаго помѣщичьяго быта. Живой образъ такой женщины литература представляетъ въ Татьянѣ Пушкина; тысячи такихъ Татьянъ, такихъ истинно русскихъ женщинъ, образованныхъ, кроткихъ, но глубокихъ своимъ жизненнымъ содержаніемъ, и граціозныхъ, были разсыпаны по нашимъ деревнямъ въ эпоху, предшествующую эманципаціи крестьянъ. Въ семействѣ Плотниковыхъ, съ которымъ мы не были знакомы, было, если не ошибаемся, нѣсколько дѣвицъ. Превосходный садъ и молодое общество прекраснаго пола самымъ живительнымъ образомъ подѣйствовали на Никитина, и, если можно такъ выразиться, растворили его душу для впечатлѣній, дотолѣ незнакомыхъ ему. Мы имѣли возможность читать письма Никитина къ Плотниковымъ: въ нихъ нѣтъ ничего, если хотите, интереснаго; но есть именно то, о чемъ мы говоримъ

—юношеская полнота жизни, на которую только урывками былъ способенъ Никитинъ, да и то развѣ только въ эту пору. Въ числѣ бумагъ Никитина находится стихотвореніе, написанное на память ему одною изъ особъ не нашего пола. Мы не знаемъ имени этой особы; знаемъ только, что она не принадлежала къ семейству Плотниковыхъ, и что Иванъ Савичъ былъ съ нею только въ добрыхъ отношеніяхъ. Это обстоятельство давало бы намъ право напечатать все стихотвореніе, не совсѣмъ выдержанное, но очень граціозное, если бы мы не боялись длинноты его; довольствуемся отрывкомъ, который приводимъ для доказательства того, что говорилось выше и вообще, и по отношенію къ Никитину. Дѣло идетъ о садѣ, или лучше сказать, объ одномъ уголкѣ его, «безмолвномъ и забытомъ, густою чащею тѣнистыхъ липъ закрытомъ.» Прощаясь съ этимъ «безмолвнымъ пріютомъ,» поэтъ-дѣвушка говоритъ:

Прощай!... Промчатся дни, десятки лѣтъ пройдутъ;
Ты будешь зеленѣть, цвѣсти и красоваться,
Но я не приду тобою любоваться!
И нѣтъ въ тебѣ слѣда ни задушевныхъ думъ,
Которыми кипѣлъ и волновался умъ,
Ни даже тѣхъ шаговъ, которыми, бывало,
Твой шелковистый дернъ задумчиво я мяла!
Кому же скажешь ты о памяти моей?....
Когда-нибудь судьба подъ тѣнь твоихъ вѣтвей,
Быть можетъ, приведетъ того, кто духа силы
Для жизни пробудилъ въ душѣ моей унылой;
Напомни обо мнѣ ему, мой уголокъ!
Навѣй высокихъ думъ и грезъ златыхъ потокъ,
Волненье успокой души его тревожной,
Согрѣй надеждою, что счастіе возможно;
И, убаюканный волшебною мечтой,
Заснетъ въ его груди недугъ сомнѣній злой!

Нечего удивляться, что Никитинъ любилъ бывать въ обществѣ женщинъ, и что женщинамъ онъ нравился. Правда, былъ онъ не ловокъ всегда; дворникъ, если хотите, отчасти изъ-за него высматривалъ; но женщинамъ нравилась въ немъ необыкновенная искренность, сила и цѣломудренность мысли. Если Никитинъ не любилъ ни одной женщины до 1853 года, то это, помимо его замкнутости, могло происходить и оттого, что онъ не зналъ ихъ совсѣмъ, что подойти къ нимъ онъ боялся, какъ боялся войти въ кругъ равнаго съ нимъ по образованію общества. Кажется, нечего говорить, что Никитинъ не могъ увлечься непосредственнымъ чувствомъ и, тѣмъ болѣе, къ существу непосредственному.

Читатель можетъ упрекнуть насъ, что мы идеализируемъ своего героя, что мы положеніямъ, о которыхъ говоримъ, придаемъ черезчуръ идиллическій характеръ. Дальнѣйшій разсказъ оправдаетъ насъ отъ упрека въ идеализаціи. Что же касается до идилліи, то она, какъ гармонія во всѣхъ отправленіяхъ нашей жизни, въ жизни Никитина только и была въ эту эпоху, и то какъ рѣдкая гостья. Прощаясь съ нею навсегда, мы обращаемся опять къ самымъ прозаическимъ и печальнымъ явленіямъ въ жизни нашего героя.

Къ числу ихъ принадлежитъ болѣзнь Никитина, не просто временная болѣзнь, не просто хроническій недугъ, а безпрерывный рядъ физическихъ страданій, продолжавшихся по полугоду, страданій, при которыхъ не мыслимо было мало-мальски спокойное существованіе. Въ жизни Никитина съ 1853 года, въ поэтической его дѣятельности, этою болѣзнію очень многое объясняется. Въ ко-

ротенькой записочкѣ, отъ 14-го Апрѣля 1855 года, вотъ что писалъ Никитинъ къ Второву: «... я боленъ. Ноги, поясница, желудокъ... бѣда! Впрочемъ, я живущъ—это не въ первый разъ!» Къ этой запискѣ Второвъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

«Когда я познакомился съ Никитинымъ, онъ уже постоянно жаловался на разстройство желудка и питался только куринымъ супомъ съ бѣлымъ хлѣбомъ да какой-нибудь кашицей. Разстройство желудка, по его разсказамъ, началось у него съ тѣхъ поръ, какъ онъ, хвалясь своей силой, поднялъ несоразмѣрную тяжесть, *) при чемъ у него какъ бы порвалось что внутри. Это случилось года за три, или четыре, до знакомства со мною. Болѣзнь, о которой говорится въ запискѣ, онъ схватилъ, благодаря мнѣ: наканунѣ, т. е. 13-го Апрѣля, было прелестнѣйшее утро, и я съ нимъ сдѣлалъ дальнюю прогулку пѣшкомъ за городъ (что не рѣдко случалось) къ Архіерейской дачѣ, за Троицкой слободой. Весна была ранняя; все было уже зелено. Бродя по берегу рѣки, мы любовались ея гладкой поверхностью, гдѣ, какъ въ зеркалѣ, отражалась вся противоположная сторона. Я, отчаянный гидропадъ, соблазнился, не выдержалъ и сталъ купаться. Примѣру моему, не смотря на мое предостереженіе, послѣдовалъ и Никитинъ. Послѣдствіемъ этого купанья и была его болѣзнь, продолжавшаяся все лѣто. Сначала съ нимъ сдѣлалась горячка и дѣло было очень плохо. Пичкалъ его тогда Т.; Никитинъ просилъ, чтобы я привезъ къ нему К—сова. За горячкою послѣдовало скорбутное состояніе: онъ лишился употребленія ногъ и постоянно лежалъ въ постели. П. И. Са-

*) Сдвинулъ съ мѣста чѣмъ-то нагруженный возъ.

востьяновъ предложилъ ему тогда переселиться на время въ свое имѣніе (Сухіе Гаи) въ надеждѣ, что свѣжій деревенскій воздухъ поправитъ лучше его здоровье, чѣмъ лѣкарства. Никитинъ принялъ это предложеніе, но не выдержалъ, кажется, и десяти дней и снова возвратился въ Воронежъ. «Здѣсь, писалъ онъ ко мнѣ, я одинъ, и это уединеніе убиваетъ меня не менѣе болѣзни. Тоска страшная! Родныхъ нѣтъ никого, не на комъ остановить глазъ. Быть можетъ, эта тоска ребячество,—я не спорю; но выше моихъ силъ съ нею бороться, не видя надежды къ лучшему. Впереди представляется мнѣ картина: вижу самого себя медленно умирающаго, съ отгнившими членами, покрытаго язвами, потому что такова моя болѣзнь!» Помогъ ему окончательно К—совъ, къ помощи котораго онъ совсѣмъ обратился, отказавъ Т. К—совъ посовѣтовалъ ему бросить нелѣпую діету, которой онъ до того времени постоянно держался, и велѣлъ ему употреблять болѣе грубую пищу, ѣсть кислыя щи, солонину съ хрѣномъ и уксусомъ, пить квасъ и т. п., чего онъ прежде боялся какъ яду. Совѣтъ этотъ весьма скоро оказалъ свое полезное дѣйствіе, т. е. прибавимъ, вылѣчилъ отъ скорбута, но не отъ болѣзни желудка, не отъ кишечной чахотки, если только мы не ошибаемся въ опредѣленіи болѣзни Никитина. Еще по осени того же года Никитинъ писалъ: «Вчера (12-го Октября) для меня былъ страшный день. Я думалъ, треснетъ мой черепъ,—такъ болѣла голова отъ разстройства желудка!» Это былъ обычный симптомъ болѣзни.»

Графъ Д. Н. Толстой, первый издатель сочиненій Никитина и до самой его смерти одинъ изъ искренно расположенныхъ къ нему людей, служилъ въ это время въ Петербургѣ, вице-директоромъ де-

партамента Полиціи исполнительной, при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Графъ предложилъ Никитину поднести отъ его имени по экземпляру стихотвореній Высочайшимъ Особамъ. Само-собою разумѣется, что Никитинъ съ радостію на это согласился. Стихотворенія были поднесены при простыхъ вѣрноподданническихъ письмахъ Никитина. Обѣ Императрицы, царствующая и вдовствующая, и покойный Цесаревичъ Николай Александровичъ удостоили Никитина драгоцѣнными подарками, которые онъ принялъ съ восхищеніемъ. «Милый Николай Ивановичъ, писалъ онъ къ Второву, ура!! Отъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны сію минуту имѣлъ счастіе получить золотые часы. Пожалуйте ко мнѣ. Я прибѣгъ бы къ вамъ самъ, но у меня И. А. Придорогинъ и сей часъ будетъ Л—къ. Приходите посмотрѣть. Цѣлую васъ заочно. Рука дрожитъ. Извините! 1856 г., числа не помню. Вашъ И. Никитинъ.»—Нечего говорить, что Высочайшее вниманіе къ трудамъ Никитина возвысило его во мнѣніи всего городскаго общества и, такъ сказать, авторизовало эти труды. Къ этому же времени относится нѣсколько заочныхъ знакомствъ, пріобрѣтенныхъ Никитинымъ; къ числу ихъ принадлежитъ знакомство съ В. А. Кокоревымъ, обратившееся въ послѣднее время въ пріязнь. Не столько первое изданіе, принятое, какъ извѣстно, довольно равнодушно публикой, сколько стихотворенія, явившіяся въ промежуткѣ времени, съ половины 1856 г. и до конца 1857 г., изъ которыхъ нѣкоторыя были весьма замѣчательны, пріобрѣли Никитину много горячихъ поклонниковъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся въ его бумагахъ письма.

1857-мъ годомъ оканчивается первый періодъ литературной дѣятельности Никитина, первый періодъ его новой жизни. Въ этомъ году Второвъ покинулъ Воронежъ. Смерть въ самое короткое время двухъ нѣжно любимыхъ дѣтей, нѣкоторыя служебныя непріятности, а, главное, недостатокъ серьезнаго дѣла, занятій по душѣ,—все это тянуло Второва туда, гдѣ онъ, въ самый разгаръ величайшихъ государственныхъ преобразованій, такъ честно, благотворно, но скромно трудился, поскольку эти труды касались Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Съ отъѣздомъ Второва, сначала въ Нижній-Новгородъ, а потомъ въ Петербургъ, письма къ нему Никитина (64 №№) становятся уже настоящими, большими письмами,—въ почтовый и болѣе листъ, исписанный его мелкимъ, но четкимъ почеркомъ. Отселѣ эти письма будутъ служить главнѣйшимъ источникомъ нашего разсказа.

Чего стоила Никитину разлука съ Второвымъ,— объ этомъ можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма его къ послѣднему, отъ 15-го Апрѣля 1857 года:

«Я не могу начать моего письма къ вамъ, какъ обыкновенно начинается большая часть писемъ: Милостивый Государь N N! Вѣетъ холодомъ отъ этого начала, и оно кажется мнѣ страннымъ послѣ тѣхъ отношеній, которыя между нами существовали. Я готовъ назвать васъ другомъ, братомъ—если позволите,—и никакъ *Милостивымъ Государемъ*...

«Что дѣлать! по неволѣ пришлось обратиться къ перу и бумагѣ, чтобы перемолвиться съ вами словомъ! Не замѣнятъ эти бѣдныя строки нашихъ изустныхъ рѣчей!...Признаться, я не могу похвалиться счастьемъ своихъ привязанностей: вы третье

лицо, которое я теряю, *) лицо для меня самое дорогое, потому что ни съ кѣмъ другимъ я не былъ такъ откровененъ, никого другаго такъ не любилъ. Силу этой привязанности я понялъ только теперь, сидя въ четырехъ стѣнахъ, не зная куда и выйти, хотя многіе меня приглашаютъ. Если и выйду, обыкновенно между мною и встрѣтившимся мнѣ знакомымъ начинается, что называется, пересыпанье изъ пустаго въ порожнее; оно и естественно: мой характеръ раскрывается не передъ каждымъ. Я душевно люблю Придорогина, бываю у него почти всякій день; но потому-ли, что и онъ упалъ духомъ такъ же, какъ и я, наши бесѣды не облегчаютъ, а давятъ насъ своимъ содержаніемъ.—А что, братъ, говоритъ онъ, подпирая рукою свою больную голову:—видно, приходится умирать! Зачѣмъ жить,—неизвѣстно! А жизнь скверно прожита!—Жалоба заключается горькой улыбкой. Я молча смотрю въ окно изъ его третьяго этажа. Весело гремятъ по мостовой пролетки; весело снуютъ пѣшеходы; пестрѣютъ кровли зданій, трубы; зеленѣются кое-гдѣ сады; красная полоса зори догораетъ на синевѣ неба. Обстановка, кажется, не дурна; но что за тяжесть на сердцѣ! что за скука въ душѣ!... Послѣ долгаго молчанія, разговоръ переходитъ на общее мѣсто—разную современную гадость, и, право, чувствуешь себя точно разбитымъ, окунувшись въ этотъ зловонный омутъ. Прохожу мимо вашей бывшей квартиры—она пуста. Не видно знакомыхъ мнѣ бѣлыхъ занавѣсокъ; вечеромъ не горитъ огня въ кабинетѣ, гдѣ такъ часто я думалъ, читалъ, бесѣдовалъ,—словомъ, благодаря вашему дружескому,

---

*) Первые два, думаемъ, были: Дураковъ и г. Нордштейнъ.

разумному вниманію, находилъ средства забывать всѣ дрязги моей домашней жизни. Какъ же мнѣ не любить васъ! Какъ мнѣ о васъ не думать! Второе—неизбѣжное слѣдствіе перваго, въ особенности теперь. Саади сказалъ правду: Quand on est seul, on est plus que jamais avec ceux, qu'on aime. Богъ вѣсть, гдѣ и когда мы встрѣтимся! и встрѣтимся-ли, это вопросъ! Не понимаю, что дѣлается со мною съ нѣкотораго времени. Все мнѣ опротивѣло: мой домъ, выходъ изъ дома, разговоры съ кѣмъ бы то ни было, трудъ, даже книги. Если это болѣзнь, пусть бы она поскорѣе проходила. Единственная книга, которую я теперь читаю и которая меня завлекла, Le Derniers des Mahicans Купера, увлекла, можетъ быть, потому, что дѣйствительность въ ней воспроизведенная, совершенно противуположна тому, что меня окружаетъ. Кажется, вмѣстѣ съ героями романа я слышу величавый шумъ водопадовъ, брожу въ дѣвственныхъ лѣсахъ, упиваюсь воздухомъ пустынь новаго свѣта. Все-таки легче, когда забудешься, хоть не надолго. Разъ десять начиналъ я новую работу, поэму, *) но разрывалъ въ мелкіе куски. Жалкое начало! Дрянь выходитъ изъ-подъ пера! Нѣтъ, придется, вѣрно, отказаться отъ міра искусства, въ которомъ когда-то мнѣ жилось такъ легко, хотя этотъ міръ и былъ ложный, созданный моимъ воображеніемъ, хотя чувства, изъ него выносимыя, были большею частію «плѣнной мысли раздраженье.» Придется, видно, по словамъ Пушкина:

Ожесточиться, очерствѣть
И, наконецъ, окаменѣть.

«Грустная будущность! Но что же дѣлать! Видно, я ошибся въ выбранной мною дорогѣ! Искра даро-

*) «Городскаго Голову».

ванія, способная блестѣть въ потьмахъ и чуждая силы грѣть и освѣщать предметы, не разгорится пожаромъ, потому что она жалкая искра... А свѣтящимся червячкомъ я быть не хочу. Можетъ быть, я бы и трудился, и вышло бы что нибудь изъ-подъ пера сносное; но воздухъ, которымъ я дышу, отравилъ мое дыханіе. У Пушкина книгопродавецъ говоритъ поэту, что его несчастія—источникъ пѣсней. Правда; но въ такомъ только случаѣ, если эти несчастія дѣйствуютъ на поэта, какъ шпоры на коня, побуждая его къ бѣгу; но когда шпоры обращаются въ ударѣ ножомъ, бѣдный конь откажется отъ бѣга и упадетъ на землю, истекая кровью. Бури внѣ семейства, каковы бы онѣ ни были, еще сносны; но неумолкаемая гроза и гроза, отвратительная, грязная, подъ родною кровлей—невыносимая битва, потому что она—уродливость въ природѣ, вопль тамъ, гдѣ, по естественному ходу вещей, ожидаешь невозмутимаго мира, гдѣ надобно бы черпать силу для борьбы съ внѣшнимъ зломъ, котораго такъ много и которое такъ разнообразно. Да ниспошлетъ мнѣ Господь духа мудрости, смиренномудрія, терпѣнія и любви! Иглы, ежедневно входящія въ мое тѣло, искажаютъ мой характеръ, дѣлаютъ меня раздражительнымъ, доводятъ иногда до желчной злости, за которою немедленно слѣдуютъ—раскаяніе и слёзы, увы! слёзы тоски и горя, жалкія, безсильныя слёзы!!!...»

Но какъ ни горько было Никитину разставаться съ Второвымъ, эта разлука до нѣкоторой степени была для него полезна. Хотя еще съ 1856 года кружокъ Второва началъ распадаться; но все же, до самаго дня его выѣзда изъ Воронежа, собиравшіеся у него люди образовали новый, замкнутый,

хотя, можетъ быть, и не столь тѣсный, кружокъ. Неоспоримо, что исторія нашего просвѣщенія есть исторія кружковъ, но къ эпохѣ освобожденія крестьянъ эти литературные кружки начали распадаться,—къ лучшему или къ худшему?—Богъ вѣсть. Въ виду предстоящаго громаднаго дѣла, въ кружкахъ всѣмъ было тѣсно; это стѣсненіе первый, кажется, почувствовалъ Второвъ съ его прямымъ и практическимъ взглядомъ на жизнь. Съ отъѣздомъ Второва я бы могъ сказать, что вокругъ меня сталъ собираться новый кружокъ, если только мои вечера по субботамъ, продолжавшіеся до смерти Никитина, можно назвать этимъ именемъ. Но ничего кружковаго въ нихъ не было и быть не могло, ни по времени, ни по роду моихъ занятій (я былъ въ то время учителемъ въ Кадеткомъ Корпусѣ), ни по образу жизни самого Никитина, значительно измѣнившемуся и не такъ уже теперь исключительному и замкнутому. Собирались у меня разъ въ недѣлю Никитинъ, Придорогинъ, Н. П. Курбатовъ (воспитанникъ Московскаго Университета, переѣхавшій въ Воронежъ въ 1857 году), Ѳ. Н. Бергъ (въ то время еще кадетъ) и Н. С. Милашевичъ, товарищъ мой по гимназіи, одинъ изъ героевъ Крымской войны, разсказы о которой оживляли наши бесѣды. Я не имѣю права наскучать читателю подробностями ни объ этихъ бесѣдахъ, ни о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ Никитину, мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ выбывали изъ нашего кружка тѣ или другія лица, перешедшихъ въ самыя близкія и дружественныя. Но при всемъ моемъ желаніи быть какъ можно краткимъ, по поводу этихъ отношеній, пусть извинитъ меня читатель, если въ дальнѣй-

шемъ разсказѣ о жизни Никитина мнѣ придется не разъ обращаться къ самому себѣ.

Итакъ, съ отъѣздомъ Второва, вплоть до открытія книжнаго магазина, жизнь Никитина шла своею обычною колеею: чтеніе, литературныя занятія, дворничество, изрѣдка посѣщеніе знакомыхъ, чаще болѣзнь, поглощали все его время. Посмотримъ, что говоритъ самъ Никитинъ объ этомъ все еще полузамкнутомъ періодѣ своей жизни.

2-го Августа 1857 г.

«Кулакъ» сегодня отправляется въ Москву подъ покровительство Константина Осиповича (г. Александрова-Дольника). Я сдѣлалъ весьма незначительныя перемѣны въ нѣкоторыхъ главахъ. Довольно, покуда не марать!... К. О. пишетъ, что Таракановъ въ сценѣ, когда Лукичъ проситъ у него помощи, напоминаетъ Подхалюзина. Я рѣшительно съ нимъ не согласенъ и всю сцену оставилъ не тронутою. Такимъ образомъ можно сказать: Лукичъ похожъ на Чичикова, Скобѣевъ еще на кого-нибудь и т. д. Если бы и были черты случайнаго сходства, что же это доказываетъ? Ровно ничего! Я могу походить на васъ, имѣть одинаковый вкусъ и проч., но изъ сходства вкусовъ не слѣдуетъ, что вы и я одно и тоже... Покуда мнѣ сомнѣваться и въ «Кулакѣ» и въ самомъ себѣ!... Въ продолженіи этого времени я кое-что читалъ. Право, произведенія à la Щедринъ наводнили литературу. Не много скучно: это выстрѣлы на воздухъ, холостые заряды... Много грома и мало пользы!»

20-го Сентября 1857 г.

«.... Мои дѣла идутъ—слава Богу. Если бы вы были въ Воронежѣ, я кое-что прочиталъ бы вамъ. Некрасовъ у меня есть, не утерпѣлъ—добылъ *). Да ужь какъ же я его люблю! А жаль, что онъ не сократилъ «Поэта и Гражданина», въ особенности въ описаніи бури, да и начало того..... не приготовляетъ къ цѣлому, а вещь все таки превосходная! Теперь полеживаю на диванѣ съ Шекспиромъ (перев. Кетчера). Какое славное лицо по отдѣлкѣ Фольстафъ! Въ «Отеч Записк.» я думаю, вы скоро увидите разныя разности извѣстнаго вамъ стихокропателя....»

14-го Апрѣля 1858 г.

«.... Я читаю теперь Etudes sur l'avenir de la Russie. Видно, что писано помѣщикомъ... Ну, да пусть себѣ разглагольствуетъ! Дѣло идетъ своимъ чередомъ.... Хозяйство мнѣ просто шею переѣло. Нѣтъ ни одного дня, чтобы не слышалъ я толковъ о горшкахъ, корчагахъ, щахъ и проч., да иди въ кухню, да посмотри, да помири кухарку съ дворникомъ, которые побранились за какую-то дрянь. Дворникъ говоритъ:—я жить не хочу.—Кухарка легла на печь.—Я, говоритъ, стряпать не хочу, хоть всѣ оставайся безъ обѣда. Записки Семинариста подвигаются впередъ тихо, даже слишкомъ тихо!...»

*) 2-е изданіе, продававшееся въ это время отъ 6 до 10 руб.

27-го Іюня 1858 г.

«.... Вотъ уже болѣе мѣсяца я живу по сосѣдству съ А. Р. Михайловымъ на дачѣ, если только можно назвать дачею сальные заводы, гдѣ все есть: и страшное зловоніе, и тучи мухъ, и ночью лай собакъ, и къ несчастію сквернѣйшая погода.... *)

*) Въ это время набросано Никитинымъ слѣдующее стихотвореніе:

ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ.

Дождь и холодъ—нѣтъ погоды!
Выйти некуда—хоть брось!
Виды—сальные заводы,
Выздоравливай, небось!
Наслаждайся въ этомъ раѣ!
Слушай, музыка пошла:
Свинки хрюкаютъ въ сараѣ,
Лай собака подняла,
На дворѣ кричатъ вороны,
Вѣтеръ свищетъ и поетъ;
Въ полѣ слякоть, рожь поклоны
Поминутно отдаетъ.
Вотъ такъ дача! Вотъ такъ радость!
Тутъ отъ скуки пропадешь!
Тутъ не жизнь, а просто—гадость,
Тутъ отъ холоду умрешь!
Правда—книги—утѣшенье,
Но весь день читать, читать,—
Въ головѣ пойдетъ круженье,
Можно зрѣнье потерять!
Не пойти ль къ сосѣду съ горя?
Тамъ хоть люди, говоръ, смѣхъ,
Отдохнешь, шутя, иль споря....

Читаю много, но ничего не дѣлаю, и, право, не отъ лѣни. Нѣсколько дней тому назадъ я заглянулъ домой; тамъ кутежъ! Сказалъ—было старику, чтобы онъ поберегъ свое и мое здоровье, поберегъ бы деньги—вышла сцена, да еще какая! Я убѣжалъ къ Придорогину и плакалъ навзрыдъ... Вотъ вамъ и поэзія! Природа надѣлила меня крѣпкимъ организмомъ: хотя я задыхаюсь, а все еще живъ.»

25-го Іюля 1858 г.

«.... Здоровье мое плохо. Докторъ запретилъ мнѣ на время работать головою. Вотъ уже съ мѣсяцъ ничего не дѣлаю и пью исландскій мохъ. Скука невыносимая! Книгъ нѣтъ, да и такую дрянь печатаютъ въ журналахъ! Отъ бездѣлья берусь за Нѣмецкій языкъ. Придорогинъ подарилъ мнѣ Словарь Рейфа, и вчера вечеромъ мы начали съ нимъ переводить *Заговоръ Фіеско*, Шиллера. А помните

Какъ тутъ быть? итти не грѣхъ,
Жаль, сосѣдъ съ утра до ночи
Занятъ дѣломъ..... Боже мой!
Какъ ему хватаетъ мочи?
Это—мученикъ святой!
Онъ уменъ—въ глаза не скажетъ:
«Эхъ, братъ, шутъ тебя принесъ!...»
Онъ и виду не покажетъ,
А подумать... гмъ!.... вопросъ!
Что жь? повѣситься мнѣ что ли?
Нѣтъ, на дачѣ не рука!
Стало—дурно, хорошо ли—
Маршъ съ двора! ей-ей, тоска!

7-го Іюня 1858 года.

стихотвореніе Шиллера «Идеалы»? Боже мой! Какъ сравнилъ я его съ нашими переводами, что за дрянь послѣдніе! За Жуковскаго просто стыдно: онъ не понялъ подлинника и не умѣлъ удержать —не говорю—картинъ и красоты выраженія—даже мыслей....»

5-го Сентября 1858 г.

«.... Я все боленъ и боленъ болѣе прежняго. Мнѣ иногда приходитъ на мысль: не отправиться ли весною на воды, испытать послѣднее средство къ возстановленію моего здоровья? Но вопросъ: доѣду ли я до мѣста? Болѣзнь отравляетъ мою жизнь, не даетъ мнѣ работать, отнимаетъ у меня всякую надежду на будущее....»

19-го Сентября 1858 г.

«.... Если я могу надѣяться на полученіе Шиллера и Гейне, *) то... я такъ радъ, что путаюсь въ словахъ. Вы вообразите: вѣдь я тогда буду богачъ! У меня составится порядочная библіотека. А сколько наслажденія предстоитъ мнѣ впереди при чтеніи! «Идеалы» Шиллера я уже знаю наизусть; «Море и Сердце» Гейне—тоже. Это стихотвореніе попалось мнѣ въ одной Нѣмецкой христоматіи. Теперь я все читаю разныя серьёзныя вещи на Французскомъ языкѣ, отысканныя мною въ библіотекѣ г. Потапова, помѣщика Землянскаго уѣзда.**) Между прочимъ я недавно познакомился

*) Сочиненіе Гёте, Шиллера и Гейне подарилъ Никитину В. А. Кокоревъ.

**) Эта прекрасная библіотека принесена ея владѣльцемъ, А. Л. Потаповымъ, въ даръ Воронежской Публичной Библіотекѣ въ 1865 г.

съ Шенье. Какія у него картины въ антологическомъ родѣ! Но его предсмертныя стихотворенія такъ и хватаютъ за душу! Какое присутствіе духа! Писать стихи въ то время, когда жизнь виситъ на волоскѣ, когда въ корридорѣ тюрьмы уже слышны шаги солдатъ, идущихъ за поэтомъ!....»

6-го Октября 1858 г.

«За отсутствіемъ дворника, я отпускаю извощикамъ овесъ и сѣно и распоряжаюсь помѣщеніемъ ихъ телѣгъ на моемъ дворѣ. Это занятіе, при невозможности взяться за лучшій трудъ, развлекаетъ меня,—и слава Богу! Чего болѣе?... Утомившись порядочно за день, въ сумерки я зажигаю свѣчу, читаю какой-нибудь журналъ. Когда же чувствую себя нѣсколько здоровѣе, берусь за Шиллера и копаюсь въ лексиконѣ, покамѣстъ зарябитъ въ глазахъ. Часовъ въ 12 засыпаю и просыпаюсь въ 4, иногда въ 3 часа. Разсвѣтъ уже застаетъ меня за чаемъ, который подкрѣпляетъ меня и оживляетъ на нѣкоторое время. Но передъ обѣдомъ я снова чувствую непріятное разслабленіе въ тѣлѣ, и тогда принимаю холодную ванну, послѣ которой бѣгаю по улицамъ или по двору въ теплой шубѣ, а въ ясный солнечный день бѣгаю до того, что подкашиваются ноги и едва-едва согрѣваюсь. Вотъ какъ много осталось крови въ вашемъ покорнѣйшемъ слугѣ, или, лучше сказать, какъ дурна его кровь. —Скучно!.. Сколько я видѣлъ порядочныхъ молодыхъ людей, краснорѣчиво и громко защищавшихъ всѣ благія стремленія впередъ, и—увы! какая-нибудь тамъ пошлая женитьба, грошевый интересъ перевертывали имъ голову, каменили ихъ сердце!

Грустно, когда подумаешь, что все доброе, общечеловѣческое лежитъ, такъ сказать, не въ основѣ нашего характера, не вытекаетъ изъ него естественно и разумно, какъ слѣдствіе изъ причины, а приходитъ къ намъ извнѣ, при однихъ извѣстныхъ условіяхъ приносимое благопріятнымъ вѣтромъ, при другихъ—приносимое противнымъ. Общество наше или слишкомъ молодо, или уже слишкомъ развращено, такъ что не въ силахъ выработать человѣка въ широкомъ смыслѣ этого слова (кажется, то и другое вмѣстѣ). Конечно, встрѣчаются исключенія, но много ли ихъ?... Переселеніе мое изъ Воронежа должно остаться для меня не осуществимымъ, хотя я и не прочь отъ него, ради своего душевнаго спокойствія. Но могу ли я оставить старика его судьбѣ? Притомъ мое здоровье не вынесетъ ни продолжительной дороги, ни перемѣнъ въ образѣ жизни. Принять на себя какую-нибудь обязанность?... но при плохомъ здоровьи—плохая служба. Жить не работая, или, что тоже, жить, работая дурно, слѣдовательно, получать плату выше труда—я не могу: такого рода плата походила бы на милостыню, а милостыня меня умертвитъ.»

Если кто, судя по элегическому тону этихъ писемъ, сочтетъ Никитина какимъ-то сентиментальнымъ юношей, тотъ жестоко ошибется. Въ характерѣ Никитина не было и тѣни сентиментальности, по крайней мѣрѣ, въ эту пору; напротивъ, практическое пониманіе жизни до такой степени было ему свойственно, что оно чуть не разссорило его съ друзьями—идеалистами, какъ читатель увидитъ ниже. Въ немногіе часы здоровья и душевнаго спокойствія (что почти всегда зависѣло одно отъ другаго) Никитинъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ:

живой, веселый, шутникъ, неумолкаемый разсказчикъ; жаль, что въ эти минуты онъ, какъ видно, рѣдко переписывался съ Второвымъ. Въ такія минуты Никитинъ любилъ болтать по-французски, нарочно коверкая произношеніе, а къ отсутствующимъ пріятелямъ любилъ писать французскія записки. Одна изъ такихъ записокъ оканчивается слѣдующимъ четырестишіемъ:

На языкѣ чужомъ я началъ объясняться,
Уставъ отъ русской чепухи;
Вѣкъ просвѣщенія!.... Чему тутъ удивляться,
Когда А. А. писалъ стихи?

Вотъ одинъ отрывокъ изъ письма 1857 г., уже цитированнаго нами; онъ писанъ, кажется, въ веселыя минуты:

«.... Городъ нашъ бѣлится, румянится, охорашивается. Если бы были архитекторы—парикмахеры, кажется, онъ завилъ бы себѣ кудри. Удивительный щеголь! По-видимому, приготовляется къ чему-то торжественному, а къ чему? неизвѣстно. Рынокъ иногда обращается въ театръ, гдѣ разыгрываются небольшія піесы, впрочемъ богатыя по содержанію. Напримѣръ. Сцена представляетъ утро. Накрапываетъ мелкій дождь. Торговки согнулись и дрожатъ отъ холода. Передъ ними: груши, яблоки, дули, грибы и т. п.—Идетъ! Идетъ!—кто-то отрывисто и въ полголоса восклицаетъ въ толпѣ,—и торговый людъ робко смотритъ по направленію протянутой руки бородатаго кулака.—Вонъ—онъ!—замѣчаетъ послѣдній,—и лицо, почтительно сопровождаемое свитой, является на сценѣ. Размѣреннымъ шагомъ подходитъ оно къ торговкѣ, беретъ изъ ведра груздь и отвѣдываетъ.

„ Это что?

— Грузди, батюшка!

„ А въ груздѣ что?

— Ничего, батюшка.

„ Такъ ты такіе-то продаешь грузди! Съ червями! Въ полицію ихъ!..., Эй, С.! возьми!

— Такъ нѣтъ же! Пропадай они тутъ!—И старая торговка опрокидываетъ въ грязь свой свѣжепросоленный товаръ. Главное лицо піесы плюетъ и удаляется размѣреннымъ шагомъ. Окружающіе изумлены; зѣваки его сопровождаютъ.

„ Это что?—Нахмурившись восклицаетъ тоже лицо и отвѣдываетъ мягкую грушу.

— Гру...Гру--ши!—Трепетно отвѣчаетъ торговка.

„ Гнилыя!

Торговка хочетъ раскусить другую грушу, показать, что «гнилья» тутъ нѣтъ и не было, но груша летитъ и расплющивается объ ея щеку. Лотокъ съ товаромъ опрокидывается нѣмыми лицами піесы. Повелѣвающая ими плотная особа проходитъ по разсыпаннымъ грушамъ; другая, тоже плотная, но поменьше ростомъ, топчетъ ихъ; остальная свита, идя почти въ присядку, окончательно ихъ уничтожаетъ.

Если читатель обратитъ вниманіе на число написанныхъ Никитинымъ въ это время (до конца 1858 г.) стихотвореній и на двѣ начатыя большія вещи—поэму «Городской Голова» и «Записки Семинариста», принявъ въ соображеніе отношеніе его къ дворничеству, высказанное въ письмѣ отъ 6-го Октября 1858 г., отношеніе далеко теперь не враждебное, при другихъ благопріятствующихъ условіяхъ;—то онъ согласится съ нами въ томъ, что мы выше сказали о Никитинѣ: ничего въ немъ не было сентиментальнаго; даже крайности направле-

нія, подъ вліяніемъ котораго онъ воспитался, начали теперь исчезать въ немъ совершенно, благодаря вліянію времени и преимущественно московской журналистики («Рус. Вѣстнику и Рус. Бесѣдѣ»), завершившей умственное развитіе Никитина. «Кулакъ», вышедшій изъ типографіи въ концѣ 1857 и поступившій въ продажу въ началѣ 1858 г., былъ благосклонно принятъ публикою и журналами. Это задушевное произведеніе Никитина, вмѣстѣ съ печатавшимися въ туже пору его стихотвореніями, окончательно утвердило за нимъ довольно почетное мѣсто въ нашей литературѣ,—какое именно?—это дѣло критика теперешняго, посмертнаго изданія его сочиненій, а не біографа. Но Никитинъ былъ теперь доволенъ собою, и имѣлъ полное право сказать: «Покуда мнѣ сомнѣваться въ самомъ себѣ!» Самый восторженный пріемъ встрѣтилъ себѣ «Кулакъ» въ разборѣ академика Я. К. Грота, напечатанномъ въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ». Разборъ этотъ, называющій поэму Никитина «замѣчательнымъ явленіемъ въ русской поэзіи», былъ читанъ въ засѣданіи Отдѣленія. Въ «Кулакѣ» находится много чертъ автобіографическихъ; нѣкоторыя въ немъ сцены писаны прямо съ натуры. Если «Лукича» и нельзя назвать живымъ подобіемъ Саввы Евтѣича, то въ основаніи ихъ характеровъ легло много общаго. Мы имѣемъ нѣкоторое право предполагать, что старикъ Никитинъ инстинктивно понималъ это сходство; но, какъ человѣкъ умный, едва ли негодовалъ на сына, такъ-какъ поэтъ—сынъ относился къ своему герою очень симпатично. «Кулакъ» разошелся очень быстро: къ концу года не было уже въ продажѣ ни одного экземпляра. Въ распродажѣ этой поэмы принималъ

самое живое участіе В. А. Кокоревъ, лично незнакомый съ Никитинымъ, но которому поэтъ нашъ былъ очень многимъ обязанъ. «Кулакъ», за всѣми расходами, доставилъ Никитину полторы тысячи рублей сереб. Нѣкоторые книгопродавцы вступили съ нимъ въ переговоры о продажѣ «Кулака» и о напечатаніи его вторымъ изданіемъ. Желалъ этого и самъ Никитинъ, но неудобство заочныхъ переговоровъ, а главное, поглощеніе новымъ дѣломъ, которому онъ предался со всею страстію, остановили и продажу, и изданіе. Въ письмахъ Никитина къ Второву, относящихся къ этому времени, въ которое происходили предварительныя работы въ губернскихъ комитетахъ по улучшенію быта крестьянъ, какъ тогда выражались, есть нѣсколько любопытныхъ фактовъ, имѣющихъ мѣстный интересъ, обнародованіе которыхъ въ настоящее время, впрочемъ, не совсѣмъ удобно.

Оживъ, на сколько можно было ожить полуживому человѣку, прогнавъ со двора долой нужду и крайнюю бѣдность, достигнувъ литературной извѣстности и почета въ глазахъ образованныхъ людей Воронежа, Никитинъ сильно почувствовалъ то, чего ему не доставало съ самой ранней юности: присутствіе въ домѣ, въ семействѣ, любящаго женскаго существа, безъ котораго жизнь холостяка такъ черства и холодна. Имѣя уже за тридцать лѣтъ, Никитинъ съ ужасомъ обращался къ предстоящей жизни стараго холостяка и только утѣшался тѣмъ, что не доживетъ до этой поры. Нѣсколько ранѣе того времени, о которомъ мы ведемъ рѣчь, Никитину понравилась одна дѣвушка, принадлежащая къ одному почтенному и образованному купеческому семейству, въ которомъ онъ былъ дружески принятъ.

Понравилась она ему очень. Мы употребимъ собственное выраженіе Никитина: «въ наши съ вами годы (я былъ старше его двумя годами) ужь какая тамъ любовь!» говорилъ онъ не разъ. Но чувство это было въ немъ серьёзно и сильно, еще сильнѣе —желаніе подавить его. Проси Никитинъ руки этой дѣвушки, можно быть увѣреннымъ, что предложеніе его не было бы отвергнуто ни *ею*, ни *ея* семействомъ. Но какъ просить ему, полуживому человѣку, дворнику, живущему въ грязи и съ такимъ отцомъ! Какъ окружить подобной обстановкой существо необыкновенно доброе, но выросшее совсѣмъ въ иной атмосферѣ! Что же оставалось дѣлать?... Еще новый вопросъ жизни, который Никитинъ порѣшилъ такъ: подавить въ себѣ это чувство и не дать ему разгорѣться. И хотя приводить въ исполненіе подобныя рѣшенія былъ онъ большой мастеръ, но теплота этого чувства еще долго согрѣвала его душу. Это было замѣтно даже въ тѣ рѣдкія веселыя минуты, когда онъ трунилъ и надъ самимъ собою, и надъ своимъ чувствомъ. Вотъ отрывокъ изъ письма, написанный, какъ надобно полагать, въ одну изъ такихъ минутъ и относящійся къ предмету, о которомъ мы говоримъ:

«.... «Осуществилась-ли моя завѣтная мечта? вы спрашиваете. Покамѣстъ нѣтъ. Скоро-ли она осуществится—навѣрное сказать не могу. Для того, чтобы мечта эта перешла въ дѣйствительность, мною положено много труда; но мнѣ кажется, все-таки я далекъ отъ цѣли. Быть можетъ, я имѣлъ бы возможность приблизиться къ ней съ помощію побочныхъ средствъ; но побраните вашего покорнѣйшаго слугу за его упрямство—я во всемъ хочу быть обязаннымъ только своимъ собственнымъ си-

ламъ, только своей собственной энергіи. Такимъ образомъ шла до этого дня моя жизнь. Если въ дни моей молодости я не задохся, не погибъ въ окружающемъ меня воздухѣ, если я сгладилъ съ себя печать семинарскаго образованія, если я вошелъ въ кругъ порядочныхъ людей,—всѣмъ этимъ я обязанъ одному себѣ. Итакъ, или до конца надобно выдержать испытаніе, выпить чашу до дна,—или, при неудачѣ, остаться, по крайней мѣрѣ, съ безукоризненною совѣстью, съ мыслью, что я поступилъ благородно, что я смѣло смотрѣлъ не только на улыбающееся мнѣ счастіе, но и на суровое, грозящее мнѣ горе. За неимѣніемъ лучшаго, и это можетъ быть утѣшеніемъ, впрочемъ, такимъ, которое изрѣжетъ морщинами мое лицо и сдѣлаетъ сѣдыми нѣсколько моихъ волосъ. Какъ видите, я не жаркій мечтатель!... Въ эту минуту мнѣ пришли на память слова Пушкина, вложенныя имъ въ уста Ленскаго:

Писалъ темно и вяло....

Въ самомъ дѣлѣ, я пишу темно. А что до вялости.... Ахъ, если бы я далъ волю своему перу, клянусь Богомъ, огонь брызнулъ бы изъ этихъ строкъ; но.. Довольно, почтеннѣйшій Иванъ Савичъ, довольно!—« Слушаю-съ! »

«А propos: у васъ по платью встрѣчаютъ, или по чинамъ? Сохрани Богъ, если вы скажете: по письмамъ. Тогда я пропащій человѣкъ!»

Осенью 1858 года Никитинъ считалъ себя чуть не богачомъ: у него набралось до двухъ тысячъ рублей. Что дѣлать съ этими деньгами?—вотъ вопросъ, который занималъ его очень много. Думалъ было онъ купить какой-то каменный домъ, продававшійся съ аукціона по сосѣдству, но это намѣреніе почему-то не осуществилось. Приглашеніе

«Общества дешеваго изданія книгъ» въ агенты дало первую мысль Никитину о книжномъ магазинѣ. Эта мысль зрѣла и развивалась въ немъ очень быстро и уже въ концѣ Октября отправилась въ Петербургъ на обсужденіе Второва и Придорогина, проживавшаго тамъ временно по своимъ дѣламъ. На моей квартирѣ почти каждый вечеръ шли объ этомъ толки, строились проекты по устройству книжнаго магазина, полагались начала, на которыхъ слѣдуетъ вести торговлю и т. п. Въ этихъ совѣщаніяхъ принимали дѣятельное участіе Н. С. Милашевичъ и Н. П. Курбатовъ. Разсчитывали, что для открытія магазина необходимо имѣть еще тысячи двѣ рублей; но гдѣ ихъ взять? Достать такую сумму денегъ на вексель или подъ залогъ дома въ Воронежѣ, записаннаго впрочемъ на имя отца, не было никакой возможности. Друзья Никитина предложили ему просить этихъ денегъ заимообразно у г. Кокорева, который былъ очень хорошъ съ Второвымъ и уже не разъ обнаруживалъ самое теплое участіе къ нашему поэту. Не безъ борьбы съ самимъ собою принялъ Никитинъ это предложеніе: онъ очень хорошо зналъ, что г. Кокоревъ ему не откажетъ; но что если дѣла пойдутъ плохо и не чѣмъ будетъ расплатиться съ великодушнымъ кредиторомъ!... Положимъ, «Кулакъ» пошелъ отлично; можно выпустить второе изданіе стихотвореній; но все же не думать нельзя: заемъ могъ кончиться благодѣяніемъ, которое Никитинъ и въ тогдашнемъ своемъ положеніи, и какъ человѣкъ честный, не могъ принять. Письмо его къ Второву отъ 27-го Октября, въ которомъ Никитинъ проситъ его переговорить съ г. Кокоревымъ о займѣ, носитъ на себѣ слѣды самой тяжелой борьбы. Но, по счастію,

деликатность В. А. Кокорева вполнѣ успокоила Никитина. «Кокоревъ, писалъ Второвъ, дастъ вамъ въ ссуду просимыя вами три тысячи рублей. Но чтобы заемъ этотъ не тяготилъ васъ, онъ предлагаетъ вамъ издать полное собраніе вашихъ стихотвореній съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи ихъ въ двухъ заводахъ, распродать и вырученными деньгами покрыть долгъ; изданіе и распродажу онъ принимаетъ на себя.» Векселя съ Никитина г. Кокоревъ взять не согласился. Но прошелъ цѣлый мучительный мѣсяцъ, пока не получилъ Никитинъ этого радостнаго отвѣта. Причина такой медленности объясняется тѣмъ, что Петербургскіе друзья Никитина Второвъ и Придорогинъ, довольно равнодушно встрѣтили мысль о книжномъ магазинѣ и старались отклонить отъ нея Ивана Савича. Второвъ боялся за его здоровье, за благосостояніе, которое, пожалуй, можетъ и лопнуть, тѣмъ болѣе, что въ Воронежѣ уже существовали въ то время три книжныхъ лавки. Къ этимъ опасеніямъ присоединился страхъ Придорогина за Никитина-поэта, дарованіе котораго, высоко имъ цѣнимое, легко можетъ быть убито торгашествомъ. Но Никитинъ не внималъ увѣщаніямъ друзей и со всей страстію предался задуманному дѣлу. Трудно описать восторгъ его при полученіи вышеприведеннаго письма Второва! «Вѣрите-ли, отвѣчаетъ онъ послѣднему, за обѣдомъ я почти ничего не ѣлъ, вечеромъ почти не могъ пить чая,—вотъ до какой степени я былъ потрясенъ!... Ура, мои друзья!... Прощай, постоялый дворъ! Прощайте, пьяныя пѣсни извощиковъ! Прощайте толки объ овсѣ и сѣнѣ! И ты, старушка Маланья, будившая меня до разсвѣта вопросомъ—вотъ въ такомъ-то, или въ такомъ гор-

шкѣ варить горохъ, потому что на дворъ пріѣхало вотъ только-то извощиковъ?—прощай моя милая! Довольно вы всѣ унесли у меня здоровья и попортили крови! Ура, мои друзья! Я плачу отъ радости.—Позвольте на минуту бросить перо!...» «Я берусь за книжную торговлю, говоритъ Никитинъ въ письмѣ къ г. Кокореву, не въ видахъ чистой спекуляціи. У меня есть другая, болѣе благородная цѣль: знакомство публики со всѣми лучшими произведеніями русской и французской литературы, въ особенности знакомство молодежи, воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній.... Помощь, продолжаетъ Никитинъ, которую вы мнѣ оказываете—не простое участіе, не мимолетное состраданіе къ тяжелому положенію другаго лица, нѣтъ! это въ высшей степени благотворная, живительная сила, которая обновляетъ все мое существованіе. *До тѣхъ поръ я былъ страдательнымъ нулемъ въ средѣ моихъ согражданъ; теперь вы выводите меня на дорогу, гдѣ мнѣ представляется возможность честной и полезной дѣятельности; вы поднимаете меня, какъ гражданина, какъ человѣка!»* Назадъ тому десять лѣтъ Никитинъ не повѣрилъ бы, что онъ будетъ говорить такимъ языкомъ!....

Все, по-видимому, устроилось, какъ нельзя лучше: деньги есть, планъ книжной торговли выработанъ, Курбатовъ принялъ непосредственное участіе въ дѣлѣ, въ качествѣ компаньона, и во второй половинѣ Декабря отправился въ Москву и Петербургъ за товаромъ; но на первыхъ же порахъ своей новой гражданской дѣятельности Никитину пришлось познакомиться не съ розами ея, а съ терніемъ. Случилось обстоятельство, о которомъ нельзя умолчать, какъ о чертѣ мѣстныхъ провинціаль-

ныхъ нравовъ. Въ это время по городу распространился безграмотно написанный пасквиль на одно значительное лицо. Стали доискиваться, кто написалъ его? Пошелъ слухъ, неизвѣстно кѣмъ распущенный, что написать его никто не могъ, какъ Никитинъ, тотъ, что пишетъ стихи, пьянствуетъ, (?!) нигдѣ не бываетъ, ходитъ съ какимъ-то артиллерійскимъ офицеромъ (Милашевичемъ) по улицамъ и оба пропадаютъ у какого-то учителя Кадетскаго Корпуса, гдѣ-то на Поповомъ рынкѣ, просиживая у него далеко за полночь и, вѣрно, сочиняя пасквили и обличительныя статьи для газетъ. Какъ ни оскорбительно было подобное обвиненіе, но всякій другой отвѣчалъ бы на него смѣхомъ. Но въ положеніи мѣщанина-Никитина, затѣвающаго книжную торговлю, было не до смѣха. Онъ былъ оскорбленъ глубоко и какъ человѣкъ, и какъ гражданинъ, выражаясь его же фразой въ письмѣ къ г. Кокореву: его, аскета, ничего не пьющаго и сидящаго постоянно на одномъ легкомъ супѣ, обвиняли въ пьянствѣ! Ему, горящему желаніемъ приносить общественную пользу, но принадлежащему въ то время мѣщанскому сословію, могло угрожать (и угрожали!) самое возмутительное оскорбленіе! Никитинъ былъ возмущенъ до глубины души. Я никогда не видалъ его въ такомъ мрачномъ состояніи духа, никогда лицо не выражало такой скорби и негодованія, какъ 8 Ноября 1858 г., когда онъ принесъ и прочелъ мнѣ одно изъ превосходныхъ своихъ стихотвореній, оканчивающееся слѣдующими словами, которыя поэтъ едва дочиталъ:

Грудь мою давитъ тяжелое бремя,
Жизнь пропадаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ,
Дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ небѣ.. .

Гдѣ вы—веселье, и сонъ, и здоровье?
Взмокло отъ слезъ у меня изголовье,
Темная даль мнѣ бѣдою грозитъ....
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Но отъ бѣды, которая могла угрожать и вблизи, стихотвореніемъ отдѣлаться было невозможно.—И вотъ Никитинъ рѣшается на шагъ, вызванный необходимостью, но щекотавшій его человѣческое достоинство. Онъ пишетъ къ тогдашнему городскому головѣ, А. Р. Михайлову, дружески къ нему расположенному, оффиціальное письмо. Въ этомъ письмѣ, разсказавъ кратко, но искренно прошлую свою жизнь, и доказавъ, что онъ, ни по положенію своему, во всякомъ случаѣ дающему ему средства къ жизни, стало быть, не вызывающему его писать за деньги все, что угодно (какъ обвиняла его молва), ни по образу своихъ мыслей, не способенъ на роль презрѣннаго пасквилянта,—Никитинъ хотя не употребилъ ни одного льстиваго выраженія объ оскорбленномъ лицѣ, но, говоря о немъ, не могъ и не долженъ былъ отнестись къ нему критически, что давало поводъ толковать это молчаніе совсѣмъ иначе. Но буря прошла мимо и только заставила Никитина хлопотать въ Петербургѣ черезъ Второва объ избраніи его коммисіонеромъ Императорской Академіи Наукъ, во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться потомъ затрудненій по книжной торговлѣ; но коммисіонерство это почему-то не состоялось. Въ послѣдствіи Никитинъ думалъ воспользоваться разсказанною нами передрягой для своей поэмы «Городской Голова», воспользоваться не въ качествѣ обличителя: эта роль ему, воспитанному въ хорошей эстетической школѣ, всегда казалась недостойной художника. Приключеніе,

грозившее разразиться надъ нимъ, давало ему великолѣпный матеріалъ для созданія типовъ, еще ожидающихъ художника; эти личности должны были вступать въ борьбу съ его идеальнымъ Городскимъ Головою и, разумѣется, задушить его: до земскихъ учрежденій и новаго судоустройства Никитинъ не дожилъ.

Тысячу хлопотъ и волненій было Никитину съ устройствомъ книжнаго магазина, съ отъисканіемъ удобнаго помѣщенія, меблировкой, составленіемъ каталоговъ и проч. и проч. Никитинъ спѣшилъ открытіемъ магазина потому, что въ Февралѣ 1859 года открывались въ Воронежѣ дворянскіе выборы, время чрезвычайно благопріятное и для торговли, и для личнаго знакомства съ образованнымъ сословіемъ губерніи, тѣмъ болѣе важнаго, что многіе изъ дворянъ знали Никитина и интересовались его судьбою. Но время уходило; начались выборы; но ни товара, ни отправившагося за нимъ компаньона не было. Много было причинъ, задерживавшихъ Н. П. Курбатова въ Петербургѣ по пріобрѣтенію русскихъ и французскихъ книгъ и письменныхъ принадлежностей, не смотря на то, что ему въ этомъ дѣлѣ помогали Второвъ и Придорогинъ. Никитинъ зналъ эти причины, но сильно волновался, опасаясь за свои матеріальные интересы. Волновался онъ отъ невозможности тотчасъ же приступить ко второму изданію своихъ стихотвореній, въ уплату долга Кокореву; волновался отъ всѣхъ этихъ хлопотъ по устройству магазина, отъ новости положенія, разомкнувшаго его жизнь. Всѣ эти волненія и тревоги свалили его въ постель: онъ заболѣлъ своею обычною болѣзнію, тѣмъ болѣе упорною, что желудокъ его былъ не въ состояніи

принимать никакого лѣкарства. Но вотъ 15 Февраля явились изъ Петербурга Придорогинъ и Курбатовъ; вслѣдъ за ними пришелъ весь купленный для магазина товаръ. Дворянскіе выборы приходили къ концу. Новый книгопродавецъ не вставалъ съ постели. Друзья его, въ продолженіе троихъ сутокъ, не выходили изъ магазина, устанавливая по полкамъ книги и прочія вещи. Толпы любопытныхъ останавливались передъ новой вывѣской, на которой красовались слова: Книжный Магазинъ Никитина. Былъ четвергъ масляницы. Въ девятомъ часу утра Никитинъ пригласилъ священника, и, вмѣстѣ съ нимъ и Саввою Евтѣевичемъ, едва живой, отправился въ свой магазинъ. Отслужили молебенъ съ водоосвященіемъ. Когда Никитинъ, по окончаніи молебствія, оглянулся вокругъ себя, на свою, пріобрѣтенную такою дорогою цѣною, собственность, онъ истерически зарыдалъ—и упалъ на грудь отца....

НАУКА О ЯЗЫКѢ.

НОВЫЙ РЯДЪ ЧТЕНІЙ

Макса Мюллера.

Метафора.

(Продолженіе и окончаніе.)

Есть два рода метафоръ, которыя я называю *корневою* и *поэтическою*. *Корневою* называю метафору, когда корень, имѣющій значеніе блеска, сіянія, образуетъ не только названія огня или солнца, но и выраженія для весны, утренней зари, свѣтлости мысли или радостнаго порыва хвалебныхъ гимновъ. Древніе языки изобилуютъ такими метафорами, и подъ микроскопомъ этимологовъ почти каждое слово обнаруживаетъ слѣды первоначальнаго метафорическаго пониманія.

Отъ этого рода метафоръ мы должны различать *поэтическую* метафору, т. е. когда имя или глаголъ, означающій извѣстный опредѣленный предметъ или его дѣйствіе, для поэтическихъ выраженій будутъ перенесены на другой предметъ или дѣйствіе. Если напр. солнечные лучи называются руками или пальцами солнца, то имя, выражающее руки или пальцы, значитъ уже существовало въ этомъ значеніи и потомъ въ поэтическомъ смыслѣ было перенесено на изливающіеся солнечные лучи. Въ смыслѣ такого же процесса облака называются горами, дождевыя тучи сравниваются съ вымистыми коровами, а громовая туча съ козою или козьей шкурою, солнце называется конемъ, быкомъ, или исполинскою птицею, молнія—стрѣлою или змѣею.

Что сказано объ имени, относится равно и къ глаголамъ. Такъ напр. глаголъ раждать, производить, мо-

жетъ также относиться къ ночи, которая раждаетъ день, или вѣрнѣе, предшествуетъ дню, а равно и примѣняется ко дню, предшествующему ночи. Про солнце, подъ однимъ изъ его названій, говорятъ, что оно раждаетъ утреннюю зарю, потому что приближеніе дневнаго свѣта производитъ разсвѣтъ; подъ другимъ названіемъ представляютъ себѣ, что оно любитъ утреннюю зарю, потому что слѣдуетъ за нею какъ женихъ за невѣстою; и наконецъ про солнце говорятъ, что оно уничтожаетъ утреннюю зарю, потому что она исчезаетъ при восходѣ солнца. Съ другой точки зрѣнія можно бы сказать, что утренняя заря раждаетъ солнце, потому что оно, повидимому, происходитъ изъ ея лона; можно также про нее сказать, что она умираетъ или исчезаетъ, давши происхожденіе своему блестящему сыну, такъ какъ послѣ появленія солнца она должна исчезнуть. Какъ бы противорѣчивы эти метафоры ни были, однако онѣ были вполнѣ понятны древнимъ поэтамъ, хотя для нашего современнаго пониманія онѣ часто составляютъ трудныя загадки. При описаніи восхожденія солнца въ Ригведѣ (X. 189) [15]) сказано, что заря, приближаясь къ солнцу, испускаетъ послѣднее дыханіе, когда солнце вздыхаетъ въ первый разъ. Толкователи давали самыя странныя объясненія этому выраженію, не подозрѣвая простой мысли поэта, которая такъ естественна и понятна.

Итакъ въ исторіи нашей расы, дѣйствительно, необходимо былъ періодъ, когда всѣ мысли, переходившія изъ узкаго круга нашей жизни, должны были получить выраженіе посредствомъ метафоръ, которыя тогда еще не были просто условными или основанными на преданіи выраженіями, какъ теперь, но чувствовались и понимались отчасти въ ихъ первоначальномъ, частью же въ ихъ видоизмѣненномъ характерѣ. Уяснивши себѣ это, мы поймемъ, что такой періодъ мысли и рѣчи рѣзкими чертами долженъ отличаться отъ позднѣйшихъ временъ.

---

[15]) См. М. Мюллера, Die Todtenbestattung der Brahmanen, XI.

Однимъ изъ первыхъ послѣдствій было бы то, что вполнѣ различные между собою предметы и первоначально понимаемые человѣческимъ умомъ въ ихъ различіи, тѣмъ не менѣе получили бы одно и то же названіе. Корень, выражавшій понятіе свѣтить, оживлять, развеселять, могъ быть примѣняемъ и къ утренней зарѣ, какъ къ наступленію разсвѣта послѣ темной ночи, и къ роднику, вытекающему изъ скалы и радующему сердце странника, и къ веснѣ, оживляющей землю послѣ зимняго сна. Такимъ образомъ одно слово можетъ имѣть нѣсколько значеній, и такія слова Аристотель называетъ *гомонимными* или *одноименными*. Съ другой стороны тотъ же предметъ можетъ поражать человѣческій умъ различнымъ образомъ. Солнце можетъ представляться грѣющимъ, производящимъ теплоту и плодотворность, но съ тѣмъ вмѣстѣ и палящимъ и уничтожающимъ; море можетъ называться какъ преградою, такъ и мостомъ, и большою торговою дорогою; облака могутъ быть названы свѣтлыми вымистыми коровами, и мрачными, свирѣпствующими демонами. Каждый день, утромъ разсвѣтающій, можно было бы назвать близнецомъ ночи, слѣдующей за днемъ, или всѣ дни года можно было бы назвать братьями, или стадомъ, выгоняемымъ каждое утро на небесное пастбище и запирающимся на ночь въ темный хлѣвъ Авгея. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же предметъ получаетъ нѣсколько названій, или дѣлается, какъ говорили Стоики, многоименнымъ, polyonymos. Отличительнымъ свойствомъ такъ называемыхъ древнихъ языковъ считаютъ то, что въ нихъ одинъ предметъ имѣетъ нѣсколько выраженій, называемыхъ иногда *синонимными*, соименными, а также и то, что ихъ слова часто имѣютъ много значеній. Но что мы называемъ древними языками, каковы Санскритъ Ведъ или Греческій языкъ Гомера, на самомъ дѣлѣ весьма молодые языки, п. ч. они показываютъ ясные слѣды того, что прошли очень много послѣдовательныхъ періодовъ роста и упадка, пока дошли до того, чѣмъ мы ихъ знаемъ въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ Индіи и Греціи. Каково же должно было быть состояніе этихъ языковъ въ ихъ прежнихъ

періодахъ, прежде чѣмъ многія имена, примѣняемыя къ различнымъ предметамъ, установились для одного предмета, и прежде чѣмъ каждый предметъ, называемый различными именами, удержалъ для себя одно извѣстное названіе! Даже въ настоящее время мы сознаемъ, что многое содержится въ названіи; но тѣмъ болѣе это должно было имѣть мѣсто впродолженіе первобытныхъ временъ дѣтства человѣчества.

Періодъ въ исторіи рѣчи и мысли, который, какъ я старался объяснить, характеризуется двоякимъ направленіемъ, *одноименнымъ* и *многоименнымъ*, [16]) я впредь бубу называть *миѳичискимъ* или *миѳологическимъ* періодомъ; я постараюсь показать, какъ многіе вопросы относительно происхожденія и распространенія миѳовъ, до сихъ поръ остававшіея загадкою, дѣлаются понятными, если ихъ разсматривать въ связи съ ранними фазисами, чрезъ которые необходимо должны пройти языкъ и мысль.

Прежде чѣмъ приступлю къ болѣе полному изложенію моего убѣжденія, я считаю нелишнимъ отвратить два недоразумѣнія, могущія произойти отъ названія *Миѳическій Періодъ*. Слово періодъ я не понимаю въ точномъ его значеніи, ибо нѣтъ опредѣленныхъ границъ, которыя можно было бы провести съ хронологическою точностью. Было время въ древней исторіи всѣхъ народовъ, въ которомъ миѳологическій характеръ преобладалъ въ такой степени, что его можно назвать миѳологическимъ періодомъ, точно также, какъ нашъ вѣкъ называютъ вѣкомъ изобрѣтеній. Но хотя направленіе, характеризующее миѳологическій періодъ, утратило большую часть того вліянія, которое однажды отзывалось на каждомъ нравственномъ движеніи, однако оно продолжаетъ дѣйствовать въ различномъ видѣ и во всѣ вѣка, даже въ наше время, которое, можетъ быть, наименѣе расположено къ метафорамъ, поэзіи и миѳологіи.

---

[16]) Augustinus, Die Civ. Dei, VII, 16. «Et aliquando unum deum res plures, aliquando unam rem deos plures faciunt.»

Во-вторыхъ, я называю этотъ періодъ *миѳическимъ* не въ ограниченномъ смыслѣ слова, какъ оно обыкновенно употребляется, т. е. какъ будто этотъ періодъ необходимо связанъ съ разсказами о богахъ, герояхъ и героиняхъ. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ я понимаю слово *миѳологическій*, оно примѣнимо ко всякой сферѣ мысли и къ каждому классу словъ, хотя религіозныя идеи, какъ будетъ показано дальше, легче всѣхъ принимаютъ миѳологическое выраженіе. Какъ скоро слово, имѣвшее сперва метафорическое значеніе, употребляется безъ яснаго пониманія перехода отъ его первоначальнаго значенія къ метафорическому, то угрожаетъ опасность со стороны миѳологіи; какъ скоро ступени такого перехода забыты или замѣнены искусственными ступенями, мы имѣемъ дѣло съ миѳологіей или, такъ сказать, съ больнымъ языкомъ, относится ли онъ къ духовнымъ, или къ мірскимъ интересамъ. Почему я придаю этому выраженію—*миѳологическій*—столь обширное значеніе, какого оно не имѣло у Грековъ и Римлянъ, будетъ ясно, когда мы дальше увидимъ, что миѳологія, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, есть только часть гораздо болѣе общаго фазиса, чрезъ который долженъ пройти каждый языкъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній я приступаю къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ случаевъ *корневой* и *поэтической* метафоръ.

Корневая метафора весьма часто встрѣчается въ корневыхъ и приставочныхъ языкахъ, но гораздо рѣже въ флективныхъ, какъ на пр. въ Санскритѣ, Греческомъ или Латинскомъ. Это, впрочемъ, не трудно объяснить себѣ. Первый толчекъ къ новому фазису въ жизни языка, называемому *флективнымъ*, дало именно то неудобство, что не всегда можно было вполнѣ опредѣленно выразить словами то, что желалъ сказать говорящій. Такъ какъ чувствовалась важность различать *блескъ* напр. солнца, и *блескъ* дня, и *блескъ* богатства, то корень vas

блистать, былъ видоизмѣненъ посредствомъ флексій въ Vi—vas—vat, солнце, vas—ara, день, и vas—u, богатство. Въ корневыхъ и нѣкоторыхъ приставочныхъ языкахъ простой корень vas могъ бы считаться достаточнымъ для выраженія, по свойству обстоятельствъ, всѣхъ этихъ значеній. Но и флективные языки часто показываютъ примѣры корневой метафоры, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ мы увидимъ, уже въ весьма древнія времена повели къ недоразумѣніямъ, и, въ теченіи времени, къ миѳологіи.

Въ Санскритѣ есть напр. корень ark или arch, блистать; но какъ большая часть первобытныхъ глаголовъ имѣетъ значеніе дѣйствительное и среднее, такъ и этотъ глаголъ значитъ *быть* блестящимъ и *дѣлать* блестящимъ; это послѣднее, однако, въ древнемъ языкѣ значило больше, чѣмъ теперь. Дѣлать блестящимъ—значило услаждать, веселить, прославлять, и въ этихъ значеніяхъ этотъ глаголъ постоянно употребляется древними поэтами Ведъ. Значеніе же корня arch весьма простымъ и понятнымъ процессомъ могло быть перенесено къ солнцу, мѣсяцу или звѣздамъ; всѣ они могли называться arch или ṛich, безъ всякой перемѣны внѣшняго вида этого корня. Слово ṛich, какъ существительное, дѣйствительно, могло имѣть всѣ эти значенія впродолженіе самаго ранняго періода Арійскихъ языковъ. Но если взглянемъ на вполнѣ развившіяся вѣтви этого семейства рѣчи, то мы найдемъ, что ṛich, въ этой простѣйшей своей формѣ, изъ всѣхъ своихъ значеній, удержало только одно, именно значеніе хвалебной пѣсни, гимна, радующаго сердце и веселящаго лице боговъ, или же обнаруживающаго и прославляющаго ихъ силу. [17]) Прочія значенія, которыя могли быть выражены корнемъ ṛich, не были однако вполнѣ утрачены; они получили только болѣе опредѣленныя формы чрезъ новыя и ясныя грамматическія видоизмѣненія того же корня. Такъ на пр. для выраженія свѣта или луча образовалась форма archí, мужскаго рода, а вскорѣ также и

---

[17]) Въ словахъ «ṛiché tvâ ruché tvâ» (Vájasaneyi Sanhitá, 13,39), или содержится отдѣльный остатокъ первоначальнаго значенія корня, сохранившійся въ поговоркѣ, или это этимологическая игра.

средній родъ archis. Ни одно изъ этихъ существительныхъ не употреблялось въ смыслѣ похвалы, который принадлежитъ корню ṛich; они имѣютъ только значеніе свѣта и блеска.

Далѣе образовалось совершенно правильно новое производное arkáḥ муж. р. Оно также значитъ свѣтъ или лучъ свѣта, но установилось какъ имя собственное, свѣтъ свѣтовъ т. е. солнце. Посредствомъ весьма естественной метафоры, arkah стало однимъ изъ многихъ названій солнца; но посредствомъ другой метафоры, объясненной уже выше, arkáḥ съ тѣмъ же удареніемъ и въ томъ же родѣ, употреблялось также въ смыслѣ хвалебнаго гимна. Тутъ у насъ ясный примѣръ корневой метафоры въ Санскритѣ. Не имя arkáḥ, въ смыслѣ солнца, отъ смѣлаго полета воображенія получило новое значеніе хвалебнаго гимна, а также и не на оборотъ. Этотъ же корень arch, въ той же самой формѣ, совершенно самостоятельно послужилъ выраженіемъ для двухъ различныхъ понятій. Когда была забыта причина самостоятельнаго приложенія того же корня къ этимъ двумъ различнымъ понятіямъ, солнцу и гимну, то настала опасность для появленія миѳологіи, и мы дѣйствительно находимъ, что въ Индіи образовался миѳъ, будто хвалебные гимны произошли отъ солнца или первоначально въ немъ были открыты.

Нашъ корень arch показываетъ намъ другой примѣръ того же рода метафоръ, нѣсколько однако отличающійся отъ разсмотрѣннаго выше примѣра. Отъ ṛich, въ смыслѣ сіянія, можно было образовать производное ṛikta, въ смыслѣ свѣтлый, блестящій. Эта форма не встрѣчается въ Санскритѣ, но такъ какъ kt въ Санскр. можетъ переходить въ ks, [18]) то въ словѣ ṛiksha мы узна-

[18]) Кунъ въ Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr., I, 155, первый указалъ на тождество Санскр. ṛiksha и Греч. ἄρκτος въ ихъ миѳологическомъ примѣненіи. Онъ доказалъ, что Санскр. ksh представляетъ первоначальное kt въ takshan, плотникъ, Греч. τέκτων; kshi, жить, греч. κτίω; vakshas, Лат. pectus. Курціусъ (Grundzüge) прибавилъ kshan,

емъ то же производное отъ rich. Riksha, въ значеніи блестящій, стало названіемъ медвѣдя, по блестящимъ ли его глазамъ, или по его блестящей бурой шерсти. [19]) Это же названіе въ Санскр. было дано звѣздамъ блестящимъ. Въ позднѣйшемъ Санскр. это слово употребляется какъ въ значеніи мужеск. такъ и средняго рода, въ Ведахъ же только въ мужеск. родѣ. Въ Ригведѣ (I, 24, 10) есть слѣдующее мѣсто: «Эти на высотѣ расположенныя звѣзды, видимыя ночью, куда дѣваются днемъ?» Замѣчательно, что комментаторъ не доволенъ такимъ переводомъ слова riksha въ значеніи звѣздъ вообще, но указываетъ на преданіе Vâjasaneyin, чтобы показать, что звѣзды, названныя здѣсь rikshas, то самое созвѣздіе, которое въ позднѣйшемъ Санскритѣ называется «Семь Риши или Мудрецовъ.» Это тѣ самыя звѣзды, которыя впродолженіе всей ночи, повидимому, не исчезаютъ, и потому вопросъ, куда онѣ уходятъ днемъ, примѣнимъ преимущественно къ нимъ. Какъ бы то ни было, однако есть такое преданіе, и вопросъ состоитъ только въ томъ, можно ли его объяснить. Замѣтимъ, что созвѣздіе, названное здѣсь rikshas, въ значеніи блестящихъ, въ Санскритѣ одноименно съ медвѣдями. Замѣтимъ также, что, по-видимому, безъ всякаго основанія, то же самое созвѣздіе Греками и Римлянами называется *Медвѣдицей* въ един. ч., árktos и ursa. Это созвѣздіе похоже, пожалуй, на телѣгу, но нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ медвѣдемъ. Тутъ замѣтно вліяніе словъ на мысль или произвольное

умерщвлять, Греч. κταν; Ауфрехтъ (Kuhn's Zeitschr. VII. 71) kshi, умерщвлять, κτι; Лео Мейеръ (374) ksham, земля, χθών. Къ нимъ можно прибавить ksh, владѣть κτάομαι, и можетъ быть kshu, чихать, πτύω, если это послѣднее стоитъ вм. κτύω.

[19]) Гриммъ (Deutsehes Wörterb., подъ слов. Auge и Bär) сравниваетъ r.iksha, медвѣдь, не только съ ἄρκτος, Лит. lokis (вм. olkis, orkis), Иранск. art (вм. arct), но и съ Др. врх. Герм. elah, что не медвѣдь, а лось, описываемый Цесаремъ alces (De Bel. Gall. VI. 27). Но alces болѣе подходило бы къ r.iśa или .risya—родъ изюбра, упоминаемаго въ Ригведѣ VII, 4. 10., съ которымъ Веберъ (Kuhn's Zeitsch. VI. 320) вѣрно сравнилъ ircus, первоначальная форма отъ hircus, (Quintil. I. 5, 20).

зарожденіе миѳологіи. Названіе riksha дано медвѣдю въ смыслѣ бураго, блестящаго животнаго, и въ этомъ смыслѣ оно стало общеупотребительно въ позднѣйшемъ Санскритѣ, въ Греческомъ и Латинскомъ. Это же названіе, въ значеніи блестящихъ, ведическими поэтами было примѣнено къ звѣздамъ вообще и въ особенности къ тому созвѣздію, которое въ сѣверныхъ частяхъ Индіи было наиболѣе замѣтно. Этимологическое значеніе слова riksha, т. е. значеніе просто блестящихъ звѣздъ, было забыто, а общеупотребительное его значеніе медвѣдя всякому было извѣстно. Такимъ образомъ случилось, что Греки, покинувъ свою центральную родину и поселившись въ Европѣ, удержали названіе Arktos для тѣхъ же неподвижныхъ звѣздъ; но не зная, почему имъ первоначально было дано такое названіе, они перестали говорить о нихъ, какъ о медвѣдяхъ во множественномъ числѣ, и называли ихъ просто Медвѣдемъ, Большою Медвѣдицею, прибавивъ еще медвѣжьяго пастуха, Arcturus (oûros пастухъ), а со временемъ даже Малую Медвѣдицу. Такимъ образомъ названіе арктическихъ странъ основано на невѣрномъ пониманіи имени, образовавшагося нѣсколько тысячелѣтій назадъ въ средней Азіи, и удивленіе, съ которымъ многіе глубокомысленные наблюдатели смотрѣли на эти семь звѣздъ, не понимая, почему онѣ названы медвѣдемъ, исчезаетъ передъ свѣдѣніями, которыя намъ доставляютъ древніе аннaлы человѣческой рѣчи.

Съ другой стороны Индусы забыли также первоначальное значеніе слова riksha. Оно стало простымъ именемъ, по-видимому, съ двоякимъ значеніемъ, звѣздъ и медвѣдя. Въ Индіи, однако, преобладало значеніе медвѣдя, и такъ по мѣрѣ того, какъ riksha все болѣе стало устанавливаться, какъ имя этого животнаго, оно теряло свою связь съ звѣздами. Поэтому, когда въ позднѣйшія времена Семь Мудрецовъ стали общеизвѣстны подъ названіемъ Семи Риши, то потерявшіе связь семь riksha совпали съ Семью Риши, и много миѳовъ произошло относительно пребыванія семи мудрецовъ въ семи звѣздахъ. Таково происхожденіе миѳа.

Единственный сомнительный пунктъ въ исторіи миѳа о Большой Медвѣдицѣ, это—неизвѣстность точнаго этимологическаго значенія слова ṛiksha. Непонятно, почему изъ всѣхъ животныхъ именно медвѣдя назвали блестящимъ. [20]) Правда, что причина многихъ названій для насъ необъяснима, и что часто нужно довольствоваться тѣмъ, что такое-то имя происходитъ отъ такого-то корня и потому первоначально имѣло такое-то значеніе. У многихъ сѣверныхъ народовъ, не знавшихъ льва, медвѣдь былъ царь звѣрей; также было бы трудно сказать, почему древніе Германцы называли его Goldfusz, златоногимъ. Но если бы даже отказаться отъ производства ṛiksha отъ корня arch, то позднѣйшіе слѣды въ исторіи этого слова все-таки остались бы тѣ же самые. Riksha, звѣзда, отъ корня arch, сіять, смѣшалось бы съ ṛiksha, медвѣдь, произведеннымъ отъ какого нибудь другаго корня, напр. отъ arś или ṛiś, терзать, рвать; но это не касалось бы причины, почему впослѣдствіи извѣстныя звѣзды были понимаемы какъ медвѣди. Нужно также замѣтить, что въ Ведахъ медвѣдя еще очень мало знаютъ. Въ двухъ мѣстахъ, гдѣ ṛiksha встрѣчается въ Ригведѣ, оно объясняется Саjаною въ смыслѣ портящаго и огня, но не въ значеніи медвѣдя. Въ позднѣйшей литературѣ ṛiksha часто встрѣчается съ значеніемъ медвѣдя.

Другое названіе Большой Медвѣдицы, или первоначально семи медвѣдей или собственно семи блестящихъ звѣздъ, есть Septemtriones. Оба слова, образующія это названіе, встрѣчаются также отдѣльно, напр. quas nostri septem soliti vocitare triones. [21]) Варронъ въ одномъ не совсѣмъ ясномъ мѣстѣ (L. L. VII. 73—77) говоритъ, что triones было названіе, которымъ даже въ его время земледѣльцы означали быковъ, пахавшихъ землю. [22]) Если бы можно было положиться на то, что быковъ

---

[20]) См. замѣчанія Велькера о волкѣ въ его Griech Götterl., стр. 64.

[21]) Arat. in N. D. II. 41, 501.

[22]) Triones enim boves appellantnr a bubulcis etiam nunc maxume quom arant terram; e quis ut dicti valentes glebarii qui facile proscindunt glebas, sic omnis qui terram arabant a terra terriones, unde triones ut dicerentur e detrito.

когда либо называли triones, то принявъ объясненіе Варрона, можно было бы допустить, что когда-то эти семь звѣздъ представляли собою будто семь быковъ. Но дѣло въ томъ, что кромѣ какъ у Варрона для этимологической цѣли, trio въ томъ смыслѣ нигдѣ не встрѣчается, и что объ этихъ семи звѣздахъ нигдѣ не говорится какъ о семи быкахъ, а только какъ «о быкахъ въ ярмѣ,» boves et temo, и что это гораздо болѣе подходящее названіе. Если созвѣздіе, называемое, какъ мы видѣли выше, Arcturus, получило также названіе Boötes, пахарь или пастухъ, то изъ этого можно вывести только то заключеніе, что было представленіе, будто телѣгу (hámaxa) тянули два или три быка, а не то, чтобы о всѣхъ семи звѣздахъ говорили, какъ о быкахъ. Хотя въ подобныхъ вопросахъ невозможно высказаться положительно, однако можно полагать, что trio, уже никакъ не происходяще отъ terra, есть вообще древнее названіе звѣздъ. Мы видѣли, что звѣзды въ Санскритскомъ называются star—as, сыплющія свѣтъ, и что Лат. stella только сокращенное sterula. Отъ того же корня происходятъ Англ. Star и Нѣм. Stern. Но кромѣ star въ Санскритѣ есть еще другое названіе звѣздъ, târâ, съ утраченнымъ начальнымъ s. Такая утрата встрѣчается весьма нерѣдко, [22]) такъ что Лат. trio можетъ представлять первоначальное strio, звѣзда. Когда названіе strio устарѣло, какъ riksha, то Septemtriones стало просто традиціоннымъ именемъ; и если, по словамъ Варрона, въ Латинскомъ для быка было простонародное названіе trio, производимое въ такомъ случаѣ отъ tero, раздроблять,* *тер—еть*, Греч. Τείρω,* то земледѣльцы, говоря о septem triones, семи звѣздахъ, естественно могли представлять себѣ семь быковъ.

Я сомнѣваюсь только въ томъ, что бы семь звѣздъ могли когда либо представлять собою картину семи животныхъ, быковъ ли, или коровъ; точно также мнѣ кажется, что едва ли о нихъ говорили, какъ о *ярмѣ*, temo. По словамъ Варрона, онѣ назывались «boves et temo,» быками въ ярмѣ, но не особо какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Можно

22) См. Kuhn's Zeitschr. VI, 4 и слѣд.

представить себѣ четыре звѣзды быками, а три ярмомъ, или четыре звѣзды телѣгою, одну—ярмомъ, и двѣ—быками; но едвали когда либо называли всѣ семь звѣздъ вмѣстѣ ярмомъ. Можно было бы на это возразить, что Лат. temo не только означаетъ ярмо, дышло, но и телѣгу, и что оно потому равнозначуще съ hâmaxa. Это могло быть, но не смотря на показаніе Варрона, [24]) ничѣмъ не доказано, чтобы Лат. temo дѣйствительно имѣло значеніе телѣги. Если Ювеналъ (Sat. IV, 126.) говоритъ «De temone Britanno exeidet Arviragus,» то здѣсь temo означаетъ ярмо, дышло, потому что Бриты сражались стоя на дышлѣ своей колесницы [25]). Въ другихъ мѣстахъ, [26]) гдѣ слову temo приписываютъ значеніе телѣги вообще, оно означаетъ только наше созвѣздіе; но вѣдь этимъ нисколько не доказывается, чтобы temo когда либо имѣло значеніе телѣги.

Temo стоитъ вмѣсто tegmo и производится отъ корня taksh, отъ котораго происходитъ также tignum, бревно. Также Франц. le timon никогда не значитъ телѣга, но дышло, то же что Нѣм. Deichsel, Англ. Сакс. thixl или thisl [27]); всѣ эти слова, въ полномъ согласіи съ Гриммовымъ закономъ, происходятъ отъ того же корня tvaksh или taksh, какъ и temo. Англ. team, цугъ, напротивъ, не имѣетъ никакой связи съ temo или timon, а происходитъ отъ Англо-Саксонскаго глагога teon, тянуть, Нѣм. ziehen, Готск. tiuhan, Лат. duco. Этотъ глаголъ teon, какъ и Нѣм. ziehen, имѣлъ однако также значеніе

[24]) Varro L. L. VII. 75. Temo dictus a tenendo, is enim continet jugum. Et plaustrum appellatum, a parte totum, ut multa.

[25]) Caesar, de Bell. Gall. VI. 33, v. 16.

[26]) Stat. Theb. I. 692. Sed jam temone supino Languet hyperboreae glacialis portitor Ursae.

Stat. Theb. I. 370. Hyberno deprensus navita ponto, Cui neque temo piger, neque amico sidere monstrat Luna vias.

Cic. Nat. D. II. 42 (vertens Arati carmina) Arctophylax, vulgo qui dicitur esse Bootes, Quod quasi temone adjunctam prae se quatit Arcton.

Ovid. Met. X. 447. Interque triones Flexerat obliqno plaustrum temone Bootes.

Lucan. lib. IV. V. 523. Flexoque Ursae temone paverent.

Propert. III. 5, 35. Cur serus versare boves et plaustra Bootes.

[27]) Англо-С. thisl употребляется какъ названіе созвѣздія Большой Медвѣдицы, какъ temo.

возращенія, и какъ Нѣм. ziehen, Zucht и züchten, такъ и Англ. Сакс. team употреблялось въ смыслѣ происхожденія, потомства; teamian (по-англ. для различія отъ team пишется to teem) приняло смыслъ: производить, раждать и наконецъ изобиловать.

По самому свойству языка, миѳологическія недоразумѣнія, какъ напр. то, которое дало происхожденіе миѳамъ о Большой Медвѣдицѣ, въ древнихъ языкахъ должны встрѣчаться чаще, чѣмъ въ нашихъ. Тѣмъ не менѣе такія же явленія мы находимъ даже во Французскомъ, Англійскомъ и другихъ современныхъ языкахъ. Такъ напр. связывать Англ. walnut, Нѣм. Wallnuss, грецкій орѣхъ, съ wall, валомъ, было бы тоже самое, что говорить о семи звѣздахъ, ṛikshas, какъ о медвѣдѣ. Walnut тоже самое, что Англ. Сакс. wealh-hnut, Нѣм. wälsche Nuss, иностранный, итальянскій орѣхъ. Нѣмецкое wälsch собственно значитъ чужой, иностранный и Германцами преимущественно примѣнялось къ Итальянцамъ; въ Германіи и въ настоящее время Италію называютъ Welschland. Саксонскіе пришельцы это же названіе дали Кельтскимъ туземцамъ Бритскихъ острововъ, которые по-англо-сакс. называются wealh, множ. ч. wealas. Итакъ walnut собственно былъ вообще иностранный орѣхъ; Литовцы его называютъ итальянскимъ орѣхомъ, [28]) Русскіе—грецкимъ, т. е. греческимъ. Теперь же, говоря объ этихъ орѣхахъ, никто уже не думаетъ о ихъ происхожденіи.

Есть супъ, который называется Палестинскимъ. Онъ приготовляется, кажется, изъ артишоковъ, которые, вслѣдствіе недоразумѣнія, названы *Іерусалимскими.* Артишоки, имѣя видъ подсолнечника, по-итальянски названы girasole, отъ Лат. gyrus, кругъ, и sol, солнце. Вотъ какимъ образомъ это слово, вслѣдствіе внѣшняго сходства,

28) Pott, Et. F. II. 127. Itóliskas rĕssutys, грецкій орѣхъ. Нѣм. Lambertsnuss есть nux Lombardica. Вмѣсто Англ. walnut встрѣчается welshnut, Philos. Transact. XVIII. 819, и walshnut въ Herbal Gerarde'a. Въ указателѣ къ Herbal walnut пишется съ двумя l и причисляется къ разряду wallflower.

дало происхожденіе названіямъ іерусалимскихъ артишоковъ и палестинскаго супа!

Одно изъ семи чудесъ Дофинеи во Франціи, это— la Tour sans venin, башня безъ яда, близъ Гренобля. [29]) Говорятъ, что ядовитыя животныя, приближаясь къ этой башнѣ, тотчасъ умираютъ. Хотя этотъ опытъ былъ производимъ, и каждый разъ неудачно, однако въ простонародьи по прежнему продолжаютъ вѣрить въ чудотворную силу того мѣста. Основываются на названіи la Tour sans venin, и болѣе просвѣщенные люди соглашаются развѣ только съ тѣмъ, что башня въ новѣйшее время могла потерять свой чудотворный характеръ, но что она въ прежнія времена навѣрное не была его лишена. Настоящее же названіе этой башни и близлежащей часовни есть San Verena или Saint Vrain, а это перешло въ san veneno и наконецъ въ san venin.

*Звуковое сходство имени древне-Славянскаго божества Волоса съ именемъ Св. Власія, и нѣкоторыя черты, общія имъ обоимъ, послужили поводомъ къ полному смѣщенію древняго языческаго бога съ христіанскимъ святымъ.

Примѣромъ тому, какъ иногда, вслѣдствіе звуковой перемѣны слова, забывается и первоначальное его значеніе и какъ, вслѣдъ за тѣмъ, для новой формы отыскивается и новая этимологія, можетъ послужить также названіе секты, извѣстной подъ именемъ хлыстовщины. Она первоначально называлась Христовщиною, и получила свое названіе отъ Христа, а не отъ глагола хлыстать, т. е. отъ бичеванія своего тѣла, умерщвленія плоти.*

Ограничимся однако этими примѣрами. Рѣчь новѣйшей миѳологіи еще впереди, и потому обратимся опять къ древней миѳологіи. Въ Санскритѣ есть корень ghar, означающій, какъ и ark, блистать, свѣтить и освѣщать; [30]) онъ употреблялся первоначально о лоскѣ жира и

[29]) Brosses, Formation Mécanique des Langues, II. 133.
[30]) Kuhn's Zeitschr. I. 154, 566; III, 346 (Schweizer), IV. 354 (Pictet).

мази. Этотъ первоначальный смыслъ сохранился въ Ведахъ, гдѣ говорится, что жрецъ дѣлаетъ огонь болѣе свѣтлымъ, окропляя его масломъ. Но этотъ корень значитъ не просто окропленіе, а всегда окропленіе блестящимъ жирнымъ веществомъ (beglitzern). [31]) Отъ него происходитъ ghr̥ita, новѣйшее ghi, растопленное масло, и вообще топленый жиръ (Schmalz), жирность почвы и облаковъ. Но жирный значитъ также блестящій, и потому утренняя заря называется ghritápratikâ, свѣтло-яснолицая. Огонь принимаетъ это же названіе; ghr̥itánirn̥ij значитъ: съ замасляными платьями и съ блестящими платьями. Кони *Агни* или огня также называются ghr̥itápr̥isht̥hâh, собственно имѣющіе спины, покрытыя жиромъ, а согласно съ коментаторомъ, откормленные и блестящіе. Эти же кони называются vîtapr̥isht̥ha, съ прекрасными спинами, и ghr̥itasnâh, выкупанные въ жирѣ, блестящіе, увлаженные. Другія производныя отъ отъ этого корня ghar—ghr̥iná, солнечный жаръ; въ позднѣйшемъ Санскритѣ ghrinâ, сердечная теплота или состраданіе, но также жаръ или презрѣніе; ghn̥i тоже значитъ палящій солнечный жаръ. Gharmá есть вообще жаръ, но употребляется также въ смыслѣ всего горячаго, жаркаго, какъ на пр. о солнцѣ, огнѣ, горячемъ молокѣ; оно тожественно съ Греческимъ thermós и Лат. formus, теплый.

*Въ Славянскомъ отъ корня ghar, или его видоизмѣненія har, мы также имѣемъ много производныхъ въ смыслѣ блеска, свѣта, жара. Лит. zerêti значитъ блистать, сіять, и это значеніе свѣта, блеска мы имѣемъ въ Русск. *заря, зоря, зорница, зарево*; *золото* получило свое названіе отъ *желтаго* цвѣта, его блескъ какъ бы уподобляется солнечному сіянію. Далѣе къ представленію или *желтаго* цвѣта, или *жара*, огня, относятся: *горѣть, грѣть, горячій; горькій, горчица; жолчь, желтуха, золотуха*. Какъ въ Санскр. этотъ корень послужилъ выраженіемъ душевной теплоты, состраданія и през-

[13]) Ригв. II. 10, 4. «lígharmy agním havíshâ gh.riténa,» я мажу или придаю лоскъ огню каплями жира.

рѣнія, такъ въ Русскомъ съ словами, какъ *сожалѣніе*, *жаль*, *жалкій*, *горе*, *горевать*, мы связываемъ представленіе пожирающаго внутренняго огня. Наконецъ корень ghar далъ происхожденіе еще одной группѣ словъ въ значеніи зрѣнія: *зрѣть*, *зрѣніе*, *зоркій*, *взоръ* и пр.*

Вмѣсто ghar мы находимъ другой, незначительно видоизмѣненный коронь har, съ тѣмъ же значеніемъ. Отъ него есть много производныхъ словъ, изъ которыхъ два часто встрѣчающіяся—hári и harit, оба съ первоначальнымъ значеніемъ блестящаго. Теперь примемъ къ свѣдѣнію, что хотя иногда ведическіе поэты представляютъ себѣ солнце и утреннюю зарю конями [32]) или какъ бы рысаками, однако болѣе обыкновенно у нихъ было то представленіе, что солнце и утренняя заря были влекомы конями. Весьма естественно, что этихъ коней называли hári или harit, блестящими; къ нимъ прилагается много подобныхъ именъ, какъ на-пр. aruná, arushà, rohit и пр. [33]), и всѣ они выражаютъ блескъ цвѣта въ различныхъ оттѣнкахъ. Впослѣдствіи эти прилагательныя стали существительными. Какъ harinâ, означавши первоначально блестящій, бурый, получило значеніе антилопы, или какъ мы гнѣдыхъ или вороныхъ лошадей называемъ просто гнѣдыми и вороными, точно также ведическіе поэты коней Солнца и Утренней Зари называли Harit'ами, оба Hari у нихъ были кони Индры, а Rohit'ы—кони Агни или огня. Со временемъ этимологическое значеніе этихъ словъ было забыто, hari и harit стали традиціонными названіями коней, представлявшихъ Утреннюю Зарю и Солнце, или же впряженныхъ, какъ воображали, въ ихъ колесницу. Если ведическій пѣвецъ говоритъ, что «Солнце запрягло Гаритовъ для своего шествія», то какой тутъ первоначальный смыслъ? Это означало не болѣе того, что представлялось каждому глазу, именно, что блестащіе лучи свѣта, видимые во время утренней зари передъ восхожденіемъ солнца, собираясь на Востокѣ,

32) М. Мюллера, Essay on Comprative Mythology, стр. 82.
См, Sanscr. Wörterb. von Bothl. und Röth, подъ слов. aśva.
33) М. М. Essay on C. M., 81—83.

подымаются къ небу, и, отражаясь по всѣмъ направленіямъ съ быстротою молніи, выносятъ солнечный свѣтъ, какъ кони везутъ колесницу воина. Но кто можетъ остановить движеніе языка? Блестящіе Гариты мчатся какъ кони, но вскорѣ они же, бывшіе сперва сами утреннею зарею или ея лучами, призываются назадъ, и запрягаются, подобно конямъ, въ колесницу Утренней Зари. Такъ въ Ригведѣ (VII, 6) говорится: «Видно, какъ свѣтлые, блестящіе кони влекутъ къ намъ свѣтлую Утреннюю Зарю.»

Если спросятъ, какимъ образомъ о лучахъ свѣта могли говорить какъ о коняхъ, то самымъ естественнымъ отвѣтомъ будетъ то, что это было поэтическое выраженіе, какое всякій могъ употреблять. Но слѣдя за ростомъ языка и поэзіи, мы находимъ, что многія изъ позднѣйшихъ поэтическихъ выраженій покоятся на томъ же метафорическомъ началѣ, которое, какъ мы видѣли прежде, есть сильный дѣятель въ первобытномъ образованіи именъ, и что они позднѣйшимъ поэтамъ передавались древнѣйшими поэтами, т. е. образователями того самаго языка, которымъ они говорили. Такъ напр. мы видимъ, что названіе огненнаго пламени vahni, есть также названіе лошади, такъ какъ vahni производится отъ корня vah, *вез—у,* уношу. Есть еще много другихъ названій, общихъ лучамъ свѣта и лошадямъ, такъ что каждый разъ, когда произносились эти названія лучей свѣта, въ умѣ возбуждалось и представленіе о лошади. Тутъ мы опять имѣемъ дѣло съ миѳологіей, ибо всѣ миѳы о солнцѣ, Helios, и его коняхъ непремѣнно истекаютъ изъ этого источника.

Одно изъ названій коней солнца, какъ мы видѣли, было Harit, и подъ этими конями солнца первоначально понимались лучи утренней зари, или пожалуй сама Утренняя Заря. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ утренняя заря просто называется кобылицею, ásvâ, собственно быстро идущій свѣтъ. Однако даже въ Ведѣ Гариты не всегда представляются просто конями, но иногда, какъ и Утренняя Заря, принимаютъ болѣе человѣческій видъ. Такъ (VII. 66, 15) они называются Семью сестрами, или (IX. 86, 73)

представляются прекрасно-крылатыми. Теперь поищемъ, нѣтъ ли слѣдовъ этихъ Гаритовъ, или блестящихъ, въ Греческой миѳологіи, которая, какъ и Санскритская, есть только вѣтвь общей Арійской миѳологіи. Въ Греческомъ названіе ихъ можетъ существовать только въ формѣ Charis, Charites. Какъ извѣстно, это названіе дѣйствительно существуетъ; но что оно означаетъ? Ужь никакъ не коня. Это названіе въ умѣ Греческихъ поэтовъ не проходило чрезъ тотъ фазисъ, который такъ обыкновененъ въ поэзіи Индійскихъ пѣвцовъ. Оно удержало свое этимологическое значеніе сверкающаго блеска и потому стало названіемъ наибольшаго блеска неба, утренней зари. У Гомера Charis употребляется какъ одно изъ многихъ названій *Афродиты*, и подобно этой послѣдней, называется супругою *Гефеста*. [34]) Афродита, происшедшая изъ моря, «морерожденная,» первоначально была утренняя заря, самое привѣтливое явленіе природы, а потому въ греческомъ умѣ весьма естественно возвысилась на степень божества красоты и любви. Какъ утренняя заря въ Ведахъ называется Duhita Divah, дочерью Dyaus'а, точно также Греческая Харита есть дочь Зевса. Аргиннида, Argynnis, одно изъ названій Афродиты, производимое Греками отъ названія священнаго мѣста близъ *Кефисса*, гдѣ умерла *Аргиннида*, возлюбленная *Агамемнона*, нѣкоторыми отожествляется [35]) съ Санскр. arjunî, блестящая, т. е. названіе утренней зари. Съ теченіемъ времени различныя имена утренней зари утратили свое значеніе, и самое понятное изъ нихъ *Эосъ*, Санскр. Ushas, въ Греціи стало главнымъ представителемъ богини утра, которую,

---

34) Иліада, XVIII. 382:
«Вышла, увидѣвъ ее, подъ покровомъ блестящимъ Харита,
Прелести полная, бога хромаго супруга младая.»
(Перев. Гнѣдича).

Въ Одиссеѣ Афродита супруга Гефеста. Nägelsbach, не замѣчая тожественнаго характера этихъ двухъ именъ, приписываетъ это мѣсто изъ Од. VIII. другому поэту, потому что, по его словамъ, система названій у Гомера слишкомъ установлена, чтобы дозволить такую варіацію. Бракъ Гефеста онъ считаетъ за чисто-аллегорическій. Homer. Theologie, 114).

35) Sonne въ Kuhn's Zeitsch., X. 350. Ригв. I. 49, 3. Arjuna, названіе Индры, упомянутое въ Брахманахъ и пр.

какъ и въ Ведахъ, везутъ блестящіе ея кони. *Афродита*, называемая также *Эналіей* [36]) и *Понтіей*, сдѣлалась богинею красоты и любви, но потомъ была унижена вслѣдствіе примѣси Сирійской миѳологіи. *Харита* же слилась съ *Харитами*, [37]) которыя не были конями утренней зари, какъ въ Индіи, но вслѣдствіе столь же естественнаго умственнаго процесса перешли въ спутницы блестящихъ боговъ, въ особенности же Афродиты, «которую онѣ купаютъ въ Пафосѣ и натираютъ масломъ,» [38]) какъ будто въ воспоминаніе своего происхожденія отъ корня ghar, который, какъ мы видѣли прежде, значитъ мазать, дѣлать блестящимъ посредствомъ натиранія масломъ.

То возраженіе, что въ Греческомъ невозможно отдѣлить *Хариту* отъ другихъ словъ съ болѣе общимъ значеніемъ, считали роковымъ для исторіи имени *Хариты*. «Что дѣлать, говоритъ Курціусъ, [39]) съ словами charis, chará, chairô, charizomai, charieis?» Но было бы странно, если бы не было такихъ словъ, и если бы корень ghar исчезъ, произведши только это одно слово Charis. Слова, приведенныя Курціусомъ, не болѣе, какъ побочныя вѣтви того же корня, который произвелъ Harit въ Индіи и Charis въ Греціи. Одно изъ производныхъ корня har было унесено потокомъ миѳологіи, другія остались на родной почвѣ. Такъ напр. корень dyu или div произвелъ имя *Зевса*, Санскр. Dyaus, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы это же слово не могло употребляться въ первоначальномъ смыслѣ неба и произвести другія слова, выражающія свѣтъ, день и тому подобныя понятія. Слово, являющееся въ большинствѣ Славянскихъ языковъ въ смыслѣ блеска, въ Иллирійскомъ Zora, стало названіемъ утренней зари, [40]) *въ Русскомъ

36) Срв. Apyâ yôshâ, Ригв. 10, 4; ápyâ yôshanâ, 11, 2.

37) Kuhn, Zeitschr. I. 518, X. 125. Тотъ же переходъ одного божества во многія произошелъ въ Moira, Судьбѣ. Мѣста, гдѣ встрѣчается больше одной Moira, считаются за позднѣйшія прибавленія (Од. VII. 197. Ил. XXIV. 49); но у Гесіода и позднѣйшихъ поэтовъ встрѣчается нѣсколько Moira. Nägelsbach, Nachhom. Theol. 150. Welcker, Griech. Götterl. 53.

38) Од. VII. 364.

39) Curtius Gr. Et. I. 97.

40) Pictet, Origines, I. 155. Senne, K.'s Zeitschr. X. 354.

—утренней и вечерней *зари*.* Можно ли думать, что Charis въ Греческомъ сперва значило «грація, красота,» и потомъ было возведено на степень отвлеченнаго божества? Трудно было бы найти у Гомера другое подобное божество, которое, хотя первоначально простое отвлеченное понятіе, [41]) было бы столь же осязательно, какъ *Харита*, супруга Гефеста. Или развѣ предположить, что по какимъ либо причинамъ *Харита* сперва была супруга Гефеста, а потомъ ея названіе перешло въ значеніе простаго блеска [42]) или вообще прелести, такъ что можно было бы сказать, что другая богиня, Аѳина, изливаетъ на человѣка charis или прелесть, charm? Я сомнѣваюсь, чтобы и къ этому можно было найти параллель у Гомера. Но все сдѣлается яснымъ и понятнымъ, если допустимъ, что кромѣ Санскр. harit, блестящій конь солнца, и Греческаго Charis, блестящая утренняя заря, отъ корня ghar или har, быть жирнымъ, блестящимъ, происходитъ и charis въ значеніи блеска и лоска отъ жира, радости и вообще пріятности; подобныя метафоры весьма обыкновенны въ древнихъ языкахъ. Можетъ показаться страннымъ, чтобы cháris, неописанная миловидность и грація Греческой поэзіи и искусства, могло происходить отъ корня, имѣющаго значеніе быть жирнымъ, обросшимъ саломъ. Но какъ жирныя грязныя дѣти выростаютъ и дѣлаются ловкими и очаровательными, такъ и слова и идеи бываютъ блестящія. У Псалмопѣвца (132, 2) мы находимъ даже еще болѣе смѣлыя метафоры. «Какъ хорошо и какъ прекрасно—жить братіямъ всѣмъ вмѣстѣ! Это тоже, что драгоцѣнное и благовонное муро на головѣ, стекающее на бороду, бороду Ааронову, стекающее на ометъ одежды его.»

Когда Греческое charis, въ своемъ развитіи дошло до того значенія прелести (charm), въ какомъ понималъ это слово самый просвѣщенный изъ всѣхъ народовъ, то оно, безъ сомнѣнія, оказало вліяніе на миѳологическую *Хариту* и на *Харитъ*, сдѣлавъ ихъ воплощеніемъ всего того, что Греки называли прелестнымъ и граціознымъ,

---

[41]) Kuhn. Herabholung des Feuers, 17.
[42]) Sonne, тамъ же, X. 355—6.

такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно сказать, какъ понимать chăris—какъ нарицательное, или какъ миѳологическое собственное имя. Хотя эти оба слова въ позднѣйшемъ Греческомъ языкѣ расходятся, однако ихъ исходныя точки ясно раздѣлены, по крайней мѣрѣ не менѣе ясно, какъ у arka, солнце, и arka, хвалебный гимнъ, у Dyaus, Зевсъ, муж. рода и dyaus, женск. р., небо или день. Которое изъ обоихъ древнѣе, нарицательное ли chăris, миловидность, или собственное Charis, блестящая утренняя заря,—рѣшить нѣтъ возможности, хотя Курціусъ высказывается въ пользу первенства нарицательнаго. Это вовсе не такъ вѣрно, какъ онъ воображаетъ. Я съ нимъ вполнѣ согласенъ въ томъ, что никакая этимологія какого либо имени собственнаго не можетъ быть удовлетворительна, если она не можетъ объяснить нарицательное, съ которымъ оно находится въ связи. Этимологія же слова Charis выводитъ наружу самые глубокіе корни, отъ которыхъ всѣ его родственные отпрыски можно прослѣдить какъ по формѣ, такъ и по значенію; она выдерживаетъ самую строгую критику какъ сравнительнаго языковѣда, такъ и изучающаго древнюю миѳологію 43).

Въ разсмотрѣнныхъ выше случаяхъ миѳологическое недоразумѣніе происходило отъ того, что одинъ и тотъ же корень служилъ названіемъ для разныхъ понятій, и что черезъ нѣкоторое время оба названія стали считаться за одно и то же, такъ что значеніе одного слова было перенесено на другое. Нѣкоторое сходство между блестящимъ медвѣдемъ и блестящими звѣздами оправдываетъ древнихъ образователей языка въ производствѣ обоихъ названій отъ одного корня. Но какъ скоро сходство въ качествѣ ошибочно стали считать за тожество, по существу, миѳологія явилась неизбѣжною. Что семь блестящихъ звѣздъ назывались Arktos и считались медвѣдицей—я называю миѳологіей, и замѣчательно, что этотъ миѳъ не имѣетъ никакой связи съ религіозными понятіями, или такъ называемыми богами древности. Легенда про *Каллисту*, возлюбленную Зевса и мать *Аркада*, не

43) См. Прибавл. въ концѣ этой лекціи.

имѣетъ ничего общаго съ первоначальнымъ названіемъ звѣздъ. Напротивъ, полагали, что Каллиста превратилась въ Arktos или Большую Медвѣдицу, потому что она была мать Аркада, т. е. Аркадскаго медвѣжьяго племени, и ея имя, или имя ея сына напоминало Грекамъ о давно установившемся у нихъ названіи сѣвернаго созвѣздія. Тутъ мы видимъ миѳологію безъ всякой связи съ религіей; это миѳологическое недоразумѣніе весьма похоже на то, какое намъ представляется въ «Палестинскомъ супѣ» или въ «La Tour sans venin.»

Теперь разсмотримъ другой классъ метафорическихъ выраженій. Къ первому классу принадлежатъ тѣ случаи, когда два существенно различныя понятія получаютъ названія отъ одного и того же корня. Метафора въ этомъ случаѣ происходила одновременно съ образованіемъ словъ; самый корень и его значеніе видоизмѣнились, когда были приспособлены къ различнымъ понятіямъ, требовавшимъ названія. Это—*корневая метафора*. Если же назвать какой нибудь цвѣтокъ звѣздою, или паруса крыльями, солнце конемъ, луну коровою, или примѣнить глаголъ *умирать* къ заходящему солнцу, или сказать, что лунный свѣтъ обнимаетъ землю, или солнечные лучи цѣлуютъ море, то это—*поэтическія метафоры*; онѣ весьма часто встрѣчаются въ исторіи древняго языка и древней мысли. Такъ напр. видя, что золотистые солнечные лучи какъ будто играютъ съ листьями деревьевъ, весьма естественно назвали эти распростертые лучи руками. Въ Ведахъ 44) Savitar, одно изъ названій солнца, называется, *златорукимъ*. Кто могъ бы подумать, что такая простая метафора могла произвести какое либо миѳологическое недоразумѣніе? Тѣмъ не менѣе комментаторы Ведъ въ названіи *златорукаго*, примѣняемомъ къ солнцу, видятъ не золотой блескъ его лучей, а золото, которое оно несетъ въ своихъ рукахъ и готово излить его на своихъ поклонниковъ. Изъ этого древняго есте-

44) I. 22, 5, hiraṇyapâṇim ûtaye upa Savitâram upa hvaye. I. 35, 9, hiraṇyapâṇih. Savitâ vicharshaṇih. ubhe dyâ vapṛithivi antar iyate. I. 35, 10, hiraṇyahasta.

ственнаго эпитета извлекають нѣкоторое вѣрованіе, что человѣкъ долженъ поклоняться солнцу, потому что оно имѣетъ въ своихъ рукахъ золото, чтобы дарить его своимъ жрецамъ. Есть нѣмецкая пословица «Morgenstunde hat Gold im Munde» (у утренней поры (зари) золото во рту), которая имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ Русская пословица «утро вечера мудренѣе,* или Англійская:

Early to bed, and early to rise,

Makes a man healthy, and wealthy, and wise.» [45]) Но Нѣмецкая пословица миѳологическаго происхожденія. Представленіе объ утренней зарѣ, какъ о золотомъ свѣтѣ,—въ чемъ есть нѣкоторое сходство въ связи между aurum и aurora,—повело къ поговорочному или миѳологическому выраженію «златоротой утренней зари» *Славяне представляли себѣ Красную дѣвицу-Зорю возсѣдающею на *золотомъ* стулѣ.* Возвратимся однако къ златорукому Солнцу, о которомъ составился цѣлый миѳъ. Не понимали ли естественнаго значенія златорукаго Солнца, или не хотѣли его понимать, во всякомъ случаѣ извѣстно, что древнія теологическія толкованія брахмановъ [46]) разсказываютъ про Солнце, что оно отрѣзало свою руку при жертвоприношеніи, и что жрецы замѣнили ее искусственною рукою, сдѣланною изъ золота. Въ позднѣйшія времена Солнце само дѣлается жрецомъ, подъ именемъ Savitar, а въ одной легендѣ разсказывается, какъ онъ (Savitar) при жертвоприношеніи отрѣзалъ себѣ руку и какъ другіе жрецы сдѣлали ему другую руку изъ золота.

Всѣ эти миѳы и легенды, до сихъ поръ нами разсмотрѣнные, довольно ясны; они—какъ ископаемыя новѣйшаго періода, и ихъ сходство съ существующими еще видами очевидно. Но если копать нѣсколько глубже, то сходство это менѣе будетъ разительно, хотя его все-таки можно отъискать тщательнымъ изслѣдованіемъ. Германскій богъ Тиръ, котораго Гриммъ отожествляетъ съ Санск-

---

45) *Рано ложись и рано вставай,
Будешь здоровъ и богатъ и уменъ.*

46) Kaushîtaki—brahmana, l. c. и Sayana.

ритскимъ богомъ солнца, [47]) называется однорукимъ, потому что названіе златорукаго Солнца повело къ представленію о солнцѣ съ одною искуственною рукою, а впослѣдствіи, по строго логичному заключенію, о солнцѣ съ одною только рукою. Каждый народъ по-своему разсказывалъ о томъ, какъ Savitar или Тyr лишились своей руки; Индійскіе жрецы полагали, что Savitar отрубилъ свою руку при жертвоприношеніи, между тѣмъ какъ сѣверные охотники разсказывали, какъ *Тиръ* всунулъ свою руку, въ видѣ залога, въ пасть волка, который ее откусилъ. Гриммъ сравниваетъ эту легенду про Тира „вложившаго руку въ пасть волка и лишившагося ея такимъ образомъ, съ Индійскою легендою о Sûrya или Savitar, о солнцѣ, державшемъ жертву, которая откусила у него руку. Такое объясненіе возможно, но нуждается въ подтвержденіи, особенно такъ какъ Германскій богъ Тиръ объясняется еще иначе. Тиръ, по объясненію Ваккернагеля, богъ побѣды, и такъ какъ побѣда можетъ быть только на одной сторонѣ, то самого бога побѣды можно было представить себѣ однорукимъ [48]).

Если Греки говорили о звѣздахъ, какъ о глазахъ ночи, то это простой случай поэтической метафоры. Но если они говорятъ, что тѣло всевидящаго (Panóptēs) Аргуса покрыто глазами, то это чистая миѳологія.

Также совершенно понятно, что у ведическихъ поэтовъ Маруты или вѣтры называются пѣвцами; вѣдь и наши поэты говорятъ о музыкѣ вѣтровъ. Если говорятъ, что вѣтеръ поетъ, то это значитъ, что онъ дуетъ. Но если Маруты называются не только пѣвцами, но и музыкантами, или, въ Ведахъ [49]) даже мудрыми поэтами, то тогда языкъ опять выходитъ изъ своихъ предѣловъ и приводитъ насъ въ область басни.

Хотя различіе между *корневою* и *поэтическою* метафорами весьма существенно и болѣе, чѣмъ что либо, объясняетъ намъ происхожденіе миѳовъ, однако нельзя

---

47) Deutsche Mythol. XLVII, 187.
48) Schweizer Museum, I. 107.
49) Ригв. I. 19, 4; 38, 15; 52, 15. Kuhn, Zeitschr, I. 521.

не допустить, что есть случаи, когда весьма трудно дѣлать такое различіе. Если современные поэты называютъ облака горами, то ясно, что это поэтическая метафора, ибо гора никогда не значитъ облако. Но если въ Ведахъ облака постоянно называются parvata, что этимологически значитъ всклоченный, взъерошенный, вздутый, то трудно положительно сказать, назывались ли облака въ Индіи горами просто вслѣдствіе поэтической метафоры, или представляли себѣ съ самаго начала какъ облака, такъ и горы полными шероховатости и волнообразности, и потому назвали ихъ parvata. Въ результатѣ выходитъ однако то же самое, что это именно есть миѳологія; ибо если въ Ведѣ говорится, что Маруты или вѣтры потрясаютъ горы (I. 39, 5), или проходятъ чрезъ нихъ (I. 116, 20), то это первоначально значило, что вѣтры потрясали облака, однако потомъ, по мнѣнію позднѣйшихъ комментаторовъ, означало, что Маруты дѣйствительно приводили горы въ сотрясеніе или разрывали ихъ.

Прибавленіе къ VIII Лекціи.

Д-ръ Зонне въ нѣкоторыхъ ученыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Zeitschrift Куна (X. 96, 161, 321, 401), подвергалъ мое предположеніе относительно тожества harit и charis весьма серьезной критикѣ. Большею частію я съ нимъ согласенъ, какъ это видно изъ болѣе полнаго изложенія моихъ взглядовъ въ этой лекціи, и весьма ему благодаренъ за новый свѣтъ, который онъ бросилъ на этотъ вопросъ своимъ точнымъ изслѣдованіемъ. Мы расходимся только относительно первоначальнаго значенія корня ghar, которому д-ръ Зонне приписываетъ значеніе изліянія свѣта, между тѣмъ какъ я его понимаю въ смыслѣ блеска и лоска (отъ жира); мы сходимся однако опять при объясненіи такихъ словъ, какъ ghriṇâ, сожалѣніе; hâras, гнѣвъ; hriṇîte, онъ сердится (стр. 100).

Эти значенія д-ръ Зонне объясняетъ указаніемъ на Русскія слова *краска*, *красный*, *краса*, *краснѣть*, *красоваться*. Онъ совершенно справедливо сомнѣвается въ тожествѣ Греч. chairō и Санскр. hrish, Лат. horreo, считая chairo за Греч. форму корня ghar, блистать, радоваться, спрягаемаго по четвертому классу. Тожество Санскр. haryati, онъ желаетъ, съ Греч. thélei, мнѣ кажется сомнительнымъ.

Д-ръ Зонне не говоритъ, почему онъ предпочитаетъ отожествленіе charis съ Санскр. hári болѣе, чѣмъ съ harit. Можетъ быть по случаю ударенія? Я положительно думаю, что была форма cháris, соотвѣтствующая формѣ hári, и отъ нея я произвелъ бы винит. пад. chárin вм. chárita, а также прилагательное charieis (harivat). Но во всякомъ случаѣ для объясненія формъ, подобныхъ cháris, cháritos, я удержалъ бы то основаніе, которое мы имѣемъ въ harit. Нѣтъ никакого свидѣтельства, чтобы Греч. chárit когда-либо испытало такое же превращеніе, какъ Санскр. harit, и чтобы оно у Грековъ имѣло значеніе коня. Греческіе и Санскритскіе миѳы, какъ и слова, должно разсматривать не какъ подчиненные, но какъ равносильные между собою; не помню, чтобы Греческіе миѳы или слова относилъ я къ Санскритскимъ, какъ къ ихъ прототипамъ. О *Харитахъ* я сказалъ очень мало. На стр. 81 моего «Essay on Comparative mythologie,» сказано:

«Въ другихъ мѣстахъ Гариты принимаютъ однако болѣе человѣческій образъ; и какъ утренняя заря, называемая иногда просто aśvâ, кобыла, хорошо извѣстна подъ названіемъ сестры, то и эти Гариты называются Семью Сестрами (VII. 66, 15); въ IX. 86, 37 онѣ являются прекраснокрылатыми Гаритами. Послѣ этого едва ли нужно повторять, что у насъ тутъ прототипъ Греческихъ Харитъ.»

Если я въ другомъ какомъ либо случаѣ произвелъ Греческій миѳъ отъ Санскритскаго, или, по выраженію д-ра Зонне, языческій миѳъ отъ языческаго, вмѣсто того, чтобы произвести оба изъ общаго Арійскаго источ-

ника, то мои слова могли быть иначе поняты. [50]) Но какъ они высказаны въ моей статьѣ, они должны показать, что, прослѣдивъ *Гаритовъ* до ихъ самаго первичнаго источника и показавъ, какъ, происходя оттуда, они вступили на свое миѳологическое поприще въ Индіи, гдѣ можно отыскать ту форму въ древнѣйшемъ ея видѣ, изъ которой образовался миѳъ о Греческихъ Харитахъ, между тѣмъ какъ такіе эпитеты, какъ «сестры,» или «прекраснокрылатыя,» могли показывать, какъ представленія, не развившіяся дальше въ Индійской миѳологіи, подъ греческимъ небомъ выросли въ тѣ прелестныя человѣческія формы, какимъ мы удивляемся въ граціяхъ Эллады. Что я призналъ, такъ сказать, личное тожество Греческой *Хариты*, Афродиты, утренней зари, съ Санскритскою *Ушасою*, утреннею зарею, видно изъ краткаго предложенія въ концѣ моей статьи на стр. 86:

»Онъ (*Эротъ*) младшій изъ боговъ, сынъ Зевса, пріятель Харитъ, также сынъ первой Хариты, Афродиты, въ которой нельзя не узнать женскаго *Эрота* (Ushâ, утренняя заря, вмѣсто Agni aushasya).»

И такъ д-ръ Зонне увидитъ, что даже тамъ, гдѣ наши дороги и не сходятся, онѣ все-таки параллельны, и что мы дѣйствуемъ въ томъ же духѣ и стремимся къ одной цѣли.

---

50) Я долженъ однако упомянуть, что Mr. Cox въ введеніи къ «Tales of teh Gods and Heroes» стр. 67, понялъ мои слова такъ же, какъ Dr. Sonne. Онъ говоритъ: «Кони солнца называются Гаритами, а это прототипъ Греческихъ *Харитъ*—обратная перемѣна; въ другихъ случаяхъ человѣческая личность переходитъ въ животное, здѣсь же животныя превращаются въ дѣвъ.»

IX ЛЕКЦІЯ.

Греческая миѳологія.

Многіе, кто знакомъ съ исторіей Греціи, и умѣетъ оцѣнить интеллектуальное, нравственное и художественное преимущество греческаго ума, удивлялись, какимъ образомъ такая нація могла принять, могла терпѣть, хотя бы одну минуту, подобную религію. Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, чего достигли жители маленькаго города, Аѳинъ, въ области философіи, поэзіи, художествъ, науки и политики, и наше удивленіе вдесятеро увеличивается, если мы чрезъ изученіе другихъ литературъ Индіи, Персіи, Китая и др., въ состояніи будемъ сравнивать ихъ пріобрѣтенія съ успѣхами другихъ древнихъ народовъ. Мы, Европейцы, наслѣдники накопившагося въ продолженіе двадцати или тридцати столѣтій богатства интеллектуальнаго труда, обязаны Грекамъ основаніемъ почти всякаго знанія, кромѣ религіи. Какъ бы то ни было странно, но я думаю, всякій согласится съ тѣмъ, что этихъ пріобрѣтеній нашихъ отдаленныхъ предковъ и раннихъ учителей напр. пѣсни Гомера, діалоги Платона, рѣчи Демосѳена и статуи Фидія, - досихъ поръ не превзошли никакія пріобрѣтенія ихъ потомковъ и учениковъ. *Какъ* Греки дошли до своего величія, и какъ они одни изъ всѣхъ націй открыли почти каждую мину мысли, которая съ тѣхъ поръ была выработана человѣчествомъ,—какъ они изобрѣли и усовершенствовали почти каждый стиль поэзіи и прозы, какой только съ тѣхъ поръ развивали самые великіе умы нашего племени,—какъ они положили твердое основаніе главнѣйшимъ художествамъ и наукамъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ достигли недосягаемыхъ съ тѣхъ поръ ре-

зультатовъ—все это вопросы, которыхъ до сихъ поръ не могли рѣшить ни историки, ни философы. Подобно своей богинѣ Аѳинѣ, народъ Аѳинскій, повидимому, выступаетъ на сцену исторіи вполнѣ вооруженнымъ. Обращаясь къ Египту, Сиріи или Индіи, мы находимъ лишь незначительные зачатки того, что достигло столь удивительнаго роста на Аттической почвѣ.

Однако, чѣмъ болѣе мы удивляемся врожденному генію Эллиновъ, тѣмъ болѣе насъ поражаетъ грубость и нелѣпость ихъ религіи. Древнѣйшимъ ихъ философамъ также было извѣстно, какъ и намъ, что божество должно быть совершенно, или оно не божество,—что оно должно быть единое, нераздѣльное, безъ страстей. Тѣмъ не менѣе они признавали множество боговъ, и приписывали всѣмъ имъ, преимущественно же Юпитеру, почти всѣ пороки и слабости, какіе только свойственны человѣческой природѣ. Ихъ поэты имѣли инстинктивное отвращеніе ко всему преувеличенному или чудовищному, и тѣмъ не менѣе они разсказываютъ о своихъ богахъ то, что можетъ привести въ ужасъ самыхъ истыхъ краснокожихъ дикарей Индіи: Уранъ былъ изуродованъ своимъ сыномъ Крономъ; этотъ пожиралъ своихъ собственныхъ дѣтей, и послѣ долголѣтняго перевариванія извергнулъ живьемъ все свое потомство; Аполлонъ, самый привѣтливый у нихъ богъ, повѣсилъ Марсія на дерево и съ живаго содралъ кожу; сестра Зевса, Деметра, съѣла кусокъ плеча у Пелопея, который былъ убитъ и обжаренъ своимъ собственнымъ отцомъ Танталомъ для празднества богамъ. Я не стану приводить другихъ ужасовъ и останавливаться на невыразимыхъ преступленіяхъ, о которыхъ, однако, самому образованному Греку приходилось разсказывать своимъ сыновьямъ и дочерямъ, при объясненіи имъ исторіи своихъ боговъ и героевъ.

Если Греки, какими они намъ извѣстны, никогда не были бы сами поражены подобными разсказами, и никогда не спрашивали бы, какъ все это могло быть, и откуда произошли всѣ эти исторіи, то это было бы гораздо труднѣе объяснить, чѣмъ самое происхожденіе та-

кой миѳологіи. Но къ чести Грековъ нужно сказать, что хотя ихъ философамъ не удалось вполнѣ объяснить происхожденіе этихъ религіозныхъ миѳовъ, однако они съ самыхъ раннихъ временъ навѣрное были поражены ими. Ксенофанъ, жившій, сколько мы знаемъ, прежде Пиѳагора, обвиняетъ [1]) Гомера и Гесіода въ приписываніи богамъ всего, что только можетъ быть порочнаго у человѣка—воровства, нарушенія супружеской вѣрности и обмана. Онъ говоритъ, [2]) что люди, по-видимому, сами создали себѣ боговъ и придали имъ свой умъ, голосъ и форму,—что Эѳіопы представляютъ своихъ боговъ черными и плосконосыми, Ѳракійцы—съ рыжими волосами и голубыми глазами, точно такъ же, какъ быки и львы, если бы могли писать, представили бы своихъ боговъ на подобіе быковъ и львовъ. Онъ самъ прямо говоритъ, что «Богъ [3]) одинъ, самый великій между богами и людьми, ни видомъ, ни мыслями не походитъ на человѣка;» нужно замѣтить, что это имъ было сказано около 600 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Борьбы Титановъ, Гигантовъ и Кентавровъ онъ называетъ вымы-

---

[1]) Πάντα θεοῖς ἀνέθηκαν Ὅμηρός θ' Ἡσιοδός τε,
ὅσσα παρ' ἀνθρώποισιν ὀνείδεα καὶ ψόγος ἐστίν....
Ὡς πλεῖστ' ἐφθέγξαντο θεῶν ἀθεμίστια ἔργα,
κλέπτειν μοιχεύειν τε καὶ ἀλλήλους ἀπατεύειν.
Срв. Sextus Emp. adv. Math. I. 289, IX. 193.

[2]) Ἀλλὰ βροτοὶ δοκέουσι θεοὺς γεγενῆσθαι,
τὴν σφετέρην τ' αἴσθησιν ἔχειν φωνήν τε δέμας τε..
Ἀλλ' εἴτοι χεῖράς γ' εἶχον βόες ἠὲ λέοντες,
ἢ γράψαι χείρεσσι καὶ ἔργα τελεῖν ἅπερ ἄνδρες,
καί κε θεῶν ἰδέας ἔγραφον καί σώματ' ἐποίουν
τοιαῦθ' οἷόν περ καὐτοὶ δέμας εἶχον ὁμοῖον,
ἵπποι μέν θ' ἵπποισι, βόες δέ τε βουσίν ὁμοῖα.
Срв. Clem. Alex. Strom. V. p. 601 C.

[3]) Εἷς θεὸς ἔν τε θεοῖσι καὶ ἀνθρώποισι μέγιστος,
οὔ τι δέμας θνητοῖσι ὁμοίιος οὐδὲ νόημα
Срв. Clem. Alex. l. c.

слами прежнихъ поколѣній [4]) (πλάσματα τῶν προτέρων), и требуетъ, чтобы божество воспѣвалось въ священныхъ исторіяхъ и чистыхъ пѣсняхъ.

Подобные взгляды высказывались большинствомъ великихъ философовъ Греціи. *Гераклитъ* считалъ, кажется, теологическую систему Гомера, такъ сказать, за легкомысленное невѣріе. По словамъ Діогена Лаерція [5]), Гераклитъ говоритъ, что Гомеръ, равно какъ и Архилохъ, заслужили того, чтобы ихъ изгнали изъ публичныхъ собраній и строго наказали. Тотъ же авторъ [6]) разсказываетъ, что *Пиѳагоръ* видѣлъ, какъ душа Гомера въ преисподней висѣла на деревѣ, окруженная змѣями, въ наказаніе за то, что онъ говорилъ про боговъ. Взгляды этихъ философовъ на боговъ были, безъ сомнѣнія, гораздо возвышеннѣе и чище, чѣмъ у Гомерическихъ поэтовъ, которые во многихъ случаяхъ представляли своихъ боговъ почти не лучше людей. Когда же религія смѣшалась съ политикою, то все болѣе и болѣе становилось опаснымъ высказывать такіе болѣе высокіе взгляды, или объяснять Гомерическіе миѳы въ иномъ чѣмъ строго буквальномъ смыслѣ. *Анаксагоръ*, пытавшійся придавать Гомерическимъ легендамъ нравственное значеніе и, говорятъ, объяснявшій имена боговъ аллегорически, назвавъ даже Судьбу пустымъ именемъ, былъ за это въ Аѳинахъ брошенъ въ темницу, изъ которой ему удалось уйти только чрезъ вліятельное покровительство своего друга и ученика Перикла. *Протагоръ*, другой другъ Пе-

[4]) Isocrates, II. 38 (Nägelsbach, стр. 45).

[5]) Τόν θ᾿ Ὅμηρον ἔφασκεν ἄξιον ἐκ τῶν ἀγώνων ἐκβάλλεσθαι καί ῥαπίζεσθαι, καὶ ᾿Αρχίλοχον ὁμοίως.—Diog. Laert. IX. 1. ᾿Ησέβησε εἰ μὴ ἠλληγόρισε, Ὅμηρος. Les Dieux Protecteurs, стр, 143.

[6]) Φησὶ δ᾿ ῾Ιερώνυμος κατελθόντα αὐτὸν εἰς ᾅδου τὴν μὲν ῾Ησιόδου ψυχὴν ἰδεῖν πρὸς κίονι χαλκῷ δεδεμένην καὶ τρίζουσαν, τὴν δ᾿ ῾Ομήρου κρεμαμένην ἀπὸ δένδρου καὶ ὄφεις περὶ αὐτὴν ἀνθ᾿ ὧν εἶπον περὶ θεῶν.—Diog. Laert. VIII. 21.

рикла, [7]) былъ изгнанъ изъ Аѳинъ, и его книги были публично сожженны, потому что онъ сказалъ, что на счетъ боговъ ничего неизвѣстно, существуютъ ли они, или нѣтъ. [8]) Хотя *Сократъ* никогда не трогалъ священныхъ преданій и народныхъ легендъ, [9]) однако его заподозрили въ томъ, будто онъ не совсѣмъ вѣрилъ въ Гомерическую теологію, и отъ того ему пришлось испытать мученическую смерть. Послѣ смерти Сократа въ Аѳинахъ была предоставлена большая свобода мысли взамѣнъ потери политической свободы. Платонъ объявилъ, что многіе миѳы имѣютъ символическое или аллегорическое значеніе, но тѣмъ не менѣе настаивалъ на томъ, что Гомерическія поэмы, каковыми онѣ были, слѣдовало истребить въ его отечествѣ. [10]) Самымъ яснымъ и рѣшительнымъ образомъ высказался *Эпикуръ*: «Боги дѣйствительно существуютъ, но они не таковы, какими ихъ представляетъ себѣ большинство. Не тотъ невѣрующій, кто от-

---

[7]) Δοκεῖ δὲ πρῶτος, καθά φησι Φαβωρῖνος ἐν παντοδαπῇ ἱστορίᾳ, τὴν Ὁμήρου ποίησιν ἀποφήνασθαι εἶναι περὶ ἀρετῆς καὶ δικαιοσύνης· ἐπὶ πλέον δὲ προστῆναι τοῦ λόγου Μητρόδωρον τὸ Λαμψακηνόν, γνώριμον ὄντα αὐτοῦ, ὃν καὶ πρῶτον σπουδάσαι τοῦ ποιητοῦ περὶ τὴν φυσικὴν πραγματείαν.—Diog. Laert. II. 11.

[8]) Περὶ μὲν θεῶν οὐκ ἔχω εἰδέναι οὔθ' ὡς εἰσίν, οὔθ' ὡς οὐκ εἰσίν· πολλά γὰρ τα κωλύοντα εἰδέναι, ἥ τ' ἀδηλότης καὶ βραχὺς ὢν ὁ βίος τοῦ ἀνθρώπου. Διά ταύτην δὲ τὴν ἀρχὴν τοῦ συγγράμματος ἐξεβλήθη πρὸς Ἀθηναίων καὶ τὰ βιβλία αὐτοῦ κατέκαυσαν ἐν τῃ ἀγορᾳ, ὑπὸ κύρυκος ἀναλεξάμενοι παρ' ἑκάστου τῶν κεκτημένων.—Diog. Laert. IX. 51. Cicero, Nat. Deor. I. 23, 63.

[9]) Grote, History of Greece, I, 504.

[10]) Οὓς Ἡσιοδός τε, εἶπον, καὶ Ὅμηρος ἡμῖν ἐλεγέτην καὶ οἱ ἄλλοι ποιηταί· οὗτοι γὰρ που μύθους τοῖς ἀνθρώποις ψευδεῖς συντιθέντες ἔλεγόν τε καὶ λέγουσιν.—Plat. Polit. β. 77 Grote, History, I. 593.

вергаетъ большинство боговъ, а тотъ, кто о нихъ одного мнѣнія съ большинствомъ [11]).

Въ позднѣйшее время старались примирить миѳологію съ философіей. Говорятъ, что *Хризиппъ* (умеръ въ 207 г.), высказавъ свои взгляды на счетъ безмертныхъ боговъ, написалъ вторую книгу съ цѣлью, чтобы показать, какъ они могли согласоваться съ миѳами Гомера. [12])

Не только философы чувствовали эти затрудненія на счетъ боговъ Гомера и Гесіода, но и большинство древнихъ поэтовъ колебалось тѣми же сомнѣніями; они постоянно находились въ противорѣчіяхъ, которыхъ не могли рѣшить. Такъ напр. въ Эвменидѣ *Эсхила* (стихъ 640) хоръ спрашиваетъ: какъ Зевсъ могъ вызвать Ореста на отмщеніе за убійство его отца, такъ какъ онъ же самъ свергъ своего отца съ престола и заключилъ его въ оковы. *Пиндаръ*, который любилъ вплетать въ свои пѣсни о побѣдахъ и преданія о богахъ и герояхъ, всегда уклонялся какъ скоро встрѣчалъ что нибудь относящееся къ безчестію и униженію боговъ. Уста, говоритъ онъ, [13]) бросьте это слово, ибо говорить дурное о богахъ—есть злая мудрость.» Это правило въ сужденіи о миѳологіи кажется весьма простымъ и прямымъ, т. е. что въ миѳологіи только то можетъ быть истиннымъ, что не обезчещиваетъ боговъ. Вся поэзія *Эврипида* колеблется между двумя крайностями: или онъ винитъ боговъ во всѣхъ несправ-

---

[11]) Diog. Laert. X. 123.—Ritter и Preller, Historia Philosophie, стр. 419. Θεοὶ μὲν γάρ εἰσιν· ἐναργής δέ ἐστιν αὐτῶν ἡ γνῶσις· οἵους δ' αὐτοὺς οἱ πολλοὶ νομίζουσιν οὐκ εἰσίν· οὐ γὰρ φυλάττουσιν αὐτοὺς οἵους νομίζουσιν· ἀσεβὴς δ' οὐχ ὁ τοὺς τῶν πολλῶν θεοὺς ἀναιρῶν, ἀλλ' ὁ τὰς τῶν πολλῶν δόξας θεοίς προσάπτων·

[12]) In secundo autem libro Homeri fabulas accomodare voluit ad ea quae ipse primo libro de diis immortalibus dixerit.—Цицеронъ, Nat. Deor. I. 15—Bertrand, Sur les Dieux Protecteurs (Rennes, 1858), стр. 38.

[13]) Olymp. IX. 38, изд. Boekh'a. Ἀπό μοι λόγον τοῦτον, στόμα, ῥίψον· ἐπεὶ τό γε λοιδορῆσαι θεοὺς ἐχθρὰ σοφία.

ведливостяхъ и преступленіяхъ, которыя о нихъ разсказываются, или онъ, наоборотъ, отвергаетъ истину древнихъ миѳовъ, потому что они повѣствуютъ о богахъ несоотвѣтственныя божественной природѣ вещи. Такъ напр. у Іона [14]) боги, даже Аполлонъ, Юпитеръ и Нептунъ, обвиняются во всѣхъ порокахъ, между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: 15) «Я не думаю, чтобы богамъ нравился незаконный бракъ, и никогда не вѣрилъ и не буду вѣрить, чтобы они наложили себѣ на руки оковы, или чтобы одинъ богъ сталъ владыкой надъ другимъ, ибо богъ ни въ чемъ не нуждается, если онъ дѣйствительный богъ, а это только жалкіе разсказы поэтовъ!» Или еще въ другомъ мѣстѣ: [16]) «Если боги совершаютъ что-нибудь злое, то они не боги.»

Эти мѣста, къ которымъ можно прибавить еще много подобныхъ, ясно показываютъ, что болѣе серьезные мыслители Греціи не менѣе насъ были поражены

---

14) Ion, 444, изд. Paley'a:
Εἰ δ', οὐ γὰρ ἔσται, τῷ λόγῳ δὲ χρήσομαι,
δίκας βιαίων δώσετ' ἀνθρώποις γάμων,
σὺ καὶ Ποσειδῶν Ζεύς θ' ὃς οὐρανοῦ κρατεῖ,
ναούς τίνοντες ἀδικίας κενώσετε......
οὐκέτ' ἀνθρώπους κακους
λέγειν δίκαιον, εἰ τὰ τῶν θεῶν κακὰ
μιμούμεθ', ἀλλὰ τοὺς διδάσκοντας τάδε.
Срв. Herc. fur. 339.

15) Herc. fur. 1341, изд. Paley'a:
Ἐγὼ δὲ τοὺς θεοὺς οὔτε λέκτρ' ἃ μὴ θέμις
στέργειν νομίζω, δεσμά τ' ἐξάπτειν χεροῖν
οὔτ' ἠξίωσα πωποτ' οὔτε πείσομαι,
οὐδ' ἄλλον ἄλλου δεσπότην πεφυκέναι.
δεῖται γὰρ ὁ θεὸς, εἴπερ ἔστ' ὄντως θεὸς,
οὐδενός· ἀοιδῶν οἵδε δύστηνοι λόγοι
См. Еврипидъ (изд. Paley'a) I, предисл. стр. XX.

16) Еврип. Fragma Belleroph. 300: εἰ θεοί τι δρῶσιν αἰσχρὸν, οὐκ εἰσὶν θεοί.

своею миѳологіею. Они не были бы Греками, если бы не понимали, что ихъ миѳы неразумны, и если бы не замѣчали, что вся ихъ миѳологія представляла вопросъ, требующій рѣшенія отъ философа. Если Грекамъ не удалось рѣшить этого вопроса; если они предпочли примиреніе того, что они считали за истину, съ тѣмъ, что, по ихъ убѣжденію, было ложно; если самые учоные изъ ихъ мудрецовъ объ этомъ предметѣ говорили осторожно, или вовсе отъ него уклонялись—то вспомнимъ, что эти миѳы, которые мы теперь разсматриваемъ такъ же свободно, какъ геологъ свои ископаемыя, тогда были живыми священными предметами, которые родители внушали своимъ дѣтямъ, были приняты съ полною непомраченною вѣрою, какъ освященные памятью усопшихъ и признаны государствомъ; они составляли основаніе, на которомъ были воздвигнуты самыя почтенныя учрежденія и были установлены на вѣки. Для насъ достаточно знать, что Греки выражали свое удивленіе и недовольство на счетъ этихъ миѳовъ: объясненіе ихъ происхожденія составляло задачу, предоставленную болѣе просвѣщенному времени.

Главнѣйшія рѣшенія, представлявшіяся Грекамъ при изслѣдованіи происхожденія ихъ миѳологіи, можно раздѣлить на три части: *этическую*, *физическую* и *историческую*, смотря по различнымъ предметамъ, которые будто бы имѣли въ виду первобытные воспроизводители миѳологіи. [17])

Видя, какое сильное средство представляла религія для устрашенія индивидуумовъ и сдерживанія въ границахъ политическихъ обществъ, многіе Греки воображали, что миѳы о всемогуществѣ и всевѣдѣніи боговъ, о награжденіи ими добрыхъ и наказаніи злыхъ,—всѣ эти разсказы изобрѣтены умными людьми древности для исправленія и лучшаго управленія человѣчествомъ [18]). Однако не смотря на всю нелѣпость такого взгляда, не осно-

17) Augustinus, De Civ. Dei VIII. 5. De paganorum secretiore doctrina phisicisque rationibus.
18) Fragm. Trag. III, s, 120. Nägelsbach, Nachhomerische Theologie. 435,445.

ваннаго ни на какихъ доводахъ, его все-таки раздѣляли многіе древніе философы. Далѣе мы увидимъ, что Аристотель допускаетъ болѣе глубокое основаніе религіи, но тѣмъ не менѣе даже и онъ склоненъ, считать миөологическую форму Греческой религіи изобрѣтенною съ цѣлью убѣждать и поддерживать законъ и порядокъ. Разбирая этотъ взглядъ, Цицеронъ съ полнымъ правомъ могъ воскликнуть: «Не потрясена ли религія во всемъ своемъ основаніи тѣми, которые говорятъ, что понятіе о безсмертныхъ богахъ составлено умными людьми для государства съ тою цѣлью, чтобы при помощи религій призывать къ долгу тѣхъ, которые не слушались разума?» [13]) Если бы полезныя стороны миөологій были придуманы умными людьми, то, слѣдовало бы, что безнравственные разсказы о богахъ и людяхъ приписать слѣдуетъ пустымъ поэтамъ; такой взглядъ, какъ мы видѣли прежде, совершенно ясно былъ высказанъ уже *Эврипидомъ*.

Второй классъ объясненія можно назвать *физическимъ*, употребляя это выраженіе въ самомъ общемъ смыслѣ, и включая такимъ образомъ даже то, что обыкновенно называется *метафизическимъ* объясненіемъ. По мнѣнію толкователей этой школы, составители миөологіи желали познакомить народъ съ извѣстными явленіями природы или дать ему нѣкоторое понятіе о естественной наукѣ; при этомъ они однако пользовались языкомъ, свойственнымъ или имъ самимъ, или времени, въ которомъ они жили, а по мнѣнію другихъ, языкомъ который болѣе скрывалъ, чѣмъ открывалъ тайны ихъ священной мудрости. Такъ какъ всѣ толкователи этого класса, какъ бы ни расходились они во взглядахъ на точное первоначальное назначеніе каждаго отдѣльнаго миөа, все-таки согласны въ томъ, что ни одного миөа не слѣдуетъ понимать буквально, то ихъ система толкованій наиболѣе извѣстна подъ именемъ *аллегорической*, такъ какъ это выраженіе

---

[13]) Cicero, Nat. Deor. I, 42, 118.

—самое общее названіе въ языкѣ, когда говорится одно, а понимается другое. [20])

Столь древній философъ, каковъ *Эпихармъ* [21]) ученикъ Пиѳагора, говорилъ, что боги не иное что, какъ вѣтеръ, вода, земля, солнце, огонь и звѣзды. Вскорѣ послѣ него *Эмпедоклъ* (около 444 г. до Р. Хр.) приписалъ именамъ Зевса, Геры, Аидонея и Нестиды, значеніе четырехъ стихій, огня, воздуха, земли и воды. [22]) Что бы ни считалось Греческими философами за первыя начала бытія и мышленія, воздухъ ли *Анаксимена* [23]) (около 548 г.), или огонь *Гераклита* [24]) (около 503 г.), или умъ (νοῦς) *Анаксагора* (ум. въ 428 г.)—все они готовы были отождествить съ Юпитеромъ или другими божественными силами. Говорятъ, что Анаксагоръ и его школа объясняли всю Гомерическую миѳологію

---

20) Срв. Müller. Prolegomena, 335, прим. 6. ἄλλο μὲν ἀγορεύει, ἄλλο δὲ νοεῖ. Различіе между миѳомъ и аллегоріей просто, но весьма удачно объяснилъ Профессоръ Blackie, въ своей статьѣ о миѳологіи въ Chamber's Cyclopaedia: «Миѳа не слѣдуетъ смѣшивать съ аллегоріей; первый есть несознательный актъ народнаго духа въ раннiй періодъ общества, послѣдняя сознательное дѣйствіе индивидуальнаго ума въ какомъ нибудь состояніи соціальнаго прогресса.

21) Stobaeus, Flor. XCI, 29:

Ὁ μὲν Ἐπίχαρμος τοὺς θεοὺς εἶναι λέγει
Ἀνέμους, ὕδωρ, γῆν, ἥλιον, πῦρ, ἀστέρας.

Срв. Bernays, Rhien. Mus. 1853, стр. 280. Kruseman, Epicharmi Fragmenta, Harlemi, 1834.

22) Plut. de Plac. Phil. I. 30: Ἐμπεδοκλῆς φύσιν μηδὲν εἶναι, μῖξιν δὲ τῶν στοιχείων καὶ διάστασιν, γράφει γὰρ αὐτὼς ἐν τῳ πρώτῳ φυσίκῳ.

Τέσσαρα τῶν πάντων ῥιζώματα πρῶτον ἄκουε·
Ζεὺς ἀργὴς Ἥρη τε, φερέσβιος ἠδ' Ἀϊδωνεύς,
Νῆστίς θ' ἣ δακρύοις τέγγει κρούνωμα βρότειον,

23) Cic. Nat. Deor. I. 10. Ritter и Preller, § 27.

24) Clem. Alex. Strom., 603 D. Ritter и Prellrr, §. 38. Bernays, Neue Bruchstücke des Heraklit, 256: ἓν τὸ σοφὸν μοῦνον λέγεσθαι ἐθέλει, καὶ οὐχ ἐθέλει Ζηνὸς οὔνομα.

аллегорически. Согласно съ ними Зевсъ есть умъ, Аѳина—искусство. *Метродоръ*, современникъ Анаксагора, «не только личности Зевса, Геры и Аѳины, но и Агамемнона, Ахилла и Гектора разложилъ на различныя комбинаціи стихій и естественныя силы, и смотрѣлъ на приписываемыя имъ приключенія, какъ на явленія природы въ аллегорической оболочкѣ.» [25])

Сократъ считалъ попытку объяснить всѣ басни аллегорически затруднительною и безполезною; но онъ, равно какъ и Платонъ, часто указывали на то, что они называли ὑπόνοια, т. е. на скрытое значеніе этихъ древнихъ миѳовъ.

Въ одиннадцатой книгѣ метафизики Аристотеля встрѣчается мѣсто, на которое очень часто ссылались, [26]) потому что оно будто бы показываетъ ясный взглядъ этого философа на происхожденіе миѳологіи, хотя взглядъ этотъ въ самомъ дѣлѣ не много выше узкихъ взглядовъ другихъ Греческихъ философовъ.

Вотъ что пишетъ Аристотель:

«Ранніе и весьма древніе предки оставили своимъ потомкамъ, въ видѣ миѳовъ, преданіе, что они (первыя начала міра) суть боги, и что божество объемлетъ всю природу. Остальное прибавилось миѳически съ цѣлью убѣдить большинство и поддержать законы и другіе интересы. Такъ напр. они утверждаютъ, что боги имѣютъ образъ человѣческій и похожи на нѣкоторыя изъ другихъ живыхъ существъ; они говорятъ и другія разныя вещи, которыя изъ этого вытекаютъ, и много подобнаго тому, что было сказано. Если выдѣлить изъ этихъ миѳовъ и взять отдѣльно этотъ первый пунктъ, т. е. что они считали первыя стихіи міра богами, то можно было бы думать, что это сказано по вдохновенію, и что эти мнѣнія, какъ

---

25) Syncellus, Chron. стр. 149, ed. Paris. Ἑρμηνεύουσι δέ οἱ Ἀναξαγόρειοι τοὺς μυθώδεις θεοὺς, νοῦν μὲν τὸν Δία, τὴν δε Ἀθηνᾶν τέχνην. Grote, I. 563. Ritter и Peller, Hist. Phil. §. 48. Lobeck, Aglaoph. 156.— Diog. Laert, II. 11.

26) Bunsen, Gott in der Geschichte, III, 532 Ar. Met. XI. 8, 19.

обломки, сохранились и понынѣ, между тѣмъ какъ всѣ искусства и всякая философія были столь же часто изобрѣтаемы, какъ и опять забывались. Только до этой степени намъ ясно мнѣніе нашихъ отцовъ и первыхъ нашихъ предковъ.

Попытки находить въ миѳологіи остатки древней философіи, были сдѣланы различнымъ образомъ со временъ Сократа до нашего времени. Нѣкоторые писатели полагали, что открыли въ Греческой миѳологіи астрономію, другіе—естественныя науки; въ наше время большое сочиненіе Creuzer'a «Symbolik und Mythologie der alten Völker» (1819—21) было написано единственно съ цѣлью доказать, что Греческая миѳологія составлена жрецами, рожденными или воспитанными на Востокѣ, и желавшими поднять полуварварскія племена Греціи на болѣе высокую цивилизацію и привести къ болѣе чистому пониманію божества. Согласно съ Крейцеромъ и его школою, подъ символическимъ языкомъ миѳологіи таилась глубокая мудрость и монотеистическая религія; народъ не понималъ этого языка, но онъ былъ понятенъ жрецамъ, и даже въ настояшее время можетъ быть истолкованъ глубокомысленными изслѣдователями миѳологіи.

Третью теорію о происхожденіи миѳологіи я называю *историческою*. Она обыкновенно связывается съ именемъ *Эвгемера*, хотя слѣды ея находятся какъ прежде, такъ и послѣ его времени. Эвгемеръ былъ современникъ Александра и жилъ при дворѣ Кассандра въ Македоніи, который, говорятъ, отправилъ его въ экспедицію для открытій. Открылъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ Красное море и южные берега Азіи—положительно намъ не извѣстно. Все, что мы знаемъ, состоитъ въ томъ, что онъ въ одной религіозной повѣсти, имъ написанной, говоритъ, что плавалъ въ этомъ направленіи очень далеко, пока достигъ острова Панхеи. На этомъ островѣ, по его словамъ, онъ нашелъ много надписей (ἀναγραφαί), отъ чего и книга его получила свое заглавіе Ἱερὰ Ἀναγραφή, которыя содержатъ въ себѣ свѣдѣнія о главнѣйшихъ Греческихъ божествахъ, но не представляютъ ихъ какъ боговъ, а какъ

царей, героевъ и мудрецовъ, получившихъ по смерти своей божественныя почести у своихъ ближнихъ. [27])

Хотя книга самаго Эвгемера, равно какъ и переводъ ея, составленный Энніемъ, затеряны, и намъ очень мало извѣстно какъ о ея общемъ духѣ, такъ и о толкованіяхъ отдѣльныхъ божествъ, однако эта книга въ свое время произвела такое впечатлѣніе, что слово Эвгемеризмъ стало названіемъ такой системы миѳологическаго толкованія, которая отрицаетъ существованіе божественныхъ существъ и сводитъ боговъ на уровень человѣка. Совершенное и систематическое отрицаніе боговъ, приписываемое Эвгемеру, слѣдуетъ однако отличать отъ частнаго примѣненія его принциповъ, что мы находимъ у многихъ Греческихъ писателей. Такъ напр. Гекатей, самый правовѣрный Грекъ, [28]) говоритъ, что Геріонъ Эриѳейскій въ самомъ дѣлѣ былъ богатый стадами царь Эпирскій; Церберъ, собака преисподней, была извѣстная змѣя, живущая въ пещерѣ на мысѣ Тенарскомъ. [29]) Эфоръ превратилъ Титія въ разбойника и змѣя Пиѳона въ безобразную личность, [30]) по имени Пиѳонъ или Драконъ, котораго Аполлонъ умертвилъ своими стрѣлами. По мнѣнію такого же правовѣрнаго писателя Геродота, обѣ черные голубя изъ Египта, полетѣвшіе въ Либію и Додону указавшіе народу эти мѣста для пребыванія оракула Зевса, въ самомъ дѣлѣ были нечто иное, какъ женщины, пришедшія изъ Ѳивъ. Пришедшую въ Додону, говоритъ онъ, назвали голубемъ, потому что она говорила чужимъ языкомъ, похожимъ на птичьи звуки, а назвали ее именно чернымъ голубемъ по причинѣ смуглаго египетскаго цвѣта ея кожи. Это объясненіе онъ выставляетъ не какъ свое ли-

[27]) Quid? qui aut fortes aut claros aut potentes viros tradunt post mortem ad deos pervenisse, eosque esse ipsos quos nos colere, precari, venerarique soleamus, nonne expertes sunt religionum omnium? Quae ratio maxima tractata ab Euhemero est, quam noster et interpretatus et secutus est praeter caeteros Ennius.—Cic. De Nat. Deor I. 42.

[28]) Grote, History of Greece, I. 526.

[29]) Strabo, IX. 422.—Grote, H. G. I, 552.

*) Можетъ быть въ связи съ ведическимъ Ahir Budhnya.

чное убѣжденіе, но какъ основанное на показаніяхъ сдѣланныхъ ему египетскими жрецами, поэтому я считаю это объясненіе историческимъ, а не просто аллегорическимъ. Подобныя объясненія чаще встрѣчаются у позднѣйшихъ Греческихъ историковъ, которые, не признавая ничего сверхъестественнаго или чудеснаго за историческій фактъ, разоблачаютъ древнія легенды отъ всего, что дѣлаетъ ихъ невѣроятными, и потомъ говорятъ о нихъ, какъ о дѣйствительныхъ событіяхъ, а не какъ о вымыслахъ. [31]) Согласно съ ними Эолъ, богъ вѣтра, былъ древнимъ морякомъ, опытнымъ въ предсказаніи погоды; циклопы были дикое племя, обитавшее въ Сициліи, Кентавры были наѣздники; Атласъ былъ великій астрономъ, а Сцилла—быстро плавающій морской разбойникъ. И эта система, подобно первой, сохранилась почти до нашего времени. Древніе христіанскіе, полемики Св. Августинъ, Лактанцій, Арнобій, воспользовались этими аргументами при нападеніяхъ на вѣроисповѣданіе Грековъ и Римлянъ, порицая ихъ за то, что они обожаютъ боговъ, которые вовсе не боги, а какъ извѣстно и дознано, только обоготворенные смертные. Нападая на религію Германскихъ націй, Римскіе миссіонеры прибѣгали къ тѣмъ же доводамъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ Англамъ въ Англіи, что *Воданъ*, котораго они считаютъ за главнаго и лучшаго изъ всѣхъ боговъ, отъ котораго они производятъ свое происхожденіе, и которому они посвятили четвертый день недѣли,—что онъ былъ смертный человѣкъ, именно царь Саксовъ, отъ котораго многія племена производятъ свое происхожденіе. Когда его тѣло разрушилось въ прахъ, его душа была похоронена въ аду и испытываетъ тамъ вѣчный огонь. [32]) Слѣды этой системы мы находимъ еще во многихъ изъ нашихъ руководствъ миѳологіи и исторіи. О Юпитерѣ все еще говорятъ какъ о властелинѣ Крита; о Геркулесѣ какъ о по-

[31]) Grote, I 554.
[32]) Kemble, Saxons in England, I. 338. Legend. Nova, fol. 210 b.

бѣдоносномъ полководцѣ или странствующемъ рыцарѣ; Пріамъ былъ царь на Востокѣ, и Ахиллъ, сынъ Юпитера и Ѳетиды, былъ сильный воинъ при осадѣ Трои. Самая осада Трои многими все еще считается за историческій фактъ, хотя она основывается ни на какихъ другихъ доказательствахъ, какъ и похищеніе Гелены Ѳезеемъ, и ея открытіе Діоскурами, осажденіе Олимпа Титанами или взятіе Іерусалима Карломъ Великимъ, описываемое въ рыцарскихъ романахъ [33]) среднихъ вѣковъ.

Эта теорія впослѣдствіи была снова принята, но не для такихъ практическихъ цѣлей; въ прошломъ столѣтіи она была любимою теоріей философскихъ историковъ, особенно во Франціи. Объемистое сочиненіе Abbé Banier'а «Миѳологія и басни древности, объясненныя на основаніи исторіи» обезпечило этой школѣ временное значеніе миѳа во Франціи; его книга, переведенная на Англійскій языкъ, приводилась какъ авторитетъ и въ Англіи. Его намѣреніе, говоритъ онъ, [34]) было «показать, что не смотря на всѣ украшенія, которыми сопровождаются миѳы, все-таки не трудно замѣтить въ нихъ извѣстную долю исторіи первобытныхъ временъ.» Чтеніе такихъ книхъ, написанныхъ всего лѣтъ сто тому назадъ, весьма поучительно, хотя бы только для того, чтобы остерегаться слишкомъ большой увѣренности при установленіи теорій, которыя теперь кажутся неопровержимыми, а спустя сто лѣтъ также могутъ устарѣть. Abbé Banier безъ сомнѣнія считалъ свои аргументаціи неоспоримыми и спрашиваетъ: «Неужели намъ должно серьезно вѣрить, чтобы Александръ такъ уважалъ Гомера, если бы онъ его считалъ за простаго баснописца? и сталъ ли бы онъ завидовать счастливой судьбѣ Ахилла, нашедшаго

---

33) Grote, I. 636. «Рядъ статей M. Fauriel'я, напечатанныхъ въ Revue des deux Mondes, томъ XIII, полонъ поученій относительно происхожденія, содержанія и вліянія рыцарскихъ романовъ. Хотя встрѣчается имя Карла Великаго, однако эти писатели въ самомъ дѣлѣ не въ состояніи отличить его отъ Карла Мартеля или отъ Карла Лысаго (стр. 537—39). Они приписываютъ ему походъ въ Св. землю, въ которомъ онъ завоевалъ Іерусалимъ у Сарациновъ,» и т. д.

34) The Mythology and Fables of the Ancients, explained from History, by the Abbé Banier. London, 1739, въ шести томахъ. I, стр. IX.

такаго пѣвца своей славы? [35]) Не приводилъ ли Цицеронъ при исчисленіи мудрецовъ и Нестора и Улисса? — и помѣстилъ ли бы онъ между ними простые призраки? Не говоритъ ли намъ Цицеронъ (Tusc. Quaest. I. 5.), что только неутомимое стараніе Атласа и Прометея въ наблюденіи небесныхъ тѣлъ, послужило поводомъ къ миѳу, что будто одинъ поддерживаетъ небосклонъ своими плечами, а другой прикованъ къ горѣ Кавказу? Я могъ бы здѣсь привести много авторитетовъ изъ древнихъ писателей, древнихъ Отцовъ Церкви, Арнобія, Лактанція и другихъ, которые за основаніе миѳовъ принимали историческіе факты; я могъ бы окончить этотъ списокъ именами самыхъ извѣстныхъ современныхъ писателей, которые въ древнихъ сказаніяхъ находятъ много остатковъ преданій первобытныхъ вѣковъ.» Какъ это похоже на извѣстныя неоспоримыя аргументанціи, встрѣчающіяся въ наше время! Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: [36]) «Я докажу, что въ миѳѣ о Минотаврѣ съ Пасифаей, содержится не что иное, какъ интрига царицы острова Крита съ морякомъ по имени Тавръ, а въ искусствѣ Дедала только хитрый наперсникъ. Атласъ, поддерживающій небо своими плечами, былъ царь, который изучалъ астрономію съ глобусомъ въ рукахъ. Золотыя яблоки восхитительнаго сада Гесперидовъ съ своимъ дракономъ змѣемъ были апельсины, охраняемые собаками.»

Еще упомянемъ о тѣхъ ученыхъ, которые, по духу принадлежа къ этой же школѣ, въ Греческой миѳологіи искали слѣдовъ не свѣтскихъ, а священныхъ личностей, и подобно Bochart'у, воображали, что въ Сатурнѣ видны черты Ноя, а въ трехъ его сыновьяхъ, Юпитерѣ, Нептунѣ и Плутонѣ — три сына Ноя — Хамъ, Іафетъ и Симъ. [37]) G. I. Vossius въ своемъ ученомъ сочиненіи De Theologia

35) Тамъже I, 21.
36) Тамъ же I, 29.
37) Geographia Sacra, I: «Noam esse Saturnum tam multa docent ut vix sit dubitandi locus.» Ut Noam esse Saturnum multis argumentis constitit, sic tres Noae filios cum Saturni tribus filiis conferenti, Hamum vel

Gentili et Physiologia Christiana, sive De Origine et Progressu Idolatriae, [38]) отождествилъ Сатурна съ Адамомъ или съ Ноемъ, Іона и Прометея опять же съ Ноемъ, Плутона съ Іафетомъ или Хамомъ, Нептуна съ Іафетомъ, Минерву съ Ноемою, сестрою Ѳовела Каина, Вулкана съ Ѳовеломъ Каиномъ, Тифона съ Огомъ, царемъ Васанскимъ и т. п. Gerardus Croesus въ своемъ сочиненіи «Homerus Ebraeus» утверждаетъ, что Одиссея представляетъ исторію патріарховъ, переселеніе Лота изъ Содома, и смерть Моисея, между тѣмъ какъ Иліада описываетъ взятіе и разрушеніе Іерихона. Huet въ своей книгѣ «Demonstratio Evangelica» заходитъ еще дальше. [39]) Чтобы доказать подлинность книгъ Ветхаго Завѣта, онъ старается показать, что будто бы почти вся теологія языческихъ племенъ заимствована у Моисея. Самъ Моисей, по его описанію, принималъ самый разнообразный характеръ въ языческихъ преданіяхъ, и къ тому же историческому прототипу ученый и набожный епископъ приводитъ не только древнихъ законодателей, каковы Зороастръ и Орфей, но и боговъ, каковы Аполлонъ, Вулканъ и Фавнъ. Какъ Моисей былъ прототипъ языческихъ боговъ, такъ въ его сестрѣ Маріамѣ, или въ его женѣ Зипорѣ, видѣли типы всѣхъ языческихъ богинь. [40])

Chamum esse Jovem probabunt hae rationes.—Japhet idem qui Neptunus. Semum Plutonis nomine detruserunt in inferos.—I. 2. Jam si libet etiam ad nepotes descendere; in familia Hami sive Jovis Hammonis, Put est Apollo Pythius; Chanaan idem qui Mercurius.—Quis non videt Nimrodum esse Bacchum? Bacchus enim idem qui bar-chus, i. e. Chusi filius. Videtur et Magog esse Prometheus.

38) Amsterdami, 1668, стр. 71, 73, 77, 97. Og est iste qui a Graecis dicitur Τυφῶν, и пр.

39) Parisiis, 1677.

40) Caput tertium.—I. Universa propemodum Ethnicorum Theologia ex Mose, Mosisve actis aut scriptis manavit. II. Velut illa Phoenicum. Tautus idem ac Moses. III Adonis idem ac Moses IV. Thammus Ezechielis idem ac Moses. V. Πολυώνυμος fuit Moses. VI. Marnas Gazensium. Deus idem ac Moses.—Caput quartum. VIII Vulcanus idem ac Moses. IX. Typhon idem ac Moses.—Caput quintum. II Zoroastres idem ac Moses. Caput octavum. III. Apollo idem ac Moses. IV Pan idem ac Moses.

Вы знаете, что М-ръ Гладстонъ въ своемъ интересномъ и остроумномъ сочиненіи о Гомерѣ бросаетъ подобный же взглядъ, и старается открыть въ Греческой миѳологіи темную картину священной исторіи Евреевъ, однако не до того темную, чтобы не узнать, какъ онъ полагаетъ, въ Юпитерѣ, Аполлонѣ и Минервѣ неясныя черты троичности. Въ послѣднемъ нумерѣ Римско-католическаго журнала «Home and Foreign Review» извѣстный издатель Еврипида, Мр. Т. А. Paley, защищаетъ тотъ же самый Эвгемеризмъ. «Атласъ, по его словамъ, это символъ терпѣнія, настойчивости въ работѣ. Гесіодъ помѣщаетъ его близъ сада Гесперидовъ, и *нельзя сомнѣваться* въ томъ, что тутъ идетъ преданіе о садѣ эдема; золотыя яблоки, охраняемыя дракономъ, представляютъ яблоко, которое Ева вкусила по искушенію змѣя, или садъ охраняемый ангеломъ съ пламеннымъ мечомъ.» [41]).

Хотя всѣ безпредразсудочные ученые чувствовали, что ни одна изъ этихъ трехъ системъ толкованія нисколько не была удовлетворительна, однако казалось невозможнымъ дать какое либо лучшее рѣшеніе проблемы. Правда, въ настоящую минуту, я думаю, мало найдется такихъ, кто принималъ бы исключительно одну изъ этихъ трехъ системъ, кто полагалъ бы, что вся Греческая миѳологія придумана для внушенія нравственныхъ правилъ, или для распространенія естественныхъ или метафизическихъ ученій, или для передачи событій древней исторіи—однако многіе довольствуются родомъ соглашенія, допуская, что нѣкоторыя части миѳологіи могутъ имѣть нравственный характеръ, другія—физическій, а

и пр. стр. 121. Cum demonstratum sit Graecanicos deos, in ipsa Mosis persona larvata, et ascititio habitu contecta provenisse, nunc probare aggredior ex Mosis scriptionibus, verbis, doctrinis, et institutis, aliquos etiam Graecorum eorundem deos, ac bonam Mythologiae ipsorum partem manasse.

41) Home and Foreign Review № 7, стр. III, 1864:—«The Cyclopes were probably a race of pastoral and metal—working people from the East, characterised by their rounder faces, whence arose the story of their one eye.»

третьи историческій, но что все-таки остается еще много миѳовъ, недопускающихъ никакого толкованія. Загадка сфинкса миѳологіи осталась нерѣшенною.

Первый толчекъ къ новому взгляду на миѳологическую проблему дало изученіе сравнительной филологіи. Чрезъ открытіе древняго языка Индіи, такъ называемаго, Санскрита, благодаря трудамъ Wilkins'а [42]), Sir. W. Jones'а, и Colebrooke'а лѣтъ восемьдесятъ назадъ, и чрезъ открытіе тѣснаго родства этого языка съ языками главнѣйшихъ націй Европы, которымъ мы обязаны геніямъ Шлегеля, Гумбольдта, Боппа и др. сдѣлался переворотъ въ общепринятыхъ взглядахъ на древнюю исторію міра. У меня не достаетъ времени на то, чтобы дать полный отчетъ этихъ изслѣдованій; но что языки, на которыхъ говорили Индійскіе брамины, послѣдователи Зороастра, и подданные Дарія въ Персіи, на которыхъ говорили Греки, Римляне, Кельты, Тевтонскія и Славянскія племена,—что всѣ они только видоизмѣненія одного общаго типа, и находятся между собою въ такой же связи, какъ Французскій, Итальянскій, Испанскій и Португальскій сродны между собою какъ современныя нарѣчія Латинскаго языка,—это я могу выставить какъ фактъ, котораго *прежде* его обнародованія, я думаю, никто не ожидалъ, но въ которомъ *послѣ* того уже никто не сомнѣвался. Это дѣйствительно было «открытіе новаго міра,» или если хотите, возобновленіе извѣстности древняго міра. Пришлось поправить и снова провести всѣ межевыя линіи древней исторіи человѣчества, и объяснить, такъ или иначе, какимъ образомъ всѣ эти языки, отдѣленные между собою тысячами миль и тысячами лѣтъ, могли происходить отъ первоначальнаго общаго центра.

На этомъ [43]) однако я не могу остановиться. Я долженъ показать, какъ послѣ нѣкотораго времени было открыто не только первоначальное тожество коренныхъ

---

42) Wilkins. Bhagavadgita, 1785.
43) Лекція по наукѣ о языкѣ. М. Мюллера, стр. 100 и слѣд.

элементовъ во всѣхъ, такъ называемыхъ, Арійскихъ или Индо-европейскихъ языкахъ ихъ чиселъ, мѣстоименій, предлоговъ и грамматическхъ окончаній, ихъ словъ, касающихся домашняго быта, каковы: отецъ, мать, братъ, дочь, супругъ, зять, корова, собака, лошадь, скотъ, быкъ, дерево, хлѣбъ, мельница, земля, небо, вода, звѣзды и тысячи другихъ словъ,—но и что каждый изъ этихъ языковъ содержалъ элементы миѳологической фразеологіи, обнаруживающіе ясные слѣды общаго происхожденія.

Какое значеніе это имѣло для науки о миѳологіи? Совершенно такое же, какъ для науки о языкѣ открытіе одного общаго происхожденія Санскрита, Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго, Кельтскаго Славянскаго языковъ. Прежде этого открытія было позволительно разсмаривать одинъ языкъ отдѣльно по себѣ, и всякое этимологическое объясненіе считалось удовлетворительнымъ, коль скоро оно согласовалось съ законами каждаго отдѣльнаго языка. Платонъ производилъ Греч. theós, богъ, отъ глагола théein, бѣжать, потому что первыя божества были солнце и луна, движущіяся по небу;[44]) Геродотъ [45]) прозводитъ то же слово отъ tithénai, ставить, потому что боги устанавливаютъ каждую вещь. Само по себѣ взятое, ни то, ни другое не ошибочно. Но какъ скоро мы находимъ, что это же слово для выраженія бога существуетъ въ Санскритскомъ и Латинскомъ въ видѣ deva и deus, то ясно, что нельзя принять какую либо этимологію для Греческаго слова, которая не была бы примѣнима и къ соотвѣтственнымъ выраженіямъ въ Санскритскомъ и Латинскомъ языкахъ. Если бы мы знали одинъ Французскій языкъ, намъ было бы простительно производить Франц. feu, огонь, отъ Нѣм. Feuer; но зная, что тоже самое слово существуетъ въ Итальянскомъ въ видѣ fuoco, въ Испанск. какъ fuego, мы, разумѣется, должны отъискать примѣнимую ко всѣмъ тремъ этимологію, которую мы дѣйствительно находимъ въ Лат. focus, а не въ Нѣм. Feuer. Даже столь

44) Plat. Crat. 397 C.
45) Her. II 25.

остроумный ученый, каковъ Гриммъ, кажется, не вполнѣ понялъ абсолютную силу этого правила. Пока не было извѣстно, что въ Санскритскомъ, Греческомъ, Латинскомъ, Славянскомъ выраженіе для слова *имя* тожественно съ Готскимъ namô, род. namins, было позволительно производить Нѣм. Name, имя, отъ Нѣм. глагола nehmen, брать (Grimm, Grammatik, II, 30); это была вполнѣ законная этимологія. Но когда стало извѣстно, что Санскр. naman стоитъ вм. gna-man, какъ и Лат. nomen вм. gnomen (cognomen, ignominia), и что оно происходитъ отъ глагола gna, знать, то уже нельзя было признать производства слова Name отъ nehmen, а мѣсто того naman должно было привести къ gna. [46]) Всякое слово можетъ имѣть только одну этимологію, какъ всякое живое существо имѣетъ одну только мать.

Примѣнимъ сказанное нами къ миѳологической фразеологіи Арійскихъ народовъ. Если бы намъ пришлось объяснить названія и миѳы однихъ только Греческихъ боговъ, безъ всякой связи съ названіями боговъ другихъ народовъ, то производство названія *Зевса* отъ Греч. глагола zên, жить, было бы совершенно умѣстно. Но коль скоро мы находимъ, что Греч. слово Zeus есть то самое, что Санскр. Dyaus, или Ju въ Лат. Jupiter, и Tiu въ словѣ Tuesday, то, разумѣется, нельзя болѣе удовлетворяться этимологіею, которая не объяснила бы всѣхъ этихъ словъ вмѣстѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что для пониманія происхожденія и значенія именъ Греческихъ боговъ, и для того, чтобы вникнуть въ первоначальное значеніе миѳовъ разсказываемыхъ о нихъ, нельзя ограничить свой взглядъ Греческимъ горизонтомъ, а должно взять въ соображеніе также и параллельныя свидѣтельства, оставляемыя Латинскою, Нѣмецкою, Санскритскою и Зендскою миѳологіями. Ключъ, открывающій одно названіе, долженъ подходить ко всѣмъ, или иначе онъ не вѣрный ключъ.

Классическіе ученые дѣлали сильныя возраженія противъ такого способа умозаключенія и даже тѣ, которые отказываются отъ Греческой этимологіи безъ связи съ Санскритскою, протестуютъ противъ такого оскверне-

нія Греческаго Пантеона, —и противъ всякихъ попытокъ производить божества и миѳы Гомера и Гесіода отъ чудовищныхъ браманскихъ идоловъ. Я думаю, что это происходитъ только отъ недоразумѣній. Ни одному разумному ученому не придетъ въ голову производить какое либо Греческое или Латинское слово отъ Санскритскаго. Санскритъ не есть отецъ Греческаго или Латинскаго языка, какъ напр. Латинскій отецъ Французскаго и Итальянскаго. Санскритскій, Греческій и Латинскій суть братья, видоизмѣненія одного и того же типа. Всѣ три указываютъ на болѣе раннее состояніе, когда они еще менѣе отличались между собою, чѣмъ теперь. Въ пользу Санскрита можно сказать только то, что онъ старшій братъ изъ нихъ, и что онъ удержалъ много словъ и формъ въ менѣе искаженномъ видѣ, чѣмъ Латинскій и Греческій. Болѣе первобытный характеръ и болѣе прозрачное строеніе Санскрита естественно привлекли къ себѣ языковѣда, но не сдѣлали его слѣпымъ къ тому факту, что во многихъ отношеніяхъ Греческій и Латинскій, и даже Готскій и Кельтскій, сохранили первобытныя черты, утраченныя Санскртомъ. Греческій стоитъ наравнѣ съ Санскритомъ, а не ниже его.

Есть однако еще другая причина, почему сравненіе Греческихъ боговъ съ Индійскими классическимъ ученымъ было особенно противно. Въ самомъ зародышѣ Санскритской филологіи столь извѣстный ученый, каковъ Сэръ В. Джонсъ, старался отожествить божества современной Индійской миѳологіи съ Гомерическими богами. Это дѣлалось, однако, самымъ произвольнымъ образомъ и тѣмъ возбудило недовѣріе здравыхъ критиковъ ко всякой попыткѣ того же рода. Не станемъ винить Джонса за сравненіе Cupid'а съ Dipuc (dîpaka), но сравнивать божества современныхъ Индусовъ, каковы Вишну, Сива или Кришна, съ Гомерическими богами—значитъ сравнивать современный Гиндустанскій языкъ съ древнимъ Греческимъ. Сперва нужно привесть Гиндустанскій къ Санскриту, а потомъ уже можно его сравнить съ Греческимъ и Латинскимъ, но не иначе. То же самое съ миѳологіей. Сначала слѣдуетъ прослѣдить современную систему Индійской ми-

ѳологіи къ самой ранней ея формѣ, а потомъ будетъ разумная надежда на открытіе семейнаго сходства между священными именами, обоготворяемыми Арійцами Индійскими и Арійцами Греціи.

Это было невозможно во время Вильяма Джонса; даже теперь оно только отчасти возможно. Хотя Санскритъ изучается уже третьимъ поколѣніемъ, однако самое древнее сочиненіе Санскритской литературы, Ригведа, все еще остается книгой съ семью печатями. Отфридъ Мюллеръ въ 1825 г. въ своихъ «Пролегоменахъ къ научной миѳологіи» восклицаетъ: «О, если бы мы имѣли понятный переводъ Веды!» Но это желаніе понынѣ не исполнилось. Въ послѣднее время почти всѣ санскритисты посвятили свои труды разъясненію ведической литературы, и все-таки потребуется еще много лѣтъ, пока осуществится высказанное О. Мюллеромъ желаніе. Санскритская литература безъ Ведъ то же самое, что Греческая безъ Гомера, Еврейская безъ Библіи, Мугаммеданская безъ Корана. Легко понять, что безъ знанія древнѣйшей формы Индійской религіи и миѳологіи было бы преждевременно всякое стараніе сравнивать божества Индіи съ божествами какой либо другой страны. Какъ единственное вѣрное основаніе не только Санскритской литературы, но и сравнительной миѳологіи и даже сравнительной филологіи, требовалось изданіе древнѣйшаго документа Индійской литературы и религіи и Индійскаго языка—изданіе *Ригведы*. Восемь изъ десяти книгъ Ригведы теперь изданы въ текстѣ вмѣстѣ съ пространнымъ индійскимъ комментаріемъ, и можно надѣяться, что въ четыре или пять лѣтъ выйдутъ и остальныя двѣ книги. Но тогда все-таки останется еще трудная задача перевода или, вѣрнѣе, разбора этихъ древнихъ гимновъ. Правда, уже есть два перевода: одинъ принадлежитъ Французу M. Langlois, другой Англійскому профессору Вильсону. Первый изъ нихъ весьма остроуменъ, но основанъ только на догадкахъ, а второй состоитъ только изъ повтореній, и то не всегда вѣрныхъ, изданнаго мною комментарія Саяны (Sâyana). Онъ намъ показываетъ, до какой степени позднѣйшіе грамматики, теологи и философы не понимали

древнихъ гимновъ, но не старается критически возстановить первоначальный смыслъ этихъ простыхъ и первобытныхъ гимновъ посредствомъ единственно вѣрнаго способа, т. е. посредствомъ сравненія всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ встрѣчаются тѣ же слова. Этотъ способъ разбора медленный, но соединенными силами разныхъ ученыхъ сдѣланы нѣкоторые успѣхи и достигнуто нѣкоторое пониманіе миѳологической фразеологіи ведическихъ пѣснопѣвцевъ. Мы ясно понимаемъ, что Веды съ своею первобытною и весьма прозрачною системою религіи, имѣютъ такое же значеніе для миѳологіи, какъ для языковѣдѣнія Санскритъ, этотъ наиболѣе первобытный и самый прозрачный изъ Арійскихъ нарѣчій. Въ гимнахъ Ригведы мы видимъ еще послѣднюю главу настоящей теогоніи Арійскихъ народовъ, можемъ еще мелькомъ уловить тѣнь силъ, дѣйствовавшихъ въ произведеніи великолѣпнаго сценическаго эффекта въ драмѣ Олимпійскихъ боговъ. Тамъ миѳическій Сфинксъ произноситъ еще нѣсколько словъ, чтобы выдать свою собственную тайну, и показываетъ намъ, что человѣкъ и человѣческая мысль, въ соединеніи съ человѣческимъ языкомъ,—естественно и неизбѣжно произвели этотъ удивительный конгломератъ древнихъ миѳовъ, который смущалъ всѣхъ разумныхъ мыслителей со временъ Ксенофана до настоящаго дня.

Я постараюсь выразиться яснѣе. Вы поймете, какъ много выиграетъ сравнительная миѳологія, какъ скоро намъ удастся открыть первоначальное значеніе именъ боговъ. Если бы мы напр. знали, что у Грековъ означали Аѳина, Гера и Аполлонъ, то у насъ была бы вѣрная точка исхода и мы могли бы вѣрнѣе слѣдить за позднѣйшимъ развитіемъ этихъ названій. Мы знаемъ напр., что Selene по Греч. значитъ луна, и потому понимаемъ, что она въ миѳѣ сестра *Геліоса*, ибо helios значитъ солнце,—что она сестра Эосы, ибо это слово значитъ утренняя заря;—и если другой поэтъ называетъ ее сестрою *Эврифаессы*, то это насъ не смущаетъ, такъ какъ это слово, означающее далеко-сіяющій, можетъ быть,-только другое названіе утренней зари. Если ее представляютъ себѣ съ двумя рогами, то это напоминаетъ

намъ два рога луны; если говорятъ, что она чрезъ *Зевса* сдѣлалась матерью богини *Эрсы*, то мы уже знаемъ, что erse значитъ роса; итакъ называя ее дочерью Зевса и Селены, мы находимъ, что это на нашемъ болѣе практичномъ языкѣ значитъ, что послѣ лунной ночи бываетъ роса.

Веды имѣютъ для насъ большое значеніе потому, что многія названія боговъ еще понятны, такъ какъ они употребляются не только какъ имена собственныя, но и какъ нарицательныя. Agni, одинъ изъ ихъ главнѣйшихъ боговъ, значитъ огонь, и употребляется въ этомъ смыслѣ; это тоже самое слово, что *Русское *огонь** или Лат. ignis. Поэтому мы можемъ объяснить и другія его названія, и все то, что говорится о немъ первоначально какъ объ огнѣ. Vâyu или Vâta значитъ *вѣтеръ*, Marut—буря, Parjanyâ—дождь, Savitar—солнце, Ushas съ равнозначущими Urvaśî, Ahanâ, Sârânyû означаетъ утреннюю зарю; Pṛithivî—земля, Dyâvâpṛithivî—небо и земля. Другія священныя названія въ Ведахъ, переставшія быть нарицательными, дѣлаются легко понятными, потому что они употребляются какъ синонимы болѣе понятныхъ именъ (какъ напр. urvaśî вм. ushas), или потому что на нихъ бросаютъ свѣтъ другіе языки; такъ напр. Varuṇa ясно то самое слово, что Греч. ouranós, небо.

Другое преимущество, представляемое Ведами, заключается въ томъ, что въ ихъ многочисленныхъ гимнахъ еще можно слѣдить за постепеннымъ ростомъ боговъ, за медленнымъ переходомъ нарицательныхъ именъ въ собственныя, за первыми попытками олицетворенія. Ведическій пантеонъ связывается самыми слабыми узами семейнаго родства, и нѣтъ тамъ еще такого опредѣленнаго преобладанія одного бога, какъ Зевсъ, между Гомерическими божествами. Каждый богъ считается высшимъ, или, по крайней мѣрѣ, равнымъ со всѣми прочими богами, когда онъ призывается или воспѣвается поэтомъ; и нѣкоторые изъ болѣе мыслящихъ поэтовъ еще совсѣмъ не утратили того чувства, что различныя божества только различныя названія, различныя представленія того непонятнаго Существа, котораго не можетъ постичь мысль и не можетъ выразить языкъ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ
ЗАПИСКИ,

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ, И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. ХОВАНСКИМЪ.

1869.

ГОДЪ ОСЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ IV.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. А Гольдштейна.

Содержаніе IV выпуска.

Слѣдующая книжка выйдетъ въ непродолжительномъ времени.

СТАРЫЕ ПИСАТЕЛИ И НОВЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ НА НИХЪ ВЗГЛЯДЫ.

—

Редакціей «Русскаго Архива» въ прошломъ году изданы *Сочиненія Е. А. Баратынскаго.* Судьба сочиненій Баратынскаго весьма замѣчательна. Еще въ началѣ 40-хъ годовъ, при жизни поэта, подъ сильнымъ вліяніемъ эстетическихъ идей Бѣлинскаго, чувствовалась большая потребность въ полномъ собраніи его произведеній; послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1844 году, въ концѣ 40-хъ и во все слѣдующее десятилѣтіе эта потребность, еще очень сильная, рѣшительно никѣмъ не удовлетворялась, такъ что *Сочиненія Баратынскаго* положительно сдѣлались библіографическою рѣдкостью и многія солидныя библіотеки ихъ вовсе не имѣли; естественно, что и самое имя писателя, нѣкогда пользовавшагося громкою извѣстностію, должно было приходить въ забвеніе. Но вотъ, по прошествіи многихъ лѣтъ, какъ бы желая стряхнуть съ памяти Баратынскаго прахъ забвенія, является книга его сочиненій. Но при этомъ невольно раждается вопросъ: *не поздно ли*? По поводу этого вопроса мы намѣрены поговорить съ читателями, прося ихъ не поскучать, что начинаемъ ab ovo.

I.

Старые писатели забываются у насъ все болѣе и болѣе, а поэтому порывается и одна изъ крѣпкихъ связей съ прошлымъ; наша школа теперь более, чѣмъ когда-нибудь, сознательно или безсознательно, способствуетъ такому забвенію: вотъ положенія, которыя мы постараемся доказать. Для этого намъ необходимо войдти въ нѣкоторыя подробности о преподаваніи Русскаго языка и литературы, какъ такихъ учебныхъ предметовъ, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ старымъ писателямъ.

О недостаткахъ старой методы преподаванія (продолжавшейся до конца 50-хъ годовъ) Русскаго языка и литературы такъ говорилось много, что нѣтъ надобности болѣе распространяться; но да позволено намъ будетъ указать и на нѣкоторыя хорошія ея стороны, по крайней мѣрѣ, по занимающему насъ вопросу. Старая метода прежде всего отправлялась отъ педантическаго *уваженія къ писателямъ*, авторству, вообще къ литературѣ. Это направленіе, при изученіи языка (грамматики), выражалось выучиваніемъ наизусть стихотвореній, а при изученіи словесности—ученическими упражненіями въ стихотвореніяхъ, составленіе которыхъ считалось обязательнымъ для каждаго желающаго быть *авторомъ*. Исторія литературы, проходимая въ послѣднемъ классѣ среднихъ учебныхъ заведеній и знакомившая, біографически и библіографически, съ писателями прежняго времени, довершала литературное образованіе молодаго человѣка. Въ этой старой методѣ изученія отечественнаго языка и литературы было очень много недостатковъ, безтолковщины, зубристики, дикихъ взглядовъ, обусловливаемыхъ тогдашнимъ состояніемъ филологіи и предмета литературы, педагогики и дидактики; но, повторяемъ, связь прошлаго съ настоящимъ не порывалась, литературное знамя держалось высоко и жалобъ на плохіе результаты отъ изученія отечественнаго языка, вообще говоря, было меньше. Неудовлетворительность прежняго литературнаго об-

разованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ главнѣйшимъ образомъ зависѣла отъ тогдашняго состоянія филологическихъ и словесныхъ наукъ въ университетахъ. До конца 30-хъ годовъ состояніе, такъ называемой, русской науки, къ которой принадлежитъ и исторія литературы, въ нашихъ университетахъ, особенно въ провинціальныхъ, было очень плачевно; ясно, что въ низшихъ школахъ этотъ предметъ не могъ стоять высоко. Но съ конца тридцатыхъ и въ 40-хъ годахъ, параллельно съ прогрессивнымъ движеніемъ русской исторіи, памятники нашихъ литературныхъ произведеній начинаютъ мало по малу подвергаться научному изслѣдованію; въ этомъ отношеніи очень велика заслуга московскаго профессора Шевырева, не смотря на тенденціозность его направленія, и на не совсѣмъ научные пріемы, и петербургскаго И. И. Срезневскаго. Но что случилось у насъ съ русской исторіей, въ трудахъ ея представителя, современнаго корифея этой науки, С. М. Соловьева, таже участь постигла и исторію нашей литературы: при недостаткѣ дѣятелей (и талантовъ), мы не далеко ушли въ этой наукѣ, меньше даже, чѣмъ въ исторіи вообще. Шла и идетъ разработка русскихъ древностей, болѣе или менѣе касающаяся литературныхъ произведеній, но не исторіи литературы, собственно такъ называемой, т. е. науки, представляющей духовную жизнь народа, состояніе его гражданственности, по самымъ прямымъ и непосредственнымъ источникамъ,— по произведеніямъ его писателей. По крайней мѣрѣ, видимымъ образомъ теперь неизвѣстно—до какой поры доводится въ нашихъ университетскихъ аудиторіяхъ преподаваніе историко-литературной науки и насколько она подвинулась впередъ послѣ Шевырева. Несомнѣнно одно, до XVIII-вѣка нашъ историко-литературный путь расчищенъ и мало-мальски порядочному преподавателю не предстоитъ теперь особенныхъ трудностей поставить этотъ предметъ и въ школѣ надлежащимъ образомъ,— чего въ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ сдѣлать не было никакой возможности, а, слѣдовательно, и отно-

ситься съ современными требованіями къ тогдашнимъ педагогамъ было бы очень несправедливо. Но въ ту же самую пору, о которой идетъ наша рѣчь, недостатки научной обработки историко-литературныхъ матеріаловъ, начали пополняться журналистикой. Эта послѣдняя очень много сдѣлала, доступными, конечно, ей средствати, для исторіи литературы XVIII и XIX столѣтій, включительно до смерти Пушкина,—и заслуга въ этомъ дѣлѣ исключительно принадлежитъ Бѣлинскому, педагогическое значеніе котораго до сихъ поръ понимается у насъ самымъ одностороннимъ образомъ. Позволяемъ себѣ остановиться на этомъ значеніи.

Не будучи ученымъ спеціалистомъ, Бѣлинскій самымъ одностороннимъ образомъ смотрѣлъ на литературные памятники прежняго времени: онъ цѣнилъ ихъ по стольку, по скольку въ нихъ было поэтическаго или сатирическаго элемента и очень мало обращалъ вниманія на бытовый, на отраженіе въ произведеніяхъ писателя интересовъ современной ему эпохи, по крайней мѣрѣ, тѣхъ ея мелочей, изъ которыхъ всегда слагается жизнь и которыя въ свою пору были не мелочами. Начиная исторію нашей литературы съ прошлаго вѣка, Бѣлинскій, по этому, останавливался только на немногихъ писателяхъ, хотя цѣнилъ и труды тѣхъ, которые, не внося ничего въ область поэтическаго творчества, сдѣлали много для обработки литературнаго языка и поэтическихъ формъ, какъ, напримѣръ, Сумароковъ. Выдѣленіе изъ словесныхъ произведеній поэтическаго творчества и разъясненіе началъ и сущности послѣдняго—вотъ чему была посвящена вся литературная дѣятельность Бѣлинскаго. Въ узкости такого взгляда на литературу было, однако же, очень много плодотворнаго и зиждущаго, а не отрицательнаго и *порывающаго*, что до сихъ поръ соединяется у насъ съ именемъ Бѣлинскаго. Обособляя поэтическое произведеніе отъ остальныхъ словесныхъ, толкуя до тошноты (какъ бы мы сказали теперь, но чего не льзя было сказать въ 40-хъ годахъ) объ искусствахъ и ставя во главѣ ихъ поэзію, Бѣлинскій этимъ самымъ высоко подни-

малъ значеніе писателя, авторства, литературы; геніальный критикъ, тонкій, единственный у насъ цѣнитель поэтическихъ созданій, отрицатель, часто пристратный и несправедливый, достоинствъ второстепенныхъ, но несомнѣнныхъ дарованій, не даромъ пользовавшихся общею любовію современниковъ, Бѣлинскій придавалъ литературѣ вообще не только общественное, но и воспитательное значеніе. Трудно было поставить эту послѣднюю такъ высоко, какъ это сдѣлалъ Бѣлинскій; послѣ него, по крайней мѣрѣ, и до сихъ поръ продолжается лишь спускъ съ этой, можетъ быть, и искусственной, высоты. Бѣлинскій, поэтому, былъ у насъ самымъ послѣдовательнымъ продолжателемъ того литературнаго направленія, которое еще началось со временемъ Карамзина, продолжалось Жуковскимъ и его школой и завершилось Пушкинымъ и писателями его цикла,—направленія цивилизующаго, гражданственнаго, какое выработала у насъ литература и какого во всемъ другомъ мало замѣчалось. Ограниченіе литературы одной поэтической областью, какъ это дѣлалъ Бѣлинскій, для его времени было и потому еще полезно, что это тѣснѣйшимъ образомъ соединяло литературныя произведенія съ изящными искусствами:—отсюда идетъ то эстетически—воспитывающее значеніе литературы, подобное музыкальному и живописному, которое хотя и лежитъ въ основѣ поэтическихъ созданій, но полнотою его выраженія, послѣднимъ словомъ въ его пользу, мы обязаны Бѣлинскому; его толки о народности въ литературѣ, о практической, гражданской полезности этой послѣдней, далеко не такъ важны, хотя въ сущности вѣрны. Бѣлинскій не смотрѣлъ на поэтическое искусство, какъ на записную книжку, въ бѣлые листы которой можно заносить все, что ни вздумается, что ни пригодится для всякой житейской потребы. Въ основѣ взгляда Бѣлинскаго на литературу лежала самая прочная связь новаго времени съ старымъ, насущныхъ потребностей того времени, въ которое жилъ критикъ, съ поэтическими идеалами старыхъ писателей,—а въ пору Бѣлинскаго не только Жуковскій,

но и Пушкинъ могъ назваться этимъ именемъ. Историко-литературныя возрѣнія Бѣлинскаго нашли себѣ выраженіе въ учебникѣ г. Милюкова по исторіи литературы, слабомъ относительно древняго періода и удовлетворительномъ для двухъ послѣднихъ столѣтій. Этотъ учебникъ и эти воззрѣнія, само собою разумѣется, проводились въ школу; здѣсь они, на практической почвѣ, теряли рѣзкость своихъ крайностей; здѣсь противоположныя направленія, какъ, напримѣръ, славянофильское, волею —не волею должны были входить и быть выслушанными; ибо оба направленія, расходясь отъ точекъ отправленія, въ сущности, въ концѣ сходились—въ уваженіи къ литературѣ; сюда же, т. е. въ школу, стали проникать и результаты чисто научныхъ изслѣдованій надъ памятниками словесности, чуждые западнической и славянофильской тенденціозности. Такъ продолжалось дѣло до начала 50-хъ годовъ, когда въ вопросѣ о преподаваніи отечественнаго языка и литературы приняло живѣйшее участіе вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, въ лицѣ Я. И. Ростовцова, тогдашняго начальника штаба этихъ заведеній. По его инициативѣ, въ 1852 году, составлены были программы преподаванія этихъ предметовъ, поставившія ихъ на современную научную высоту; ему же педагогическая литература этихъ предметовъ очень многимъ обязана, хотя бы мыслію объ изданіи Исторической Грамматики г. Буслаева и *Исторіи Русской Словесности* г. Галахова, которая только позднему выходу своему обязана непривѣтливой встрѣчей со стороны педагогической публики, нельзя сказать, чтобы очень спеціально образованной, а потому забывшей о новости этой науки и о неразработанности ея матеріаловъ. Если не программы, изданныя Ростовцовымъ, то взгляды на исторію литературы и языкъ изъ военно-учебныхъ заведеній стали проникать въ другія школы, въ гимназіи и семинаріи. Результаты такой постановки одного изъ важнѣйшихъ предметовъ общественнаго образованія... но результатовъ-то именно мы и не дождались, сломавъ самую систему, замѣчательную въ томъ отношеніи, что она самымъ органическимъ

образомъ соединяла школьное преподаваніе отечественнаго языка и литературы съ университетскимъ, настоящее съ прошлымъ, по скольку послѣднее отражается въ языкѣ и литературѣ.

Начало такой ломки совпадаетъ съ толками о недостаткахъ *старой* методы преподаванія Русскаго языка и литературы; но *старымъ* оказалось то, что не прожило и десятка лѣтъ! Дѣйствительно, были и въ этой ново-старой ростовцовской методѣ недостатки, но они относились преимущественно къ дидактикѣ; литература же предмета была, говоря относительно, до такой степени удовлетворительна, что въ концѣ прошедшаго десятилѣтія уже не предстояло ни малѣйшаго затрудненія вести преподаваніе надлежащимъ образомъ; въ кадетскихъ корпусахъ программы 1852 г. исполнялись удовлетворительно еще до выхода въ свѣтъ Исторической Грамматики г. Буслаева и не дождавшись появленія Исторіи Русской Словесности г. Галахова, явившейся уже во время общаго разрушенія самой системы, т. е. какъ разъ не въ пору. Какъ бы то ни было, но разрушеніе системы началось, благодаря ничѣмъ не регулируемымъ толкамъ о практическомъ и теоретическомъ преподаваніи языка и литературы и нападкамъ, чуть не преслѣдованіямъ, такъ называемой *словесности* и *словесниковъ*. Толки привели къ торжеству абсолютной практичности даже при изученіи грамматическихъ формъ, а замѣчательныя эти нападки, отправляющіяся отъ паники передъ *духомъ разрушенія* и *нигилизма*,—къ совершеннѣйшему *отрицанію* прошлой литературной дѣятельности, являющемуся неизбѣжнымъ результатомъ постепеннаго и систематическаго сокрушенія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ исторіи русской литературы. Если наши учебныя заведенія съ нѣкоторою робостію относятся къ этому несчастному предмету, ставя и теперь еще посторонняго наблюдателя въ недоумѣніе—уничтоженъ или не уничтоженъ въ нихъ этотъ злополучный предметъ? Если они еще стыдливо и въ тихомолку разсуждаютъ о распространеніи безграмотности орѳографической и неряшливости стилистической; за

то нападки на то, что *вчера* было признано раціональнымъ, были необыкновенно сильны и очень послѣдовательны. Замѣчательно, что они раздавались со всѣхъ сторонъ и особенно сильны были въ ту пору, когда шли наши пресловутыя пренія о классицизмѣ и реализмѣ. Какъ извѣстно, послѣднему, т. е. естественнымъ наукамъ, крѣпко досталось отъ «Московскихъ Вѣдомостей;» та же газета не скупилась на нападки «на такъ называемую словесность» и словесниковъ... Вообще исторія *нападокъ* на что—либо, вѣчно колеблющая русскій педагогическій міръ, замѣчательна. Не менѣе замѣчательно и то, что какъ бы мы ни возставали противъ тенденціозности въ педагогическихъ вопросахъ, но, увы! она на каждомъ шагу проявляется въ каждомъ изъ насъ, къ какой бы кто ни принадлежалъ партіи. Не трудно доказать, что нападки «на такъ называемую словесность» не обошлись безъ тенденціозной подкладки;—какой? полагаемъ, по меньшей мѣрѣ,—опасенія мечтательности, фантастичности, неспособности къ труду молодыхъ людей, предающихся изученію словесности (не допускаемъ опасеній преподавательской тенденціозности, такъ какъ съ одной стороны она возможна во всякомъ преподавателѣ, будь онъ хоть учитель чистописанія, а съ другой—на что же существуетъ сильная у насъ педагогическая централизація и всякаго рода инспекціи!), между тѣмъ, какъ «наше время,» «прогрессивное движеніе вѣка» и т. п., требуютъ труда здороваго и трезваго и т. п. Но дѣло не въ опасеніяхъ, возникновеніе которыхъ въ педагогическомъ вопросѣ весьма натурально, а въ способѣ ихъ отстраненія: педагогическое дѣло, какъ и всякое живое дѣло, не можетъ быть *тишью и гладью*. Въ составленіи программъ 1852 г., въ которомъ одинъ какой-нибудь видъ опасенія непремѣнно имѣлъ свою долю, Я. И. Ростовцовъ пригласилъ къ участію лучшія наличныя силы тогдашнихъ пететрбургскихъ и московскихъ *словесниковъ*. Теперь же, т. е. потомъ, когда возникли еще новыя опасенія, поступили смѣлѣе и радикальнѣе: отдѣлались отъ предмета, возбуждающаго

страхъ, его уничтоженіемъ... И просто, и оригинально! Но какъ не могли же быть незамѣтными нѣкоторыя неудобства сего крутаго педагогическаго переворота; поэтому... Но достаточно сказать, что теперь отъ всѣхъ педагогическихъ золъ и язвъ у насъ имѣется универсальное лѣкарство въ древнихъ языкахъ, увы! не имѣющихъ русской литературы: стоитъ дать ихъ такую педагогическую дозу, чтобы нечему уже да и некогда было учить, тогда не будетъ мѣста никакимъ опасеніямъ, въ родѣ *нигилизма и не разлучнаго съ нимъ полонофильства.* Естестволюбцы и псевдо-реалисты, конечно, въ тѣхъ же дозахъ предложатъ свои лѣкарства.

Намъ могутъ возразить: гдѣ же ручательства блаблагополучнаго обстоянія «такъ называемой словесности» прежняго времени, въ ея практическомъ и теоретическомъ изученіи, съ курсами прозы, поэзіи и исторіи литературы? Но прежде всего и намъ, въ свою очередь, позволительно, сдѣлать тотъ же самый вопросъ по отношенію къ новѣйшему времени, когда словесность, какъ учебный предметъ, разрушена, когда возможна замѣна школьнаго педантизма литературнымъ диллетантизмомъ и шарлатанствомъ. Знаемъ, что на первый вопросъ получится отвѣтъ: *хаосъ* и *безобразіе*; но и мы отвѣчаемъ съ своей стороны на второй — *стройности* и *благообразія* нѣтъ и быть не можетъ.

Благообразіе вообще, т. е. въ смыслѣ нѣкотораго порядка, прочности и живучести, быть не можетъ тамъ, гдѣ еще нѣтъ въ строгомъ смыслѣ общественнаго мнѣнія, гласности, гдѣ безконтрольно можетъ сегодня властвовать одна теорія, а завтра другая, гдѣ ни одна теорія не является въ своей логической чистотѣ, а непремѣнно съ подкладкою тенденціозною, часто инсинуирущею, наконецъ, при полнѣйшей нетерпимости къ чужому мнѣнію,—при такихъ условіяхъ (а ими обставлялось почти всегда наше педагогическое дѣло) и рѣчи не можетъ быть о благообразіи. Благообразія, по занимающему насъ вопросу, не было прежде, при *старой* системѣ; нѣтъ его

и теперь, при *новой*; не было при безтолковой зубристикѣ, быть не можетъ при *безтолковой* практичности, втискивающей въ Русскій языкъ что ни попало (отъ ботаники до астрономіи), въ словесность—лишь истинно или — псевдо-народныя, истинно или — псевдо-реальныя вещи, въ исторію литературы—жалкую путаницу такъ называемаго *чтенія и разбора образцовъ*, жалкую тѣмъ паче у словесника—реалиста, проглотившаго всю премудрость, кромѣ прямой своей спеціальности. *Трезвая* реальность столь же необходима въ преподаваніи словесности, какъ и трезвая *идеальность*, противуполагаемая всему сентиментальному, романтическому, *маниловскому*. *Трезвая* реальность *научаетъ* видѣть въ лилитературѣ хорошо выполированное, вѣрно отражающее жизнь, зеркало, а въ ея исторіи—полноту этого отраженія въ прошломъ напр., какова бы ни была эта жизнь, безъ приложенія къ ней современныхъ вкусовъ; *трезвая* реальность *строго отличаетъ* два способа словеснаго изображенія жизни—прозу и поэзію, фотографическій и художественный. Иного рода реальность въ преподаваніи словесности ничего не хочетъ знать, кромѣ фотографіи, наводя притомъ свой фотографическій аппаратъ лишь на извѣстныя, излюбленныя стороны жизни. При вѣрности изображенія, въ этомъ направленіи съ ней можно еще сойтись; но когда оно доходитъ до паѳоса, до отрицанія поэтическаго колорита въ языкѣ, живописной художественности въ словесномъ изображеніи, до поруганія надо всѣмъ этимъ (вѣдь чуть не ругаютъ словомъ *художникъ*, какъ ругаютъ лирическую поэзію, за исключеніемъ скорбнаго ея вида),—тогда такой паѳосъ, въ педагогическомъ своемъ примѣненіи, иного названія, какъ *полнѣйшее безобразіе*, и не заслуживаетъ. Это педагогическое безобразіе тѣмъ именно вредно, что разрушаетъ классическій характеръ литературы, ея воспитательное, цивилизующее свойство и, на мѣсто художественной, создаетъ какую-то *растрепанную* литературу. Но силу, скажутъ, не сокрушишь! Какую? Воспитательную силу музыки и всякаго другаго изящнаго

искусства легко сокрушить доказательствами въ ихъ реальной безполезности, такъ какъ въ практической пользѣ онѣ дѣйствительно уступаютъ самому послѣднему изъ ремеслъ,— легко, покрайности, въ такомъ обществѣ, какъ наше.—Велики были недостатки и безобразія *старой* системы преподаванія языка и литературы; велики непорядки и неблагообразія *новой*,—пора же это сказать! Обѣ системы сильно вліяли и вліяютъ на общество, пуская въ оборотъ извѣстный кругъ понятій, всегда зарождающихся въ школѣ; но въ *старой* системѣ, при ея безобразіяхъ, отправлялись отъ положительнаго начала, отъ *признанія научнаго значенія литературы*; въ *новой*, при ея неблагообразіяхъ, — отъ отрицанія этого значенія, какъ безполезнаго. Педагогическія диры, отъ чего бы онѣ ни призошли — отъ естественныхъ ли наукъ или словесности, — странно же затыкать безпочвеннымъ у насъ классицизмомъ, для котораго ничего не сдѣлали и не дѣлаютъ сами ярые его защитники. Въ педагогическомъ дѣлѣ нѣтъ мелочей, или точнѣе: всякая мелочь, программа, учебникъ, разнаго рода обязательные, взятые на прокатъ у псевдо-педагогическихъ Аристарховъ взгляды и пр. и пр., образуютъ диру, провалъ, пустоту, которую, увы! не наполнить знаніемъ ни естественныхъ наукъ, ни изящныхъ античныхъ произведеній, доступныхъ только единицамъ, ни вознею съ народными былинами и сказками, съ лѣтописями и Домостроемъ. Не мелочь *непризнаніе* за учебный предметъ исторіи литературы, возможность игнорированія старыхъ писателей; не мелочь даже *признаніе безполезнымъ* всего, похожаго на теорію и учебникъ (какъ будто это одно и тоже—что зубристика, и какъ будто, при безсистемномъ, диллентатическомъ преподаваніи, возможенъ контроль, необходимый и въ интересѣ дѣла, и въ интересѣ учащейся молодежи!); ибо полнѣйшій просторъ абсолютной практичности, безъ систематизаціи и регуляціи, нелѣпъ въ каждой наукѣ, будь то физика, географія или словесность. Мы не скажемъ парадокса, формулируя нашу мысль такимъ образомъ: *неуваженіе къ*

старымъ писателямъ вытекаетъ у насъ само собою изо всей теперешней педагогической системы изученія отечественнаго языка и литературы.

II.

Въ наше время *старыхъ* писателей набралось болѣе, чѣмъ когда-нибудь,—и это очень просто: мы присутствуемъ при радикальномъ перестроѣ нашей жизни; осязаемо и дѣйствительно слагается *новая* эпоха, новый циклъ нашей гражданственности, ожидающій и имѣющій получить своихъ, *новыхъ* выразителей; естественно и ясно, что всѣ выразители прежняго цикла, бывшаго до 19-го Февраля 1861 и еще сущаго по число, въ какое пишутся сіи строки, суть писатели *старые*, прежніе,—и это ни сколько для нихъ не обидно; ибо не краснѣть же современному русскому человѣку за то, что онъ родился гораздо ранѣе сего числа! Искусственное, т. е. теоретическое, научное возсоединеніе *стараго* съ *новымъ*, конечно, всегда возможно: такъ, намъ теоретически болѣе удалось возсоединиться, хотя и не безъ романтической закваски, съ старой, до-Петровской Россіей, чѣмъ людямъ XVIII вѣка. Но не лучше ли, вмѣсто искусственной связи (а потребность въ этой связи съ недавнимъ прошлымъ, сильнѣе нашего, почувствуютъ люди будущаго), не порывать непосредственной, еще не порвавшейся фактически, какъ связь нынѣшняго дня съ вчерашнимъ? Если въ теперешнюю пору естественемъ недостатокъ въ обществѣ спокойнаго отношенія къ недавнему прошлому, дѣло школы и науки—не подливать масла въ огонь, а охлаждать пылъ неумѣреныхъ порывовъ. Научное знакомство съ *старыми* писателями, съ отразившеюся въ ихъ произведеніяхъ жизнію, должно подѣйствовать самымъ успокоительнымъ, охлаждающимъ образомъ: оно дастъ не образцы, не назиданія, а твердую опору, почву, необходимую каждому благоустроенному обществу въ его поступательномъ движеніи.

Историческое изученіе *старыхъ* писателей, *необхо-*

димое въ системѣ общественнаго образованія, нельзя ограничивать тѣми предѣлами, какъ это дѣлалъ Бѣлинскій и его подражатели—сферою исключительно художественною. Отдѣливъ эту послѣднюю для цѣлей эстетически—воспитательныхъ, достигаемыхъ посредствомъ музыки и живописи, входящихъ въ кругъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, педагогика должна обратить особенное вниманіе на все остальное—историческое, бытовое, гражданственное, отражающееся въ произведеніяхъ прежнихъ авторовъ Одна художественная мѣрка слишкомъ недостаточна для оцѣнки *старыхъ* писателей; нѣкоторыя поэтическія формы, наприм. стихотворные пріемы даже Пушкина и поэтовъ его школы, по своей связи съ классической миѳологіей, по подражательности пріемамъ античныхъ лириковъ, для нашего времени уже совершенно не имѣютъ значенія; еще менѣе важны теперь разнаго рода литературные споры, въ родѣ классицизма и романтизма, въ свое время приводившіе въ сильное движеніе русскій литературный міръ. Если бы однимъ этимъ ограничить исторію русской литературы, тогда этотъ предметъ стоило бы изгнать не изъ однихъ среднихъ учебныхъ заведеній, но и изъ университетскихъ аудиторій. Но изученіе старыхъ писателей годится для болѣе серьёзныхъ цѣлей.

Какъ ни молода наша гражданственность, но она уже успѣла совершить въ короткій срокъ 150-ти лѣтняго своего существованія нѣсколько цикловъ, для ознакомленія съ которыми, безъ *старыхъ* писателей, слишкомъ недостаточно тѣхъ матеріаловъ, которыми располагаетъ политическая исторія, будь даже всѣ эти матеріалы изданы и разслѣдованы. Въ *старомъ* писателѣ если не отражаются ярко бытовыя черты его времени, то непремѣнно уже высказывается духъ эпохи, идеалы стремленія и т. п. его современниковъ; самыя біографическія подробности о писателѣ важны для характеристики эпохи, въ которую онъ жилъ. Всѣ эти свѣдѣнія добываются изученіемъ *Исторіи Литературы* (но не *разборомъ образцовъ*, т. е. выхватываніемъ изъ живаго литературнаго организма разнаго рода кусковъ, смотря по

вкусу анатома—педагога), т. е. *старыхъ* писателей, преимущественно поэтовъ; изъ прозаиковъ, равносильное значеніе имѣютъ составители мемуаровъ и автобіографій, число которыхъ въ нашей литературѣ очень не велико. Конечно, все это, т. е. внутренняя жизнь общества въ данную эпоху, входитъ въ политическую исторію, *можетъ* входить въ хорошій историческій учебникъ,—и тогда, стало быть, *исторія литературы*, составляя часть политической исторіи, не въ правѣ разсчитывать на самостоятельное существованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ? Но дѣло—въ дѣлѣ, а не въ вопросѣ о самостоятельности или несамостоятельности учебнаго предмета: если историческій учебникъ, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ все существенно-важное, добытое изъ литературныхъ памятниковъ; если преподаватель исторіи, дѣйствительно, столько же силенъ въ литературѣ, какъ и въ своемъ предметѣ,—тогда, конечно, нѣтъ надобности въ особомъ учителѣ словесности, хотя во всякомъ случаѣ понадобятся лишніе учебные часы.

Старо-русская, московская гражданственность, вполнѣ отражается въ сочиненіяхъ писателей до-Петровскаго времени: объ этомъ теперь не спорятъ даже реалисты—педагоги, большіе любители Домостроя и Котошихина, былинъ и сказокъ; спору и отверженію подвергается исторія новой русской литературы.

Не знаемъ, какія грани поставитъ будущій историкъ нашей новой гражданственности между ея эпохами; но до 19 Февр. 1861 г., до теперешней поры, съ которой русской гражданственности предстоятъ громадныя завоеванія, кажется, онъ долженъ будетъ остановиться на четырехъ эпохахъ,—мы ихъ раздѣляемъ по царствованіямъ: *до-Екатерининской*, *Екатерининской*, *Александровской* и *Николаевской*. До-Екатерининская эпоха русской гражданственности представляетъ еще полнѣйшій хаосъ, переходъ отъ до-Петровскаго *небытія* къ послѣ Петровскому *бытію*, по выраженію русскихъ людей прошлаго вѣка; этотъ хаосъ отражается и въ литературѣ, въ созданіи языка литературнаго, какъ необходимаго орудія граждан-

ственности, и всѣхъ формъ словесности, употреблявшихся въ прошломъ столѣтіи у просвѣщенныхъ народовъ Запада. Всякія историческія грани не могутъ быть точны и правильны; большею частію случается, что явленіе, имѣющее мѣсто въ данный моментъ, по своей сущности, принадлежитъ къ предшествующей эпохѣ: тоже самое встрѣчается едва ли не чаще, чѣмъ гдѣ либо, и въ исторіи литературы. Такъ Державинъ, *пѣвецъ Бога и Фелицы*, дѣйствительно замѣчательно полный выразитель главнѣйшихъ *событій* Екарининскаго вѣка, по *духу* своему и *направленію*, по языку и стилю, принадлежалъ къ первичной хаотической эпохѣ. При Екатеринѣ II хаосъ начинаетъ принимать формы; изъ гражданственнаго *небытія* является *бытіе*, хотя еще и ограниченное тѣснымъ кругомъ дѣятельности. Полнѣйшимъ выразителемъ Екатерининскаго цикла нашей гражданственности опять является писатель позднѣйшаго времени—Карамзинъ, именно въ своей *Исторіи Государства Россійскаго*, видный дѣятель Александровской эпохи, но еще менѣе выразившій ее, чѣмъ Державинъ свое время. Отодвигая этого писателя въ прошлый вѣкъ, историкъ только увеличиваетъ его значеніе; бываетъ *устарѣлость* почетнѣе всякой новизны. Исторія Карамзина—самый лучшій продуктъ нашей гражданственности въ Екатерининскую эпоху. Если, до появленія этого сочиненія, во всѣхъ предшествующихъ литературныхъ произведеніяхъ еще не видно было этого европейскаго *бытія*, еще можно было сомнѣваться въ его существованіи, прочности; то исторія Карамзина является уже первой русской европейской книгой, написанной европейско-русскимъ языкомъ; отсюда начинается ея воспитательное, культурное вліяніе, продолжавшееся даже въ послѣ—Карамзинскую пору, распространившееся весьма далеко и еще вполнѣ не оцѣненное. И такова непосредственная сила великаго художественнаго произведенія: у всѣхъ на виду, какъ блѣдны и ничтожны всѣ новѣйшія натуги сдѣлать то, что у Карамзина является само собою, хоть бы идея о единствѣ и величіи нашего государства, стройно, грандіозно и впервые выступающая

изъ всего строя его великаго труда! Равносильнымъ, до извѣстной степени, Карамзинской исторіи, въ смыслѣ выраженія извѣстнаго цикла гражданственности, мы имѣемъ только одно литературное произведеніе — новый романъ гр. Л. Н. Толстаго, «*Война и Міръ.*» Въ этой громадной художественной картинѣ въ изумительно-яркомъ свѣтѣ выступаетъ цѣлая *прошлая* эпоха—время Александра 1-го; авторъ же романа, выше котораго едва ли что произведетъ талантъ его, является въ немъ писателемъ *старымъ*, передъ которымъ новѣйшіе эфемериды, измышляющіе *новыхъ людей* и *новую жизнь*, въ родѣ Марка Вовчка и tutti quanti, кажутся ничтожными лилипутами. Но романъ Толстаго—капризъ художника, быть можетъ ,преднамѣренно отвернувшагося отъ современности и вступившаго въ непосильное состязаніе съ исторіей. Высоко цѣня такія литературныя произведенія, какъ труды Карамзина и гр. Толстаго, историкъ литературы, однако же, обращаетъ бо́льшее вниманіе на писателей, прямо и непосредственно выражающихъ *свою* пору.

Первые годы XIX столѣтія, и между ними приснопамятную эпоху 12-го года, не безъ основанія называютъ продолженіемъ Екатерининскаго вѣка, такъ какъ тогда еще дѣйствовало и не сошло совсѣмъ со сцены поколѣніе воспитанныхъ въ духѣ того вѣка людей. Но новая пора, новый духъ времени, передъ которымъ остановилась и не пошла далѣе Екатерина, давалъ себя чувствовать, сталъ сильно заявлять свои требованія. Въ романѣ Толстаго, на этомъ богатырскомъ турнирѣ его, мало понятныхъ намъ теперь, героевъ, Безухій является уже молчаливымъ скептикомъ, вяло и неохотно принимающимъ въ немъ участіе, смутно чующимъ потребность другаго идеала. Въ первыя два десятилѣтія настоящаго вѣка небольшой еще по объему кругъ цивилизованныхъ русскихъ людей еще крѣпче и сильнѣе прежняго начинаетъ чувствовать свою принадлежность къ европейскому семейству, и если въ немъ замѣчается какъ бы надломъ силы,—то это, безъ сомнѣнія, происходитъ

отъ того критическаго отношенія къ самому себѣ, по сравненію съ другими, которое сама исторія создала для новаго русскаго человѣка. Но пока исторія соберется изслѣдовать пути русской гражданственности въ XIX вѣкѣ, исторія литературы довольно опредѣлительнымъ образомъ уже ихъ отмѣчаетъ. Такъ, если пользоваться сравненіемъ, въ произведеніяхъ Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина (до 20-хъ годовъ), Давыдова и Языкова вѣетъ тотъ же самый духъ, свѣтится тотъ же колоритъ, какой замѣчается въ картинѣ, созданной мастерскою кистью гр. Толстаго. Не важно, что эти писатели дѣйствовали не при однихъ условіяхъ, не принадлежали къ одной школѣ, не одинаковый имѣли талантъ, образованіе и продолжительность своей дѣятельности,—важно то, что они выражали именно тотъ духъ, которымъ дышатъ герои Толстаго, т. е. большинство русскихъ людей первой четверти нашего вѣка. Авторъ «Войны и Міра,» несомнѣнно серьёзнымъ образомъ подготовлявшійся къ своей художественной работѣ, напрасно не обратилъ вниманія на исторію литературы: она бы дала ему богатый матеріалъ, если не для созданія типовъ, то для яркости освѣщенія. Новый свѣтлый духъ, носившійся надъ русскимъ обществомъ въ первые годы XIX вѣка, къ концу втораго десятилѣтія начинаетъ вести борьбу съ темнымъ и злымъ духомъ застоя и мрака, который единогласно, хотя можетъ и не точно, сталъ у насъ называться именемъ Магницкаго. Начинается борьба—и тѣмъ болѣе чести и благодарности писателямъ, которые служили Богу свѣта! То, что въ ихъ произведеніяхъ, съ нашей современной точки зрѣнія, является устарѣлымъ, безсодержательнымъ, скучнымъ, въ свое время не только не было такимъ, но воспитывало, цивилизовало сферу, еще богатую дикими стихійными силами. Наприм., большинство всѣхъ этихъ теперь, дѣйствительно, скучныхъ и приторныхъ *эротическихъ стихотвореній*,—повѣстей и романовъ, да вѣдь это для того времени былъ тотъ же *женскій вопросъ*, съ которымъ мы теперь такъ носимся! Подготовленіемъ къ нему служили

сентиментальныя повѣсти Карамзина и романтическая поэзія Жуковскаго,—и все это несомнѣнно возвышало и воспитывало русскую женщину. Да и въ самой массѣ такъ называемой анакреонтической поэзіи, помимо модныхъ подражательныхъ пріемовъ, моднаго напусканія на себя цинизма въ пирахъ и похмѣльѣ, не всѣ же, въ самомъ дѣлѣ, изъ поэтовъ были циниками и безпробудными кутилами, которые, впрочемъ, у насъ не переводятся: кое-что въ этого рода стихотвореніяхъ, намъ уже непонятныхъ, надобно оставить и на выраженіе юной, свѣжей силы, ищущей и не находившей дѣятельности,—ту *реальность*, которую въ поэзіи Батюшкова называемъ же мы *классицизмомъ* (со словъ Бѣлинскаго). Но не одно вино, любовь и женщины воспѣвались поэтами двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ: ими пущено было въ обращеніе множество новыхъ образованныхъ понятій, чуждыхъ екатерининскимъ людямъ; понятія эти распространялись въ массѣ, покрайности въ десять разъ уже бо̀льшей, чѣмъ прежняя читающая публика; словомъ, въ эту пору русская гражданственность завершила второй свой циклъ (если не считать подготовительнаго, до-Екатерининскаго), болѣе зрѣлый и прогрессивный, и полнѣйшимъ его выразителемъ является Пушкинъ, въ сочиненія котораго, какъ въ море дѣйствительно влились всѣ ручьи и источники этого юнаго періода нашей гражданственности. Пушкинъ представляетъ вполнѣ органическое, вполнѣ законченное выраженіе этого періода, цѣлой эпохи, къ которой онъ принадлежалъ. Еще Гоголь назвалъ явленіе Пушкина *неповторяемымъ*,—и это совершенно вѣрно, потому что для повторенія нужны тѣ же условія, при которыхъ дѣйствовалъ Пушкинъ, т. е. таже гармонія, тоже равновѣсіе силъ и началъ, безъ рѣзкихъ диссонансовъ въ жизненномъ строѣ, то же самообладаніе полнотою духа, еще не сильно волновавшагося житейскими бурями. Критикъ находитъ въ Пушкинѣ великаго художника; историкъ, которому позволяется быть плохимъ цѣнителемъ искусства, не найдетъ въ этомъ спокойствіи и довольствѣ *ограниченности*, не объяснитъ

высокаго общественнаго значенія Пушкина скудностію тогдашнихъ интересовъ, выразить которые, будто бы, такъ легко. Историческая оцѣнка каждаго писателя, тѣмъ болѣе объясняющаго цѣлую эпоху, какъ Пушкинъ, должна быть непремѣнно sine ira et studio. Тѣмъ болѣе нужно руководствоваться этимъ правиломъ, выступая на скользкій путь оцѣнки темныхъ, болящихъ сторонъ жизни, изображеніе которыхъ, какъ бы оно ни было совершенно, составляетъ все-таки отрицательную, а не положительную сторону литературы; ибо литература не гошпиталь, не домъ скорбящихъ, не гладіаторскій бой изъ-за куска хлѣба,—точно также, какъ и не пиршество, не довольная, ликующая праздность. Гармоническій строй жизни, выражаемый поэзіей Пушкина, подъ руководствомъ дѣльнаго преподавателя, можетъ имѣть самое благое воспитательное значеніе, именно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ рекомендуется нѣкоторыми классическая древность: въ немъ есть все, что нужно, для здоровой пищи юности—и прелесть изящества (сторона эстетическая), и, такъ сказать, эпическій покой (сторона историческая), въ противоположность тревогѣ и раздраженію позднѣйшей эпохи. Покой Пушкинскаго вѣка (не квіетизмъ, однакоже) имѣетъ, впрочемъ, совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ торжествующее довольство Екатерининскаго: онъ болѣе духовенъ, вовсе не самодоволенъ и не рѣдко издаетъ уже нерадостные звуки. Вѣкъ богатырей оканчивается. Торжественная пѣсня, ода, переходитъ въ элегію, въ тѣ чудныя Пушкинскія элегіи, которыя онъ писалъ, живя на югѣ Россіи, которыя и теперь еще не потеряли свѣжести своего обаянія. Изъ Пушкинскаго міросозерцанія, изъ духа его поэзіи и строя тогдашняго быта, начинаетъ рѣзче выдѣляться это элегическое направленіе, эта поэзія мысли и думы, незнакомая XVIII вѣку. Представителемъ такого направленія въ лирической поэзіи, при Пушкинѣ, былъ Баратынскій. Изъ того же источника вытекаетъ направленіе рано умершаго Веневитинова; къ нему же принадлежитъ геніальный Лермонтовъ, который ни въ какомъ случаѣ не могъ сдѣ-

латься узкимъ сатирикомъ, если бы и не прекратилась такъ рано его дѣятельность.

Мы не пишемъ историко-литературнаго обозрѣнія,— тѣмъ менѣе политической статьи; тѣмъ и другимъ мы пользуемся лишь для доказательства основныхъ нашихъ положеній. Они, при изученіи исторіи словесности, отнюдь не исключаютъ знакомства съ сочиненіями сатирическими и со всѣми печальными, мрачными явленіями *прошлой* жизни, по скольку эти явленія отражаются въ *старыхъ* писателяхъ. Мы далеки отъ мысли—предлагать учащемуся юношеству одну пряную, сладенькую литературную пищу: давайте горькое и терпкое, но *отжившее прошлое.* Изученіе исторіи литературы должно ограничиваться *умершими* писателями,—напр. Гоголемъ и временемъ 40-хъ годовъ. Не дѣло школы вносить въ аудиторію тревоги современности, — все равно, здоровыя или больныя: учащіеся сами, безъ руководителей, и всегда лучше ихъ, познакомятся съ ними, когда захотятъ. Вѣдь странно было бы, отвергая исторію литературы и необходимость изученія *какого нибудь* Державина или Жуковскаго, требовать, напримѣръ, отъ учащагося знанія и разбора *Обломова*, *Отцевъ* и *Дѣтей*, *Убогой* и *Нарядной* и др. піесъ нашихъ современныхъ, неоспоримо даровитѣйшихъ авторовъ! А вѣдь такія странности встрѣчаются за урядъ; мало ли ихъ! Къ числу странностей мы относимъ и игривое педагогическое отношеніе къ изученію Русскаго языка и исторіи русской литературы въ такое время, когда учебники г. г. Буслаева и Галахова представляютъ необходимыя данныя для изученія вполнѣ серьезнаго.

М. Де-Пуле.

С. Петербургъ.
Іюль, 1869 г.

ПОЭЗІЯ НИКИТИНА.

ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ, ХАРАКТЕРЪ И ОСОБЕННОСТИ.

Первый періодъ поэтической дѣятельности Никитина.—Кольцовъ и Никитинъ.—Самобытность поэзіи Никитина.—«Портной», «Поэма», «Кулакъ».

Прежде нежели обратимся къ тѣмъ произведеніямъ Никитина, въ которыхъ онъ является самостоятельнымъ поэтомъ, работающимъ во имя отчетливо сознаваемой, зрѣлой мысли, мы хотимъ сдѣлать очеркъ перваго періода его поэтической дѣятельности—періода колебаній, сомнѣній и неопредѣлившагося міросозерцанія.

Въ 1843 году девятнадцатилѣтній Никитинъ окончилъ философскій курсъ семинаріи;—ему не удалось попасть въ университетъ, о которомъ давно и постоянно мечтали—онъ и отецъ его, Савва Евтѣичъ. На долю поэта, еще въ семинаріи увлеченнаго литературой и литературными занятіями, выпала жизнь, о которой онъ никогда не думалъ: ему пришлось сидѣть въ лавкѣ, торговать восковыми свѣчами, а потомъ содержать постоялый дворъ, возиться съ пьянымъ отцомъ, запившимъ со смертью жены мертвую чашу, продавать сѣно и овесъ извощикамъ, плохо ѣсть и мало спать; ему пришлось окунуться въ нищенство, испытать всю грязь, всѣ лишенія бѣдственной жизни необезпеченнаго губернскаго мѣщанина—бѣдняка, биться изъ-за копѣйки, и трудомъ, противорѣчащимъ его душевнымъ стремленіямъ, добиваться улучшенія своего матеріальнаго благосостоянія. Какъ среди такой жизни уцѣлѣли литературныя стремленія Ни-

китина, этому нечего удивляться: страсть нерѣдко ростетъ и усиливается подъ вліяніемъ препятствій. Чѣмъ отвратительнѣе казалась ему обыденная жизнь, съ ея грязью, бѣдностью и мелкими заботами, тѣмъ болѣе увлекалъ его міръ поэтическихъ образовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ этой жизнью. И вотъ у Никитина явились два отдѣльные міра, двѣ особыя жизни:—міръ ненавистныхъ житейскихъ мелочей и міръ прекрасныхъ образовъ и музыкальныхъ звуковъ—два міра, между которыми онъ не видѣлъ, не замѣчалъ и не хотѣлъ видѣть никакой связи, разорванные и чуждые другъ-другу. Такимъ образомъ тотъ нервоначальный поэтическій міръ, который развился въ Никитинѣ, не имѣлъ никакого отношенія къ жизни, а потому-то онъ и не могъ быть тогда самобытнымъ. Вотъ что писалъ самъ Никитинъ объ этомъ періодѣ своей жизни и дѣятельности: «Любовь къ родной литературѣ, къ родному русскому слову не угасала во мнѣ среди новой, совершенно незнакомой мнѣ дѣятельности; окруженный людьми, лишенными малѣйшаго образованія, не имѣя руководителей, не слыша разумнаго совѣта, за что и какъ мнѣ нужно взяться, я бросался на всякое сколько-нибудь замѣчательное произведеніе, бросался и на посредственное, за неимѣніемъ лучшаго; продавая извозчикамъ овесъ и сѣно, я обдумывалъ прочитанныя мною и поразившія меня строки, обдумывалъ ихъ въ грязной избѣ, не рѣдко подъ крикъ и пѣсни разгулявшихся мужиковъ... Найдя свободную минуту, я уходилъ въ какой-нибудь отдаленный уголокъ моего дома; тамъ я знакомился съ тѣмъ, что составляетъ гордость человѣчества, тамъ я слагалъ скромный стихъ, проснившійся у меня изъ сердца... Съ лѣтами любовь къ поэзіи росла въ моей груди, но вмѣстѣ съ нею росло и сомнѣніе: «есть-ли во мнѣ хотя искра дарованія?» (Біографія стр. 20—21).—Въ этихъ строкахъ мы видимъ собственное сознаніе поэта относительно разорванности его тогдашняго поэтическаго міра и окружающей дѣйствительности: его поэзія исходила не изъ жизни, а изъ тѣхъ образцовъ, которыми онъ наслаждался, отрываясь

отъ этой жизни, стараясь забыть ее,—это были воздушные замки—безъ почвы, тѣни, туманныя и лишенныя самобытности. Отсюда понятно сомнѣніе поэта: «есть-ли во мнѣ хотя искра дарованія,» говорилъ онъ самъ себѣ, и въ этихъ-то словахъ выражается неудовлетворенность таланта, который еще не напалъ на свою прямую дорогу, и смутно понималъ, что ему нужно выйти на другой путь.

Къ этому первому періоду поэтической дѣятельности Никитина относятся 1840—1853 годы: прочитывая всѣ пятьдесять стихотвореній, написанныя нашимъ поэтомъ въ теченіе этихъ пяти лѣтъ и напечатанныя въ новомъ изданіи, мы не находимъ такого, которое носило-бы печать своеобразности и давало какое нибудь понятіе о своеобразныхъ сторонахъ собственно-Никитинской поэзіи. Всѣ они написаны прекраснымъ, гладкимъ, музыкальнымъ, старательно обработаннымъ стихомъ, всѣ читаются легко и пріятно; но въ тоже время не даютъ никакихъ данныхъ для характеристики самобытнаго поэта. Здѣсь не лишнимъ считаемъ провести паралель между Кольцовымъ и Никитинымъ.

Кольцовъ и Никитинъ—эти два имени мы привыкли произносить одно вслѣдъ за другимъ, сближать и ставить рядомъ, какъ имена однородныхъ и равносильныхъ поэтовъ. Первоначальныя причины такого общепринятаго сближенія—были чуть-ли не внѣшнія: оба поэта—уроженцы одной мѣстности, оба вышли изъ одного сословія, оба въ своей поэзіи касались народной жизни. Десятка полтора между стихотвореніями Никитина такихъ, которыя написаны, видимо, подъ вліяніемъ Кольцова или въ подражаніе ему (напримѣръ: «Русь», «Пѣсня», «Наслѣдство», «Измѣна» и др.), повели это внѣшнее сближеніе далѣе: стали видѣть въ Никитинѣ послѣдователя, продолжателя Кольцова, поэта однороднаго съ нимъ, по характеру и содержанію поэзіи, и такое поверхностное сближеніе утвердилось тѣмъ легче, что критика наша до сихъ поръ почти ничего не говорила о Никитинѣ, да и о Кольцовѣ мы знаемъ только три замѣчательныя статьи—Бѣлинскаго,

Водовозова (въ Ж. М. Н. Пр.) и Де-Пуле (въ «Вор. Бесѣдѣ»). Въ сущности-же между Кольцовымъ и Никитинымъ, кромѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ условій, нѣтъ ничего общаго,—напротивъ, эти два человѣка и поэта представляютъ совершенныя противоположности во всѣхъ отношеніяхъ.

«Читая стихотворенія Кольцова, говоритъ Бѣлинскій, невольно вспоминаешь, что ихъ авторъ—*сынъ степи*, что степь воспитала его и возлелѣяла; ремесло прасола не только не было ему непріятно, но еще и нравилось ему: оно познакомило его съ степью и давало ему возможность цѣлое лѣто не разставаться съ нею». «Какъ ни коротко мы знали Кольцова,—говоритъ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ, но не замѣтили въ немъ *никакихъ признаковъ элементарнаго образованія*»; «одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія»; «Кольцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ *страстныхъ организацій*, которыя равно открываются для всѣхъ *симпатій сердца*, для любви и дружбы въ особенности». Этихъ отрывковъ изъ превосходной статьи Бѣлинскаго, который коротко зналъ Кольцова лично и отзывы свои о его личности основалъ же не на слухахъ, а на личныхъ наблюденіяхъ,—достаточно, чтобы въ общихъ чертахъ охарактеризовать личность Кольцова и его развитіе: сынъ степи, безъ всякаго образованія, натура страстная, живущая больше сердцемъ, нежели умомъ,—вотъ главныя черты этой личности.— Не то Никитинъ; для характеристики его мы пользуемся точно также непосрственными наблюденіями человѣка, хорошо знавшго его не по наслышкѣ, не съ чужихъ словъ, а лично и очень близко,—наблюденіями г. Де-Пуле. «Молодой человѣкъ, говоритъ о Никитинѣ г. Де-Пуле, развился *на счетъ одного ума*; серце черствѣло и замыкалось; по душѣ Никитина прошла *сильная струя холода*, оставившая въ ней на всю жизнь неизгладимый слѣдъ; она была постоянной помѣхой, по которой вспыхивающая въ душѣ его страсть никогда не разгоралась пламенемъ общаго пожара. Причины этой

преждевременно развившейся *рефлексіи* могли лежать и въ самой его натурѣ; но главнѣйшимъ образомъ онѣ развились подъ вліяніемъ домашняго и школьнаго воспитанія». «Никитинъ, говоритъ г. Де-Пуле въ другомъ мѣстѣ, почти не выѣзжалъ изъ заставы Воронежа, мѣщаниномъ онъ былъ только по названію, а дворникомъ по одной профессіи; *его воспитали*—«*не сермяжная Русь*», о которой онъ судилъ только по заѣзжавшимъ на его дворъ извозчикамъ, *не степи*, которыхъ онъ никогда не видалъ, а *литература сорковыхъ годовъ*».

Предлагаемъ читателю самому сравнивать характеристическія черты Никитина съ тѣми, которыя Бѣлинскій замѣтилъ въ Кольцовѣ, чтобы понять, насколько мало общаго было въ этихъ двухъ личностяхъ: въ одномъ преобладаютъ непосредственныя сердечныя движенія, въ другомъ холодный рефлектирующій умъ, одинъ выросъ подъ вліяніемъ степной природы, другой воспитался на книгахъ, одинъ не получилъ никакого образованія, другой не мало учился и былъ хорошо знакомъ съ литературой 40-хъ годовъ. Ужь это различіе личныхъ свойствъ непремѣнно предполагаетъ различіе міросозерцанія, различіе въ характерѣ поэтическаго творчества, въ содержаніи и формѣ поэзіи двухъ поэтовъ. Оно дѣйствительно такъ и есть, и мы надѣемся, что намъ не трудно будетъ доказать справедливость той мысли, что во всѣхъ отношеніяхъ между Кольцовымъ и Никитинымъ не только нѣтъ ничего общаго, но существуетъ рѣшительная противоположность въ такой-же мѣрѣ, какъ она существовала въ ихъ личныхъ свойствахъ, въ ихъ натурѣ и развитіи.

Припомнимъ содержаніе и характеръ поэзіи Кольцова въ лучшихъ его произведеніяхъ, т. е. въ пѣсняхъ. Кольцовъ развертываетъ предъ нами яркую, живую и свѣтлую картину русской природы и русской народной жизни, съ ея трудомъ и ея весельемъ. Но картина эта—не грубый дагерротипъ, бездушно и безсмысленно отражающій внѣшнюю сторону природы и жизни: прежде всего поэтъ смотритъ на окружающія его явле-

нія дѣтски-наивными и любящими глазами народа и воспроизводитъ *идеальную* сторону природы, жизни и народнаго труда. Весеннимъ утромъ выводитъ онъ насъ на пашню объ руку съ пахаремъ, который дружески и любовно погоняетъ свою сивку, дружески и любовно воспѣваетъ родную природу, которому «весело на пашнѣ»,—и зорька кажется красавицей, и земля сырая является матерью, и сладокъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ; въ лѣтній жаркій день, послѣ грозы, ведетъ онъ васъ на широкое поле посмотрѣть—полюбоваться, «что послалъ Господь за труды людямъ», показываетъ рожь зернистую—выше пояса, которая дремлетъ колосомъ почти до земли; заставляетъ васъ прислушиваться, какъ отъ возовъ всю ночь скрипитъ музыка; онъ ведетъ васъ на Донъ въ раздольную степь, которая ковылемъ—травой разстилается, среди которой по набережью хорошо стоятъ слободушки, показываетъ молодаго косаря, у котораго плечо шире дѣдова, грудь высокая, какъ у матушки, а на лицѣ кровь отцовская зажгла зарю красную, которому спорится все, что бы онъ ни работалъ; онъ ведетъ васъ слѣдомъ за зажиточнымъ мужикомъ со двора и гумна по дорожкѣ большой, по селамъ, городамъ, по торговымъ людямъ; наконецъ онъ ведетъ васъ на крестьянскую пирушку, гдѣ «гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ, про хлѣба, про покосъ, про старинушку, забавляются отъ вечерней зари до полуночи».

Вся эта картина воспроизводитъ идеальную сторону жизни русскаго земледѣльца, идеальныя черты его характера и живую связь между народомъ и природой; эта картина вся облита свѣтлымъ колоритомъ, вся проникнута яснымъ и теплымъ чувствомъ любви, которая дрожитъ въ каждомъ стихѣ и легко, незамѣтно переходитъ къ читателю, поражая его собой и подчиняя себѣ. Какимъ является намъ поэтъ—творецъ этой картины? Онъ является непосредственнымъ художникомъ, у котораго творчество вовсе не подчинено извѣстнымъ тенденціямъ, который самъ вполнѣ подчиненъ своему непосредственному творчеству. У Кольцова постоянно рисуется идеальная

сторона земледѣльческаго труда въ связи съ природой, а крестьянское довольство и веселье является результатомъ труда; рядомъ съ довольствомъ иногда онъ ставитъ нищету и горе, какъ послѣдствіе бездѣйствія или неудачъ,—но и для неудачливаго бѣдняка онъ находитъ примиреніе съ жизнью—въ трудѣ:

«Вѣруй силамъ души (говоритъ онъ),
Да могучимъ плечамъ;
На заботы свои
Чуть заря подымись,
И одинъ во весь день,
Что есть мочи, трудись!»

Или:

«Лиха бѣда, въ землю
Кормилицу ржицу
Мужичку закинуть;
А тамъ Богъ уродитъ,
Микола подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля;
Такъ его достанетъ
Годъ семью пробавить,
Посбыть подать съ шеи,
И нужды поправить,
И лишней копѣйкой
Божій праздникъ встрѣтить».

Таково міросозерцаніе Кольцова и отношеніе его къ жизни, опредѣляющее характеръ его поэзіи,—онъ представляетъ у насъ почти искючительное явленіе, какъ поэтъ, выражающій свои идеалы *не отрицательнымъ* путемъ: причина этой положительной силы Кольцова заключается, безъ сомнѣнія, въ томъ, что—идеалы его—идеалы самого народа, не сочинены, не выдуманы имъ, а сами выросли въ немъ—органически, какъ въ человѣкѣ народа, и онъ сказалъ ихъ не за себя только, а за весь народъ,—онъ только сильнѣе и глубже чувствовалъ ихъ, нежели масса, но тѣмъ не менѣе они не были его исключительной, личной собственностью.

Обращаясь къ поэзіи Никитина, мы видимъ совсѣмъ другое.

«Никитинъ, какъ говоритъ г. Де-Пуле, зналъ народъ только по извозчикамъ, заѣзжавшимъ на его дворъ; непосредственнаго отношенія къ окружающей жизни у Никитина не было и быть не могло». Дѣйствительно—у Никитина мы не видимъ ничего подобнаго свѣтлой, проникнутой беззавѣтной любовью, картинѣ Кольцова: поэтъ 50-хъ годовъ, воспитавшійся на Бѣлинскомъ, современникъ Некрасова, котораго онъ особенно любилъ, Никитинъ является поэтомъ—отрицателемъ—рисуетъ ли бытъ крестьянина, или жизнь воронежскаго мѣщанства, въ сферѣ которой его творчество проявляется со всей своей силой; его отрицаніе, само собой разумѣется, отрицаніе развитаго и любящаго художника, но этотъ художникъ говоритъ только за себя, а не за народъ и отъ себя, а не за народъ и не отъ народа; его чувства и мысли—чувства и мысли Никитина, или лучше сказать большинства лучшихъ развитыхъ людей—его современниковъ, но ужь никакъ не мысли и чувства народа. Такіе стихи, какъ напримѣръ—слѣдующіе, не имѣютъ ничего общаго съ непосредственной поэзіей Кольцова:

«Ты соха-ли наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница,

. . . .

Ужь и кѣмъ-же ты придумана,
Къ дѣлу на вѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена?..»

Тутъ скорбь и рефлексія развитаго человѣка, напоминающія лучшія пѣсни Некрасова («гдѣ народъ—тамъ и стонъ...»), а не эта безъотчетная тоска горемыки, забитаго неудачами, которая слышится въ этихъ стихахъ Кольцова:

«И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое,

Все—изъ рукъ вонъ—плохо.
Нѣтъ ни въ чемъ удачи:
То скосило градомъ,
То сняло пожаромъ,
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ».

Посмотрите на пахаря, нарисованнаго Кольцовымъ: онъ весело и бодро принимается за трудъ, весело ладитъ борону и соху, дружески погоняетъ сивку, любуется красавицей—зорькой, мечтаетъ о томъ, какъ выйдетъ въ полѣ травка, выростетъ колосъ, станетъ спѣть рядиться въ золотыя ткани, какъ заблеститъ серпъ, зазвенятъ косы—и сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ. Не таковъ пахарь Никитина; не такова и обстановска, въ которую ставитъ его поэтъ:

«Не слыхать-то въ полѣ голоса,
Молча воронъ на межѣ сидитъ,—
Только слышенъ голосъ пахаря,
За сохой онъ на коня кричитъ,
Съ ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идетъ—*понурилъ голову*,
Мужичекъ *идетъ—шатается*.»

И все-то этому пахарю заботы и кручинушка:

«Урожай—купцы опѣсивятся,
Годъ плохой—въ семьѣ всѣ мучатся,
Все твой дворъ не поправляется,
Дѣтки грамотѣ не учатся...»

Это уже не то непосредственное творчество, которое создало «Пѣсню пахаря» Кольцова: тамъ мы видимъ идеальную сторону земледѣльческаго труда, наслажденіе природой и трудомъ, прочувствованное самимъ поэтомъ, который и самъ *сливается* съ личностью своего пахаря; а здѣсь опять таже скорбь и рефлексія развитаго человѣка, обусловленная извѣстнымъ направленіемъ общественной мысли въ данное время; Никитинъ самъ совершенно отчетливо выразилъ отличіе своего отношенія къ пахарю отъ Кольцов-

скаго, какъ отношеніе *посторонняго* наблюдателя, въ заключительныхъ стихахъ:

«На труды твои да на горе
Вдоволь *вчуже* я наплакался».

Но и та идеальная сторона, которую рисуетъ Кольцовъ совершенно непосредственно, не ложь, не праздная фантазія, не поддѣльное украшеніе дѣйствительсти, потому что она дѣйствительно существуетъ, только не такъ рельефно и крупно выдается въ самой жизни, какъ въ художественной картинѣ; и эта скорбь и рефлексія Никитина, въ какой-бы зависимости ни находилась она отъ направленія современной поэту литературы,-полна горькой правды, совершенно права и законна.

И каждое явленіе, останавливающее на себѣ вниманіе Никитина, вызываетъ въ немъ рефлексію, совершенно чуждую Кольцову: рисуетъ-ли онъ жалкаго старика, въ закоптѣлой избушкѣ, въ кручинахъ прожившаго свой вѣкъ, у него является тоскливый вопросъ:

«Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичекъ?»

(Т. II, ст. 23).

Рисуетъ-ли избу съ ея непривлекательной обстановкой, у него вырывается восклицаніе:

«Вотъ гдѣ нужно-бы учиться—
Вѣрить и терпѣть!» (Т. II, ст. 22).

Рисуетъ-ли ухаря—купца, покупающаго у матери дочь, которая «дѣвичью совѣсть виномъ залила», мысль его забѣгаетъ впередъ и вызываетъ тяжелыя думы:

«Что тутъ за диво! И замужъ пойдетъ!
То-то, чай, дѣтокъ на путь наведетъ!
Кѣмъ ты, людъ бѣдный, на свѣтъ порожденъ,
Кѣмъ ты, на гибель и срамъ обреченъ?»

Особенную силу получаютъ скорбь и рефлексія Никитина, когда онъ обращается къ быту мѣщанства: собственно говоря, онъ вовсе не художнинъ народной жизни, какъ Кольцовъ, а только жизни бѣдствующаго городскаго населенія, и только въ сферѣ этой жизни талантъ его является самостоятельнымъ и во исей силѣ. Поэма

«Кулакъ,» стихотворенія—«Мертвое тѣло,» «Старый слуга» «Портной,» «Мать и дочь», «Хозяинъ», «Уличная встрѣча», и многія другія—представляютъ рядъ превосходныхъ картинъ той жалкой, бѣдственной жизни, которую хорошо зналъ и понималъ Никитинъ, которая искажаетъ и безобразитъ человѣка, а въ поэтѣ вызываетъ глубокую скорбь. Продолжая дальше наше сравненіе, мы, какъ весьма естественно послѣ всего сказаннаго, видимъ между поэзіей Кольцова и Никитина совершенную противоположность и по тому впечатлѣнію, которое онѣ производятъ на читателя: въ одной преобладаетъ свѣтлый колоритъ и чувство любви къ тѣмъ идеальнымъ сторонамъ природы и народной жизни, которыя всего болѣе дѣйствуютъ на поэта; въ другой —мрачныя и унылыя краски и чувство скорби о человѣкѣ, гибнущемъ «подъ ярмомъ, невѣжества, разврата.» Такимъ же послѣдствіемъ основныхъ противоположностей является и различіе въ степени самостоятельности двухъ поэтовъ. Кольцовъ, какъ непосредственный пѣсенникъ, является совершенно самостоятельнымъ поэтомъ, которому нѣтъ подобнаго, который въ лучшихъ своихъ пѣсняхъ никому не подражаетъ—ни въ созданіи образовъ и картинъ, ни въ формѣ, которому, вѣроятно, не приходилось много и работать надъ своими произведеніями, чуждыми всякихъ опредѣленныхъ задачъ, плановъ и тенденцій. Никитинъ-же, какъ развитой человѣкъ, работающій во имя извѣстныхъ тенденцій, какъ поэтъ извѣстной школы, не могъ быть совершенно самостоятельнымъ: какъ на его творчество, его картины и образы, такъ и на его стихъ, имѣли вліяніе поэты, обладавшіе талантомъ большей силы. Только въ послѣдніе годы творчество Никитина стало самостоятельнѣе, и рельефнѣе выказались тѣ его особенности, которыя даютъ ему право называться самобытнымъ поэтомъ.

Дѣйствительно, въ послѣдніе годы самобытность таланта Никитина отражается наглядно, поэтическое творчество растетъ постепенно. Возьмемъ, напр. стихотвореніе «*Портной*. «Портной,» говотитъ самъ Никитинъ

въ одномъ письмѣ,—«это фактъ, случившійся на дьякѣ; я зналъ его лично, но, къ сожалѣнію, не зналъ о его страшномъ положеніи.» Горькое, безвыходное положеніе этого бѣдняка—отца и его дочери—страдалицы нарисовано мастерскою кистью Никитина. Вотъ съ какими грустными мыслями относится Никитинъ къ этому несчастному семейству:

Бѣдность голодная, грязью покрытая
Бѣдность не смѣлая, бѣдность забытая,
Днемъ она гибнетъ и въ полночь, и за полночь
Гибнетъ она—и никто нейдетъ ей на помочь;
Гибнетъ она и опоры нѣтъ волоса,
Теплаго сердца, знакомаго голоса....
Морозъ трещитъ.....
Весь домъ промерзъ. Три дня забыта,
Ужь печь не топится три дня
И нечѣмъ развести огня,
И дверь рогожей не обита,
Она стара и вся въ щеляхъ;
Бѣлѣетъ иней на стѣнахъ;
Окошко инеемъ покрыто,
И отъ мороза на окнѣ
Вода застыла въ кувшинѣ
Нѣтъ крошки хлѣба въ цѣломъ домѣ,
И на дворѣ нѣтъ плахи дровъ.....

Отецъ старъ; дочь больна, ужь кровью кашляетъ, а все работаетъ, ночи не спитъ, а все у нихъ ни дровъ, ни хлѣба нѣтъ. Вотъ отецъ

Лежитъ и стонетъ. Дочь привстала
И посмотрѣла на отца:
Онъ блѣденъ, хуже мертвеца.....
«Что ты не спишь? она сказала.
—Такъ, скучно. Хоть бы разсвѣло....
Ты не озябла?—«Мнѣ тепло....»

Далѣе Никитинъ нарисовалъ слѣдующую картину: отъ голода и холода портной пришелъ въ отчаяніе, не зная на что рѣшиться, надѣть ли суму, или ли-

шить себя жизни. Утромъ съ костылемъ въ рукѣ побрелъ онъ на кладбище къ могильщику.

«Послушай, сжалься, ради Бога!
Мнѣ остается жить немного;
Нельзя ли тутъ, вотъ въ сторонѣ,
Могилку приготовить мнѣ?»
. . . . Могильщикъ улыбнулся:
—Умрешь,—зароютъ, не грусти.—
«Вѣдь дочь-то, дочь моя больна!
Куда просить пойдетъ она?»

Воротился портной и слегъ въ постель. Вотъ онъ ужь началъ бредить. Какъ дочь ни утѣшала отца,—говорила, что у нихъ и тепло, и хлѣбъ есть, и дрова,—все добрые люди принесли, но бѣднякъ не перенесъ, и умеръ съ горя и тоски.

И вотъ встаетъ, встаетъ портной
—«Ты понимаешь? Жизнь смѣется,
Смѣется... Кто тутъ зарыдалъ?
Не кашляй! Тише! Кровь польется...
И навзничь мертвымъ палъ.

Такихъ раздирающихъ картинъ бѣдности и нищеты у Никитина много и всѣ они мастерски воспроизведены и возведены въ дѣйствительность. Портной и другія піесы, какъ «Хозяинъ,» «Деревенскій Бѣднякъ,» «Поѣздка на Хуторъ,» «Тарасъ» поэма «Кулакъ» и пр. и пр. живьемъ выхвачены изъ дѣйствительной жизни.

Теперь мы перейдемъ къ поэмѣ «Кулакъ,» какъ къ самому капитальному произведенію Никитина.

Главное дѣйствующее лицо въ «Кулакѣ»—бѣднякъ мѣщанинъ Лукичъ, лицо, живьемъ выхваченное Никитинымъ изъ быта мѣщанскаго, и такъ прекрасно опоэтизированное.

Исторія Лукича проста и печальна, какъ и большинства людей этого круга; предоставленный себѣ, съ ранняго возраста, сынъ плутоватаго отца, и вѣчно занятой матери, онъ уже съ малолѣтства любилъ лѣнь и обманъ, которому научило его частое дранье за вихоръ. Едва онъ подросъ, какъ его отдали въ *науку* къ купцу.

Тутъ мелкихъ плутней оборотовъ
Карпушка тонко изучилъ;
—Торговецъ, ловокъ, не зѣваетъ,
Продать—руки не замараетъ.
И малый точно не зѣвалъ:
Карманъ свой плотно набивалъ.

Дѣйствительно, Лукичъ понялъ, что плутни приносятъ всегда выгоду, а выгоду свою еще въ отцовскомъ домѣ онъ умѣлъ уже ставить выше всего,—онъ и самъ началъ вскорѣ плутовать уже не въ пользу отца, а въ свою собственную, и, женясь, началъ торговать: сначала все шло хорошо, но нѣсколько неудачныхъ операцій раззорили его, у него остался одинъ дрянный домишко, который и поддерживать было не на что; онъ пробовалъ искать мѣста — не нашелъ; ремесла не зналъ никакого,— запилъ съ горя и отправился на рынокъ.

Тьфу, чортъ возьми! Да что за горе!
Авось безъ хлѣба не умру!
Пойду на рынокъ по утру,
Такъ вотъ и деньги. Рынокъ море,
Тамъ рыба есть, умѣй ловить,
Небось, достанетъ чѣмъ прожить....

Вотъ онъ перекупаетъ у бабы холстъ и старается обмѣрить ее на три аршина.

И съ бабою онъ спорилъ,
Голубушкою называлъ,
Разъ десять къ черту посылалъ
И напослѣдокъ урезонилъ,
Изъ—подъ полы аршинъ досталъ,
Разъ!.. разъ!.. и смѣрена холстина.
«Гляди вотъ—двадцать три аршина.»
—Охъ-ма! Тутъ двадцать семь какъ разъ.
«Аршинъ казенный! Понимаешь?
Тьфу! провались ты! вѣдь я съумѣю
Безъ краденой холстины жить,
Глаза чтоль ею мнѣ накрыть,
Такъ я, къ примѣру, крестъ имѣю.»

Вотъ онъ за одно съ помѣщикомъ продаетъ никуда негодную лошадь и требуетъ вознагражденія и у покупателя, и у продавца... Онъ унижается, льститъ, въ надеждѣ подачки, и становится грубъ, едва онъ ее получилъ. Онъ присутствуетъ при разговорѣ двухъ помѣщиковъ, изъ которыхъ одинъ служилъ въ какой-то коммиссіи, пріобрѣлъ деревеньку, и находился подъ судомъ, другой хвастается выдумкой посадить всѣ тридцать душъ на *мѣсячину*, жалуется на лѣнь и воровство этихъ людей... даже «дѣти страхъ,какъ развратны...» Тутъ высказывается тотъ юморъ, столь добродушный, и столь распространенный между такъ называемымъ простымъ народомъ, пока его не затрогиваютъ лично, онъ съ усмѣшкой вслушивается въ ихъ раговоръ и думаетъ: говоритъ—то красно, а о томъ, что находится теперь подъ судомъ и за что, умалчиваетъ!

Пьяный возвращается онъ домой, едва въ состояніи отъискать улицу, и безъ картуза... Тутъ онъ уже совсѣмъ безобразенъ; тутъ онъ надругается надъ красавицей дочерью и женой, кроткой, безмолвной старухой. Не внимая слезамъ послѣдней, рыданіямъ и мольбамъ Саши, онъ заставляетъ дочь итти замужъ за немилаго ей жениха, потому что онъ богатъ... Онъ кричитъ на нее, и готовъ ее ударить, когда она осмѣливается ему противорѣчить, но онъ человѣкъ, чувство жалости на мигъ является въ немъ, ему жаль дочь, но расчетъ поглощаетъ все, и чувства состраданія уже и слѣда нѣтъ въ его очерствѣломъ сердцѣ... Сладилась свадьба; горюетъ и плачетъ невѣста, затосковалъ и запилъ, запилъ въ первый разъ въ жизни любившій ее молодой честный ремесленникъ.

Вотъ какъ описываетъ Никитинъ бѣдняка сосѣда—столяра, бывшаго жениха Саши, вотъ какими красками рисуетъ онъ отчаянное положеніе его, когда тотъ узнаетъ, что Саша просватана за другаго. Съ горя и отчаянія онъ отправляется въ кабакъ.

Кручина молодца сломила,
Ввела въ кабакъ, виномъ поила,
Поила отъ роду въ-первой.

И пѣлъ онъ пѣсни—и смѣялась
Толпа гулякъ средь кабака —
Пѣлъ громко; а змѣя тоска
Кольцомъ холоднымъ обвилась
Вкругъ сердца.
«Охъ не утерплю!»
Сказалъ дѣтина худощавый
И, скинувъ съ плечъ халатъ дирявый,
Пошелъ плясать. «Вотъ такъ! люблю!«
Зѣваки пьяные шумѣли.
Дѣтина соловьемъ свисталъ,
Прискакивалъ и присѣдалъ,
На полкахъ шкалики звенѣли.
«Нѣтъ, пой, кто хочетъ! я усталъ!»
Столяръ съ отчаяньемъ сказалъ,
Ладонью въ лобъ себя ударилъ
И грустный на скамейку сѣлъ,
И думалъ думу....вдругъ расправилъ
Густые кудри и запѣлъ...
Пѣлъ про туманъ на синемъ морѣ,
Да про худой таланъ и горе....
И пѣснь лилась, пѣвецъ блѣднѣлъ.
Казалось, все: тоску разлуки,
И плачъ любви, и грусти стонъ
Изъ сердца съ кровью вырвалъ онъ
И воплотилъ въ живые звуки....
И каждый звукъ былъ полонъ слезъ;
То съ поражающею силой
Онъ несся въ высь, все росъ и росъ,
Какъ будто съ свѣтомъ, съ жизнью милой
Прощался, въ небѣ утопалъ;
То падалъ, за сердце хваталъ
И гасъ, какъ свѣточъ, постепенно...-
Пѣвецъ умолкъ и застоналъ:
«Охъ, душно, братцы!..»и мгновенно
Рубашки воротъ разорвалъ.
«Вина!»

Между тѣмъ Лукичъ сіяетъ самодовольствіемъ. Зять богатъ, зять поможетъ, думаетъ онъ; и золотыя меч-

ты о томъ, что онъ наконецъ поправится, станетъ торговать, убаюкиваютъ его... Но это все въ будущемъ, настоящее-же его вовсе не такъ привлекательно; у дочери его нѣтъ приданаго, безъ приданаго не беретъ ее богатый женихъ, на приданое надо деньги... Вотъ отправляется онъ искать денегъ подъ залогъ своего дома... Приходитъ онъ къ Скобѣеву, тому самому помѣщику, который продалъ коня, и служилъ въ коммиссіи... Суровый властелинъ у себя въ семьѣ, тутъ онъ становится робокъ и тихъ, скромно стоитъ онъ въ передней, и прислушивается къ разговору помѣщика съ какимъ-то бородачемъ. Помѣщикъ жалуется, что въ мирное время ему живется плохо, то ли дѣло война!

Тамъ видишь груды серебра!
Бывало сердце разгорится...
Эхъ, молъ, равно! Господь проститъ!
И хватишь смѣло... Ну и сытъ:
Сундукъ трещитъ, какъ говорится!

Лукичъ слушаетъ,—слова не проронитъ... Наконецъ помѣщикъ остается одинъ; гордо развалясь въ мягкомъ креслѣ, съ трубкою во рту, сидитъ помѣщикъ; онъ здоровъ, румянъ, свѣжъ, доволенъ, сытъ; передъ нимъ стоитъ сгорбленный, оборванный, смиренный старикъ и едва рѣшается промолвить свою просьбу, дать ему подъ залогъ дома сто рублей и проценты предлагаетъ взять впередъ, а черезъ годъ обѣщается уплатить все... Дерзко и нагло смѣется надъ нимъ баринъ, а наконецъ объявляетъ, что онъ съ *кулаками* не хочетъ имѣть никакого дѣла, считая ихъ безчестными ворами... Вотъ какъ Никитинъ описываетъ этого господина:

«Зачѣмъ явился?»
Скобѣевъ Лукича спросилъ,
Въ карманы руки заложилъ
И въ мягкомъ креслѣ развалился.
«Эй! Васька! трубку! Ну, зачѣмъ.»
—Что, сударь, обнищалъ совсѣмъ!
Просваталъ дочь, нужна помога,
Цѣлковыхъ эдакъ сто взаемъ,

Я заложилъ бы вамъ свой домъ,
Не откажите, ради Бога! —
«Просваталъ дочь.... А что она
Молоденькая? недурна?»
Румяный баринъ улыбнулся,
Прищурился и потянулся.
— Вы все изволите шутить....
Тутъ горе! смѣю доложить. —
«Все врешь! когда вашъ братъ горюетъ?
Привыкъ къ бездѣлью, пьетъ вино,
Да ѣстъ и спитъ, или плутуетъ,
И только. Знаю васъ давно!»

Остолбенѣлъ бѣдный Лукичъ, вскипѣло его ретивое, но едва вымолвилъ онъ рѣзкое слово правды, какъ честный баринъ обезумѣлъ отъ гнѣва... Потише, съ насмѣшкой говоритъ ему Лукичъ, вѣдь пожалуй доктора придется звать! Помѣщикъ заревѣлъ. Люди, въ кнутья его!—Но Лукичъ успѣлъ уже уйдти, пока собралась дворня... Горько было на душѣ старика,—но это еще было только начало тѣхъ бѣдствій, которыя готовились на него обрушиться. Идя по улицѣ вспомнилъ онъ, что можетъ быть не далеко его спасеніе... Вотъ домъ Пучкова... онъ долженъ меня вспомнить... думаетъ Лукичъ, онъ не откажетъ... Пучковъ былъ въ полномъ смыслѣ слова *ханъжа*, прошедшее его печально и позорно,—онъ былъ пріемышемъ одного богатаго купца, котораго обокралъ; тотъ съ горя спился и умеръ,—а благородный юноша сталъ богатѣть; призракъ умершаго благодѣтеля, видно, преслѣдовалъ его, потому что онъ цѣлые дни читалъ молитвы, будто отгоняя отъ себя дьявольское наважденіе. Онъ, конечно, заслуживалъ похвалу всѣхъ богомольныхъ людей; строго постился, ходилъ въ церковь, ставилъ свѣчи, и жилъ совершеннымъ затворникомъ... Къ нему-то направился Лукичъ, помогавшій ему когда-то въ воровствѣ. Разговоръ ихъ прекрасенъ. *Святоша* сначала не узналъ даже Лукича.

Не угадали?. . Карпъ Лукичъ....
И рѣчь повелъ онъ стороною,

Я, молъ, извѣстенъ вамъ давно,
И позабыть меня грѣшно,
Служилъ, какъ надобно. Нуждою
Теперь убитъ. Имѣю дочь....
И разсказалъ Лукичъ въ чемъ дѣло.
«Гм.... жаль, что не могу помочь!
Мое богатство улетѣло,
Какъ дымъ въ трубу. Все разошлось
По добрымъ людямъ. Да авось
Промаюсь... Старъ... гляжу въ могилу....
И время! Господи помилуй!»
— Нельзя ли сударь, пожалѣть?
Вы сомнѣваетесь, извѣстно...
Вотъ образъ—заплачу вамъ честно!
Безъ покаянья умереть,
Коли солгу! —

«Зачѣмъ божиться?»

— Да тошно! Кажется, готовъ
Сквозь землю лучше провалиться,
Чѣмъ этакъ вотъ изъ пустяковъ
Просить и мучиться напрасно! —
«Охъ, милый, вѣрить-то опасно!»
И тонко намекнулъ купецъ,
Обманъ, молъ, всюду; всякъ хитрецъ:
Наскажетъ много, правды мало....
Да! время тяжкое настало!
Не мудрено въ заемъ-то дать.
Напрасно тѣломъ и душою
Лукичъ божился, умолялъ,
Въ закладъ домишко предлагалъ....
Кремень-купецъ махнулъ рукою:
«Эхъ, ну тебя! закладъ не тотъ!
Твой домъ не каменный! нейдетъ!»
Тутъ Лукичъ не утерпѣлъ, вышелъ изъ себя, разразился бранью и укоромъ
— Несытая твоя утроба

Ну, стало, голову мнѣ снять
И подъ залогъ тебѣ отдать?
Вѣдь ты глядишь подъ крышку гроба!..
Кому казну-то ты копишь? —
«Опомнись! съ кѣмъ ты говоришь?»
— Съ тобою, старый песъ, съ тобою!
Ты вмѣстѣ воровалъ со мною!
Клади мнѣ денежки на столъ!
Дѣлись! я вотъ зачѣмъ пришелъ! —
«И ты мнѣ могъ?... и ты мнѣ смѣешь?»
— Кто? я-то?... Ты не подходи!
И въ грѣхъ, къ примѣру, не вводи,—
Убью! вотъ тутъ и околѣешь! —
Пучковъ оцѣпенѣлъ. Нѣмой,
Стоялъ онъ съ поднятой рукой,
Огнемъ глаза его сверкали
И губы синія дрожали.
Лукичъ захохоталъ.—Ну что жь!
Ударь, попробуй! что жь не бьешь!—
«Вонъ, извергъ!
— Не бранись со мною.
Я выйду честью! не шуми!
Не то я.... прахъ тебя возьми!...
Не стоишь, правда.... Богъ съ тобою.
Пучковъ стоналъ. Онъ гадокъ былъ:
Безсильный гнѣвъ его душилъ.
Прощай, садись опять за книги,
Копи казну, надѣнь вериги...
Все видно о душѣ печаль,—
А жаль тебя; ей-Богу жаль...

Въ отчаяніи ушелъ бѣдный старикъ и тутъ будто проснулось въ немъ сознаніе несправедливости людской, и глубокое недовольство своимъ положеніемъ. Горько ему было, что не довѣряютъ.

И гнись, и гибни ни за что,
На то, молъ, голь, кулакъ на то!
Гм. да! упрекъ-то вѣдь забавный!
Эхъ, ты, народецъ православный!

Не честь тебѣ лежачихъ бить,
Безъ шапки сильныхъ обходить!
Кулакъ... да мало-ль ихъ на свѣтѣ?
Кулакъ катается въ каретѣ,
Изъ грязи да въ князья ползетъ,
И кровь изъ бѣдняго сосетъ...
Кулакъ во фракѣ, въ полушубкѣ,
И съ золотымъ шитьемъ, и въ юбкѣ—
Гдѣ и не думаешь,—онъ тутъ!
Не мелочь,—не грошовый плутъ,
Не намъ чета,—подниметъ плечи,
Прикрикнетъ—не найдешь и рѣчи,
Рубашку сниметъ,—все молчи!

Съ горечью повторяетъ онъ и идетъ, самъ не зная куда, какъ вдругъ, идя мимо дома профессора Зорова, услышалъ, что его зовутъ. Тотъ самъ почти вызвалъ его робкую просьбу и согласился дать ему въ займы, съ условіемъ, чтобы онъ заплатилъ въ срокъ. Отпраздновали свадьбу, но не веселъ нашъ бѣдный Лукичъ: зять не хочетъ видно принять его въ торговлю, не смотря на его просьбы, хотя не говоритъ этого прямо, а все откладываетъ до зимы... Неужели все напрасно, думаетъ старикъ, неужели напрасно я принудилъ бѣдную Сашу, вошелъ въ долги, неужели все-таки долженъ буду продолжать эту жизнь... и зять не поможетъ изъ нея выкарабкаться?.. Жена Лукича слегла въ постель. Долго она страдала и мучилась; а жизнь ея постепенно угасала. Мужъ постоянно уходилъ на рынокъ, а она одна одинешенька лежала въ безпамятствѣ. Дочь не навѣщала. Но вотъ наконецъ Саша пришла, когда мать находилась уже въ предсмертныхъ мукахъ.

Вотъ входитъ Саша. Мать больная,
Кряхтя ей дѣлаетъ упрекъ:
«Ты рѣдко ходишь, мой дружокъ,
Я умираю, дорогая....
Охъ тошно! такъ и давитъ грудь!
Хоть бы на солнышко взглянуть,
Все снѣгъ, да снѣгъ!...»

— Я къ вамъ хотѣла
Вчера притти, да то дѣла,
То гости... Саша солгала;
Свекровь ей просто не велѣла,
Не приказалъ и мужъ: авось
Еще, молъ, свидишься, небось!
Старушка ложь подозрѣвала,
По голосу узнала,
А голосъ Саши грустенъ былъ!
«Дитя мое, я... Богъ судилъ....
Дай руку!... дай моя родная!
Такъ... крѣпче жми! ну, вотъ теперь
Легко....» И плакала больная,
Рыдала дочь. Безъ шума въ дверь
Входила смерть.
Былъ темный вечеръ.
Порывистый холодный вѣтеръ
Въ трубѣ печально завывалъ.
Лукичъ встревоженный стоялъ
У ногъ Арины! Дочь глядѣла
На умирающую мать;
И все сильнѣй, сильнѣй блѣднѣла.
Старушка стала умолкать
И постепенно холодѣла,
И содраганья ногъ и рукъ,
Послѣдній знакъ тяжелыхъ мукъ,
Ослабѣвали. Вдругъ, рыдая,
Упала на колѣни дочь:
«Благослови меня, родна!»
— Отецъ твой нищій.... ты помочь
Ему.... нашъ домъ.... и рѣчь осталась
Неконченной—и тихій стонъ
Смѣшалъ слова. Но вотъ и онъ
Умолкъ. Развязка приближалась:
Въ тоскѣ подъятая рука,
Какъ плеть упала. Грудь слегка
Приподнялась и опустилась,
Дыханье рѣже становилось.

Взоръ неподвижный угасалъ,
По тѣлу трепетъ пробѣжалъ—
И стихло все.... Не умолкалъ
Лишь бури вой.
«Одинъ остался!
Одинъ, какъ перстъ!» Лукичъ сказалъ,
Закрылъ лицо—и зарыдалъ.
Уснуло доброе созданье!
Жизнь кончена. И какъ она
Была печальна и бѣдна!
Стряпня и вѣчное вязанье,
Забота въ домѣ приглядѣть,
Да съ голоду не умереть,
На пьянство мужа тайный ропотъ,
Порой побои отъ него,
Про бытъ чужой не смѣлый шопотъ,
Да слезы.... больше ничего!
И эта мелочь мозгъ сушила
И человѣка въ гробъ свела!
Страшна ты, роковая сила
Нужды и мелочнаго зла!
Какъ громъ ты не убьешь мгновенно,
Войдешь ты—полъ не заскрипитъ,
А душишь, душишь постепенно,
Покуда жертва захрипитъ!

Тяжело, жутко старику; смотритъ онъ на это блѣдное лицо, на эти на вѣкъ сомкнутыя уста,—страшный укоръ читаетъ онъ на немъ... Съ отчаяніемъ спрашиваетъ онъ Сашу, чѣмъ хоронить мать, она совѣтуетъ ему обратиться къ ея мужу... Да, надо шею гнуть! говоритъ старикъ,—по дѣломъ мнѣ,—я стою того! Вотъ отправляется отъ къ зятю, съ улыбкой самодовольствія встрѣчаетъ его послѣдній и объявляетъ, что, молъ, очень жаль тещу, и онъ готовъ помочь старику, между тѣмъ укоряетъ его слегка въ пьянствѣ и бѣдствіи; Лукичъ умоляетъ его дать ему какое нибудь дѣло, увѣряетъ его, что онъ не будетъ ни пить, ни плутовать,—ужь больно надоѣло ему заѣдать вѣкъ; онъ старъ, хо-

чется ему дожить вѣкъ честно. Это что,—это вздоръ, въ торговлѣ все возможно, все это допускается, съ покровительственной улыбкой, отвѣчаетъ ему этотъ зажирѣвшій плутъ, и съ полнымъ сознаніемъ, что дѣлаетъ милость, предлагаетъ ему рубль на похороны, и на всѣ просьбы старика отвѣчаетъ: взять васъ въ помощники не могу, потому, значитъ, пить привыкли, а теперь не отвыкните. Въ отчаяніи Саша предлагаетъ отцу заложить ея салопъ, золотое кольцо, но мужъ заставляетъ ее молчать.

Саша встала.
Негодованія полна,
Казалось, выросла она,
И мужу съ твердостью сказала:
«Я свой салопъ отдамъ въ закладъ—
И мать похороню!»
— Чудесно-съ!
Гм....дочка нѣжная....извѣстно-съ....
Хэ-хэ, бываетъ—не велятъ! —
«Ну если такъ, найду другое....
Вотъ обручальное кольцо....»
И Саши блѣдное лицо
Покрылось краскою.
— Пустое!
Не смѣешь значить! —
«Саша, Саша!
Оставь! схоронимъ какъ-нибудь! —
Отецъ сказалъ.

Уходитъ старикъ... Что остается ему дѣлать? Вся прошлая жизнь возникаетъ передъ нимъ... Вспоминаетъ онъ, что и у него являлись когда-то добрые порывы, и теперь черезъ тридцать лѣтъ, при воспоминаніи о томъ, какъ онъ спасъ утопающаго, такъ сладко, хорошо, легко стало ему.—и теперь почувствовалъ онъ то мягкое, теплое, свѣтлое довольство, которое разливается по всѣмъ нашимъ жиламъ, когда мы дѣлаемъ како-нибудь хорошее дѣло... Потомъ возникаютъ передъ нами образы безобразной его дѣятельности: бѣдные люди, работающіе

въ потѣ лица, за гроши, за скудное пропитаніе, достаточное только чтобы не умерѣть съ голоду;—и ихъ-то, этихъ бѣдныхъ, своихъ братьевъ по нищетѣ, ихъ-то бѣдными грошами хотѣлъ разжиться и разбогатѣть онъ...

А вѣдь и я трудился тоже,
Весь вѣкъ и худомъ и добромъ
Сбивалъ копѣйку. Зной и холодъ,
Насмѣшки, брань, укоры, голодъ,
Побои—все переносилъ!
Изъ-за чего? Ну что скопилъ?
Тулупъ остался да рубаха,
А кралъ безъ совѣсти и страха!
Охъ, горе, горе! Вѣдь метла
Годится въ дѣло! что же я-то?
Что я-то сдѣлалъ кромѣ зла?
Вотъ свѣчи....гробъ....гдѣ это взято?
Крестьянинъ мужичекъ бѣднякъ
На пашнѣ потомъ обливался
И продалъ рожь.... а я кулакъ,
Я, пьяница, не побоялся,
Не постыдился никого,
Какъ воръ безсовѣстный, обмѣрилъ,
Ограбилъ, осмѣялъ его —
И смертной клятвою увѣрилъ,
Что я не плутъ! Все терпитъ Богъ!

Похоронилъ онъ жену, видитъ, что чахнетъ его дочь, тоже жертва его,—и нѣтъ ему средства вернуться на хорошій путь; вотъ и теперь, сейчасъ, его зять, этотъ человѣкъ, за котораго онъ ухватился, какъ за послѣднюю надежду на спасеніе, онъ навсегда преградилъ ему дорогу... Махнулъ старикъ рукою,—и сталъ пить, плутовать, мошенничать пуще прежняго...

Поэтъ кончаетъ это прекрасное произведеніе звучными и полными мысли стихами, въ которыхъ высказывается весь образъ мыслей автора, и звучитъ та боль, которую дѣйствительно онъ прочувствовалъ отъ всей этой грязи, отъ этой бѣдности и нищеты...

Вотъ какія мысли волновали Никитина, когда онъ

оканчивалъ своего Лукича—Кулака, съ которымъ вмѣстѣ оплакивалъ безъисходное положеніе нищеты:

Прощай, Лукичъ! Не разъ съ тобою,
Когда мой домъ объятъ былъ сномъ,
Сидѣлъ я грустный за столомъ,
Подъ гнетомъ думъ, ночной порою!
И мнѣ по твоему пути,
Пришлось бы, можетъ быть, итти,
Но я избралъ иную долю....
Какъ узникъ я рвался на волю....
Упрямо цѣпи разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!
Во благо ль? Небесамъ извѣстно...
Но блага я просилъ у нихъ!
Не ради шутки, не отъ скуки,
Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ—
Я воплощалъ боль сердца въ звуки!
Моей душѣ была близка
Вся грязь и бѣдность кулака!
Мой братъ! никто не содрогнется,
Теперь взглянувши на тебя!
Пройдетъ быть можетъ, посмѣется,
Потѣху пошлую любя....
Ты сгибъ, но велика ль утрата?
Васъ много. Тысячи кругомъ,
Какъ ты, погибли подъ ярмомъ
Нужды, невѣжества, разврата!
Придетъ ли наконецъ пора,
Когда блеснутъ лучи разсвѣта;
Когда зародыши добра,
На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, согрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторичный плодъ;
Когда минетъ проказа вѣка
И воцарится честный трудъ,

Когда увидимъ человѣка —
Добра божественный сосудъ?...

Личность Саши вышла нѣсколько не полною, вѣроятно потому, что все вниманіе поэта была устремлено на отдѣлку главнаго лица. Впрочемъ, сцена любви въ саду, разговоръ ея съ столяромъ, дышатъ естественностью. Энергія и надежда молодаго, честнаго, вѣрящаго въ людей человѣка, высказываются въ каждомъ его словѣ; ея слова, напротивъ, полны отчаянія, недовѣрія и глубокой тоски. Мы не будемъ приводитъ этихъ сценъ, скажемъ только, что Никитинъ мастерски умѣлъ олицетворить и природу, и заставить ее симпатизировать свиданію Саши съ столяромъ.

Вотъ у плетня березы бѣлой
Стоитъ знакомый, ровный стволъ.
Какъ незамѣтно годъ прошелъ!
Тамъ въ первый разъ рукой несмѣлой
Столяръ сосѣдкѣ руку жалъ...
Никто про встрѣчу ихъ не зналъ.
Шла тучка мимо—не видала,
Береза знала, да молчала...

—

Сочиненія Никитина заканчиваются большою интересною повѣстью, подъ заглавіемъ: «Дневникъ Семинариста,» который написанъ бойко и живо, гдѣ предъ вами выступаютъ разнохарактерныя живыя личности и сцены а потому представляютъ собою жизнь семинарскую въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Мы не будемъ разбирать этой повѣстьи, а предоставимъ лучше интересующимся прочесть самимъ.

Считаемъ впрочемъ нелишнимъ привести здѣсь одно стихотвореніе, которое Никитинъ, описывая предсмертныя минуты друга своего Яблочкина, передаетъ какъ бы набросанное для него на память карандашемъ умирающаго. Но на самомъ дѣлѣ, этимъ стихотвореніемъ Никитинъ, въ предчувствіи близкой своей смерти, заживо

сдѣлалъ себѣ надгробную надпись, которая и дѣйствительно вырѣзана на его могильномъ памятникѣ. Вотъ эти надгробные стихи:

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,—
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ замерла.
Что же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!..
Вотъ она—слышится пѣснь беззаботная—
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. О жизни поконченъ вопросъ.
Больше ненужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

VI

Филологическія наблюденія, замѣтки и выводы по сравнительному языкознанію.

(Окончаніе.)

Корень *кар*—ударять, разить, повреждать, причинять непріятное ощущеніе, жечь, печь, знобить и пр. Корень *кар* измѣнился въ *кал*, *çар*, *çал*, *çра*, *çри* вмѣсто *кра*, *кри*.

Зендск. çar—hinwerfen, zerbrechen, verletzen; çareta—verletzt; kalt.

Санскр, çrâ, çrî вмѣсто krâ, krî—coquere.

Латинск. caleo—быть теплу, горячу, горѣть, кипѣть; calesco—разогрѣваться, согрѣваться.

Русск. *калить*, *закаливать*, *закалъ*, *закалка*.

Литовск. *шалти*—мерзнуть, замерзать; *шалдити*—морозить; *шалтас*—холодный. Слав. *хладъ* вмѣсто *халдъ*, *калдъ*;—*хладити* вмѣсто *халдити*, *калдити*=Литовск. *шалдити* вмѣсто *калдити*. Литовск. *шална*, *шармас*—иней, изморозь, Русск. *слана*;—*серенъ*, *черенъ*—иней, настъ. Скандинавск. hrîm—pruina.

Литовск. *шилти*—грѣться, нагрѣваться, становиться теплымъ;—*шилтас*—теплый.

Корень *кар*, *кра*, *кри*—выражаетъ теплоту, свѣтъ, красоту, силу. Зендск. crî—schön sein; çrî adj. schön, Санск. çrî вмѣсто krî—счастье, блаженство, богатство. Латинск. cre—sco (корень cre) расти, возрастать, увеличиваться, возвышаться, умножаться. Бретонск. kré или kreñ—adj. fort, robuste. Vigoureux. Impétueux. Violant. Ferme. Solide. Kré s. m. Fort, lieu fortifié. Forteresse,—

fortification; citadelle. Русск. *кра—са*; *окрпять*, *охрпять* — выздоровѣть, оправиться, оклематься. *Хрпнъ*, старин. *крпнъ*—fortis; *кремль*, *кремень*.

Санскр. çara—желтый, Русск. *сѣрый*, Польск. *шары*. Литовск. *ширвас*, *ширмас*—сѣрый; Русск. *сермяга*; старин. *срѣнъ*, *серенъ*—бѣлый. *Кони срѣни; конь серенъ, на конихъ сереныхъ*. *Срамъ* вмѣсто *сармъ*, *соромъ* собств. непріятное нравственное ощущеніе = Литовск. *шарматис*—имѣть изморозь. Чешск. *калый*—хорошій, греч. χαλός—красивый, хорошій; Санскр. kalja—gesund, angenehm; Англос. hals—heil, gesund,—Слав. *цѣлъ* вмѣсто *кѣлъ*, *кайлъ*—sanus.

Звукоподражательный корень *на*, *ни*, *ну*, *кна*, *кни*, *кну*, *гна*, *гни*, *гну*—издавать звукъ, производить шорохъ, тереть, чесать и т. п.

Санскр. nu—brüllen, schreien, brummen; schallen, jauchzen, jubeln. Русск. *ныть*, какъ Санскр. krand—wiehern, brüllen, knarren, kläglich schreien. Русск. *хрядѣть* (первоначально *хряндѣть*, т. е. *хриндѣть*) худѣть, сохнуть, хилѣть, хирѣть, болѣть;—старин. *скомати*—визжать, и *скомить*, *скомнуть*—болѣть, ныть, щемить, ломить; жаловаться, *тосковать* болью, страдать чѣмъ;—Русск. *крякать* (первонач. *кранкать*, Литовск. *кранкти*) трещать, хрустѣть, ломаться съ трескомъ, кряхтѣть, стонать—Нѣм. krank—больной, нездоровый, хворый.

Санскр. knû—издавать звукъ. Греч. χνάω, χνέω, χνήμι—тру, скребу, скоблю, соскабливаю, соскребаю; χναύω—скоблю, царапаю, грызу;=χνύω—чешу, скоблю, царапаю, трогаю, дотрогиваюсь слегка.

Вторичныя формы:

Санскр. *над*—schwingen, erzittern, vibrare;—ertönen, brüllen, schreien,—оттуда Русск. *настъ* собств. скрипящій.

Nid, nind—бранить, хаять хулить, собств. sonare, издавать звукъ.

Nabh—bersten, reissen; beschädigen, verletzen.

Nidž (нидж) вмѣсто nig —полоскать, мыть, чистить, собств. производить глухіе звуки.

Nikš (никш) durchbohren—Русск. *низать*, *пронзить*, *ножъ*, *заноза*.—Греч. κνήθω—тру, скоблю, царапаю, чешу. Κνῆφη—чесанье, чесота, почесуха; свербежъ.— Κνίδω — щиплю, скоблю, чешу, царапаю, соскребаю. Κνίδη—крапива. Κνάπτω, γνάπτω (корень κναφ) чешу, валяю.

Латышск. *кнăпт*—picken, долбить носомъ; клевать.

Литовск. *кнису*—рою, разрываю. *Книбти*—щипать, щечить;—*кнъбти*—щипать;—*гнибти*—щипать; *женибти*—*шнипти*—снимать со свѣчи, сморкаться. *Нибурти*—пищ-лять;—*Кноти*, *ат—си*,—*кноти*—отставать, отклеиваться. *Нѣжай*—чесотка, зудъ; *нѣжети*—чесаться, зудѣть.

Древне-нѣм. hnuan—tundere; hnua—runcina; gnî-tan—fricare;—gnagan, nagan—rodere, corrodere.

Греч. νύσσω (корень νυγ, nugh) колю, царапаю. Литовск. *нагас*—ноготь, коготь.

Нѣм. knarren—скрипѣть, трещать. Польск. *скнарацъ*—веньгать, плаксиво жалобиться или просить, канючить; *скнэра*—плаксивый, пискливый человѣкъ, клянча, скряга. Западно-русск. *скнара*—скупецъ, скряга. Западно-русск. Чешск. *кни—га*—пиголица, чибезъ.

Зендск. nath—schneiden;—niž (*нижс*) wegbringen, vernichten. Русск. *гнету*; старин. *нѣтити*, *гнѣтити*, *возгнѣтити* огонь; Польск. *гнатъ*—мосолъ;—Галицко-русск. *гнобити*, Польск. *гномбицъ*, *гнэмбицъ*—жать, давить. Русск. *гонобить*—собирать, копить.

Корень *ка*, *ки*, *ку*, *ска*, *ски*, *ску*; *кар*, *кир*, *кур*,—*кра*, *кри*, *кру*, измѣнен. *чар*, *кал*, *чал*, *клу*, и пр.—двигаться.

Славянск. *ска—ка—ти*, съ обыкновенною приставкою *ка*;—Литовск. *шокти* вмѣсто *шакти*, *какти*—прыгать, скакать, плясать. Западно-русск. *скикать*—прыгать: *жаба скикаетъ*.

Санскр. *ку*—двигаться; *ску*—fluctuare, salire. Старо-слав. *кыти*, *кывати*—caput movere, кивать;—

кыка, *кыкъ*—длинные волосы, собств. болтающееся, мотающееся. Латинск. coma—длинные волосы на головѣ; космы; грива;—Греч. κόμη—волосы на головѣ; вѣтки, листва. Древне-слав. *кыта*—вѣтвь; Русск. *кисть*. *Кыпѣти*—собств. находиться въ состояніи движенія, волненія;—*кыдати*—jacere, собств. приводить въ движеніе.

Греч. κίω, ἔκιον—иду. Латинск. сіо—привожу въ движеніе, возбуждаю,—призываю; citus—скорый, поспѣшный, проворный. Греч. κινέω—заставляю итти, привожу въ движеніе, двигаю, колеблю, трясу, потрясаю; возвр. двигаюсь, иду.

Санск. *чар* вмѣсто *кар*—двигаться, ходить, оттуда *крам*—gradi, incedere. *Чал*—in Bewegung gerathen, sich in Bewegung setzen, aufbrechen, sich rühren, zittern, schwanken, wackeln, zucken; — sich von der Stelle bewegen, sich fortbewegen; sich auf den Weg machen, fortgehen.

Литовск. *килти*—подниматься; *келти*—поднимать; *келис*—колѣно; *келяс*—путь, дорога. Мадярск. *кел*—подниматься, вставать; восходить (о солнцѣ). Ker, kör, kerek—circus, rota, der Kreis, Umkreis das Rad. Слав. *коло*, родит. *колесе*; колѣно;—кржгъ т. е. *кронгъ*, *крунгъ* собств. удободвижный, mobilis.—Санск. *чакра*—кругъ.

Греч. σκαίρω вмѣсто σκαριω, σκιρτάω—прыгаю, скачу, пляшу. Слав. *скорый*, Литовск. *скерис*, *скерей*—саранча. Бретонск. (Bas Breton) skara—courir vite et à grands pas.

Латин. curro—бѣгу.

Санскр. klu—se movere. Латышск. *клю̂т*—приходить, появиться, очутиться, случиться; Литовск. *клюти*—входить, попадать куда, вязнуть. Польск. *клусаць*—ѣхать рысью; *клусъ*—рысь; Западно-русск. *клысать*—ходить. *Въ чоботахъ клыше, а босой ноги слѣды пише*. *Колзать*, *холзать*—скользить; кататься по льду—Старин. *хлуяти*—течь стремительно, оттуда—*хлынуть*.

Санскр. kat—ire. Литовск. *скасти* (корень *скат*) прыгать, скакать. Русск. *катать*, *катить*, *качать*.

Санскр. kas—ire; çaç вмѣсто kas—salire. Нѣм.

Hase—заяцъ. Русск, *коса*, *космы*—собств. болтающееся, мотающееся. Южно-слав. *касати*—tolutim incedere.

Литовск. *кирбети* наст. *кирбу*—двигаться, шевелиться.

Отъ понятія—*двигаться*, *итти*, *извиваться*, *изгибаться*; *приводить въ движеніе*, *наклонять въ ту и другую сторону*, *гибать*, *нагибать*, *гнуть*—естественный и простой переходъ къ понятію: *извивающійся*, *изгибающійся*, *извилистый*, *изгибистый*, *согнутый*, *кривой*.

Санскр. и Зендск. çri вмѣсто kri итти, ходить; Греч. κλίνω,—κε—κλι—κα—(корень *кли* вм. *кри*) гибаю, сгибаю, гну, кривлю; склоняю, наклоняю, прислоняю. Слав. *кривъ*; Литовск. *крейвас* - кривой.

Санскр. ar—gehen; erregen, bewegen; arâla (ar+ar) gebogen. Отъ корня kar, kal, kur, kru—двигаться, Греч. κορωνός—искривленный, согнутый, κυλλος вмѣсто κυλνος—кривой, согнутый, искривленный, выпуклый;—κυρτός—кривой, согнутый, выпуклый. Латинск. curvus—кривой, искривленный, изогнутый. Кельтск. crom—courbé; crochu. Слав. *хромъ*. Француз. croc. Русск. *крюкъ*, *клюкс*, *ключъ*. Въ Западной Руси—*ключъ*—стадо журавлей на лету, потому что они, журавли, строятся въ два ряда, соединяясь въ видѣ ключа, клюки, >;—вооб. длинный рядъ, вереница;—*ключемъ*—гусемъ, вереницей.—Слово *ключъ*—родникъ отъ Сербск. *клюкати*—клокотать, кипѣть, вытекать съ клокотомъ.

Звукоподражательный корень *да*, *ди*, *ду*—издавать звукъ, звучать.

Старин. *дѣти*—говорить, откуда частица *де*, *дескать*. Зендск. *ду*—denken; sprechen;—оттуда *дума*, *думать*, Болгарск. *дума*—рѣчь, *думать*—говорить.—Латышск *дикт*—wimmern, von Kindern; *дўкт*—poltern. Латин. dico—говорю, сказываю, разсказываю. Южнослав. *дика*—слава. Польск. *дукаць*, *гдукаць*—издавать отравистые, глухіе звуки. *Арматы гдукая*—пушки гудятъ, ревутъ. *Дукъ*—дупло впадина собст. глухой звукъ. Польск, и Западно-русск. *дупа*—задница, podex.—

Дуда. Западно-русск. *дудукать*—гуторить. *Старики дудукають за столомъ*. Греч. δοῦπος, γδοῦπος—трескъ, стукъ, глухой шумъ; δουπέω, γδουπέω—производжу трескъ, шумъ; стукъ. Мадярск. dal— das Lied; dall—singen; dana— das Liedchen; danol—singen; dics (дич) Мадяр. csr—Ruhm, Glorie; dob— die Trommel, die Pauke;—dong —summen, sumsen.

Литовск. *добти*—ударять, бить, разить, поражать;—*дубти* становиться полымъ, пустымъ, впалымъ, собств. издавать глухой звукъ. Отсюда дубасить, отдубасить. Замѣчателенъ переходъ понятій—*глухой звукъ*;—*полое, пустое пространство, полость, впадина, яма*. Польск. *дукаць* и *дукъ* (см. выше);—санскр. *am*—sonare. Слав. *ама, яма*.

Звукоподражательный корень bha, bhi, bhu—издавать звукъ, sonare, sonum edere.

Слав. *ба—ять, ба—ю*; греч. φάω, φημί—говорю, сказываю; думаю, размышляю. Латин. fari—говорить, fatum—рокъ, судьба. Санскр. bha,—древне-нѣм. bia, Литовск. *би—те*—пчела, собст. sonans.—Польское простонародное *бу—яць*—издавать густой голосъ, ревѣть, плакать. «*Бык буя*;»—«*чего ты буяшь якъ быкъ?*» чего ты ревешь какъ быкъ.

Вторичныя формы.

Санскр. bhan,—bhanati—ertönen, schallen, laut rufen;—bhand—ликовать, bhandana—lustigtönend, jauchzend.

Русск. *бунить, бунѣть*—издавать глухой звукъ, гулъ, ревѣть. *Выпь забунила*; *лягушка упала и забунѣла*. Южно-слав. *буна*—мятежъ, возмущеніе, бунтъ собств. шумъ, гулъ.—Русск. *бунтъ*. «*Бунты стоятъ*»—вѣтры, бури. *Бундарить*—шумѣть, спорить, вздорить, перечить. *Бунчать*—пѣть про себя, вполголоса, глухо,—о пчелахъ, жужжать. Мадярск. bong, наст. bongom summsen. Греч. φθογγος, φθογγή вмѣсто φόγγος, φογγή (θ вставочное) т. е. bhongos, bhonge—звукъ, звонъ, кликъ, зовъ, голосъ; φθέγγομαι вмѣсто φέγγομαι—издаю звукъ, голосъ, говорю, кричу, реву, звучу.

Западно-русск. *бака*—говорунъ, краснобай; *ба-*

кать—болтать, калякать, шумѣть. Тюркск. *бака*—лягушка, потому что громко кричитъ, квакаетъ. Русск. *бекать*—блеять. Мадярск. bak, козелъ, hircus;—béka—лягушка, rana.

Литовск. *букти*, *букю*, Сербск. *букати*, *бучем*—brüllen. Литовск. *букас*—выпь; водяной быкъ. Слав. *быкъ*—taurus. *Волъ* отъ корня *вар*, *вал*—sonare, издавать звукъ; Польск. Чешск. *волам*—зову, кличу. Мадярск. búg—girren.

Bhar, bhir, bhur, bhal, bhil, bhul, bhra, bhri, bhru, bhla, bhli, bhlu.

Санскр. bhar, Литовск. *барти*—reprehendere, vituperare. Литовск. *барнис*—брань. Слав. *брань* вмѣсто *барнь*. Литовск. *бурти*—колдовать, ворожить, собст. издавать глухіе, невнятные звуки. *Била*—рѣчь, слово, судоговореніе, тяжба предъ судомъ. Русск. *биря*, *бирюля*, *бирюлька*—дудка, дудочка, свирѣль;—*бириць*, *бирючь*, *бирчій*—глашатай. Литовск. *бал—сас*—голосъ. Польск. *балухъ*—шумъ, толка, голда. Русск. *барма*—бормотунъ, невнятно говорящій;—*бармить*, *бармолить*, *бармачить*—бормотать, говорить невнятно. *Боркать*—стучать, бренчать; бормотать, ворчать, бурчать. *Буркать*—говорить бормотомъ, ворчать, бормотать. *бурканье*—ворчанье, гулъ, глухой говоръ. *Буря*, *бурмить*, *булькать*; *бал—ака*, *балакать*, *балякарь*, *балакирь*, *балагуръ*. Полабск. *бере*—лаетъ.—Древне-нѣмецк. bellan—ревѣть, лаять, Англійск. bell—колоколъ, звонокъ,—Литовск. *булюс*—быкъ, Нѣм. Bulle.

Въ Литовскомъ языкѣ вторичный корень *балд*, *билд*, *белд*—стучать, стукать. Нижне-лужицк. *бердьть* (неспорн. *бьерджешъ*) производить шорохъ, шершить, шурчать. Русск. *бердо*, *балда*. Греч. φραδ—говорить, вѣщать, думать, мыслить.

Латышск. *брê—к—т*, *брê—кâт*—кричать; Русск. брехать;—Нѣм. brechen, brach;—Латин. frag, frango вмѣсто bhrag, bhrango ломать; fragor вмѣсто bhragor—трескъ, трескотня.

Литовск. *барб*, *бирб*, *бурб*. *Барбети* наст. *барбу*—

стучать, дрябѣть; бормотать; —*бирбти*, *бирвети* — пищать, играть на дудочкѣ, жужжать; —*бурбти* наст. *бурбу*—урчать, бурчать, клокотать.

Bhram. Древне-нѣм. briman (bram) fremere, Латин. fremo вм. bhremo. Санскр. bhramara—пчела.

Санскр. bhran, bhranati— einen Ton von sich geben. Русск. *брень*, частица—брякъ, стукъ. Западно-русск. *бренѣть*—звенѣть; жужжать. *Коса бренить*; *муха бренить*. Чешск. Словенск. *бзрнѣти*—dröhnen, дрябѣть, дребезжать.—Втор. формы—*бренькать*, *бренчать*, *брякать*, первонач. бракать (т. е. бринкать).

Санскр. bhâš (ба'ш) reden, sprechen, plaudern, sagen;—bhaš (б'аш) bellen, anbellen. Русск. *баз*. *Базанъ*—крикунъ; —*базло*, *базелъ*—крикунъ, горланъ; —*базанить*, *базлать*, *базланить*—кричать, орать, горланить; плакать, выть, ревѣть. Польск. *баслонить*—врать, болтать пустяки, пустословить.

Санскр. bhandž (б'андж) вмѣсто bhang = Греч. φεγγ, φθεγγ, Мадярск. bong—brechen, zerbrechen, zersprengen, ломать, разламывать, разрывать, собств. производить трескъ.

Санскр. bhadž (б'адж) вмѣтто bhag—дѣлить, раздѣлять, отдѣлять, надѣлять, давать, Греч. φάγω—ѣмъ, съѣдаю, собст. производу звукъ. Мадярск. bogar—жукъ; муха, собст. sonans; bagoly (боголь) сова, собст. sonans. Санскр. bhakša (б'акша, bhag+sa) Genuss (Trinken oder Essen), Trank, Speise. Верхне-шотландск. bagh—a word, vox, dictio;—a battle, proelium;—victuals, cibus.—Галицко-русск. *богунз*—желудокъ, сычугъ, собств. ѣдунъ.

Санскр. bhadž (б'адж) sich begeben zu, auf;—causat hingehen lassen, jagen. Слав. *бѣгу*, Литовск. *бегу*, Латышск. *бѣгу*, *багу*—собств. нахожусь въ состояніи движенія, двигаюсь. Литовск. *богинти*, *бугдити*—несу, тащу, волоку, собст. заставляю двигаться. Древне-слав. *богати*—служить, повиноваться, почитать. Верхне-шотландск. bagh—kindness, respect, friendship, benignitas, observantia, amicitia.

Болгарск. *бъкамь*—совать; *бъкълъ*—баклага. За-

падно-русск. *бгать* собств. *бѣгать*—совать, тискать, мять. *Бгать одежду въ скрыню*; *собгалъ все въ кучу*. Ромунск. bagu (баг) indo, insero, immitto, impono, injicio, einthun, hineinthun, einstrecken, hineinstrecken, hineinführen.—Тюркск. bag, beg—Wunch, Geschmack, Lust, Verlangen, souhait, désir, goût, envie. Русск. *бажать*, *забаглося*.

Санскр. bhas—kauen, zerkauen, zermalmen, verzehren. Словенск. (Хорутанск.) *басати*—толкать, набивать, начинять; Сербо-хорватск. *басати*—толкаться, болтаться, шляться. Болгарск. *баскамъ*—рублю, ударяю, ножемъ, топоромъ. Сербск. *бусати*—ударять.

Словенск. (Хорутанск.) *барати*—fragen, спрашивать;—болгарск. *барамъ*, *баламъ*—трогаю, прикасаюсь, щупаю, шарю. Русск. *барабать*, Польск. *бабрацъ* вмѣсто *барбацъ*, Словенск. *бърбати*—разрывать, рыться, копаться въ чемъ.

Болгарск. *бутамъ*—толкаю, трогаю, дотрогиваюсь. Русск. *бутѣть*—ботѣть, толстѣть; издавать глухой звукъ. *Ой загудѣлъ, забутѣлъ сивый голубойко*. Народ. пѣсня. *Бутурла*—пустомеля, болтунъ, враль;—*ботать*, *болтать*.

Польск. *буяцъ*—носиться туда и сюда, парить, плавать по воздуху;—жить, расти въ привольи;—приводить что въ качательное движеніе, качать, напримѣръ, качель, зыбку и т. п. Русск. *буять*—расти на просторѣ, на своей волѣ, на вѣтру. Санскр. bhû—werden, entstehen, geschehen; stattfinden, dasein, sich befinden;—bhudẑ (б'удж) вмѣсто bhug—наклонять въ ту и другую сторону, гибать, гнуть;—пользоваться, наслаждаться чѣмъ. Греч. φεύγω,—ἔφυγον—уклоняюсь, удаляюсь, бѣгу, убѣгаю.

Санскр. bhâ—scheinen, leuchten, erscheinen, сіять, возсіять, явиться, показаться. Сербск. *бахнути*—грянуть, нагрянуть. Греч. φανός—свѣтящій, свѣтлый, блистающій, чистый, ясный;—φέγγω—освѣщаю, озаряю, свѣчу, даю свѣтъ;—φέγγος—свѣтъ, блескъ, сіяніе.

Звукоподражательный корень *ша*, *ши*, *шу*; *са*, *си*,

су—издавать, производить глухой звукъ, шорохъ, свистъ, шепотъ, шелестъ.

Русск. *ша—ка—ть;*— *ши—ка—ть*; *шу—ка—ть*; *шу—шу—ка—ть*; съ обычною приставкою *ка*.

Мадярск, *ши̂* (si) плакать, выть, ревѣть.

Вторич. формы.

Шар—ка—ть, *шир—ка—ть*, *шур—ка—ть*. *Шам—ить*, *шам—ка—ть*. *Шумъ*, шумѣть. Древнеслав. *шатати* т. е. шентами—fremere. *Ша—та—ть*, *шаст—ать*, шуст—ать. *Шип—ѣть*; *шеп—елять* и пр.

Зендск. *шам*—schlürfen, хлебать, сербать;—*шу*—gehen; gehen machen, fördern. Литовск. *шаути*—совать, метать стрѣлы. Русск. *шавать*—ходить вяло, волоча ноги; *шава*—шутникъ, балагуръ, врунъ, лясникъ. Болгарск. *шавамъ ся*—двигаюсь, moveor. Русск. *Ша—гъ*, *ша—га—ть*. Мадярск. *шуг* (sug) susurrare, flüstern.

Русск. *шуга*, *шугъ*—шарошъ, шаршъ, сало, первый осенній ледъ который сплошь несется по рѣкѣ. *Шуг—ать* птицъ. Мадярск. *шик* (sik) шумиха, мишура.

Греч. σάω, σήθω—сѣю, просѣваю, вооб. трясу;—σεύω—пугаю, отгоняю, привожу въ быстрое, сильное движеніе=Зендск. *шу*, Литов. *шаути*; σείω—машу, махаю, трясу, движу, потрясаю.

Латин. suo,—sero вмѣсто seso (sa—sa); su—go—сосу.

Русск. *шить*; *сѣ—ять*, *со—са—ть*; старин. *сути* Польск. *суць*—сыпать, лить;—сухой, собст. издающій шорохъ; Латышск. *суст*—сохнуть; Польск. *сусаць*—издавать слабый звукъ, шептать. Мадярск. *си* (szi) сосать; *сип* (szip) saugen; ziehen; Русск. *сипать*, *сѣпать*—дергать, тянуть съ перемежкою. Мадярск. *со* (szó) слово, Слав. *сова*, соб. воющая, stridens. Мадярск. *саг* (szag) запахъ; *сег* (szeg) schneiden, hacken, brechen; subst. Nagel, Zweck, Winkel, die Ecke;—*сел* (szel) scindere, schneiden; subst. Rand, Bord, Saum, die Grenze; Wind; *сак* (szak) кусокъ, отрѣзокъ;—*саб* (szab) рѣзать, кроить; *сабалъ*—выкройка;—*сил* (szil) ulmus, вязъ отъ санскр. si—вязать, какъ, *вязъ* отъ вязать. Мадярск.

сўр (szúr) pungere, stechen, *сўрó* (szúró) pungens, stechend. Древне-нѣм. sûr (sauer), Литовск. *сурус*—salsus, Латыш. *сўрс*,—ж. *сўра*—bittersalzig, herb, unfreundlich; mühsam, Русск. *сырой*, *суровый*, съ перестановкою *суворый*.

Греч. σίζω, корень σιγ—шипѣть. Русск. *сигать*—прядать, прыгать. Польск. *сыкацъ*, *ксыкацъ*—шипѣть, оттуда *сычъ*, *сычугъ*. Русск. сукать, сыкать.—Санскр. *кшу*—niesen, чихать; *кшну*—schleifen, wetzen, schärfen. *Кшу* и *кшну*, какъ *кў* и *кну*—издавать звукъ; *пу* и *пну*—дуть, вѣять, дышать; Русск. *пьэжить*—давить, душить, и греч. πνίγω—душу, удушаю; и пр.—Греч. ξύω,—ξάω—скоблю, чешу, глажу.

Звукоподражательный корень *са*, *си*, *су*—принялъ значеніе—шить, сшивать, соединять, вязать, связывать. Русск. *ши—ть*, Литовск. *сюти*, Латышск. *шут*—suere; Санскр. si, Латышск. *сьт*—вязать, связывать, соединять. Латышск. *сѣта*, *сâта*—изгорода, огороженое мѣсто, дворъ.

Санскр. ghar—горѣть, свѣтить; hrî вмѣсто ghrî—краснѣть. Славян. *горьтъ*, грѣть. Зендск. gar—brennen, leuchten; zar—gelb sein; zürnen. Литовск. *гелтас*—русый, желтый. Санскр. hari вмѣсто ghari—grün; gelb. Литовск. *эселю*—зеленѣюсь; Слав. *зелье*, *зеленый*. Греч. θάλλω вмѣсто ghaljω—цвѣсти, зеленѣть; θαλος вмѣсто ghalos—отпрыскъ, вѣтвь. Мадярск. *галь*—вѣтвь; Чешск. Галицко-русск. *галузь*—вѣтвь. Древне-нѣм. grô—ju—, gruo—ju—vireo; grôni—viridis. Сербск. *грана*—вѣтвь, Русск. *грона*—кисть, гроздъ. Греч. θέλω вмѣсто ghelω—хочу, желаю. Русск. желать. Готск. gairôn, Древне-нѣм. gêrên, gerôn—желать. Литовск. *гороти*—желать;—*гринас*—голый, чистый, Древне-нѣм. hreini—rein,—отъ корня hrî, ghrî—краснѣть, стало быть, и слово *голь*, *голый* отъ корня ghar, собств. красный, какъ *босый* отъ корня bha, bhas—scheinen, leuchten; *нагой* отъ корня *анджа*, первоначал. *анг*—ungere, salben, bestreichen, beschmieren; leuchten.

Санскр. dẑabh, dẑambh (джаб', джамб') schnappen nach, mit dem Maule packen; causat. dẑambhajati (джам-

б'аяти) zermalmen, vernichten. Литовск. *жебти*, Русск. *зобать* — ѣсть, хлебать; ѣсть жадно, торопливо, во всю глотку;—о птицѣ—хватать кормъ клювомъ клевать; о человѣкѣ—хватать, подбирать губами пищу прямо съ руки, изъ чашки, говоря о ягодахъ, заспѣ, толокнѣ и т. п.—*Зубъ*; *зубръ*—первоначально мамонтъ, клыкастое животное.

Санскр. dźrambh (джрамб') вмѣсто grambh—den Mund aufsperren; gähnen;—sich ausbreten, verbreiten, sich ausdehnen, an Umfang gewinnenn. Русск. *глубь*, *глубокій*, Древне-слав. глѫбокъ; грѫбъ—rudis, Мадярск. goromba—crassus, dick, grob.

Санскр. *джвар* — горѣть; — *джал* — hell brennen. flammen; verbrennen; glühen; leuchten;—*джвара*—aufgeregt, in Leidenschaft; *джвала*—flammend, leuchtend, glänzend. Латышск. *звêрôт*—glimmen; *звêрс*—wildes Thier; Либск. (Liwisch) zvêr—wildes Thier; ein Pferd mit weissen Augen; слѣдовательно *звѣрь* собств. ярый, пылающій, съ пылающими глазами.

Отъ корня gar, gal—жрать, глотать, Литовск. *жарна*—кишка; Скандиновск. garn—пряжа; кишки; Нѣм. Garn—пряжа; рубецъ; желудокъ; Слав. желудокъ, соб. ѣдунъ, жрунъ; греч. φαγων—ядца, ѣдунъ, Галицко-русск. *богунъ*—желудокъ, сычугъ; *адро*, *ядро*, *ѣдро*, *нѣдро*, *надро*—нутро. утроба, отъ корня *ад*, *яд*, *ѣд*,—edere; оттуда *надраги*—нижнее платье, покрывающее *надро* и лядвеи,—остегны, порты, штаны, брюки, гачи.

Отъ Санскр, tap=Wärme von geben, warm sein, scheinen, Зендск. tap—brennen, leuchten, произошло слово *тополь*, соб. бѣлая. *Осокорь*, *ясокорь* отъ предлога â и *сокъ*, слѣдовательно, сырое. мягкое дерево; *сокоренки*—сырыя дрова.

Санскр. *джар*—вм. gap—sich in Bewegung setzen; nähen, herbeikommen;—sich hören lassen; rufen, anrufen. Вторич. формы—Латин. gradi—шествовать, итти, ступать: Древне-слав. грѧдѫ (т. е. *гриндом*) иду прихожу. Англосакс. grindan (grand) frendere, molere, fremere; grind—fragor, strepitus. Скандинавск, grind—f. foris,

claustrum, porta. Русск. *грнда* (первон. гринда). Grind отъ gar. какъ нѣм. wi—nden отъ ви—тъ;—*прядать* (приндати) отъ *прати*—volare; *вяднуть*, вянуть, собст. *винднонти* отъ vâ, вѣять, сохнуть на вѣтрѣ; и пр.

Вторичныя формы съ *г*, *нг*. *Та*, *тан*, тѧгати, тянуть. Переть, пру, прѧгати, напрягать, Литовск. *спринг-ти*—давиться. Ga, gam—ire; Нѣм. Gang. *Драть*, *дергать*, *дрягать* первон. *дрингати*, оттуда Польск. драгъ (т. е. дронгъ), стягъ, рычагъ,—прати, volare, нѣм. spr—ingen. Корень *пар*—измѣнился въ *пру*, *плу*, оттуда Русск. прыгать, Западно-русск. *плы—гать*;—Литовск. спру—*г*—*ти*—убѣжать, удрать; Южно-слав. *пру—са-ти*—ѣхать рысью.

Вторич. формы съ *м*.

Санскр. bhar Литовск. *барти*—reprehendere, vituperare. Древне-нѣм. briman (bram) fremere; Латинск. fremo вм. bhremo;—оттуда frendeo вм. bhrendeo, bhremdeo.

Санскр. bhar—ferri, sich schmell hinbewegen, нестись; bhram—носиться туда и суда; Слав. *брести*, *бродить*.

Корень *кар* (kar) жарить, печь, откуда *чер—ный*, *чер—тв*; *чер—енъ*. Санскр. çra вм. kra—coquere, Латин. cremo—жгу, сожигаю.

Литовск. *карти*—вѣшать; *карети*, *кароти*—висѣть; Греч. κρεμάω, κρεμάννυμι—вѣшаю, откуда Русск. *коромысло*—собст. орудіе для вѣшанья, на чемъ виситъ что нибудь.

Русск. *переть*, *пру*, Латин. premo. Зендск. gar—herabfallen; schwer sein: Латышск. *грімт*—опускаться, осѣдать, погружаться во что—Слав. *грѧзати*, *грѧзнѫти*, т. е. *грин—за—ти*, гринзнонти вмѣсто *гримзати*, гримзнонти.

Корень *пар*—ударять, бить. Западно-русск. *прать*, *перу*—ударять, колотить валькомъ бѣлье, мыть, стирать. *Баба хусты переть*. Литовск. *перти*—бить, колотить; хлестать вѣникомъ, парить, мыть (въ банѣ),—оттуда—*пиртис*—баня; *пиркя*—черная изба. Русск. *перть*—черная изба.

Корень *пар* измѣнился въ *пал*, оттуда *пала*, *палка*, *палица*, *палачъ*. *Кому честь да хвала, а намъ кій да пала.*

Форма *пал* измѣнилась въ *пла*. Литовск. *плоти*, *плати*—ударять, хлопать. Латышск. *плâт*—площить, плющить, хлопая по чему либо мягкому; оттуда—Латинск. planus—ровный гладкій, плоскій;—Литовск. *плонас*, *планас*—тонкій;—Латышск. *плâнс*—ровный, гладкій, плоскій, тонкій; слабый.

Вторич. форма съ *к*.

Литовск. *плакти*—ударять, бить, сѣчь.

Латышск. *плакт* наст. *плôку*, первонач. *планку*—становиться плоскимъ, расплюснутымъ; оттуда Русск. *планка*.

Древне-слав. *плакати*, *пласкати*—полоскать, мыть.

Латинск. placo—успокоиваю, укрощаю, усмиряю, стараюсь успокоить, умилостивить, собств. слегка хлопаю, поглаживаю.

Греч. πλήσσω (корень πληγ) бью, рублю, сѣку, поражаю. Латинск. plango—ударяю себя въ грудь, рыдаю, голошу.

Литовск. *плакас*—слабый. Древне-слав. *плахъ*—timidus, пугливый, робкій; *плахъ*—timor, страхъ. Русск. *плохой*, *полохать*, *полошить*. Греч. πλάξ, πλακός—доска, бляха, листъ; равнина, плоскость; Слав. *плече*—первонач. спинная лопатка. Греч. πλατύς—гладкій, широкій, ровный, пространный.

Корень *ра*, *ри*, *ру*—двигаться. Санскр. ri, ru,—ran, rakh, rikh, lakh, likh—ire, se movere. Зендск. rag—springen, erheben,—ratha—Wagen;—rap—gehen; rud—fliessen.

Кельтск. Верхне-шотландск. rá—s. m. a going or moving, motus, progrediendi actus;—reth—currere; cursus. Бретонск. ret—cursus; Валлійск. rhedu—currere.

Литовск. *ритети* наст. *риту*—катиться; *ратас*—колесо, множ. *ратай*—телѣга—*Лекти*, *лакѣти*—летѣть, летать.

Русск. *рѣять*, *ристать*;—*Летъ*, *летѣть*=кельтск. ret—currere; cursus.

Перестановка буквъ.

Перестановка буквъ, или слоговъ дѣло довольно обыкновенное, напримѣръ: *длань, долонь, ладонь; трезвый и тверезый;—пеку*, Литовск. *кепу*; Литов. *даржас* вмѣсто *жардас*—огородъ. Славянскій языкъ тѣмъ отличается отъ прочихъ Арійскихъ языковъ, что ставитъ гласныя послѣ плавныхъ, напримѣръ: *градъ* вмѣсто *гардъ*;—*вранъ* вм. *варнъ*; *крава* вм. *карва*;—*храна* вм. *харна*;—*глава* вм. *галва* и пр. Въ языкѣ, или вѣрнѣе, въ говорѣ Балтійскихъ Славянъ остались по большей части старинныя формы, напримѣръ: *карва, харна, гардъ* и пр.; но замѣтны уже и слѣды перестановки, на пр. *глава* вмѣсто первональн. *галва*. Перестановка идетъ съ самыхъ древнѣйшихъ, отдаленнѣйшихъ временъ; слѣды перестановки можно замѣтить въ самой, такъ, сказать, колыбели языка, въ самомъ его зародышѣ. Самые простѣйшіе глагольные корни состоятъ изъ одной согласной съ гласною, напримѣръ: *ва*—flare, вѣять, дуть;—*па*—bibere, пить; *на, нў*—se movere, двигаться, плавать и пр. Вмѣсто формы *вā*—flare spirare, въ Греческомъ находимъ форму *ав*, оттуда ἀβῶ, ἄβημι, ἄω, ἄημι—вѣю, дую. Рядомъ съ корнемъ *па*—пить, стоитъ слово *ап*—вода, собственно питье. Отъ корня *нā*—двигаться, плыть, плавать, Латинск. no, греческ. νέω, произошло греческое νῆσσα—утка, собственно *плавающая*; отъ неупотребительной формы *ан*—двигаться, плавать, произошли слова—Нѣмецкое Ente, Литовск. *антис*, или *унтис*, Русск. утка, первонач. *унтка*, жтка—собств. плавающая. (У южныхъ Славянъ утка называется *пловка*, т. е. плавающая).

Съ корнемъ *да*—дѣлить, раздѣлять, родственъ корень *ад*—edere, ѣсть, собств. дѣлить, раздроблять пищу зубами. Корень *ат*—gehen, wandern, ходить, родственъ съ корнемъ *та—к* (собственно вторичная форма отъ первоначальной *та=ат*)—двигаться, ходить, течь. Санскритское *ис*—бросать, метать, Латинское sero вмѣсто seso (съ удвоеніемъ) сѣю; Нѣмецк. säen, Русск. сѣять.

Въ санскритѣ, кромѣ формы *ап*—вода, собственно питье, существуетъ другая форма *апа*—вода. Ромунское *апа*—вода, Латинск. aqua вмѣсто apa (какъ напримѣръ, quinque вмѣсто pinque, quintus вм. pintus, pinctus); Литовск. *упе*—рѣка собств. вода. Въ названіяхъ рѣкъ *Ангер—апъ* и *Голд—апъ* (въ Восточной Пруссіи), сохранилась первоначальная форма *ап*—рѣка.

На Руси и въ прочихъ Славянскхъ земляхъ находятся рѣки—*Упа*, *Опа*, *Опава*, и пр.

III.

ЧУДСКІЕ ЯЗЫКИ.

Чудь, то есть, Финское племя, искони находилось съ сношеніяхъ съ Арійцами, а потому и неудивительно, что въ Чудскихъ нарѣчіяхъ попадаются чисто арійскія слова, напримѣръ:

Финское paimen, родит. paimenen—pastor, custos gregis—Греч. ποιμήν, ένος—пастырь, пастухъ; предводитель, правитель, властитель. Литовск. *пѣмô* родит. *пѣменѣс*—пастухъ.

Karja—armentum, Rindviehherde, bes. weidende. Санскр. *чар*, первонач. *кар*—ходить, туда и сюда, пастись, пасти; слѣдовательно, karja значитъ собств. пасущееся, пасомое. Южно-слав. *кардо*, *кърдо*,—Западно-русск. *череда*—стадо, собств. ходящее по пастбищу, пасущееся, пасомое.

Palan—flagro ut ignis, ardeo, uror ut lignum, brennen, flammen. Арійскій корень *пар*, *пал*—горѣть, грѣть. Русск. *прѣть*, *парить*, *палить*, *пылать*, *пламя*, *поломя*, *половый*, *пепелъ*, Западно-Русск. *попелъ*, и пр. Древне-слав. *плавъ*—albus, Литовск. *палвас*, ж. *палва*,—*палшас*, ж. *палша*—половый, falb; *пилкас* ж. *пилка*—сѣрый, смурый; *пеленай*—зола, пепелъ; *пела*, *пеле*—мышь, собств. сѣрая, смурая, и пр. Греч. πελ—όϛ, πελ—ιόϛ, πελ—λόϛ, πελιδνόϛ—темносиній, какъ мѣсто затекшее кровью; блѣдный;—πολιόϛ—бѣловатый, сѣрый. Лат.

palleo—блѣднѣю, pallidus—блѣдный. Санскр. *палита* (palita) grau.

Sulo—jucundum quid, etwas angenehmes. Санскр. и Кельтск. su, Зендск. hu,—благо, bene. Древне-слав. *сулье*—лучше.

Karsas, karsa, karsia—obliquus, distortus, curvus; schief—косой, кривой. Греч. χάρσιος,—тоже самое.

Sota родит. sodan—bellum, praelium, pugna, Либское (Liwish) soda, suoda—бой, война. Русск, *саданутъ*—[illegible] ударить. *Судины, Судовичи*—Литовско-русск. народецъ, называемый въ Русскихъ Лѣтописяхъ Ятвяги, въ Польскихъ *Ятвинги* или *Польшане*.

Wanja (т. е. вâя) palus terrae infixus, Pfahl, it. cuneus, Keil—Русск. свая.

Walka, walkama—Anfurt, Landungsplatz. Русск. *волокъ, волоку*.

Wari—fervidus, i. e. aqua, kochend, heiss. Слав. *врѣти, варити, варъ*, Нѣм. warm.

Welho—Hexe, Beschwörer—*Волхвъ, волхва*, корень *вар*, *вил*—издавать звукъ, оттуда Южно-слав. *вѣлити*—говорить, вѣщать; Польск. Чешск. *волать*—звать кликать. Древне-слав. *вълсати*—говорить невнятно, бормотать. Мадярск. *олас* вмѣсто *влас*—Итальянецъ, *олах* вмѣсто *влахъ*—Волохъ, Румынъ,—Славянск. *влахъ, влохъ, власи*—человѣкъ романскаго племени, собств. говорящій невнятно, бормочущій.

Либское sund—strafen, richten. Эстонск. sundja—Richter, судья. Древне-прусск. *сунда*—Strafe; *сундинвей*—strafen; Латышск. *сôдит* (первонач. *сундити*) strafen. Замѣчательно, что Чудь заимствовала русское слово *судья* еще въ то время, когда въ Русскомъ языкѣ существовали носовые звуки, *сунсти*, *сундья*. Встарь, судья разбиралъ дѣла, и самъ исполнялъ рѣшенія, и приговоры суда, самъ виновныхъ наказывалъ, потому слово *сундити, судити* получило значеніе—наказывать, почему и Старо-польское слово *оправца*—судья, стало означать палача, живодера.

Кстати, сказать, не всѣ ученые знають первона-

чальное значеніе слова *законъ*. Слово *законъ* первоначально значило обычай, обыкновеніе, consuetudo, и въ этомъ значеніи доселѣ употребляется у Албанцевъ (Шкипетаровъ) ζαχον—Gebrauch, Gewohnheit.

Дополненіе къ развитію корней.

За настоящіе корни мы считаемъ самые простѣйшіе элементы, наприм. *Ва*, *ви*, *у*—Laut von sich geben, sonare, sonum edere. Русск. *ва—ять*—кричать, вопѣть, выть. Вторичныя формы—*вач* (первонач. *вак*), *вад*,—*вар* измѣн. *вал*—сербск. *вальти*—dicere, jubere; Чешск. *волати*—clamare, vocare, invocare, *вам*—vomere собств. извергать со звукомъ.

Ва—нъ и *ва—нтъ* (**кать**) названіе Славянъ, собств. говорящій.

Та, *ти*, *ту* (*с—та*, *с—ту*)—издавать звукъ, звучать—Laut von sich geben.

Та, *ти*, *ту*—extendi, tumescere- crescere, fortem, robustum esse; transitive—extendere.

Слав. *ты—ти*; *ты—ло*; Польск. *таловиты*, *ты-ловиты*—corpulentus. Вторич. формы:

Тан—extendere, Латинск. ten—dere.

Тар (*с—та—р*)—ausbreiten, bedecken. Латинск. tu—mere, tur—gere и пр.

Ка, *ки*, *ку*—sumere, capere. Греч. *χ(τ)αομαι* вмѣсто *χάομαι*—собств. sibi sumere; für sich nehmen—беру для себя, пріобрѣтаю для себя, доставляю себѣ, получаю во владѣніе. Санскр. *с—ку*, съ предлогомъ *а*, то есть *а—ску* arripere, capere. Латышск. *скаут*—(skaut) fassen, umfassen, umarmen. Вторич. формы. Кап, Латин.

capere. Русск. *хапать*, *цапать*, *чепать*. Славян. *скотъ* собств. пріобрѣтенное; *котъ*—собѣть, captator, ловецъ.

Кар—Латышск. *керт*, *чарт*—имѣть, брать, ловить. Южно-русск. *черти*, наст. *черу*—брать, черпать, откуда, *черенъ*, — *чер* — *пать*. — *Каб*—*киб*—литовск. *кибти* — хвататься за что либо, цѣпляться; *кабети*—висѣть, и пр.

Ва, *ви*—ire, trans. ducere, gehen, führen. Санскр. *ви* (vî) ire; ducere. Вторич. формы: vadh, vagh, vah—веду, везу.

Ка, *ки*, *ку*—ruhen, ausruhen, ruhig verweilen—покоиться, отдыхать, почивать. Санскр. çi,—Греч. *κεῖμαι*.—Санскр. ksa, ksi вмѣсто s—ka, s—ki—ruhig verweilen; ksaja вмѣсто s—ka—ja—Wohnung, Wohnsitz, Aufenthalt.

Ра, *ри*, *ру*—ruhen, ausruhen, ruhig verweilen. Нѣм. Ra—st; Ruhe. Албанск. *рй*—(ρῖ) покоиться, почивать. Вторич. форма—Санскр. *рам*—still stehen, ruhen; bleiben, gern bleiben; active—zum Stillstehen bringen, festmachen. Литовск. *римти*—покоиться, находиться въ состояніи совершеннаго спокойствія. Слав. *логъ*, *логово*, *лежать*, Готск. ligan, lag—лежать, и пр.

Ра измѣн. *ла*—sumere, capere; откуда *ла*—*па*, *лапать*. Втор. фор. Санскр. rabh—fassen, umfassen. Латин. rapere.

Касательно сочетанія *кс* (ks) въ началѣ Санскритскихъ словъ, можно положительно утверждать, что сочетаніе *кс* возникло черезъ перестановку изъ *ск*, напримѣръ: kar, s—kar, ksar,—fliessen, strömen;—ka, s—ka, ksa (ksâ) urere, оттуда вторич. форма kar, kal, Латин. caleo, Русск. *чер*—*тъ* собств. черный,—*черно*, *карій* и пр.—Ksi вмѣсто ki, s—ki—ruhig verweilen;—Ksud вмѣсто s—kud (сравн. Латин. cudere)—stampfen, zerstampfen, zerreiben, откуда Санскр. Ksudra сравнительн. степень Ksôdîjas вмѣсто s—kudra, s—kaudîjas—klein, winzig; Русск. *скудость*, *скудить*, *худой*, Литовск. *кудас*, *скаудети*—болѣть и пр. Санскр. ksupa, ksumpa вмѣсто

Kump вмѣсто s—kumpa—Staude, Busch, Русск. *курица*.— Ksubh вмѣсто s—kubh—agitare, Литовск. *скубети*—спѣшить, Готск. skiuban—schieben; Ksur вмѣсто s—kur—scheiden, graben, kratzen, scharren,—и пр. и пр.

Ст. Микуцкій.

ОБЩІЕ ВЫВОДЫ

Изъ Филологическихъ наблюденій.

Первоначальные корни не многочисленны, а именно:
1) Ka, ki, ku, ak или kha, khi, khu, akh.
2) Ga, gi, gu, ag или gha, ghi, ghu, agh.
3) Ta, ti, tu, at, или tha, thi, thu, ath.
4) Da, di, du, ad или dha, dhi, dhu, adh.
5) Pe, pi, pu, ap или pha, phi, phu, aph.
6) Ba, bi, bu, ab, или bha, bhi, bhu, abh.
7) Ma, mi, mu, am.
8) Na, ni, nu, an.
9) Ra, ri, ru, ar или la, li, lu, al
10) Ja, i, ju, aj.
11) Va, vi, u, av.
12) Sa, si, su, as.

Первоначальныхъ, коренныхъ понятій тоже не много, а именно:

1) Sonare, sonum edere.—Звучать, издавать звукъ, говорить;—говорить съ самимъ собою, мыслить, думать; думать, заботиться, помнить объ чемъ;—звукъ, слухъ, ухо, слушать, слышать;—звукъ, ротъ, уста, горло, шея (орудія звука).—Издавать радостные клики, радоваться, быть веселу.

2) Ire, se movere.—Итти, двигаться;—приводить въ движеніе, двигать, тянуть, нести, вести, везти, бросать, сыпать, сѣять, лить, рождать (Junge werfen) и пр.

3) Splendere, lucere—Сіять, свѣтить, горѣть, грѣть, жечь, печь, жарить, морозить и пр. Свѣтъ, блескъ, око, глазъ, смотрѣть, глядѣть, видѣть, знать и пр.

4) Ударять со стукомъ, стучать, бить, рубить, рѣзать, дѣлить, вооб. дѣлать, творить, производить и пр. Кость, камень, мѣдь, желѣзо, металлъ (первон. орудіе для рубки и т. п.);—рѣзъ, черта, край, рубежъ, предѣлъ, конецъ, начало

5) Flare, spirare; inflare, tumescere, crescere, florere; fortem, robustum esse, valere, posse.

6) Tegere.—Крыть, покрывать, укрывать; хранить, беречь; скрывать, таить; скрывать правду, лгать, обманывать; ложь, обманъ.

7) Sumere, capere.—Имать, брать, хватать, ловить, пріобрѣтать, покупать;—брать, собирать, копить; куча, купа и пр.

8) Соединять, вязать, связывать, вить, свивать, вязти, плести, ткать.

9) Находиться, пребывать гдѣ либо, быть, жить, стоять, сидѣть, лежать, покоиться.

10) Желать, хотѣть, любить.

Такъ называемые *Сѣверные* или *Туранскіе* языки, а именно: Манчу, Монгольскій, Тюркскій и Финскій, не составляютъ самостоятельнаго семейства языковъ, а суть отпрыски Арійскаго или Индо-Европейскаго семейства языковъ.

Изложеніе всего этого составитъ предметъ дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованій.

Ст. Микуцкій.

СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Янъ Амосъ Коменскій

(по «Научному Словнику» Ригера.)

Янъ Амосъ Коменскій, знаменитый чешскій педагогъ 16 в., послѣдній епископъ моравской общины, род. въ 1592 г., въ Моравіи, въ мѣстечкѣ Нивкицахъ, неподалеку отъ венгерскаго города Бродъ. Отецъ его былъ мельникъ. Коменскій остался сиротою въ самомъ юномъ возрастѣ и, кажется, съ достаточнымъ состояніемъ. Но опекунъ его мало обращалъ вниманія на воспитаніе ребенка, вслѣдствіе чего ему удалось поступить въ школу на 16-мъ году возраста. Это обстоятельство не осталось однако безъ хорошихъ послѣдствій для Коменскаго, потому что дало ему возможность здравымъ возмужалымъ разсудкомъ понять всю несостоятельность и превратность тогдашняго способа воспитанія. Прошедши элементарный курсъ ученія, онъ посвятилъ себя на служеніе церкви братской общины и отправился, по тогдашнему обычаю, въ нѣмецкую школу въ Герборкѣ, а оттуда въ 1612 г. поступилъ въ Гейдельберскій университетъ, гдѣ въ то время въ полномъ ходу было кальнивисткое ученіе, наиболѣе близкое по духу къ ученію Моровскихъ братьевъ. Въ 1616 г. Коменскій оставилъ Гейдельбергъ и отправился въ Голландію. Въ томъ же году онъ возвратился въ Моравію и по порученію земскаго гетмана, знаменитаго Карла изъ Жеротина, принялся за устройство братской

школы въ Преровѣ. На 20 г. онъ былъ сдѣланъ священникомъ и назначенъ проповѣдникомъ, неизвѣстно однакожъ куда. Въ 1618 г. онъ былъ назначенъ смотрителемъ школы и проповѣдникомъ въ братской общинѣ въ Фульнекѣ, который былъ въ то время главнымъ сѣдалищемъ Моравскихъ братьевъ, и пробылъ въ этой должности три года. Съ 1618 г. наступили тяжкія времена для Богеміи; битва при Бѣлой горѣ разстроила на цѣлое столѣтіе судьбу Чешскаго народа. Въ 1621 г. испанскія войска, посланныя на помощь Фердинанду II, сожгли дотла Фульнекъ. Въ этомъ пожарѣ погибли книги и рукописи Коменскаго. Въ слѣдующемъ году поднялось гоненіе на братскую церковь и въ особенности на проповѣдниковъ; это заставило Коменскаго бѣжать къ Карлу изъ Жеротина, который оставался вѣренъ Фердинанду, не принималъ участія въ возстаніи а потому пользовался свободой самъ и давалъ у себя охрану и защиту духовнымъ лицамъ братства. Въ эти смутныя времена Коменскій потерялъ жену и двухъ дѣтей. Но тяжкія обстоятельства не сокрушили его духа, и тогда же появилось интереснѣйшее его твореніе: «Лабиринтъ свѣта и рай сердца» (на Чешск.), посвященное Карлу. Въ этомъ сочиненіи онъ старается доказать ничтожество всѣхъ вещей міра сего и то, что истинное успокоеніе можно найти въ одномъ только Богѣ. Но императорскіе комиссары не равнодушно смотрѣли на Карла за доставляемую имъ охрану проповѣдникамъ братства; поэтому уже въ 1624 г. Коменскій принужденъ былъ оставить свое убѣжище и скитаться по лѣсамъ и пещерамъ, скрываясь отъ преслѣдовавшихъ враговъ. Среди такихъ обстоятельствъ появилось другое его сочиненіе, по направленію сходное съ первымъ, подъ названіемъ: «Hlubina bezpečnosti» (глубина безопасности). Въ 1626 г. онъ путешествовалъ въ Польшу, гдѣ также были единовѣрныя братскія общины, и по возвращеніи оттуда жилъ нѣкоторое время въ имѣніи другаго покровителя братстви, Юрія Садовскаго изъ Слупна, въ Исполиновыхъ горахъ, и здѣсь же принялся за сочиненіе своей великой дидактики. Въ 1628 г. из-

гнаны были изъ Чехіи и Моравіи единственные защитники братьевъ, Карль и Садовскій, а потому и Коменскому не оставалось мѣста на родинѣ. Въ концѣ Янв. 1628 г. онъ отправился въ Польшу и поселился со многими другими братьями въ Лешнѣ, на границѣ Силезіи. Здѣсь онъ также принялся за устройство гимназіи и за обработку своей дидактики и плодомъ этихъ занятій были три сочиненія на Чешскомъ языкѣ: «Большая дидактика», «Материнская школа» и «Простонародная школа», Въ этихъ сочиненіяхъ Коменскій караетъ недостатки тогдашнихъ школъ, которыя не давали юношеству никакихъ задатковъ для общественной жизни, гдѣ учили только словамъ, но не показывали самыхъ вещей, гдѣ изучали только древніе языки и пренебрегали своимъ роднымъ. У него такимъ образомъ составился планъ проложить новую дорогу къ разумнѣйшему изученію языковъ, и вслѣдъ за этимъ въ 1629 г. онъ издалъ въ Лешнѣ соч. подъ заглавіемъ «Janua lingnarum», которое было переведено на всѣ европейскіе языки и даже на нѣкоторые азіатскіе (Арабскій, Турецкій и Персидскій) и пріобрѣли ему славу во всемъ тогдашнемъ мірѣ. Въ 1632 г. на всеобщемъ сеймѣ братьевъ въ Лешнѣ, Коменскаго выбрали старшиною и поручили ему написать исторію тяжкихъ гоненій на чешскую церковь, а также о церковномъ устройствѣ и наказаніяхъ въ общинѣ; въ тоже время онъ велъ полемику съ извѣстнымъ противникомъ братства, Сам. Мартиніусомъ. За тѣмъ вступилъ въ дружественную переписку съ лондонскимъ ученымъ, Самуиломъ Гартлибомъ, который просилъ отъ Коменскаго болѣе полнаго разъясненія, какимъ образомъ на основаніи его «Janua linguarum»: «необходимо» писалъ онъ, составить связь всѣхъ человѣческихъ знаній и при томъ такъ, чтобы они расположены были въ ясной, органической связи и представляли бы одно цѣлое.» Вслѣдствіе этого Коменскій написалъ небольшое разсужденіе «Conatunm comeniarum Praeludia» и послалъ его въ Англію, гдѣ Гартлибъ и напечаталъ его въ непродолжительномъ времени (Оксф., 1637.); въ 1639 г.

въ Лондонѣ же напечатано было и другое его сочиненіе: «Pansophiae prodromus». Сочиненія эти обратили на Коменскаго еще большее вниманіе ученыхъ. Въ 1638 г. шведскій канцлеръ Оксенштирна, завѣдывавшій, по смерти Густава Адольфа, государственными дѣлами Швеціи, прислалъ Коменскому приглашеніе прибыть въ Швецію и принять на себя трудъ преобразованія школъ. Коменскій отказался отъ приглашенія, но писалъ, чтобы ему прислали свѣдущаго человѣка, которому онъ могъ бы помогать своими совѣтами. За тѣмъ послѣдовало интереснѣйшее приглашеніе въ Англію, гдѣ основывалась цѣлая пансофическая коллегія, устройство которой думали поручить Коменскому, на что послѣдній и согласился. Онъ прибылъ въ Лондонъ 21 Сент. 1641 г. и встрѣтилъ самый радушный пріемъ, который возбудилъ въ немъ самыя отрадныя надежды привести въ дѣло свои педагогическія идеи. Но, возникшая въ то время, роковая распря Карла I съ парламентомъ, угрожавшая гражданскою войною, помѣшало его замысламъ. Коменскій оставилъ Лондонъ и отправился въ Авг. 1642 г. къ богатому шведскому покровителю наукъ, Людовику Гееръ. Здѣсь главное вниманіе его обращено было на устройство школъ. Но не будучи въ состояніи переѣхать съ семействомъ въ Швецію, Коменскій уступилъ однакоже неотступному желанію и поселился въ Эльбингѣ, откуда могъ по крайней мѣрѣ чаще и удобнѣе посѣщать Швецію. Написавъ здѣсь Pansophiae Diatyposis, онъ весь предался составленію книгъ для школьныхъ потребностей и занимался этимъ дѣломъ вплоть до 1648 г. Въ тоже самое время онъ посѣщалъ братскіе съѣзды въ Польшѣ и писалъ въ пользу религіозныхъ разногласій. Въ 1648 г. Онъ отправился въ Швецію со всѣмъ, что было приготовлено имъ для школьнаго дѣла. Коммиссія, наряженная для разсмотрѣнія этихъ трудовъ, приняла ихъ съ восторгомъ и поручила Коменскому снова пересмотрѣть ихъ и напечатать. Коменскій два года занимался этимъ дѣломъ и издалъ все въ 1648 г. Важнѣйшее изъ этихъ сочиненій есть его «Methodus linguarum». Это философское

ученіе о рѣчи и ея образованіи, гдѣ Коменскій вопреки прежней рутинѣ, напоминаетъ ученымъ того времени, что пора оставить безполезную разработку латыни и приняться за родные языки. Въ 1648 г. Каменскій возвратился въ Лешно для занятія епископской каѳедры. Тогда-то онъ могъ обратить большое вниманіе на ввѣренное ему стадо и написалъ нѣсколько сочиненій въ пользу церкви, изъ которыхъ важнѣйшія: «Lositského kniha osma z historie Bratři» и Kšaft umirajici matky jednoty bratrské», 1650 г. Въ то же время подъ его руководствомъ устроена была гимназія въ Сиряковѣ (въ Польшѣ) и снова явилось приглашеніе въ Венгрію, отъ молодаго князя Сигизмунда Ракочія, который просилъ Коменскаго принять на себя устройство и преобразованіе венгерскихъ школъ. Коменскій принялъ предложеніе и отправился въ Венгрію въ маѣ 1650 г. Здѣсь онъ задумалъ основать по своимъ идеямъ школу (въ шарпіскомъ покоѣ) и написалъ нѣсколько сочиненій, стараясь пробудить въ Венграхъ любовь къ наукѣ и къ энергической обработкѣ роднаго языка. Здѣсь же появился и его знаменитый «Orbis pictus», въ которомъ онъ старался недостатокъ самыхъ вещей восполнить по крайней мѣрѣ образами ихъ. Но не такъ-то легко было ему провести въ жизнь свои любимыя идеи, ибо ему приходилось бороться съ тупоумными учителями стараго направленія; по смерти же молодаго князя онъ совсѣмъ потерялъ надежду на успѣхъ и, считая безполезнымъ дальнѣйшее пребываніе въ Венгріи, возвратился съ семействомъ въ Лешно, гдѣ требовали его церковныя дѣла. Но и здѣсь онъ не долго оставался въ покоѣ: въ слѣдующемъ году возникла война между Швеціей и Польшей, и Лешно было занято Шведами; когда Поляки снова возвратили его, то уже не оставили камня на камнѣ. Братская община пришла въ совершенное разстройство. Коменскій лишился своего имущества, и потерялъ большую часть рукописей, плодъ неусыпныхъ двадцати-лѣтнихъ трудовъ на пользу науки; особенно невознаградима была потеря матеріаловъ, собранныхъ имъ для Чешско-латинскаго и Лати-

но-ческаго словаря, который, какъ говорилъ самъ Каменскій, «послужилъ бы для обработки языка, быть можетъ, болѣе совершенной, чѣмъ какую могъ имѣть всякій другой языкъ». Коменскій бѣжалъ сначала въ Силезію, «къ нѣкоему магнату, потомъ отправился въ Амстердамъ по приглашенію сына Людовика Геоеръ, въ 1656 г. Здѣсь, по совѣту своихъ друзей и покровителей, онъ издалъ все, что было написаню для устройства школъ, подъ названіемъ: «Comenii didactica opera omnia», 1657 г. Въ слѣдующихъ годахъ онъ издалъ еще нѣсколько сочиненій религіозно-мистическаго содержанія (Jadro cele bible, smutny hlas zaplašeného hněvem božiem pastyře k rozplašenému hybnoucimu stadu). Послѣднее сочиненіе его было: «Unum necessarium», на Чешск. и Лат. языкахъ.

1667 г., Ноября 15 Каменскій умерь на 80 г. жизни, въ Амстердамѣ, и погребенъ въ Нордонѣ.

О внѣшнемъ видѣ Коменскаго можно судить по потретамъ, которые часто снимали съ него, особенно по потретамъ знаменитаго художника Вацлава Гальяра, чешскаго эмигранта въ Лондонѣ. Видъ Коменскаго отличался важностью; онъ имѣлъ широкую бороду и чрезвычайно ласковый взглядъ. Благородство чувствъ, доброжелательство и истинная заботливость составляли главныя нравственныя качества Коменскаго (ср. Палацк. «Жизнь Каменскаго» Časop. cesk. Muz., 1829, отд III).

Коменскій безспорно принадлежитъ къ знаменитѣйшимъ людямъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Своими сочиненіями (Opera didactica omnia, Амст. 1657; Janua linguarum, Лешно, 1631; Orbis sensualium pictus, 1658; Didactica, Praha, 1849; Informatorium školy mateřské, v Praze, 1858) онъ произвелъ реформу школьнаго дѣла и воспитанія въ половинѣ 17 в. Онъ выгналъ изъ школъ мертвящій механизмъ и ввелъ въ нихъ реальныя знанія и изслѣдованіе природы (при помощи нагляднаго метода обученія и внимательнаго разсмотрѣнія причинъ, обнаруживающихся въ явленіяхъ природы. Ему первому принадлежитъ ясная и твердая мысль, что юношество должно закладывать фундаментъ своихъ знаній на народномъ язы-

кѣ, а чужіе языки изучать при помощи нагдядныхъ образовъ самыхъ вещей, — требованія, которыя и до настоящаго времени не выполняются въ нашихъ школахъ.

Не меньшую знаменитость пріобрѣлъ Каменскій и своими философскими трудами (Pansophia), хотя они написаны отрывочно, въ формѣ афоризмовъ. Сюда принадлежатъ: Prodromus Pansophiae, 1644; Pansophiae diatyposis, 1645; Conatuum pansophicorum dilucidatio, 1645; Via lucis vestigata et vestiganda, 1668; Unum necessarium, 1668; Panegersia et Panargia sev: De rerum humanarum emendatione consultatio. Въ своей Пансофіи Коменскій старался ограничить весь выборъ знаній дѣйствительнымъ количествомъ понятій и представить ихъ въ порядкѣ и въ органической связи. Для этой цѣли онъ раздѣлилъ ее на три отдѣла. Въ 1-мъ отдѣлѣ (Pansophia въ болѣе тѣсномъ смыслѣ) онъ изслѣдуетъ первоначальныя основанія понятій, во 2-мъ (Panhistoria) опредѣляетъ выборъ дѣяній, въ 3-мъ (Pandogmatic) классифицируетъ и сравниваетъ матеріалы. Въ области метафизики Коменскій также обнаружилъ самостоятельность воззрѣній. Ближе всего онъ придерживался Платонова ученія объ идеяхъ, но понималъ его совершенно самостоятельно и въ смыслѣ христіанскомъ. Міръ, по его воззрѣнію, безконеченъ и представляетъ гармоническій рядъ естественныхъ образовъ, воплотившихъ въ себѣ идеи; эти идеи суть произведенія верховнаго божественнаго разума, который вложилъ ихъ въ матерію, какъ самодвижущіеся факторы и предоставилъ имъ собственною силою достигать индивидуальнаго развитія. Такимъ же духомъ проникнута и его философія природы (Phisicae ad lumen divinum reformandae synopsis, 1633). Въ бытописаніи Моисеевомъ онъ усматриваетъ три принципа, три начала: начало матеріи (страдательное), начало свѣта (дѣятельное) и начало духа (дѣятельное и страдательное вмѣстѣ) и выводитъ изъ нихъ все образованіе міра въ постепенномъ порядкѣ. Въ самомъ началѣ было газообразное состояніе, потомъ происходило постепинное охла-

жденіе, или образованіе конкретныхъ міровъ, за тѣмъ появились растенія, звѣри и люди.

Коменскій, по свидѣтельству его знаменитаго жизнеописателя, Палацкаго, написалъ 42 сочиненія, изъ которыхъ 33 на Чешскомъ языкѣ. Одно это свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности этого великаго человѣка. Кромѣ ученыхъ сочиненій особеннаго вниманія заслуживаютъ упомянутыя уже выше сочиненія: Labjrinth světo a raj srdce (отъ 1863 до 1869 г. 7 изданій), въ которомъ въ формѣ путешествія живо и занимательно изображается жизнь всѣхъ вещей на землѣ; Hlubina bezpečnosti—по содержанію одинаковое съ предъидущимъ, съ тою только разницей, что въ немъ уже нѣтъ никакой образности и никакой поэтической окраски. Къ концу своей жизни Коменскій впалъ въ мистицизмъ, что весьма повредило ему во мнѣніи ученыхъ и даже заставило его вступить съ ними въ полемику для защиты своей славы. Такъ онъ писалъ противъ Арнольда: «Vindicatio famae suae contra Mic. Arnoldum», противъ Самуила Марезія: «Admonitio fraterna ad Sam. Maresium de zelo sine scientia et charitate.»

Кромѣ всѣхъ другихъ достоинствъ сочиненія Коменскаго представляютъ совершеннѣйшій образецъ языка и слога, который не потеряетъ своей цѣны до тѣхъ поръ, пока существуетъ Чешская рѣчь.

Сочиненія о Каменскомъ: K. Štorcha, J. A. Kamenského snahy pansophické v Časop. česk. Mus., 1857, sv. III и IV; Komenského Panegersie v Časop. česk. Mus., 1861 г. sv. III; Leibnitz und Comenius ein Vortrag von Dr. E. B. Květ. въ Abhandl. d. k. böhm. Gesch. d. Wiss. Praha, 1857 г.

П. Понырко.

НАУКА О ЯЗЫКѢ.

НОВЫЙ РЯДЪ ЧТЕНІЙ

Макса Мюллера.

ЛЕКЦІЯ X.

Юпитеръ—высшее Арійское божество.

Не много заблужденій такъ сильно распространилось и такъ глубоко вкоренилось у насъ, какъ заблужденіе, вслѣдствіе котораго мы смѣшиваемъ религію древнихъ народовъ съ ихъ миѳологіею. Въ прежнихъ моихъ лекціяхъ я старался объяснить, какимъ образомъ миѳологія необходимо и естествено, происходитъ и мы видѣли, что миѳологія, какъ болѣзненное состояніе языка, можетъ заразить каждую часть интеллектуальной жизни человѣческой. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе всѣхъ подлежатъ миѳологической болѣзни религіозныя понятія, потому что они выходятъ изъ той области непосредственнаго нашего наблюденія, въ которой языкъ имѣетъ свое естественное происхожденіе; поэтому, согласно съ истинною ихъ природою, они должны довольствоваться метафорическими выраженіями. То, чего не видалъ глазъ, не слышало ухо, то и не приходило на сердце человѣку [1]). Но тѣмъ не менѣе даже религіи древнихъ народовъ вовсе не по необходимости и не вполнѣ миѳологическія.

---

[1]) I. Посл. къ Коринѳ. II, 9. Ис. 64· 4.

Напротивъ того, миөологическая религія, я думаю, такъ же предполагаетъ разумную религію, какъ разстроенный организмъ предполагаетъ здоровый организмъ. Прежде чѣмъ Греки могли называть небо, солнце или луну *божествами*, они необходимо должны были составить себѣ какое-нибудь понятіе о божествѣ. Мы не можемъ говорить о Царѣ Соломонѣ, не зная сперва, что вообще понимается подъ названіемъ царя; также Грекъ не могъ говорить о богахъ во множественномъ, не олицетворивъ сперва какимъ-либо образомъ общій предикатъ божества. Если сказать «солнце есть богъ», т. е. если отнести предикатъ божества къ тому, что не имѣетъ права на это названіе, то это уже будетъ идолопоклонство. Гораздо интереснѣе узнать, что именно разумѣли древніе, называя солнце или луну божествами; и пока мы не будемъ имѣть объ этомъ яснаго понятія, намъ не удастся вникнуть въ истинный духъ ихъ религіи.

Странно однако, что при всемъ безчисленномъ множествѣ книгъ о миөологіи Грековъ и Римлянъ, у насъ нѣтъ почти ни одного сочиненія о ихъ религіи. Большею частію воображаютъ, что язычеству было чуждо то, что мы называемъ религіей—вѣрованіе и преданность премудрому, всемогущему, вѣчному Существу, Промыслителю міра, къ которому мы приближаемся въ молитвахъ и размышленіи, которому мы ввѣряемъ всѣ наши нужды, и коего присутствіе мы чувствуемъ не только во внѣшнемъ мірѣ, но также и въ предостерегающемъ внутреннемъ голосѣ нашего сердца; воображаютъ, что все это древнимъ было неизвѣстно и что ихъ религія состояла просто въ басняхъ о Юпитерѣ и Юнонѣ, про Аполлона и Минерву, про Венеру и Вакха. Но въ этомъ ошибаются. Миөологія вкралась въ древнюю религію; она иногда почти подавляла самую ея жизнь; но чрезъ сильную ядовитую растительность миөической фразеологіи всегда можно уловить взглядъ на то первоначальное древо, вокругъ котораго она ползетъ и взвивается, и безъ котораго она не могла бы пользоваться даже тѣмъ чужеяднымъ существованіемъ, которое ошибочно считаютъ за самостоятельную жизненную силу.

Чтобы объяснить, что я называю религіей, независящею отъ древней миѳологіи, достаточно будетъ нѣсколькихъ цитатъ. «Гомеръ, вмѣстѣ съ Гесіодомъ, создали теогонію или исторію боговъ для Грековъ»—это выраженіе Геродота содержитъ болѣе истины, чѣмъ обыкновенно полагаютъ; у Гомера каждая страница наполнена миѳологіей; но тѣмъ не менѣе онъ намъ доставляетъ много взглядовъ на самую внутреннюю религіозную жизнь его вѣка. Что могъ знать свинопасъ Эвмай про многосложную Олимпійскую теогонію? Слыхалъ ли онъ когда нибудь имя Харитъ или Гарпій? Могъ ли онъ сказать, кто былъ отецъ Афродиты, кто были ея супруги и ея дѣти? Сомнѣваюсь. Да и притомъ въ разсужденіи о жизни земной и о высшихъ силахъ, управляющихъ ею, Эвмаю извѣстны только справедливые боги, которые дѣлъ беззаконныхъ не любятъ: правда одна и благіе поступки людей имъ угодны [1]).

Весь его взглядъ на жизнь основанъ на полномъ уповаціи на Божественное міроправленіе безъ всякой искусственной помощи, каковы Эринніи, Немезида, или Мойра.

«Вкуси, говоритъ свинопасъ Улиссу, и наслаждайся тѣмъ, что есть; Богъ одно даруетъ, въ другомъ же отказываетъ, ибо для него все возможно!» (Одис. XIV 449; X. 306)

Вотъ истинная религія, еще не зараженная миѳологіей. Религія въ самомъ истинномъ смыслѣ слова содержится также въ молитвѣ рабыни, мелющей хлѣбъ въ домѣ Улисса. «О Зевсъ, говоритъ она, управляющій и богами и людьми, ты гремѣлъ сейчасъ съ усѣяннаго звѣздами неба, и все-таки нѣтъ нигдѣ облаковъ. Это ты кому нибудь показываешь предзнаменованіе. Исполни же и мнѣ несчастной, мою молитву, приносимую тебѣ!»

---

[1]) Одиссея XIV, 83. *Перев. Жуковскаго.*

[2]) Нѣтъ причины не считать θεός за извѣстнаго Бога; но если бы мы и приняли это слово какъ нарицательное, то оно здѣсь все-таки обозначало бы Зевса. (Ср. Од. IV. 236) Ср. Welcker, стр. 180.

Когда Телемакъ страшится приблизиться къ Нестору, объявляя Ментору, что не знаетъ, что сказать, [4]) то не ободряетъ ли его Менторъ или Аѳина словами, которыя легко можно передать на языкѣ нашей собственной религіи? Аѳина говоритъ ему: «Многое самъ, Телемакъ, ты своимъ угадаешь разсудкомъ: много откроетъ тебѣ благосклонный демонъ; не противъ воли жъ безсмертныхъ, я думаю, былъ ты рожденъ и воспитанъ.»

Всевѣдѣніе и вездѣсущность Божественнаго Существа выражено Гесіодомъ только отчасти, но не вполнѣ миѳологически, напримѣръ:

Всевидящій глазъ Зевса и все понимающій. [5]) И хотя понятіе Гомера, что «боги нерѣдко, облекшись въ образъ странниковъ, входятъ въ земныя жилища, чтобъ видѣть своими очами, кто изъ людей живетъ беззаконно, кто соблюдаетъ ихъ правду.» [6]) выражено языкомъ, свойственнымъ младенчеству человѣчества, однако оно легко можетъ быть передано нашею собственною священною фразеологіею. Какъ бы вы ни назвали эту религію —древнею, первобытною, естественною—она, безъ сомнѣнія, несовершенна, но чрезвычайно интересна и не безъ божественнаго вдохновенія. Какъ сильно отличается несомнѣнное вѣрованіе древнихъ поэтовъ въ вездѣсущую бдительность боговъ отъ языка позднѣйшей греческой философіи, встрѣчающагося напр. у Протагора. «Про боговъ говоритъ онъ, я не могу знать, существуютъ ли они, или нѣтъ; ибо много обстоятельствъ мѣшаютъ намъ въ этомъ знаніи,—невѣжество и непродолжительность человѣческой жизни» [7]).

Боги у Гомера, въ ихъ миѳологическомъ видѣ, представляются слабыми, легко обманывающимися, и обольщаемыми самыми низкими страстями; но тѣмъ не менѣе въ болѣе почтенномъ языкѣ религіи они одарены почти всѣми качествами, которыя мы требуемъ отъ божественнаго и

---

4) Одис. III. 26; *Перев. Жуковскаго.*
5) Erga, 267.
6) Одиссея XVII. 483; *Перев. Жуковскаго,*
7) Welcker, Griechische Götterlehre, стр. 245.

совершеннаго Существа. Фраза, вставляемая какъ будто въ скобкахъ, но составляющая основной тонъ во многихъ рѣчахъ Одиссея, θεοὶ δέ τε πάντα ἴσασιν, [8]) «богамъ вѣдь все извѣстно,» [9]) свидѣтельствуетъ намъ болѣе о настоящемъ чувствованіи безчисленныхъ милліоновъ, между которыми выросли идіомы языка, чѣмъ всѣ разсказы про хитрости и проказы Юноны съ Юпитеромъ, или Марса съ Вулканомъ. Въ рѣшительные моменты, когда затронуты были самыя глубокія чувствованія человѣческаго сердца, древніе Греки у Гомера, кажется, вдругъ оставляютъ всякія ученыя и миѳологическія метафоры и прибѣгаютъ къ общему языку истинной религіи. Все, что они чувствуютъ, опредѣлено и назначено безсмертными богами; и хотя они еще не дошли до понятія Божественнаго Провидѣнія, опредѣляющаго все вѣчными законами, однако, кажется, въ Иліадѣ нѣтъ ни одного происшествія, какъ бы незначительно оно ни было, въ которомъ поэтъ не сознавалъ бы дѣйствительнаго посредничества божественной силы. Если такое посредничество выразить миѳологическимъ языкомъ, то оно, правда, принимаетъ дѣйствительный или тѣлесный образъ одного изъ боговъ или Аполлона, или Аѳины, или Афродиты; однако замѣтимъ, что Зевсъ, богъ всѣхъ боговъ, самъ ни разу не является на Троянскомъ полѣ битвы. Онъ былъ истиннымъ богомъ Грековъ, прежде чѣмъ облекся въ облака Олимпійской миѳологіи. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ употребляется theôs, мы это слово смѣло можемъ перевесть словомъ Богъ. Такъ напр. Діомедъ, ободряя Грековъ сражаться, пока не будетъ взята Троя, кончаетъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Пусть всѣ возвратятся въ отечество, но мы оба, я и Сѳенелъ, будемъ сражаться, пока не увидимъ конца Трои: *ибо мы пришли съ Богомъ*!» [9]) Если бы мы даже перевели theôs въ этомъ мѣстѣ не какъ имя собственное, а какъ нарицательное, то и въ такомъ случаѣ тутъ смыслъ религіозный, а не миѳологическій, хотя дѣйствительно оно

---

[8]) Од. IV. 379, 468.
[9]) Иліада IX. 49.

также легко могло бы быть передано миѳологическою фразеологіей, если бы мы сказали, что Аѳина, въ видѣ птицы, летала вокругъ судовъ Грековъ. Что можетъ быть болѣе естественнѣе и болѣе скромнѣе того, какъ Навсикая обращается къ претерпѣвшему кораблекрушеніе Улиссу? «Зевсъ самъ» говоритъ она, не зная другаго названія, «Олимпійскій, даетъ счастье безъ разбора и добрымъ и злымъ, какъ ему угодно. И тебѣ вѣроятно *онъ* ниспослалъ это, и потому ты непремѣнно долженъ это перенести.» Наконецъ я еще приведу знаменитый стихъ, который Гомеръ заставляетъ говорить Пизистрата, сына Нестора, призывающаго Аѳину, сопровождающую Телемака, и самаго Телемака, чтобы они молились богамъ, прежде чѣмъ начнутъ пиръ: „Совершивши возліянье и помолившись, какъ слѣдуетъ, дай потомъ и ему кубокъ съ сладостнымъ виномъ для возліянья; вѣдь, я думаю, и онъ молится безсмертнымъ, *ибо всѣ люди нуждаются въ богахъ*? 10)

Можно бы возразить, что пока человѣческій умъ былъ запутанъ въ нѣдрахъ политеизма, не были возможны и истинно религіозныя мысли и чувства; что слово богъ, въ истинномъ смыслѣ слова, не допускаетъ множественнаго числа, и коль скоро оно принимаетъ окончанія множественнаго числа, тотчасъ же мѣняетъ свое значеніе. Латинское aedes, въ единственномъ, означаетъ храмъ, во множествомъ же оно получаетъ значеніе вообще жилища. Точно также и слово theós, какъ полагаютъ, во множественномъ числѣ лишено того священнаго и чисто божественнаго характера, который оно имѣетъ въ единственномъ. Если далѣе къ Божественному Существу примѣняютъ названія, каковы Зевсъ, Аполлонъ или Аѳина, то о религіи, полагаютъ, тутъ уже и рѣчи нѣтъ, и молитвы и гимны древнихъ вѣрующихъ называются идолопоклонствомъ или поклоненіемъ дьяволу. Есть во всемъ этомъ много неоспоримой истины, но

10) πάντες δὲ θεῶν χατέουσ' ἄνθρωποι.—Од. III. 48.

я не могу не думать, что полной справедливости никогда не отдавали древнимъ религіямъ міра, даже религіи Грековъ и Римлянъ, которыхъ мы во многихъ отношеніяхъ считаемъ своими наставниками и воспитателями. Первое столкновеніе Христіанства съ языческими религіями необходимо должно было стать непримиримо враждебнымъ. Апостолы и первые христіане вообще должны были выступить во имя единаго истиннаго Бога, и доказать міру, что ихъ Богъ не имѣетъ ничего общаго съ идолами, которымъ покланялись въ Аѳинахъ и Ефесѣ. Первые новообращенные должны были отречься отъ всякаго послушанія и вѣрности своимъ прежнимъ божествамъ; если же они не могли сразу оставить всю вѣру въ боговъ, которымъ они прежде поклонялись, и дойти до убѣжденія, что эти божества существуютъ только въ воображеніи ихъ поклонниковъ, то они естественно стали имъ приписывать родъ дьявольской природы и проклинать ихъ какъ порожденія того новаго начала Зла, [11]) съ которымъ они познакомились въ ученіяхъ древней Церкви. Въ своихъ ученыхъ преніяхъ противъ язычества, Бл. Августинъ о языческихъ богахъ постоянно говоритъ какъ о дѣйствительныхъ существахъ, какъ о демонахъ, имѣющихъ силу дѣйствительно причинять несчастія. [12]) Мнѣ говорилъ одинъ миссіонеръ, что онъ находилъ между своими новообращенными въ южной Африкѣ такихъ, которые продолжали поклоняться своимъ языческимъ божествамъ; а когда онъ ихъ увѣщевалъ, они ему говорили,

---

[11]) Такъ въ Ветхомъ Завѣтѣ чужіе боги называются бѣсами: (Второзак. 32, 17) «Пожроша бѣсовомъ, а не Богу, богамъ, ихже не вѣдѣша; нови недавни пріидоша, ихже не вѣдѣша отцы ихъ.

[12]) De Civitate Dei, II, 25: Maligni isti spiritus и т. д. Noxii daemones quos illi deos putantes colendos et venerandos arbitrabantur и т. д. Тамъ же VIII. 22: (Credendum daemones) esse spiritus nocendi cupidissimos, a justitia penitus alienos, superbia tumidos, invidia lividos, fallacia callidos, qui in hoc quidem aëre habitant, quia de coeli superioris sublimitate dejecti, merito irregressibilis transgressionis in hoc sibi congruo carcere praedamnati sunt.

что молятся имъ для того, чтобы отвратить отъ себя ихъ гнѣвъ, и что хотя ихъ идолы не могутъ вредить такому доброму человѣку, каковъ онъ, однако они въ состояніи причинить своимъ прежнимъ поклонникамъ много зла. Только иногда, какъ напр. относительно судьбы, Fatum [13]), Бл. Августинъ сознаетъ, что это одно только названіе, которое можно оставить, если его взять въ этимологическомъ его смыслѣ, т. е. какъ бы «разъ сказанное Богомъ, и затѣмъ никогда неизмѣняемое.» Этотъ глубокомысленный писатель идетъ даже еще дальше, говоря, что простая многочисленность божественныхъ названій можетъ быть терпима. [14]) Говоря о богинѣ Fortuna, называющейся также Felicitas, онъ спрашиваетъ: «Къ чему употреблять два названія? Но это еще сносно, ибо одна и та же вещь нерѣдко обозначается двумя именами. Но, прибавляетъ онъ, какое значеніе имѣютъ различные храмы, различные алтари, различныя жертвы?» Однако чрезъ всѣ сочиненія Бл. Августина и чрезъ всѣ книги древнихъ Христіанскихъ богослововъ проходитъ, на сколько я могу судить, тотъ же враждебный духъ, препятствующій замѣчать то, что въ древнихъ религіяхъ человѣчества называется добрымъ, истиннымъ и священнымъ, и преувеличивать все то, что дурно, ложно и превратно. Но у Апостоловъ и непосредственныхъ учениковъ Господа нашего встрѣчаются болѣе снисходительные отзывы о древ-

---

[13]) De Civitate Dei, V. 9: Omnia vero fato fieri non dicimus, imo nulla fieri fato dicimus, quoniam fati nomen ubi solet a loquentibus poni, id est in constitutione siderum cum quisque conceptus aut natus est (quoniam res ipsa inaniter asseritur) nihil valere monstramus. Ordinem autem causarum, ubi voluntas Dei plurimum potest, neque negamus, neque fati vocabulo nuncupamus, nisi forte ut fatum a fando dictum intelligamus, id est, a loquendo: non enim abnuere possumus esse scriptum in literis: Semel locutus est Deus, duo haec audivi; quoniam potestas est Dei, et tibi, Domine, misericordia, quia tu reddes unicuique secundum opera ejus. Quod enim pictum est, semel locutus est, intelligitur immobiliter, hoc est, incommutabiliter est locutus sicut novit incommutabiliter omnia quae futura sunt, et quae ipse facturus est. Hac itaque ratione possemus a fando fatum appellare, nisi hoc nomen jam in alia re soleret intelligi, quo corda hominum nolumus inclinari.

[14]) De Civ. Dei. IV. 18.

нихъ формахъ поклоненія. 15) Ибо если бы мы даже отнесли различныя времена и различные образы, какъ Богъ говорилъ къ отцамъ чрезъ Пророковъ, только къ Еврейскому племени, то все-таки есть и другія мѣста, показывающія, что Апостолы признавали божественный промыслъ и попеченіе даже и во времена невѣдѣнія, которыя, какъ они выражаются, «Богъ забылъ.» [16]) Они даже говорятъ, что Богъ въ первыя времена *попустилъ* (εΐασε) [17]) всѣмъ народамъ ходить своими путями. Однако, что убѣдительнѣе и сильнѣе языка Св. Павла въ Аѳинахъ? [18]), который сказалъ:

«Аѳиняне! по всему вижу, что вы какъ-то особенно набожны.

Ибо проходя и осматривая то, что вы чтите, я нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: невѣдомому Богу. Сего-то, котораго вы, не зная чтите, я проповѣдую вамъ.

Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, Онъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ.

И не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ имѣющій въ чемъ либо нужду, Самъ дая всему жизнь и дыханіе и все.

Отъ одной крови Онъ произвелъ весь родъ человѣческій, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ *предопредѣленныя* времена и предѣлы ихъ обитанію.

Дабы они искали Бога, не ощутятъ ли Его, и не найдутъ ли; хотя Онъ и не далеко отъ каждаго изъ насъ:

Ибо мы Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы Его и родъ.» [19]).

---

[15]) Cp, Stanley's The Bible: its Form and its Substance. Three Sermons preached before the University of Oxford 1863.

[16]) Дѣянія Апост. XVII. 30.

[17]) Дѣян. Ап. XIV. 16.

[18]) Дѣян. Ап. XVII. 22—28.

[19]) Клеантъ говоритъ: ἐκ τοῦ γὰρ γένος ἐσμέν; Аратъ: πατὴρ ἀνδρῶν.... τοῦ γὰρ γένος ἐσμέν (Welcker, Griech. Götterlehre, стр. 183, 264).

Это—истинно христіанскія слова и истинно христіанскій духъ, въ какомъ намъ слѣдовало бы изучать древнія религіи міра, ни какъ не зависящія отъ Бога, ни какъ твореніе злаго духа, ни какъ простое идолопоклонство, идолослуженіе, ни даже какъ простую человѣческую фантазію, но какъ приготовленіе, какъ необходимую часть въ воспитаніи человѣческаго рода, какъ «исканіе Господа, не ощутятъ ли Его и не найдутъ ли.» Какъ для Евреевъ, такъ и для идолопоклонниковъ, *исполнилось* время и мы должны стараться смотрѣть на предшествовавшія этому исполненію времена, какъ на необходимыя по Божественному предначертанію, чтобы заставить два національныхъ потока въ исторіи человѣчества, Еврейскій и языческій, Семитскій и Арійскій, достигнуть своей предназначенной мѣры и разливаться такъ, чтобы, по усвоеніи христіанства, они могли смѣшаться между собою и по соединеніи въ лонѣ христіанства течь новымъ потокомъ.

Если будемъ изслѣдовать священные остатки древняго міра въ такомъ духѣ, то мы будемъ поражены тѣмъ, насколько въ языческой миѳологіи болѣе истинной религіи, чѣмъ мы ожидали. Только, какъ сказалъ Бл. Августинъ, не должно обращать вниманія на имена, какъ бы они странными и удивительными не показались нашему слуху. Мы уже освободились отъ тѣхъ опасеній, которыя питали сердца древнихъ христіанскихъ писателей съ полнымъ основаніемъ; мы уже въ состояніи судить великодушно о Юпитерѣ и его поклонникахъ. Намъ даже слѣдовало бы смотрѣть на древнія религіи съ нѣкоторою долею того уваженія и почитанія, которое подобаетъ проявленію болѣе высокаго и болѣе святаго чувства въ человѣкѣ даже естественномъ. Шеллингъ[1] говоритъ, «что религіозный инстинктъ слѣдовало бы уважать даже въ темныхъ и запутанныхъ мистеріяхъ.» Мы должны однако остерегаться того заблужденія, которому иногда подвергался одинъ извѣстный писатель и государственный мужъ Англіи въ своемъ сочиненіи о Гомерѣ, стараясь отыскать въ первобытномъ выраженіи человѣче-

ства христіанскія идеи, идеи, свойственныя именно одному только Христіанству. Съ другой же стороны мы смѣло можемъ допытываться слѣдовъ тѣхъ основныхъ религіозныхъ понятій, на которыхъ зиждется само Христіанство, которые, если бы не были прирождены душѣ человѣка и недоходили до язычниковъ путемъ преданія, не были бы такъ скоро усвоены человѣчествомъ. Чѣмъ далѣе мы обращаемся назадъ, чѣмъ болѣе изслѣдуемъ самые ранніе зачатки каждой религіи, тѣмъ чище, я думаю, представляются намъ представленія о Божествѣ, тѣмъ благороднѣе цѣли и намѣренія каждаго основателя новаго богослуженія. Но чѣмъ дальше мы идемъ назадъ, тѣмъ меньше человѣческій языкъ способенъ выражать то, что труднѣе всего было выразить. Исторія религіи въ извѣстномъ смыслѣ есть исторія языка. Многія понятія, воплощенныя въ языкѣ Евангелія, были бы столь же непонятны, какъ и невыразимы, если бы представить себѣ, что они были сообщены какимъ нибудь чудеснымъ образомъ первобытнымъ обитателямъ земли. Даже въ настоящее время миссіонеры находятъ, что они сперва должны воспитывать своихъ дикихъ учениковъ, т. е. поднимать ихъ на ту степень развитія, мысли и языка, какая была достигнута Греками, Римлянами и Іудеями въ началѣ нашего лѣтосчисленія,—и ужь потомъ только въ ихъ умахъ слова и идеи Христіанства принимаютъ дѣйствительность и дѣлается ихъ собственный языкъ довольно сильнымъ для перевода. Здѣсь, какъ и вездѣ, слова и мысли идутъ рядомъ, и съ извѣстной точки зрѣнія, какъ я уже замѣтилъ, исторія религіи не что иное, какъ изложеніе разныхъ попытокъ выразить невыразимое.

Я постараюсь объяснить это по крайней мѣрѣ однимъ примѣромъ, и выберу для того самое важное имя изъ религіи и миѳологіи Арійцевъ,—имя Зевса, бога боговъ (theòs theòn), какъ называетъ его Платонъ.

Прежде всего обратимъ вниманіе на несомнѣнный фактъ, который, если его вѣрно оцѣнить и понять, дастъ намъ самыя поразительныя и поучительныя свѣдѣнія о

древности,—на тотъ несомнѣнный фактъ, что слово *Зевсъ*, самое священное имя въ греческой миѳологіи, есть тоже самое что Санскр. Dyaus,[20]) Лат. Jovis [21]) или Ju въ словѣ Iupiter, А. Сакс. Tiw, сохранившееся въ Tiwsdaeg или Англ. Tuesday, Вторникъ, день бога Tŷr'а въ Эддѣ; Д. В. Герм. Zio.

Это слово какъ въ-первые было составлено, такъ и осталось, а не было заимствовано ни Греками у Индійцевъ, ни Римлянами и Германцами у Грековъ. Оно должно было существовать прежде, чѣмъ предки этихъ народовъ отдѣлились другъ отъ друга и языкомъ и религіей, прежде, чѣмъ они, покинувъ свои общія пастбища, ушли по различнымъ направленіямъ, пока ихъ стада не превратились въ стѣны большихъ городовъ.

Въ этомъ-то почтенномъ словѣ мы можемъ найти самыя раннія религіозныя представленія нашей расы, которыя выразились и стали неразрушимою стѣною въ немногихъ простыхъ буквахъ. Что означало Санскр. слово Dyu, и какъ оно употреблялось въ этомъ языкѣ? Какой это корень, отъ котораго оно происходитъ, и который сталъ выражать высшій полетъ человѣческаго ума? Трудно было бы отъискать въ Греческомъ корневое или глагольное значеніе слова *Зевсъ*; Санскритское же слово dyaus само собою объясняется. Оно производится отъ того же самаго корня, отъ котораго происходитъ глаголъ dyut, сіять, испускать лучи, блистать. Корень съ столь богатымъ и обширнымъ значеніемъ могъ быть примѣнимъ ко мно-

---

20) Dyaus въ Санскр. есть именит. единств., dyu есть тема. Я употребляю и то и другое, хотя было бы, можетъ быть, лучше постоянно употреблять dyu.

21) Iovis, какъ именительный, встрѣчается у Эннія въ томъ стихѣ, гдѣ онъ приводитъ двѣнадцать Римскихъ боговъ:

Iuno, Vesta, Minerva, Ceres, Diana, Venus, Mars,
Mercurius, Iovi', Neptunus, Vulcanus, Apollo.

Къ тому же классу словъ принадлежитъ Dius въ Dius Fidius, т. е. Ζεὺς πίστιος· Ср. Hartung, Religion der Römer, II. 44.

гимъ представленіямъ: про зарю, солнце, небо, день, звѣзды, глаза, океанъ, лучъ—про все это можно было сказать, что оно испускаетъ лучи, сіяетъ, блеститъ, улыбается, цвѣтетъ, сверкаетъ. Но на опредѣленно установившемся языкѣ Индіи dyu, какъ существительное, преимущественно означаетъ *небо* и *день*. Пока древніе ведическіе гимны не открыли намъ древнѣйшихъ формъ Индійскаго языка и мысли, Санскр. существительное dyu едва ли было извѣстно какъ названіе Индійскаго божества, а просто какъ слово женскаго рода, означающее небо. Того факта, что dyu въ обыкновенномъ употребленіи осталось названіемъ *неба*, было достаточно, чтобы объяснить, почему dyu въ Санскритскомъ никогда не имѣло того опредѣленнаго миѳическаго характера, какой имѣетъ Зевсъ въ Греческомъ; ибо пока слово удерживаетъ отличительные признаки своего первоначальнаго значенія и примѣняется къ видимымъ предметамъ какъ нарицательное, оно не легко употребляется для метаморфическихъ процессовъ древней миѳологіи. Такъ какъ dyu въ Санскритѣ продолжало означать небо, хотя только въ женскомъ родѣ, то трудно предполагать, чтобы это же слово, даже въ мужескомъ родѣ, стало началомъ какихъ либо важныхъ миѳологическихъ образованій. Языкъ долженъ стать мертвымъ, прежде чѣмъ онъ можетъ войти въ новое состояніе миѳологической жизни.

Въ Ведахъ dyu встрѣчается въ мужескомъ родѣ, какъ существительное, означающее дѣйствіе, обнаруживаетъ тѣ же начала мысли, изъ которыхъ въ Греціи и въ Римѣ образовалось названіе высшаго божества небеснаго свода; однако Dyu, божество, царь небесъ, древній богъ свѣта, даже и тутъ никогда не получалъ какой-либо значительной миѳологической жизни, никогда не возвышался до степени высшаго божества. Въ древнѣйшихъ спискахъ ведическихъ божествъ Dyu не встрѣчается, и настоящій представитель Юпитера въ Ведахъ не Dyu, а *Индра*—имя чисто Индійскаго происхожденія, и не извѣстное въ какой либо другой самостоятельной вѣтви Арійскаго языка. *Индра* былъ другое представленіе свѣт-

наго солнечнаго неба; но частію отъ того, что его этимологическое значеніе стало темно, частію вслѣдствіе болѣе дѣйствительной поэзіи и почитанія извѣстныхъ Риши, это имя получило полное преобладаніе надъ названіемъ Dyu, и почти совсѣмъ вытѣснило воспоминаніе въ Индіи одного изъ древнѣйшихъ, если не самаго древняго названія, которымъ Арійцы старались выразить свое первое представленіе о божествѣ. Одно изъ самыхъ важныхъ открытій, которыми мы обязаны изученію Ведъ, состоитъ въ томъ, что Dyu первоначально былъ блестящее небесное божество какъ въ Индіи, такъ и въ Греціи.

Разберемъ нѣсколько мѣстъ изъ Ведъ, гдѣ dyu употребляется какъ нарицательное въ смыслѣ неба. Въ Ригведѣ I, 161, 14 сказано: «Маруты (вѣтры) ходятъ по небу, Агни (огонь) по землѣ, вѣтеръ по воздуху; Варуна движется въ водахъ моря,» и т. д. Тутъ dyu означаетъ небо, какъ prithivî—землю, а antariksha воздухъ. О небѣ часто говорится вмѣстѣ съ землею, а воздухъ ставится между обоими (antariksha). Мы находимъ выраженія «*небо* и *земля*; [22]) *воздухъ* и *небо*; [23]) *небо*, *воздухъ* и *земля*.» [24]) Небо, dyu, относительно земли называется третьимъ, и въ Атарва—ведѣ мы находимъ напр. выраженіе «въ третьемъ небѣ отсюда.» [25]) Это въ свою очередь дало поводъ къ представленію о трехъ небесахъ. «Небо,» говорится, «воздухъ и земля (все во множ. числѣ) не могутъ обнять величія Индры;» въ одномъ мѣстѣ поэтъ молитъ, чтобы его слова возвысились такъ, какъ будто одно небо громоздилось на другомъ [26]).

Dyu въ Ведахъ имѣетъ также значеніе дня. [27]) Нѣ-

---

22) Ригведа I. 39, 4: nahí..,. ádhi dyávi ná bhûmyâm.

23) Ригв. VI. 32, 13: antàrikshe.... dyàvi.

24) Ригв. VIII. 6, 15: na dyâvah indram ójasâ nà antárikshâni vajrînam nà vivyachanta bhúmayah.

25) Atharvaveda V. 4, 3: tritîyasyâm itah divi (женск.).

26) Ригв. VII. 24, 5: diví iva dyâm àdhi nah srômatam dhah.

27) Ригв. VI. 24, 7: nà yàm jàranti saràdah nà màsâh nà dyàvah índram avakarsàyanti (котораго не заставляютъ старѣть ни жатвы (осени), ни мѣсяцы; Индру дни не заставляютъ увядать).—Ригв. VII. 66. 11: ví yé dadhúh saràdam mâsam ât àhar.

сколько солнцъ тоже самое, что нѣсколько дней, и даже въ Англійскомъ yestersun, вчерашнее солнце, употреблялось еще во время Дрейдена вмѣсто yesterday, вчерашній день, вчера; Греки и Римляне также употребляли hêlios и sol, солнце, въ смыслѣ дня (ср. Виргил. Эн. III. 203). Творит. пад. dívâ, съ удареніемъ на первомъ слогѣ, значитъ *днемъ* и часто употребляется въ соединеніи съ nàktam, 28) ночью. Другія выраженія, какъ divé dive, dyávi dyavi или ànu dyûn, встрѣчаются очень часто и значатъ: со дня на день. 29).

Но кромѣ этихъ двухъ значеній Dyu въ немногихъ ведическихъ стихахъ выражаетъ еще совершенно другое понятіе. Есть молитвенныя обращенія, въ которыхъ dyu стоитъ въ началѣ, и призывается вмѣстѣ съ другими существами, которыя всегда считаются за боговъ. Напр. въ Ригведѣ VI. 15, 5;

Dyaus (небо), отецъ, и Prithivî (земля), милостивая мать, Agni (огонь), братъ, вы, Vasus (блестящіе), помилосердуйте насъ!» 30)

Тутъ небо, земля и огонь поставлены рядомъ какъ божественныя силы, но нужно замѣтить, что dyaus занимаетъ первое мѣсто. То же мы находимъ въ другихъ мѣстахъ, въ длинныхъ спискахъ божествъ, гдѣ имя dyaus, если оно вообще упоминается, непремѣнно занимаетъ выдающееся мѣсто 31).

Далѣе нужно замѣтить, что dyaus весьма часто называется pitar, т. е. отцемъ, такъ что Санскр. Dyaush-

---

28) Ригв. I, 139, 5.

29) Ригв. I. 112, 25: dyúbhih. aktúbhih pàri pâtam asmâu, стерегите насъ и днемъ и ночью.

30) Dyaûs pitar pr.ithivî mâtar àdhruk
Ζεῦ(ς) πατὲρ πλατεῖα μῆτερ ἀτρεχ(ές)
Agne bhrâtar vasavah mr.ilâta nah.
Огонь (ignis) братъ (frater)——милосердуй насъ.

31) Ригв. I. 136, 6: namah divé br.ihaté ròdasîbhyâm, а послѣ этого слѣдуютъ Митра, Варуна, Индра, Агни, Арьяманъ, Bhaга. Срв. VI. 50, 13. Dyaûh devébhih prithivî samudraih. Хотя здѣсь dyaus не названъ первымъ, однако онъ выдается, такъ какъ онъ названъ въ главѣ devas или блестящихъ боговъ.

pitar, подобно Латинскому Iupiter, дѣлается однимъ словомъ. Въ одномъ мѣстѣ (I. 191,6) сказано: «Dyaus есть отецъ,» Prithivî, земля, ваша мать, Soma вашъ братъ, Aditi ваша сестра.» Въ другомъ мѣстѣ (IV. 1,10), [32]) dyaus называется отцемъ и творцомъ.

Теперь разберемъ нѣкоторыя еще болѣе замѣчательныя мѣста, въ которыхъ Dyu и *Индра* упоминаются вмѣстѣ какъ отецъ и сынъ, точно такъ же, какъ и *Кроносъ* съ *Зевсомъ*, съ тою только разницею, что въ Индіи Dyu—отецъ, а Индра—сынъ, и притомъ Dyu наконецъ лишается своего первенства, а Греческій *Зевсъ* удерживаетъ его до самаго конца. Въ одномъ гимнѣ, посвященномъ *Индрѣ*, какъ самому сильному богу, сказано (Ригв. IV. 17, 4): «Dyu, твой отецъ, считался сильнымъ, создатель Индры былъ силенъ въ своихъ твореніяхъ, онъ, сотворившій небеснаго Индру, вооруженный палицею, непоколебимый, какъ земля, на своемъ сѣдалищѣ.»

Тутъ Dyu является выше Индры, какъ и Зевсъ стоитъ выше Аполлона. Но есть другія мѣста въ этомъ же гимнѣ, въ которыхъ *Индра* ясно ставится выше Dyu, и такимъ образомъ бросается значительный свѣтъ на умственный процессъ, посредствомъ котораго Индусы считали сына, Индру,[33]) (Iupiter pluvius, побѣждающій небесный свѣтъ), болѣе сильнымъ, болѣе возвышеннымъ, чѣмъ ясное небо, отъ котораго онъ произошелъ. Гимнъ начинается прославленіемъ величія Индры, которое должны признать даже небо и земля; при рожденіи Индры, говорятъ, тряслись небо и земля. Теперь нужно замѣтить, что небо и земля, говоря миѳологически, представляютъ отца и мать Индры, и если въ этомъ же гимнѣ сказано, что Индра «стоитъ нѣсколько выше своей матери и отца, сотворив-

---

[32]) Dyaúsh pita janita.
Ζεύς, πατήρ, γενετήρ.

[33]) Индра, названіе свойственное только Индіи, должно произвести отъ того же корня, отъ котораго происходитъ Санскр. indu капля, сокъ. Первоначально Индра былъ даватель дождя, Iupiter pluvius, божество, которое въ Индіи представлялось уму молящагося гораздо чаще всякаго другаго божества. Срв. Benfey, Orient und Occident, I, 49.

шихъ его,»[34]) то подъ этимъ можетъ подразумѣваться только та же идея, именно—что дѣятельный богъ, пребывающій на небѣ, несущійся на облакахъ, и бросающій свою палицу на демоновъ тьмы, производитъ на человѣческій умъ въ позднѣйшее время гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ ясный небосклонъ и обширная земля подъ нимъ. Dyu прежде, должно быть, считался болѣе дѣйствующимъ, болѣе, такъ сказать, драматическимъ богомъ, ибо стихотворецъ сравниваетъ Индру, уничтожающаго своихъ враговъ, съ Dyu, бросающимъ палицу[35]).

Сравнивая этотъ гимнъ съ мѣстами другихъ гимновъ, мы еще яснѣе видимъ, какъ представленіе объ Индрѣ, побѣждающемъ громовомъ героѣ, очень легко повело къ допущенію отца, который прежде Индры считался сильнымъ, но потомъ въ геройствѣ сынъ превзошелъ своего отца. Если утренняя заря называется divijâh, рожденною на небѣ, то уже самое прилагательное могло бы служить доказательствомъ, что она дочь Dyu, и она дѣйствительно такъ называется. То же самое относится къ Индрѣ. Онъ произошелъ отъ неба, значитъ, небо его отецъ. Онъ произошелъ отъ горизонта, гдѣ небо какъ будто обнимаетъ землю; потому земля должна быть его матерью. Такъ какъ небу и землѣ уже прежде поклонялись, какъ благотворнымъ силамъ, то они тѣмъ легче могли считаться родителями Индры; и если бы они прежде даже не были почитаемы какъ боги, то самъ Индра, рожденный отъ неба и земли, возвысилъ бы этихъ родителей на степень божества. Такимъ образомъ *Кроносъ*, отецъ Зевса, въ позднѣйшей миѳологіи обязанъ своимъ существованіемъ именно своему сыну, Зевсу *Kpoніону*; Кроніонъ первоначально значитъ сынъ времени,

---

34) VI, 17, 12; kíyat svit índrah ádhi eti mātúh kíyat pitúh janitúh yáh jajâna.

35) IV. 17, 13: vibhanjanúh asânimân iva dyaúh.

или старецъ дней. [36]) *Уранъ* напротивъ пользовался независимымъ существованіемъ, какъ земля и небо, прежде чѣмъ сталъ отцемъ Кроноса и дѣдомъ Зевса; его прототипъ мы находимъ въ ведическомъ богѣ *Варунѣ*. Индійскій Dyu возвысился на степень отца новаго бога, *Индры*, но на дѣлѣ вслѣдствіе того былъ только униженъ, Греческій же Зевсъ остался высшимъ богомъ, пока разсвѣтъ Христіанства не положилъ конецъ миѳологической фразеологіи древняго міра.

Въ первой книгѣ 131, 1 сказано [37]):

«Передъ Индрой преклонялся божественный Dyu, передъ Индрой преклонялась великая Prithivî.»

Или I. 61, 9: [38]) «Величіе Индры дѣйствительно превышало небеса (т. е. dyaus), землю и воздухъ.»

I. 54, 4: [39]) «Ты заставилъ потрясаться вершину неба (dyaus).»

Хотя подобныя выраженія безъ сомнѣнія должны были осуществить представленія явленій природы, однако они непремѣнно производили миѳологическую фразеологію, и если Индійскій Dyu не достигъ тѣхъ же размѣровъ величія, какъ Зевсъ въ Греціи, то причина просто та, что Dyu удержалъ слишкомъ много своего нарицательнаго значенія, и что Индра, новое имя и новый богъ, поглотилъ всѣ источники, которые могли бы поддерживать жизнь Dyu [40]).

Теперь посмотримъ, какъ это же понятіе о Dyu, какъ о богѣ свѣта и неба, развилось и разрослось въ Греціи. Сперва обратимъ вниманіе на то обстоятельство, на которое другіе только намекали, но на счетъ котораго никто такъ ясно не высказался какъ M. Bertrand въ превосходномъ своемъ сочиненіи «Sur les Dieux Protecteurs»

---

36) Welcker, Griech. Götterl., 144. Зевсъ называется также *Кроніосъ*. Тамъ же стр. 150, 155, 158.

37) Indrâya hí dyaúh ásurah ánamnata índrâya mahî pr.ithivî várîmabhih.

38) Asyá il evà prà ririche mahitvàm divàh pr.ithivyah pàri antàrikshât.

39) Tvàm divàh brihatàh sânu kopayah.

40) Срв. Buttmann, Uber Apollon und Artemis, Mythologus I, 8.

(1858), гдѣ онъ говоритъ, что другія божества въ Греціи болѣе или менѣе имѣютъ мѣстный или племенной характеръ, между тѣмъ какъ Зевса знали во всякой деревнѣ и во всякомъ племени. Онъ возсѣдаетъ на Идѣ, на Олимпѣ и въ Додонѣ. Кромѣ того, что Эолійское племя въ особенности почитало Поссейдона, Дорійское—Аполлона, Іонійское—Аѳину, всѣ сыны Эллады имѣли одного болѣе сильнаго бога, панэллинскаго Зевса. Мы, можетъ быть, угадали бы, что Зевсъ означалъ небо, даже въ такомъ случаѣ, если бы въ Санскритѣ не сохранилось слѣдовъ этого слова. Молитва Аѳинянъ:

ὗσον ὗσον, ὦ φίλε Ζεῦ, κατὰ τῆς ἀρούρας τῶν Ἀθηναίων καὶ τῶν πεδίων· —(ниспошли дождь, о милый Зевсъ, на пашни и нивы Аѳинянъ!) ясно обращена къ небу, но одно только прибавленіе прилагательнаго «милый» уже достаточно для превращенія неба въ личное существо.

Первоначальное значеніе имени *Зевса* можно было бы угадать также изъ словъ, каковы напр. diosēmia, предзнаменованіе на небѣ, т. е. громъ, молнія, дождь; diipètès, наполненный дождемъ, буквально упавшій съ неба; éndios, на открытомъ воздухѣ, или полуденный; éndios, спокойный, тихій, ясный, букв. съ хорошимъ небомъ, и т. п. И въ Латинскомъ есть очевидные примѣры: 41) sub Jove frigido, подъ холоднымъ небомъ, sub diu, sub dio и sub divo, подъ открытымъ небомъ. Оставалась однако все еще возможность сказать, что древнія имена боговъ часто употреблялись для обозначенія ихъ жилища или особенныхъ ихъ даровъ, что напр. *Нептунъ* означалъ море, *Плутонъ*—преисподнюю, *Юпитеръ*—небо, и что это нисколько не доказываетъ, чтобы эти имена первоначально означали море, преисподнюю или небо. Невій говоритъ: Cocus edit Neptunum, Venerem, Cererem, разумѣя, какъ объясняетъ Фестъ, подъ

41) Dium fulgur appellabant diurnum quod putabant Jovis, ut nocturnum Summani.—Festus, стр. 57.

Нептуномъ рыбъ, Венерой—овощи, Церерой—хлѣбъ. [42]) Минерва встрѣчается въ смыслѣ ума въ выраженіи pingui Minerva и въ смыслѣ шерстяныхъ нитей. [43]) Если, по словамъ Аристотеля, нѣкоторые древніе философы говорили, что Зевсъ испускаетъ дождь не для произростанія хлѣба, а по необходимости, [44]) то это ясно показываетъ, что эти древніе положительные философы смотрѣли на Зевса какъ на небо, но не какъ на свободное личное божественное существо. Но и это не помѣшало бы предположенію, что они относили древнее божественное названіе Зевса къ небу, точно такъ же какъ напр. Энній съ полнымъ сознаніемъ философа восклицаетъ: «Aspice hoc sublime candens quod invocant omnes Jovem.» Такое выраженіе есть результатъ позднѣйшаго созерцанія, и нисколько не доказываетъ, чтобы Зевсъ или Юпитеръ первоначально означали небо.

Грекъ временъ Гомера считалъ бы нелѣпымъ предположеніе, что Зевсъ не что иное какъ небо. Греки подъ Зевсомъ понимали болѣе, чѣмъ видимое небо, даже болѣе, чѣмъ олицетворенное небо. По ихъ понятіямъ, имя Зевса, вопреки всякому миѳологическому мраку, было и оставалось именемъ высшаго божества; и если бы они даже вспомнили, что оно первоначально значило небо, то это ихъ столь же мало безпокоило бы, какъ воспоминаніе о томъ, что thymos, душа, первоначально имѣло значеніе бури.

Небо наиболѣе приближается къ тому понятію, которое возвышенностью, блескомъ и безконечностью столько же превосходило всѣ другія, какъ ясное голубое небо превышало всѣ прочія предметы на землѣ. Это весьма важно. Вспомнимъ, что представленіе о Богѣ, подобно чувствованіямъ, осуществляется и безъ слова. Общихъ понятій, или какъ они называются у философ-

[42]) Festus, 45.
[43]) Arnobius, v. 45.
[44]) Grote, History of Greece, I. 501, 539.

фовъ, номинальныхъ эссенцій, каковы *животное*, *дерево*, *человѣкъ*, мы не можемъ осуществить безъ имени; поэтому безъ именъ или безъ языка мы не можемъ разумно мыслить. Мы видимъ солнце, привѣтствуемъ его утромъ и сожалѣемъ о его исчезновеніи вечеромъ, не имѣя необходимости называть его, то есть, подвести его подъ какое либо общее понятіе. Тоже самое съ представленіемъ о Божествѣ; его, можетъ быть, постигали, привѣтствовали или ожидали гораздо раньше, чѣмъ знали, какъ назвать его. Но скоро человѣкъ началъ искать имени для него. Іаковъ молится: [45]) «Повѣждь ми имя твое;» или Моисей спрашиваетъ: [46]) «Аще вопросятъ мя: что имя ему; что реку къ нимъ?» и это должно было составлять вопросъ и молитву каждаго народа на землѣ.

Показаніе Геродота (II. 52), можетъ быть, основывается болѣе на теоріи, чѣмъ на дѣйствительности, но даже и по теоріи весьма интересно преданіе, что Пеласгійцы долго приносили молитвы и жертвы своимъ богамъ, не зная названія ни для одного изъ нихъ. Лордъ Бэконъ говоритъ совершенно противоположное о Вестъ-Индійцахъ, именно,—что у нихъ есть имена для каждаго изъ ихъ боговъ, но нѣтъ слова для бога.

Коль скоро человѣкъ начинаетъ сознавать самаго себя, коль скоро онъ чувствуетъ себя отличнымъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ и лицъ, онъ тутъ же и сознаетъ Высшее Существо, высшую силу, безъ которой онъ чувствуетъ, что не имѣлъ бы ни жизни, ни дѣйствительности, ни онъ, и никакое либо другое существо. Мы безъ всякой собственной заслуги такъ созданы, что только что проснемся, сейчасъ же со всѣхъ сторонъ чувствуемъ свою зависимость отъ чего-то другаго, и всѣ народы такъ или иначе говорятъ вмѣстѣ съ Псалмопѣвцемъ: «Онъ насъ сотворилъ, а не мы сами себя.» Это есть первое ощущеніе Божества, или sensus numinis,

---

[45]) Кн. Бытія 32, 29.
[46]) Исходъ 3. 13.

какъ его вѣрно назвали; это ощущеніе дѣйствительно есть sensus, не посредственное воспріятіе, не результатъ мышленія или обобщенія, а представленіе столь же неодолимое, какъ и впечатлѣнія нашихъ чувствъ. Мы принимаемъ его также невольно, какъ видимъ въ высотѣ образъ солнца, или какъ принимаемъ какія либо другія впечатлѣнія нашихъ чувствъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ процессахъ нашего мышленія мы болѣе бываемъ дѣйствующими, чѣмъ страдающими. Этотъ sensus numinis— или называя его болѣе обыкновеннымъ, извѣстнымъ словомъ—*вѣра* есть источникъ всей религіи; безъ нея не возможна никакая религія, не истинная, и не ложная.

Тацитъ [47]) говоритъ, что Германцы примѣняли названія боговъ къ тому таинственному предмету, который они сознавали однимъ только благоговѣніемъ. Тоже самое было и въ Греціи. Называя предметъ своего sensus numinis *Зевсомъ*, отцы Греческой религіи разумѣли подъ этимъ именемъ болѣе, чѣмъ простое небо. Высокое блестящее небо на многихъ языкахъ и во многихъ религіяхъ [48]) считалось жилищемъ Бога, и названіе жилища легко могло быть отнесено къ тому, кто пребываетъ на небесахъ. Аристотель (De Coelo I. 1, 3) замѣчаетъ, что «всѣ люди ощущаютъ божество, и всѣ ему приписываютъ самое возвышенное мѣстоприбываніе.» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Древніе отводили богамъ небо и пространство сверхъ неба, потому оно одно было вѣчно.» По свидѣтельству Прокопія, [49]) Славяне одно время поклонялись только одному богу, производителю молніи, *и нѣкоторые ученые ссылаются между прочимъ и на это показаніе, въ подтвержденіе того, что рядомъ съ поклоненіемъ божествамъ стихійнымъ, Славяне дѣйствительно вѣровали въ *единаго* верховнаго Бога; но что

---

47) Germania, 9: deorumque nominibus appellant secretum illud quod sola reverentia vident.

48) См. Carrière, Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwickelung, стр 49.

49) Welcker, тамъ же I. 137, 166· Proc. de bello Gothico, 3, 14, * А. Аѳанасьева «*Поэт. воззр. Славян на природу*» I. 131;*

такое мнѣніе передъ наукою не состоятельно, разобрано А. Аѳанасьевымъ (стр. 250). Литовскій Perkunas, богъ—громовникъ, употребляется синонимно съ deivatis, божество, а Русскій *Перунъ*, разъѣзжающій по небу въ пламенной громовой колесницѣ, обозначалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самое небо.* [49]) Китайское *цянь* означаетъ небо и день, но въ то же время подобно Санскр. Dyu, употребляется какъ названіе бога. Въ 1715 г. Папа запретилъ указомъ римско-католическимъ миссіонерамъ употреблять *Цянь* какъ названіе бога, а велѣлъ замѣнить это имя словомъ *Цянь-чу*, царь небесъ, но языкъ оказался сильнѣе Папы. Въ Тюрскихъ нарѣчіяхъ однако слово *Тенгри*, можетъ быть, одного начала съ *Цянь*, имѣетъ значеніе неба, бога неба, бога вообще, или добраго и злаго духа. 50) Тѣ же значенія приписываются Кастреномъ Финскому *Юмала*, гремящій. [51]) Даже на нѣкоторыхъ изъ нашихъ Индо-европейскихъ языковъ «небо» почти синонимно съ Богомъ. Блудный сынъ, возвращаясь къ своему отцу, говоритъ: [52]) «Встану, пойду къ отцу моему, и скажу ему: Отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою,» *Въ Русскомъ есть молитвенное обращеніе: «Ты, небо, слышишь, ты небо, видишь!»* Находя названіе неба въ такомъ переносномъ значеніи Бога, надо помнить, что принявшіе первоначально такое названіе, перенесли его отъ одного предмета, представлявшагося ихъ тѣлесному глазу, на другой предметъ, постигаемый другимъ органомъ познанія, душевнымъ окомъ. Кто первый назвалъ Бога Небомъ, тотъ имѣлъ въ своей душѣ то, чему онъ желалъ дать имя—возникающій въ немъ образъ Бога; тѣ же, которые въ позднѣйшія времена назвали небо Богомъ, забыли, что высказываютъ о небѣ что-то болѣе высокое, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ.

---

50) Castrèn, Finnische Mythologie, 14. Welcker. Griech. GötterI., 130. Klaproth, Sprache und Schrift der Viguren, 9. Boehtlingk, Die Sprache der Jacuten, Worterbuch, 90, см. сл. tagara. Kowalewski, Dictionnaire Mongol—Russe—Francais, III, 1763.

51) Castrèn, стр. 24.

52) Лук. XV. 18.

Не смотря на мракъ, которымъ миѳологія покрыла имя Зевса, 53) можно однако замѣтить, что онъ для Грековъ первоначально былъ верховнымъ, истиннымъ, а иногда даже единымъ. Но этимъ еще далеко не сказано, чтобы Гомеръ вѣрилъ въ одно высшее, всемогущее и всевѣдущее существо, въ создателя и вседержителя міра. Подобное утвержденіе требовало бы значительнаго ограниченія. Зевсъ Гомера полонъ противорѣчій. Онъ предметъ миѳологическихъ разсказовъ и предметъ религіознаго благоговѣнія. Онъ всевѣдущъ, но бываетъ обманутъ; онъ всемогущъ, но все-таки поражается; онъ вѣченъ, но имѣетъ отца; онъ справедливъ, но обвиняется въ преступленіяхъ. Самыя же эти противорѣчія объясняютъ намъ многое. Если бы всѣ эти представленія о Зевсѣ происходили изъ однаго и того же источника, то не могло бы существовать такихъ противорѣчій. Если бы Зевсъ просто означалъ бога, верховнаго бога, то онъ бы не могъ быть сыномъ Кроноса, или отцемъ Миноса. Если же, съ другой стороны, Зевсъ былъ просто миѳологическая личность, каковы Эосъ, утренняя заря, или Геліосъ, солнце, то къ нему не обращались бы такъ, какъ мы это находимъ въ извѣстной молитвѣ Ахилла. У Гомера и другихъ Греческихъ писателей не трудно указать на тѣ мѣста, въ которыхъ Зевсъ представляется ихъ высшимъ божествомъ. Вотъ напр. пѣснь Плеядъ въ Додонѣ, 54) древнѣйшемъ святилищѣ Зевса: «Зевсъ былъ, Зевсъ есть, Зевсъ будетъ, великій Зевсъ.» Въ этихъ словахъ нѣтъ и признака миѳологіи. Въ Гомерѣ 55) Зевсъ называется «отцемъ, славнѣйшимъ, величайшимъ, который правитъ всѣмъ, смертными и безсмертными.» Онъ совѣтодатель, и другіе боги не постигаютъ его мыслей. (Ил. I, 545). Его власть самая великая (Ил. IX. 25), 56) и онъ даетъ человѣку силу, мудрость и честь. Такъ ча-

---

53) Срв. Welcker, стр. 129.
54) Welcker, 143. Paus. 60, 12, 5.
55) Тамъ же, 176.
56) «Jupiter omnipotens regum rerumque deûmque Progenitor genitrixque deûm.» Valerius Soranus, in Aug., De Civ. Dei. VII, 10.

сто применяемаго къ одному только Зевсу выраженія «отецъ боговъ и людей,» одного было бы достаточно, чтобы показать, что религіозное представленіе о Зевсѣ никогда не было совсѣмъ забыто, и что вопреки разнымъ Греческимъ легендамъ относительно сотворенія человѣческаго рода, понятіе о Зевсѣ, какъ объ отцѣ и творцѣ всѣхъ предметовъ, но преимущественно человѣка, въ душѣ Греческаго народа никогда не изглаживалось. Оно обнаруживается въ необдуманной рѣчи Филотія [57]) въ Одиссеѣ, обвиняющаго Зевса въ томъ, что онъ не имѣетъ состраданія къ людямъ, *хотя онъ самъ ихъ сотворилъ*; въ философскомъ воззрѣніи на мірозданіе, высказанномъ Клеантомъ или Аратомъ, это представленіе близко подходитъ къ тому виду, въ которомъ оно намъ извѣстно по изреченію Св. Павла: «Ибо и мы его родъ.» Сходство съ Богомъ (homoiótēs theó) было главною цѣлью Пиѳагорейскаго нравоученія, [58]) и согласно съ Аристотелемъ уже давно было извѣстно, что все существуетъ отъ Бога и чрезъ Бога. [59]) Всѣ лучшіе по-Гомерическіе поэты признаютъ Зевса за высшаго, истиннаго бога. Пиндаръ [60]) говоритъ, «что Зевсу досталось что-то болѣе того, чѣмъ обладали другіе боги.» Онъ называетъ его вѣчнымъ отцомъ и приписываетъ человѣку божественное происхожденіе.

«Одно—есть родъ человѣческій, другое—родъ боговъ. [61]) Оба получили дыханіе отъ одной матери, но надѣлены различно, такъ что одинъ родъ, человѣческій, есть ничто, а мѣдное небо вѣчно остается неподвижнымъ трономъ. Но все-таки мы ближе къ безсмертнымъ, величіемъ ли ума или образомъ, хотя не знаемъ, для какой цѣли, и днемъ и ночью, судьба назначила намъ спѣ-

---

57) Од. XX, 201: ....О Зевсъ! ты безжалостнѣй всѣхъ, на Олимпѣ живущихъ!
Нѣтъ состраданья въ тебѣ къ человѣкамъ; ты самъ нашъ создатель и т. д.
(Перев. Жуковскаго).

58) Cic. Leg. I. 8. Welcker, Gr. Götterl., I, 249.

59) De Mundo, 6. Welcker, Gr. Götterl., I, 240.

60) Pind. Fragm. v. 6, Bunsen, Gott in der Geschichte, II. 351. Ol. 13, 12.

91) Pind. Nem. VI. 1 (срв. XI. 43; XII. 7):

шитъ» «Временныя (однодневныя) мы существа: что мы? Не тоже ли—что нѣтъ насъ? Человѣкъ—какъ тѣнь. Но когда возсіяетъ посланный Зевсомъ лучъ, тогда на человѣка сойдетъ ясный свѣтъ и блаженная жизнь» 62).

Эсхилъ не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ своего настоящаго взгляда на Зевса. Его Зевсъ—существо отличное отъ всѣхъ прочихъ боговъ. Въ одномъ отрывкѣ 63) онъ говоритъ: «Зевсъ есть земля, Зевсъ—воздухъ, Зевсъ—небо, Зевсъ все и что находится надо всѣмъ. Все было дано богамъ, исключая того, чтобы стать властелинами; вполнѣ свободенъ только одинъ Зевсъ.» 64) Онъ называетъ его властелиномъ неопредѣленнаго времени; 65) онъ даже сознаетъ, что имя Зевса 66) не имѣетъ важности, но что за именемъ этимъ кроется власть, сильнѣе всякихъ именъ. Такъ хоръ въ Агамемнонѣ говоритъ:

«Кто бы ни былъ Зевсъ, если ему угодно, чтобы его такъ называли, я призываю его этимъ именемъ. Не могу найти никого, кромѣ Зевса, (къ кому бы обратиться), когда напрасное бремя заботъ желаю свалить съ сердца.»

Приведу еще одно мѣсто изъ Софокла, 67) чтобы показать, какъ и онъ въ минуты страха и религіознаго увлеченія, считаетъ Зевса за то же существо, которое мы называемъ Богомъ. Въ Электрѣ хоръ говоритъ:

«Утѣшься, утѣшься, дитя мое! На небѣ есть еще великій Зевсъ, который смотритъ за всѣмъ и всѣмъ управляетъ. Довѣрь ему твою слишкомъ горькую скорбь,

---

62) Pind. Pyth. VIII. 95:

63) Срв. Carrière, Die Kunst, I, 79.

64) Prom. vinctus, 49:

ἅπαντ᾽ ἐπράχθη πλὴν θεοῖσι κοιρανεῖν,
ἐλεύθερος γὰρ οὔτις ἐστὶ πλὴν Διός.

65) Supplices, 574: Ζεὺς αἰῶνος κρέων ἀπαύστου.

66) Клеантъ въ гимнѣ, приводимомъ Велькеромъ II. 193, обращается къ Зевсу съ словами: привѣтъ тебѣ, Зевсъ! славнѣйшій изъ безсмертныхъ, многомышленный, всегда всемогущій.

67) Electra, v. 188:

и не будь слишкомъ жестокъ противъ своихъ враговъ, но и не забывай ихъ.»

Но между тѣмъ какъ въ мѣстахъ, подобныхъ приведеннымъ, преобладаетъ первоначальное понятіе о Зевсѣ, какъ объ истинномъ богѣ, какъ о богѣ боговъ,—есть еще безчисленныя мѣста, въ которыхъ Зевсъ очевидно есть олицетворенное небо и едва отличается отъ другихъ божествъ, каковы напр. богъ солнца или богиня луны. Грекъ не сознавалъ, что различныя второстепенныя представленія входили съ различныхъ точекъ въ главную центральную идею о Зевсѣ. Для него имя Зевса связывалось только съ однимъ понятіемъ, а противорѣчія между божественными и природными элементами въ его характерѣ никѣмъ не были замѣчаемы, исключая тѣхъ, кто, мыслилъ самостоятельно и кто, подобно Сократу, зналъ, что ни одна легенда, ни одинъ священный миѳъ не могли быть истинны и вѣрны, коль скоро они бросили черную тѣнь на божественное существо. Намъ вполнѣ ясно, что разсказъ про Зевса, падающаго золотымъ дождемъ въ темницу Данаи, относился къ свѣтлому небу, освобождающему землю отъ оковъ зимы, и пробуждающему въ ней новую жизнь золотыми весенними дождями. Многіе изъ разсказовъ, повѣствующихъ о любви Зевса къ человѣческимъ и получеловѣческимъ героинямъ. имѣютъ подобное же происхожденіе. Понятіе, выражающееся въ словахъ «Царь Божіею милостью,» въ древнемъ языкѣ соотвѣтствовало тому, что царей называли потомками Зевса. 68) Это простое и естественное понятіе дало поводъ къ безчисленнымъ мѣстнымъ легендамъ. Большія семейства и цѣлыя племена называли Зевса своимъ предкомъ, и такъ какъ въ каждомъ случаѣ необходимо было привести его въ связь съ супругою,

---

68) Ил. II. 445, διοτρεφέες. Од. IV. 691, θεῖοι. Callim. Hym. in Jovem, 79, ἐκ Διὸς βασιλῆες. Bertrand, Dieux Prot. 157. Kemble, Saxons in England, I. 335. Cox, Tales of Thebes and Argos, 1864, введеніе, стр. I.

то весьма естественно названіе страны замѣняло недостающее звено въ этихъ священныхъ генеалогіяхъ. Такъ напр. Эакъ, извѣстный царь Эгины, считался потомкомъ Зевса. Это значило не болѣе того, что онъ былъ сильный, умный и справедливый царь. Но скоро оно стало означать гораздо болѣе. Про Эака говорили, что онъ дѣйствительно былъ сынъ Зевса, похитившаго Эгину, которая стала матерью Эака.

Аркадійцы (Ursini) производили свое происхожденіе отъ Аркаса; ихъ народное божество была Каллиста; это нечто иное какъ другое названіе Артемиды. 69) Аркаса считали за сына Зевса и Каллисты; чтобы однако спасти доброе имя Артемиды, богини цѣломудрія, Каллисту здѣсь представили только какъ одну изъ ея спутницъ. Скоро этотъ миѳъ развился еще болѣе: Каллиста превращается ревнивою Герою въ медвѣдицу. Она же послѣ этого, умерщвленная Артемидою, отожествляется съ Arktos, Большею Медвѣдицею. 70) Если спрашивали, почему созвѣздіе Медвѣдицы никогда не садится, то отвѣтъ у нихъ былъ готовъ: супруга Зевса просила Океана и Ѳетиду не позволять ея соперницѣ осквернять чистыя воды моря.

По другому миѳу Зевсъ въ видѣ быка похитилъ Европу. Если это перевести обратно на Санскритъ, то оно значитъ, что восходящее солнце (vrishan) уноситъ далеко свѣтящую утреннюю зарю. Въ Ведахъ очень часто намекаютъ на эту исторію. Для Миноса, древняго царя Критскаго, требовалось найти родителей, и такъ ему приписали происхожденіе отъ Зевса и Европы.

Все, что можно было высказывать о небѣ, приписывалось въ томъ или другомъ видѣ также и Зевсу. Зевсъ давалъ дождь, онъ гремѣлъ, отъ него снѣгъ и градъ, онъ бросалъ молнію, собиралъ облака, освобождалъ вѣтры, держалъ радугу. Зевсъ управляетъ и назначаетъ дни, ночи, мѣсяцы, годы и времена года. Онъ смотритъ за полями и стадами [71] и посылаетъ богатыя жат-

---

69) Müller, Dorier, I. 372. Jacobi, s. v. Kallisto.
70) Maury, Légendes Pieuses, 39, n.
71) Welcker, 169.

вы. Какъ небо, такъ и Зевсъ пребываетъ на высшихъ горахъ; подобно небу, онъ объемлетъ землю; подобно небу, Зевсъ вѣченъ, неизмѣненъ, онъ высшій богъ. [72]) Для добра и для зла Зевсъ—небо и Зевсъ—богъ смѣшиваются въ душѣ Грека, и языкъ торжествуетъ надъ мыслью, преданіе надъ религіей.

Какъ бы ни странно показалось такое смѣшиваніе, какъ бы невѣроятно ни показалось, что два такихъ понятія, каковы богъ и небо, могли слиться въ одно понятіе, и что перемѣны въ воздухѣ такъ или иначе считали за дѣйствія Того, кто управляетъ вселенною,—однако не забудемъ, что тоже самое, или приблизительно то же явленіе мы замѣчаемъ не только въ Греціи, но и вездѣ, гдѣ можно прослѣдить ростъ древняго языка и древней религіи. Псалмопѣвецъ говоритъ (XVII. 7—16):

7. «Въ сей тѣснотѣ моей призвалъ я Господа и къ Богу моему воззвалъ. Онъ изъ чертога своего услышалъ гласъ мой, и вопль мой къ Нему дошелъ до ушей Его.

8. «Потряслась, восколебалась земля, треснули и поколебались основанія горъ: ибо Онъ воспылалъ гнѣвомъ.

9 «Поднялся дымъ отъ гнѣва Его; изъ устъ Его исходилъ огнь поядающій; горящіе угли сыпались отъ Него.

10. «Онъ наклонилъ небеса и сошелъ мракъ подъ ногами Его.

11. «Возсѣлъ на Херувима и понесся, и полетѣлъ на крыліяхъ вѣтра.

12. «Мракъ сдѣлалъ покровомъ Себѣ, сѣнію вокругъ Себя, мракъ водъ, облаковъ воздушныхъ.

13. «Отъ блистанія предъ Нимъ, сквозь тучи Его, сыпался градъ и горящіе угли.

14. «Возгремѣлъ на небесахъ Господь, и Всевышній далъ гласъ Свой, (градъ и горящіе угли).

---

72) Bunsen, Gots in der Gesch. II. 352: «Gott vermag aus schwarzer Nacht zu erwecken fleckenlosen Glanz, und mit schwarzlockigem Dunkel zu verhüllen des Tages reinen Strahl.» Pindar, Fragm. 3.

15. «Пустилъ стрѣлы Свои, и разсѣялъ ихъ; множество молній, и разсыпалъ ихъ.

16. «И явились источники водъ, и обнажились основанія вселенныя отъ грознаго гласа Твоего, Господи, отъ дохновенія духа гнѣва Твоего.»

Даже и Псалмопѣвецъ въ своихъ вдохновенныхъ изреченіяхъ принужденъ прибѣгнуть къ нашему слабому человѣческому языку, и спуститься на уровень человѣческой мысли. Мы хорошо сдѣлаемъ, если будемъ имѣть въ виду разницу между тѣмъ, что говорятъ и что подъ сказаннымъ разумѣютъ.

Прежде чѣмъ оставимъ исторію про Dyu, мы должны разобрать еще одинъ вопросъ, на который однако не такъ легко отвѣтить. Говорили ли древніе Арійцы передъ своимъ разъединеніемъ о dyu, небѣ, и dyu, богѣ, вслѣдствіе корневой или поэтической метафоры? т. е. былъ ли предметъ sensus luminis, небо, названъ dyu, свѣтъ, и предметъ sensus numinis, Богъ, названъ dyu, свѣтъ, двумя самостоятельными актами, или было названіе неба, dyu, перенесено уже готовымъ для выраженія принятаго понятія о Богѣ, живущемъ на высшемъ небѣ? [74]) И то и другое возможно. Послѣдній взглядъ подтверждается многими аналогіями, которыя мы разсматривали прежде и въ которыхъ мы нашли, что названія, выражающія небо, очевидно были перенесены къ понятію о Божествѣ, или, какъ толкуютъ другіе, постепенно очистились и возвысились до обозначенія этого понятія. Нѣтъ причины не допускать этого. Всякое названіе сначала несовершенно, оно необходимо выражаетъ только одну сторону предмета, и особенно относительно именъ Бога, этотъ недостатокъ приводитъ къ изобрѣтенію или принятію новыхъ словъ, изъ которыхъ каждое

[74]) Festus, 32: Lucetium Jovem appellabant quod eum lucis esse causam credebant. Macrob. Sat. I, 15: unde et Lucetium Salii in carmine canunt, et Cretenses Δία τὴν ἡμέραν vocant, ipsi quoque Roman Diespitrem appellant, ut dici patrem. Gell. v. 12, 6. Hartung, Kel. der Röm. II. 9,

выражаетъ новое качество, которое чувствовалось существеннымъ и полезнымъ для воспоминанія новыхъ явленій, въ которыхъ открыли присутствіе Божества. Незримое и непостижимое Существо, которое требовалось назвать, было замѣчаемо въ вѣтрѣ, землетрясеніи и въ огнѣ гораздо раньше, чѣмъ оно было познаваемо въ тихомъ внутреннемъ голосѣ. По каждому изъ этихъ проявленій святое secretum illud quod solâ reverentiâ vident, могло получить имя, и пока чувствовали, что каждое изъ этихъ именъ было одно только названіе, бѣды никакой не было. Но названія имѣютъ стремленіе сдѣлаться предметами, nomina превращаются въ numina, *идеи* въ *идолы*, и если это случилось съ именемъ Dyu, то нечего удивляться, что многое, относящееся къ нему, который находится выше неба, было смѣшано съ сказаніями, относящимися къ небу.

Однако и въ пользу другаго взгляда можно многое сказать. Тожество неба съ Богомъ въ Арійскихъ языкахъ также можно объяснить процессомъ корневой метафоры. Кто полагаетъ, что всѣ наши понятія имѣютъ первыя свои начала въ чувственныхъ впечатлѣніяхъ, и что ни одно первоначальное понятіе не происходитъ изъ другаго источника, тѣ, понятно, примутъ первый взглядъ, хотя имъ было бы трудно объяснить, какимъ образомъ чувственныя впечатлѣнія, производимыя голубымъ небомъ, облаками или громомъ и молніею, могли создать совершенно различное отъ этихъ скоротечныхъ явленій существо, и какимъ образомъ чувства сами по себѣ, какъ Юнона въ своемъ гнѣвѣ, могли породить существо, какого до тѣхъ поръ никогда не было видано. Можетъ показаться какимъ-то мистицизмомъ, однако тѣмъ не менѣе совершенно разумно предположить, что въ началѣ было представленіе о томъ, что Тацитъ называетъ secretum illud, и что это таинственное и священное нѣчто при первомъ возникновеніи слова было названо Dyu, свѣтъ, безъ всякой особенной связи съ блестящимъ небомъ. Такъ какъ впослѣдствіи блестящее небо, по другой причинѣ, было названо dyu, свѣтъ, то миѳологиче-

скій процессъ, вызвавшій всѣ противорѣчія въ басняхъ о Зевсѣ, вполнѣ понятенъ. Оба слова dyu, внутренній свѣтъ и небо, подобно двойной звѣздѣ, слились въ одно въ глазахъ людей, такъ что ихъ нельзя было отличать помощью самыхъ сильныхъ зрительныхъ очковъ. При произношеніи этого слова смѣшиваются въ умѣ всѣ его значенія: свѣтъ, богъ, небо, день, и блестящій Dyu, богъ свѣта, совпадаетъ съ dyu—небомъ. Если Dyu первоначально означало блестящее Существо, свѣтъ, бога свѣта, и какъ asura, служило названіемъ Божественнаго, не сдѣлавшагося еще мѣстнымъ ни въ одной части природы, то намъ тѣмъ легче оцѣнить его примѣнимость къ выраженію высшаго вездѣсущаго Бога, вопреки вѣчно мѣняющимся обстоятельствамъ. Такъ Греческій Зевсъ не только властелинъ неба, но и правитель преисподней и властитель моря. 75) Узнавши въ имени Зевса первоначальное понятіе о свѣтѣ, не слѣдуетъ однако обманываться, стараясь найти въ первобытномъ словарѣ Арійцевъ столь возвышенныя значенія, какія приняли ихъ слова послѣ многихъ тысячелѣтій въ нашихъ языкахъ. Свѣтъ, блеснувшій въ первый разъ предъ ихъ внутреннимъ окомъ, не былъ еще тотъ чистый свѣтъ, о которомъ говоритъ Св. Іоаннъ. Не должно смѣшивать слова и мысли различныхъ вѣковъ. Хотя благовѣстіе Св. Іоанна «Богъ есть свѣтъ, и нѣтъ никакой тьмы въ Немъ,» 76) можетъ быть, напоминаетъ о чемъ-то подобномъ въ первобытныхъ лѣтописяхъ человѣческаго языка, и хотя высоко можно оцѣнить совпаденіе перваго лепетанія религіозной жизни съ зрѣлымъ языкомъ возмужалаго возраста міра,—однако, при сравненіи мы должны также различать и всегда понимать, что слова и предложенія хотя съ виду тѣ же, однако отражаютъ намѣреніе говорящаго вѣчно мѣняющимися углами.

Я не имѣлъ намѣренія входить въ подробности на счетъ исторіи Зевса или Юпитера, какъ она излагается

75) Welcker, Griech. Götterl. I. 164. Ил. IX. 457, Ζεὺς τε καταχθόνιος. Др. Скандин. tyr также употребляется въ этомъ обшемъ смыслѣ См. Grimm, Deutsche Mythol. 178.

76) Посл. Св. Іоанна, I. 1. 5; II. 7.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ
ЗАПИСКИ,

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ, И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. ХОВАНСКИМЪ.

1869.

ГОДЪ ОСЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ V.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. А Гольдштейна.

Содержание V выпуска.

«Филологическія Записки» будутъ издаваться и въ слѣдующемъ году. Объявленіе объ изданіи будетъ напечатано въ слѣдующей книжкѣ.

СОСТОЯНІЕ И ЗАДАЧИ ГРЕЧЕСКОЙ ЭТИМОЛОГІИ. ПО КУРЦІУСУ.

(Окончаніе.)

Возвращаясь къ вопросу объ отношеніи греческой системы звуковъ къ Индогерманскому праязыку, мы находимъ, что изъ 23 звуковъ остались въ немъ неизмѣнными 13, именно: гласный звукъ i, короткое и долгое, оба первые ряды согласныхъ нѣмыхъ, носовые и плавные звуки. Напротивъ, перешли изъ гласныхъ ŭ въ v̆, ū въ v̄, изъ согласныхъ звуковъ aspiratae (gh, dh, bh,) въ tenues aspiratae (kh, th, ph, = χ, ϑ, φ,). Звукъ a, долгій и короткій, распался на три звука: a, e, i, изъ spirantes звукъ j исчезъ совершенно, v—въ большинствѣ случаевъ, s, тоже въ весьма значительномъ объемѣ словъ передъ гласными или измѣнился въ придыхательный звукъ или выпалъ безслѣдно. При сравненіи звуковаго отношенія итальянскихъ языковъ, весьма близко родственныхъ съ Греческимъ, оказывается полное согласіе въ томъ, что нѣтъ ни одного начальнаго звука, который бы измѣнился въ итальянскихъ языкахъ, оставшись неизмѣннымъ въ Греческомъ. Наоборотъ, изъ 10 звуковъ, измѣнившихся въ Греческомъ, въ Итальянскомъ вполнѣ удержалось долгое и короткое u, остались такъ же и три spirantes, хотя и не вездѣ. Непремѣнному и рѣшительному измѣненію подпали 5 звуковъ, именно три aspiratae и оба a (долгое и короткое), распавшіеся точно также, какъ и въ Греческомъ.

Это распаденіе должно, конечно, относиться къ общему греко-итальянскому періоду. Формы lego, ego слѣдуетъ считать греко-итальянскими, имѣвшими этотъ самый видъ, когда греки составляли одинъ народъ съ италійцами, впрочемъ отдѣлившись уже отъ остальныхъ индогерманцевъ. Точно такъ же anemos есть форма грекоиталійская, сохранивщаяся у грековъ безъ измѣненія, а у латинянъ ослабленная уже въ историческое время въ animus. Указанное распаденіе звука а есть общее явленіе всѣхъ европейскихъ родственныхъ языковъ въ отличіе отъ восточныхъ языковъ. Въ значительномъ ряду родственыхъ словъ удержалось древнее а, напр.

греч. ἄγω лат. ago древн. aka
— ἄλλος — aliu—s готск. ali—s
— αντί — ante — and литовс ant.

Въ болѣе значительномъ числѣ случаевъ это а переходитъ въ е и даже въ i, напр.

греч. δέκα лат. decem, др. нѣм. zehan, цер. сл. десять
— ἕδος — sedeo готск. sita литов. sidmi
— μέσσος — mediu-s — midji-s цер. сл. между

Въ меньшемъ числѣ случаевъ замѣчается пониженіе а въ о и u, напр.

греч. βοῦ-ς, лат. bo-s, др. нѣм. chuo, цер. сл. говядо

Во всѣхъ этихъ случаяхъ замѣчается весьма близкое родственное отношеніе между Греческимъ и Латинскимъ, и особенно въ томъ, что оба эти языка допускаютъ на мѣсто древняго а болѣе низкій звукъ (о) тамъ, гдѣ не встрѣчается это въ сѣверныхъ языкахъ. Напр.

греч. γι-γνώ-σκ-ω лат. gno-sc-o, др. н. knâ-u, цер. сл. зна-ти
— ὄϊ—ς, — ovi-s готс. avi-str лит. avi-s
— ὀκτώ — octo — ahtau — asztûni

Такимъ образомъ, хотя указанное распаденіе гласныхъ не есть исключительная принадлежность классическихъ языковъ, но все же явленіе это по преимуществу свойственно и обще имъ обоимъ. Можно думать, что при звукѣ а уже въ самое раннее время былъ звукъ е и уже гораздо позже выступилъ звукъ о, и что перемѣна а въ о случилась уже тогда, когда прекратилось общеніе сѣверныхъ языковъ съ южными. Въ грекоиталійскомъ періодѣ звукъ а переходилъ въ болѣе низкій звукъ, и это служитъ указаніемъ на болѣе продолжительное и болѣе тѣсное общеніе грековъ съ римлянами, - Кельтскіе языки ближе въ этомъ отношеніи къ югу, нежели къ сѣверу.— Вообще можно сказать, что звуковыя отношенія въ итальянскихъ языкахъ древнѣе, чѣмъ въ Греческомъ.— Въ Готскомъ языкѣ звуковыя измѣненія совершенно иныя. Spirantes, потерпѣвшія такъ много перемѣнъ у грекоиталійцевъ, остаются здѣсь вполнѣ неизмѣнными; зато подпали отложенію (verschoben) всѣ нѣмые, такъ что это verschiebung составляетъ характеръ Нѣмецкаго языка. Подобное же явленіе замѣчается и въ славяно-литовской семьѣ языковъ, въ которыхъ особенно любимы spirantes и отличительнымъ характеромъ которыхъ служатъ разнообразныя измѣненія гортанныхъ нѣмыхъ.

XI.

Необходимость ученія о значеніи словъ.

При этимологическомъ разборѣ слова одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ—указать прочныя основы для перехода значенія слова. Замѣчая, что большая часть индогерманскихъ звуковъ въ Греческомъ осталась неизмѣнной, а въ измѣненіи остальнаго замѣтны простые законы, мы не должны предполагать въ немъ

особенно значительнаго числа корней и словъ получившихъ совершенно самостоятельное значеніе, сравнительно съ значеніемъ первобытнымъ. По крайней мѣрѣ оказывается не много разностей; но за то они такого характера, что трудно будетъ подвести ихъ подъ законы или аналогичныя явленія, даже при изслѣдованіи развитія значеній въ предѣлахъ одного языка.

Слова извѣстнаго языка въ развитіи значенія идутъ не по прямой, логической дорогѣ, и было бы заблужденіемъ указывать имъ такой путь. Кто захотѣлъ бы втискивать слова языка въ предположенныя логическія рамки, тотъ убьетъ въ нихъ духъ свѣжести, свободы и оригинальности т. е. уничтожитъ самою душу языка. Часто указывали на необходимость ученія о значеніи словъ съ цѣлью именно провести и установить въ языкѣ извѣстнаго рода дисциплину. Рейсигъ отводитъ ему особое мѣсто въ грамматикѣ между ученіемъ о формахъ (этимологіей) и синтаксисомъ; впрочемъ, въ своихъ Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft самъ онъ ограничился для этой части грамматики отрывочными замѣчаніями, скорѣе относящимися къ реторикѣ.

Ученіе о значеніи словъ имѣетъ цѣлью показать, — не касаясь формъ флексій, значеніе которыхъ обыкновенно разбирается въ синтаксисѣ, а также и элементовъ образующихъ слова, которыя относятся къ ученію объ образованіи именъ, — какимъ особеннымъ путемъ развивалось въ языкѣ значеніе словъ,—задача въ высшей степени важная, такъ какъ въ процессѣ возникновенія въ языкѣ понятій съ духовнымъ характеромъ самымъ нагляднымъ образомъ распознается особенная духовная жизнь этого народа. Но какъ для указанія переходовъ звуковъ должно быть предложено состояніе звуковъ въ началѣ, такъ точно для перехода значенія служатъ прочной основой коренныя слова прежде этого пере-

хода, а къ обоимъ этимъ началамъ ведетъ только путь историческаго сравненiя языковъ. Итакъ остается пока съ особенною осторожностью заготовлять предварительно матерiалъ для отдѣльныхъ языковъ, предоставляя будущему выводить изъ этого матерiала значенiе словъ какъ индогерманскихъ, такъ и спецiально принадлежащихъ отдѣльнымъ языкамъ. И подобно тому, какъ общее языкознанiе, быть можетъ, современемъ достигнетъ того, что для всякаго звуковаго перехода укажетъ общiе свойственные всѣмъ языкамъ законы,—а съ этой точки зрѣнiя уже выяснены отдѣльныя чрезвычайно- важныя явленiя въ языкѣ, напримѣръ Гумбольдтомъ—форма двойственнаго, Поттомъ—принципъ числительныхъ и удвоенiе, Шлейхеромъ—дзетацизмъ, точно такъ же возможно будетъ указать общiе человѣческiе законы и аналогiи для перехода значенiя словъ, которыя, конечно, будутъ имѣть величайшую важность и для философскаго языкознанiя и для философiи вообще Какъ великъ былъ бы интересъ, если бы, напримѣръ, признанное въ общемъ положенiе, что abstractum выходитъ изъ concretum, было проведено черезъ обильный рядъ примѣровъ, взятыхъ изъ разныхъ языковъ. Но это еще далекiе взгляды на несомнѣнно великую и богатую будущность языкознанiя, надъ элементами котораго намъ еще довольно предстоитъ работать. Впрочемъ отчего намъ, при нашей элементарной работѣ, не имѣть въ виду этой отдаленной цѣли? Доселѣ сравнительное языкознанiе не достаточно преслѣдовало ее; часто оно терялось въ мелочахъ, гдѣ каждый экспериментировалъ по своему, часто не обращая вниманiя на изслѣдованiя другихъ. Для таинственной области развитiя значенiй въ словахъ совершенно необходимъ руководящiй взглядъ.

Прежде всего мы должны выйти изъ того положенiя, что вообще есть границы въ переходѣ значенiй, и что если, при усилiяхъ схватить истинное значенiе первичнаго слова или корня, намъ иногда при-

ходится выражаться: quo teneam voltus mutantem Protea nodo, то усиленному и настойчивому стремленію долженъ наконецъ Протей подать свои голосъ. Всѣ народы нашего племени отъ Ганга до Атлантическаго океана одной и той же звуковой группой sta выражаютъ представленіе *стоянія*; звуковой группой plu, при незначительныхъ впрочемъ измѣненіяхъ, у всѣхъ народовъ связано представленіе *теченія*; это не могло быть случайнымъ явленіемъ. Одно и тоже представленіе въ продолженіе столѣтій связывалось съ одними и тѣми же звуками потому, что для чувства народа между обоими находилась внутренная связь т е потому, что существовала естественная наклонность выражать это представленіе именно этими звуками. Философія языка должна признать поступметъ физіологическаго значенія звука и не иначе можетъ объяснить происхожденіе слова, какъ только признавъ отношеніе звуковъ его къ тому впечатлѣнію, которое вызываютъ въ душѣ говорящаго предметы, обозначаемые этими звуками. Такимъ образомъ представленіе, точно душа, живетъ въ звукѣ; «понятіе, по словамъ Гумбольдта, такъ же мало можетъ отрѣшаться отъ звука, какъ человѣкъ отказываться отъ своей точки зрѣнія» Дѣло здѣсь именно въ томъ, чтобы изъ многихъ недѣлимыхъ извѣстнаго семейства словъ схватить основной ихъ типъ и всмотрѣться въ перемѣны, которыя, при древности языка, столь же необходимы въ физіономіи словъ, какъ и въ чертахъ лица человѣка; въ этомъ смыслѣ можно говорить о физіономикѣ языковъ. Помощію логическихъ схемъ тутъ ничего не уловишь; все объясняется здѣсь извѣстными подходящими основными воззрѣніями, при разборѣ которыхъ, языкознаніе приходитъ въ соприкосновеніе съ психологіей, и тактичнымъ способомъ открытія аналогій.

XII.

Общій ходъ въ развитіи значенія словъ.

При этихъ излѣдованіяхъ нельзя упускать изъ виду того, какъ вообще мы представляемъ себѣ древнѣйшее состояніе слова по отношенію къ значенію: развился ли языкъ изъ ограниченнаго числа простыхъ понятій, или же въ дѣтствѣ уже языкъ обладалъ богатымъ разнообразіемъ не столько понятій, сколько конкретныхъ представленій, возникшихъ изъ живыхъ воззрѣній? Если развитіе языка началось съ простыхъ понятій, въ такомъ случаѣ мы должны признать эти понятія за исходный пунктъ. И дѣйствительно, не разъ были попытки все богатство разнообразія словъ подвести подъ нѣкоторыя простыя основныя понятія. Такъ К. Фридр. Беккеръ въ своемъ сочиненіи: Das Wort in seiner organischen Verwandlung принимаетъ *12 основныхъ понятій* (Cardinalbegriffe), изъ которыхъ предполагаетъ вывести всѣ остальныя понятія и представленія. Со всею справедливостію возстали противъ этой теоріи Поттъ и Гейзе. Человѣкъ образуетъ себѣ понятія помощію абстракціи и обобщенія изъ отдѣльныхъ представленій, которыя необходимо должны существовать въ насъ до понятія. Такъ понятіе хожденія предполагаетъ представленія—«блужденія» «скитанія» «шаганья» «ползанья» «всхожденія на гору» «бѣганья» «поспѣшности» «прыганья,» изъ которыхъ человѣкъ составилъ себѣ общее, обнимающее всѣ эти представленія, понятіе лишь въ то время, когда начало пробуждаться въ немъ рефлектирующее мышленіе. Тоже и съ именными понятіями. Впродолженіе тысячелѣтій человѣкъ называлъ животныхъ поодиночкѣ, и только послѣ онъ нашелъ выраженіе, которое стало обозначать всѣхъ животныхъ вмѣстѣ; такъ слово ζῶον, которое, подобно animal, обнимаетъ всѣ живыя существа, есть слово послѣ-гомерическое. Если бы языкъ въ самомъ

дѣлѣ выходилъ изъ 12 основныхъ понятій, признаваемыхъ Беккеромъ, въ такомъ случаѣ для каждаго изъ этихъ понятій мы должны ожидать одного только корня. На дѣлѣ совершенно не то. Для перваго изъ основныхъ понятій Беккеровыхъ, для хожденія мы находимъ въ индогерманскихъ языкахъ нѣсколько корней, между которыми нѣтъ ни малѣйшей звуковой связи. Два самые распространенные звука первонально i и gâ, въ Греческомъ ἰ и βα, хотя они неоспоримо означаютъ *итти*, оба еще въ гомерическое время такъ различались между собой, что могли соединяться въ формы, въ родѣ βάσκ' ἴθι, βῆ ἰέναι.

Если въ созданіи языка коренится внутреняя необходимость. то не можетъ быть случайнымъ то явленіе, что для дѣйствія, которое съ точки зрѣнія рефлексіи образуетъ одно понятіе, встрѣчаемъ два совершенно различныя слова. Отъ различія словъ мы должны заключить къ первоначально различнымъ представленіямъ, которыя по необходимости нашли свое выраженіе въ различныхъ звуковыхъ образахъ. Такимъ образомъ индогерманцы гораздо раньше выражали различія, нежели общее понятіе *хожденія*. Это же самое замѣчаемъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Понятіе «видѣть» для сознанія грековъ до такой степени не единично, что для выраженія его въ различныхъ временахъ они пользовались различными корнями. «Внезапно замѣтить» они обозначали чрезъ ἰδεῖν, «продолжительно смотрѣть» — производнымъ глаголомъ ὁρᾶν, корень котораго очевидно въ οὖρος сторожъ; если они хотѣли выразить будущее, а также оконченое дѣйствіе, то обращались къ корню οπ, который, происходя изъ ὀκ, далъ въ индогерманскихъ языкахъ названіе органу зрѣнія. Только по помощію этихъ трехъ звуковъ могли они выразить понятіе «смотрѣть.» Кромѣ того есть еще другіе особые глаголы для того же понятія, которыми обозначаются другіе оттѣнки его и даже другія пред-

ставленiя, изъ которыхъ помощiю комбинацiй образуется это понятiе. Всякiй желающiй можетъ видѣть изъ этихъ очевидныхъ фактовъ, что разнообразiе раньше единичности, и можетъ отказаться отъ всякой попытки возиться съ основными понятiями Беккера,— попытки, которая въ своемъ родѣ столько же извращаетъ значенiе слова, сколько извращаетъ область развитiя звуковъ другая попытка—возводить множество находящихся въ дѣйствительности корней къ ограниченному числу первичныхъ формъ.

Если мы, вмѣсто того чтобы деспотически подчинять языкъ нашимъ капризамъ, сами станемъ учиться у него, то по необходимости придемъ къ совершенно противоположному взгляду, который недавно раскрытъ съ такой ясностью и послѣдовательностью въ превосходномъ сочиненiи Гейзе. «Если смотрѣть на корни, какъ на «основную матерiю, общую цѣлому семейству словъ, «то значенiе ихъ должно казаться гораздо болѣе об«щимъ, т. е. болѣе неопредѣленнымъ сравнительно «съ значенiемъ каждаго отдѣльнаго слова образовав«шагося изъ нихъ;—сначала со стороны формы, а «потомъ и со стороны матерiи, такъ какъ матерiя «не можетъ быть абсолютно отдѣлена отъ формы, и «при формальномъ ограниченiи само содержанiе ста«новится инымъ. Если же мы будемъ имѣть въ виду «происхожденiе корня и будемъ считать его продук«томъ воззрѣнiя, возникшаго изъ чувственнаго вос«прiятiя, то, напротивъ, онъ долженъ служить выра«женiемъ чего-то совершенно отдѣльнаго и особен«наго Корень шире, больше по объему, чѣмъ всякое «развившееся изъ него слово, и въ то же время, «по своему первичному содержанiю, индивидуальнѣе, «съ болѣе чувственнымъ воззрѣнiемъ, и непосредствен«но живѣе. Измѣненiе значенiя состоитъ обыкновен«но въ переходѣ отъ единочности чувстеннаго воспрi«ятiя къ болѣе или менѣе обшему воззрѣнiю или «представленiю, и отсюда опять къ единичности.» Можно даже сказать, что различiе синонимовъ древ-

нѣе и первоначальнѣе, чѣмъ различіе объемовъ понятій. Прежде указано на это въ отношеніи къ понятію «итти» и «видѣть;» теперь обратимся вновь къ этому послѣднему понятію, такъ какъ убѣдительно до очевидности, что представленія — смотрѣть (des schauens), наблюдать, подстерегать (spähens), взглянуть (Blickens), внимать (Achtens), остерегаться (Wahrens), различались гораздо прежде чѣмъ обозначеніе дѣятельности чувствъ, наприм. зрѣнія, слуха и осязанія. Еще позднѣйшаго развитія слова, которыя какъ αἰσθάνεσθαι «чувствовать» обозначаютъ вообще чувственное воспріятіе.

Индогерманскій корень skav удержался въ греческ. въ формѣ σκοϜ, κοϜ и не только имѣетъ значеніе смотрѣть въ θυοσκό — ος, но также въ κοᾷ (ακόυει) значеніе «слушать» «узнавать по слуху.» Границы обоихъ чувствъ перемѣшаны, но сохранено индивидуальное основное значеніе, которымъ различаются «смотрѣть» отъ «взглянуть» и «подстерегать,» такъ оно выступаетъ въ латинскомъ cavere, cavtus и въ готск. skau—s, осторожный. Общее этого кореннаго значенія лежитъ въ самомъ понятіи, а именно въ томъ, что представленіе «смотрѣть со внимательностью (des bedächtigen schauens) ни къ чему еще не имѣетъ особеннаго приложенія. Отсюда съ такой же легкостью развивается представленіе «смотрѣть съ осторожностью,» (des vorsichtigen schauens) какъ и представленіе «наблюденія веселаго, удовлетвореннаго» откуда произошло готск. skaun-s schön. Основное понятіе есть взглядъ останавливающійся. Это чувственное значеніе проглядываетъ между прочимъ и въ латинской формѣ lege cautum est «предусмотрѣно закономъ.» По аналогіи чувствъ этотъ корень, какъ мы видѣли, скорѣе можетъ перейти отъ чувства зрѣнія къ чувству слуха, чѣмъ отъ одного специфическаго значенія къ другимъ, каковы «взглянуть» (Blickens), «наблюдать» (spähens).

Точно также древнее представленіе spähens,

какъ и представленiе schauens. Въ Нѣмецкомъ языкѣ оба эти слова такъ удачно различаются непосредственнымъ чувствомъ. Первоначальный корень для этого представленiя spak, откуда санскр. spaça — s, греческ σκοπό — ς «соглядатай,» латин. specula «мѣсто наблюденiя.» Нѣсколько обобщено значенiе латинскаго корня spec въ speculum, conspicio, adspicio. Впрочемъ, духъ языка дозволяетъ себѣ и обобщать представленiя «высвобождаться отъ своего натуральнаго элемента,» какъ мѣтко выразился Гейзе, тогда какъ онъ же, по силѣ непобѣдимаго употребленiя, далъ только одной птицѣ названiе σκῶψ. Отъ того же основнаго чувственнаго воззрѣнiя Греческiй языкъ достигъ до понятiя цѣли σκοπὸς и вникающей, доискивающейся мысли σκεπτεσθαι, σκοπεσθαι. Третiй синонимъ для понятiя «смотрѣть» первонально ak въ грекоитал. ok въ словѣ oc—ulu—s, въ церк. слав. ok—o, въ грч. черезъ перемѣну гортанной въ губную οπ въ ὄφις, ὄφομαι. Индивидуальное значенiе этого корня «бросить взглядъ,» «взглянуть», и быть можетъ, краткимъ продолженiемъ дѣйствiя, выражаемаго корнемъ, объясняется то обстоятельство, отъ чего онъ не употребляется въ греческомъ для выраженiя продолжающагося дѣйствiя настоящаго. Въ четвертомъ корнѣ Fιδ мы можемъ какъ самое характеристическое отмѣтить то, что изъ него, по крайней мѣрѣ въ четырехъ родственныхъ языкахъ, развивается понятiе знанiя греческ. οἶδα, санскр vêda, готск. vait, церк. слав. *вѣд-ѣ-ти*. Вѣроятно съ этимъ корнемъ съ самаго начала было связано представленiе познающаго, открывающаго зрѣнiя, вслѣдствiе чего грекъ удержалъ чувственное значенiе этого корня для аориста. Пятый синонимическiй корень въ его древнѣйшемъ видѣ dark, санскр. dadarç—a, греческ. δέ-δορκ-α; δράκων (о которомъ говорится: δράκων παρὰ τὸ δέρκω, το βλέπω οξυδερκες γαρ τὸ ζῶον) змѣй—драконъ, δορκ—άς сайга, санскр. dṛç глазъ, древне-

санскр—torh.t splendens—даютъ понять, что собственное значеніе этого корня есть представленіе взгляда «яснаго,» «свѣтлаго,» «озаряющаго».—На родство ὁράω съ οὖρος указано уже выше; корень For, при чемъ имѣемъ верхн. нѣмецк. war-a, cura, war-t, custos, такъ же ὤρα забота; быть можетъ, сюда же относится лат. ver—e—or. Поэтому корню For мы можемъ дать основное значеніе «заботливаго, осторожнаго наблюденія.»—Кромѣ этихъ шести глаголовъ, мы имѣемъ рядъ другихъ; наприм. въ греческомъ λεύσσω, βλέπω, θεάομαι.

Во всѣхъ приведенныхъ словахъ первоначальное различіе въ высшей степени ясно и можетъ разсѣять всякую мысль объ основныхъ понятіяхъ. Это же самое разнообразіе можетъ быть указано по отношенію ко многимъ другимъ понятіямъ; стоитъ только вспомнить о множествѣ корней, имѣющихъ значеніе «говорить,» о разнообразныхъ глаголахъ для выраженія «блеска,» «сіянія.» Въ этомъ многоразличіи конкретныхъ и совершенно индивидуальныхъ представленій, изъ которыхъ каждое обладаетъ способностью обобщаться и стать знакомъ для понятія, лежитъ главная основа для объясненія множества синонимовъ (πολυωνομία), а такъ же для объясненія множества языковъ и уклоненій, которыя неизбѣжны въ жизни языковъ, даже близко родственныхъ. Чтобы понять это отношеніе—необходимъ особеннаго рода смыслъ, который болѣе изощряется филологической обработкой отдѣльныхъ языковъ, нежели чрезвычайно обширными изслѣдованіями о строѣ языка вообще. Здѣсь-то кроется слабость сравнительной грамматики въ направленіи, данномъ ей Боппомъ, слабость, которая весьма естественно объясняется неизмѣримымъ объемомъ задачъ, подлежащихъ разрѣшенію. Тутъ необходимо чутье языка, чувствительность къ коренящейся въ языкѣ поэзіи, - что не подмѣчено никѣмъ лучше Якова Гримма—а съ другой стороны необходимо

вниманіе къ темнымъ путямъ словообразованія и къ разнообразію въ словоупотребленіи,—что не рѣдко указываетъ Дедерлейнъ въ удачныхъ комбинаціяхъ. Пока всѣ этимологическія изслѣдованія имѣли своимъ предметомъ самый ранній періодъ жизни языка, то имъ не было никакой возможности останавливаться на отдѣльномъ языкѣ; теперь разъяснено особенно Штейнталемъ (Philologie Geschichte und Psyehol. s. 45), что успѣхъ въ этой области знанія условливается взаимодѣйсвіемъ частнаго изслѣдованія и общаго, языкознанія и филологіи.

Если мы, говоритъ Корціусъ, имѣемъ задачей возводить значеніе словъ, гдѣ только возможно, къ чувственнымъ, возможно индивидуальнымъ представленіямъ, и придерживаемся давняго положенія, что absracta происходятъ изъ concreta, то и въ примѣненіяхъ этого положенія необходима самая крайняя осторожность. Такимъ образомъ въ числѣ корней индогерманскихъ языковъ есть несомнѣнно и такіе, которые еще до раздѣленія языковъ выражали чисто духовныя дѣйствія. Таковы корни man (№ 429), smar (№ 466), gna (№135); впрочемъ и въ нихъ можно замѣтить, такъ сказать, обратное движеніе, изъ чисто духовнаго основнаго значенія они переходятъ къ представленіямъ, принадлежащимъ къ области чувственнаго міра. Индогерманскій корень man, означающій въ санскритскомъ «думать» и въ существительныхъ man—as, «animus,» ma—ti—s, мнѣніе, въ греческихъ μεμονα, μένος, μῆτις; въ латинскомъ memini, mens,| moneo, выражающій духовную дѣятельность, не можетъ быть отдѣляемъ ни отъ μαίνομαι, μῆνις, съ чувственнымъ значеніемъ, ни отъ μενω, maneo «остаюсь,» «ожидаю,» и нѣтъ сомнѣнія, что понятіе «остановки,» «замедленія,» въ противоположность «быстрому движенію,» впервые возникло въ языкѣ изъ понятія «вникающей,» «медленно движущейся мысли.» Точно такъ же латинск. mora «замедленіе» относится къ корню me въ me-mo-r, который въ греческомъ,

является въ видѣ mer въ μερ—ί—μνα, μερ—μη—ρα, а въ самомъ полномъ видѣ въ санскр. smṛ, (т. е. smar) «вспоминать.» Въ Латинскомъ языкѣ не осталось ни малѣйшаго сознанія объ отношеніи mora къ memor, и въ употребленіи онъ такъ обобщилъ это слово и происходящее отъ него morari, что помимо упомянутой аналогіи трудно было бы дойти до общности этихъ словъ.

XIII.

Пособія для открытія основнаго значенія.

Чтобы открыть основное представленіе въ извѣстномъ семействѣ словъ, нужно замѣнить, что собенную важность имѣетъ — добываніе его изъ глагола. Мы не будемъ возвращаться вновь къ прежнему заблужденію, будто корни — глаголы, будто глаголы были прежде, чѣмъ Nomina, но тѣмъ не менѣе полагаемъ несомнѣннымъ, что въ глагольныхъ формахъ развивается свободнѣе и шире всего представленіе корня; въ глаголѣ это представленіе находится нѣкоторымъ образомъ въ текучемъ состояніи, которое еще не установилось, и внимательное наблюденіе легче всего можетъ схватить его сущность. Въ Nomen выражается обыкновенно одна сторона этого представленія, въ глаголѣ многія; кромѣ того особенная выгода для этимолога въ томъ, что корень въ глаголѣ, при различіи временъ, является въ различномъ свѣтѣ. Различіе начинающагося и оконченнаго дѣйствія несомнѣнно состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ основнымъ представленіемъ глагола и относится вообще къ границѣ между матеріей и формой языка, между флексіей и образованіемъ словъ. Едва ли можно усумниться, что это различіе, впрочемъ безслѣдно изчезнувшее въ санскритскомъ, первобытно и относится даже къ древнѣйшему періоду индогерманскаго языка, если примемъ въ соображеніе, что весь

строй глагола, даже и индѣйскаго глагола, основывается на различiи глагольной основы (budh=πυθ) и основы настоящаго времени (bôdh=πευθ). Вмѣстѣ съ Штейнталемъ и Курцiусъ придерживается положенiя, что звукъ есть только второстепенный факторъ, а главный—внутренння душевная дѣятельность; для него совершенно не мыслимо, чтобы отношенiе такъ ясно выступающее въ Греческомъ и особенно въ Славянскихъ языкахъ, по которому совершенное дѣйствiе связано съ болѣе краткимъ коренным словомъ, а продолжающееся съ болѣе удлиненнымъ,—чтобы это отношенiе зависѣло чисто отъ случая и развилось уже послѣ раздѣленiя языковъ. Поттъ придерживается именно этого убѣжденiя и приводитъ замѣчательныя аналогiи изъ индѣйскихъ языковъ въ доказательство того, будто тонкiя отличiя въ продолжительности дѣйствiя явились какъ слѣдствiе рефлектирующаго разсудка и умственнаго образованiя. Измѣрять, сдерживаться, ограничивать,—это ни въ какомъ смыслѣ не можетъ быть дѣломъ индѣйцевъ, въ древнѣйшей поэзiи которыхъ замѣчается уже характеръ спиритуалистическiй, чуждый всего реальнаго; и что удивительнаго, если у нихъ въ самую раннюю пору затмилось сознанiе о тѣхъ отличiяхъ, которыя такъ мало имѣли значенiя для нихъ?

Такъ какъ въ однихъ корняхъ выражается основное представленiе какъ бы въ продолжающемся дѣйствiи, а въ другихъ оно имѣетъ значенiе дѣйствiя наступающаго, то вслѣдствiе этого нѣкоторые изъ нихъ употребляются только въ основѣ настоящаго времени, а другiе въ формѣ аориста; а поэтому разные недостаточные корни и глагольныя основы связываются въ языкѣ, чтобы достигнуть полнаго глагола; таковы: ὁρᾶν, — εἶδον — ἔψομαι, φερω — ἤνεγκα — ἄσομαι, sum — fui, ειμι — εφυν или ἐγενομην — πεφυκα или γεγονα, λέγω-εἶπον-ἐρῶ. Это первоначальное богатство Греческ. языка даетъ намъ въ этомъ отношенiи весьма важныя объясненiя. Въ самомъ дѣлѣ, помимо этихъ смѣшанныхъ

глаголовъ, не можетъ не имѣть значенія то обстоятельство, къ какому классу принадлежитъ извѣстный глаголъ, появляется ли въ аористѣ или въ настоящемъ болѣе краткая основа; и если настоящее время имѣетъ удлиненную основу, то расширяется она помощію нарастанія гласныхъ и носовыхъ звуковъ, или чрезъ удвоеніе или чрезъ прибавленіе характера σκ, придающаго глаголамъ значеніе начинательное. Въ большемъ числѣ случаевъ все это бросаетъ свѣтъ на значеніе корня и облегчаетъ трудную задачу—постигнуть его основное представленіе, въ особенности если при этомъ мы не будемъ терять изъ виду примѣненія отдѣльныхъ формъ въ живомъ употребленіи, именно, въ древнѣйшій періодъ языка. Греческій корень καμ означаетъ «приготовить,» «выработать» въ средн. залогѣ— «пріобрѣсть для себя;» но такъ какъ κάμνω (вида несовершеннаго, продолжающагося) имѣетъ уже особенное значеніе «быть усталымъ,» то представленіе «слабости,» «усталости» не можетъ быть основнымъ значеніемъ, потому что изъ этого основнаго значенія не можетъ развиться значеніе «приготовленія» для аориста.

Важно также для ученія о значеніи словъ различіе, такъ называемыхъ, genera verbi. Въ связи съ тѣмъ, въ дѣйствительномъ ли только, или въ среднемъ залогѣ употребляется извѣстный глаголъ и съ какимъ именно значеніемъ, въ связи съ этимъ разнообразится и мнѣніе объ основномъ значеніи.— Далѣе, если въ слѣдствіе богатства флексій, глаголъ выступаетъ въ различномъ освѣщеніи, то отъ соединенія съ предлогами разнообразится, такъ сказать, его положеніе. Отсюда нерѣдко получается новое объясненіе. Значеніе глагола въ его основѣ вполнѣ познается только въ томъ случаѣ, когда будутъ обозрѣны всѣ соединенія его съ предлогами, — требованіе едва ли выполнимое при состояніи нашихъ словарей. Для правильнаго пониманія латинск. корня tul не можетъ не имѣть важности то обстоятельство, что

корень этотъ слѣдуя въ значеніи за синонимическимъ корнемъ fer, не раздѣляетъ однако непереходнаго употребленія его, выступающаго въ формѣ differe=διαφέρειν. Наконецъ слѣдуетъ обращать вниманіе на управленіе глагола, въ которомъ высказываются иногда слѣды первоначальнаго значенія. Это—смежная область между этимологіей и синтаксисомъ. Синтаксисъ иногда впадаетъ въ заблужденіе, вслѣдствіе того, что развиваетъ управленіе глагола изъ значенія его въ позднѣйшемъ періодѣ языка, тогда какъ основаніе для этого лежитъ въ древнѣйшемъ представленіи, только сильно затемненномъ въ живомъ употребленіи языка.

Въ сравненіи съ глаголами Nomina кажутся неподвижными; они гораздо менѣе представляютъ удобства для открытія первоначальнаго смысла, заключающагося въ нихъ. Хотя производство именъ и помогаетъ въ этомъ дѣлѣ, подобно какъ и флексіи глагола, но оно рѣдко открываетъ намъ вполнѣ основное значеніе, дробящееся въ производныхъ словахъ, а только часть его. Поэтому для этимологіи имѣетъ величайшую важность вполнѣ обстоятельное сопоставленіе производныхъ словъ, и Курціусъ, при разработкѣ каждаго слова, указываетъ на важнѣйшія изъ производныхъ отъ него словъ. Даже образованія сравнительно позднѣйшаго времени, каковы уменьшительныя, иногда много содѣйствуютъ къ объясненію кореннаго слова. Первое требованіе при объясненіи основнаго значенія—это внимательнѣйшій пересмотръ всѣхъ способовъ употребленія слова, и въ этомъ отношеніи встрѣчаются недостатки у самыхъ извѣстныхъ этимологовъ. Часто весьма легко относятся къ значеніямъ и, вмѣсто того, чтобы черпать ихъ изъ живаго языка, обращаются къ перечнямъ корней и словарямъ, или искуственно составляютъ ихъ изъ недостаточнаго матеріала. Не малое затрудненіе для опредѣленія точнаго значенія слова и въ томъ, что сравнительная грамматика имѣетъ дѣло со многими

языками, при чемъ. конечно, невозможно съ одинаковой степенью довѣрчивости относиться ко всѣмъ имъ. Въ этомъ отношеніи будущее весьма много можетъ поправить наши работы, но все же мы не должны забывать объ опасностяхъ, грозящихъ намъ на каждомъ шагу.

Отъ корня an, имѣющаго въ санскритской глагольной формѣ значеніе « дышать », « дуть» (ἄνεμο-ς, anima), конечно происходитъ и anata-s огонь, доказательствомъ чему можетъ служить то, что представленіе «колеблющагося пламени» соединяетъ понятіе «дуть» и «горѣть». Однако это нисколько не уполномочиваетъ приписывать самому корню значеніе «горѣть» и близкое къ нему «блестѣть». Весьма вѣроятно, что санскр. agni-s = лат. ignis, литовск. ugni-s происходятъ отъ корня ag (санскр. ag) «двигать». но кто рѣшится на этомъ основаніи придавать и самому корню ag значеніе «горѣть?» Nomina всегда почти — до нѣкоторой степени такого рода названія, которыя образуются на основаніи какой нибудь черты прихотливо схваченной въ предметѣ. И едва ли возможно достаточно рѣзко указать различіе между такими единичными отпрысками и корнемъ, или говоря просто, между всюду просвѣчивающимся основнымъ значеніемъ и единичными примѣненіями и смѣлыми переходами его. Въ этомъ отношеніи не чужды обольщенія и перечни индѣйскихъ корней. Если вспомнить, какъ трудно схватить въ одномъ мѣткомъ выраженіи понятіе какого-нибудь слова, то едвали ошибочно будетъ полагать, что въ значеніяхъ, присоединяемыхъ грамматиками къ корнямъ, мы имѣемъ въ большей или меньшей степени только случайныя толкованія. Можно взять любыя слова изъ верхне-нѣмецкаго письменнаго языка, напр heben. schöpfen, ahnen, helfen; пусть попытаются передать значеніе ихъ однимъ или двумя словами, не обращаясь къ помощи другихъ языковъ. или къ подробному опредѣленію, и узнаютъ тогда, возможно ли такимъ способомъ схватить сущ-

ность значенiя слова:въ самомъ дѣлѣ, едвали можно указать другiя болѣе подходящiя слова, какъ tragen, nehmen, vermuthen, unterstützen. Не иначе вели дѣло и составители перечня индѣйскихъ корней. Они указывали, что извѣстный глаголъ синонимиченъ другому, или что извѣстное слово относится къ общему понятiю «итти», «желать», «звучать» и т. д. Поттъ справедливо предостерегаетъ отъ поспѣшнаго пользованiя этими перечнями. Реальное значенiе слова мы получаемъ всегда только изъ употребленiя. Впрочемъ даже въ томъ случаѣ, когда извѣстный корень мы выяснили на нѣсколькихъ отдѣльныхъ примѣрахъ, не всегда можно сказать, что мы постигли основное значенiе, потому что съ корнемъ можетъ быть соединено множество самыхъ разнообразныхъ значенiй. Съ корнемъ vi напримѣръ связано не менѣе 6-ти значенiй: 1) ire (переносн. ferre), 2) obtenire, 3) (fetum) concipere, 4) desiderare, amare. 5) facere, 6) comedere. Пока эти разнообразныя значенiя не сведены къ одному центру, этимологъ не можетъ пользоваться этимъ корнемъ.

Само собой разумѣется, что основное значенiе, точно также, какъ и основную форму извѣстнаго слова, мы должны искать прежде всего въ древнѣйшемъ языкѣ, а затѣмъ въ употребленiи въ самый раннiй перiодъ языка; и едвали нужно указывать на большую важность гомерическаго языка для изслѣдованiя греческихъ словъ. Несмотря на это, многiе древнiе и новые этимологи слишкомъ мало обращали вниманiя на гомерическое употребленiе. До новѣйшаго времени тянется древнее, производство μερίμνα «забота» отъ μερίζειν «дѣлить», потому что «забота тревожитъ (дѣлитъ) сердце». Значенiе это, само по себѣ мало вѣроятное, было совершенно опровергнуто тѣмъ сообщенiемъ, что у Гомера не встрѣчаются μέρος и μερίζειν, а родственныя μόρος, μοῖρα, εἵμαρται, заставляютъ насъ съ корнемъ μερ соединять значенiе «удѣлять» и

никакъ не позволяютъ придавать ему весьма различное значеніе «раздѣленія», «разрыванія»; поэтому μερίμνα равно какъ и μέρμηρα принадлежатъ къ корню μερ изъ smar, изъ котораго мы объясняли выше me-mor и mora. Вслѣдствіе важности гомерическаго языка, для своей цѣли, Курціусъ считаетъ долгомъ своимъ въ надлежащихъ мѣстахъ заимствовать изъ гомерической поэзіи характеристическія выраженія для объясненія значенія. Само собой понятно, что и позднѣйшіе языки могутъ способствовать этому дѣлу, именно въ своихъ народныхъ и пословичныхъ оборотахъ. Даже и къ новогреческому языку слѣдуетъ иногда обращаться; καιρός значитъ теперь «погода», χρόνος «годъ»; основная черта понятія въ обоихъ словахъ осталась неизмѣнной, въ первомъ — это измѣнчивость, во второмъ — продолжительность; эту же самую черту должно предполагать и для основнаго значенія. Къ счастью богатая исторія Греческаго языка въ обиліи предлагаетъ такіе факты, и по отношенію къ греческимъ словамъ мы находимся весьма рѣдко въ положеніи изучать значеніе ихъ только изъ словарей или изъ другихъ единичныхъ указаній, легко ведущихъ къ заблужденію.

XIV.

Аналогія перехода значенія.

Помимо указанныхъ вспомогательныхъ средствъ— чтобы слѣдить за значеніемъ слова,—Курціусъ особенно останавливается на одномъ руководительномъ началѣ, важномъ правда, но—кто не признаетъ этого?—не всегда достаточно надежномъ. Аналогія въ филологическихъ изслѣдованіяхъ имѣетъ только тогда доказательную силу, когда она опирается на цѣлый рядъ несомнѣнныхъ фактовъ. Но не легко образовать рядъ этотъ въ той области, о которой идетъ теперь рѣчь, потому что отдѣльные случаи слишкомъ инди-

видуальны, и рѣдко случается. чтобы одно и тоже представленіе въ данномъ случаѣ высказывалось болѣе двухъ разъ. Впрочемъ и отъ единичнаго, но вѣрно схваченнаго примѣра, мы можемъ получить въ подобномъ случаѣ неожиданное освѣщеніе. До сихъ поръ больше всего обращали вниманіе на одну сторону въ развитіи значенія, конечно весьма важную, именно на образность выраженія, проникающую всѣ языки. Несомнѣнно, что ткань языка въ самой большей степени состоитъ изъ метафоръ, отъ которыхъ получается простота, наглядность образа выраженія и вмѣстѣ поэтическій колоритъ. Въ этомъ направленіи встрѣчаемъ уже нѣсколько трудовъ. Кромѣ Ренана, Поттъ указываетъ, какъ человѣкъ переносилъ на неодушевленную природу свое состояніе, отношенія, свойства; грамматическіе роды — это попытки уподобить внѣшній міръ существу человѣка. Древніе не чужды были той мысли, что языкъ указалъ въ этомъ отношеніи образцы для поэтовъ и ораторовъ. Квинтиліанъ (VIII, 6, 4) говоритъ «translatio ita ab ipsa nobis concessa est natura, ut indocti quoque ac non sencientes ea frequenter untatur»; поэтому въ истинно—художественномъ перенесеніи значеній онъ видитъ продолженіе естественной литературы. Максъ Мюллеръ (II, 535) подробно разсуждаетъ о метафорахъ, раздѣляя ихъ на *основныя* (radical) и *поэтическія*. И нельзя не признать различія между безсознательно появляющимся образомъ, который для наивнаго чувства языка прямо служитъ обозначеніемъ предмета, и между тѣмъ образомъ, который поэтъ намѣренно выбираетъ, съ тѣмъ, чтобы въ немъ какъ въ зеркалѣ отражалось извѣстное представленіе его или чувство. Но такъ какъ поэтическій языкъ вообще весьма близко подходитъ къ творческому духу народа, то и отъ сознательно поэтическихъ переносныхъ оборотовъ можетъ падать свѣтъ на первоначальныя наивныя метафоры. Въ этомъ отношеніи поучительны для изслѣдованія языка сборники, какъ напр. необык-

новенно богатое по содержанію сочинаніе Гензе: «Poëtisehe Personification in griechischen Dichtungen mit Berücksichtigung lateinischer Dichter und Shaksperre's.

Не вдаваясь въ строгое различеніе метафорическаго перехода значенія отъ всякаго другаго, приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ такого перехода. Что греческое λευσσω «видѣть», весьма близко подходящее къ корню санскр. lok «видѣть», родственно не только съ λευκός, но также съ lux, luceo, легко уясняется, если сообразимъ, что lumina и φάενα означаютъ «глаза», что αυγάζεσθαι въ поэтическомъ языкѣ означаетъ «бросить взглядъ», и что даже корень δερκ, какъ сказано выше, состоитъ въ связи съ древнесанскр. torht «блестящій». Итакъ мы можемъ составить слѣдующее многочленное равенство:

λευσσω: λυκ = lumina: luceo
= φάενα: φάινω
= αυγαζεσθαι: αυγή
= δέρκομαι: torth.

Греческое βραδυ-ς имѣетъ только значеніе «медлительности», но вслѣдствіе того, что въ словарѣ Гезихія βράδων объяснено словомъ αδύνατος, приходится дать этому прилагательному другое основное значеніе. Сакскр. mrdu-s, происшедшее изъ mardu-s, въ которомъ по законамъ фонетики m измѣнилось въ греч. въ β, при значеніи tardus, сохраняетъ еще значеніе tener «нѣжный», удержавшееся въ церковнослав. *млад-ый*. Если мы при этомъ сравнимъ въ латинск. lentus съ lenis, то получимъ аналогію

βραδύς медлительный: санскр mrdu-s, нѣжный
= lentus: lenis.

Древній міръ, ставившій Ахиллеса своего, какъ πόδας ὠκύς, выше всѣхъ, понималъ медлительность, какъ свойство слабости, изнѣженности. Но къ понятію нѣжности языкъ дошелъ отъ представленія «растирать», потому что санскр. mrdu s такъ же ясно указываетъ на корень mard «тереть», «растирать»,

какъ греческое τέρην, кромѣ родственнаго санскр. taru-nas «нѣжный»,—на корень τερ, τείρω. Изъ того же самаго основнаго представленія «растиратъ» развивается въ языкѣ и понятіе старости. Корень g'ar употребляется въ санскр. въ двухъ значеніяхъ: «стирать», «уменьшать» и «дѣлать старымъ». Чувственное основное значеніе удержалось въ gra-nu-m и γῦρι-ς «мелкая мука», переносное — въ γέρ-ων, γῆρας. Максъ Мюллеръ связываетъ даже понятіе «смерти» и «растиранія», производя mor (mori) изъ корня mar, который по его мнѣнію сохранился въ μύλη, mola; поэтому γέρων такъ относится къ granum, какъ mori къ mola. У Курціуса приведено 16 аналогій; всѣ они наглядно выясняютъ основное значеніе слова и указываютъ на неожиданные переходы отъ одного представленія къ другому, и къ этому аналогическому пріему часто обращается Курціусъ при отдѣльныхъ этимологическихъ изслѣдованіяхъ.

XV.

Этимологія словъ собственныхъ, миөологическихъ.

Если мы указали выше, что не слѣдуетъ браться за этимологическое истолкованіе слова, не изучивши напередъ значенія его изъ живаго употребленія Греческаго языка, то по отношенію къ извѣстному ряду словъ мы встрѣчаемъ на этомъ пути самыя рѣшительныя затрудненія. Прежде всего сюда относятся отдѣльныя слова такого рода, объ употребленіи которыхъ собственно не можетъ быть и рѣчи. Древніе отличали эти трудно-понимаемыя реченія отъ остальныхъ словъ языка, показывая ихъ γλῶσσαι. Разъясненіемъ значенія этихъ словъ, въ большей части которыхъ слѣдуетъ видѣть остатокъ древняго употребленія или замѣну забытыхъ первичныхъ словъ,— занимался ученый міръ начиная съ сочиненія Демокрита περὶ Ὁμήρου, ἢ ὀρθοεπείης καὶ γλωσσέων до по-

слѣдняго времени. Для значенія этихъ словъ весьма мало говоритъ даже то сопоставленіе, въ какомъ они встрѣчаются у Гомера. Такъ какъ образы героевъ и боговъ вмѣстѣ съ прилагательными своими перешли въ гомерическій эпосъ изъ преданія, то для объясненія каждаго изъ словъ μέροπες, αλφηστάί, διερός, сообразно ихъ постановкѣ въ рѣчи, мы можемъ брать соотвѣтствующія качества изъ природы человѣческой, и для словъ ἦνοψ, νῶροψ — соотвѣтственныя же качества изъ свойства мѣди,—что не противорѣчитъ гомерическому воззрѣнію. Спеціальное значеніе этихъ словъ, имѣющее всю важность для насъ, передается намъ грамматиками. Въ самомъ дѣлѣ, александрійскіе ученые имѣли неистощимый матеріалъ для объясненія гомерическихъ глоссъ въ богатой сокровищницѣ доступной имъ литературы, въ собраніяхъ древнихъ глоссографовъ, въ томъ, что̀ сами они могли извлечь изъ живаго употребленія для выраженій, относящихся къ діалектамъ, — такъ Аристофанъ Византійскій составилъ λακωνικὰι γλῶσσαι,—матеріалъ недоступный для насъ, въ которомъ для извѣстныхъ словъ непосредственно открывалось ихъ значеніе. Со времени замѣчательнаго сочиненія Лерса de Aristophani studiis homerius, никто не рѣшится заняться объясненіемъ гомерическихъ словъ безъ предварительныхъ справокъ по крайней мѣрѣ съ венеціанскими схоліями и съ Аполлоніемъ софистомъ, если онъ не желаетъ подвергнуться справедливому упреку въ легкомысліи. Однако, къ сожалѣнію, и теперь еще иной этимологъ думаетъ обойтись нетолько безъ этой работы, но даже безъ точнаго изученія гомерическаго діалекта и строенія стиха, безъ чего, конечно, невозможенъ ни одинъ шагъ. Впрочемъ и при всѣхъ доступныхъ для насъ вспомогательныхъ средствахъ трудности въ отношеніи къ этому роду словъ все же весьма значительны.

Тоже самое и съ собственными именами, по отношенію къ которымъ помощь этимологіи весьма часто и весьма горячо была оспариваема. Требовали

настойчиво отъ этимолога, чтобы онъ помощiю искуства своего разрѣшалъ загадки изъ области народной исторiи, вѣрованiй, основанiй городовъ, и готовы были даже съ пренебреженiемъ относиться ко всему искусству его, если онъ съ твердостiю противостоялъ этимъ горячимъ требованiямъ. Поттъ положилъ въ основу своего неисчерпаемаго сочиненiя *О обственныхъ именахъ* то положенiе, что «для этимолога главное и существенное не Nomina, а *прозвища при нихъ* (Appellativa)». Нельзя не согласиться съ этимъ положенiемъ, особенно по отношенiю къ именамѣ, дѣйствительно происходящимъ изъ appellativa; и въ безчисленныхъ случаяхъ легко и несомнѣнно добывается основное значенiе преимущественно личныхъ именъ,—что собственно и составляетъ предметъ сочиненiя Потта,—особенно тѣхъ, которыя сложились въ исторически опредѣленное время, вразумительны были для народа и объяснимы, хотя и не съ перваго взгляда, изъ разныхъ извѣстныхъ обстоятельствъ жизни. Но при объясненiи именъ собственныхъ этимологическая операцiя труднѣе на одну степень, чѣмъ при appellativum. Изъ трехъ дѣятелей, съ которыми имѣютъ дѣло вообще въ этимологiи: *звукъ*, *значенiе* и *первоначальное происхожденiе*, для appellativa мы имѣемъ двухъ первыхъ, для собственныхъ именъ остается только одинъ звукъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы должны опредѣлить двѣ неизвѣстныя величины, а въ этомъ-то особенная трудность добыть значенiе именъ собственныхъ, именно мѣстныхъ и миѳическихъ названiй.

Не говоря уже о томъ, что въ обоихъ родахъ этихъ именъ, въ мѣстныхъ и миѳическихъ, нельзя не признать влiянiя чуждыхъ племенъ и народовъ, даже и относительно тѣхъ именъ, въ основѣ которыхъ несомнѣнно греческiй корень, не мало трудностей. При названiяхъ мѣстностей много помогаетъ точное знакомство съ мѣстностью, а иногда достаточно взглянуть на нее, чтобы тотчасъ выяснилось намъ значе-

ніе названія. Впрочемъ это — относительно рѣдкій случай, и остается еще много другихъ поводовъ для названія мѣстности, физическихъ, историческихъ, миѳическихъ, зависящихъ и отъ самой мѣстности, и отъ жителей. Еще болѣе затрудненій и недоразумѣній при объясненіи миѳическихъ именъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы дойти здѣсь до значенія, слѣдуетъ выходить изъ какого-нибудь миѳологическаго основнаго воззрѣнія. Но гдѣ должны мы искать поводовъ для названія божествъ, въ явленіяхъ ли природы или въ нравственныхъ воззрѣніяхъ, въ отдѣльныхъ ли мѣстностяхъ Греціи, или въ общихъ отношеніяхъ природы, въ утреннемъ ли блескѣ солнца и лучахъ его, или въ горахъ покрытыхъ тучами и обильныхъ потокахъ? а съ другой стороны для названія героевъ,— въ человѣческихъ ли отношеніяхъ и историческихъ событіяхъ, или опять въ явленіяхъ физическихъ? Съ филологической точки зрѣнія часто совершенно невозможно приступить къ рѣшенію этихъ вопросовъ, особенно когда ко всему этому присоединяется новое неблагопріятное обстоятельство для всей области греческой этимологіи,—именно множество омонимовъ въ греческомъ. Въ слѣдствіе того, что греки часто совершенно безслѣдно выбрасывали spirantes j, v и s, множество словъ, первоначально извѣстныхъ, сдѣлались совершенно однозвучными. Съ образованіемъ οψ можно съ одинаковой вѣроятностью поставить въ связь первоначальные корни ak (ὄψομαι) «видѣть», vak (ὄψ) «звать», «говорить», ap (οπ, латинск. opus) «дѣлать», vap (ϝεπ) «быть занятымъ»; слогъ id можетъ одинаково относиться и къ vid «видѣть» и къ svid «потѣть»; омонимные корни есть даже прежде періода греческаго языка, какъ sak, sequi, ἕπεσθαι и sak, dicere, ενι-σπ-εῖν; и въ этой-то многозначимости слова главная причина трудности объясненія его. Въ подобныхъ случаяхъ наука этимологіи можетъ указать только сферу, въ предѣлахъ которой можетъ находиться значеніе слова, не предлагая самого значенія. Съ точки зрѣ-

нія языка напр. имя Ἀχι-λέυ-ς можетъ имѣть значеніе въ измѣненіи Ἐχέ-λαο-ς «владѣтель народа,» и также въ измѣненіи Ἑχέ-λαο-ς «владѣющій камнемъ,» такъ какъ корень λαο принимаетъ форму λευ въ βασιλεύς, λευ-τυχίδης, и тотъ же самый видъ λευ принимаетъ другой корень λαα въ словѣ λευω «побиваю камнями».

Кто считаетъ героевъ личностями историческими, тотъ будетъ придерживаться перваго объясненія; но кто видитъ въ нихъ божества, возникшія изъ явленій природы, но принявшія вполнѣ природу человѣческую, тотъ предпочтетъ второе объясненіе, считая напр. Ахиллеса рѣчнымъ божестяомъ. Очень часто наукѣ языкознанія не остается ничего другаго, какъ произносить свое veto, наприм. противъ любимаго въ прежнее время сопоставленія Ἥρα съ латин. heca, потому что греческій spiritus asper никогда не равняется итальянскому h; — равно какъ и противъ связи этого слова съ ἔρα «земля» (Welker Göllerl I. 363), потому что spiritus asper никогда не замѣняется посредствомъ sp. lenis, не оставивши слѣдовъ какого либо другаго звука въ другомъ діалектѣ или въ родственной формѣ; ближе къ истинѣ Мейеръ, считая корнемъ санскр. svar «небо.» Такъ же рѣшительно слѣдуетъ отвергнуть часто повторявшееся производство λητῶ отъ λαθεῖν, потому что совершенно невѣроятно, чтобы ϑ безъ всякаго повода перешло въ τ, когда мы имѣемъ λῆθος, λήθη. Главная характеристическая черта греческой этимологіи состоитъ въ томъ, чтобы удержать во всей строгости степени нѣмыхъ звуковъ, по отношенію къ которымъ встрѣчаются только немногія исключенія опредѣленнаго рода и въ строго опредѣленныхъ границахъ; и нельзя согласиться ни съ Бенфеемъ, ни съ Велькеромі, что при собственныхъ именахъ можно и не придерживаться во всей строгости законовъ и отношеній фонетическихъ. Желательно поэтому видѣть знакомство

съ простыми основными положеніями сравнительнаго языкознанія въ историкахъ, топографахъ, миеологахъ и этнологахъ, чтобы они могли пользоваться этимъ пособіемъ при объясненіи словъ и избѣгать ошибокъ.

Для миеологической этимологіи есть еще и другія особаго рода опасности, на которыя тѣмъ болѣе слѣдуетъ указать, что сравнительная миеологія новѣйшаго времени не всегда счастливо обходила ихъ. Въ стремленіи сопоставлять миеологическія имена грековъ съ индѣйскими часто забываютъ о томъ, что слѣдовало бы прежде обслѣдовать ихъ въ связи съ родственными по происхожденію словами и указать на ихъ значеніе внѣ миеологіи. Максъ Мюллеръ въ Comparative Mythology сравниваетъ греческ. Ἔρως съ санскр. arvan, arushi-s, arusha-s; формы эти, какъ онъ показываетъ, по основному значенію «ѣздокъ», «лошадь», указываютъ на божество солнца. Можно бы подавить въ себѣ сомнѣніе, возникающее противъ указанія, такъ поэтически выраженнаго Мюллеромъ, что «любовь есть какъ бы восходящее солнце». Но какъ мы можемъ отдѣлить Ἔρως отъ ἔρο-ς, ἔραμαι, ἐράω, ἐρατός, ἐρατεινός и другихъ словъ, весьма раннихъ, встрѣчающихся уже у Гомера? Они не могли произойти изъ ἔρως; и если мы допустимъ, что они произошли изъ того же самаго корня ar, основное значеніе котораго «итти», «течь», «стремиться», то слово ἔρος будетъ имѣть значеніе «стремленія», «горячности», и поэтому трудно доказать, чтобы родственное ему ἔρως вышло изъ значенія «лошадь», «лошадь солнца», усвоеннаго вышеприведеннымъ санскрит. словамъ. Въ такой же степени ненаучнымъ должно считать объясненіе греческихъ χαρίτες санскритскими haritas, какъ въ Ведахъ называются лошади солнца, потому что при нихъ находятся χάρις, χαρά, χαίρω, χαρίζομαι, χαριείς. Находя у Гомера олицетвореніе понятій Δειμός, Φόβος, Ἔρις, Ἄτη, Ηβη, можно думать, что и миеическое χάρις ничѣмъ не от-

личается отъ χάρις въ его дѣйствительномъ значенiи, и есть такое же олицетворенiе этого общаго понятiя. (Подробности объ этомъ см. Grundz. II. № 185.)

Вообще, какъ мы не можемъ при этимологическихъ розысканiяхъ оставлять безъ вниманiя законы фонетики, такъ точно мы не должны уклоняться отъ долга разсматривать всякое слово въ связи съ другими, составляющими съ нимъ какъ бы одно семейство. По отношенiю къ миѳологiи и къ другимъ наукамъ, для которыхъ необходимо значенiе словъ, истинная этимологiя имѣетъ цѣну общаго руководительнаго начала (eine Art Topik); помощiю звуковыхъ законовъ и аналогiи перехода значенiя она учитъ находить ту сферу, то *мѣсто*, въ границахъ котораго слѣдуетъ искать сущность слова (ἔτυμον); а при этомъ научаетъ избѣгать и тѣхъ заблужденiй, въ которыхъ необходимо теряется этимологическiй дилетантизмъ при своемъ сумрачномъ свѣтѣ сходства звуковъ и родства понятiй, и въ которыхъ совершенно затеряется онъ, если, пренебрегая филологическими занятiями, онъ будетъ искать въ извѣстномъ названiи только подкрѣпленiя готоваго уже взгляда о предметахъ. Нерѣдко случается, что при полномъ ознакомленiи съ предметомъ какъ бы наталкиваются по счастливому случаю на значенiе трудныхъ словъ; но подобное объясненiе всегда остается до нѣкоторой степени догадкой въ области критики. Какъ отъ грамматики и палеографiи не требуютъ исправленiя текста писателей, такъ точно и отъ этимологiи нельзя ждать разрѣшенiя всего загадочнаго въ словахъ. Впрочемъ указанiемъ звуковыхъ законовъ, обилiемъ примѣровъ и сопоставленiемъ родственнаго матерiала она предлагаетъ необходимое и незамѣнимое пособiе при этимологическихъ разысканiяхъ, и въ этомъ смыслѣ сочиненiе Курцiуса называется Grundzuge der Griechischen Etymologie.

Остальныя двѣ книги сочиненiя Курцiуса посвящены этимологическому разбору словъ Греческаго

языка. Во второй книгѣ показываются правильныя измѣненія и переходы звуковъ (явленіе *отложенія звуковъ* (Lautverschiebuug), *распаденія* (Lautspaltung), *потери звука* (Lautverlust) и въ слѣдствіе этого самое изложеніе имѣетъ видъ лексическаго перечня въ порядкѣ раздѣленія звуковъ по ихъ образованію. Здѣсь представлено 618 №№ корней, правильно являющихся въ извѣстномъ видѣ въ греческомъ, и паралельно съ этимъ измѣненія ихъ же въ родственныхъ языкахъ; при каждомъ № находится исторія объясненія подлежащаго корня; она по возможности кратка, но драцѣнна подробнымъ и точнымъ указаніемъ сочиненій филологовъ, занимавшихся объясненіемъ даннаго корня. Содержаніемъ третьей книги служатъ спорадическія или неправильныя измѣненія первоначальныхъ звуковъ въ греческомъ. Въ области спорадическихъ измѣненій звука филологу представляется больше случаевъ указывать новые пути для объясненій, доказать превосходство своего мнѣнія, поставить на видъ и предложить объясненіе для нѣкоторыхъ не замѣченныхъ дотолѣ явленій въ области греческихъ говоровъ. Такимъ характеромъ отличается по преимуществу та часть этой книги, которая трактуетъ о судьбѣ звука *іодъ* и значеніи его въ греческомъ (р. 532—611). Переходъ этого звука въ различныхъ говорахъ греческаго въ ι, υ, ε, потомъ въ γ, δ, многоразличныя комбинаціи звуковыя, происходящія отъ соединенія этого j съ δ, съ λ, съ σ и т. под.,—всѣ эти явленія не только схвачены Курціусомъ, но и поставлены въ строгую зависимость отъ естественныхъ законовъ языка, такъ богато развившагося въ многоразличіи говоровъ. При этомъ почтенный филологъ не оставляетъ безъ отвѣта и своихъ возражателей. Къ прежнему числу корней третья книга прибавляетъ еще новыхъ 37 №№ и притомъ съ ихъ діалектическими особенностями; кромѣ того многіе изъ прежнихъ корней выставлены здѣсь въ переработкѣ различныхъ мѣстныхъ говоровъ греческихъ, т. е. съ оттѣнкомъ спорадическихъ измѣненій.

XVI.

Общiе выводы.

Въ концѣ третьей книги Курцiусъ приводитъ изъ предъидущихъ розысканiй своихъ слѣдующiе общiе выводы, служащiе вмѣстѣ руководительными правилами при дальнѣйшихъ этимологическихъ изслѣдованiяхъ,

1) Этимологiя имѣетъ своей задачей указать основное представленiе словъ, возводя ихъ, помощiю отдѣленiя всѣхъ формальныхъ выражающихъ отношенiе элементовъ, къ послѣднему звуковому комплексу.

2) Эти послѣднiе исполненные значенiя звуковые комплексы, составляющiе безобразную матерiю языка, называются корнями. Корнямъ этимъ слѣдуетъ приписать реальное существованiе въ томъ именно смыслѣ, что, до возникновенiя развившихся формъ языка, они были дѣйствительными словами языка, равно и впослѣдствiи они въ большей или меньшей ясности служатъ для чувства языка общей коренной основой для длиннаго ряда словъ, составляющихъ одно семейство.

3. Такъ какъ при корняхъ замѣчается приставка разнообразныхъ подвижныхъ звуковъ, не принадлежащихъ къ области грамматическихъ формъ, то въ этомъ отношенiи слѣдуетъ отличать въ языкѣ корни первичные, свободные отъ такихъ приставокъ, напр. ju и вторичные корни, расширенные этими элементами. напр. judh. Эти звуки, удлиняющiе корень, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивающiе и точнѣе опредѣляющiе значенiе его, называются *корневыми опредѣленiями*, таковъ dh въ judh. Удлиненiе первичныхъ корней посредствомъ опредѣлительныхъ звуковъ падаетъ большей частью въ самый ранний перiодъ жизни языка.

4. Послѣдняя задача этимологiи—возведенiе родственныхъ словъ языка къ ихъ корню можетъ быть рѣшена только приблизительно и предполагаетъ множество предварительныхъ работъ. Ни одна ошибка

не вредитъ этимологіи въ такой степени, какъ преждевременная попытка возвести извѣстное слово къ его корню.

5. Изъ предварительныхъ работъ для изслѣдованія корня прежде всего необходимо сопоставленіе словъ языка съ тѣми, которыя состоятъ въ дѣйствительной связи съ ними и по звуку и по отношенію къ понятію. Эту предварительную работу можно назвать пересмотромъ словъ.

6. Въ этомъ пересмотрѣ словъ не слѣдуетъ ограничиваться однимъ какимъ-либо языкомъ. Такъ какъ несомнѣнно, что языки еще до раздѣленія своего обладали богатствомъ словъ, рѣзко отчеканенныхъ и по звуку и по значенію, то и исторія отдѣльнаго языка начинается съ того ранняго періода, когда различные языки еще не отдѣлялись одинъ отъ другаго. Поэтому, примѣнительно къ греческой этимологіи, при пересмотрѣ греческихъ словъ, необходимо каждое греческое слово сопоставить со всѣми тѣми словами какъ въ греческомъ, такъ и въ другихъ родственныхъ языкахъ, которые, по всему соображенію, состоятъ въ связи съ нимъ.

7. Помощію этого сопоставленія добывается индогерманская основная форма слова, а часто и общій въ разныхъ языкахъ индивидуально развитой корень. Впрочемъ за сопоставленіемъ словъ остается все достоинство его и безъ этого послѣдняго результата, посредствомъ котораго мы во всякомъ случаѣ изучаемъ законы измѣненія словъ.

8. Близкими или родственными между собой могутъ быть признаны только тѣ слова родственныхъ языковъ, которыхъ звукъ и значеніе дѣйствительно совпадаютъ или аналогичны.

9. Звуки одного языка стоятъ къ звукамъ родственныхъ языковъ въ строго опредѣленномъ отношеніи Въ частности Греческій языкъ управляется такими звуковыми законами и свойствами, сообра-

жаться съ которыми—первое и необходимое правило при всѣхъ этимологическихъ попыткахъ.

10. Гораздо труднѣе во многихъ случаяхъ опредѣлить переходъ значенія слова. Впрочемъ и въ этомъ дѣлѣ помогаютъ до извѣстной степени нѣкоторыя аналогіи и извѣстные пути въ исторіи языка. Прежде всего извѣстно, что языкъ начинаетъ съ опредѣленныхъ воззрѣній, а не съ широкихъ общностей, и что сила духа, образующая языкъ, ближе къ поэтической фантазіи, чѣмъ къ логической абстракціи.

11. По отношенію къ значенію словъ важно различать фактическое значеніе отъ вѣроятнаго. Что λύκο-ς означаетъ «волкъ» точно такъ же какъ и lupu-s —это фактъ, который при родствѣ обоихъ языковъ много говоритъ въ пользу первоначальнаго тождества обоихъ словъ. Но какое представленіе лежитъ въ основѣ—объ этомъ существуетъ только догадка. Этимологу слѣдуетъ остерегаться выставлять какъ дѣйствительно лежащимъ въ основѣ слова такое представленіе, которое только можетъ лежать въ немъ.

12. *Вѣроятное* основное представленіе или основное значеніе слова не слѣдуетъ принимать, когда оно дается однимъ языкомъ только, а принимается только въ томъ случаѣ, когда оно оказывается во всѣхъ родственныхъ словахъ какъ того же самого языка, такъ и другихъ языковъ.

13. Согласіе въ фактическомъ значеніи т. е. въ объектѣ, обозначаемомъ словомъ, обязываетъ этимолога,—если при этомъ звуки послѣ строгаго испытанія окажутся совпадающими,—признать таковыя слова языковъ или говоровъ родственными; таковы λύκο-ς санскр. vṛka-s, церк. сл *влъкъ*.

14. Слова, обозначающія внѣшніе предметы,—если при этомъ фактическое значеніе ихъ очевидно,—скорѣе поддаются трудной работѣ этимолога отыскивать основное начало, чѣмъ корни и слова съ содержаніемъ болѣе духовнымъ, поэтому труднѣе понима-

емымъ и подающимъ поводъ къ разнымъ догадкамъ объ ихъ происхожденіи.

15. При этихъ вопросахъ не должно терять изъ виду, что языкъ часто разными путями можетъ доходить до обозначенія предмета; поэтому тамъ, гдѣ звуки могутъ комбинироваться разнообразно, сопоставленіе двухъ словъ часто требуетъ многихъ соображеній и есть выборъ различныхъ возможностей.

16. Всякая этимологія должна выходить изъ того убѣжденія, что языкъ съ самаго начала обладалъ богатымъ и многостороннимъ развитіемъ. Поэтому прикладывать къ нему узкую мѣрку первоначальныхъ звуковъ такъ же неразумно, какъ и принимать ограниченное число основныхъ понятій, или небольшой кругъ первоначальныхъ суффиксовъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ гораздо благоразумнѣе отдѣлять такія слова, которыя, быть можетъ, и не имѣютъ ничего общаго между собой, чѣмъ поспѣшно связывать между собой тѣ, которыя пожалуй и близки другъ къ другу.

М. Григоревскій.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ.

Первоначальные корни.

Корень ka, ki, ku, ak или kha, khi, khu, akh.

1) ka, ki, ku, ak или kha, khi, khu, akh—sonare, sonum edere; звучать, издавать звукъ, говорить;—говорить съ самимъ собою, думать, задумывать что;—думать, заботиться о чемъ;—хвалить, бранить, порицать и пр.

Санскритк. kathâ (ka—thâ)—Unterredung, Gespräch; Rede, Erzählung.

Русск. *каять*—порицать, корить. «*Поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря.*» Слово о Полку Игорев. »*Стараго не бьютъ, мертваго не каютъ.*» Пол.

Хаять—осуждать, хулить, порицать, корить, бранить, поносить, порочить. «*Себя хай, а людей не хай.*» «*Чужаго не хай, а своего не хвали.*»

Западно-русск. *хаять* или *хаить*—думать, заботиться о чемъ, мыть, чистить, холить, принаряжать. *Нехай*—пусть, пускай, собств. non cura. Русск. *холя*; *холить*, областн. *хόить* вмѣсто *хάить*—держать въ чистотѣ, опрятности; ходить, ухаживать за чѣмъ, нѣжить, баловать уходомъ:—Слово *хаяти*—curare, встрѣчается въ древне-славянскихъ письменныхъ памятникахъ; оно доселѣ въ ходу у Южныхъ Славянъ и Мазуровъ. Чешск. *не хати*, *нехάть*—оставлять, допускать, собств. non curare. Древне.Славянск. *куяти* murmurare. «*Не куяй ми*,» da mihi veniam, собств. не ворчи, не брани, прости.

Греч. ἀχή—тишина, безмолвіе;—ἀκέων—безмолвствующій, тихій, покойный.

Санскрит. *ксу*, *кшу* вмѣсто *ску*, *ку*—чихать.

Литовск. *чюти* наст. *чюсту* или *чюву*, прошедш. *чювау*, будущ. *чюсю*—чихать. Литовск. *чяудети* или *счяудети* Латышск. *ткяудêт*—чихать. Литовск. *Нуси—чюти*—угомониться, уняться, успокоиться, притих-

нуть, утихнуть, замолкнуть. *Лѣтус нус'чюва*—дождь притихъ, пересталъ лить.

Ka, ku, kha, khu, kua, kui, kva, kvi. Латинск. quam (in-quam) говорю. Древне-Нѣмецк. hweiôn, Исландск. hvîa — hinnire, Русск. *ху — ла*, *хва — ла*. Исландск. hvella—tinnire.

Ku—at, ku—it. Литовск. *квѣчю* (корень *квѣт*) зову, приглашаю. Готск. quithan, древне-нѣмецк. quedan (quid, quod) sagen, sprechen.

Мадярск. hî неоконч. hîni—звать, призывать приглашать. Hî вмѣсто ki, потому что въ мадярскомъ языкѣ первопачальныя k и p часто измѣняются въ h и f.

Kar, kir, kur. kra, kri, kru, kal, kla kli и пр.

Санскрит. kar—gedenken, rühmend erwöhnen.— Бретонск. (Bas—Brèton) kria—schreien, crier. Французск. cri—крикъ, вопль, кличъ. Древне-нѣм. scrîan—schreien.

Греч. καλέω—зову. Древне-Латинск. calare звать, откуда произошли вторичныя формы—clamare—громко говорить, звать, кричать; clangere—звучать, кричать.

Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ обыкновенно къ корнямъ звукоподражательнымъ приставляется слогъ ka, въ Лѣтскихъ одна буква k въ греческомъ буква γ, напримѣръ: *кар—ка—ть*, *кра—ка—ть*, *кли—ка—ть*, *кри—ка—ти* (Чешск.); Литовск. *кар—к—ти*, *кра—к—ти*; *кли—к—ти* и пр.

Греч. κράζω вмѣсто κραγίω—каркаю; κρίζω вмѣсто κριγίω—издаю острый звукъ, скриплю, трещу;—κλάζω вм. κλάγίω, а также κλάγγω—кричу, визжу, звеню.

Kan, kana, kna, kni, knu. Латинск. cano—издаю звукъ, пою, играю на музык. интструментѣ, откуда canis—собака, Нѣм. Hahn—пѣтухъ, Hund—собака. Нѣм. Knack — хрупъ, щолкъ; — Knall — трескъ, — грохотъ; — knarren — скрипѣть, трещать; — knicken — хрустѣть; — knurren—ворчать, мурлыкать;—knistern—трещать, хрустѣть и пр. Польск. *скнэрацъ*—издавать жалобный голосъ, пищать, канючить, клянчить; — *скнэра*—кто жалуется и проситъ плачевнымъ голосомъ, клянча, скряга. Западнорусск. *скнара*—скряга.

Отъ корня *кан*—sonare произошли слова: *каня*,

канюкъ, *канюка*—полевой коршунъ, докучающій клектомъ. По народному повѣрью, *каня* пьетъ одну лишь дождевую воду. «*Каня плачетъ, у Господа пить (или дождя) проситъ.*»—*Ханжа*—клянча, канюка.

Санскритское ku— ein Geschrei erheben, поднять крикъ, закричать, зашумѣть; думать, обдумывать, задумывать, намѣреваться; â—ku — beabsichtigen. Зендск. kavi—мудрецъ. Либское kovâl— listig, klug; weise, witzig, künstlich. Русск. областн. *коваль*—бывальный, опытный человѣкъ. Русск. *ковъ* — или мн. *ковы* вредный замыселъ, злоумышленіе, коварное намѣреніе, заговоръ;—*кознь* или мн. *козни*—лукавство, пронырство, хитрыя, злонамѣренныя продѣлки.

Санскрит. kad, kand—vocare, clamare; lamentari, flere;—krad, krand—clamare, fremere; flebiliter clamare, lamentari, flere.

Санскр. kvan вмѣсто ku—an—sonare, tinnire.

Санскр. çvas вм. kvas, ku—as—sibilare, stridere. Латинск. queri вм. quesi—жаловаться на что, скорбѣть, сѣтовать о чемъ. Русск. *хвастать*—хвалиться, бахвалить, чваниться, желать прославиться чѣмъ; выхваляться, похваляться; говорить неправду, особ. съ похвальбою себѣ.

Ku—ar, ku—ir, kvar, kvir, kval, kvil. Нѣмецк. quarren—ворчать, брюзжать;—Кашубск. *сквирацъ*—плакать, пищать; *сквиръ*—сверчокъ;—Польск. *квилицъ*—издавать жалобные, печальные звуки. Западно-русск. *хварстъ* — звукоподр. межд. *хварщать* — производить шорохъ, напр. ходя по полу въ мокрыхъ лаптяхъ. «*Ишь у тебя лапти такъ и хварщатъ.*» Оттуда Древне-Слав. *хврастъ* вм. *хварстъ*, Русск. *хворостъ*.

Kri—p. Скрипъ, скрипѣть.

Kam—Древне-Слав. *скомати*—gemere. Русск. *скомить*, *скомнуть*—жаловаться, тосковать болью, страдать, хворать чѣмъ. Латышк. *скумт*—становиться унылымъ, печальнымъ. Старин. *комонь*—лошадь, конь собств. sonans hinniens. Отъ корня ka—sonare произошли слова: Чешск. *коба* (*ко—ба*)—воронъ;—*коба* (сербск.), *кобула* (Нижне-Лужицк.), *кобыла*—собств. sonans, hinniens.

Польск. *скамрацъ*—пищать, просить жалобнымъ го-

лосомъ, клянчить, канючить, откуда *скомрахъ, скоморохъ*—музыкантъ, дудочникъ, сопельщикъ, гудочникъ, промышляющій этимъ и пляскою. *Скомрахъ*=старо-пол. *пищекъ*—дудочникъ, сопелочникъ.

Kam—b. Литовск. *скамбети*—звучать, звенѣть.

Kar—b. Кашубкс. *корбацъ*—пустословить, калякать.

2) Ka, ki. ku, ak или kha, khi, khu, akh—ire, se movere; идти, двигаться, приводить въ движеніе, двигать, клонить въ ту и другую сторону, шатать, колебать; гнуть, нагибать, изгибать; согбенный, согнутый, извилистый, косой, кривой и пр.

Греч. κίω—иду. Латинск. ciere—заставлять итти, двигать, приводить въ движеніе, колебать. колыхать;—citus—скорый, быстрый, прыткій. Греч. κινέω—заставляю итти, привожу въ движеніе, двигаю, колеблю, трясу, потрясаю; возвр. двигаюсь, иду.

Санскр. ku—двигаться; sku—fluctuare, salire. Древне-Слав. **кыти, кывати, квати**—caput movere, кивать. Галицко-Русск. *куяти*—кивать головою, клевать носомъ отъ дремы, дремать сидя. «*Куяю, куяю, чи спати хочу, чи силы не маю* (имѣю). Польск. *хыжи (хы жи)* скорый, быстрый, прыткій

Ka, ku, kua, kui, kva, kvi. Старинное *хвѣяти*—клонить въ ту и другую сторону, шатать, колебать. «*На горбдѣ двѣ тополѣ трета* (такъ) *до нихъ хвѣе.*» Галицко-русская народ. пѣсня.

Отъ корня ku, kva—шататься, колебаться, клониться, приходить въ упадокъ, произошли слова: *хилый, хворый, хирѣть*; — *кволый, квелый*—хилый, слабый, нѣжный, болѣзненный, болькій, чувствительный.

Ku—at, kvat. Сербск. *хватати*—спѣшить. Латин. quatere—колебать, качать, трясти, потрясать,

Ku—ap, kvap—Чешск. *кватъ*—Eile, Hast.

Kub. Литовск. *скубети*—спѣшить. Польск. *хыбацъ. хыботац*—колебать, качать, колыхать. Санскрит. ksubh вмѣсто skubh, kubh—agitari, schwanken, zittern, in Bewegung, in Aufregung gerathen.

Kar, kir, kur, kra, kri, kru, kal, kla и пр.

Санскрит. car вмѣсто kap—(kar)—двигаться, хо-

дить, kram—gradi, incedere; — çri вмѣсто kri—gradi, ingredi.

Русск. *колыхать*, *колебать*. Санскр. kar—лить, сыпать, бросать, метать, прыскать, откуда Слав. *калъ*, Санскр. kalka—Koth, Dreck.

Отъ корня kar, kal—лить, сыпать, бросать, метать, рождать (Junge werfen) произошло санскр. kula вм .kala, kara—родъ, семья, семейство, міръ, громада, Слав.*челядь*.

Отъ корня kar,— kur—currere, происходятъ слова: Литовск. *куртас*, Русск, *хортъ*—борзая собака, Нѣм. hurtig.—Санскр. *карш*—тянуть, волочь, дергать собств. приводить въ движеніе. Литовск. *карштu*-чесать, мыкать.

3) Ka, ki, ku, ak или kha, khi, khu, akh—сіять, свѣтить, горѣть, грѣть, печь, жарить, морозить и пр. *Свѣтъ*, *блескъ*, *око*, *глазъ*; смотрѣть, глядѣть, видѣть, вѣдать, знать, понимать, умъ, разумъ.

Тюркск. ак—бѣлый, Слав. *око*, Литовск. *акис*—oculus. Латинск. scio (корень ski, ki) знаю, умѣю, разумѣю. Древн-Нѣм. scawon—schauen. Чешск. *скумъ*—Wahrnehmen; *скŷмати*—wahrnehmen.

Санскрит. kha—солнце. *кса̂*, *кша̂* вмѣсто *ска̂*, *ка̂*—горѣть, жечь. Русск. *шаять* вмѣсто *кшаять*—горѣть безъ пламени, тлѣть.

Финск. kû—luna; mensis.

Мадярск. hó—mensis 2, nix. Hö—calor, aestus, die wärme, Hitze; calidus, fervidus, warm. heiss.

Kar, kir, kur, kra, kri, kru, kal и пр.

Санскрит. çrâ, çrî вмѣсто krâ, krî—coquere, оттуда Лужицко-Серск. *кропъ*—варъ, кипятокъ, Рус. *кропива*, Чешск. *коприва*, Польск. *покрива*—urtica urens.

Славян. *чело*—frons, Польск. област. *чоло*—плѣшь, лысина собств. albescens. Латинск. calvus, Санрскит. kulva—лысый, плѣшивый собств. albescens, splendens. Отъ корня kar, khar—сіять, свѣтить, горѣть, грѣть произошло старинное слово *Хорсъ*—солнце. Латышк. *карст*—heiss brennen.

Санскр. karç—сохнуть, вянуть, хирѣть, чаверѣть, Литовск. *карштu*—хилѣть, дряхлѣть. Чешск. *кърсъ*—зачаверѣвшій. Русск. *черс—твый*.

Ка, кu, каv, кuа, кui, кvа, кvi.

Греч. *χαύω* (каvо) жгу, зажигаю. палю.

Чешск. *скв҄ти* се—schimmern, glänzen. Латышск. *квітêт*—flimmern, blitzen.

Санскр. çvi вм. кvi—lucere; çvêta—albus;—çvit, çvid вмѣсто кvit, кvid—albere.

Кu—ar, кvar. Польск. *скварь*—жара. Южно-Славян. *цврѣти*, *цвирати* вмѣсто *кверти*, *квирати*—жарить, пряжить. Русск. *шквара*, *шкваришь*, *сковорода*.

Кu—ath, кvath. Санскр. кvath—sieden, kochen.

Каr—bh. Греч. *χαρφω*—сушу, засушаю. Латин. carbo—уголь.

Ка—р. Литовск. *кепти* наст. *кимпу*, *кемпу*—пекусь; coquor; *кепу—пеку*, coquo.

Ка—к—Латин, coquo. Русск. *кокора*—лепешка.

Славян. *пеку*, санскр. *пач*—coquere, вторичная форма корня *па*—горѣть, жечь, печь.

4) Ка, кi, кu, ак или кha, кhi, акh—ударять со стукомъ, разить, бить, рубить, рѣзать, вооб. дѣлать, творить, производить;—рубить, рѣзать, дѣлить, раздроблять, измельчать, молоть, грызть, кусать ѣсть и пр. Мелкій, малый, скудный; дѣлъ, часть, доля, половина;—рѣзъ, черта, край, рубежъ, предѣлъ, конецъ, начало;—кость, камень, первоначальныя орудія для рубки и т. п. дѣйствій. —Твердый, жесткій, рѣзкій, острый, кислый и проч. (Смотр. «Филологическія наблюденія, замѣтки и выводы...» стран. 8.)

Славян. *ка—мень*, *кость*. Санск. çâ, çi вмѣсто ка, кi—точить, острить; açman вмѣсто акman, Литовск. *акмô* родит. *акменѣс*—камень.—Санскр. кhâ, кhan—рыть, копать, fodere;—кhara—hart, rauch; stechend, scharf;—кhata—Axt; Pflug;—кhala—Tenne; Schlacht. Литовск. *кѣтас*—твердый, крѣпкій, жесткій.—Латинск. occa—борона, Литовск. *акети*—боронить.

Санскр. ksud вм. skud, кud—anstossen, stampfen, durch Stossen oder Stampfen erschüttern; med. sich bewegen, agitari. Латин. cudere—ковать. Санскр. ksudra вм. skudra—klein, winzig, niedrig, gemein, niederträchtig. Отъ неупотребительной формы ksuda вм. skuda—

произошли степени — сравнитель. ksôdîjas, превосход. ksôdistha. Славян. *худый*, *скуда*, *скудость*. и пр.

Kar, kir, kur, kra, kri, kru, kal, kul и пр.

Санскр. kar—ударять, рубить, рѣзать, дѣлать и пр.

Литовск. *калти*—ковать, долбить; *култи*—молотить, откуда Русск. *кулакъ*.

Kir—bh. Литовск. *скирбти*—acescere.

Kar—dh—Литовск. *скерсти* (корень *керд*) колоть, рѣзать;—*скардити*—крупно молоть, обдирать шелуху. Русск. *скорода*—борона.

Ku—as, kvas. Древне-Нѣм. hwas—acer, acutus, acerbus; hwas—ensis;—hwassa—acies, Schärfe. Славян. *квасъ*—собств. острый, рѣзкій.

Отъ корня ак—рубить, рѣзать, произошли слова: Санскр. *акса*, *акша*,—Латин. axis (ак—si), Славян. *ось* вм. *оксъ*—собств. колъ; Латин. asser вм. axer—колъ, шестъ, пластина;—assula вм. axula—щепа, осколокъ, драница, лубокъ.

Корень ка, кі, ku, съ приставочнымъ s, ska, ski, sku измѣнился въ ksa, ksi, ksu. Греч. ξέω—чещу скоблю, глажу; вырѣзываю, высѣкаю на камнѣ и т. п. ξύω—скоблю, глажу, полирую;—ξεστός—скобленный, тесанный, обтесанный. Русск. *шестъ* вм. *кшестъ*.

5) Ka, ki, ku, ak или kha, khi, khu, akh—flare, spirare; inflari, tumescere, extendi, crescere, florere; fortem, robustum esse, valere, posse. Дыхать, дышать, издавать запахъ, пахнуть, вонять, гнить;—нюхать, обнюхивать, пронюхать, провѣдать, узнать, знать.

Готск, ahma—spiritus. Полабск. *каба* (*ка—ба*)—духъ; духъ усопшаго, привидѣніе, призракъ—Сербск. *хакъ*—halitus;—Западно-Русск. *хукать*—дуть, дышать на что; Польск. *хая*—буря.

Ka, ku, kav, kua, kui, kva, kvi.

Санскр. çvi вм. kvi—tumere, turgere, crescere. Западно-русск. *цвѣти*, *цвѣю* — цвѣсти. Греч. κύω—вздуваться, пучиться, носить плодъ во чревѣ. Латин. queo—могу.

Ku—ap, kvap. Литовск. *квапас*—запахъ; *квепти*—издавать запахъ, пахнуть.

Ku—as, kvas. Санскр. çvas вм. kvas—spiritum ducere, spirare; suspirare, gemere; sibilare, stridere; férire. Отъ kvas—ferire, происходятъ русскія слова—*хвостать*—хлестать, сѣчь; парить вѣникомъ въ банѣ;—*хвостъ*—cauda.

Ка—к. Санскр. çак вм. как—valere, posse; Нѣм. hoch собств. hoh—высокій.

6) Ka, ki, ku, ак, или kha, khi, khu, akh—tegere, operire. Крыть, покрывать защищать, хранить, беречь, охранять. (Смотр. «Филологическія наблюденія, замѣтки и выводы...» стран. 9—10.)

Зендск. açman вм. akman—небо, собств. кровъ.

7) Ka, ki, ku, ак или kha, khi, khu, akh—sumere, capere. Имать, брать, хватать, ловить, пріобрѣтать, покупать;—брать, собирать въ кучу, копить и пр. (Смотр. «Филолог. наблюд. замѣтки и выводы...» ст. 42—43.)

Либское акк настоящ. akûb—anfassen, ergreifen, anfangen, fangen, erwischen.

8) Ka, ki, ku, ак—соединять, вязать, связывать.

Санскр. *кач*—вязать. Русск. *чалить*—вязать, связывать, привазывать. *Канатъ*.

9) Ka, ki, ku, ак—отдыхать, почивать, покоиться. (См. «Филолог. наблюд. замѣт. и выводы...» ст. 43.)

10) Ka, ki, ku, ак или kha, khi, khu, akh—желать, хотѣть, любить.

Зендск. kâ—желать; kâna, kâtha (kâ—tha) желаніе. Сербохорватск. *канъ*—желаніе, намѣреніе. Санскр. khat—желать, хотѣть; kam-amare. Русск. *хотѣть*, *охота* и проч.

Примѣчаніе. Корень ак въ Санскритѣ измѣнился I) въ *ач*, *анч*—1) gehen. 2) ehren. 3) biegen, krümmen. 4) verlangen, fordern. 5) murmeln, undeutlich sprechen. II) aç—достигать, доставать, досягать, obtinere, adipisci, nancisci. 2) кушать, ѣсть, essen, verzehren, zu sich nehmen.

Ст. Микуцкій.

(Продолженіе будетъ.)

СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ЮГОСЛАВЯНЕ.

(Съ Чешскаго).

Названіе это въ настоящее время употребляется въ двоякомъ значеніи,—въ болѣе широкомъ и болѣе тѣсномъ: въ первомъ смыслѣ имъ обозначаются Южные Славяне вообще, или Словенцы, Хорваты, Сербы и Болгары, въ совокупности составляющіе 13½ милліоновъ душъ; въ болѣе тѣсномъ оно прилагается къ Сербамъ и Хорватамъ, каковыя двѣ вѣтви уже не могутъ быть раздѣляемы по различнымъ причинамъ. Въ такомъ смыслѣ названіе юго-Славянъ употреблялъ загребскій сеймъ въ 1861 г. Изъ 4-хъ вѣтвей Юго-славянскаго отдѣла только три находятся между собою въ ближайшемъ единствѣ, это именно Словенцы, Хорваты и Сербы, называемые еще Иллирами. Болгары же въ историческомъ, политическомъ, литературномъ отношеніи, а также и въ отношеніи языка вели и ведутъ жизнь совсѣмъ отдѣльную отъ остальныхъ Югославянъ; на этомъ основаніи мы, составляя свою статью, пока выключили ихъ изъ этой семьи, не оставляя однакожъ надежды, что нѣкогда взойдетъ заря и на Балканахъ, Болгары войдутъ въ тѣсное общеніе со всѣми Югославянами и составятъ съ ними одинъ народъ. Земля Юго-славянъ вмѣстѣ съ Болгарами простирается съ Запада на Востокъ отъ рѣки Сочи и Адріатическаго моря до Чернаго, съ сѣвера на югъ—отъ рѣкъ: Дравы, Мура и Дуная къ рѣкѣ Боянѣ, Шарскимъ горамъ, приближается почти къ Архипелагу и къ р. Ардѣ въ Ѳракій—

пространство дѣйствительно громадное, въ прежнее время бывшее однакожъ еще болѣе громаднымъ. Во времена отдаленнѣйшей древности, до какой только доходятъ наши свѣдѣнія, эти земли населены были многочисленною вѣтвью Ѳрако-иллировъ, занимавшихъ въ тѣ времена почти весь Балканскій полуостровъ и простиравшихся далеко на сѣверо-западъ, въ альпійскія краины. Въ IV в. до Р. Х. съ ними сосѣдили Кельты, поселившіеся между Иллирами въ краинахъ альпійскихъ, или въ нынѣшнихъ поселеніяхъ Словенцевъ и Харватовъ. Между ними легко удержались нѣкоторыя вѣтви славянскаго народа, поселенія котораго передъ нашествіемъ Кельтовъ простирались до самаго Адріатическаго моря. Во времена великаго переселенія народовъ эти земли, составлявшія огромную часть Римской имперіи, страшно запустѣли. Около 500 по Р. Х. въ восточную часть этихъ земель нахлынули черезъ Дунай изъ Руси огромныя толпы славянскихъ народовъ, которыя впослѣдствіи сдѣлались извѣстны подъ именемъ Болгаръ. Они заняли Мезію, Македонію и Ѳракію, нѣкоторыя племена проникли даже въ нынѣшнюю Албанію, Ѳессалію, въ собственную Грецію и Морею, такъ что около 1000 г. по Р. Х. Греки жаловались, что скоро вся Восточно-римская имперія пославянится. Западныя краины стараго Иллирика, опустошенныя Аварами, заняты были между 600—640 Славянами зататранскими, Альпійскія краины Словенцами; близъ которыхъ тогда же осѣлись въ древней Легиніи и Либурніи предки нынѣшнихъ Чаковцевъ,—краины посавскія и далматскія Хорватами, а краины по рѣкамъ Моравѣ, Дринѣ и Неретвѣ—Сербами. Не смотря на такую близость славянскихъ племенъ, имъ не удалось составить цѣльныхъ единицъ: западные Юго-славяне, именно Словенцы, скоро сдѣлались жертвою тяжелой политики Нѣмцевъ, восточные же, Болгары, хотя основали сильное государство на Балканскомъ полуостровѣ, но должны были постоянно бороться съ закоснѣлыми Греками: Сербы же, лишенные единства, долго не выходили изъ своей слабости. Въ исторіи Юго-славянъ процвѣтаютъ имена:

Симеонъ болгарскій, Петръ Кресиміръ Хорватскій, Стефанъ Неманя сербскій, Янъ II (Ашень) болгарскій, Стефанъ Душанъ сербскій. Но ни одна изъ этихъ личностей не могла соединить въ одно цѣлое, по крайней мѣрѣ, большую часть Юго-славянъ, которые наконецъ, раздѣленные на мелкія части, скоро почти всѣ утратили свою самостоятельность и подчинились Нѣмцамъ, Итальянцамъ, Мадьярамъ, Грекамъ и Туркамъ. Вслѣдствіе этого между ними почти исчезло всякое чувство взаимности, только въ послѣднее время начавшее пробуждаться, и то преимущественно въ литературѣ.

Сжатый обзоръ судьбы всѣхъ Юго-славянъ до IX в. представленъ Фр. Рачкимъ въ Архивѣ исторіи Юго-славянъ кн. IV, стр. 235—280.—Такъ какъ три вѣтви Юго-славянъ, Словенцевъ, Харватовъ и Сербовъ, по различнымъ причинамъ историческимъ и по языку, не могутъ быть отдѣляемы одна отъ другой, то мы соединили ихъ подъ общимъ названіемъ Юго-славянъ и раздѣлили настоящую статью на три отдѣла: въ первомъ изъ нихъ разсматриваются нынѣшнія поселенія Словенцовъ, Хорватовъ и Сербовъ, съ краткими историческими свѣдѣніями, *) а также представляется этнографія отдѣльныхъ вѣтвей; въ другомъ отдѣлѣ разсматривается языкъ, въ третьемъ литература.

I.

Этнографія.

Принимаясь за народоописаніе южныхъ Славянъ, мы встрѣчаемъ немало затрудненій за неимѣніемъ подъ рукою достаточныхъ сочиненій даже объ австрійскихъ Славянахъ, не говоря уже о турецкихъ; другое препятствіе къ болѣе близкому знакомству съ ними представляетъ разорванность ихъ положенія, религія и пись-

*) Географическія и статистическія свѣдѣнія, какъ мало относящіяся къ нашей задачѣ, мы опускаемъ.

Перевод.

мо, а также несогласія между отдѣльными вѣтвями, разногласіе ученыхъ и писателей, писавшихъ и пишущихъ о южныхъ Славянахъ въ опредѣленіи той или другой вѣтви и т. д. Въ статистическомъ исчисленіи также чувствуется значительный недостатокъ: гдѣ напр. взять числа для Славянъ, находящихся въ Турціи, которые почти никогда не перечисляются, или перечисляются весьма не полно? О другихъ трудностяхъ мы умалчиваемъ.

Что касается духовныхъ и матеріальныхъ условій жизни Юго-славянъ, то въ этомъ отношеніи нельзя начертать такой всеобщій обзоръ, въ которомъ всѣ племена и роды могли бы увидѣть свое полное и правдивое отраженіе. Раздробленные съ давняго времени политически, раздѣленные въ религіозномъ и литературномъ отношеніи, они не могли устроить свою жизнь по однообразному и общему для всѣхъ образцу; подъ вліяніемъ столь разнообразныхъ причинъ съ теченіемъ времени произошли въ народномъ духѣ различныя перемѣны, подробное изображеніе которыхъ не только заняло бы много мѣста, но и противно цѣли настоящей статьи. При всемъ однакожъ различіи, можно замѣтить признакъ, общій всѣмъ Юго-славянамъ, обнаруживающійся то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ, именно признакъ *народа вообще нецивилизованнаго, древняго славянскаго духа, особенный способъ его соединенія съ Христіанствомъ и вліяніе господства или сосѣдства турецкаго* съ одной стороны, *и нѣмецкаго* съ другой. Наименѣе этихъ общихъ признаковъ удержали Словенцы, наиболѣе удаленные отъ своихъ братьевъ, съ трехъ сторонъ окруженные чужими народностями, съ которыми съ давнихъ поръ вступили въ непосредственныя отношенія, хотя они и сохранили еще въ своихъ высокихъ горахъ нѣкоторые стародавніе славянскіе обычаи. Болѣе всего сберегли ихъ *Сербы*.

Чѣмъ далѣе мы подвигаемся по краинамъ Югославянъ съ юга на сѣверъ или сѣверо-западъ, тѣмъ болѣе замѣтнымъ становится переходъ исключительнаго народнаго характера въ общеевропейскій. Въ южнѣйшихъ

краинахъ Славянинъ еще чистый сынъ природы, который совершенно незнакомъ съ потребностями людей образованныхъ, не имѣетъ и не изыскиваетъ способовъ для удовлетворенія имъ. Его не прельщаетъ домашній кровъ, и онъ болѣе любитъ жизнь подъ широкимъ небомъ; жилище, домашняя утварь, одежда, пища—самаго простѣйшаго свойства; пищу употребляетъ въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ рукъ природы, совершенно неизмѣненною, или только приправляя ее простымъ домашнимъ способомъ; главныя и почти единственныя занятія составляютъ хлѣбопашество, разведеніе скота, виноградничество, пчеловодство, да и тѣ совершаются способами отсталыми, первобытными. Необходимыя для этого орудія, каждый приготовляетъ себѣ самъ, потому что раздѣленіе труда еще неизвѣстно; каждый самъ для себя колесникъ, бочаръ, плотникъ, ткачъ, портной и т. д.; мужчины сами приготовляютъ себѣ полевыя и домашнія орудія изъ дерева, изъ металловъ же ихъ мало; такъ во всей телѣгѣ нѣтъ—ни одного гвоздя желѣзнаго; въ послѣднемъ отношеніи прибѣгаютъ обыкновенно къ цыганамъ, которые вообще занимаются ковальнымъ ремесломъ, хотя также первобытнымъ способомъ. Женщины, заботясь о приготовленіи одежды, прядутъ волну, ткутъ, шьютъ вышиваютъ и красятъ различнымъ образомъ матеріи. Оттого промыселъ этихъ земель находится въ самомъ грубомъ состояніи, ибо еще не сознана потребность, чтобы одни люди исключительно занимались обработкою естественныхъ матеріаловъ для употребленія другихъ; понятно, что торговля можетъ быть только самая слабая, ограничивающаяся незначительнымъ количествомъ естественныхъ произведеній, добываемыхъ въ хозяйствѣ, а также мелочными вещами для домашняго употребленія, которыхъ не даетъ природа или семейный промыселъ не въ состояніи приготовить.

Государственное устройство, въ сравненіи съ новоевропейскимъ, находится еще далеко несовершеннымъ, оно не только не облегчаетъ средствъ къ возвышенію жизни и къ увеличенію духовнаго и матеріальнаго благо-

состоянія, но даже прямо препятствуетъ этому извращенными учрежденіями и странными обычаями. Турецкое правительство не оказываетъ никакихъ заботъ о просвѣщеніи; школъ почти не существуетъ, если не принимать въ разчетъ монастырей, гдѣ воспитывается незначительное число мальчиковъ для духовнаго или монашескаго званія, которые лѣтомъ пасутъ скотъ, занимаются полевыми работами и другими дѣлами, и только зимой учатся; понятно, что при такомъ способѣ ученія, мальчикъ въ продолженіе лѣта забываетъ все, чему выучился зимою, и пробывъ 4—5 лѣтъ въ монастырѣ, или у своего священника, часто не выучивается даже читать. Священники имѣютъ у себя одного, не болѣе двухъ учениковъ; при такихъ средствахъ и способахъ не далеко можетъ уйти народное образованіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуютъ и школы, въ которыхъ дѣти находятся съ утра до вечера, за исключеніемъ обѣденнаго времени, и громогласно читаютъ свои книги; учатся также и писать, если учитель самъ обладаетъ этимъ искусствомъ. Къ недостатку метода нужно прибавить недостатокъ книгъ не только школьныхъ (учебныхъ), но и вообще печатныхъ; ученикъ, научившись складыватъ по рукописи, прочитываетъ нѣсколько разъ *часословъ*, потомъ *псалтырь*, и кто и эту книгу прочиталъ нѣсколько разъ, тотъ считается изучившимъ уже *всякую книгу*, и можетъ поэтому быть монахомъ, учителемъ, архимандритомъ, а если имѣетъ деньги, то и архіереемъ. Такой учитель по своей волѣ можетъ продолжать свое ремесло, переходить въ иныя мѣста, иногда совсѣмъ оставляетъ это занятіе и избираетъ иной родъ жизни. Такъ это дѣлается въ Босніи и Герцеговинѣ; въ Черногоріи не многимъ лучше; въ Сербіи подъ Турецкимъ владычествомъ происходило тоже самое. Очевидно, что въ этихъ странахъ сословіе учительское и священническое ни въ какомъ случаѣ не составляетъ интеллигенціи края. Священники ничѣмъ почти не отличаются отъ простонародья: они орютъ, копаютъ и совершаютъ всякія полевыя и хозяйственныя работы, бьются съ Турками, какъ и остальной народъ.

Мы не находимъ здѣсь раздѣленія сословій, которое съ ходомъ цивилизаціи необходимо должно развиться частію образованіемъ, частію жизнью и занятіями; здѣсь всѣ равны, всѣ исключительно землепашцы и хозяева. Въ Сербіи понемногу начинаетъ уже возникать раздѣленіе жителей, въ Воеводинѣ, Славоніи, Кроаціи и Далмаціи мы находимъ уже шляхту, мѣщанъ и земледѣльцевъ, слѣд. настоящую интеллигенцію; Славонія въ этомъ отношеніи ближе всего подходитъ къ Чехамъ. Въ этихъ австрійскихъ земляхъ школьное и духовное сословія находятся на попеченіи свѣтскихъ и духовныхъ учрежденій, равно какъ и другіе важнѣйшіе интересы жителей; кромѣ того цивилизованный западъ естественно долженъ заявлять требованіе, чтобы его Славянскіе сосѣди по возможности равнялись съ нимъ по образованію. Права жителей здѣсь обезпечены уже закономъ, между тѣмъ какъ Черногорецъ, или Морлакъ, котораго имущество и личность ничѣмъ не гарантированы, долженъ самъ защищать ихъ при помощи оружія; поэтому оружіе составляетъ для него родъ одежды, которую онъ оставляетъ только отходя ко сну. Для удовлетворенія за дѣйствительную, или мнимую несправедливость, онъ не обращается къ суду и закону, но ищетъ вознагражденія, даже *мести* самъ съ помощію своихъ родственниковъ, легко уклоняясь отъ преслѣдованій земскаго суда, если бы тотъ захотѣлъ преслѣдовать произволъ. Такова первобытная жизнь Славянъ въ этихъ краяхъ, мало чѣмъ отличная отъ жизни того времени, впервые когда они заняли свои настоящія мѣста жительства, и нѣтъ ничего удивительнаго, что она представляется нѣсколько дикою, еще не смягченною воспитаніемъ.

Юго-славяне, находящіеся подъ властью Венгріи, подъ вліяніемъ хотя и несовершенныхъ учрежденій, обнаруживаютъ значительное смягченіе образа жизни и близко подходятъ къ простонародью западной Европы; Словенцы же подъ вліяніемъ лучшаго строя и сосѣдства съ Нѣмцами стоятъ на одинаковомъ уровнѣ съ сими послѣдними. У Словенцовъ исчезло уже такъ

называемое задружное учрежденіе, составляющее единственную основу семейной жизни для остальныхъ Юго-славянъ. Это старо-славянское патріархальное учрежденіе совсѣмъ не даетъ развиваться индивидуальности, которую мы замѣчаемъ въ развитіи семьи въ западной Европѣ. Въ этомъ учрежденіи членъ семьи, даже въ совершенномъ возрастѣ, не можетъ изъ нея выдѣлиться, и съобща съ другими членами работаетъ и пользуется наслѣдственнымъ имуществомъ, подъ распоряженіемъ выборнаго господина. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужчина не имѣетъ постояннаго прозвища, но прибавляетъ къ своему крестному имени крестное имя отца, свидѣтельствуя тѣмъ свою принадлежность къ семьѣ, напр. Миланъ Раковичъ, т. е. сынъ Раковъ, сынъ Милана, Иванъ, уже не называется Раковичъ, а Милановичъ. Съ появленіемъ должностей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ явилась потребность постоянныхъ фамильныхъ прозвищъ, и внукъ назывался именемъ дѣда, т. е. вторымъ крестнымъ именемъ отца, что впослѣдствіи переходило и на потомковъ. Оттого всѣ почти фамиліи Юго-славянъ оканчиваются на іс, или на vic. По той же причинѣ многія сёла не имѣютъ собственныхъ названій, но, подобно краинамъ—что̀ существовало и у древнихъ Чеховъ—получаютъ названіе отъ рода, братства, или племени, и если бы послѣднему пришлось исчезнуть, или переселиться, то село и краина утратили бы свое прозвище. Такой порядокъ вещей существуетъ вполнѣ до настоящаго времени въ Черногоріи и ближайшемъ съ нею сосѣдствѣ. Черногорія до нашего времени неизмѣнно сохранила образъ древняго славянскаго строя и первобытный характеръ общины, развившейся изъ семьи; черногорскія братства суть не что иное, какъ разросшіяся семьи; подобнымъ бразомъ и племя развилось изъ одной семьи, такъ что и родство единоплеменниковъ до сихъ поръ живо удерживается въ памяти между народами. У турецкихъ Юго-славянъ оно уже совсѣмъ утратилось; жупы тріединаго королевства, хотя развились подобно древнимъ чешскимъ изъ одной семьи, но въ отношеніи родства они ничѣмъ

не отличаются отъ нашихъ округовъ, которые состоятъ изъ семействъ или совсѣмъ чуждыхъ по происхожденію, или давно забывшихъ всякое племенное родство. Тѣмъ не менѣе семейный, или лучше родовой старо-славянскій духъ значительно проявляется еще въ селахъ турецкихъ Сербовъ и въ княжествѣ, а также въ общинахъ и жупаніи тріединаго королевства и Венгріи, хотя элементъ славянскій сдавленъ былъ съ одной стороны турецкимъ игомъ, съ другой нѣмецкимъ феодальнымъ устройствомъ, у Словенцовъ и Далматинцовъ о немъ не осталось никакихъ слѣдовъ ни въ гражданскомъ устройствѣ, ни въ народной памяти; въ этомъ отношеніи Словенцы болѣе всего подходятъ къ намъ Чехамъ. Сознаніе родственности, память о которомъ исчезаетъ у насъ даже между ближайшими колѣнами, тѣмъ сильнѣе удерживается между Юго-славянами.

Семейный бытъ существуетъ здѣсь въ полномъ цвѣтѣ, вслѣдствіе чего Юго-славяне обладаютъ богатою родственною термилологіею. Самая тѣсная родственная связь существуетъ между братомъ и сестрой; для сестры братъ выше любовника и выше мужа, она клянется именемъ брата (tako mi brat), послѣдній гордо и ревниво блюдетъ сестру отъ нападеній и обидъ и мститъ за нее. Если двѣ личности мужскія или женскія чувствуютъ другъ къ другу особенное влеченіе, то они не довольствуются простыми пріятельскими отношеніями, но предъ лицомъ Бога заключаютъ на всю жизнь союзъ братства или посестримства. Въ отношеніи къ мужу жена ведетъ себя скромно и покорно, она вступаетъ съ нимъ въ союзъ не какъ ровная сотрудница въ его хозяйствѣ, но она должна слушать его распоряженій и исполнять ихъ. Большая часть хозяйственныхъ работъ лежитъ на женщинѣ, которыми она занимается хлопотливо и почти безъ отдыха, между тѣмъ какъ мужчины пользуются значительнымъ досугомъ и покоемъ, къ чему располагаетъ ихъ самое общественное устройство. Въ лѣтнюю пору обѣ главы семейства заняты подъ открытымъ небомъ; если работа къ спѣху, то гуляющая сосѣдняя молодёжь охотно пред-

лагаетъ свою помощь,—и тогда работа превращается въ праздникъ, дѣло кипитъ въ рукахъ среди пѣсенъ и шутокъ и къ вечеру обыкновенно оканчивается танцами и весельемъ. Въ другое время также молодежь послѣ дневныхъ работъ собирается въ тихій вечеръ предъ домашнимъ порогомъ и проводитъ время въ общихъ разговорахъ, пѣсняхъ и шуткахъ; вообще народъ, живущій въ ближайшихъ отношеніяхъ съ природою, неохотно разлучается съ нею, даже въ то время, когда уже зима даетъ чувствовать свое приближеніе; въ глубокую осень еще долго молодежь собирается вокругъ огня, пока сильнѣйшіе морозы не загонятъ ее по хижинамъ. Устройство жилья не вездѣ одинаково. Въ одномъ мѣстѣ дома строятся изъ камня, въ другомъ изъ дерева и глины, часто безъ печей и безъ трубъ; огонь обыкновенно раскладывается на глиняной или каменной подмосткѣ, а дымъ выходитъ черезъ двери и черезъ небольшія окна, которыя бываютъ часто безъ стеколъ, даже бумагой не задѣланныя. Печь, если таковая имѣется, бываетъ часто необыкновенной величины,—и вокругъ нея или вокругъ огнища зимними вечерами располагаются женщины съ своею работой; вдали отъ нихъ сидятъ мужчины, курятъ трубку и запиваютъ виномъ или водкой. Это самое лучшее время, когда унаслѣдованный отъ праотцовъ простой смыслъ народа высказываетъ и передаетъ молодому поколѣнію міровоззрѣніе, часто весьма глубокое, нравственное и благородное, иногда наивное, поверхностное и веселое.

Народная философія, популярныя свѣдѣнія о мірѣ, свѣжая и цвѣтущая поэзія запечатлѣны въ давнихъ, но нестарающихся, всегда правдивыхъ и увлекательныхъ преданіяхъ, загадкахъ, пословицахъ, сказкахъ, повѣстяхъ и пѣсняхъ. Пословицы Юго-славянъ часто буквально сходны съ нашими чешскими, иногда сходны по смыслу; съ другой стороны жизнь во многихъ отношеніяхъ столь не похожая, породила и множество пословицъ, совершенно чуждыхъ обѣимъ сторонамъ. Тоже самое можно сказать и относительно повѣрій, разсказовъ, въ которыхъ Юго-славяне еще такъ не далеко ушли отъ

первобытныхъ языческихъ временъ. Они до сихъ поръ удержали вѣру въ добрыхъ и злыхъ духовъ воздушныхъ, водяныхъ и земныхъ, которые предлагаютъ свои услуги добрымъ или злымъ людямъ, смотря потому, кто какъ съ ними обходится. Съ помощію этихъ адскихъ духовъ такъ называемыя вѣщуньи (vjestice) и чародѣйки производятъ различныя колдовства и чары, направленныя обыкновенно ко вреду людей и скота, иныя же изъ нихъ вредятъ не по своей волѣ, но подъ вліяніемъ какого-то злаго духа. Ночью, во время сна, вѣщій духъ (vjedina) выходитъ изъ ихъ тѣла, которое остается въ постелѣ, какъ мертвое, и совершаетъ свои похожденія въ различныхъ образахъ до пѣнія пѣтуховъ; чародѣйскимъ искусствомъ они могутъ обращать людей въ лошадей и ѣздятъ на нихъ на мѣста своихъ сходбищъ, гдѣ происходятъ танцы и угощенія. Такіе несчастные слуги чародѣекъ бываютъ обыкновенно безсильные, слабые, лицемъ желтые и испытываютъ много другихъ превращеній. Надѣлавъ вреда ночью, чародѣйки днемъ отправляются въ тѣже самыя мѣста и предлагаютъ свои услуги къ излѣченію немощей, ибо онѣ знаютъ силу различныхъ травъ и другія цѣлительныя средства, берутся также прогонять разныя немочи, зависящія отъ другихъ причинъ, которыя имъ вполнѣ извѣстны при помощи злыхъ духовъ. Такія личности никогда не обладаютъ правильностью тѣлесныхъ формъ, онѣ или хромыя, или глухія и криворотыя, или другимъ способомъ изувѣченныя. Иногда эти орудія чорта знаютъ больше, чѣмъ самъ чортъ. Словенцы полагаютъ, что чародѣйки ходятъ въ туманѣ и облакахъ, танцуютъ тамъ, наводятъ бурю и мракъ; поэтому съ появленіемъ бури нужно звонить въ священные звоны и особыми священными орудіями стрѣлять въ нихъ, или же взять раскаленные уголья, положить на нихъ масла и посыпать полыни и носить въ сосудѣ вокругъ дома; это куреніе заставляетъ вѣдьмъ падать изъ воздуха, а въ это время противъ нихъ выставляются вилы. Турецкіе Юго-славяне покупаютъ противъ чародѣекъ амулеты и талисманы не только у священниковъ и монаховъ, но даже у турецкихъ *хаджей* и упо-

требляютъ противъ нихъ много другихъ весьма странныхъ средствъ; въ этомъ отношеніи наиболѣе суевѣрны Славяне православные. Если колдунья обратится къ покаянію и перестанетъ вредить людямъ, то она дѣлается домовымъ; въ другихъ мѣстахъ домоваго считаютъ за дѣвушку, которая бываетъ чародѣйкой, пока выйдетъ замужъ.

Если чародѣй или чародѣйка умираютъ безъ покаянія то опи превращаются въ *волкодлаковъ*, которые снова лишены покоя и наносятъ людямъ вредъ. Нѣкоторыя неправедныя души, которыя не имѣютъ или не хотятъ имѣть мѣста на томъ свѣтѣ, побиваются на землѣ, какъ собласты (soblasti), отъ всякаго нелюба, бьютъ себя сами и мучатъ, выворачиваютъ деревья и т. п., но не могутъ однакожъ дѣлать зла людямъ, не могутъ также никому показаться; но если въ глухую полночь, когда по преимуществу ѣздятъ чародѣйки и вообще показываются разныя страшилища, заскрипитъ дерево, то это признакъ присутствія собласта, который можетъ быть прогнанъ молитвою и отправленіемъ мессы. Съ ними сходны у Словенцовъ *вѣщуны* (vedomic), огромные силачи и великаны, которые сражаются вмѣстѣ на перекресткахъ и jedogonje (?) въ Далмаціи. Есть однако другія души умершихъ, которыя заботятся о добромъ уваженіи и вѣчномъ мирѣ, такія являются ночными огоньками. Словенскій *Шкратели* (škratelj) и *Курентъ* не суть злые духи; первый шатается по лѣсамъ, гдѣ лукавымъ свистомъ и хлопаньемъ бича сбиваетъ людей съ прямой дороги; другой бѣсъ шутливаго и веселаго нрава, имѣетъ свирѣль или гусли, является добрякомъ между людьми, лѣчитъ ихъ недуги, доставляетъ нуждающимся пищу и деньги, которыя отнимаетъ у богатыхъ и вообще вездѣ доставляетъ веселье, изобиліе и спокойствіе. Смерть и моръ (Kuga) Юго-славяне представляютъ въ образѣ людей, которые однакожъ не слишкомъ злы и дозволяютъ вести съ ними мудрыя рѣчи, могутъ быть упрошены, или задобрены доброю услугою; но вѣрятъ также въ судьбу (sudjenjc), отъ котрой невозможно уйти. У Словенцевъ особенныя

Вилы (Rojenice,—роженицы) опредѣляютъ теченіе жизни новорожденныхъ. Звѣри, которымъ народное повѣрье приписываетъ особенный вредъ или полезность, или другое какое необыкновенное значеніе, суть тѣже что и у Чеховъ...

Относительно пѣсенъ существуетъ однако значительное различіе, такъ что Юго-славяне кромѣ множества лирическихъ произведеній, могутъ похвалиться богатствомъ и красотою эпическихъ произведеній, которыя обыкновенно рецитируются слѣпцами подъ акомпаниментъ гуслей. Этимъ средствомъ сохраняется между народомъ память о современныхъ и давно минувшихъ народныхъ дѣяніяхъ. Подъ вліяніемъ Турокъ и ихъ плохихъ порядковъ возникло у Сербовъ юнацтво, а съ нимъ и *юнацкія* (savorije) пѣсни, ибо такія явленія могутъ возникнуть только при отсутствіи гражданскаго строя жизни, когда необходимо бываетъ въ своемъ отечествѣ бороться за свое существованіе. Древняя пора Забоевъ у Югославянъ совершается еще въ настоящее время, и каждый новый удалый подвигъ порождаетъ и пѣсни; храбрый воевода Черногорскій, Марко, самъ юнакъ и боецъ, изложилъ въ пѣсняхъ храбрые подвиги свои и своего народа. Когда жизнь народа будетъ обезпечена и онъ начнетъ самостоятельно устраивать свою жизнь, тогда и юнацтво падетъ само собою, какъ пали козачина и рыцарство, а городскія пѣсни будутъ отдаваться въ народѣ все слабѣе и слабѣе. Оттого Словенцы и Кроаты, живущіе издавна болѣе благоустроенною жизнью, имѣютъ мало юнацкихъ пѣсенъ, хотя Марко Кралевичъ и король *Матіяшъ* (Матвѣй Корвинъ) до сихъ поръ не вышли у нихъ изъ памяти.

Обычаи Юго-славянъ отличаются особенно живучестью и силою; хотя съ принятіемъ христіанства нѣкоторые изъ нихъ потерпѣли пораженіе, но другіе, преобразившись до времени въ новую форму, сравнялись и соединились съ христіанствомъ, а нѣкоторые и до сего времени, въ виду враждебнаго христіанства, сохранили свой первобытный языческій характеръ

и живутъ въ народѣ безъ всякаго измѣненія. Многіе обряды, которыми Юго-славяне праздновали весеннее обновленіе природы, перенесены на цвѣтную недѣлю, праздникъ Пасхи, на Юрьевъ День. Въ день Пасхи (vaskrsenje, uzkrs, т. е. воскресеніе, velik dan, velika nôc) въ Сербіи каждый принимаетъ освященный хлѣбъ (navora=anafora), который монастырскіе ученики разносятъ по домамъ, получая за то яйца; обычай разбиванія красныхъ яицъ существуетъ и здѣсь; въ понедѣльникъ каждый непремѣнно долженъ побывать въ храмѣ, хотя бы то было одинъ разъ въ году; не исполняющіе этого въ Бачкѣ и Сремѣ подвергаются обливанію водою, и даже ихъ стараются совсѣмъ окунуть въ водѣ. Отъ Пасхи до Вознесенія привѣтствуютъ другъ друга словами: Христосъ воскресе (Ristos vaskrs); тоже привѣтствіе при выпиваньи. Во многихъ мѣстахъ послѣ заутрени пасхальной принято освящать хлѣбъ, пироги, жареное, яйца, сыръ, вино и др., и пока не съѣдятъ этихъ освященныхъ вещей, до тѣхъ поръ не дозволяется употреблять никакой другой пищи, ни воды, ни табаку. У Словенцовъ точно также цѣлыя корзины этихъ припасовъ носятся для освященія, послѣ чего каждая женщина спѣшитъ, какъ можно, скорѣе прійти домой, ибо черезъ это она приноситъ особенное благословеніе дому, работа будетъ итти успѣшнѣе, а дѣвушка скорѣе выйдетъ замужъ. Это святыня раздѣляется между членами семьи, иногда глава семейства разрѣзываетъ красное яичко (pisanka, pirh) на части и даетъ каждому изъ домочадцевъ, чтобы онъ не заблудился въ лѣсу; здѣсь также существуютъ различныя игры красными яйцами. Въ день Св. Юрія (Djurdjev dan, Djurdjevo), который, не смотря на свое христіанское происхожденіе, считается побѣдителемъ зимы, народъ необыкновенно веселится, и каждый попреимуществу радуется за свой скотъ, потому что съ этихъ поръ не будетъ уже пропажи. Бабы и знахари на зарѣ собираютъ разныя цѣлительныя травы, извѣстныя имъ по дѣдовскому преданію; хозяйка, если она хорошая христіанка, кропитъ священною водою скотскія стойла, и

дѣлаетъ разныя другія предосторожности при помощи святыни; недобрая напротивъ подбирается къ чужимъ коровамъ, поливаетъ ихъ чудесными травами, и совершаетъ разныя другія чародѣйства. Съ Юрьева дня можно уже спать на полѣ и вообще подъ *«открытымъ небомъ,»* ибо Юрій открываетъ лѣто, выгоняетъ изъ воздуха и воды всякихъ духовъ, связываетъ и укрощаетъ всякихъ драконовъ. Дѣти собираютъ цвѣты, называемыя djurdjice, которые употребляются женщинами для улучшенія своей красоты; съ этого дня начинаются въ полѣ разныя игры и танцы и особенными пѣснями прославляютъ Юрія. Словенцы выдѣлываютъ изъ тополя или ели чурбанъ и носятъ его по селу съ веселыми криками; иногда выгоняютъ на весеннія пастбища скотъ, убранный зелеными вѣнками.

Празднованіе лѣтняго поворота солнца также перенесено на Іоанна Крестителя. Къ этому «Иванову дню» приготовляются заблаговременно: наканунѣ раскладываются огни (Kresy), между которыми бѣгаютъ молодые парни, а болѣе смѣлые перескакиваютъ черезъ нихъ; мать проходитъ съ своими дѣтьми между огнями, чтобы они сохранены были отъ всякихъ моровыхъ и другихъ тяжкихъ болѣзней; парубки напрыгавшись досыта, заводятъ съ дѣвицами танцы, игры, пѣніе и веселятся до поздней ночи; потомъ бѣгаютъ съ факелами прежде чѣмъ разойдутся. Въ эту таинственную ночь колдуньи и другіе, даже порядочные, люди прибѣгаютъ къ различнымъ чарамъ; хозяйки преимущественно хлопочатъ объ увеличеніи и обезпеченіи своего хозяйства, молодыя дѣвушки гадаютъ о замужествѣ. Точно также Словенцы стрѣляютъ изъ мортиръ для того, будто чародѣйки воюютъ съ *крестниками* (krstnik), подъ которыми разумѣется двѣнадцатый сынъ одного отца. Изъ менѣе значительныхъ годовыхъ праздниковъ стоитъ упомянуть о поминальныхъ святкахъ *(душичекъ)*. На канунѣ этихъ святокъ въ Славоніи и, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ съ вечернимъ звономъ парни собираются вокругъ колокольни и звонятъ цѣлую ночь по душамъ умершихъ; утромъ рано они

отправляются по домамъ и во имя умершихъ, за которыхъ они звонили, собираютъ различныя подаянія; когда такимъ образомъ соберется значительное количество яствъ и напитковъ, въ какомъ нибудь домѣ все это потребляется въ память душъ умершихъ, чтобы Богъ былъ милостивъ къ нимъ. Нищіе, слѣпцы и калѣки собираютъ въ этотъ день много милостыни. Костелы и каплицы на кладбищахъ наполнены народомъ, гдѣ каждый ставитъ свѣчи за умершихъ, иные за каждаго умершаго отдѣльную свѣчу. Почти у каждой могилы стоятъ на колѣняхъ или сидятъ женщины и дѣти, молятся и причитаютъ, водятъ по могиламъ священниковъ для отпѣваній и освященія воды; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на могилы выносится пища и напитки, которые раздаются нищимъ и убогимъ, чтобы они молились за умершихъ. Словенцы въ этотъ день неохотно отправляются въ дорогу, ибо тогда души умершихъ выходятъ изъ чистилища, посѣщаютъ мѣста своихъ прежнихъ жилищъ и ходятъ процессіями отъ кладбищъ къ церкви и обратно.

Предъ *похоронами* умершихъ въ домъ приходятъ знакомые и пріятели помолиться надъ нимъ, а также бабы и нищіе, имѣя въ виду сытное угощеніе; для этого требуется достаточное количество всякаго рода мяса, вина и водки; всѣ эти припасы забираются также и на кладбище, чтобы можно было угостить каждаго встрѣчнаго; надъ умершимъ голосятъ плакальщицы по ремеслу, вычисляя его достоинства и рисуя надежды, возлагавшіяся на него; главы семейства не произносятъ никакихъ особыхъ причитаній, но говорятъ первыя попавшіяся на языкъ слова и поручаютъ ему привѣтствовать въ небѣ давно умершихъ, такъ что мыслящій человѣкъ не знаетъ, смѣяться ли ему надъ всѣмъ этимъ или сожалѣть. Послѣ похоронъ, по обыкновенію, предлагается угощеніе, при чемъ каждый, выпивая вино или водку, старается сказать про покойника что нибудь хорошее, иногда среди ѣды и въ молитвахъ поминаютъ его; въ иныхъ мѣстахъ существуетъ

обычай черезъ недѣлю послѣ похоронъ устроять новое обильное угощеніе.

Самыя знаменитыя святки — это рождественскія (bozic badnjak), праздникъ зимняго солнцеповорота. Хозяинъ и хозяйка приготовляютъ заблаговременно самыя лучшія яства и напитки, а на щедрый день приготовленія совершаются только для вечера и для другаго дня. Мужчины устрояютъ чурбаны (badnjaky), въ другихъ мѣстахъ костры, и зажегши поливаютъ ихъ виномъ; въ комнату приносится солома, по которой дѣти катаются; женщины заготовляютъ печенья, и кромѣ всего пирогъ *баднячій* для этого дня и *летнячій*—для другаго; этотъ пирогъ украшаютъ солнцемъ, мѣсяцемъ, звѣздами, выдѣланными изъ тѣста. Пчеловодъ заготовляетъ чистый воскъ на свѣчи для себя и для сосѣдей, незанимающихся пчеловодствомъ. Едва смеркнется и послышится звонъ, каждый спѣшитъ подъ свой домашній кровъ, зажигаются свѣчи, всѣ падаютъ на колѣни на соломѣ и хвалятъ Богородицу; послѣ молитвы (въ Славоніи) отецъ семейства подаетъ свѣчу дѣтямъ, которыя обносятъ ее вокругъ столика направо, по теченію солнца, говоря при этомъ; «Hvaljen Isus bogo se rodi» (хвала Іисусу, Богомъ рожденному), на что всѣ отвѣчаютъ: «Uvjek I. hvaljen» (хвала во вѣкъ); каждое дитя повторяетъ это до трехъ разъ. До полуночи почти никто не ложится спать, послѣ ужина продолжаютъ еще пить и закусывать и неумѣренное употребленіе вина въ этотъ день не ставится въ порокъ; при этомъ играютъ въ орѣхи и др. игры, поютъ святочныя пѣсни, за тѣмъ, кто можетъ, отправляется ко всенощной, а по возвращеніи наполняетъ скотскія стойла кормомъ, ибо тогда и скотъ долженъ имѣть всего въ изобиліи; иные до самаго утра проводятъ время въ разговорѣ и пѣніи. По утру совершается также стрѣльба въ честь праздника; передъ принятіемъ пищи каждый держитъ въ рукѣ свѣчу, молится и цѣлуется со всѣми по порядку, говоря при этомъ: *«миръ божій! Христосъ родился»* и т. д. Въ этотъ день рѣдко случается, чтобы кто нибудь, изъ чужихъ или изъ со-

сѣдей навѣстилъ кого; исключеніемъ пользуется только *паложайникъ*, посыпальникъ по малорос. (palažajnik), съ которымъ соединяется много повѣрій и котораго привѣтствуютъ особымъ способомъ; но если однако же навѣститъ кто нибудь посторонній, то его не выпустятъ безъ угощенія, которое у Юго-славянъ до сихъ поръ пользуется древнимъ значеніемъ и почетомъ. Во многихъ мѣстахъ и до нынѣ существуетъ обычай *колядованья*; къ тому же роду принадлежатъ и *Кралицы* (kraljice) на зеленыхъ святкахъ и др. хожденія по домамъ съ пѣснями. Ночь передъ Богоявленіемъ (3 králi), какъ и вся пора рождественская, носитъ также характеръ миѳологическій; многіе въ это время стоятъ на дворѣ цѣлую ночь, стараясь увидать небо отверзтымъ, что впрочемъ не каждому удается

Съ особою торжественностью празднуется день рожденія, такъ называемое *крестное имя* (krstno ime). При рожденіи повивальная бабка прикасается къ новорожденному, если это мальчикъ, топоромъ или другимъ земледѣльческимъ орудіемъ, чтобы изъ него вышелъ хорошій хлѣбопашецъ, если дѣвочка,—то горстью льну, чтобы вышла искусная хозяйка. Въ Сербіи женщины ходятъ къ роженицѣ на *бабины*, которыя однако продолжаются здѣсь только 7 дней, при чемъ приносятъ лакомства и раздаютъ дѣтямъ, мужчины проводятъ цѣлую ночь въ разговорахъ, поютъ пѣсни, приспособленныя къ обстоятельству. Кумовство, существующее въ разныхъ видахъ, пользуется большимъ почетомъ и значеніемъ и часто по наслѣдству переходитъ отъ отца къ сыну, такъ что двѣ семьи съ самыхъ давнихъ поръ находятся между собою въ кумовствѣ; между кумами существуетъ обычай по крайней мѣрѣ разъ въ году взаимно дарить другъ друга.

По поводу рожденій по краинамъ существуютъ разнообразные обычаи и повѣрья, при свадьбахъ однако они такъ многочисленны и разнообразны, что ихъ невозможно представить въ краткомъ и общемъ обозрѣніи. Иногда родители въ юномъ возрастѣ уст-

рояють помолвку своихъ дѣтей, при чемъ или юноша высмотритъ себѣ дѣвочку, или отецъ объ этомъ постарается; если дѣло съ невѣстой и ея семьей улаживается, тогда совершается обрученіе, при чемъ кумъ, по совершеніи особенныхъ обрядовъ, означающихъ соединеніе съ этого времени молодыхъ, перемѣняетъ взаимно ихъ перстни. Въ день свадьбы, когда женихъ съ своею дружиною приходитъ за невѣстою, ему иногда очень долго не отдаютъ ее и выводятъ нѣсколько разъ какую нибудь старуху вмѣсто нея; угощеніе дѣлается самое обильное и продолжается часто болѣе дня, при чемъ гости стараются отложить что нибудь въ сторону, чтобы домой принести. За столомъ сидятъ въ извѣстномъ порядкѣ, о которомъ заботится *кумъ* или *старшина*, составляющій, такъ сказать, душу общества («kamkum okem, svatebnici skokem»); *Чаушъ* обязанъ поддерживать веселость общества остроумными рѣчами и говорливостью. Такъ при добромъ расположеніи, съ пѣснями, выпивкой, танцами и стрѣльбой празднуется важнѣйшая перемѣна въ жизни простаго человѣка. За тѣмъ невѣсту приводятъ въ домъ жениха, гдѣ свекровь встрѣчаетъ ее съ чашею вина, подаетъ ей прялку и другія принадлежности кухни въ знакъ того, что этими вещами она должна будетъ распоряжаться. Послѣ этого снова предлагается угощеніе и это круговое веселье продолжается иногда цѣлую недѣлю.

Молодая жена цѣлый годъ должна носить воду, топить, мыть ноги отцу, дядьямъ и братьямъ мужнинымъ, и вообще услуживать и дѣлать все расторопно и проворно, подобно ласточкѣ (kao ptica lastovica). Насильственное похищеніе дѣвушекъ, выходящее уже впрочемъ изъ обычая, вѣроятно турецкаго происхожденія. Хотя въ другихъ случаяхъ Юго-славяне мало заимствовали отъ Турокъ, тѣмъ не менѣе мрачный характеръ, лѣность и крайне безпечная довѣрчивость суть качества турецкаго происхожденія. Кромѣ того турецкіе безпорядки положительно задерживаютъ развитіе народнаго благосостоянія и просвѣщенія и производятъ всеобщій упадокъ нравственнаго воспитанія и чувства справедливости, при-

нуждая Славянъ избѣгать общества и скитаться въ уединеніи по лѣсамъ, какъ это можно видѣть на гайдукахъ, ускокахъ и др. badnižane и bantjcny... этимъ дается лучшее средство для избѣжанія правосудія въ случаѣ преступленія. Черногорцы до сихъ поръ, какъ и въ древнія времена, ведутъ противъ Турокъ жизнь ускоковъ и это еще долго продлится, пока правительство успѣетъ сообщить ей больше благоустройства; австрійское правительство обуздало ускоковъ, но это послужило только въ его собственную пользу (въ В. Границѣ).

Характеръ Юго-славянъ быстрый и живой, огненный и рѣшительный; они обладаютъ природнымъ краснорѣчіемъ, выраженіе лица пріятное, бороды брѣютъ, но усы почти сплошь носятъ; росту большею частью средняго, станъ стройный, а въ горныхъ краинахъ бываютъ и высокаго росту; покрой платья различный, по селамъ и даже по городамъ; въ иныхъ мѣстахъ, носятъ свой народный костюмъ; обувь составляютъ обыкновенно opanky, а также сапоги и башмаки; штаны у Сербовъ широкіе, со складками, какъ у Турокъ, но только до колѣнъ; кафтанъ подпоясывается, а за поясомъ виситъ оружіе; иногда носятъ камзолъ вышитый, на головѣ феску; кроаты носятъ широкіе полотняные штаны, какъ у Венгерцовъ, или же узкіе, плотно прилегающіе къ ногамъ, шерстяной кафтанъ съ вышитыми украшеніями; на головахъ употребляются войлочныя или плетеныя изъ соломы шляпы, не высокія, но съ широкими полями; у Словенцевъ преобладаетъ покрой платья обще-европейскій. Однимъ изъ первыхъ знатоковъ внутренней жизни Юго-славянъ считается знаменитый Вукъ Стефановичъ Караджичъ, который представилъ многосторонныя описанія этой жизни въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ жизнь Юго-славянъ—въ Славоніи описалъ *Лука Иличъ*, въ Черногоріи *Медаковичъ*, въ Славоніи *Клунъ* и др.

П. Понырко.

Греками и Римлянами; ихъ можно найти въ отличныхъ сочиненіяхъ о Греческой и Римской миѳологіи. Я желалъ только выяснить первые зачатки Зевса и Юпитера, лежащіе подъ поверхностью классической миѳологіи, и показать, какъ эти зачатки своими жилками прицѣпляются къ корнямъ, простирающимся непрерывною чертою до Индіи, или даже до еще болѣе отдаленнаго центра, изъ котораго произошли всѣ Арійскіе языки.

Я считаю однако полезнымъ нѣсколько остановиться на замѣчательномъ конгломератѣ словъ, производимыхъ отъ того же корня, какъ Зевсъ. Простѣйшая форма этого корня есть dyu.

Dyu чрезъ гуну усиливается въ dyo (передъ гласными dyav)
» vṛidhi » dyâu (» » dyâv. *)

Чрезъ перемѣну гласныхъ въ полугласныя, а полугласныхъ въ гласныя, dyu принимаетъ форму
div, усиливающуюся чрезъ гуну въ dev,
« vṛdhi » dâiv. *

Теперь я разберу эти корни съ ихъ производными болѣе подробно, сопоставляя при этомъ такія слова, какъ именныя, такъ и глагольныя, которыя, по своей формѣ, находятся въ наибольшей связи между собою, безъ вниманія на обыкновенный порядокъ склоненія и спряженія, принятый практическими грамматиками.

Корень dyu въ простѣйшей своей формѣ является какъ Санскр. глаголъ dyu, наскочить, напасть. [77]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ригведы комментаторъ понимаетъ dyu въ смыслѣ сіянія, блеска, допускаетъ однако также,

---

**Гуною* въ Санскритской грамматикѣ называется измѣненіе гласныхъ чрезъ вставленіе передъ ними краткаго ǎ, а Вриdhи—измѣненіе чрезъ вставочное долгое â, при чемъ
ǎ + i сливается въ e
ǎ + u » » o
â + i » » ai
â + u » » au*

77) Франц. éclater, первоначально, пробиваться, потомъ сіять, блистать, показываетъ подобный же переходъ. Ср. Diez, Lex. Comp. s. v. schiantare.

что глагольный корень можетъ быть dyut, блистать, а не dyu. Въ Ригведѣ, I. 113, 114, сказано: «Утренняя заря своими драгоцѣнными алмазами блеснула во всѣхъ углахъ неба; она, блестящая (devî), раскрыла мрачное одѣяніе (ночь). Она, пробуждающая насъ, приближается, какъ Ушасъ съ своими красными конями, на быстрой колесницѣ.

Для того чтобы употреблять dyu не какъ глаголъ, а какъ имя, нужно прибавлять только окончанія склоненія. Съ окончаніемъ творит. множ. bhis, соотвѣтствующимъ Лат. bus, мы получаемъ dyu-bhis, ежедневно, toujours; вин. множ. dyûn, въ выраженіи anu dyûn, со дня на день.

Какъ нарѣчіе, dyu принимаетъ окончаніе нарѣчія s, такъ что получаемъ Санскр. pûrvedyus, т. е. въ прежній день, вчера, которое сравниваютъ съ prōizá, третьяго дня. Послѣдній элементъ za дѣйствительно, кажется, содержитъ въ себѣ корень dyu; но za, соотвѣтствуетъ болѣе Санскр. dya (въ adya, сегодня), чѣмъ dyus. Эта форма dyus, вм. первоначальнаго dyut, является въ Лат. diû днемъ, напр. noctu diuque, ночью и днемъ. Впослѣдствіи diû [78]) получило значеніе: цѣлый день, долгое время, а въ diuscule, нѣсколько времени, s снова является. Это s стоитъ вм, болѣе древняго t, которое сохранилось въ diutule, короткое время, и въ сравнительной степени diut—ius, дольше (interdius и interdiû, днемъ).

Въ Греческомъ и Латинскомъ слова не могутъ начинаться съ dy. Гдѣ въ Санскритскомъ начальное dy, тамъ въ Греческомъ dy переходитъ или въ z, или y вовсе опускается, и остается только d. [79]) Даже въ Греческихъ нарѣчіяхъ мѣняются dia и za; вмѣсто dia-

78) Думаютъ, что этотъ же коренной элементъ dyu, въ смыслѣ дня, содержится въ dum, сегодня, пока, между тѣмъ какъ; въ nondum, еще не (pasencore т. е. hanc horam); въ donicum, doncc, пока не, lorsque; denique, наконецъ, и biduum. Сюда же относятъ Греч. δήν, долго, δή, теперь.

79) Schleicher, Zur Vergl. Sprachengesch. 40.

bállō мы находимъ Эолійское [80]) zabállō, и позднѣйшее византійское искаженіе изъ diábolos является въ Лат. zabulus вм. diabolus. Гдѣ въ Греческомъ начальное z діалектически мѣняется съ начальнымъ d, тамъ мы обыкновенно находимъ, что сперва въ началѣ стояли согласныя dy, такъ что, встрѣчая въ Греческомъ двѣ такія формы, какъ Zeús и Віотійское Deùs, мы можемъ быть увѣрены, что обѣ формы соотвѣтствуютъ Санскритской формѣ Dyu, усиленной чрезъ гуну въ Dyo. Эта форма dyo въ Санскритскомъ существуетъ не въ именительномъ единственнаго, который чрезъ вридhи усиленъ въ Dyâus, имен. множ Dyâvaḥ, но въ такихъ формахъ, какъ мѣстный падежъ dyávi [81]) (вм. dyo—i) и пр.

Въ Латинскомъ начальное dy замѣняется буквою j, такъ что Jû въ Jupiter вполнѣ соотвѣтствуетъ Санскритскому Dyo. Iovis, напротивъ того, есть вторичная форма, которая въ именит. единств. соотвѣтствовала бы Санскритской формѣ Dyaviḥ. Слѣды прежняго существованія начальнаго dj въ Латинскомъ находятся въ Diovis; это, согласно Варрону (L. L. 10, 20), древнее Италійское названіе Юпитера, которое найдено въ этой же формѣ въ Оскійскихъ надписяхъ. Древнее Италійское божество Vējŏvis также встрѣчается иногда въ формѣ Vêdjōvis.

Никто не сомнѣвался въ томъ, что Греч. Zēn, Zênos принадлежитъ къ этой же семьѣ словъ, но на счетъ этимологическаго строенія этого слова мнѣнія весьма различны. Мнѣ кажется, что Zēn, какъ и Лат. Jan, болѣе древняя форма слова Janus, представляютъ Санскритское dyav—an, образовавшееся, какъ râjan, только съ гуною. Далѣе, какъ yuvan, juvenis, сокра-

---

80) Mehlhorn, Griech. Gram- §. 110.

81) Вин. ед. dyâm, кромѣ divam, простое искаженіе формы dyâvam, какъ gâm вм. gâvam. Замѣчательно совпаденіе dyâm съ Греч. вин. ед. Ζῆν. Срв. Leo Meyer въ Kuhn's Zeitschr., V. 373. Ζεύν также приводится какъ вин. ед. именит. Ζής и Ζάς, род. Ζαντός, слишкомъ мало достовѣрны, чтобы дѣлать предположенія относительно ихъ этимологическаго характера. См. Curtius, Grundz. II. 188.

щается въ jūn въ словѣ junior, такъ dyavan въ Латинскомъ сократилось бы въ Jan, по третьему склоненію, [82]) или во вторичную форму Jān—us. Janus—pater въ Латинскомъ было одинаково, какъ Jupiter. Онъ назывался также Junonius и Quirinus, [83]) и на сколько мы можемъ судить, былъ другимъ олицетвореніемъ Dyu, неба, съ преимущественнымъ однако отношеніемъ къ году. Мѣсяцъ *Январь* ему обязанъ своимъ именемъ. Какъ Ju относится къ Zeu, такъ Jān, относится къ Zēn съ тѣмъ только различіемъ, что въ Греческомъ Zēn осталось при третьемъ или согласномъ склоненіи, вмѣсто того, чтобы перейти, какъ это могло случиться, во второе склоненіе подъ формою Zēnos, род. пад. Zēnu. Лат. Jūnō, род. Junonis соотвѣтствовало бы Греч. Zēnōn, женскаго рода.

Вторая форма div является въ Санскр. въ косвенныхъ падежахъ: род. divas, дат. dive, твор. divâ, вин. divam и т. д. Напримѣръ Ригв. I. 50, 11: «О солнце, всходящее теперь и поднимающееся къ высшему небу (úttarâm dívam, женск. р.), разгони горе моего сердца и мое уныніе!»

Ригв. I. 54; 3: Пойте могущему Dyu (divé brihaté, мужск. р.) величественную пѣснь.»

Ригв. I. 7, 3: «Индра заставилъ солнце подняться къ небу (divî), чтобы оно могло видѣть далеко и пр.»

Эти формы вполнѣ представляются греческими косвенными падежами DiFós, DiFí, DíFa.

Нѣтъ необходимости, чтобы въ Латинскомъ была утрачена губная полугласная, такъ называемая дигамма, какъ это видно въ Jovis, Jovem и пр. Въ Diespiter она однако опускается, также въ Dîum вм. dîvum, небо, отъ котораго происходитъ diâna вм. Divana, небесная (первонач. Deiana), между тѣмъ какъ въ dîv—înus конечное v корня div сохранилось.

---

82) Tertullian, Apol. c. 10: «a Jano vel Jane, ut Salii volunt» Hartung, Rel. der Römer, II. 218.
83) Gell. v. 12, 5.

Въ Санскритѣ есть много производныхъ корня div, какъ напр. diva (средн. р.), небо, день; divasa (муж. р.), небо и день; divya, небесный; dina (муж. р.), день, есть, вѣроятно, сокращенное divana. Лат. diēs соотвѣтствуетъ Санскр. divas. имен. множ. divâs, муж. р. Въ Литовскомъ мы находимъ diena, *Русск. *день*, Сербск. dan, Польск. dzien, Летск. dien, соотвѣтств. Санскритскому dina. *Дивный* собственно значитъ блестящій. Сюда же относится *дивиться, удивляться*; *диво* Лит. dîwas, чудо. *Дѣва*—первоначально свѣтлая, блестящая. У Лужичанъ была юная прекрасная богиня Dživica, охотящаяся въ лунныя ночи; у Чеховъ Dēvana, у Поляковъ Dziewona, у Валаховъ Dina, указывающія на Греч. *Діану*. А. Аѳанасьевъ (I. 731) отожествляетъ Русскую *Диву* или *Дивію* не только въ этимологическомъ отношеніи, но и по миѳологическому характеру съ *Діаною*. Въ старинныхъ памятникахъ упоминается еще древне-Славянское божество *Дый*, но по тѣмъ немногимъ мѣстамъ, гдѣ встрѣчается его имя, нельзя знать ничего опредѣленнаго о его миѳологическомъ значеніи. *Дивомъ* у древнихъ Славянъ называлось не свѣтлое, благодѣтельное существо, а могучій змѣй, враждебный человѣчеству и причиняющій ему много зла и несчастій; аналогично тому Зендск. daeva, первоначальное названіе вообще бога у Арійцевъ, сдѣлалось наименованіемъ злыхъ геніевъ, распространителей зла въ природѣ и между людьми.*

Усиливая наконецъ div гуною, мы получаемъ Санскр. deva, первонач. блестящій, потомъ богъ. Странно, что объ этомъ этимологическомъ значеніи deva не упоминается въ Санскритскомъ словарѣ Boehtlingk und Roth'a. Оно пропущено очевидно съ намѣреніемъ, а именно чтобы показать, что вездѣ, гдѣ deva встрѣчается въ Ведахъ, его можно перевести словомъ—*богъ* или *божественный*. Возможность такого перевода трудно опровергнуть, но легко доказать, что во многихъ мѣстахъ первоначальное значеніе блестящаго есть болѣе подходящее. Въ Ригв. I. 50, 8: «Семь Гаритовъ (коней) на колесницѣ, везутъ тебя блестящее (deva) Солнце, тебя съ пла-

менными волосами, о дальнозоркое!» Безъ сомнѣнія, можно было бы сказать «божественное Солнце,» но объясненіе комментатора, какъ этого, такъ и другихъ подобныхъ мѣстъ, мнѣ кажется болѣе естественнымъ и подходящимъ. Въ Ведахъ чрезвычайно интересна именно эта неопредѣленность значенія, полуестественное и полунравственное значеніе такихъ словъ, какъ deva. Лат. deus уже не значитъ блестящій, а богъ; также Греч. theós и Лит. diewas, Летское dewas.

Въ Санскритѣ мы можемъ прослѣдить образованіе общаго названія бога. Главными предметами религіозной поэзіи ведическихъ пѣвцовъ были такія блестящія существа, солнце, небо, день, утренняя заря, утро, весна—которыя всѣ могли быть названы deva, блестящими. Вскорѣ они были противопоставлены силамъ ночи и тьмы, называющимся иногда adeva, неблестящій, не божественный, злой, гибельный. Такая противоположность блестящихъ, благодѣтельныхъ, божественныхъ и мрачныхъ, гибельныхъ, демоническихъ существъ, развилась въ весьма раннее время. Druh [84]), несчастіе, употребляется какъ названіе тьмы или ночи, и говорятъ, что утренняя заря разгоняетъ ненавистную тьму Druh'a (VII. 75, 1; см. также I. 48, 8; 48, 15; 92, 5; 113, 12). Âditya восхваляются за избавленіе человѣка отъ Druh (VIII. 47, 1) и Magһавана или Индру просятъ, чтобы онъ далъ своимъ поклонникамъ свѣтъ дня, прогнавши многихъ мрачныхъ Druh'овъ (III. 3119: druháḥ vi yâhi bahulâḥ ádevîḥ). «Пусть попадетъ онъ въ западню Druh'a,» употребляется какъ проклятіе (VII. 59, 8); VII. 61, 5, сказано: «Druh'и слѣдуютъ за грѣхами людей.» Какъ мрачныя силы тьмы, Druh'и и Raksha, называются adeva, такъ свѣтлые боги называются adruh (VII. 66, 18, Ми-

---

[84]) Kuhn, Zeitschr. I. 179 и 193, гдѣ къ druh болѣе или менѣе достовѣрно приведены θέλγω, τελχίν, ἀτρεχής, Зендск. Drukhs, Нѣм. trügen и lügen. Въ А. Сакс. мы находимъ dreoh—laecan, и dry, волшебникъ dolh, рана; *Русск. друч-ить, дручина, у-друч-ать.*

тра и Варуна). Такъ какъ deva примѣнялось ко всѣмъ свѣтлымъ и благодѣтельнымъ силамъ, въ которыхъ Арійцы видѣли присутствіе чего-то сверхъ-естественнаго, нетлѣннаго, безсмертнаго, то оно со временемъ стало общимъ названіемъ того, что было общее у всѣхъ различныхъ боговъ или названій Бога. Оно слѣдовало, какъ тѣнь, за ростомъ болѣе чистой идеи Божества и когда эта послѣдняя достигла высшаго своего развитія, то оно осталось почти единственнымъ словомъ, которое удержало нѣкоторую жизненную силу въ чистой, но съуживающейся области мысли. Âditya, Vasu, Asura и другія названія отстали въ стремленіи человѣческаго ума отъ самаго возвышеннаго понятія Божества; только deva осталось выраженіемъ Бога, theós, deus. Даже въ Ведѣ, гдѣ еще можно уловить тѣнь первоначальнаго значенія deva, свѣтлый, блестящій,—и въ нихъ deva уже употребляется въ томъ смыслѣ, какъ Греческое theós. Пѣвецъ (X. 121, 8) говоритъ про того, «кто между богами одинъ былъ богъ.» Послѣдній шагъ приводитъ насъ къ Санскритскому Daiva, происшедшему отъ deva; это слово въ позднѣйшее время стало означать судьбу.

О соотвѣтствующихъ словахъ въ Тевтонской вѣтви, остатки которыхъ собраны глубокомысленнымъ ученымъ Я. Гриммомъ, 85) не много придется сказать. По названію богъ Týr (род. Tys, вин. Ty) соотвѣтствуетъ ведическому Dyu, а Древне-сѣв. названіе Вторника, dies Martis, есть Tysdagr. Хотя въ системѣ Эдды Одинъ высшій богъ, а Тиръ его сынъ, однако нѣкоторые слѣды показываютъ, что въ прежнія времена Тиръ, богъ войны, Германцами былъ почитаемъ за высшее божество. 86) Въ Англо-Сакс. названіе этого бога самостоятельно уже не встрѣчается, но слѣды его содержатся въ Tiwesdaeg, Вторникъ. Англ. Tuesday. Тоже самое относится къ Др.-вр.-Германскому, гдѣ находимъ Ziestag, нынѣшнее Нѣм. Dienstag. Kemble приводитъ названія мѣстностей въ

---

85) Deutsche Mythol. 175.
86) Grimm, D. Mythol. 179.

Англіи, какъ напр. Tewesley, Tewing, Tiwes mére и Tewes thorn, и названія цвѣтовъ, [87]) напр. Др. Сѣв. Týsfiola, Týrhjalm, Týsvidhr, какъ содержащія въ себѣ названіе бога.

Кромѣ этого имени собственнаго, Гриммъ приводитъ также встрѣчающееся въ Эддѣ tívar, имен. множ. боги.

Наконецъ, не смотря на всѣ возраженія, я вполнѣ согласенъ съ Цейссомъ и Гриммомъ, которые связываютъ упоминаемаго Тацитомъ Tuisco съ Англо-Сакс. Tiw, который въ Готскомъ имѣлъ бы форму Tiu. Германцы считались Тацитомъ за туземныхъ жителей ихъ страны, и вѣроятно они сами считали себя туземцами. Въ пѣсняхъ своихъ, которыя Тацитъ называетъ единственнымъ средствомъ ихъ преданій и единственными лѣтописями, они прославляли Tuisco, рожденнаго отъ земли, и его сына Mannus, какъ божественныхъ родоначальниковъ ихъ племени. Значитъ, они, какъ и Греки, смотрѣли на боговъ, какъ на праотцевъ человѣческаго рода, и полагали, что въ началѣ жизнь произошла на той неисчерпаемой почвѣ, которая поддерживаетъ и питаетъ человѣка, и для которой они, на своемъ простомъ языкѣ, не могли найти болѣе вѣрнаго названія, какъ Мать-Земля. Не трудно понять, что Mannus, называемый у Тацита сыномъ Tuisco, первоначально означалъ человѣка; это имя производится отъ того же корня man, мѣрить, думать, **мнить*, Нѣм. meinen* отъ котораго происходитъ Санскр. Manu. [88]) Man, или Санскр. Manu или Manus, мѣритель, мыслитель, есть самое высокое названіе, какое только могъ себѣ присвоить человѣкъ; отсюда происходитъ др.-вр.- Герм. mennisc, современное Нѣм. Mensch. Это mennisc, Санскр. manushya, первоначально было прилагательное, или, если угодно, отчество: сынъ человѣка.

---

87) Kemble, Saxons in England. I. 351. На нихъ впервые указалъ Гриммъ, Deutsche Myth. 180.

88) На счетъ Manu и Minos см. Kuhn's Zeitschr. IV. 92. Названіе Sáryâta, сына Ману, едва ли можно сравнить съ Krêta.

Какъ скоро mennisc и manushya въ обиходномъ языкѣ стали означать человѣка, то языкъ самъ произвелъ миѳъ, что Manus былъ праотецъ Manusha. Теперь же, Tuisco по-видимому тоже является вторичною формою отъ Tiu, съ тою же приставкою какъ mennisc, и безъ всякой перемѣны значенія. Tuisco же назывался отцемъ Mannu просто потому, что однимъ изъ главныхъ пунктовъ въ первобытной религіи человѣчества было то, что въ томъ или другомъ смыслѣ отцу назначалось пребываніе на небесахъ. Поэтому Mannu назвали сыномъ Tuisco, а этотъ Tuisco, какъ намъ извѣстно, первоначально былъ Арійскимъ богомъ свѣта. Вотъ что составляло предметъ Германскихъ пѣсенъ, къ которымъ прислушивался Тацитъ. Эти пѣсни они пѣли, прежде чѣмъ начинали сраженіе, чтобы возбудить въ себѣ геройство и приготовиться къ смерти. Для итальянскаго слуха такое пѣніе, должно быть, казалось дикими звуками, отражавшимися отъ ихъ щитовъ, почему эти пѣсни и названы barditus (пѣніе подъ щитами др.-Сѣверн. bardhi, щитъ). Римляне могли издѣваться надъ такою поэзіею и музыкою, но не то дѣлалъ Тацитъ. Императоръ Юліанъ, услышавъ Германцевъ, поющихъ свои народныя пѣсни на берегахъ Рейна, сравнилъ ихъ пѣніе съ крикомъ хищныхъ птицъ. Тацитъ называетъ его concentus virtutis, ликованіемъ добродѣтели. Онъ говоритъ также (Ann. II. 88), что Германцы сохраняютъ въ своихъ пѣсняхъ память *Арминія*, и описываетъ (Ann. II. 65) ихъ ночные пиры, на которыхъ они пѣли и ликовали до самаго утра, которое призывало ихъ къ новому сраженію.

Имена Mannus, Tuisco и пр., упоминаемыя Тацитомъ, могли имъ быть повторены, разумѣется, только по слуху, и если принять въ соображеніе трудность такой задачи, то нужно удивляться, что эти имена, какъ они имъ записаны, такъ легко допускаютъ этимологическое значеніе. Такъ на пр. Тацитъ не только свидѣтельствуетъ, что Mannus былъ предокъ Германскаго народа, но онъ также называетъ его трехъ сыновей, или собственно названія трехъ большихъ племенъ: Ingaevones, Iscaevo-

nes и Herminones, производившихъ свое начало отъ трехъ сыновей Маннуса. Доказано, что Ingaevones производятъ свое имя отъ Yng, Yngo или Ynguio, о которомъ въ Эддѣ и Беофульфѣ упоминается, какъ о жившемъ сначала съ восточными Данами, а потомъ переѣхавшемъ на своихъ повозкахъ на Востокъ чрезъ море. Есть сѣверное племя Yngling'овъ, которые производятъ свое начало отъ Yngvi, Niördhr, Frayr, Fiölnir (Odin), Svegdir,—все имена божественныхъ существъ. Другая генеалогія, въ Ynglinga—saga, начинается съ Niördhr, отожествляетъ Frayr съ Yngvi, и производитъ отъ него названіе племени.

Второй сынъ Mannus'a—Isco Гриммомъ отожествляется съ Askr, что есть не что иное какъ другое названіе первороднаго человѣка. Askr обозначаетъ также ясень, и предполагали, что данное первому человѣку названіе ясеня, Англ. ash, Нѣм. Esche, происходитъ отъ того же представленія, которое заставило Грековъ воображать, что одна изъ человѣческихъ расъ произошла отъ ясеней (ἐκ μελιᾶν). У Алкуина сынъ ясеня синонимно употребляется съ человѣкомъ [89]). Гриммъ предполагаетъ, что Iscaevones жили въ близи Рейна, и что слѣды ихъ имени содержатся въ Asciburgium или Asciburg на Рейнѣ, гдѣ—какъ уже было извѣстно Тациту, хотя недостовѣрно—былъ найденъ храмъ, посвященный Илиссу, и на которомъ было имя отца его Лаэрта [90]).

У третьяго сына Мануса чисто Германское имя Irmino. Irmin былъ древне Саксонскій богъ, отъ котораго вѣроятно происходятъ имена Arminius и Herminones.

Главный интересъ этихъ германскихъ сказаній о Tuisco, Mannus и его сыновьяхъ составляетъ ихъ религіозный характеръ. Они даютъ выраженіе тому же чувству, которое мы постоянно находимъ у Арійскихъ на-

---

89) Ampère, Hist. Litt. de la France, III. 79.
90) Germania, c. 3

родовъ, именно, что человѣкъ сознаетъ свое происхожденіе отъ неба и земли, что онъ претендуетъ на родство съ небеснымъ отцемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ же ясно понимаетъ, что онъ сотворенъ изъ праха земли. Это знали Индусы, называя Dyu своимъ отцемъ, а Prithivî—матерью. Это было извѣстно Платону, когда онъ сказалъ, что Земля, какъ мать, произвела человѣка, но богъ далъ ему образъ; это понимали Германцы, хотя Тацитъ совершенно сбивчиво разсказываетъ намъ, что они воспѣвали Маннуса какъ сына Tuisco, а этого считали за происшедшаго отъ земли. Вотъ что говоритъ Гриммъ о религіозныхъ элементахъ, скрытыхъ въ Германской миѳологіи:

«Въ нашей языческой миѳологіи ярко и чисто выступаютъ представленія, которыя преимущественно занимаютъ человѣческій духъ, и которыя его поддерживаютъ. Высшій богъ для него отецъ, дѣдъ, пра-отецъ, который живымъ даетъ благополучіе и побѣду, а умершихъ принимаетъ въ свое жилище. Смерть есть возвращеніе къ отцу. Рядомъ съ богомъ находится высшая богиня какъ мать, бабушка, мудрая и бѣлая прародительница. Богъ великъ, богиня сіяетъ красотою, оба разъѣзжаютъ и являются къ людямъ: онъ пріучаетъ войнѣ и оружію, она учитъ прясть, ткать, сѣять; отъ него происходитъ пѣснь, отъ нея—сказаніе.»

Теперь да позволено мнѣ будетъ кончить лекцію краснорѣчивыми словами нынѣ живущаго поэта: [93])

«Тогда они, наши праотцы, въ простотѣ нравовъ, стали оглядываться на землѣ, и спрашивали у самихъ себя: «Гдѣ отецъ вселенной, если есть отецъ вселенной? Не на сей же землѣ, ибо она разрушится. Равно и не на солнцѣ, мѣсяцѣ или звѣздахъ, ибо и они разрушатся. Гдѣ

---

[91]) Polit. 414: καὶ ἡ γῆ αὐτοὺς μήτηρ οὖσα ἀνῆκε—ἀλλ' ὁ θεὸς πλάττων. Welcker, Gr. Götterl. I. 182.

[92]) Grimm, D. Mythol. XL. 1.

[93]) C. Kingsley, The Good News of God. 1859, стр 241.

Онъ, вѣчно прибывающій?» Тогда они подняли свои глаза и увидали, какъ они полагали, за солнцемъ, мѣсяцемъ звѣздами и всѣмъ, что мѣняется и будетъ мѣняться,—ясное голубое небо, безпредѣльный сводъ небесный.

«Онъ никогда не мѣнялся, онъ всегда былъ тотъ же самый. Облака и бури катились далеко подъ нимъ и весь гулъ шумнаго міра сего; но небо оставалось столь же блестящимъ и тихимъ, какъ и всегда. Тамъ долженъ быть Отецъ вселенной, неизмѣнимый на неизмѣнимомъ небѣ; блестящій и чистый, безпредѣльный, и, какъ небеса, также молчаливый и далекій.

«Такъ они его назвали по небу Tuisco — Богомъ живущимъ на ясномъ небѣ, небеснымъ Отцемъ. Онъ былъ Отецъ боговъ и человѣка; и человѣкъ былъ сынъ Туиско и Герты—неба и земли.»

НАУКА О ЯЗЫКѢ.

НОВЫЙ РЯДЪ ЧТЕНІЙ

Макса Мюллера.

Лекція XI.

Миѳы о зарѣ.

Собравъ въ послѣдней лекціи отрывки самаго древняго и высшаго божества, которому однажды поклонялись всѣ вѣтви Арійскаго древа, я теперь перейду къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ болѣе второстепенныхъ божествъ, чтобы изслѣдовать, нельзя ли и ихъ отнести къ древнѣйшему періоду Арійской рѣчи и мысли—не существовали ли и они уже прежде, чѣмъ раздѣлились Арійцы, искавшіе себѣ новыя жилища, и не сохранилась ли память о нихъ болѣе или менѣе ясно въ позднѣйшія времена въ пѣсняхъ Гомера и въ Ведахъ. Эти изслѣдованія по необходимости должны быть болѣе спеціальны, и потому, надѣюсь, извинятъ меня, если я войду въ подробности, имѣющія мало общаго интереса, но тѣмъ не менѣе необходимыя къ установленію прочнаго основанія для спекуляцій, легко сбивающихъ даже самыхъ осторожныхъ изслѣдователей.

Я начну съ миѳа о *Гермесѣ*, коего имя приводится въ связь съ ведическимъ именемъ *Сарамы*. Ученый мой другъ, профессоръ Кунъ, [1]) первый разобравшій значе-

[1]) Въ Haupt's Zeitschr. für Deutsches Alterhum, VI, 119 и слѣд.

ніе и характеръ *Сарамы*, дошелъ до заключенія, что sаramâ значитъ буря, и что Санскритское слово тожественно съ Тевтонскимъ storm и съ Греч. hormé. Въ sаramâ безъ сомнѣнія содержится корень sar, но его производное нисколько не ясно, такъ какъ въ Санскритѣ нѣтъ другаго слова, образованнаго помощью приставки ama съ гуною коренной гласной. 2) Но если даже допустить, что sаramâ первоначально имѣло значеніе бѣгуна, то изъ чего же слѣдуетъ, что бѣгунъ означалъ бурю? Говорятъ, положимъ, что происходящее отъ этого же корня слово муж. р., saraṇyu, въ позднѣйшемъ Санскритѣ принимаетъ значеніе вѣтра и облака, но никѣмъ еще не доказано, чтобы saraṇyû, женск. р., имѣло это значеніе. Всѣ выраженія для вѣтра, vâta, vâyu, marut, pavana, anila и пр., въ Санскритѣ мужскаго рода, и тоже самое вообще во всѣхъ Арійскихъ языкахъ. Это, однако, не составляло бы еще непреодолимаго возраженія, если бы въ Ведѣ нашлись ясные слѣды, что *Сарама* имѣла одно изъ характеристичныхъ качествъ вѣтра. Сравнивая же мѣста, въ которыхъ о ней упоминается, съ мѣстами, въ которыхъ описывается сила бури, мы не находимъ никакого сходства. О *Сарамѣ* говорятъ, что она вывѣдала, гдѣ крѣпкій хлѣвъ коровъ (I. 72. 8), что она открыла разсѣлину скалы, совершила далекій путь, что она первая услыхала мычаніе коровъ и, можетъ быть, вывела ихъ оттуда (III. 31, 6). Это она сдѣлала по настоятельной просьбѣ *Индры* и *Ангирасовъ* (I. 22, 3); Бригаспати (I. 62, 3) или *Индра* (IV. 16, 8) разсѣкъ скалу и освободилъ коровъ, которыя, какъ говорятъ, даютъ пищу дѣтямъ людей (I. 62, 3; 72, 8), а можетъ быть и потомству *Сарамы* самой (I. 62, 3).

Вотъ почти все, что можно вывести изъ Ригведы о характерѣ *Сарамы*, за исключеніемъ одного гимна въ послѣдней книгѣ, содержащаго въ себѣ діалогъ между нею и *Паніями*, похитившими коровъ.

---

2) См. Unâdi—Sûtra, изд. Ауфрехта, IV. 48; Sármaḥ, какъ существительное, бѣганіе, встрѣчается въ Ригв. I. 80, 5. Греч. ὁρμή соотвѣтствуетъ этому слову въ женскомъ родѣ, но не формѣ saramâ.

Но и въ этомъ разговорѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы *Сарама* представляла бурю; а также и объясненія индійскихъ комментаторовъ, въ этомъ смыслѣ, ничего не говорятъ.

Сајана, въ своемъ комментаріи къ Ригведѣ (I. 6, 5), разсказываетъ исторію про *Сараму* весьма просто. Коровы, говоритъ онъ, были похищены *Паніями* изъ міра боговъ и брошены во мракъ; *Индра*, вмѣстѣ съ *Марутами*, бурями, побѣдилъ ихъ.

Въ Anukramaṇikâ, указаніи къ Ṛigveda—sanhitâ (X. 103), эта исторія разсказана болѣе подробно. Тамъ сказано, что коровы были скрыты демонами Паніями, что Индра послалъ собаку боговъ, *Сараму*, отъискивать коровъ, и что между нею и Паніями происходилъ разговоръ, составляющій содержаніе 108-го гимна послѣдней книги Ригведы.

Дальнѣйшія дополненія къ этой исторіи находятся въ комментаріи Сајаны къ III. 31. 5. Тамъ коровы называются собственностью Ангирасовъ и только по ихъ настоянію Индра послалъ собаку, которая, вывѣдавъ ихъ убѣжище, привела ихъ назадъ Ангирасамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ комментаторъ, между тѣмъ какъ въ текстѣ гимна семь мудрецовъ, т. е. Ангирасы, представляются принимающими болѣе дѣятельное участіе въ взорваніи горы. Далѣе комментаторъ, прибавляетъ, что коровы принадлежали Бригаспати, верховному жрецу Индры, что онѣ были украдены Паніями, народомъ Валы, и что Индра послалъ собаку по настоянію Бригаспати. Собака, пробѣжавъ чрезъ рѣку, пришла въ городъ Валу, и когда она увидала тамъ коровъ въ потаенномъ мѣстѣ, Паніи старались обласкать ее, чтобы она осталась у нихъ.

Въ текстѣ Ригведы разговоръ между Сарамою и Паніями кончается тѣмъ, что Сарама совѣтуетъ разбойникамъ бѣжать отъ гнѣва Индры, Бригаспати и Ангирасовъ. Но въ Bṛihaddevatâ прибавляется новая черта. Тамъ сказано, что хотя Сарама отказалась отъ дѣлежа добычи съ Паніями, однако попросила у нихъ глотокъ

молока. Выпивъ молока, она переплыла обратно чрезъ Расу и когда Индра спросилъ ее о коровахъ, она сказала, что не видала ихъ. Индра толкнулъ ее за то ногой, она срыгнула молоко и побѣжала назадъ къ Паніямъ; Индра же отправился за нею, убилъ демоновъ и нашелъ коровъ.

Вотъ почти все, на основаніи чего мы можемъ судить объ основномъ понятіи о Сарамѣ, едва ли можно сомнѣваться, что она означала утреннюю зарю, а не бурю. Въ древнихъ гимнахъ Ригведы она не называется собакою и нѣтъ въ нихъ ни малѣйшаго намека на ея собачью природу. Это, очевидно, позднѣйшая мысль [3]) и пора уже кончить споры объ этой борзой собакѣ и изгнать ее изъ ведическаго пантеона. О Сарамѣ существуетъ слишкомъ мало эпитетовъ, чтобы по нимъ судить о ея характерѣ. Она называется supadî, имѣющая хорошія ноги, быстрая, а это прилагательное въ Ригведѣ нигдѣ больше не встрѣчается. Другой же эпитетъ, прилагаемый къ ней subhagâ, счастливая, принадлежитъ также и зарѣ и состаяляетъ даже почти постоянное названіе зари.

Это, однако, еще не все. О комъ такъ постоянно говорится, какъ о Сарамѣ, что она является передъ Индрою, что Индра слѣдуетъ за нею?—Объ *Ушасъ*, утренней зарѣ, которая первая пробуждается и первая приходитъ къ утренней молитвѣ (I. 123, 2). Солнце слѣдуетъ за нею, какъ мужчина слѣдуетъ за женщиною (Ригв. I. 115, 2) [4]). О комъ такъ, какъ о Сарамѣ, говорится, что она обнаруживаетъ драгоцѣнности, скрытыя во тмѣ, какъ не объ Ушасѣ, раскрывающей блестящія сокровища, прикрытыя мракомъ (I. 132, 6)? Она невредимо проходитъ чрезъ воду (VI. 64, 4); она представляетъ предѣлы небеснаго свода (I. 92, 11), гдѣ, какъ говорили Паніи, можно было найти коровъ, она побѣж-

---

3) Эта мысль произошла вѣроятно отъ Sârameya, что употреблялось какъ прилагательное или названіе собакъ Іамы.

4) Comparative Mythology 57. Oxfod Essays, 1856.

даетъ твердыню и приводитъ коровъ назадъ (VII. 75, 7; 79, 4). Подобно Сарамѣ, она даетъ богатство человѣчеству (I. 92, 3; 123, 3); она владѣетъ коровами (I. 123, 12 и д.) и называется даже ихъ матерью (IV. 52, 2). Она выводитъ коровъ и даетъ свѣтъ (I. 1245); ее просятъ, чтобы она открыла врата небесныя и дала человѣку богатство коровами (I. 48, 15). Ангирасы просили у нея коровъ (VI. 65, 6) и она открыла двери темнаго хлѣва (IV. 51, 2). Въ одномъ мѣстѣ сказано, что ея блескъ распространяется, какъ будто она гонитъ передъ собою стада (I. 92, 12); въ другомъ мѣстѣ самый блескъ утренней зари называется стадомъ коровъ (IV. 51, 8; 52, 5). Какъ далѣе о Сарамѣ сказано, что она идетъ по правому пути, по которому предписано итти всѣмъ небеснымъ силамъ, такъ преимущественно про Утреннюю Зарю говорится, что она слѣдуетъ по прямому пути (I. 124, 3; 113, 12). Даже Паніи, къ которымъ Сарама была послана требовать коровъ, упоминаются вмѣстѣ съ Ушасою, Утреннею Зарею. Ее просятъ разбудить поклонниковъ боговъ, но не будить Паніевъ. Въ другомъ мѣстѣ сказано, что Паніи должны спать въ самомъ мракѣ (IV. 51, 3), между тѣмъ какъ Утренняя Заря восходитъ, принося человѣку богатство.

Поэтому болѣе чѣмъ вѣроятно, что Сарама только одно изъ нѣсколькихъ названій утренней зари; почти навѣрное можно сказать, что представленіе о бурѣ никогда не входило въ понятіе о ней. Миѳъ, отрывки котораго мы тутъ собрали, довольно ясный; это—воспроизведеніе древняго разсказа о наступленіи дня. Блестящія коровы, т. е. солнечные лучи или дождевыя облака—ибо какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ служитъ одно и то же названіе—были украдены силами тмы, Ночью и ея разнообразнымъ потомствомъ. Боги и люди безпокоятся о ихъ возвращеніи, но гдѣ ихъ найти? Они скрыты въ темномъ и крѣпкомъ хлѣвѣ или разсѣяны по крайнимъ предѣламъ неба и похитители не хотятъ возвратить ихъ. Наконецъ, въ крайней дали, являются первые признаки Утренней

Зари; она оглядывается кругомъ, и какъ собака 5) по слѣду, быстро пробѣгаетъ чрезъ мракъ неба. Она чего то ищетъ и находитъ, слѣдуя по вѣрному пути. Она услышала мычаніе коровъ и возвращается къ своей исходной точкѣ съ бóльшимъ блескомъ. 6) Послѣ ея возвращенія подымается *Индра*, богъ свѣта готовый побороть силы тмы, отверзть крѣпкій хлѣвъ, въ которомъ содержатся коровы, и снова принести своимъ вѣрнымъ поклонникамъ свѣтъ, силу и жизнь. Вотъ простой миѳъ о Сарамѣ, первоначально составленный изъ немногихъ отрывковъ древней рѣчи, каковы: «Паніи похитили коровъ,» т. е. свѣтъ дня исчезъ; Сарама̀ ищетъ коровъ,» т. е. утренняя заря показывается; «Индра сломалъ крѣпкій хлѣвъ», т. е. солнце взошло.

Все это — поговорки и выраженія, свойственныя Индіи, и до сихъ поръ въ миѳологической фразеологіи другихъ народовъ не найдено никакихъ слѣдовъ Сарамы. Но предположивъ даже, что Греки говорили: «Сарама сама была похищена Паніемъ, но боги разрушили ея темницу и привели ее назадъ,» то и это первоначально имѣло бы только то значеніе, что утренняя заря, исчезающая утромъ, возвращается въ сумеркахъ или же съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня. Мысль, что Паній желалъ отвратить Сараму отъ преданности Индрѣ, можно найти въ 9-мъ стихѣ ведическаго діалога, хотя она въ Индіи, по видимому, не дала происхожденія другимъ миѳамъ. Но многіе миѳы, которые въ Индіи извѣстны были только въ самомъ своемъ зачаткѣ, у Гомера достигли полнаго развитія. Послѣ этого, можетъ быть, будетъ позволительно предположить, что Греч. Helen, сестра Діоскуровъ, тожественна съ Индійской Sarama,

5) Erigone, утро, ранорожденная, называемая также Aletis, бродящая, сопровождается собакою Maira, когда ищетъ трупъ отца своего *Гекарія* (Отецъ Пенелопы имѣетъ это же названіе). См. Iacobi's Mythologie подъ сл. Ikarius.

6) Eeriboia или Eriboia выдаетъ Гермесу потаенное мѣсто, въ которомъ Аресъ содержался плѣнникомъ. Ил. V. 385.

такъ какъ ихъ имена фонетически тожественны, [7]) и не только въ каждой гласной и согласной, но и по ударенію. Не принимая во вниманіе никакихъ миѳологическихъ соображеній, мы находимъ, что Sarama то же самое слово, что Helena въ Греческомъ, и если мы не расположены приписать простому случаю такія совпаденія, какъ Dyaus и Zeus, Varuna и Uranos, Sarvara и Cerberus, то мы должны привести Sarama и Heléne къ общей имъ формѣ, отъ которой онѣ могли произойти вмѣстѣ. Осада Трои нечто иное, какъ повтореніе ежедневной осады Востока силами солнца, у котораго каждый вечеръ на Западѣ похищаютъ его самое блестящее сокровище. Эта осада въ ея первоначальной формѣ составляетъ постоянную тему ведическихъ гимновъ. Правда, что Сарама въ Ведѣ не поддается искушенію Панія, однако первые признаки вѣроломства замѣтны и двусмысленный характеръ разсвѣта, который она представляетъ, вполнѣ можетъ объяснить дальнѣйшее развитіе Греческаго миѳа. Въ Иліадѣ Brirêis, дочь Brises'a, одна изъ первыхъ плѣнныхъ, взятыхъ побѣдоноснымъ войскомъ Востока. Въ Ведѣ сказано, что прежде чѣмъ блестящія силы снова завоевали свѣтъ, похищенный Паніемъ, онѣ побѣдили потомство Брисаjи. Эта дочь Brises'a возвращается Ахиллессу, когда его слава приходитъ въ упадокъ, точно также, какъ первые любимцы солнечныхъ героевъ возвращаются къ нимъ въ послѣдніе минуты ихъ земнаго шествія. [8]) И такъ какъ Санскритское названіе *Пани* указываетъ на прежнее существованіе буквы р [9]), то *Парисъ* самъ

---

7) Относительно Санскр. и=Греч. н, см. Курціуса, Grundzüge II. 121.

8) См. Cox. Tales of Argos and Thebes, Introduction, 90.

9) Я это говорю съ большимъ сомнѣніемъ, потому что этимологія слова Pani столь же сомнительна, какъ слова Paris, и потому что напрасно сравнивать миѳологическія имена, не узнавъ сперва ихъ этимологическаго значенія. Mr. Cox, въ введеніи къ Tales of Argos and Thebes (стр. 90), старается показать, что Парисъ принадлежитъ къ разряду блестящихъ солнечныхъ героевъ. Если же зачатки Иліады содержатся въ борьбѣ между солнечными и ночными силами, то Парисъ навѣрно принадлежитъ къ послѣдним и тотъ, кому предназначено было убить Ахиллеса у Восточныхъ Воротъ, едва ли могъ быть солнечнаго или весенняго происхожденія.

можетъ быть отожествленъ съ разбойникомъ, испытывавщимъ Сараму. Я не придаю особенной важности тому обстоятельству, что *Елена* сама себя называетъ собакою (Ил. VI. 344), но въ томъ я никогда не сомнѣвался, что прекрасная дочь Зевса (duhita divah), сестра Діоскуровъ, была однимъ изъ многихъ олицетвореній утренней зари. Будь она похищена Тезеемъ или Парисомъ, она все-таки возвращается своему законному мужу; она встрѣчается съ нимъ снова при исходѣ его жизни и умираетъ съ нимъ въ примиреніи и славѣ. Такая развязка повторяется во многихъ миѳахъ объ утренней зарѣ, а также и въ разсказѣ о Еленѣ.

Но кто былъ Saramêya? Его имя навѣрное очень близко подходитъ къ Hermeias или Hermes, и хотя Санскриткому Sarameya въ точности соотвѣтствовала бы греческая форма Hêremeias, однако въ собственныхъ именахъ такія незначительныя аномаліи ничего не значатъ. Къ несчастью, однако, Ригведа о Saramêya сообщаетъ намъ еще меньше, чѣмъ о Sarama. Въ немъ никакое отдѣльное божество не называется сыномъ Сарамы, а названіе употребляется въ нарицательномъ смыслѣ, т. е. въ связи съ Сарамою или Утреннею Зарею, Если Hermeias есть Saramêya, то это только новый примѣръ тому, какъ миѳологическій зачатокъ въ одной странѣ увядаетъ, а въ другой роскошно развивается. Ведическій dyaus, въ сравненіи съ Греческимъ *Зевсомъ*, одна только тѣнь божества; *Варуна*, напротивъ, въ Индіи принялъ гораздо бо́льшіе размѣры, чѣмъ *Ураносъ* въ Греціи, точно также, какъ Вритра въ сравненіи съ Греческимъ *Ортросомъ*. Но не смотря на то, что изъ Ригведы мы такъ мало узнаемъ про Saramêya, это немногое все-таки вполнѣ соотвѣтствуетъ основнымъ чертамъ Гермеса. Какъ Saramêya былъ бы сыномъ разсвѣта или, можетъ быть, первое дуновеніе утренней зари, такъ Гермесъ рожденъ въ раннее утро (Hom. Hym. Merc 17). Какъ Утренняя Заря приносится въ Ведѣ блестящими Гаритами, такъ Гермесъ называется начальникомъ Харитъ (ἡγεμῶν Χαρίτων). Вь седьмой книгѣ Ригведы (VII. 45,

55) мы находимъ множество стиховъ, соединенныхъ между собою безъ всякой, повидимому, связи, и употребляемыхъ какъ магическія формулы для усыпленія людей. Какъ главное божество призывается *Вастошпати*, что значитъ господинъ или хранитель дома, значитъ родъ домашняго бога. Въ двухъ изъ этихъ стиховъ призываемое существо, какое бы оно ни было, называется Saramêya, и ясно представляется какъ собака, охраняющая домъ. Полагаютъ, что и въ позднѣйшемъ Санскритѣ saramêya значитъ собака. Если Saramêya принять здѣсь какъ названіе божества, то это божество, должно быть, было родъ бога—хранителя, первое разсвѣтаніе дня, представляемое какъ личность, которая всю ночь сторожитъ у дверей неба и утромъ подымаетъ первый свой лай. За тѣмъ это самое утреннее божество весьма естественно могли представить себѣ хранителемъ человѣческихъ жилищъ. Сомнительно, слѣдуетъ ли Saramêya вообще понимать какъ собственное имя, или значитъ оно просто ἑῷος, блестящій какъ утренняя заря. Но если Saramêya собственное имя и означаетъ охранителя дома, то безъ сомнѣнія естественно сравнить его съ Hermes propylaeos, prothyraeos и pronaos и съ Hermae, находящееся на публичныхъ мѣстахъ и въ частныхъ домахъ Греціи. Д-ръ Кунъ полагаетъ возможнымъ считать Saramêya за бога сна, но въ упомянутомъ нами гимнѣ онъ является болѣе разрушителемъ сна. Можно было бы однако указать другое совпаденіе. Хранитель дома называется разрушителемъ зла, преимущественно болѣзни, и та же сила иногда приписывается Гермесу (Павс. IX. 22, 2).

Итакъ можно допустить, что Hermes и Saramêya произошли изъ одного источника, но что ихъ исторія скоро стала расходиться. Saramêya почти не установился опредѣленною личностью, между тѣмъ какъ Hermes сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ боговъ Греціи. *Сарама* въ Индіи стоитъ на рубежѣ, раздѣляющемъ боговъ свѣта отъ боговъ тмы, передавая вѣсти однихъ другимъ и склоняясь то къ тѣмъ, то къ другимъ, между тѣмъ

какъ *Гермесъ*, богъ разсвѣта, выказываетъ свой двусмысленный характеръ тѣмъ, что, хотя только для потѣхи, крадетъ стада Аполлона, которыя при томъ возвращаетъ безъ той жестокой битвы, какая происходитъ изъ-за тѣхъ же стадъ въ Индіи между *Индрою*, свѣтлымъ богомъ, и разбойникомъ *Валою*. Въ Индіи Утренняя Заря приноситъ свѣтъ; въ Греціи полагали, что Разсвѣтъ самъ укралъ свѣтъ или удерживаетъ его, [10]) а Гермесъ, разсвѣтъ, выдаетъ добычу по требованію солнечнаго бога Аполлона. Впослѣдствіи фантазія Греческихъ поэтовъ поднимается свободнымъ полетомъ и постепенно изъ простаго матеріала составляетъ божественный образъ. Но даже въ Гермесѣ Гомеровомъ и другихъ поэтовъ часто замѣтны первоначальные слѣды Saramêya, если это слово понять въ смыслѣ разсвѣта и считать Гермеса за мужскаго представителя утренняго свѣта. Онъ любитъ Herse, росу, и Aglauros, ея сестру; одинъ изъ его сыновей Kephalos, глава дня. Онъ провозвѣстникъ боговъ, какъ разсвѣтъ и какъ Сарама, вѣстникъ Индры. Онъ лазутчикъ ночи (νυκτὸς ὀπωπητῆρ); онъ даетъ сонъ и сны; при немъ находится утренняя птица, пѣтухъ. Наконецъ онъ проводникъ путешественниковъ и преимущественно душъ, совершающихъ свой послѣдній путь; онъ Psychopompos. Въ этомъ отношеніи онъ опять въ нѣкоторой степени сходенъ съ ведическимъ Saramêya. Ведическіе поэты выдумали двухъ собакъ, принадлежащихъ *Іамѣ*, господину отшедшаго духа. Онѣ называются вѣстниками Іамы, кровожадными, широконосыми, бурыми, четырехглазыми, блѣдными и saramêya, дѣтенышами утренней зари. Усопшій проходитъ мимо ихъ своимъ путемъ къ отцамъ, которые веселятся съ Іамою; Іаму просятъ, чтобы онъ охранилъ отшедшаго отъ этихъ собакъ; и наконецъ, самихъ собакъ умоляютъ, чтобы онѣ сохранили жизнь живымъ и снова излили на нихъ свѣтъ солнца. Эти двѣ

---

10) Подобное понятіе выражено въ Ведѣ (V. 79 9), гдѣ Ушасу просятъ скорѣе подняться, чтобы солнце не ослѣпло ее своимъ свѣтомъ.

собаки представляютъ самое низкое изъ всѣхъ многочисленныхъ понятій объ утрѣ и вечерѣ, или какъ слѣдовало бы выразиться о Времени, если не причислить къ этому же классу понятій «двухъ бѣлыхъ крысъ,» про которыхъ разсказываютъ, что онѣ грызутъ корень, за который ухватился грѣшникъ, когда, преслѣдуемый бѣшенымъ слономъ, онъ бросился въ колодезь и въ глубинѣ увидалъ дракона съ открытою пастью, а въ четырехъ углахъ колодезя четырехъ змѣй. Буддическіе моралисты бѣшенаго слона объясняютъ какъ смерть, колодезь—какъ землю, четырехъ змѣй—какъ четыре стихіи, корень кустарника—какъ корень человѣческой жизни, двухъ крысъ—какъ солнце и мѣсяцъ, медленно истребляющіе жизнь человѣка. Греки полагали, что *Гермесъ*, сынъ Утренней Зари съ своимъ прохладнымъ вѣтеркомъ, уносилъ души усопшихъ; Индійцы говорили, что Утро и Вечеръ, [11]) подобно двумъ собакамъ, ходятъ за добычею и захватываютъ тѣхъ, кто не могъ достигнуть блаженнаго жилища отца. Хотя въ Греціи считали Гермеса за проводника душъ отшедшихъ, однако не унижали его на степень собаки, хранительницы *Гадеса*. Эти собаки—сторожи, Kerberos и Orthros, тѣмъ не менѣе, подобно двумъ собакамъ *Іамы*, представляютъ утренній и вечерній мракъ, и понимаются здѣсь какъ враждебныя и демоническія силы. Orthros—мрачный духъ, который Солнцемъ долженъ быть побѣждаемъ утромъ, извѣстный въ Санскр. подъ именемъ *Вритра*; но и про Гермеса говорятъ, что онъ восходитъ orthrios, т. е. въ темнотѣ утра. Kerberos есть тьма ночная, которую побѣждаетъ *Гераклъ*; сама Ночь по Санскр. называется Sarvarî. Гермесъ, какъ и Керберосъ, называется Trikephalos, треглавымъ, также какъ и Trisiras, братъ Saranyû, есть другое названіе Утренней Зари. [12]).

11) День и Ночь называются распростертыми руками смерти, Kaushitaki br. II. 9: atha mr.ityor ha vâ etau orâjabahû yad ahorâtre.

12) Что Kerberos въ связи съ Санскр. sarvari, ночь, я указалъ въ Transactions of the Philol, Soc., April 14,1848. Kaushitaka—brahmana II. 9 слѣд. считаетъ Sabala, искаженіе изъ sarvara, за названіе наступленія дня, syama, черный, за названіе наступающей ночи (Ind. Stud. II. 295). Это, безъ сомнѣнія, искусственное объясненіе, но оно указываетъ на неопредѣленное воспоминаніи первоначальнаго значенія обѣихъ собакъ

Въ теченіи нашихъ изслѣдованій относительно первоначальнаго значенія *Сарамы*, мы имѣли случай указать другое имя, которое происходитъ отъ того же корня sar и которому профессоръ Кунъ приписываетъ также значеніе *облака* и *вѣтра*—Саранју, женск. рода.

Гдѣ saranyu употребляется въ мужскомъ родѣ, тамъ его значеніе совершенно не ясно. Въ 61-омъ гимнѣ десятой книги почти не возможно найти послѣдовательную нить мыслей. Стихъ, въ которомъ встрѣчается Саранју, обращенъ къ царямъ *Митрѣ* и *Варунѣ*, и тамъ говорится, что Саранју пошелъ къ нимъ отыскивать коровъ. Комментаторъ безцеремонно объясняетъ Саранју въ этомъ мѣстѣ чрезъ *Іаму* (saranasila). Въ слѣдующемъ стихѣ Саранју муж. р., называется конемъ, совершенно также, какъ Саранју въ женск, р. говорится какъ о кобылѣ; но онъ называется сыномъ его, т. е, по объясненію Сајаны, сыномъ Варуны. [13]) Въ третьей книгѣ (32, 5) говорится, что *Индра* заставляетъ воды выходить вмѣстѣ съ Саранјусами, о которыхъ здѣсь упоминается, совершенно какъ въ другихъ мѣстахъ объ Ангирасахъ, какъ о помощникахъ Индры въ большомъ сраженіи противъ *Вритры* или Валы. Въ первой книгѣ (62, 4) къ Саранјусамъ примѣняются обыкновенные эпитеты *Ангирасовъ* (navagva и dasagva) и тамъ тоже говорится, что Индра расторгнулъ Валу съ Саранјусами. Поэтому я полагаю, слѣдуетъ дѣлать различіе между Саранјусами во множ. числѣ (именемъ подобнаго значенія, какъ имя Ангирас'овъ, и можетъ быть, какъ имя Марутовъ) и Саранју въ ед. числѣ, именемъ сына *Варуны* или *Іамы*.

О Саранју, какъ женскомъ божествѣ, изъ гимновъ Ригведы мы также узнаемъ весьма мало, и хотя всегда слѣдуетъ остерегаться, чтобы не смѣшать идеи риши'евъ съ идеями ихъ комментаторовъ, однако относительно Саранју должно допустить, что сказанное о ней риши'ями

з) Тамъ онъ называется aranyu, отъ корня, который, можетъ быть, произвелъ Греч. Gorgô. Срв. Kuhn, Zeitschr. I. 460. Эриніи и Горгоны въ Греч. почти тожественны.

едва ли было бы намъ понятно безъ помощи объясненій позднѣйшихъ писателей, каковы *Іаска*, *Саунака* и др.

Іаска говоритъ (XII. 10), «что у Саранју, дочери Тваштара, отъ Вивасвата, солнца, были близнецы. Она поставила на свое мѣсто равную себѣ, превратилась въ лошадь и убѣжала. Вивасватъ, солнце, принялъ также образъ коня, погнался за нею и обнялъ ее, вслѣдствіе чего она родила обоихъ Асвиновъ, а замѣнившая ея мѣсто (Саварна) родила *Ману*.» Іаска также свидѣтельствуетъ, что этимологами за первыхъ близнецовъ Саранју считались Madhyama и Mâdhyamikâ Vâch, а миѳологами—Yama и Yami; чтобы объяснить исчезновеніе Саранју, онъ въ концѣ прибавляетъ, что ночь уходитъ, когда восходитъ солнце. Это послѣднее замѣчаніе однако объяснено или поправлено комментаторомъ, который говоритъ, что Ушасъ, утренняя заря, была жена Адитји, солнца, и что она, а не ночь исчезаетъ при восходѣ солнца.

Профессоръ Кунъ отожествляетъ Саранју съ Греческою Эриніею, въ чемъ я съ нимъ вполнѣ согласенъ. Я дошелъ независимо до того же отожествленія и мы обсуждали этотъ вопросъ раньше, чѣмъ было напечатано сочиненіе д—ра Куна. Наше согласіе не идетъ однако дальше имени. Разобравъ анализъ моего ученаго друга тщательнымъ и, надѣюсь, безпристрастнымъ образомъ, я скорѣе укрѣпился, чѣмъ пошатнулся въ первоначальномъ своемъ взглядѣ на Саранју. Профессоръ Кунъ, въ главныхъ чертахъ слѣдуя мнѣнію профессора Рота, объясняетъ этотъ миѳъ слѣдующимъ образомъ: «Тваштаръ, творецъ, приготовляетъ свадьбу для своей дочери Саранју, т. е. быстролетучей, мрачной, бурной тучи (Sturmwolke), которая въ началѣ всѣхъ твореній поднялась въ пространствѣ. Онъ называетъ ея мужемъ Вивасвата, блестящаго, свѣтъ небесныхъ высотъ—по позднѣйшему мнѣнію, котораго я, по причинѣ другихъ аналогій, не могу раздѣлить,—самого бога солнца. Свѣтъ и мракъ тучъ рождаютъ двѣ пары близнецовъ: во первыхъ—*Іаму*, т. е. близнеца, и *Іами*, сестру близнеца; во вторыхъ—обоихъ Асвиновъ, наѣздни-

ковъ. Но послѣ этого исчезаетъ мать, т. е. боги прячутъ ее и она оставляетъ по себѣ двѣ пары. Для Вивасвата остается вмѣсто жены лишь похожая на нее, неизвѣстная женщина, которую болѣе подробно опредѣлить нельзя. Позднѣйшій переводъ (Vishnu Purana, стр. 266) называетъ ее Chhaya, тѣнь, т. е. миѳъ не можетъ приписывать ему другой жены.»

Былъ ли это первоначальный смыслъ миѳа? Была-ли Саранју бурная туча, которая въ началѣ всѣхъ вещей поднялась въ неопредѣленное пространство? Возможно-ли составить себѣ ясное представленіе о такомъ существѣ, какое изображаютъ профессоры Ротъ и Кунъ? Если же нѣтъ, то какимъ образомъ открыть первоначальное понятіе о Саранју?.

Я полагаю, что есть только одинъ способъ узнать первоначальное значеніе Саренју—нужно изслѣдовать, были ли когда либо приписываемы аттрибуты и отправленія, свойственные Саранју, другимъ божествамъ, коихъ природа менѣе темна. Итакъ первый вопросъ, который мы должны задать себѣ, состоитъ въ томъ: есть-ли какое-либо другое божество, о которомъ говорятъ, что оно дало происхожденіе близнецамъ? Есть, и именно *Ушаса*, Утренняя Заря. Въ одномъ гимнѣ (III. 39, 3), описывающемъ восхожденіе солнце подъ обыкновенною картиною Индры, побѣждающаго тьму и вновь пріобрѣтающаго солнце, мы могли бы угадать по самому тексту, даже безъ помощи комментатора, что «матерью близнецовъ» называется утренняя заря; но прибавимъ, что и комментаторъ—того же мнѣнія.

Другой вопросъ состоитъ въ томъ: есть ли какое-либо другое божество, о которомъ говорятъ какъ о конѣ, или вѣрнѣе, какъ о кобылѣ? Такое божество намъ представляется въ *Ушасъ*, вечерней зарѣ. Безъ сомнѣнія, солнце есть то божество, которое чаще всѣхъ называется конемъ. Но и утренняя заря не только называется богатою конями, которые ее везутъ, но и сама сравнивается съ конемъ. Такъ напр. въ книгѣ I. 30, 29 и IV. 52, 2, она сравнивается съ кобылою,

а въ послѣднемъ мѣстѣ она вмѣстѣ съ тѣмъ называется подругою Асвиновъ. Въ Магабаратѣ (Âdiparva, 2, 599) о матери Асвиновъ говорится, что она имѣетъ образъ кобылы, vadavâ [14]).

Итакъ намъ представляется пара, Солнце и Утренняя Заря, которыхъ языкъ легенды могъ представить какъ принявшихъ образъ жеребца и кобылы.

Далѣе спрашивается: кого могли называть ихъ дѣтьми? Для удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо будетъ нѣсколько подробнѣе разсмотрѣть характеръ цѣлаго класса ведическихъ божествъ. Нужно замѣтить, что дѣти Саранју называются близнецами. Представленіе двойничныхъ силъ есть одно изъ самыхъ плодовитыхъ представленій въ древней миѳологіи. Многіе изъ самыхъ поразительныхъ феноменовъ природы древними были понимаемы подъ этою формою и о нихъ говорили, въ миѳической фразеологіи, какъ о братѣ и сестрѣ, мужѣ и женѣ, отцѣ и матери. Ведическій пантеонъ особенно богатъ божествами въ двойственной формѣ, и всѣ они объясняются осязательнымъ дуализмомъ природы, каковы день и ночь, утренняя и вечерняя заря, утро и вечеръ, лѣто и зима, солнце и луна, свѣтъ и мракъ, небо и земля. Все это дуалистическія или соотносительныя понятія. Два явленія понимаются какъ одно цѣлое, какъ принадлежащія одно къ другому; иногда у нихъ даже одно общее названіе. Такъ напр. мы находимъ ahorâtre [15]) (не въ Ригведѣ), день и ночь, но также и

---

[14]) Kuhn, Zeitschr. I. 523.

[15]) Ahorâtrah или ahoratram, время дня и ночи вмѣстѣ, νυχθήμερον, муж. и женск. рода вмѣстѣ, должно различать отъ ahorâtrê, сложнаго двойственнаго отъ ahan, день, и râtrî, ночь; ихъ часто призываютъ вмѣстѣ, Это составное имя я принимаю за женскій родъ, хотя какъ это можетъ быть только въ двойств. числѣ, оно также можетъ принято за средній родъ, какъ въ комментріи къ Панини, II. 4, 28; 29, но не у самаго Панини. Такъ въ Atharva—Veda VI. 128, 3, Ahoratrâbhyâm, въ двойств. числѣ, не значитъ дважды двадцать четыре часа, а день и ночь, совершенно какъ sûryâchandra masâbhyâm, непосредственно за тѣмъ, значитъ солнце и мѣсяцъ.

ahanî (I. 123, 7), оба дня, т. е. день и ночь. Мы находимъ ushasanákta (I. 122, 2), утренняя заря и ночь, náktoshasa (I. 13, 7; 142, 7), ночь и заря; но также ushasau (I. 188, 6), обѣ зари, т. е. заря и ночь. Пока мы имѣемъ дѣло съ именами, подобными вышеприведеннымъ, не можетъ быть сомнѣнія относительно значенія воздаваемыхъ имъ восхваленій или на счетъ приписываемыхъ имъ дѣяній. Если день и ночь, или небо и земля прославляются какъ сестры, или даже какъ близнецы, то мы это еще не можемъ назвать миѳологическимъ языкомъ, хотя, безъ сомнѣнія, тутъ можетъ содержаться начало миѳологіи.

Ясно, однако, что вмѣсто того, чтобы называть утреннюю и вечернюю зарю, утро и вечеръ, день и ночь, небо и землю настоящими ихъ именами, было возможно или даже естественно, что о свѣтѣ и мракѣ говорили какъ о мужскихъ силахъ и призывали творца свѣта и тьмы, производителей дня и ночи, какъ личныя существа. Итакъ, соотвѣтственно первой упомянутой парѣ, мы находимъ число соотносительныхъ божествъ, у которыхъ большая часть характеристичныхъ признаковъ тѣ же, какъ у прежней пары, но которыя получаютъ самостоятельное миѳологическое существованіе.

Наиболѣе извѣстны *Асвины*, приводимые всегда въ двойственномъ числѣ. Значитъ ли asvin владѣтели лошадей, наѣздникъ, или потомокъ солнца, asva, или утренней зари, asvâ, однако, какъ бы то ни было, достовѣрно то, что одно и то же понятіе подлежитъ какъ ихъ названію, такъ и названіямъ солнца и зари, когда ихъ призываютъ какъ коней. На солнце смотрѣли какъ на рысака; также, хотя въ меньшей степени, и на утреннюю зарю и наконецъ опять таки на двѣ силы, которыя казались воплощенными въ заходѣ и восходѣ каждаго дня и каждой ночи и были представляемы какъ главные дѣятели во всѣхъ событіяхъ ежедневной жизни. Этотъ нѣсколько неопредѣленный, но, я думаю, именно потому тѣмъ болѣе вѣрный характеръ обоихъ Асвиновъ

не былъ не замѣченъ даже позднѣйшими комментаторами. Іаска, объясняя въ 12-й книгѣ своей Нирукты божества неба, начинаетъ съ обоихъ Асвиновъ. Они, говоритъ онъ, приходятъ первые изъ всѣхъ небесныхъ боговъ, они приходятъ даже раньше восхожденія солнца. Ихъ имя объясняется обычнымъ у Индійскихъ комментаторовъ фантастическимъ образомъ. Они называются Асвинами, по словамъ Іаски, отъ корня as, проникать, потому что одинъ всюду проникаетъ чрезъ влажность, другой чрезъ свѣтъ. Онъ ссылается также на Aurnavâbha, который asvin производитъ отъ asva, конь. Но кто эти Асвины? спрашиваетъ онъ. «Нѣкоторые отвѣчаетъ онъ, говорятъ, что они небо и земля, другіе—день и ночь, третьи—солнце и луна; а повѣствователи легендъ утверждаютъ, что они два добродѣтельные царя.»

Теперь обратимъ вниманіе на время, когда являются Асвины. Іаска относитъ его къ полуночи, когда свѣтъ постепенно начинаетъ противодѣйствовать ночному мраку; это вполнѣ согласно съ показаніями Ригведы, гдѣ Асвины являются передъ утреннею зарею, «когда Ночь оставляетъ свою сестру, Утреннюю Зарю, когда мрачная уступаетъ передъ блестящею «(VII. 71, 1); или «когда одна черная корова стоитъ между блестящими коровами» (X. 61, 4 и VI. 64, 7).

Іаска, по-видимому, одному приписываетъ побѣду тьмы надъ свѣтомъ, а другому побѣду свѣта надъ мракомъ. [16]) Потомъ Іаска приводитъ разные стихи въ доказательство того, что оба Асвина принадлежатъ вмѣстѣ (хотя одинъ обитаетъ на небѣ, говоритъ коментаторъ, а другой въ воздухѣ), что они призываются вмѣстѣ и что они получаютъ одни и тѣ же жертвенные дары. «Вы ходите впродолженіе ночи какъ двѣ черныя козы. Когда, о Асвины, придете вы сюда къ богамъ?» Чтобы однако доказать, что Асвины также различныя между собою существа, прибавляется другой полу-

---

[16]) Слова Іаски темны и комментаторомъ тоже мало объясняются.

стихъ, въ которомъ одинъ называется Vâsâtya, сыномъ Ночи, а другой сыномъ Утренней Зари. Время Асвиновъ, по мнѣнію Іаски, простирается приблизительно до восхожденія солнца; въ это время являются другіе боги, требуя себѣ жертвы и прежде всѣхъ *Ушаса*, Утренняя Заря.

Слѣдующая по времени есть Sûryâ, т. е. солнце въ женскомъ родѣ, или, согласно съ комментаторами, заря опять подъ другимъ названіемъ. Затѣмъ слѣдуетъ Vrishâkapâyi, жена Vrishakapi. Кто она—весьма сомнительно. [17]) Весьма вѣроятно [18]) Vrishâkapâyî опять таки только другое представленіе или названіе Зари, жены Солнца, подымающагося или пьющаго пары съ земли. Ея сыномъ называется *Индра*, ея снохою—*Вачъ* (что здѣсь означаетъ громъ (?)); но такая генеалогія едва ли согласуется съ остальною частью гимна. Ея быки—облака изъ паровъ, которыя поглощаетъ Индра, какъ про солнце можно сказать, что оно пожираетъ утренній туманъ.

Слѣдующая за тѣмъ въ ряду утреннихъ божествъ—вышеприведенная Саранју; она объясняется просто какъ заря и за нею слѣдуетъ Савитаръ, коего наступаетъ время, какъ говорятъ, тогда, когда небо освободилось отъ мрака и покрывается лучами.

Намъ нечего слѣдить дальше за систематическимъ спискомъ, въ которомъ Іаска исчисляетъ боговъ. Очевидно, ему было извѣстно настоящее мѣсто обоихъ Асвиновъ, и дѣятельность одного онъ относитъ къ самому началу дня, а дѣятельность другаго такимъ образомъ къ самому наступленію ночи. Онъ говоритъ о нихъ, какъ о близнецахъ, рожденныхъ вмѣстѣ съ первымъ разсвѣтомъ. Іаску не слѣдуетъ, однако, считать за авторитетъ, исключая развѣ только тогда, когда можетъ быть доказано, что онъ согласуется съ гимнами Ригведы.

---

[17]) Согласно съ д-ромъ Куномъ, вечерній полумракъ, l. c. стр. 441, но безъ доказательства.

[18]) Это—мнѣніе Дурги, говорящаго про Ушасъ, vrishakapâyyavasthâyâm.

Преобладающее понятіе въ представленіи Асвиновъ въ гимнахъ Ригведы есть соотношеніе, которое, какъ мы видѣли, у нихъ общее съ двойничными божествами, каковы небо и земля, день и ночь и пр. Это понятіе, безъ сомнѣнія, видоизмѣняется согласно обстоятельствамъ, — Асвины называются братьями, Небо и Земля—сестрами. Но удаливъ эти внѣшнія маски, мы за ними и за нѣкоторыми другими масками найдемъ тѣхъ же дѣятелей: природу въ ея двоякомъ видѣ ежедневной перемѣны—утро и вечеръ, свѣтъ и мракъ; эти виды могутъ расшириться въ явленія весны и зимы, жизни и смерти, даже зла и добра.

На подобіе обоихъ Асвиновъ, которыхъ въ позднѣйшія времена стали различать именами Dasra и Nasatya, мы находимъ другую пару боговъ, *Индру* и *Агни*, призываемыхъ вмѣстѣ въ двойственномъ числѣ, Indragni, но также Indrâ, оба Индры, или Agnî, оба Агни (VI. 60, 1), точно также какъ и небо и земля называются обоими небесами, или какъ Асвины называются Дасрами или обоими Насатјами. Индра богъ свѣтлаго неба, Агни —богъ огня и у каждаго изъ нихъ своя отдѣльная личность; но когда призываются вмѣстѣ, то они дѣлаются соотносительными силами и понимаются какъ одно нераздѣльное божество Весьма странно, что въ одномъ мѣстѣ они дѣйствительно называются asvinâ [19] (I. 109, 4), и у нихъ нѣкоторыя другія качества общія съ Асвинами. Они называются братьями, близнецами; какъ *Асвины* называются ihehajâte, рожденные тутъ и тамъ, т. е. въ противоположныхъ сторонахъ, на Востокѣ и на Западѣ, или на небѣ и въ воздухѣ, такъ *Индра* и *Агни*, призываемые вмѣстѣ, называются ihehamâtarâ, коихъ матери тутъ и тамъ (VI. 59, 2). Однако, не смотря на эти сходства, Индру и Агни вмѣстѣ не слѣдуетъ считать за

---

[19]) Д-ръ Кунъ, l. c. стр. 150, приводитъ это и другія мѣста, изъ которыхъ, какъ онъ полагаетъ, видно, что Индра считался происшедшимъ отъ коня (X. 73, 10) и что Агни дѣйствительно назывался конемъ (II. 35, 6)).

простое повтореніе Асвиновъ. Есть извѣстные эпитеты, постоянно прилагаемые къ Асвинамъ, которые, однако, на сколько мнѣ извѣстно, не придаются Индрѣ и Агни вмѣстѣ и на оборотъ. Есть также извѣстныя легенды про Асвиновъ, преимущественно какъ покровителей безпомощныхъ и умирающихъ и какъ оживителей мертвыхъ, которыя однако не переносятся на Индру и Агни. Но, какъ будто для того, чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ томъ, что Индра, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ подвиговъ, совпадаетъ съ однимъ изъ Асвиновъ или Насатја, одинъ изъ ведическихъ пѣвцовъ употребляетъ составное Indra Nasatyau, Индра и Насатја, котораго по случаю слѣдующаго за нимъ двойственнаго числа нельзя объяснить какъ *Индра* и *оба Асвины*, а просто какъ Индра и Насатја.

Кромѣ двухъ Indragni, встрѣчаются еще нѣкоторыя другія, хотя менѣе выдающіяся пары, также отражающія дуалистическое представленіе Асвиновъ, а именно *Индра* и *Варуна*, *Индра* и *Вишну* и важнѣе обѣихъ *Митра* и *Варуна*. Вмѣсто Indra-Varuna мы также находимъ Indrâ, [20]) оба Индры, и Varunâ, оба Варуны (IV. 41, 1). Они называются sadanû (IV. 41, 8); vrishana (VII. 82, 2); sambhû (IV. 41, 7); mahavasû (VII 82, 2). Indra-Vishnû прямо называются dasra, т. е. обыкновеннымъ именемъ Асвиновъ (VI. 69, 7). Митра и Варуна же ясно имѣетъ значеніе дня и ночи. И они тоже уподобляются конямъ (VI. 67, 4), и раздѣляютъ извѣстные эпитеты съ двойничными богами, sudanû (VI. 67, 2), vrishanau (I. 151, 2), Но ихъ характеръ получаетъ гораздо большую опредѣленность и хотя они въ первоначальномъ ихъ представленіи—физическія силы, однако они возвышаются въ нравственныя силы, гораздо высшія въ этомъ отношеніи, чѣмъ Асвины и Индрагни.

Если мы теперь спросимъ, кого первоначально могли считать за отца всѣхъ этихъ находящихся въ взаим-

---

[20]) Какъ въ лат. Castores и Palluces вм. Castor и Pallux.

номъ отношеніи божествъ, то легко понять, что это должна была быть какая-то высшая сила, не подчиненная каждодневному движенію міра, какъ напр. небо, понимаемое какъ отецъ всѣхъ вещей, или еще болѣе отвлеченное божество, каковъ *Праджапати*, владѣтель творенія, или *Тваштаръ*, строитель, или *Савитаръ*, творецъ. Ихъ мать, напротивъ, должно быть, представительница какого нибудь мѣста, гдѣ встрѣчаются близнецы и откуда они какъ будто отправляются вмѣстѣ въ свое каждодневное шествіе. Это мѣсто можетъ быть или утренняя или вечерняя заря, восходъ или закатъ солнца. Востокъ или Западъ, только что все это понимается не какъ отвлеченныя, но какъ мистическія существа, какъ матери, какъ силы, содержащія въ себѣ всю таинственность жизни и смерти, которая такимъ образомъ ясно раскрывается передъ глазами размышляющаго поклонника. Утренная заря, для насъ просто великолѣпное явленіе, для древняго наблюдателя и мыслителя была проблемою всѣхъ проблемъ. Это та неизвѣстная страна, изъ которой ежедневно подымаются тѣ свѣтлыя эмблемы божественной силы, которыя въ человѣческомъ умѣ оставили первое впечатлѣніе и указаніе другаго міра, высшей силы, порядка и мудрости. Что мы просто называемъ восходомъ солнца, то имъ каждый день ставило на глаза загадку всѣхъ загадокъ, загадку существованія. Дни ихъ жизни происходили изъ этой мрачной бездны, которая каждое утро казалась оживленною свѣтомъ и жизнью. Ихъ дѣтство, ихъ мужской возрастъ и старость—все для ведическихъ бардовъ было даромъ той небесной матери, которая каждое утро являлась блестящею, юною, неизмѣнимою, безсмертною, между тѣмъ какъ все остальное представлялось имъ старѣющимъ, измѣннымъ, увядающимъ и наконецъ скоро преходящимъ, чтобы уже никогда не вернуться. Тамъ, въ томъ свѣтломъ помѣщеніи, какъ говорили ихъ поэты, было мѣсто, гдѣ пряли утра и дни, или гдѣ, подъ другою картиною, были *питаемы* утра и дни (X. 37, 2, VII. 66, 2), гдѣ жизнь или время еще продолжались (I. 113, 16). Туда смертные желали по-

пасть, чтобы встрѣтить Митру и Варуну. Вся теогонія и философія древняго міра сосредоточивалась въ Утренней Зарѣ, матери блестящихъ боговъ, солнца въ различныхъ его видахъ, утра, дня, весны; она сама—блестящій образъ и олицетвореніе безсмертія.

Нѣтъ, разумѣется, возможности проникнуть во всѣ помыслы и чувства, проходившія чрезъ умы древныхъ поэтовъ, когда они придумывали имена для того далекаго, далекаго Востока, откуда, какъ имъ казалось, происходятъ ранняя заря, солнце, день и ихъ собственная жизнь. Новая жизнь каждое утро открывалась передъ ихъ глазами и свѣжіе утренніе вѣтерки утренней зари касались ихъ, какъ привѣтствія, долетавшія до нихъ чрезъ золотой небесный порогъ изъ далекихъ странъ за горами, за облаками, за зарею, за «безсмертнымъ моремъ, принесшимъ насъ сюда». Утренняя Заря, казалось имъ, открываетъ золотыя врата для солнца, чтобы оно со славой прошло и пока эти врата были открыты, ихъ взоры и умы, въ дѣтской простотѣ, пытались проникнуть за границы этого конечнаго міра. Это безмолвное воззрѣніе возбудило въ человѣческомъ умѣ представленіе Безконечнаго, Безсмертнаго, Божественнаго, и такимъ образомъ названія утренней зари, понятно, стали именами высшихъ силъ. Сараnjу, утренняя заря, называлась матерью Дня и Ночи, матерью Митры и Варуны, божественныхъ представителей свѣта и мрака, матерью всѣхъ свѣтлыхъ боговъ, лицомъ Адити. [21]) Какое бы ни было этимологическое значеніе Адити, однако ясно, что она находится въ связи съ утреннею зарею, что она представляетъ то, что находится за утреннею зарею, и что она возвышена въ эмблему Божественнаго и Безконечнаго. Адити называется узами, связующими безсмертное съ смертнымъ. Такъ поэтъ восклицаетъ (I. 24, 1): «Кто возвратитъ насъ великой Адити (Утренней Зарѣ, или вѣрнѣе,

---

[21]) B. и Roth производятъ aditi отъ a и diti, diti же отъ da или do рѣзать, буквально *безконечный*. Это сомнительно, но лучшей этимологіи я не знаю.

той, отъ которой мы произошли), чтобы я увидѣлъ отца и мать?» Aditya, буквально сынъ Адити, стало названіемъ не только сына, но и цѣлаго класса семи боговъ, и боговъ вообще. Такъ какъ все произошло отъ Адити, то она называется не только матерью Митры, Варуны, Арјамана, Адитјевъ, но чрезъ смѣшиваніе понятій также и матерью Рудровъ (бури), дочерью Васу'овъ, сестрою Адитјевъ. «Адити есть небо, Адити—воздухъ, Адити—мать, отецъ, сынъ; всѣ боги суть Адити, ихъ пять родовъ; Адити есть все, что рождено, и—что еще родится).» Въ позднѣйшія времена она становится матерью всѣхъ боговъ.

Въ Essay on Comparative Mythologie, напечатанномъ въ Oxford Essays въ 1856 г., я собралъ нѣсколько легендъ [22]) про Утреннюю зарю. Ни одно изъ предложенныхъ тамъ толкованій, на сколько мнѣ извѣстно, не было опровергнуто ни фактами, ни доводами. Затрудненія указанныя учеными Курціусомъ и Сонне, надѣюсь, я устранилъ болѣе подробнымъ изложеніемъ своихъ взглядовъ. Затрудненіе, которое я самъ чувствовалъ сильнѣе всѣхъ, состоитъ въ однообразномъ характерѣ легендъ про зарю и солнце. «Развѣ все—утренняя заря, и неужели все—солнце?» вотъ вопросы, которые я самъ себѣ часто задавалъ прежде, чѣмъ они мнѣ были предложены другими. Я не знаю, удалось ли мнѣ отчасти устранить это возраженіе примѣчаніями о выдающемся положеніи, которое заняла утренняя заря въ невольной философіи древняго міра, но я долженъ сказать, что мои собственныя изслѣдованія все снова приводили меня къ утренней зарѣ и къ солнцу, какъ къ главному предмету миѳовъ Арійской расы.

Я прибавлю только еще одинъ примѣръ, прежде чѣмъ вернусь къ миѳу о Саранју. Мы видѣли, что многія имена различныхъ божествъ были произведены отъ

---

22) Eos и Tithonos; Kephalos, Prokris, и [illegible]os; Daphne и Apollo; Urvasi и Pururavas; Orpheus и Eurydiece; Charis и Eros.

однаго и того же корня dyu или div. Я думаю, что отъ корня ah, [23]) который доставилъ Санскр. Ahanâ (aghnyâ, т. е. ahnyâ), Утренняя Заря, ahan и ahar, [24]) день, происходитъ также зародышъ Athênê. Во первыхъ, въ звуковомъ отношеніи, извѣстно, что Санскр. h часто есть общій указатель гортаннаго, зубнаго и губнаго ясныхъ придыханій. Гортанное h мы имѣемъ въ arh и argh, mah и magh; зубное h въ vrih и vridh, nah и naddha, saha и sadha, hita вм. dhita, hi (повелит. накл.) и dhi; губное h въ grah и grabh, nah и nâhhi, luh и lubh. Ограничивая наше наблюденіе перемѣною h въ dh и на оборотъ, мы во первыхъ въ Греческихъ нарѣчіяхъ находимъ такія варіаціи, какъ órnichos и órnithos, íchma и ithma. [25]) Во вторыхъ корень ghar или har, отъ котораго происходитъ Санскр. gharma, навѣрно есть Греч. ther, отъ котораго происходитъ thermós, теплый. Если возразятъ, что этимъ доказывалась бы только перемѣна Санскритскаго h въ начальное, но не конечное Греч. ϑ, то мы можемъ указать на Санскр. guh, прятать, Греч. keúthō, и можетъ быть на Санскр. rah, отстранять, Греч. lath. Такимъ же образомъ корень ah, который въ Греческомъ правильно имѣлъ бы форму

---

23) Корень ah находится въ связи съ корнемъ, dah, отъ котораго происходитъ Daphne (ср. as и отъ него asru, съ das, отъ котораго происх. δάκρυ). Курціусъ приводитъ Θессал. форму δαύχνη вм. δάφνη (Griech Et II. 68). Онъ допускаетъ мое объясненіе миѳа о Даѳнѣ, какъ объ утренней зарѣ, но говоритъ: Если бы только можно было понять, почему заря превращается въ лавръ? Не просто ли по случаю гомонимности? Заря называлась δάφνη, горѣніе. а такъ же назывался, лавръ, какъ легко горючее дерево: то и другое, какъ это часто случается, считали за одно,

24) Что Ἀχιλλεύς есть смертный солнечный герой Aharyu? Перемѣна r въ l начинается въ Санскр. Ahalyâ, что Kumârila объясняетъ богинею ночи, которую возлюбилъ и умертвилъ Индра (см. М. Мюллера History of Sanscrit. Literature, стр. 530). Такъ какъ Индра называется ahalyayai jarah, то болѣе вѣроятно, что она означала утреннюю зарю. Leuke, островъ покойныхъ, пребываніе героевъ послѣ смерти, называется Achillêa. Schol. Pind Nem. 4, 49, Muhlotogie, стр. 12. Ἀχαιός можетъ быть Ahasya, но Achivus указываетъ въ другомъ направленіи.

ach, могъ принять форму ath. Окончаніе то самое, что въ Selênê, Санскр. ânâ. И такъ въ звуковомъ отношеніи Athênê соотвѣтствовала бы Санскр. Ahânâ, что есть незначительное видоизмѣненіе отъ Ahanâ [25]), признаннаго въ Ведѣ за имя утренней зари.

Что же общаго у Athênê съ утреннею зарею? Заря дочь Dyu, Аѳина дочь Зевса. Гомеръ не знаетъ матери Аѳины, а также и въ Ведѣ не упоминается имя матери Утренней Зари, хотя о ея родителяхъ говорится въ двойственномъ числѣ.

Разсказъ о необыкновенномъ рожденіи Аѳины, хотя по-Гомерическій, однако безъ сомнѣнія весьма древняго происхожденія, ибо онъ, кажется, не что иное, какъ Греческій переводъ Санскритскаго разсказа, что Ушасъ, утренняя заря, произошла изъ головы Dyu, изъ mûrdhâ divah, Востока, изъ лба неба. Въ Римѣ она называлась Capta, т. е. Capita, головная богиня; въ Мессенѣ—Koryphasia, въ Аргосѣ — Akria. Одна изъ главныхъ чертъ зари въ Ведѣ состоитъ въ томъ, что она первая пробуждается (I. 123, 2) и поднимаетъ людей со сна. Въ Греціи пѣтухъ, утренняя птица, ближе всего къ совѣ, птицѣ Аѳины. Какъ Аѳина—дѣвственная богиня, такъ Ушасъ—утренняя заря, yuvatih, молодая дѣвица, arepasâ tanvâ, съ непорочнымъ тѣломъ. Съ другой точки зрѣнія, однако, обоимъ приписывается супружество, какъ Аѳинѣ такъ и Ушасѣ и въ Индіи съ большею готовностью, чѣмъ въ Греціи. Какимъ образомъ Аѳина, будучи утренняя заря, могла стать богинею мудрости, лучше всего видно изъ Веды. Санскритское budh значитъ будить и знать; поэтому богиню, пробуждающую человѣка, невольно считали богинею, дающею ему знаніе. Такъ про нее говорится, что она отгоняетъ мракъ, и что чрезъ нее могутъ хорошо близорукіе видѣть и вдаль (I. 113, 5). Но свѣтъ (vayúnâ) опять имѣетъ двойной смыслъ, и гораздо чаще опредѣленное значеніе знанія, чѣмъ свѣта.

---

[25]) На счетъ перемѣны ana и âna см. Kuhn, Herabkunft des Feurs, стр. 28.

Замѣчательно, что въ миѳологіи Италіи *Минерва* сопоставленная съ Аѳиной, съ самаго начала приняла названіе, которое, по-видимому, гораздо болѣе выражало интеллектуальный, чѣмъ физическій характеръ богини утренней зари. Minerva или Menerva очевидно находится въ связи съ mens, Греч. ménos, Санскр. manas, умъ; и какъ Санскр. siras, Греч. kéras, рогъ, въ Латинскомъ является въ формѣ cervus, такъ Санскр. manas, Греч. mênos, соотвѣтствуетъ Латинскому Menerva. Но слѣдуетъ замѣтить, что mâne въ Лат. есть утро, Mânia—древнее названіе матери Ларовъ [26]); что mânare преимущественно употребляется о восходящемъ солнцѣ; и что Mâtuta, кромѣ другихъ словъ того же родства, есть Заря. Потому казалось бы, что Лат. корень man, въ другихъ Арійскихъ языкахъ наиболѣе извѣстный въ значеніи «думать,» въ весьма отдаленное время служилъ, подобно Санскр. budh, для выраженія снова оживленнаго, съ приближеніемъ утренняго свѣта, сознанія природы. Кромѣ того могъ существовать совершенно другой, свойственной Латинскому, корень для выраженія того же понятія. Эти оба понятія находятся, кажется, въ тѣсной связи; трудно только опредѣлить, повело ли «вполнѣ пробужденный» (wide awake) къ «знанію,» или наоборотъ. Тѣмъ не менѣе я готовъ допустить въ имени *Минервы* нѣкоторое воспоминаніе понятія, выраженнаго въ Mâtuta, и даже въ promenervare, употребляемаго въ Carmen saliare въ значеніи напоминанія, я предполагаю остатокъ первоначальнаго значенія пробужденія.

Хотя преданіе, называющее Аполлона сыномъ Аѳины, повидимому новѣйшаго происхожденія и не далеко распространилось, однако оно вовсе не лишено смысла, если принять Аполлона за солнечнаго бога, выходящаго изъ блеска утренней зари. Заря и Ночь часто мѣняютъ свои мѣста, и хотя первоначальное представле-

---

26) Manat dies ab oriente. Varro. L. L. 6, 2, 52, §. 4. Manare solem antique dicebant, quum solis orientis radii splendorem jacere coepissent, Festus, стр. 158, изд. Müller.

ніе о рожденіи *Аполлона* и *Артемиды*, безъ сомнѣнія, было то, что они обѣ дѣти ночи, *Лета* или *Латона*, однако даже въ такомъ случаѣ мѣсто или островъ, гдѣ они по преданію родились, есть *Ортигія*, впослѣдствіи называвшійся Делосомъ, или же *Делосъ*, впослѣдствіи называвшійся Ортигіей, или имѣвшій и то другое названіе. *Делосъ* же просто блестящій, свѣтлый островъ, а *Ортигія*, хотя впослѣдствіи локализовавшись въ различныхъ мѣстахъ, есть утренняя заря или утренняя страна. Ortygia происходитъ отъ vartikâ, т. е. возвращающаяся птица, потому что она одна изъ первыхъ птицъ, возвращающихся съ наступленіемъ весны.

Понятно, что Утренняя Заря или, лучше сказать, мать утренней зари и всѣхъ блестящихъ явленій, ее сопровождающихъ, заняла гораздо болѣе выдающееся мѣсто между религіозными представленіями младенческаго міра, чѣмъ ея сестра, полумракъ, вечерняя заря, конецъ дня, приближеніе мрака, холода и, можетъ быть, смерти. Въ утренней зарѣ заключаются всѣ прелести начинанія и младенчества и съ извѣстной точки зрѣнія даже ночь можно было считать за дочь утренней зари, за близнечную сестру дня. Когда свѣтлое дитя исчезало, возростало мрачное дитя; какъ скоро улетало мрачное, возвращалось свѣтлое; оба рождены отъ одной матери, оба, казалось, вмѣстѣ вышли изъ свѣтлаго лона Востока. Невозможно было провести точную черту между концемъ дня и началомъ ночи, или концомъ ночи и началомъ дня. Когда проникаетъ свѣтъ въ мракъ, говорили браhманы, тогда является одинъ близнецъ; когда мракъ вступаетъ въ свѣтъ, тогда слѣдуетъ другой близнецъ. «Близнецы приходятъ и уходятъ»—вотъ что могли сказать древніе поэты о быстро проходящемъ времени дня и ночи; это было послѣднее слово, какое они могли найти, и какъ многія значительныя слова добраго стараго времени, такъ и это подверглось судьбѣ всей живой рѣчи—оно стало чистою формою, сказаніемъ, миѳомъ.

Мы знаемъ, что мать близнецовъ была утренняя заря, которая умирая давала происхожденіе утру и ве-

черу; или, принимая мнѣніе Iаски, ихъ мать была ночь, которая исчезаетъ при рожденіи этихъ двойней. Ее можно называть всѣми названіями утренней зари, и названія ночи также могли выражать одну сторону ея характера.

Какъ у утренней зари, такъ и у ея дѣтей много названій; и какъ ея наиболѣе употребительное названіе Yamasûh, мать близнецовъ, такъ ея дѣти чаще всего называются Уamau, близнецы. Эти близнецы намъ встрѣчались какъ мущины, *Асвины*, *Индра* и *Агни*, *Митра* и *Варуна*. Но мы также видѣли, что эти же силы были понимаемы какъ женщины, день и ночь, и потому они представляются не только сестрами, но и близнецами. При простомъ оборотѣ миѳологическаго калейдоскопа, эти двѣ сестры, день и ночь, въ Ригведѣ являются не близнецами утренней зари, а двумя матерями солнца.

Нечего удивляться, что эти два существа, какъ бы они не назывались, иногда представлялись какъ мущины и женщины, какъ братъ и сестра, или какъ близнецы между собой. На этомъ миѳологическомъ языкѣ день былъ бы братъ, близнецъ Iама, а ночь близнечная сестра Iами: вотъ рѣшеніе миѳа, который мы желали объяснить. Отъ этого произошло много выраженій, какъ напр.: мать близнецовъ, т. е. утренняя заря; близнецы, т. е. день и ночь; дѣти коней или наѣздники, т. е. утро и вечеръ; Вивасватъ женится на Саранjу, т. е. утренняя заря обнимаетъ небо; Саранjу оставила своихъ близнецовъ, т. е. утренняя заря исчезла, наступилъ день, Вивасватъ беретъ свою вторую жену, т. е. солнце садится въ вечернемъ полумракѣ, или солнце зашло. Стоитъ только связать всѣ эти выраженія и выйдетъ исторія, какъ она разсказана въ Ригведѣ.

Нужно будетъ однако прослѣдить еще дальше исторію о *Iамѣ*, собственно такъ называемомъ близнецѣ. Въ выше разсмотрѣнномъ нами мѣстѣ Саранjу просто называется матерью *Iамы*, т. е. матерью близнеца, но о его близнецѣ сестрѣ, *Iами*, не упоминается. Но и *Iами* была хорошо извѣстна въ Ведахъ и есть замѣчательный діалогъ между нею и ея братомъ, въ которомъ она (ночь)

умоляетъ брата (Iаму), чтобы онъ взялъ ее себѣ въ супруги, а онъ отказывается отъ ея предложенія, потому что, по его словамъ, «называли грѣхомъ, чтобы братъ женился на своей сестрѣ» (X. 10, 12).

Теперь возникаетъ вопросъ, могло ли имя *Iамы*, первоначально означавшее близнеца, когда-либо быть употребляемо само по себѣ какъ названіе божества? Мы видѣли, что въ ведическихъ гимнахъ о многихъ соотвѣтствующихъ божествахъ говорятъ какъ о близнецахъ; но можно ли говорить объ одномъ близнецѣ и придавать это имя самостоятельному божеству, которому бы поклонялись безъ всякаго соотношенія къ дополняющему его божеству? Шесть временъ года, состоящихъ каждое изъ двухъ мѣсяцевъ, называютъ шестью близнецами (Ригв. I. 164, 15), но ни одинъ мѣсяцъ самъ по себѣ поэтому не могъ собственно называться близнецомъ. Iама самъ по себѣ, какъ полагаютъ, означаетъ близнеца, а въ особенности Агни.

Въ Ригведѣ, на сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ ни одного другаго мѣста, гдѣ Iаму, употребленнаго въ смыслѣ близнеца, относили бы къ Агни или солнцу. Но есть нѣсколько мѣстъ, особенно въ послѣдней книгѣ, гдѣ Iама встрѣчается какъ имя отдѣльнаго божества. Онъ называется царемъ (X. 14, 1); усопшіе признаютъ его за царя (X. 16, 9).

Возможно ли въ этомъ Iамѣ, богѣ умершихъ, видѣть одного изъ близнецовъ? Но предположивъ, что Iама, близнецъ, употреблялось какъ названіе вечера или заходящаго солнца, мы, можетъ быть, будемъ въ состояніи понять, какимъ образомъ Iама наконецъ сдѣлался царемъ умершихъ и богомъ смерти.

Какъ Востокъ древними мыслителями считался источникомъ жизни, такъ Западъ имъ представлялся какъ Nirriti, exodus, страна смерти. Солнце, заходящее или умирающее ежедневно, первое вступило на жизненный путь съ Востока на Западъ, оно первое должно указать намъ дорогу, когда кончился нашъ путь, и наше солнце садится въ дальнемъ Западѣ. Туда слѣдовали отцы за

Іамою; тамъ они сидятъ въ соединеніи съ нимъ, туда и мы должны идти, когда насъ нашли его послы. Это естественныя чувства и понятныя мысли. Спрашивается только: были-ли они чувства и мысли также и нашихъ праотцевъ, когда они превратили Іаму, двойничное солнце, заходящее солнце, въ правителя умершихъ и бога смерти?

Что характеръ Іамы солнечный, можно угадать по тому, что, онъ назывался сыномъ Виваевата. Вивасватъ, подобно Іамѣ, иногда считается ниспосылающимъ смерть. Ригв. VIII. 67, 20.

Какъ ни отрывочны указанія на Іаму, однако они достаточно показываютъ, что характеръ Іамы, какимъ мы его находимъ въ послѣдней книгѣ Ригведы, легко можно объяснить себѣ заходящимъ солнцемъ, олицетвореннымъ какъ путеводитель человѣческаго рода, какъ смертный, но какъ царь, какъ правитель умершихъ, какъ призываемый вмѣстѣ съ отцами, какъ первый свидѣтель безсмертія, которымъ должны наслаждаться отцы, подобно безсмертію, которымъ пользуются сами боги. Что царь умершихъ постепенно могъ принимать характеръ бога смерти, не требуетъ объясненія. Это однако послѣдній фазисъ Іамы, принадлежащій въ древнихъ частяхъ Веды Варунѣ, который, какъ мы видѣли выше, подобно Іамѣ, самъ одинъ изъ близнецовъ.

Мать всѣхъ небесныхъ силъ, выше нами изслѣдованныхъ, есть Утренняя Заря съ различными своими названіями, πολλῶν ὀνομάτων μορφὴ μία, Aditi—мать боговъ, или Apyâ yoshâ—водяная женщина, Saranyû—бѣглый свѣтъ, Ahanâ — блестящая, Arjunî—сверкающая, Urvasî—далекая и т. п. За зарею, однако, предполагали еще другую безпредѣльную силу, для которой ни языкъ ведическихъ рищи, ни языкъ другихъ поэтовъ или пророковъ не могъ найти подходящаго названія.

Если же, въ чемъ я почти не сомнѣваюсь, Греч. Erinys то самое слово, что Санскр. Saranyû, то не трудно понять, какъ, происходя изъ общей мысли, каждое божество приняло свой особенный видъ въ Индіи и

въ Греціи. Ночь считалась Гесіодомъ матерью войны, борьбы и обмана, но она вмѣстѣ съ тѣмъ называется матерью Немезиды или мести. Эсхилъ называетъ Эриній дочерьми Ночи, но мы видѣли выше, что въ одномъ мѣстѣ Ригведы (VII. 21, 5) сказано, что Druh'и, гибельныя силы ночи, слѣдуютъ за грѣхами людей. «Заря тебя откроетъ» было изреченіе, мало зараженное миѳологіей. «Эриніи постигнутъ тебя» было выраженіе, котораго даже Гомеръ не сталъ бы понимать въ его этимологическомъ смыслѣ. Названіе Эриніи иногда примѣняются къ Деметрѣ потому, что Dêô была Dyâvâ, a Dêmêtêr была Dyâvâ mâtar, заря, мать, соотвѣтственно Dyaush pitar, небо, отецъ.

Объяснивши миѳъ о Саранју, ея отцѣ, супругѣ и дѣтяхъ въ его, по моему мнѣнію, первоначальномъ смыслѣ, намъ остается разобрать, въ нѣсколькихъ словахъ, мнѣнія другихъ ученыхъ, разбиравшихъ прежде этотъ миѳъ и дошедшихъ до другаго пониманія его первоначальнаго значенія. Нѣтъ надобности входить въ подробное опроверженіе ихъ взглядовъ, такъ какъ главнѣйшее различіе между ихъ мнѣніями и моею собственною теоріей происходитъ отъ различныхъ точекъ зрѣнія, которыя мы взяли для выясненія взгляда въ отдаленныя области миѳологической мысли. На восхожденіе и захожденіе солнца, на ежедневное возвращеніе дня и ночи, на борьбу между свѣтомъ и мракомъ, на всю солнечную драму во всѣхъ ея подробностяхъ, разыгрываемую каждый день, каждый мѣсяцъ, каждый годъ на небѣ и на землѣ, я смотрю какъ на главнѣйшій предметъ древней миѳологіи. Я полагаю, что самая идея о божественныхъ силахъ произошла отъ удивленія, съ которымъ праотцы Арійскаго семейства смотрѣли на свѣтлыя (deva) силы, о которыхъ никто не зналъ, откуда онѣ приходили и куда уходили, которыя постоянно являлись, никогда не увядали, никогда не умирали, и назывались безсмертными т. е. не увядающими въ сравненіи съ слабымъ преходящимъ родомъ человѣческимъ. Я считаю правильное возвращеніе явленій почти за необходимое условіе ихъ

возвышенія на степень безсмертныхъ чрезъ магическую силу миѳологической фразеологіи, и даю сравнительно незначительное мѣсто такимъ метеорологическимъ явленіямъ, каковы облака, громъ и молнія, которыя хотя на время и причиняютъ сильное потрясеніе природы и человѣческой души, однако не сопоставляются вмѣстѣ съ безсмерными блестящими существами, но скорѣе считаются ихъ подданными или ихъ врагами. Небо собираетъ облака, небо гремитъ, небо посылаетъ дождь; и борьба, происходящая между мрачными облаками и свѣтлымъ солнцемъ, на время ими покрытымъ, есть только неправильное повтореніе той болѣе важной борьбы, которая ежедневно происходитъ между ночнымъ мракомъ и оживляющимъ свѣтомъ утра.

Въ совершенную противоположность этой солнечной теоріи, Профессоръ Кунъ предлагаетъ теорію, которая принята отличнѣйшими нѣмецкими миѳологами, и которую можно назвать метеорологическою. Это весьма удачно обрисовано Mr. Kelly'емъ въ его «Indo—European Tradition and Folk—lore.» «Облака,» пишетъ онъ, «бури, дожди, молнія и громъ были тѣ зрѣлища, которыя производили самое сильное впечатлѣніе на воображеніе древнихъ Арійцевъ, силившихся отыскивать земные предметы для сравненія ихъ съ вѣчно-мѣняющимся ихъ видомъ. Созерцателямъ была извѣстна земля и они сравнительно были хорошо знакомы съ явленіями на землѣ; даже на появленіе и исчезновеніе небесныхъ свѣтилъ они могли смотрѣть съ большимъ спокойствіемъ души по причинѣ ихъ правильности; но никогда они не переставали чувствоватъ самый живой интересъ къ тѣмъ удивительнымъ метеорологическимъ перемѣнамъ, которыя столь беззаконны и таинственны въ своемъ появленіи, и производятъ столь непосредственныя и ощутительныя дѣйствія, гибельныя и благополучныя, на жизнь и на счастіе созерцателей. Вотъ почему за этими явленіями слѣдили и примѣчали ихъ съ такою бдительностью и съ такимъ сильнымъ воображеніемъ, которыя сдѣлали ихъ главнѣй-

шимъ основаніемъ всѣхъ индо-европейскихъ миѳологій и суевѣрій.»

Профессоръ Шварцъ, въ превосходномъ сочиненіи о миѳологіи, становится рѣшительно на ту же сторону:

«Если въ противоположность принципамъ, изложеннымъ въ моей книгѣ «Uber den Ursprung der Mythologie,» замѣчаютъ, что въ развитіи понятій о божественномъ въ миѳахъ я слишкомъ большое значеніе придаю явленіямъ вѣтра и бури, въ ущербъ солнцу, то другія изслѣдованія еще болѣе подтвердятъ мое прежнее показаніе, именно то, что первоначально солнце молча признавали за простую случайность въ небесной красотѣ и что оно получило значеніе только въ болѣе преуспѣвшій періодъ при созерцаніи природы и образованіи миѳовъ.»

Эти два взгляда такъ противоположны между собою, на сколько это только возможно при взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ. Солнечная теорія смотритъ на правильно ежедневно возвращающіяся движенія на небѣ и на землѣ какъ на матеріалъ, изъ котораго составлена разнообразная ткань религіозной миѳологіи Арійцевъ, допуская только изрѣдка вмѣшиваніе болѣе сильныхъ картинъ бури, грома и молніи. Другая теорія, метеорологическая, смотритъ на облака, бури и другія мрачныя явленія природы, какъ на производящія самое глубокое и продолжительное впечатлѣніе на умы тѣхъ древнихъ наблюдателей, которые перестали удивляться постоянному правильному движенію небесныхъ тѣлъ и видѣли божественное присутствіе въ сильной бурѣ, въ землетрясеніи или въ огнѣ.

Мы видѣли выше, что согласно съ этимъ послѣднимъ взглядомъ, профессоръ Ротъ объясняетъ Саранју мрачною тучею, поднявшеюся въ пространствѣ въ началѣ всѣхъ вещей, и что онъ принялъ Вивасвата за небесный свѣтъ. Объясняя сперва вторую пару близнецовъ, онъ Асвиновъ принялъ за тѣхъ, которые первые приносятъ свѣтъ, предшествуя утренней зарѣ (но кто опи?); въ первой же парѣ называющейся просто *Іама*,

братъ близнецъ и *Іами*, близнецъ сестра, видитъ перворожденную пару, мущину и женщину, произведенныхъ посредствомъ соединенія влажныхъ паровъ облака съ небеснымъ свѣтомъ. Онъ полагаетъ, что послѣ ихъ рожденія начался новый порядокъ вещей и что потому объ матери говорятъ, что она исчезла, какъ хаотическій мракъ. Не придавая большой важности тому обстоятельству, что согласно съ Ригведою Саранју сперва стала матерью Іамы, потомъ исчезла, послѣ этого родила Асвиновъ, и наконецъ оставила обѣ пары дѣтей, слѣдуетъ однако замѣтить, что въ Ведѣ нѣтъ ни однаго слова, которое указывало бы на Іаму и Іами какъ на первую пару смертныхъ, какъ на Индійскихъ Адама и Еву или которое представляло бы сотвореніе перваго человѣка изъ соединенія паровъ съ свѣтомъ. Если бы Іама былъ перворodный изъ людей, то ведическіе поэты, говоря о немъ, навѣрно не умолчали бы объ этомъ. Также и Іима въ Авестѣ не представляется первымъ человѣкомъ или отцомъ человѣческаго рода [27]). Онъ не болѣе какъ одинъ изъ первыхъ царей и царствованіе его представляетъ идеалъ человѣческаго счастія, когда не было еще ни болѣзни, ни смерти, ни жара, ни холода. Изслѣдованіе дальнѣйшаго развитія Іамы въ Персіи составляетъ одно изъ послѣднихъ, но самыхъ блестящихъ открытій Эжена и Бюрнуфа. Въ своей статьѣ «Sur le Dieu Homa,» напечатанной въ Journal Asiatique, онъ открылъ этотъ совершенно новый рудникъ для изслѣдованій религіи и преданія того древняго состоянія, когда Арійцы жили еще вмѣстѣ. Онъ показалъ, что три изъ самыхъ извѣстныхъ именъ въ позднѣйшей эпической поэзіи Персовъ, *Джемшидъ*, *Феридунъ* и *Гаршаспъ*, можно привести къ тремъ героямъ, упоминаемымъ въ Зендавестѣ какъ представители трехъ древнѣйшихъ поколѣній рода

[27]) Spiegel, Erân, стр. 245. «По одному извѣстію счастіе царствованія Іимы погибло чрезъ его гордость и вѣроломность. По болѣе древнимъ преданіямъ Авесты, Іима не умираетъ, но когда на землѣ начинаетъ господствовать зло и бѣда, возвращается на незначительное пространство, родъ сада или Едема, гдѣ онъ продолжаетъ свою счастливую жизнь съ оставшимися ему вѣрными.»

человѣческаго, Yima—Kshaêta, Thraêta и Keresaspa, и что прототипы этихъ Зороастровыхъ героевъ можно узнать въ ведическихъ Іамѣ, Тритѣ и Крисасвѣ. Онъ пошелъ даже дальше. Онъ показалъ, что какъ въ Санскритѣ Вивасватъ отецъ Іамы, такъ въ Авестѣ Вивангватъ отецъ Іамы. Онъ показалъ, что какъ Траетана въ Персіи сынъ Атвји, такъ ведическое Аптја есть отчество Триты. Онъ объяснилъ переходъ изъ Thraêtana въ Feridun, указавъ на Пехлевійскую форму этого имени, Phredun, встрѣчающуюся у Неріосенга. Бюрнуфъ же отожествилъ *Зохака*, убитаго Феридуномъ персидскаго тирана, извѣстнаго даже Фердуси подъ именемъ *Аш—дахакъ*, съ *Аджи—дахака*, по его переводу,—кусающійся змѣй, котораго въ Авестѣ уничтожилъ Траетана. Нигдѣ переходъ естественной миѳологіи въ эпическую поэзію, или даже исторію, такъ ясно не выступаетъ, какъ здѣсь. Я приведу слова Бюрнуфа, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ ученыхъ, какихъ только произвела Франція, столь богатая филолологическими знаменитостями.

«Il est sans contredit fort curieux de voir une des divinités indiennes les plus vénérées, donner son nom au prémier souverain de la dynastie ario—persanne; c'est un des faits qui attestent le plus évidemmentl'intime union des deux branches de la grande famille qui s'est étendue, bien des siècles avant notre ère, depuis le Gange jusqu'à l'Euphrate».

Профессоръ Ротъ указалъ на нѣкоторыя болѣе подробныя совпаденія въ исторіи Джемшида, но его попытка превратить Іаму и Іиму въ Индійскаго Адама, по моему мнѣнію, была ошибочна.

Профессоръ Кунъ поэтому былъ совершенно правъ, не признавая этой части анализа профессора Рота. Но какъ профессоръ Ротъ, онъ принимаетъ Саранју за тучу, и хотя готовъ признать Вивасвата за небесный свѣтъ вообще, онъ все-таки Вивасвата считаетъ за одно изъ многихъ названій солнца и думаетъ, что ихъ первородное дитя, Іама, означаетъ Агни, огонь, или вѣрнѣе молнію, за которой слѣдуетъ его близнецъ сестра, громъ.

Далѣе вторую пару, Асвиновъ, онъ считаетъ за Агни и Индру, бога огня и бога свѣтлаго неба, и такимъ образомъ доходитъ до слѣдующаго рѣшенія миѳа:—«Когда пришла буря и исчезъ мракъ, скрывавшій отдѣльную тучу, Савитаръ (солнце) обнимаетъ еще разъ богиню, тучу, принявшую образъ убѣгающаго коня. Еще скрывающійся, онъ свѣтитъ огненно и съ золотыми руками, и такимъ образомъ рождается Агни, огонь; наконецъ онъ разрываетъ свадебное покрывало и раждается Индра, голубое небо.» Рожденіе Ману или человѣка онъ объясняетъ какъ повтореніе рожденія Агни, и Ману или Агни онъ считаетъ за Индійскаго Адама, а не какъ профессоръ Ротъ, за Іаму, молнію.

Передавая мнѣнія этихъ отличнѣйшихъ ученыхъ о миѳѣ про Саранју въ столь слабыхъ очеркахъ, нѣтъ, разумѣется, возможности, отдать полную справедливость ихъ изслѣдованіямъ. Кто находитъ интересъ въ этомъ предметѣ, долженъ обратиться къ ихъ сочиненіямъ, чтобы сравнить ихъ съ предложеннымъ мною толкованіемъ. Признаюсь, даже съ ихъ точки зрѣнія я не могу уловить ясную и связную нить мысли въ описываемомъ ими миѳологическомъ процессѣ. Я не могу себѣ представить, чтобы люди, стоящіе на одномъ уровнѣ съ нашими пастухами, бесѣдовали между собою о мрачной тучѣ, бродившей въ пространствѣ, и сочетавшись бракомъ съ свѣтомъ или съ солнцемъ, произведшей первыя человѣческія существа; или чтобы они назвали голубое небо сыномъ облака, потому что небо открывается послѣ объятія или разрушенія облака солнцемъ. Какъ бы то ни было, не мнѣ высказывать своего мнѣнія и я предоставляю другимъ, менѣе пристрастнымъ къ отдѣльнымъ теоріямъ, судить, какое толкованіе болѣе естественно, болѣе согласно съ разбросанными показаніями древнихъ ведическихъ гимновъ, и болѣе сообразно съ тѣмъ, что мы знаемъ о духѣ самыхъ первобытныхъ временъ человѣчества.

ИСКУССТВО

ВЪ

ИТАЛІИ И НИДЕРЛАНДАХЪ.

Третій и четвертый ряды лекцій, читанныхъ въ École des beaux—arts въ Парижѣ,

ИППОЛИТА ТЭНА.

Переводъ

А. П. Чудинова.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. Гольдштейна.
1869.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемыя лекціи И. Тэна служатъ продолженіемъ 1-го и 2-го ряда чтеній этого ученаго, изданныхъ редакціей «Филологическихъ Записокъ» въ нашемъ переводѣ, подъ заглавіемъ «Философія искусства и объ идеалѣ въ искусствѣ» (Воронежъ 1869). Заканчивая въ себѣ практическую разработку и дальнѣйшее развитіе общихъ выводовъ и положеній, сдѣланныхъ Тэномъ въ предъидущихъ лекціяхъ, послѣдніе два ряда лекцій служатъ существенно необходимымъ дополненіемъ къ нимъ. Связанные между собою единствомъ содержанія и общаго плана сочиненія, всѣ четыре ряда лекцій составляютъ такимъ образомъ одно неразрывное цѣлое. Къ концу сочиненія, подобно тому, какъ это дѣлается въ лучшихъ иностранныхъ изданіяхъ такого рода, будетъ приложенъ, для удобства читателей, обстоятельный *алфавитный указатель* личныхъ именъ, встрѣчаемыхъ во всѣхъ четырехъ курсахъ чтеній объ искусствѣ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ. Погрѣшности транскрипціи иностранныхъ именъ и опечатки, вкравшіяся въ текстѣ изданія 1-й части, будутъ исправлены въ этомъ указателѣ.

А. Чудиновъ.

Орелъ. 1869
8 Ноября.

ИСКУССТВО ВЪ ИТАЛІИ.

Третій рядъ чтеній И. Тэна.

(Посвящается Эдуарду Бертенъ.)

Отъ автора.

Милостивые государи!

Въ первомъ ряду моихъ лекцій, въ началѣ курса [1]), я указалъ вамъ общій законъ, по которому, во всѣ времена, возникаютъ художественныя произведенія, то есть или точное и неизбѣжное соотвѣтствіе, которое вы всегда найдете между извѣстнымъ произведеніемъ и его средою. Въ этомъ году, излагая исторію живописи въ Италіи, я нахожу удобный случай примѣнить и провѣрить предъ вами этотъ законъ.

---

[1]) См. «Философія искусства и объ идеалѣ въ искусствѣ,» И. Тэна, въ переводѣ А. Чудинова. Изданіе редакціи «Филологическихъ Записокъ.» Воронежъ, 1869.

I.

1. Объемъ и предѣлы классической эпохи.—Характеръ предшествовавшей эпохи.—Характеръ послѣдующей эпохи.—Кажущіяся исключенія.—Какимъ образомъ они объясняются.

2. Характеристическія черты классической живописи.—Въ чемъ она отличается отъ фламандской живописи.—Въ чемъ она отличается отъ первоначальной живописи.—Въ чемъ она отличается отъ живописи современной.—Главный предметъ ея—идеальное человѣческое тѣло.

—

Мы будемъ говорить о знаменитой эпохѣ, которую человѣчество единогласно признало самымъ прекраснымъ изобрѣтеніемъ Италіи и которая занимаетъ послѣднюю четверть XV-го и тридцать или сорокъ первыхъ лѣтъ XVI-го столѣтія. Въ этомъ небольшомъ кругу блестятъ имена превосходныхъ художниковъ: Леонардо да-Винчи, Рафаэль, Микель-Анджело, Андреа дель-Сарто, Фра-Бартоломео, Джіорджіоне, Тиціанъ, Себастіанъ дель Піомбо, Корреджьо; кругъ этотъ рѣзко ограниченъ; если вы переступите его въ ту или иную сторону, вы встрѣтите или недоконченное искусство, или искусство извращенное; или тутъ найдете искателей, еще заблуждающихся, сухихъ и грубыхъ, въ родѣ: Паоло Учелло, Антоніо Поллайоло, Фра Филиппо Липпи, Доменико Гирландайо, Андреа Вероккьо, Мантенья, Перуджино, Іоаннъ Белленъ; тамъ увидите черезъ чуръ крайнихъ послѣдователей или слабыя попытки обновленія, въ родѣ: Юлія Романскаго, Россо, Приматисъ, Пармесанъ, Пальма младшій, Карраччи и ихъ школа. Сперва искусство находилось въ зародышѣ, впослѣдствіи оно представляется увядшимъ; процвѣтаніе искусства помѣщается между этими двумя періодами и длится около пятидесяти лѣтъ. Если въ предшествовавшей эпохѣ и является какой-нибудь почти прекрасный живописецъ, напр. Масаччьо, то это—мыслитель, выскочившій въ геніи, уединенный изобрѣтатель, шагнувшій далѣе своего вѣка, безъизвѣстный предтеча, оставшійся безъ

послѣдователей; его могила стоитъ даже безъ надписи, живетъ онъ одинокимъ и въ нищетѣ, несвоевременное величіе его будетъ понято лишь спустя полустолѣтіе. Если въ послѣдующей эпохѣ и найдется какая-нибудь цвѣтущая и полная силы школа, то развѣ въ Венеціи, этомъ привилегированномъ городѣ, котораго позднѣе другихъ коснулся упадокъ и который поддерживалъ у себя независимость, терпимость и славу долго еще спустя послѣ того, какъ иноземное покореніе, гнётъ и окончательное развращеніе нравовъ испортили сердца и извратили умы во всей остальной Италіи. Эту эпоху дивнаго и совершеннаго открытія вы можете сравнить съ поясомъ земли, въ которомъ на склонѣ горы собираютъ виноградъ: внизу виноградъ еще не хорошъ, вверху онъ уже не годится никуда. Въ низменной мѣстности воздухъ слишкомъ тяжелъ, въ возвышенной—слишкомъ холоденъ: вотъ причина и вотъ правило; если есть исключенія, то они незначительны и легко могутъ быть объяснены. Въ низменной мѣстности можетъ встрѣтиться одна виноградная лоза, которая, благодаря прекраснымъ сокамъ, дастъ, не смотря на неблагопріятную среду, нѣсколько необыкновенныхъ гроздей. Но лоза эта—одна, не произведетъ подобныхъ себѣ и должна быть отнесена къ тѣмъ исключительнымъ случаямъ, которыхъ, въ правильномъ теченіи законовъ, пораждаетъ всегда собраніе и смѣшеніе нѣсколькихъ дѣйствующихъ силъ. Въ возвышенной мѣстности можетъ встрѣтиться, въ какомъ-нибудь закоулкѣ, нѣсколько превосходныхъ кистей винограда; но вы найдете это въ одномъ только закоулкѣ, въ которомъ случайное обстоятельство, качество почвы, затишье отъ вѣтра, просачиваніе въ томъ мѣстѣ ручья, доставятъ растенію питаніе или защиту, которыхъ не достаетъ въ остальныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, законъ останется неприкосновеннымъ, и мы придемъ къ заключенію, что процвѣтаніе винограда, въ одномъ только мѣстѣ, обязано особому качеству тамъ почвы и температуры. Равнымъ образомъ, законъ, управляющій возникновеніемъ прекрасной живописи, остается

непоколебимымъ, и мы можемъ отъискать умственное или нравственнное состояніе, отъ котораго зависитъ эта живопись.

Прежде всего, нужно опредѣлить её самоё, ибо называя живопись, по принятому обычаю, прекрасною или классическою, мы не обозначаемъ этимъ ея характеристическихъ признаковъ—мы указываемъ лишь ея мѣсто. Но, если она занимаетъ опредѣленное мѣсто, у нея должны быть и отличительные признаки, то есть свойственная ей область, предѣлы которой она никогда не переступаетъ.—Она презираетъ или пренебрегаетъ пейзажемъ; великая жизнь неодушевленныхъ предметовъ находитъ для себя живописцевъ только во Фландріи; итальянскій живописецъ избираетъ сюжетомъ своимъ человѣка; деревья, деревня, фабрики, составляютъ для него только второстепенныя принадлежности; Микель Анджело, безспорный глава всякой школы, объявляетъ, по словамъ Васари, что ихъ, какъ забаву, какъ вознагражденіе себѣ хоть чѣмъ-нибудь, нужно предоставить меньшимъ талантамъ, и что истинный предметъ искусства есть человѣческое тѣло. Если позднѣе художники снова возвращаются къ пейзажамъ, то это происходитъ только въ эпоху послѣднихъ Венеціанцевъ, въ особенности при Карраччи, когда великая живопись падаетъ; да и употребляютъ они ихъ только въ качествѣ декорацій, въ родѣ какой-нибудь архитектурной виллы, сада Армиды, театра для пасторалей и торжественныхъ празднествъ, благородно-сдержаннаго аксессуара миѳологическихъ изысканностей и развлеченій вельможъ; тамъ вымышленныя деревья не принадлежатъ ни къ какой извѣстной породѣ; горы располагаются для привлекательности зрѣлища; храмы, развалины, дворцы, группируются въ идеальныхъ очертаніяхъ; природа теряетъ свою врожденную независимость и собственные инстинкты, чтобы подчиниться человѣку, служить украшеніемъ его празднествъ и расширить его жилища.

Съ другой стороны, они оставляютъ еще фламандцамъ подражаніе дѣйствительной жизни, оставляютъ современнаго человѣка въ его обыкновенномъ костюмѣ, посреди его обыденныхъ привычекъ, посреди его домашней утвари, на гуляньи, на рынкѣ, за столомъ, въ городскомъ трактирѣ, въ кабакѣ, такого, какимъ видишь его—дворянина, мѣщанина, крестьянина, съ многочисленными и рѣзкими особенностями его характера, его занятія и условій его жизни. Они устраняютъ эти мелочи, какъ вещь, недостойную себя; по мѣрѣ совершенствованія искусства, они все болѣе и болѣе избѣгаютъ буквальной точности и положительнаго сходства; вставлять портреты въ своихъ картинахъ они перестаютъ только предъ самымъ началомъ великой эпохи; Филиппо Липпи, Поллайоло, Андреа ди-Кастаньо, Вероккьо, Іоаннъ Белленъ, Гирландайо, даже самъ Масаччьо, всѣ предшествовавшіе живописцы, испещряли свои фрески лицами современниковъ; великій шагъ, раздѣляющій положительное искусство отъ искусства искаженнаго, и есть именно изобрѣтеніе тѣхъ совершенныхъ формъ, которыхъ не распознаешь однимъ глазомъ и присутствіе которыхъ предугадываешь душою. — Поле классической живописи, обусловленное такимъ образомъ, должно быть еще ограничено.

Если мы отдѣлимъ духъ и тѣло въ идеальной личности, которую избираетъ эта живопись своимъ центромъ, легко замѣтить, что не духу предоставляетъ она первое мѣсто. Она не отличается ни мистицизмомъ, ни драматизмомъ, ни спиритуализмомъ.—Она не силится изобразить для свѣта божественный и безтѣлесный міръ, блаженныя и чистыя души, теологическіе или экклезіастическіе догматы, которые, со временъ Джіотто и Симоне Мемми вплоть до Беато Анджелико, составляли содержаніе привлекательнаго, но несовершеннаго искусства предшествовавшей эпохи; она оставила христіанскій и монашескій періодъ и вступила въ періодъ свѣтскій и языческій.—Она не силится развернуть на полотнѣ ужасную

или трагическую сцену, способную вызвать состраданіе и ужасъ, подобно Делакруа въ *Убійствѣ Люттихскаго епископа*, подобно Дэкамъ (Decamps) въ *Умершей* или въ *Битвѣ Кимвровъ*, подобно наконецъ Ари Шефферу въ картинѣ *Заливающійся слезами*. Она не силится выразить глубокія, напряженныя, сложныя чувства, подобно Делакруа въ его *Гамлетѣ* или въ его *Тассо*. Она не станетъ отыскивать тѣхъ полныхъ оттѣнковъ могущественныхъ впечатлѣній, которыя вы встрѣтите въ позднѣйшую эпоху, когда упадокъ сталъ уже очевиднымъ, въ обворожительныхъ и мечтательныхъ Магдалинахъ, въ задумчивыхъ и нѣжныхъ мадоннахъ, въ трагическихъ и душу возмущающихъ мученикахъ Болонской школы. Патетическое искусство, стремящееся поразить и взволновать напускную и болѣзненную чувствительность, нарушаетъ ея равновѣсіе. Нравственная жизнь не занимаетъ ее въ ущербъ физической жизни; она не представляетъ себѣ человѣка существомъ высшимъ, порабощеннымъ чувствами; одинъ только живописецъ, преждевременный изобрѣтатель всѣхъ идей и всего, чѣмъ интересуется новое время, Леонардо да-Винчи, всеобъемлющій и тонкій геній, одинокій и ненасытный искатель, доводитъ свои прорицанія за предѣлы его времени и идетъ на встрѣчу современному намъ вѣку. Но для другихъ художниковъ, а иногда и для него самого, форма составляетъ цѣль, а не средство; она не подчинена физіономіи, выраженію, движеніямъ, положенію, дѣйствію: задача ихъ чисто живописная, но не литературная и не поэтическая.

«Главнѣйшая задача искусства живописи, говоритъ Челлини, состоитъ въ томъ, чтобы отлично изобразить нагого мущину и нагую женщину.» Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ они исходной точкой своей берутъ ювелирное искусство и скульптуру; ихъ руки ощупывали выпуклость мускуловъ, прослѣдили изгибъ линій, осязали связки костей; для глазъ они хотятъ представить прежде всего естественное человѣческое тѣло, то есть здоровое, дѣятельное, энергическое, одаренное всѣми атлетическими и жи-

вотными способностями; сверхъ того, это должно быть идеальное человѣческое тѣло, близко подходящее къ греческому типу, до того пропорціональное и равномѣрное во всѣхъ своихъ частяхъ, избранное и поставленное въ столь счастливой позѣ, драпированное и окруженное другими тѣлами такъ хорошо группированными, что совокупность всего, цѣлое произведеніе, составляетъ гармонію и напоминаетъ собою безтѣлесный міръ, подобный древнему Олимпу, т. е. божественный или героическій, во всякомъ случаѣ высшій и совершенный. Таково собственное изобрѣтеніе этихъ художниковъ. Другіе лучше выразили то сельскую жизнь, то истину дѣйствительной жизни, то трагическія и глубокія душевныя движенія, то какое нибудь нравоученіе, историческое открытіе или философскую концепцію; у Беато Анджелико, Альберта Дюрера, Рембрандта, Мецку и Павла Поттера, у Гогарта, Делакруа и Декама, вы найдете болѣе назидательнаго, педагогіи или психологіи, болѣе внутренняго и домашняго спокойствія, болѣе смутныхъ мечтаній, грандіозной метафизики или душевныхъ волненій. Они создали себѣ одно общее племя большихъ, благородныхъ тѣлъ, ведущихъ благородную жизнь, и угадываютъ новое человѣчество, болѣе гордое, болѣе свѣтлое, болѣе дѣятельное, короче—лучшее, чѣмъ наше. Отъ этого-то племени, соединившагося съ старшей сестрой своей, дочерью греческихъ скульпторовъ, родились, въ другихъ странахъ, во Франціи, въ Испаніи, во Фландріи, тѣ идеальныя лица, которыми человѣкъ какъ-бы научаетъ природу, какимъ она должна была-бы его создать и какимъ она не создала его.

—

II.

1. Обстоятельства, при которыхъ возникаетъ живопись.—Племя.—Отличительная черта итальянскаго воображенія.—Различіе латинскаго отъ германскаго воображенія.—Различіе итальянскаго отъ французскаго воображенія.

2. Соотвѣтствіе между врожденной способностью и исторической средой.—Доказательства. — Великіе художники временъ Возрожденія не стоятъ особнякомъ.—Состояніе искусства соотвѣтствуетъ извѣстному умственному состоянію.

—

Таково будетъ художественное произведеніе; теперь намъ остается еще, согласно нашему методу, изслѣдовать его среду.

Разсмотримъ сперва племя людей, создавшее его. Если въ живописи они избрали тотъ, а не иной, путь, то это произошло въ силу народныхъ и постоянныхъ инстинктовъ. Воображеніе итальянца отличается классическимъ характеромъ, то есть латинскимъ, подобнымъ характеру древнихъ грековъ и римлянъ; въ доказательство этого, мы имѣемъ не только произведенія временъ Возрожденія, скульптуру, зданія и живопись, но и средневѣковую архитектуру и новѣйшую музыку. Въ средніе вѣка, готическая архитектура, распространившаяся по всей Европѣ, проникла въ Италію лишь позднѣе другихъ и въ формѣ слабыхъ подражаній; встрѣчаемыя въ ней двѣ вполнѣ готическія церкви—одна въ Миланѣ, а другая въ Ассизскомъ монастырѣ—построены иностранными архитекторами; даже въ эпоху германскаго наплыва, при самомъ сильномъ увлеченіи христіанства, итальянцы воздвигали постройки въ древнемъ стилѣ; возобновивъ этотъ стиль, они сохранили вкусъ къ прочнымъ формамъ, къ полнымъ стѣнамъ, умѣренному украшенію, къ естественному и ясному освѣщенію, и зданія ихъ, по своему виду силы, веселости, ясности и легкаго изящества, составляютъ контрастъ съ грандіозной сложностью, обиліемъ мелочныхъ украшеній, мучительнымъ величіемъ и

мрачнымъ или искаженнымъ освѣщеніемъ зданій по ту сторону горъ. Точно также и въ наше время, ихъ пѣвучая музыка съ отчетливымъ ритмомъ, пріятная даже въ выраженіи трагическихъ чувствъ, противополагаетъ свою симметрію, округленность, кадансы, свой драматическій геній, краснорѣчивый, блестящій, свѣтлый и опредѣленный — нѣмецкой инструментальной музыкѣ, столь граціозной, свободной, подчасъ столь смутной, съ такимъ совершенствомъ способной выразить самыя нѣжныя грёзы, самыя тонкія движенія седрца и тѣ невѣдомые тайники мечтательной души, которыми она, въ своихъ откровеніяхъ и своихъ уединенныхъ волненіяхъ, прозрѣваетъ безконечность и всю прелесть заманчиваго dahin.

Если мы обратимъ вниманіе на то, какимъ именно образомъ итальянцы и вообще народы латинскаго племени понимаютъ любовь, нравственность и религію, если мы разсмотримъ ихъ литературу, нравы и ихъ образъ пониманія жизни, мы, въ безчисленныхъ глубокихъ чертахъ, подмѣтимъ блескъ подобнаго-же воображенія. Отличительный характеръ его есть талантъ и вкусъ къ *порядку*, проистекающій изъ правильности гармонической и строгой формы; оно болѣе устойчиво и менѣе проницательно, чѣмъ германское воображеніе; оно болѣе поверхностно, чѣмъ глубоко; внѣшнее украшеніе оно предпочитаетъ внутренней правдѣ; оно склонно болѣе къ идолопоклонству и менѣе къ религіи, болѣе живописно и менѣе умозрительно, болѣе опредѣленно и прекрасно. Оно лучше понимаетъ человѣка, чѣмъ природу, лучше понимаетъ человѣка въ обществѣ, чѣмъ человѣка варвара. Съ трудомъ можетъ сжаться оно для того, чтобы изобразить, подобно первому, дикость, грубость, своенравіе, неровность, безпорядокъ, яростное изверженіе природныхъ силъ, безчисленныя и неуловимыя особенности индивидуума, нисшихъ или безформенныхъ твореній, глухую и безконечную жизнь, распространенную во всѣхъ слояхъ и порядкахъ существованія; оно не можетъ быть названо всемірнымъ зеркаломъ; его симпатіи ограничены.

Но въ царствѣ своемъ—царствѣ формы—оно всемогуще; другія школы при немъ кажутся грубыми и дикими; одно оно открыло и передало естественный порядокъ идей и образовъ. Изъ двухъ великихъ народовъ, у которыхъ воображеніе это выразилось самымъ полнымъ образомъ, одинъ, французы—болѣе сѣверный, болѣе прозаическій и болѣе общежительный—избралъ своимъ дѣломъ порядокъ чистыхъ идей, т. е. методъ разсужденія и искусство бесѣды; другой, итальянцы—болѣе южный, болѣе художественный и болѣе склонный къ образамъ народъ—избралъ своимъ дѣломъ порядокъ чувственныхъ формъ, я хочу сказать: музыку и пластическія искусства. Этотъ-то врожденный талантъ, видимый съ самаго своего начала, проглядывающій во всей ихъ исторіи, оставившій отпечатокъ свой на каждой ихъ мысли и на каждомъ дѣйствіи, встрѣтивъ, въ концѣ XV-го столѣтія, благопріятныя обстоятельства, произвелъ обильную жатву замѣчательно художественныхъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, Италія, въ то время, вдругъ или почти вдругъ имѣла не только пять или шесть великихъ живописцевъ необыкновеннаго таланта и выше всѣхъ тѣхъ, какіе появились впослѣдствіи: Леонардо да Винчи, Микель-Анджело, Рафаэль, Джіорджіоне Тиціанъ, Веронезъ, Корреджіо, но еще и цѣлую массу знаменитыхъ и превосходныхъ живописцевъ: Андреа дель-Сарто, Фра-Бартоломео, Понтормо, Альбертинелли, Россо, Юлій Романовскій, Полидоро Караваджіо, Приматисъ, Севастіанъ дель-Піомбо, Пальма старшій, Бонифаціо, Парисъ Бордонъ, Тинторэ, Луини и безчисленное множество иныхъ менѣе извѣстныхъ художниковъ, воспитанныхъ въ томъ же направленіи, обладателей того же стиля, образующихъ всѣ вмѣстѣ цѣлое полчище, въ рядахъ котораго они являются лишь болѣе или менѣе замѣтными предводителями; сверхъ того, тутъ вы встрѣтите почти такое же количество скульптуровъ и прекрасныхъ архитекторовъ, изъ коихъ нѣкоторые явились нѣсколько ранѣе, большинство-же можетъ быть названо современниками: Джиберти, Донателло, Джакопо делла-Кверчіа, Баччіо Бандинелли, Бамбайа, Лука делла-Роббіа, Бенвенуто

Челлини, Брунеллески, Браманте, Антоніо де-Санъ-Галло, Палладіо, Сансовино; наконецъ, вокругъ этихъ группъ художниковъ, столь разнообразныхъ и столь богатыхъ, помѣщается толпа знатоковъ, покровителей, покупателей, окружающее ихъ обширное общество, составленное не только изъ дворянъ и образованныхъ людей, но и изъ мѣщанъ, ремесленниковъ, простыхъ монаховъ, простолюдиновъ.

Отсюда понятно, почему великій вкусъ, преобладавшій въ то время, былъ естественъ, самобытенъ и всеобъемлющъ—произведенія, отмѣченныя именами великихъ художниковъ, возникали подъ непосредственнымъ вліяніемъ симпатій и пониманія всего окружающаго общества. И такъ, искусство эпохи Возрожденія не можетъ быть разсматриваемо, какъ результатъ счастливой случайности; тутъ не можетъ быть и рѣчи о сильной игрѣ судьбы, выведшей на жизненную арену нѣсколько болѣе талантливыхъ головъ, случайно произведшей какой-то необычайный урожай геніевъ—живописцевъ; едвали можно сомнѣваться, что причина такого чуднаго процвѣтанія этого искусства кроется въ общемъ расположеніи умовъ, въ изумительной способности къ нему, распространенной во всѣхъ слояхъ народа. Способность эта была временная, и само искусство было временное. Началась она и окончилась въ опредѣленныя эпохи; началось искусство и окончилось въ тѣ же опредѣленныя эпохи. Способность эта развилась въ извѣстномъ, опредѣленномъ направленіи; искусство развилось въ томъ-же направленіи. Она подобна тѣлу, тѣнью котораго мы можемъ назвать искусство; оно неотступно слѣдуетъ за ея рожденіемъ, ея возростаніемъ, упадкомъ и направленіемъ. Она приводитъ и уводитъ его съ собою и заставляетъ измѣняться согласно тѣмъ перемѣнамъ, какія испытываетъ она сама; во всѣхъ своихъ частяхъ и въ цѣломъ своемъ развитіи искусство зависитъ отъ нея. Она составляетъ для него достаточное и необходимое условіе; поэтому её-то, способность эту, необходимо изучить во всей подробности, чтобы понять и уяснить себѣ искусство.

III.

1. Условія необходимыя для появленія великой живописи.— Умственная культура.

2. Раннее развитіе новѣйшей культуры въ Италіи.—Причины его.—Быстрое народное пониманіе.—Италія заключаетъ въ себѣ менѣе германскихъ элементовъ, чѣмъ остальная Европа.

3. Сравненіе Италіи въ XV-мъ вѣкѣ съ Англіей, Германіей и Франціей XV-го столѣтія.—Уваженіе къ талантамъ и умственныя развлеченія.—Гуманисты.—Ихъ открытія. — Ихъ сочиненія.— Довѣріе къ нимъ.—Новые итальянскіе поэты.—Ихъ превосходство.—Ихъ многочисленность.—Ихъ успѣхъ.

4. Il Cortegiano Бальтазара де Кастильоне.—Лица.—Дворецъ.—Салонъ.—Забавы.—Бесѣды.—Стиль.—Изображенія образцовыхъ кавалеровъ и совершеннѣйшихъ дамъ.

—

Необходимы три условія, чтобы человѣкъ могъ понять и воспроизвесть великую живопись. Прежде всего, нужно, чтобы онъ былъ образованъ. Жалкій, огрубѣлый бѣдняга, ежедневно не разгибающій спины надъ своимъ полемъ, представители войны и охоты, обжоры и пьяницы, круглый годъ занятые битвами да походомъ, слишкомъ еще погружены въ животную жизнь, чтобы понять изящество формъ и гармонію цвѣтовъ. Картина есть украшеніе храма или дворца; чтобы лицезрѣніе ея сопровождалось пониманіемъ и вызывало удовольствіе, необходимо, чтобы зритель вполовину былъ освобожденъ отъ грубыхъ заботъ, чтобы въ головѣ у него не оставались воспоминанія о недавнемъ кутежѣ или побоищѣ, чтобы онъ вышелъ изъ варварства и младенческаго состоянія, чтобы кромѣ упражненія мускуловъ, развитія воинственныхъ инстинктовъ и утоленія физическихъ потребностей, въ немъ явилось желаніе испытать болѣе тонкое и благородное наслажденіе. Онъ былъ грубъ, теперь мечтателенъ. Онъ пожиралъ и уничтожалъ, теперь наряжаетъ и наслаждается. Онъ жилъ, теперь онъ украшаетъ жизнь. Такова обширная перемѣна, совершившаяся въ Италіи

въ XV-мъ вѣкѣ. Человѣкъ переходитъ тутъ отъ феодальныхъ нравовъ къ новѣйшему мышленію, и эта великая перемѣна происходитъ въ Италіи позднѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ.

Есть много этому причинъ. Первая состоитъ въ томъ, что итальянцы обладаютъ необыкновенной тонкостью и большой быстротой ума. Цивилизація, казалось, врождена имъ; по крайней мѣрѣ, они достигаютъ ея почти безъ усилій и почти безъ посторонняго содѣйствія. Даже въ грубыхъ и необразованныхъ классахъ пониманіе отличается живостью и свободой. Сравните ихъ съ людьми, находящимися въ одинаковыхъ условіяхъна сѣверѣ Франціи, Германіи и Англіи: разница выйдетъ разительная. Въ Италіи, мальчикъ изъ гостинницы, поселянинъ, facchino, которыхъ вы встрѣтите на улицѣ, умѣютъ разговаривать, понимать, разсуждать; они высказываютъ свое мнѣніе, обладаютъ знаніемъ людей, вступаютъ въ пренія о политикѣ; инстинктивно управляютъ они идеями такъ-же, какъ и словомъ, подчасъ блестящимъ образомъ, всегда легко и почти всегда хорошо; въ особенности у нихъ есть природное страстное чутье красоты. Въ этой только странѣ вы услышите простолюдина, вскрикивающаго передъ какимъ-нибудь храмомъ или картиной: «O Dio, com'è bello!,» а итальянскій языкъ, для выраженія такого задушевнаго, искренняго порыва, обладаетъ звучностью и необычайной мѣткостью, передать впечатлѣніе отъ которыхъ невозможно сухими рѣченіями французскаго языка.

Этотъ столь способный народъ имѣлъ преимущество избѣгнуть *германизаціи*, т. е. не былъ раздавленъ и искаженъ въ одинаковой степени съ другими европейскими народами вслѣдствіе движенія народовъ съ сѣвера. Варвары если и заняли ихъ страну, то временно и по окраинамъ ея. Вестготы, франки, герулы, остготы—всѣ они покинули ее или были выгнаны оттуда весьма скоро. Если ломбарды и остались въ Италіи, то были скоро поглощены латинской культурой; въ XII-мъ вѣкѣ, гер-

манцы Фридриха Барбаруссы, думая встрѣтить въ нихъ своихъ единоплеменниковъ, были изумлены, найдя ихъ до такой степени олатинизированными, «утратившими всякіе слѣды варварства и принявшими, подъ вліяніемъ воздуха и почвы, нѣчто, напоминающее собою утонченность и мягкость древнихъ римлянъ, сохранившими изящность древняго языка и благородство древнихъ нравовъ, перенявшими даже въ устройствѣ своихъ городовъ и въ управленіи своими общественными дѣлами ловкость древнихъ римлянъ.» Въ Италіи, до XIII-го столѣтія всѣ продолжаютъ говорить по-латыни; святой Антоній Падуанскій поучаетъ на латинскомъ языкѣ; народъ, говорящій между собою на жаргонѣ зарождающагося итальянскаго языка, понимаетъ все-таки языкъ литературный. Слой германизаціи, облекшій націю, слишкомъ тонокъ или заранѣе прорванъ возрожденіемъ латинской цивилизаціи. Италія знаетъ лишь по переводамъ шутовскія пѣсни (chansons de geste), рыцарскія и феодальныя поэмы, распространенныя по всей Европѣ. Я вамъ говорилъ предъ тѣмъ, что готическая архитектура проникла сюда поздно и не вполнѣ; принявшись, съ XI-го вѣка, за постройки, итальянцы избираютъ формы или, по крайней мѣрѣ, духъ латинской архитектуры. Въ учрежденіяхъ, въ правахъ, въ языкѣ, въ искусствахъ, мы видимъ, при самомъ глубокомъ и самомъ темномъ мракѣ средневѣковой жизни, постепенное освобожденіе и возрожденіе древней цивилизаціи на почвѣ, по которой варвары прошли и затѣмъ разсѣялись, растаяли, подобно вешнему снѣгу.

Поэтому-то, если вы сравните Италію въ XV-мъ вѣкѣ, съ другими народами Европы, вы найдете ее болѣе ученою, болѣе богатой, болѣе образованной, несравненно болѣе способной украсить себѣ жизнь, т. е. наслаждаться и производить художественныя произведенія.

Въ это время, Англія, покончивъ съ вѣковой войною, вовлекается въ новую яростную схватку, извѣстную подъ названіемъ войны Алой и Бѣлой Розы, гдѣ люди

съ полнымъ хладнокровіемъ рѣзали другъ друга, а послѣ сраженія, избивали безоружныхъ дѣтей. До самого 1550 года, она остается страною варваровъ, охотниковъ, лѣсоводовъ и солдатъ. Въ какомъ нибудь городѣ, въ центрѣ государства, насчитывалось не болѣе двухъ или трехъ печей въ домѣ; дома деревенскихъ помѣщиковъ были жалкія избенки, крытыя соломой, обмазанныя самой грубой глиной и освѣщаемыя простымъ отверстіемъ, прорубленнымъ въ стѣнѣ. Въ среднихъ классахъ, ночлегъ устраивался на связкахъ соломы «съ порядочнымъ круглымъ полѣномъ вмѣсто изголовья.» «Подушки, повидимому, были дѣлаемы только для женщинъ на случай родовъ;» посуда была даже не оловянная, а просто изъ дерева.— Въ Германіи завязывается жестокая и упорная война Гусситовъ; императоръ безсиленъ; дворянство невѣжественно и нагло; вплоть до самого Максимиліана господствуетъ кулачное право, т. е. разрѣшеніе всякаго недоумѣнія силой и привычкой къ самоуправству; изъ поученій Лютера и изъ мемуаровъ Ганса Швейнихенъ вы можете увидѣть, до какой степени безобразія у дворянъ и ученыхъ доходило, въ то время, пьянство и грубость нравовъ.—Что до Франціи, то это былъ самый плачевный періодъ въ ея исторіи: страна порабощена и опустошена англичанами; при Карлѣ VII, волки заходятъ въ предмѣстія Парижа; по изгнаніи англичанъ, *живодеры*, предводители бродячихъ шаекъ, живутъ на счетъ крестьянина, грабятъ и раззоряютъ его, сколько душѣ угодно; одинъ изъ этихъ воровскихъ и разбойничьихъ предводителей, Жилль-де-Рэтцъ послужилъ героемъ одной изъ народныхъ легендъ про Синюю-Бороду. До самого конца этого столѣтія, весь цвѣтъ народа, все дворянство, остаются грубыми и невѣжественными. Венеціанскіе посланники говорятъ, что у французскихъ вельможъ ноги изогнуты и искривлены, потому что они всю жизнь проводятъ на лошади. Раблэ вамъ покажетъ, въ срединѣ XVI го столѣтія, грязную огрубѣлость и изумительное звѣрство готическихъ нравовъ. Графъ Бальтассаръ де-Кастильоне, около 1525 г., писалъ слѣд.: «Французы не знаютъ другаго достоинства,

«кромѣ воинскаго, и все остальное не ставятъ ни во «что, такъ что не только они не уважаютъ ученыхъ, «но гнушаются ими и считаютъ всѣхъ ученыхъ самыми «ничтожными изъ людей; по мнѣнію ихъ, назвать кого-«нибудь *клеркомъ*—значитъ нанесть ему самое большее «оскорбленіе.»

Короче, во всей Европѣ, феодальное правленіе сохраняется еще въ полной силѣ, и люди, какъ хищныя и сильныя животныя, только и дѣлаютъ, что пьютъ, ѣдятъ, дерутся и доставляютъ упражненія членамъ своего тѣла. Напротивъ, Италія—страна почти новой цивилизаціи. Подъ верховной властью Медичи, во Флоренціи возстановляется миръ; буржуазія управляетъ и управляется спокойно; подобно своимъ повелителямъ Медичи, они работаютъ въ фабрикахъ, занимаются торговлей и банковыми операціями и зарабатываютъ деньги, чтобы расходовать ихъ, какъ подобаетъ умнымъ людямъ. Заботы о войнѣ не тревожатъ ихъ ужъ болѣе, какъ прежде, не врываются въ мирное теченіе ихъ жизни въ качествѣ кровавой и трагической катастрофы. Они вели ее наемными руками кондотьеровъ, а тѣ, какъ разумные коммерческіе люди, не замедлили низвести ее до степени «кавалькадъ,» если они и убиваютъ другъ друга, то по неосторожности; приводятъ нѣкоторыя сраженія, гдѣ на площади выставляется три солдата, иногда даже одинъ. Дипломатія замѣняетъ собою силу.» Итальянскіе государи, говоритъ Маккіавели, полагаютъ, что достоинство принца состоитъ въ умѣніи подмѣтить въ сочиненіяхъ какой нибудь остроумный отвѣтъ, составить какое-нибудь литературное произведеніе, обнаружить въ своихъ словахъ живость и утонченность, сплести какую-нибудь интрижку, украсить себя драгоцѣнными камнями и золотомъ, спать и ѣсть съ большимъ величіемъ, чѣмъ остальные люди, и окружать себя разнаго рода распутствомъ.» Они дѣлаются знатоками, учеными, любителями ученыхъ бесѣдъ. Впервые послѣ паденія древней цивилизаціи, мы встрѣчаемъ общество, дающее первое мѣсто умственнымъ развлеченіямъ. Замѣ-

чательными людьми этого времени были гуманисты, страстные поклонники возрожденія греческой и римской литературы: Поджіо, Филельфо, Марсиліусъ Фицинусъ, Пикъ-де-Мирандоль, Калкондиль, Ермолао Барбаро, Лаврентій Валла, Полициціанъ. Они раскапываютъ въ Европѣ библіотеки, чтобы открыть и издать манускрипты; они не только разбираютъ и изучаютъ эти рукописи, но вдохновляются ими, сами умомъ и сердцемъ становятся древними греками и римлянами, пишутъ по-латыни почти съ такой-же чистотой, какъ современники Цицерона и Виргилія. Стиль вдругъ становится изысканнымъ, а умъ—зрѣлымъ. Когда отъ тяжелыхъ гекзаметровъ и высокопарныхъ посланій Петрарки мы перейдемъ къ изящнымъ двустишіямъ Полициціана или къ краснорѣчивой прозѣ Валла—мы почувствуемъ почти физическое наслажденіе. Пальцы и ухо невольно скандируютъ легкое движеніе поэтическихъ дактилей и широкое развитіе ораторскихъ періодовъ. Сдѣлавшись яснымъ, языкъ, въ тоже время, сдѣлался благороденъ, а эрудиція, изъ монастырскихъ стѣнъ перейдя во дворцы, перестала быть какой-то машиной словопреній, измѣнившись въ орудіе удовольствія.

Въ самомъ дѣлѣ, ученые эти не составляютъ уже маленькаго, неизвѣстнаго класса, замкнутаго въ библіотекахъ, удаленнаго отъ общественнаго вниманія. Напротивъ, названіе гуманиста въ состояніи, въ это время, вызвать къ человѣку вниманіе и благотворное покровительство принцевъ. Герцогъ Лудовикъ Сфорца въ Миланѣ призываетъ къ своему университету Мерулу и Деметрія Калкондиля и избираетъ себѣ министромъ ученаго Чекко Симонетта. Леонардъ Аретино, Поджіо, Макіавели поочередно были секретарями флорентинской республики. Антоніо Беккаделли былъ секретаремъ неаполитанскаго короля. Папа Николай V былъ самымъ великимъ покровителемъ итальянскихъ ученыхъ. Одинъ изъ нихъ посылаетъ неаполитанскому королю старинный манускриптъ, и король этотъ благодаритъ его за подарокъ, какъ за величайшую почесть. Козьма Медичи основалъ

философскую академію, а Лаврентій возобновилъ платоническіе пиры. Его другъ Ландино сочиняетъ діалоги, въ которыхъ дѣйствующія лица, отправившись на прогулку въ монастырь камальдулянъ, спорятъ въ теченіе нѣсколькихъ дней о томъ, какая жизнь выше: дѣйствительная или созерцательная. Петръ, сынъ Лаврентія, учреждаетъ въ Санта-Марія-дель-Фіоре диспуты о истинной дружбѣ и въ награду побѣдителю назначаетъ серебряную корону. Владѣтельныя особы и богатые люди окружаютъ себя философами, художниками и учеными; здѣсь вы встрѣтите имена: Пикъ-де-Мирандоль, Марсиліусъ Фицинусъ, Полиціанъ, Леонардо да-Винчи, Мерула, Помпоній Лётусъ; собираютъ они ихъ для того, чтобы бесѣдовать съ ними въ залѣ, украшенной драгоцѣнными изваяніями, передъ старинными манускриптами, которые начертала древняя мудрость, языкомъ изысканнымъ и изукрашеннымъ, безъ этикета и чинопочитаній, съ тѣмъ ободряющимъ и великодушнымъ любопытствомъ, которое, расширяя и украшая науку, преобразуетъ замкнутость схоластическихъ преній въ широкое празднество мыслящихъ умовъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что народный языкъ, почти совершенно оставленный со временъ Петрарки, составляетъ, съ своей стороны, новую литературу. Лаврентій Медичи, главный капиталистъ и первое лицо въ городѣ, является и первымъ изъ новыхъ итальянскихъ поэтовъ. Рядомъ съ нимъ, Пульчи, Боярдо, Берни, нѣсколько позднѣе Бембо, Макіавели, Аріосто, представляютъ опредѣленные образцы законченнаго стиля, торжественной поэзіи, шаловливой фантазіи, тонкаго веселья, язвительной сатиры и глубокой мысли. Ниже ихъ—множество разсказчиковъ, забавниковъ и гулякъ: Мольца, Бибіена, потомъ Аретино, Франко, Банделло, стараются заслужить благоволеніе принцевъ и привлечь общественное вниманіе своимъ шутовствомъ, выдумками и остротами. Сонетъ—орудіе похвалы или сатиры, ходящее по всѣмъ рукамъ. Художники взаимно обмѣниваются имъ; Челлини разсказываетъ,

что, когда появился его *Персей*, въ тотъ же день оказалось до двадцати стихотвореній, написанныхъ по этому поводу. Въ то время, не обходилось ни полнаго праздника, ни хорошаго обѣда, безъ участія поэзіи; однажды папа Левъ X далъ 500 червонцевъ поэту Тебалдео за эпиграмму, которая ему понравилась. Въ Римѣ, другой поэтъ, Бернардо Аккольти, до того былъ любимъ всѣми, что, когда у него было назначаемо общественное чтеніе, всѣ лавки затворялись, и все стекалось слушать его; онъ читалъ въ большой залѣ, при свѣтѣ факеловъ; тутъже присутствовали прелаты, окруженные стражею изъ швейцарцевъ, его называли *единственнымъ*. Чрезвычайно искусные стихи его блистали тонкими concetti и различными литературными прикрасами, въ родѣ тѣхъ фіоритуръ, которыми итальянскіе пѣвцы испещряютъ свои самыя трагическія пѣсни—все это было такъ близко понятіямъ публики, что дружные аплодисменты раздавались со всѣхъ сторонъ.

И такъ, вотъ умственная культура, нѣжная и всеобщая, новая въ Италіи и появляющаяся въ этой странѣ въ одно время съ новымъ искусствомъ. Я бы хотѣлъ поближе познакомить васъ съ нею, но не въ общихъ словахъ, а раскрывъ предъ вами полную ея картину: обстоятельный примѣръ одинъ можетъ дать точное понятіе объ извѣстномъ явленіи. Есть книга, относящаяся къ этому времени и заключающая въ себѣ полное изображеніе синьора и дамы, т. е. двухъ лицъ, которыхъ современники могли считать для себя образцами; вокругъ этихъ идеальныхъ лицъ, на различномъ разстояніи, вращаются дѣйствительныя лица; предъ вашими глазами—салонъ 1500 года, съ его посѣтителями, его разговорами, украшеніемъ, танцами, музыкой, остротами, преніями,—салонъ, по-истинѣ, болѣе скромный, болѣе рыцарскій и болѣе умный, чѣмъ салоны Рима и Флоренціи; къ тому-же, салонъ этотъ изображенъ вѣрно и оказывается какъ нельзя болѣе кстати для насъ, чтобы въ облагороженныхъ привычкахъ его указать вамъ самую свѣтлую и самую

благородную группу образованныхъ и высшихъ лицъ. Чтобы увидѣть этотъ салонъ, достаточно пробѣжать Il Cortegiano графа Бальтара де-Кастильоне.

Графъ Кастильоне находился на службѣ у Гвидо Убальдо, герцога Урбино, потомъ у наслѣдника его Франческо-Марія-делла-Ровере, и написалъ эту книгу въ воспоминаніе тѣхъ бесѣдъ, которыя онъ слышалъ у своего перваго господина. Такъ какъ герцогъ Гвидо былъ слабъ и весь разбитъ ревматизмомъ, то каждый вечеръ небольшой кругъ придворныхъ собирался у его супруги герцогини Елисаветы, женщины добродѣтельной и очень умной. Вокругъ нея и ея ближайшаго друга госпожи Эмиліи Піа, стекались разнаго рода порядочные люди, пріѣзжавшіе со всѣхъ сторонъ Италіи: самъ Кастильоне, Бернардо Аккольти д'Ареццо знаменитый поэтъ, Бембо, сдѣлавшійся впослѣдствіи секретаремъ папы и кардинала, синьоръ Оттавіано Фрегозо, Юліанъ Медичи и многіе другіе; папа Юлій II останавливался тамъ на нѣсколько времени въ одно изъ своихъ путешествій. Мѣсто и обстановка бесѣды были достойны такихъ лицъ. Они собирались въ великолѣпномъ дворцѣ, построенномъ отцомъ герцога; зданіе это, «по отзыву многихъ,» было самое прекрасное въ Италіи. Комнаты были великолѣпно украшены серебряными вазами, золотыми и шелковыми обоями, античными статуями и бюстами изъ мрамора и бронзы, картинами Піетро делла-Франческа и Джіованни Санти, отца Рафаэля. Со всей Европы тамъ собрано было множество латинскихъ, греческихъ и еврейскихъ книгъ, покрытыхъ, изъ уваженія къ ихъ содержанію, золотыми и серебряными украшеніями. Дворъ былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ въ Италіи. Праздники, танцы, единоборства, турниры и диспуты продолжались безпрерывно. «Пріятные разговоры и благородныя развлеченія этого дома, говоритъ Кастильоне, дѣлали изъ него истинный пріютъ веселья.» Обыкновенно, поужинавъ и натанцовавшись, гости забавлялись разнаго рода шарадами; развлеченія эти смѣнялись дружеской бесѣдой, серьезной и,

вмѣстѣ, веселой, въ которой принимала участіе герцогиня. Все велось безъ излишней церемоніи; мѣста занимались гдѣ кому угодно; всякій усаживался возлѣ дамы, и начиналась бесѣда, покойная, пріятная, не стѣсненная никакими формальностями; изобрѣтательность и оригинальность не проходили незамѣченными. На одномъ вечерѣ, Бернардо Аккольти, приглашая даму, импровизируетъ премилый сонетъ въ честь герцогини; потомъ герцогиня приглашаетъ госпожу Маргариту и госпожу Констанца Фрегоза начать танцы; обѣ дамы берутся за руки, любимый музыкантъ Барлетта, настроивъ свой инструментъ, начинаетъ играть, и онѣ танцуютъ, подъ звуки музыки сперва медленно, а потомъ нѣсколько живѣе. Проводя въ интересныхъ разговорахъ каждую ночь напролетъ, къ концу четвертыхъ сутокъ, они замѣтили появленіе разсвѣта.

«Со стороны дворца, обращенной къ вершинѣ горы «Катари, были открыты всѣ окна, и они увидѣли, что «на востокѣ уже показывается прелестная аврора цвѣта «розъ. Всѣ звѣзды уже исчезли, кромѣ нѣжной пред«вѣстницы Венеры, которая занимаетъ грань между днемъ «и ночью; отъ нея, казалось, исходило какое-то сладо«стное вѣяніе, своею рѣзкою свѣжестью наполнявщее «небо, а въ глуби шепчущихъ лѣсовъ, раскинутыхъ по «обоимъ берегамъ, начинавшее пробуждать сладостный «концертъ прелестныхъ птичекъ.»

По этому отрывку вы можете уже судить, какъ пріятенъ, изященъ, даже цвѣтистъ этотъ стиль; Бембо, одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ разсказѣ—самый образцовый, самый бóльшій приверженецъ Цицерона и самый благозвучный изъ итальянскихъ прозаиковъ. Общій тонъ бесѣдъ таковъ-же. Тамъ вы найдете множество выраженій вѣжливости, комплименты дамамъ за ихъ красоту, грацію, добродѣтель, комплименты синьорамъ за ихъ храбрость, умъ, знанія. Всѣ уважаютъ и стараются взаимно угождать другъ другу—что составляетъ главное условіе свѣт-

скаго общежитія и самую утонченную прелесть хорошаго общества. Но вѣжливость не исключаетъ собою веселья. Въ качествѣ нѣкотораго рода приправы къ серьезному тону общества, вы встрѣтите тамъ подчасъ легкія ссоры и оживленные споры, да тутъ-же и ловкія, остроумныя изрѣченія, шутки, анекдоты, небольшіе веселые и живые разсказы. Общество бесѣдуетъ о томъ, что̀ такое истинная вѣжливость, и одна дама разсказываетъ, въ видѣ контраста, про недавно бывшаго у нея съ визитомъ какого-то старосвѣтскаго кавалера, человѣка военнаго и нѣсколько огрубѣвшаго подъ вліяніемъ такой жизни; разсказывая, сколько онъ убилъ непріятелей, онъ довелъ наглядность изложенія до того, что захотѣлъ непремѣнно показать ей, какъ именно колятъ и рубятъ шпагой. Улыбаясь, она прибавляетъ, что такое подробное объясненіе нѣсколько тревожило ее, и она съ безпокойствомъ поглядывала на дверь, боясь каждую минуту, чтобы онъ не убилъ ея. Подобныя черты поминутно поддерживаютъ общую серьезность бесѣды. Чисто научное содержаніе, равнымъ образомъ, не рѣдко входитъ въ составъ ихъ. Вы видите, что мужчины хорошо знакомы съ греческой и латинской литературой, знаютъ исторію, многое читали изъ философіи и даже изъ различныхъ философскихъ школъ. Дамы вмѣшиваются въ разговоръ, заявляютъ отчасти неудовольствіе и приглашаютъ обратиться къ болѣе доступнымъ предметамъ; онѣ не слишкомъ долюбливаютъ появленіе въ разговорѣ Аристотеля, Платона и ихъ скучныхъ коментаторовъ, разсужденіе о теоріяхъ тепла и холода, о формѣ и субстанціи. Собесѣдники тотчасъ-же возвращаются къ текущимъ вопросамъ свѣтскаго разговора и пріятными и вѣжливыми разсказами заставляютъ извинить свои книжныя и метафизическія выходки. Прибавьте ко всему этому, что какъ бы ни было увлекательно содержаніе разговора и какъ бы ни былъ оживленъ споръ, они всегда говорятъ изящно и прекрасно. Они очень осторожны въ выборѣ словъ, разсуждаютъ о качествахъ выраженій; они пуристы, подобно изящнымъ ораторамъ отѣля Рамбулье, современни-

камъ Vaugelas и основателямъ французской классической литературы. Но ихъ умственный кругозоръ болѣе ограниченъ, и языкъ ихъ болѣе музыкаленъ. Богатствомъ своихъ кадансовъ и звучныхъ окончаній итальянскій языкъ придаетъ красоту и гармонію самымъ обыкновеннымъ вещамъ и окаймляетъ благороднымъ и плѣнительнымъ украшеніемъ предметы, которые сами по себѣ уже прекрасны. Описываютъ-ли, напр., грустныя впечатлѣнія, производимыя старостью, стиль ихъ, какъ небо Италіи, проливаетъ позолачивающій свѣтъ даже на развалины, и мрачное зрѣлище превращаетъ въ прекрасную картину:

«Въ это время, увядаютъ и опадаютъ въ нашемъ «сердцѣ сладкіе цвѣты радости, какъ осенью древесные «листья. Вмѣсто свѣтлыхъ и ясныхъ мыслей, подобно «мрачной тучѣ, является печаль, сопровождаемая тысяча«ми бѣдствій, такъ что не только тѣло, но и умъ изны«ваетъ въ болѣзни, и отъ всѣхъ прошлыхъ радостей «сохраняетъ лишь упорное воспоминаніе и образъ того «драгоцѣннаго времени, того нѣжнаго возраста, въ ко«торомъ (если мы вернемся къ нему мысленно), каза«лось, небо, земля и все окружавшее насъ носило ка«кой-то праздничный видъ и улыбалось въ нашихъ гла«захъ, а въ душѣ нашей, какъ въ чудномъ, прелестномъ «саду, распускалась и цвѣла упоительная весна веселья. «Вотъ почему, когда хладная пора нашихъ дней скло«няется къ своему закату, было-бы хорошо, быть мо«жетъ, утерять, вмѣстѣ съ нею, и память, найти ис«кусство, которое научило бы насъ забвенію.»

Предметъ разговора не обезображиваетъ самого разговора. Каждый, по просьбѣ герцогини, начинаетъ объяснять нѣкоторыя изъ качествъ, необходимыхъ кавалеру или дамѣ для полнаго совершенства; собесѣдники стараются опредѣлить, какое именно воспитаніе можетъ лучше всего содѣйствовать образованію души и тѣла не только по отношенію къ обязанностямъ человѣка, какъ гражданина и члена общества, но и относительно развлеченій свѣт-

ской жизни. Посмотрите-ка, что требовалось тогда отъ человѣка хорошо воспитаннаго—какая утонченность, какой тактъ, какое разнообразіе знаній! Мы считаемъ себя вполнѣ цивилизованными, и однакожъ, послѣ трехъ сотъ лѣтъ воспитанія и культуры, многое для насъ тутъ могло бы послужить еще примѣромъ и наставленіемъ.

«Я хочу, чтобы нашъ придворный былъ болѣе чѣмъ «посредственно знакомъ съ произведеніями литературъ, «по крайней мѣрѣ, съ тѣми изъ нихъ, которыя назы«ваются художественными, и чтобы онъ зналъ не только «латинскій языкъ, но еще и греческій, ради множества «и разнообразія божественныхъ твореній, имѣющихся на «этомъ языкѣ.....; чтобы онъ хорошо зналъ поэтовъ, а «равно ораторовъ и историковъ и, что важнѣе всего, «умѣлъ-бы самъ отлично писать стихами и прозой, глав«нымъ образомъ, на нашемъ простомъ языкѣ; ибо, кро«мѣ удовольствія, какое онъ найдетъ въ этомъ для себя «самого, у него не будетъ никогда недостатка въ пріят«ныхъ выраженіяхъ съ дамами, которыя обыкновенно «любятъ такого рода вещи.»

«Я не буду доволенъ нашимъ кавалеромъ еще, если «онъ не музыкантъ и если, кромѣ умѣлаго и привычнаго «чтенія книгъ, онъ не умѣетъ играть на различныхъ «инструментахъ..... Ибо, кромѣ развлеченія и сглажи«ванія заботъ, какое музыка доставляетъ каждому, она «часто служитъ забавою дамамъ, которыхъ нѣжныя серд«ца легко воспринимаютъ гармонію звуковъ и напол«няются сладостнымъ чувствомъ.» Здѣсь не требуется быть виртуозомъ или обнаружить какое-нибудь исключительное дарованіе. Таланты дѣлаются лишь для свѣта; ихъ нельзя пріобрѣсть педантствомъ, а изъ любезности они предлагаются такими, какіе есть; не должно обнаруживать ихъ съ цѣлью заслужить восторгъ зрителей, но чтобы доставить имъ только удовольствіе. Вотъ почему не слѣдуетъ чуждаться ни одного изъ пріятныхъ искусствъ.

«Есть еще одна вещь, которой я придаю великое «значеніе, и нашъ кавалеръ отнюдь не долженъ оставлять этого безъ вниманія—я говорю объ умѣніи рисо«вать и знаніи живописи.» Живопись есть одно изъ украшеній высшей и цивилизованной жизни, и потому образованный умъ долженъ высоко цѣнить ее, какъ высоко цѣнитъ онъ все изящное. Но въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, не должно быть крайностей. Истинный талантъ, искусство, которому подчиняются всѣ другія— есть тактъ, «извѣстная осторожность, оцѣнка, вѣрный «выборъ, знаніе излишка и недостатка, того, что преу«величиваетъ или чрезмѣрно уменьшаетъ вещи, умѣнье «избрать предметъ во время и кстати. Напримѣръ, хотя «бы нашъ кавалеръ и зналъ, что приписываемыя ему «похвалы справедливы, не слѣдуетъ открыто признавать «этого.....; но скорѣе со скромностью уклоняться отъ нихъ, «указывая постоянно и дѣйствительно считая главнымъ за«нятіемъ своимъ искусство владѣть оружіемъ, и прини«мая другіе таланты лишь какъ украшеніе къ нему. «Когда онъ танцуетъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ «и въ мѣстѣ, наполненномъ зрителями, мнѣ кажется, что «онъ долженъ сохранять извѣстнаго рода достоинство, «умѣряемое, однакоже, непринужденной пріятностью и «граціозностью движеній. Если онъ берется за музыку, «пусть это будетъ для времяпровожденія и какъ-бы не«хотя......, и хотя онъ господинъ своихъ поступковъ и «знаетъ, что дѣлаетъ, мнѣ бы желательно было, чтобы «онъ сперва поучился и потрудился, такъ какъ для пол«наго знанія эти вещи необходимы въ каждомъ дѣлѣ. «Дѣлая все очень хорошо, пусть онъ показываетъ, что «не придаетъ особеннаго значенія своей дѣятельности, «такъ, однакоже, чтобы всѣ относились съ полнымъ ува«женіемъ къ ней.» Ему не слѣдуетъ приписывать себѣ ловкости, которая свойственна лишь людямъ, сдѣлавшимъ изъ этого занятія свое ремесло. Онъ долженъ снискать уваженіе другихъ и самому уважая себя, не забываться, однакоже, а умѣть сдерживать себя, владѣть собою. Лицо его должно быть покойно, какъ у испанца. Онъ

долженъ быть чистъ и опрятенъ съ своей одеждой, вкусъ его, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, долженъ быть мужской, а не женскій, онъ долженъ предпочитать черный цвѣтъ, какъ признакъ болѣе покойнаго и болѣе положительнаго характера. Равнымъ образомъ, онъ не долженъ допускать себя, до увлеченій въ веселости-ли, или въ какомъ-нибудь порывѣ гнѣва, или эгоизма. Ему слѣдуетъ избѣгать разнаго рода грубыхъ выходокъ, рѣзкихъ выраженій, словъ, которыя могутъ заставить покраснѣть дамъ. Онъ долженъ быть вѣжливъ и преисполненъ уступчивости и учтивости къ другимъ. Желательно, чтобы онъ умѣлъ при случаѣ и пошутить, разсказать какую-нибудь забавную исторію, но не выходя изъ границъ скромности. Лучшее правило, какое можно ему дать, состоитъ въ томъ, чтобы онъ всегда управлялъ своими поступками, имѣя въ виду понравиться благовоспитанной дамѣ. Вслѣдствіе такого ловкаго перехода, изображеніе кавалера приближается къ изображенію дамы, и тонкія черты, употребленныя въ первой обрисовкѣ, становятся еще нѣжнѣе во второй картинѣ.

«Такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ двора, какъ бы ни былъ «онъ великъ, который могъ-бы отличаться весельемъ, «блескомъ или красотой безъ женщинъ, и такъ какъ «нѣтъ кавалера, который могъ-бы обладать граціей, «пріятностью, отвагой и сдѣлать какой-нибудь блестящій «подвигъ, равно какъ и нѣтъ кавалера, который могъ-бы «сдѣлаться таковымъ, не посѣщая дамъ и не пользуясь ихъ «любовью и благосклонностью,—то наше изображе«ніе кавалера осталось бы далеко неполнымъ безъ вмѣ«шательства дамъ, которыя сообщаютъ ему частицу той «граціи, при помощи которой они украшаютъ и довер«шаютъ придворную жизнь.

«Я говорю, что дама, живущая при дворѣ, прежде «всего должна обладать извѣстнаго рода привѣтливой лю«безностью, при помощи которой она умѣетъ съ такою «граціей бесѣдовать съ каждымъ въ выраженіяхъ, пріят-

«ныхъ, приличныхъ и соотвѣтствующихъ времени, мѣсту «и достоинствамъ лица, съ которымъ она говоритъ. Лег«кія увлеченія ея въ разговорѣ должны быть покойны «и скромны, въ ней должно быть присутствіе извѣстнаго «такта, которымъ ей слѣдуетъ соразмѣрять всѣ свои по«ступки; извѣстнаго рода живость ума, удаляющая отъ «нея столь непріятную тяжеловатость и сухость рѣчей, «должна составлять тоже одну изъ непремѣнныхъ ея при«надлежностей; ко всему этому она должна присоединить «доброту, заставляющую уважать ее не только, какъ жен«щину благоразумную, скромную и кроткую, но и какъ «женщину любезную, разсудительную и тонкую. Поэтому «она должна держаться весьма затруднительной середины, «составленной какъ-бы изъ противорѣчій, и доходить «только до извѣстныхъ предѣловъ, не позволяя себѣ, ни «подъ какимъ видомъ, переступать ихъ.

«И такъ, для того, чтобы заслужить названіе чест«ной и добродѣтельной женщины, дама эта не должна «быть черезчуръ недоступной и совсѣмъ ужь чуждаться «общества и выраженій даже нѣсколько свободныхъ, убѣ«гая отъ нихъ всякій разъ, когда ей случится встрѣ«титься съ ними—не то могутъ, пожалуй, подумать, что «она притворяется лишь такой строгой, чтобы скрыть въ «себѣ коё-что, что могли бы провѣдать о ней другіе; «къ тому же, дикія выходки вообще противны.—Тѣмъ «болѣе не должна она, чтобы выказать себя свободной и «любезной, произносить неприличныя слова и пускаться «въ извѣстнаго рода невоздержанную и безпорядочную фа«мильярность—иначе она заставитъ подумать о себѣ то, «чего нѣтъ, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ.—Случайно «попавъ въ общество, гдѣ позволяютъ себѣ при ней не«скромныя рѣчи, она должна выслушивать ихъ съ стыд«ливостью и краскою въ лицѣ.» Если это ловкая женщина, она можетъ обратить разговоръ къ предметамъ болѣе приличнымъ и благороднымъ. Ибо образованіе ея стоитъ не многимъ ниже образованія мужчинъ. Она должна также знать литературу, музыку, живопись, хорошо

танцовать, разговаривать съ пріятностью.—Дамы, присутствующія при разговорѣ, къ общимъ правиламъ присоединяютъ и личный примѣръ; ихъ прекрасный вкусъ и умъ обнаруживаются тутъ, на сколько это окажется нужнымъ; они апплодируютъ Бембо и его благороднымъ платоническимъ теоріямъ о всеобъемлющей и чистой любви. Вы встрѣтите, въ то время, въ Италіи женщинъ, у которыхъ, подобно Викторіи Колонна, Вероникѣ Гамбара, Костанцѣ Амальфи, Тулліи Арагонской, герцогинѣ Феррарской, высокіе таланты соединяются съ высокимъ образованіемъ, Если теперь вы припомните себѣ портреты того времени, находящіеся въ Луврѣ—блѣдныхъ и задумчивыхъ венеціанцевъ, одѣтыхъ въ черное, столь пламеннаго и столь неподвижнаго *Молодаго человѣка* работы Франчіа,—нѣжную *Іоанну Неаполитанскую* съ лебединой шеей,—*Молодаго человѣка* кисти Бронзино, всѣ эти разумныя и спокойныя лица, всѣ эти богатыя и строгія одѣянія—вы въ состояніи будете, быть можетъ, составить себѣ понятіе объ изысканной утонченности, богатыхъ дарованіяхъ и превосходной культурѣ общества, которое, тремя столѣтіями раньше насъ, обнаружило извѣстную пытливость ума, понимало красоту и знало правила свѣтской жизни столько же, а, можетъ быть, и болѣе насъ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1.) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ, по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл. Поэзіи, Исторіи Литературы; — будутъ помѣщаться даже цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія; — разныя методы и программы; — указанія на разнорѣчія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч. — словомъ, это будетъ обмѣнъ мыслей между преподавателями.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библіографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, меткостей, силы выраженія и красотъ языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библіографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,— (народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ съ краткими указаніями относительнаго достоинства ихъ, и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографія, сравнительной миѳологіи и народной психологіи.

Дозволено Цензурой. Москва. 9 Декабря 18[illegible]

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ
ЗАПИСКИ,

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ, И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. ХОВАНСКИМЪ.

1869.

ГОДЪ ОСЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ VI.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. А Гольдштейна.

Содержание VI выпуска.

ОБЪ ИЗДАНІИ
„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"
ВЪ 1870 ГОДУ.
(Годъ девятый.)

Восемь лѣтъ наше изданіе, по мѣрѣ силъ, возможности и средствъ, выполняло программу, извѣстную нашимъ читателямъ. Оставаясь вѣрными этой программѣ и на будущее время, какъ обнимающей главныя задачи всѣхъ, такъ называемыхъ, словесныхъ наукъ, составляющихъ полный курсъ филологическаго образованія, мы, однакожъ, руководясь указаніями опыта и требованіями времени, постараемся обратить особенное вниманіе на теорію и практику преподаванія языка, словесности и исторіи литературы. Что въ этомъ представляется неотложная надобность, доказываетъ и критика являющихся учебниковъ, рувоводствъ и пособій по этимъ предметамъ, и указанія самихъ преподавателей этихъ предметовъ. Неудовлетворительность сочиненій по этимъ предметамъ, неопредѣленность методовъ, колебаніе во взглядахъ, и, какъ слѣдствіе неустановившихся понятій, даже голословное отрицаніе теоріи и безъосновательный произволъ въ практитѣ, требуютъ всесторонняго обсужденія этихъ вопросовъ. Поэтому мы по возможности будемъ стараться (и просимъ содѣйствія нашихъ сотрудниковъ и всѣхъ любителей наукъ словесныхъ) представлять какъ можно болѣе—*программъ*, *лек-*

цій, или отрывковъ изъ нихъ по языку, словесности и исторіи литературы, мнѣній и сужденій объ улучшеніи преподаванія этихъ предметовъ, критическихъ разборовъ какъ прежнихъ, находящихся понынѣ и вновь появляющихся, руководствъ, учебниковъ и пособій по этимъ предметамъ. Мы не будемъ держаться какого либо опредѣленнаго направленія, дорожа наиболѣе практическими указаніями примѣнимости или непримѣнимости различныхъ методовъ преподаванія и употребленія руководствъ. Поэтому мы будемъ печатать доставляемыя намъ такого рода статьи, не стѣсняясь различіемъ сужденій и соображеній, будучи твердо убѣждены, что изъ столкновенія идей раждается истина; но мы не лишаемъ себя права и не отказываемся подавать при этомъ и свой голосъ. Съ тою же цѣлью, которую имѣемъ въ виду, мы желали бы также расширить и упрочить въ нашемъ изданіи *библіографическій отдѣлъ критическимъ обзоромъ книгъ и статей по языку, словесности и исторіи литературы,* надѣясь оказать этимъ существенную услугу преподавателямъ этихъ предметовъ. Наконецъ мы будемъ представлять *образцы разборовъ лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей,* не только съ стилистической, но и съ эстетической и исторической точекъ зрѣнія. Конечно, достигнуть всего этого исключительно трудами одной редакціи невозможно, но мы разсчитываемъ на сочувствіе спеціалистовъ и заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ.

Въ 1870 году, вслѣдъ за окончаніемъ Лекцій Макса Мюллера, «Наука о Языкѣ» будетъ начатъ переводъ соч. Пикте, «Предки Индо-Европейцевъ, или первобытные Арійи. Опытъ лингвистической палеонтологіи.» Пе-

реводъ соч. Гейзе «Система Языкознанія» часть 2-я Изъ оригинальныхъ трудовъ намъ обѣщаны -диссертація по Сравнительной грамматикѣ, гдѣ въ особенности обращено вниманіе на интересы Русской Грамматики; также, «О преподаваніи отечественнаго языка. Очеркъ исторіи языкознанія въ связи съ исторіей обученія этому предмету,» - съ приложеніемъ библіографическаго указателя важнѣйшихъ сочиненій по языкознанію на Русскомъ и иностранномъ языкахъ, съ критическимъ краткимъ обзоромъ. Трудъ этотъ будетъ обнимать -- исторію языкознанія и обученія отечественному языку въ Индіи, Греціи, Римѣ и въ Средніе вѣка - исторію языкознанія съ 16 ст. до открытія Санскрита, очеркъ обученія отечественному языку въ этомъ періодѣ; —очеркъ исторіи новѣйшаго языкознанія и изложеніе новѣйшихъ педагогическихъ теорій по этому предмету; - исторію языкознанія и обученія отечественному языку въ Россіи,--въ заключеніе резюмированіе всего труда. Также будетъ помѣщенъ «Очеркъ малороссійской литературы,» - «Замѣтки о Малорусскомъ нарѣчіи» и пр. и пр. Для Славянскаго отдѣла мы имѣемъ довольно матеріаловъ.

Филологическія Записки издаются въ ВОРОНЕЖѢ; выходятъ безсрочными выпусками: *шесть* выпусковъ въ годъ.

Подписка принимается преимущественно въ Редакціи.

Подписная цѣна *шесть* рубл. въ годъ съ пересылкою.

Издатель и Редакторъ Хованскій.

ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ
О
ПОЭЗІИ. (*)

I.

Въ жизни каждаго изъ насъ бываютъ иногда исключительныя минуты, когда душа, глубоко пораженная впечатлѣніями, выходящими изъ нашей обыкновенной сферы, порой витаетъ въ иномъ, лучшемъ мірѣ: это, если можно такъ выразиться, *поэтическій инстинктъ*—слѣдствіе общей каждому изъ насъ духовной нашей природы, пробивающейся, болѣе или менѣе, изъ грубой коры вещественности. Въ нѣкоторыхъ же, болѣе развитыхъ натурахъ, это поэтическое чутье возвышается до нѣкотораго особеннаго ясновидѣнія, когда всѣ предметы, представляющіеся душѣ извнѣ, или внутри ея возникающіе, являются съ такою ощутительностію, что она не только сознаетъ ихъ дѣйствительность, но бываетъ какъ бы проникнута ими: это уже *чувство поэзіи*. Сюда же принадлежатъ: *поэтическій взглядъ на природу*, или, какъ говорится, «поэзія природы,» которая есть не что иное, какъ отраженіе природы въ душѣ человѣка, поэтически настроеннаго, тогда какъ таже сторона природы промелькнетъ незамѣтно для лишенныхъ или чуждыхъ такого настрое-

(*) Согласно программѣ нашего изданія, въ которое входятъ пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по языку, словесности, поэзіи и исторіи литературы, мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ предлагаемую статью, подъ скромнымъ заглавіемъ «Общія понятія о поэзіи»—какое угодно было дать автору и представить ее—въ видѣ программы или конспекта теоріи поэзіи. Что бы ни говорили современные прогрессисты противъ теоріи поэзіи, польза и необходимость ея доказывается и оправдывается ея же исторіей. Представляя подобнаго рода очерки и своеобразныя воззрѣнія на тотъ или другой родъ словесныхъ произведеній, мы полагаемъ, что этимъ будемъ заготовлять матеріалъ, изъ котораго бы можно было сдѣлать выборъ и сопоставить одинъ взглядъ другому или пополнять одно другимъ.

Ред.

1

нія; а также *поэтическая личность*, въ которой преизбытокъ нравственныхъ идеальныхъ качествъ надъ реальными вноситъ въ жизнь элементъ, называемый «поэзіей жизни.» Но это еще не сама поэзія, составляющая удѣлъ избранныхъ, предрасположенныхъ къ тому особливою организацiей, въ высшей степени воспріимчивою, и вмѣстѣ съ тѣмъ одаренныхъ способностію воспроизведенія своихъ впечатлѣній и ощущеній. Въ этомъ отношеніи *поэзія* собственно есть не только благороднѣйшая потребность, но и высшая *дѣятельность* (*) духовной природы человѣка. Сила, производящая эту дѣятельность, — поэтическое *вдохновеніе*, источникъ всякаго творчества; а плоды этой дѣятельности — художественныя произведенія *искусства*, которыя вмѣстѣ и произведенія поэтическія, потому что безъ творчеста нѣтъ поэзіи, а безъ поэзіи не можетъ быть художественности. Существенное же свойство этой дѣятельности состоитъ въ томъ, что она, воспроизводя въ воображеніи изящные образы, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ имъ и изящную форму: *гармонія идеи съ формой* — непремѣнное условіе всякаго поэтически-художественнаго произведенія. Какимъ образомъ въ поэтическомъ произведеніи каждая изящная идея получаетъ соотвѣтственную ей художественную форму, и какимъ образомъ изъ этого гармоническаго союза образуется стройное поэтически-художественное цѣлое? — это тайна *генія*, разрѣшающаяся въ минуту творчества дѣйствительнымъ осуществленіемъ: различною степенью этой творческой дѣятельности условливается различное достоинство художественнаго осуществленія, низшая степень котораго обнаруживается въ *талантѣ*. Не постигая, впрочемъ, въ процессѣ творчества тайны соединенія идеи съ формой, мы видимъ, что всѣ разнообразныя формы искусства не суть случайныя послѣдствія безотчетнаго произвола, а

(*) Ποιέω — дѣлаю, творю; ποίημα — дѣло, твореніе, поэма; ποίησις — дѣйствіе, творчество, поэзія; ποιητής — творецъ, художникъ, поэтъ.

неизбѣжно проистекли изъ непосредственной сущности поэтическихъ идей, ими выражаемыхъ, съ которыми вмѣстѣ и зараждаются онѣ въ душѣ творца—художника и и оттого между собою гармонируютъ: этимъ объясняется происхожденіе и значеніе творческой *оригинальности*, образующей поэтическія *характеристики*, художественныя *школы*. На сколько же вѣчный общечеловѣческій элементъ уступаетъ частному элементу извѣстнаго времени и извѣстной мѣстности, являются *различія* и *особенности*, характеризующія литературу и искусства разныхъ *народовъ* въ разныя *эпохи*.

II.

Отношеніе идеи къ формѣ столь важно въ изящныхъ искусствахъ, что самое различіе ихъ между собою проистекаетъ отъ различныхъ способовъ ихъ проявленія. Эти способы, или средства, которыми совершается воплощеніе или реализированіе идеальныхъ помысловъ творящаго духа, суть—*образъ*, *звукъ* и *слово*; оттого различаются *три* главныхъ рода искусствъ: *пластическія*—архитектура, или зодчество, скульптура, или ваяніе, и живопись; *тоническія*—музыка—вокальная и инструментальная, и *словесныя*, обозначаемыя общимъ названіемъ «словесности»—краснорѣчіе и поэзія. Но въ этомъ тѣснѣйшемъ смыслѣ поэзія, противополагаясь прозѣ, имѣетъ особое значеніе: будучи (какъ выше замѣчено) вообще источникомъ всѣхъ искусствъ, здѣсь, въ частности, поэзія сама принимается за особенное искусство, въ сравненіи же съ другими искусствами какъ бы за *верховное*—искусство искусствъ. Такое значеніе поэзіи въ общей системѣ искусствъ подтверждается и съ исторической точки зрѣнія: архитектура и скульптура, восходя началомъ своимъ къ

древнѣйшимъ временамъ исторіи рода человѣческаго, въ символическомъ искусствѣ восточныхъ народовъ, достигло обширнѣйшаго развитія и высшаго совершенства въ классическомъ искусствѣ Грековъ и Римлянъ, а живопись процвѣтала въ романтическую эпоху перехода отъ міра древняго къ міру новому; музыка же въ позднѣйшее время только получила такое развитіе, усовершенствованіе и значеніе, какого не имѣла во всѣ предшествующія времена; между тѣмъ поэзія, принадлежа всѣмъ вѣкамъ и народамъ, и въ каждомъ вѣкѣ и у каждаго народа являясь въ своеобразномъ характерѣ, по справедливости пользуется названіемъ *всемірнаго искусства*. Равнымъ образомъ съ философской точки зрѣнія, поэзія можетъ быть названа *всеобщимъ искусствомъ*: подобно искусствамъ пластическимъ, она изображаетъ рельефными и живописными образами предметы міра внѣшняго въ ихъ дѣйствительности, а, подобно тоническимъ, выражаетъ гармоническими и мелодическими звуками тончайшіе оттѣнки внутренняго чувства; вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствуя, не какъ прочія искусства на одну какую нибудь, но на всѣ способности души, не только воспринимательныя, но и производительныя, и имѣя орудіемъ своимъ слово,— какъ преимущественно органъ, которымъ человѣкъ принимаетъ первенствующее участіе во всеобщей міровой жизни,— поэзія объемлетъ всѣ явленія природы физической и моральной, минувшее и современное, міры видимый (дѣйствительный) и невидимый (фантастическій). Притомъ поэзія есть *искусство исключительное*: потому что, если искусства пластическія—собственно объективныя, а тоническія—непосредственно субъективныя, и, какъ плоды самобытнаго творчества, имѣя сами въ себѣ цѣль и удовлетвореніе, служатъ положительнымъ цѣлямъ и удовлетворяютъ практическимъ требованіямъ,—то и поэзія бываетъ: или внѣшнимъ представленіемъ великихъ событій въ жизни народовъ и замѣчательныхъ по разнообразнымъ столкновеніямъ случаевъ въ жизни людей, созерцаемыхъ независимо отъ личности поэта, которая ими какъ бы поглощается (*эпическая*); или внутреннимъ вы-

раженіемъ міросозерцанія поэта въ извѣстный моментъ, по отношенію его къ природѣ, къ самому себѣ и къ другимъ (*лирическая*); или соединяетъ видимое представленіе дѣйствій, положеній и свойствъ человѣческихъ съ подразумѣваемымъ выраженіемъ мыслей, чувствъ и расположеній дѣйствующихъ лицъ (*драматическая*); а также, какъ всѣ прочія искусства, въ изящно-художественной формѣ, путемъ эстетическаго наслажденія, достигаетъ полезнаго примѣненія (*дидактическая*).

III.

Этимъ качествомъ своимъ, *полезнаго примѣненія*, поэзія сближается съ другимъ словеснымъ искусствомъ—краснорѣчіемъ, но отличается отъ него какъ *содержаніемъ*, такъ и *формой*: потому что въ твореніяхъ свободной фантазіи поэтическая мысль выражается поэтическимъ языкомъ, а въ сочиненіяхъ умозрительныхъ, подчиненныхъ извѣстнымъ цѣлямъ и требованіямъ, прозаическому мышленію соотвѣтствуетъ и прозаическое изложеніе. Но если, по общепринятому опредѣленію, языкъ поэтическій существенно разнится отъ языка прозаическаго тѣмъ, что языкъ поэтическій отличается вообще благозвучіемъ, плавностію, ясностію, въ частности же образностью, живостью и свѣжестью, а потому предпочитаетъ представленія частныя и наглядныя общимъ и отвлеченнымъ понятіямъ, слова первообразныя производнымъ, простыя сложнымъ, употребляетъ обороты краткіе, быстрые, украшаетъ слогъ выраженіями фигуральными и символическими,—то все это внутреннія свойства формы поэтической; что же касается до внѣшней, такъ сказать, механики рѣчи, то, хотя прозаическимъ сочетаніемъ словъ иногда выражаются самые свѣтлые вымыслы и самые пламенные чувства, а поэти-

ческая оболочка нерѣдко прикрываетъ самое прозаическое содержаніе, но этимъ не только не отрицается, а еще болѣе подтверждается тѣсное соотношеніе между поэтическою мыслію и поэтическимъ словомъ. Съ одной стороны, такъ какъ выше замѣчено, что гармонія идеи съ формой есть непремѣнное условіе всякаго поэтически—художественнаго произведенія, то въ произведеніяхъ истинно-поэтическихъ и художественныхъ поэтическому содержанію отвѣтствуетъ и поэтическая форма, заключающая въ себѣ всѣ свойства поэтическаго языка, хотя бы и въ прозаическомъ сочетаніи словъ; съ другой стороны исторія и теорія поэзіи показываютъ и доказываютъ, что *стихотворная рѣчь* не только была и есть существенною принадлежностію поэзіи, но что она для нея самая соотвѣтственная. «Метръ, или риѳма рѣшительно необходимы, какъ первенствующее дыханіе поэзіи, говоритъ Гегель... Конечно, искусственная отдѣлка стиховъ, подборъ риѳмъ можетъ казаться игомъ для мысли, цѣпью, приковывающею её къ чувственной формѣ; но истинный талантъ легко управляется съ чувственными матеріалами и дѣйствуетъ въ нихъ, какъ въ своей сферѣ, которая не стѣсняетъ, а еще возвышаетъ: всѣ великіе поэты свободно распоряжались размѣромъ, ритмомъ и риѳмой, которые они сами создавали; а принужденіе и стѣсненіе можетъ быть развѣ въ переводахъ при подражаніи метру или риѳмѣ подлинника; для свободнаго же поэта необходимо искать приличнаго выраженія мыслямъ и размѣръ стиховъ долженъ воспроизводить общій тонъ и духовное дыханіе цѣлой поэмы.» Это значитъ, что выборъ стихотворнаго размѣра со стороны поэта не есть нѣчто случайное, но условливается самымъ предметомъ стихотворенія, образъ котораго, возникая въ его творческой фантазіи, въ тоже время облекается въ приличную ему форму. Непосредственная же разница стихотворнаго размѣра, или системъ стихосложенія, въ различныя времена и у разныхъ народовъ, зависитъ отъ различныхъ свойствъ языковъ, которымъ онѣ усвоены.—Таковы три способа сложенія стиховъ, или

три системы версификаціи: *метрическая*, или стопочислительная, принадлежащая двумъ классическимъ языкамъ—Греческому и Латинскому; *силлабическая*, или слогочислительная, усвоенная юго-западнымъ европейскимъ народамъ; собственно такъ называемая *тоническая*, (или силочислительная, отъ славянскаго слова *сила*—удареніе, тонъ, какъ въ этомъ значеніи слово это употреблялось первыми нашими версификаторами—Тредьяковскимъ и Ломоносовымъ), каково наше народное стихосложеніе,—и *тонико-метрическая*, или искусственная, составленная у насъ по образцу нѣмецкаго согласно природѣ нашего языка. Первая, древняя, система стихосложенія отличается музыкальностію, достигавшеюся строгими условіями, *ритма*, которому она была подчинена; во второй, новой, недостатокъ ритма вознаграждался *риѳмой*, (смѣшивавшимися въ старину между собою, такъ что у насъ «риѳмами» и «ритмами» назывались *стихотворенія, стихи*): риѳма, однакожъ не есть новѣйшее произвольное изобрѣтеніе, но отвѣчая врожденному влеченію духа человѣческаго къ симметріи и гармоніи, встрѣчается въ глубокой древности у Китайцевъ, Индійцевъ и Аравитянъ, открыта въ старинныхъ римскихъ стихахъ до введенія греческаго стихосложенія, попадается обмолвками у поэтовъ римскихъ эпохи процвѣтанія поэзіи и употреблялась средневѣковыми поэтами въ срединѣ и концѣ стихотвореній, называвшихся «леонинскими;» наконецъ въ третьей соединяются ритмъ и риѳма, т. е. *мелодія* стиха древняго съ *гармоніей* стиха новаго. Дальнѣйшія видоизмѣненія метра и риѳмы и образованіе различныхъ родовъ стиховъ условливаются особенностями языковъ, которымъ они принадлежатъ.

IV.

Точно также какъ внѣшняя форма поэзіи, и ея внутреннее содержаніе условливается временемъ и мѣстомъ ея происхожденія и развитія: *роды* и *виды поэзіи* роди-

лись и образовались различно въ разныя времена и у разныхъ народовъ; нѣкоторые изъ нихъ преимущественно господствовали въ древнія и преобразовались въ новыя времена; иные особенно были свойственны однимъ и вовсе несвойственны другимъ народамъ. Такимъ образомъ *теорія* поэзіи тѣсно соединена съ ея *исторіею*; но при этомъ надо имѣть въ виду, что отъ древнихъ литературъ мы имѣемъ лишь остатки, которые даютъ понятіе о *качествѣ* того, что дошло до насъ; но,—судя по свѣдѣніямъ и догадкамъ историческимъ о *количествѣ* утраченнаго для насъ,—мы не имѣемъ права рѣшительно заключать о *степени* и *предѣлѣ* литературной производительности въ разныя эпохи у разныхъ націй.—Восходя до начала поэзіи, мы видимъ, что эпическая поэзія у иныхъ народовъ не могла развиться до художественнаго проявленія по условіямъ ихъ характера и исторіи, но всѣ народы въ разной степени имѣютъ запасъ преданій миѳологическихъ, героическихъ и историческихъ, изъ которыхъ образовался *народный эпосъ*, являющійся въ художественной формѣ *искусственнаго эпоса*, раздѣляющагося на три категоріи: *восточную*, въ которой художественный эпосъ есть только у Индійцевъ и Персовъ, *классическую* Грековъ и Римлянъ, и *романтическую*, къ которой принадлежатъ всѣ новѣйшіе народы Европы.— Эта высшая степень развитія лирической поэзіи есть, собственно такъ называемая, *эпопея*, или *героическая поэма* — по буквальному значенію слова (*)— разказъ о событіи, замѣчательномъ въ жизни какого либо народа, но, при художественномъ воспроизведеніи его геніемъ поэта, интересномъ для всего человѣчества. Эпопея есть одушевленная полная картина жизни народа, его нравовъ, быта и его отношеній къ другимъ народамъ, въ столкновеніи съ которыми онъ находится. Время дѣйствія эпическаго—

(*) Ἔπος - сказаніе, историческій разсказъ; τὰ ἔπη — пѣсни, повѣствованія героическія.

преимущественно *вѣкъ героическій*, въ который нравственная жизнь народа и общественное устройство сложились, но не вполнѣ образовались, и народъ проявляетъ свою самобытную дѣятельность, не стѣсняемую соціальными и политическими требованіями, регулирующими ее въ дальнѣйшіе періоды національнаго развитія, которыя не могутъ быть сферой эпической, какъ это доказываютъ опыты эпопей съ сюжетами изъ такого времени. Главныя дѣйствующія лица въ эпосѣ—представители *народнаго характера*, одаренные сильными свойствами *природы человѣческой* вообще, выражающейся въ великихъ дѣяніяхъ. Но эти дѣянія, проистекая изъ непосредственнаго ихъ произвола, какъ нравственно—свободныхъ существъ, подчинены случайной необходимости всевластвующаго надъ человѣчествомъ *рока*, или судьбы: отсюда происходитъ участіе *высшихъ силъ*, какъ-то—миѳологическихъ божествъ въ древнихъ эпопеяхъ, представляемыхъ ли во всей наготѣ народнаго вымысла, или возводимыхъ въ идеальныя изображенія, и сверхъ-естественныхъ существъ въ видѣ добрыхъ и злыхъ духовъ, въ романтическихъ или рыцарскихъ поэмахъ,—въ новѣйшихъ же эпопеяхъ, сочиненныхъ въ подражаніе древнимъ, фигурируютъ аллегорическія олицетворенія.—Достоинство эпическаго повѣствованія- *единство дѣйствія*, группирующее частные эпизоды въ общности цѣлаго, такъ что изъ отдѣльныхъ эффектовъ составляется полнота впечатлѣнія, доставляющаго полное моральное удовлетвореніе и чрезъ то высшее эстетическое наслажденіе.—Отношеніе поэта къ своему произведенію въ эпической поэмѣ состоитъ въ томъ, что онъ имъ какъ бы поглощается и стушевывается въ образахъ, имъ же производимыхъ; но для такого *объективнаго* представленія жизни народной, раствореннаго общечеловѣческимъ интересомъ, необходимо, чтобы поэтъ самъ былъ всецѣло проникнутъ духомъ народнымъ, котораго онъ становится истолкователемъ, и одушевленъ общечеловѣческимъ сочувствіемъ, дающимъ ему право на общечеловѣческое къ нему сочувствіе. Объективному характеру эпопеи соотвѣтствуетъ *пласти-*

ческое, такъ сказать, ея выраженіе, требующее рельефности, то есть наглядности и óбразности; по состоянію же духа поэта въ моментъ эпическаго творчества, языкъ эпопеи есть спокойное, ровное теченіе благозвучной рѣчи, производящей и на читателя или слушателя миротворное и благотворное впечатлѣніе: совершеннѣйшая эпопея, греческая, а за нею, какъ ея подражаніе, римская, выражаются особенной, вполнѣ принаровленной къ ея содержанію, формой—*гекзаметромъ*, который въ языкахъ новѣйшихъ, къ нему способныхъ, формируется по подобію древняго образца, хотя и не вполнѣ удачно.—*Романъ* и видъ его,—или какъ бы миньятюра,—*повѣсть* есть новѣйшая гражданская эпопея, представляетъ историческую или современную дѣйствительность общества людей, вполнѣ организованнаго, а потому и заявляющаго на нихъ свои требованія и подчиняющаго ихъ своимъ условіямъ: столкновеніе личнаго произвола съ общественными отношеніями замѣняетъ въ романѣ борьбу воли человѣческой съ рокомъ, или судьбой. Подобно эпопеѣ, романъ изображаетъ пластически картину исторической или современной жизни и поэтому, поставляя поэта въ объективное, какъ и въ эпопеѣ, отношеніе къ предмету творчества, требуетъ отъ него вѣрнаго изученія изображаемой имъ исторической эпохи и мѣткой наблюдательности для изображенія современной дѣйствительности. Употребительнѣйшая же форма новѣйшаго романа—изящная *проза*, хотя есть романы и писаные стихами.—Видъ искусственной поэзіи эпической составляетъ древняя *буколическая поэзія*, (*) перешедшая, по подражанію, и въ новую, подъ которою подразумѣваются *идилліи* и *эклоги*—небольшія пастушескія поэмы, или сцены, какъ онѣ находятся въ итальянской и французской литературахъ; первоначально же идиллія на родинѣ своей въ Греціи и у самаго художественнаго ея создателя была не иное что

(*) Βουχόλιον— стадо быковъ; βουχολιχός—пастушескій; τα βουχολιχα—пастушескія пѣсни, стихотворенія, буколики.

какъ,—по смыслу самаго ея названія («видъ»),—*картина* простонародной жизни сельской и городской, такою она является и въ позднѣйшее время у Нѣмцевъ и у Англичанъ въ художественныхъ произведеніяхъ, приближающихся къ безъискусственной простотѣ естественнаго творчества.—Отъ среднихъ вѣковъ остались *романсы* испанскіе и *баллады* англійскія, бывшія первоначально полуисторическими пѣснями изъ рыцарскаго быта, а въ новѣйшее время балладами называются небольшія поэмы фантастическаго содержанія, а романсы эпическій характеръ перемѣнили на лирическій и предназначаются для пѣнія съ музыкальнымъ акомпаниментомъ.—Наконецъ видъ эпической поэзіи, зародившійся и сохранившійся въ устахъ народа, это—*историческія пѣсни* и *сказки*, существующія во всѣхъ литературахъ, какъ плоды народнаго ума и воображенія; у насъ историческія пѣсни, называемыя *былинами* у Велико-россіянъ, а у Мало-россіянъ *думами*, различаются отъ сказокъ народной поговоркой «сказка—складка, а пѣсня—быль,» то есть, что былины имѣютъ предметомъ—преданія историческія, сохранившіяся въ памяти народной, а сказки—вымыслы на основаніи историческихъ преданій, съ элементомъ фантастическимъ, или волшебнымъ, въ позднѣйшее же время съ сатирическимъ; подобно *легендамъ* западной Европы есть и у насъ, такъ называемые, *духовные стихи*, выражающіе народныя понятія о священныхъ предметахъ и святыхъ людяхъ, въ которыхъ вѣра и суевѣріе, правда и вымыслъ соединяются въ поэтическомъ изображеніи.

V.

Если поэзія эпическая, въ полномъ ея развитіи, находится не у всѣхъ народовъ и не во всѣ эпохи народной жизни, то всегда и вездѣ живетъ и цвѣтетъ *поэзія*

лирическая (*)—какъ проявленіе внутренняго міра человѣка и народа, какъ отголосокъ души и сердца, какъ выраженіе ощущеній и созерцаній, вѣрованій и сочувствій, радостей и печалей, воспоминаній и ожиданій; на зарѣ жизни и на закатѣ дней человѣкъ мыслитъ и чувствуетъ, а потому высказываетъ свои мысли и чувства; подобно тому мы видимъ и зачатки лирической поэзіи въ самую раннюю пору жизни народной и роскошные плоды ея въ позднѣйшія эпохи цивилизаціи.—Если поэтъ эпическій, реализируя, такъ сказать, въ поэтическомъ видѣ изображаемую имъ дѣйствительность, самъ скрывается за нею; то поэтъ лирическій, выражая непосредственно мысли и чувства, въ опредѣленный моментъ его проникающія, или идеализируя извѣстныя мысли и чувства, имъ угадываемыя, или возбуждая въ другихъ тѣ или другія мысли и чувства, по поводу тѣхъ или другихъ случаевъ,—всегда самъ на лицо съ своей моральной и психической физіономіей: поэтому въ противоположность поэзіи эпической—непремѣнно объективной, лирическая поэзія есть исключительно *субъективная*. Но если отъ поэта эпическаго требуется спокойное созерцаніе, то поэтъ лирическій воодушевляется *восторгомъ* и сообщаетъ восторгъ; но какъ восторженное настроеніе духа въ поэтѣ лирическомъ, такъ и возбуждаемое имъ въ читателѣ и слушателѣ не можетъ быть продолжительно, то этимъ ограничивается и объемъ лирическихъ произведеній; по этой же причинѣ впечатлѣніе, производимое ими, столь же быстро улетучивается, какъ и воспринимается, а потому оно можетъ чувствоваться, а не передаваться. Единство дѣйствія, которымъ уравновѣшивается въ эпосѣ разнообразіе подробностей, соотвѣтствуетъ *единству тона* въ лирикѣ; но такъ какъ источникъ лирики—внутренній міръ человѣка, безконечно разнообразный въ своемъ проявленіи, то поэтому разнообразятся и *мотивы* поэзіи лирической, а это разнообразіе содержанія

(*) Λύρα—лира, инструментъ, вторившій лирическому пѣснопѣнію.

условливаетъ и разнообразіе *формы*: оттого поэзія лирическая дробится на множество видовъ, отличающихся и различнымъ стихотворнымъ размѣромъ. Сверхъ того разнооообразіе лирической поэзіи зависитъ не только отъ разнообразія впечатлѣній, воспринимаемыхъ и сообщаемыхъ поэтомъ, но и отъ разнообразія оттѣнковъ духа народнаго, въ ней проявляющагося, и въ этомъ отношеніи она раздѣляется на три большія категоріи: первая изъ нихъ — *восточная*, въ которой народъ — поэтъ, болѣе близкій къ природѣ, живетъ одною съ нею жизнію и какъ бы поглощается ею, а потому, преимущественно выражая свой взглядъ на природу и свои къ ней отношенія, вмѣстѣ съ тѣмъ у ней же заимствуетъ краски для этого выраженія; во второй, *классической*, характеризующейся полнымъ сліяніемъ духа съ природой, эта гармонія сообщается содержанію и формѣ лирики, вполнѣ гармонирующихъ между собою, которая отъ этого получаетъ особенное художественное достоинство; третья, *романтическая*, какъ болѣе вращающаяся въ сферѣ внутреннихъ движеній духа человѣческаго, властвующаго надъ природой, свободно выражаетъ ихъ въ разнообразныхъ модуляціяхъ съ особенною утонченностію и ясностію, и этимъ самымъ достигаетъ высшаго общечеловѣческаго значенія,—а эта категорія, въ свою очередь, по различію національныхъ элементовъ, въ нее входящихъ, подраздѣляется на три отдѣла: *Романскій*, *Германскій* и *Славянскій*, въ которыхъ лирика принимаетъ новыя отличія внѣшней формы соотвѣтственно различію внутренняго содержанія.—Весь кругъ лирики заключается собственно въ трехъ главныхъ видоизмѣненіяхъ, подъ которыя подходятъ всѣ ея частные виды: это—*гимнъ*, *ода* и *пѣсня*, какъ выраженія трехъ сторонъ лирическаго одушевленія предметами *религіозными*, *гражданскими* и *общечеловѣческими* вообще, или *народными* въ особенности. Къ первымъ принадлежатъ религіозныя пѣснопѣнія во славу Божеству, называвшіеся у Евреевъ *псалмами*, у Индійцевъ же и Грековъ собственно *гимнами*, изъ которыхъ одни, посвящавшіеся Вакху, назывались

диѳирамбами, а другіе Аполлону—*пеанами*; у новѣйшихъ же поэтовъ гимны и диѳирамбы, не имѣя древняго назначенія, означаютъ не столько содержаніе стихотвореній подъ этими названіями, сколько ихъ тонъ, или душевное настроеніе поэта.—*Ода* на родинѣ ея, въ Греціи, а оттуда перенесенная въ Римъ, была первоначально поэтическимъ панегирикомъ героямъ или побѣдителямъ на играхъ, потомъ вообще прославленіемъ знаменитаго лица, или доблестнаго подвига, а также поэтическимъ размышленіемъ о предметахъ возвышенныхъ, въ томъ числѣ и духовныхъ: въ этомъ троякомъ значеніи ода принята и въ новѣйшей поэзіи и раздѣляется на оду героическую, или *торжественную*, *философскую* и *духовную*. Къ этой же категоріи принадлежитъ и *элегія*, которая, получивъ начало свое въ Греціи, сперва означала пѣсни патріотическія, потомъ дидактическія, а наконецъ пѣсни жалобныя, выражавшія грустное раздумье, душевную горесть, тоску сердечную, и въ такомъ смыслѣ перешла въ Римскую, а изъ нея въ новѣйшую поэзію; а также *эпиграмма*, которая, по самому своему названію, сначала означала «надпись» на памятникахъ въ честь лицъ или событій, нынѣ же надписи на памятникахъ умершихъ называются *эпитафіями*, а *эпиграммой*—остроумная поэтическая мысль, выраженная кратко, но мѣтко; изъ поэзіи эпиграмматической возникла въ древности поэзія *антологическая*, (*) получившая въ позднѣйшія времена Греческой литературы обширнѣйшее примѣненіе, и заключавшая въ себѣ стихотворенія, относившіяся къ разнымъ лицамъ, предметамъ, случаямъ, преисполненныя тонкаго ума, теплаго чувства и изящнаго выраженія.—Сюда относятся и новѣйшія мелкія лирическія стихотворенія, существенно различающіяся особеннымъ стихотворнымъ размѣромъ: таковы—*сонетъ*, *сестина*, *канцона*, *рондо*, *тріолетъ*, *мадригалъ*, изъ которыхъ три первыя—музы-

---

(*) Ἄνθος — цвѣтокъ; λέγω — собираю—какъ бы букетъ поэтическихъ цвѣтовъ.

кально-поэтическія варіаціи, свойственныя особенно Италіанцамъ, послѣднія же, стихотворныя игрушки,—Французамъ. Каждому изъ трехъ отдѣловъ лирики былъ въ древности усвоенъ особенный стихотворный размѣръ, перенесенный и въ новѣйшія литературы, съ измѣненіями по свойству языковъ.—*Пѣсня*,—первоначальный и общій, постоянно всегда и вездѣ существующій, самый естественный и самый употребительный видъ лирической поэзіи,—можетъ быть индивидуальнымъ отраженіемъ личности человѣка и общимъ выраженіемъ духа народнаго: такимъ образомъ пѣсни бываютъ искусственныя, или *художественныя* и естественныя, или *народныя.* Народъ поетъ отъ избытка чувства, его переполняющаго, въ разныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ жизни своей, пѣснію выражаетъ радость и печаль, любовь и ненависть, пѣснію воспоминаетъ минувшее, тѣшится или сокрушается въ настоящемъ и мечтаетъ о будущемъ, въ пѣсни мыслитъ и рѣшаетъ тревожные запросы своего ума; поэтому пѣсня разнообразна, какъ разнообразна природа и жизнь, какъ разнообразенъ внѣшній міръ, окружающій человѣка, и внутренній, въ немъ живущій; разнообразна и внѣшняя форма поэзіи, какъ разнообразно слово въ устахъ человѣка и народа. Пѣсни искусственныя иногда подражаютъ пѣснямъ народнымъ и являются художественнымъ воспроизведеніемъ генія народнаго. Каждая нація имѣетъ свои пѣсни народныя, въ каждой литературѣ есть пѣсни художественныя. У насъ народныя пѣсни, лирическія какъ и эпическія, имѣютъ различный характеръ, соотвѣтственно различію двухъ народныхъ характеристикъ—*Великороссійской и Малороссійской.*

VI.

Какъ бы срединой между поэзіей эпическою и поэзіей лирическою находится *дидактическая:* по характеру своему она бываетъ и *объективною* подобно первой,

и *субъективною* подобно второй; содержаніемъ ея можетъ быть фактъ и идея, а формой—разсказъ и разсужденіе; цѣль же ея—практическая истина и полезное примѣненіе, чѣмъ дидактическая поэзія (какъ выше замѣчено), сближаясь съ прозой, существенно отличается отъ всѣхъ родовъ поэзіи и составляетъ особенный родъ поэзіи (хотя нѣкоторые теоритики и не признаютъ его, относя виды дидактической поэзіи то къ эпической, то къ лирической). Началомъ поэзіи дидактической были вездѣ моральныя сентенціи (изреченія), или *гномы*, которыми она впервые проявилась въ Греціи; дальнѣйшее же развитіе выражается въ *параболѣ*, или притчѣ и въ *апологѣ*, или баснѣ: въ первой дѣйствуютъ люди, а во второй и животныя, даже недушевленные предметы. Основаніемъ басни служитъ аллегорія, подъ которою высказывается мораль, а складъ народнаго ума и свойство народнаго воображенія сообщаютъ національный колоритъ символическимъ олицетвореніямъ нравственныхъ качествъ людскихъ у животныхъ и образуетъ, такъ называемый, *животный эпосъ* у каждаго народа, вслѣдствіе различнаго міросозерцанія, имѣющій свой особенный характеръ. Но какъ въ древней эпопеѣ миѳологія есть непосредственный продуктъ народныхъ религіозныхъ вѣрованій, такъ и животный эпосъ у народовъ первобытныхъ, или находящихся еще въ естественномъ развитіи, есть результатъ ихъ одушевленнаго взгляда на природу; въ поэмахъ же и басняхъ искусственныхъ участіе высшихъ силъ и олицетвореніе природы не болѣе какъ поэтическій вымыселъ и подражаніе. Притча есть принадлежность древнихъ народовъ, а басня принадлежитъ всѣмъ и во всѣ времена: греческія были подражаніемъ восточнымъ, также какъ римскія греческимъ; а въ новѣйшихъ литературахъ французская и русская литература могутъ похвалиться истинно-художественными и самобытно-національными баснописцами.— Открытое разоблаченіе нравовъ людскихъ и выведеніе на свѣтъ темныхъ сторонъ жизни частной и общественной совершается *сатирою*, возвышающеюся до лирическаго паѳоса въ изліяніи чувства негодованія на пороки и злоу-

потребленія и достигающею эпической рельефности въ представленіи слабостей и недостатковъ человѣческихъ; сатира всегда имѣла и будетъ имѣть благотворное соціальное вліяніе, и сатирикъ служитъ гражданскую службу отечеству, за которую однакожъ бываетъ нерѣдко жертвой не только ненависти и презрѣнія, но преслѣдованія и гоненія. Древняя стихотворная форма сатиры, имѣвшая подражаніе и въ новыхъ литературахъ, замѣнена въ позднѣйшее время прозой описательною, повѣствовательною и разговорною, съ преобладаніемъ *юмора*, «озирающаго громадно—несущуюся жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы,» по выраженію нашего великаго сатирика (*). По практическому характеру Римлянъ сатира въ древности особенно процвѣтала у нихъ, и преимущественно въ эпоху разложенія общества и упадка прежнихъ гражданскихъ доблестей; у новѣйшихъ же народовъ стихотворная сатира, на манеръ римской, имѣла успѣхъ у Французовъ, а прозаическая, юмористическая, преимуществуетъ у Англичанъ.—Другой отдѣлъ дидактической (**) поэзіи составляетъ *эпистола и дидактическая поэма*, въ которой прозаическое содержаніе выражается поэтической формой, и не только языкомъ цвѣтистымъ и украшеннымъ, образнымъ, но и стихотворнымъ размѣромъ, приличнымъ предмету; а предметомъ можетъ быть природа, человѣкъ, наука, искусство: резонёрствующій характеръ Римлянъ преимущественно былъ склоненъ къ этому отдѣлу дидакчической поэзіи, существовавшему, по подражанію, и въ новѣйшихъ литературахъ, но теперь утратившему кредитъ.—Въ древности существовалъ еще родъ эпистолы (имѣвшей подражаніе и въ новыхъ литературахъ), въ которой господствующимъ мотивомъ была

(*) «Мертвыя Души,» Гоголя, VII.—Еще первый нашъ сатирикъ (Кантемиръ) сказалъ: „Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу.“

(**) Διδακτικός учительный, поучительный, дидактическій.

не мысль, а чувство: это *героиды*, или посланія отсутствующихъ лицъ, выражавшія взаимныя ихъ отношенія и влеченія другъ къ другу языкомъ страсти.

VII.

Если словесныя искусства суть высшая степень всѣхъ прочихъ искусствъ, орудіемъ которыхъ служатъ другіе вещественные матеріалы, то *драматическая поэзія*, какъ исходный пунктъ развитія поэзіи вообще и какъ центръ соединенія главныхъ элементовъ искусства, выше всѣхъ другихъ родовъ поэзіи;—это утверждаютъ новѣйшіе эстетики, также какъ признавали древнія теоріи поэтическаго искусства, въ которыхъ теорія поэзіи преимущественно заключалась въ теоріи драмы.—По своему происхожденію, поэзія драматическая является какъ бы заключительнымъ проявленіемъ всесторонняго художественнаго творчества, какъ это и было въ *Греціи*, которой истотія литературы представляетъ строго постепенное развиріе всѣхъ родовъ поэзіи: подобно эпосу, которому предшествовали ѳеогоніи и космогоніи, и лирикѣ, начавшейся съ священныхъ гимновъ, греческая драматическая поэзія произошла отъ религіозныхъ празднествъ, сопровождавшихся танцами, пѣніемъ и мимикой; достигнувъ же совершеннаго развитія въ трагедіи, оконнилась комедіей; съ утратою Греціей политической самостоятельности и подчиненіемъ *Риму*, перенесена туда и греческая словесность, копіей которой была римская, и началась съ того, чѣмъ та окончилась, то есть, съ комедіи, трагедія же мелькнуда въ эпоху уже упадка римской словесности. Изъ *восточныхъ* народовъ въ Индіи, гдѣ существовала богатая и своеобразная поэзія, она первоначально проявилась въ суровомъ миѳологическомъ эпосѣ, процвѣла же въ

сладострастной, эротической лирикѣ и гуманной, какъ героической такъ и гражданской драмѣ, а окончилась апологической дидактикой; у нѣкоторыхъ народовъ, какъ въ древности у Евреевъ, а въ средніе вѣка у магометанъ, не было драматической поэзіи. Съ возстановленіемъ наукъ и искусствъ въ новой Европѣ возникла и драматичэская поэзія въ началѣ изъ духовныхъ мистерій, изъ которыхъ позднѣе образовалась національная драма, какъ въ Англіи и Испаніи, во Франціи же и въ Италіи она была подражаніемъ древней и извѣстна подъ названіемъ *псевдо-классической*, тогда какъ первая называется *романтическою*. проникнувъ въ Германію, она вытѣснила господствовавшія и тамъ, какъ и въ другихъ литературахъ, подражанія французскимъ передразниваніямъ древней драматической поэзіи, а въ новѣйшее время и во Франціи убила псевдо-классическую драму, современная же теорія драматическая противополагается лишь древней.—Древняя и новая драма существенно различаются не только съ внѣшней стороны, но и съ внутренней: свобода и независимость личной индивидуальности есть непремѣнное условіе драматическаго положенія; вотъ почему и новая драма (*) имѣетъ болѣе обширный объемъ, болѣе широкое значеніе, а также существенно отличается отъ драмы древней: у первой, такъ сказать, рычагъ дѣйствія—рокъ и судьба, а во второй—нравственная свобода человѣка.—По характеру же своему драматическая поэзія совмѣщаетъ въ себѣ существенныя качества поэзіи эпической и лирической, будучи *объективно—субъективною*: она есть *очевидное* представленіе *внутренней* жизни человѣка, отражающейся во *внѣшнихъ* дѣйствіяхъ. Для того же, чтобы это представленіе произвело впечатлѣніе, жизнь эта должна быть не только глубоко сознана, но и искренно прочувствована поэтомъ на столько, чтобы возбудить глубокое и искреннее сочувствіе, какъ учитъ Гора-

---

(*) Δράω—дѣлаю, дѣйствую; δράμα—дѣло, дѣйствіе, представленіе на театрѣ, драма.

цій—«если хочешь, чтобы я плакалъ, надо, чтобы ты самъ прежде плакалъ, и тогда твоя печаль меня растрогаетъ;» а также вѣрно угадана, но не рабски воспроизведена поэтомъ, какъ выражается Аристотель—«поэзія отгадываетъ, какъ прилично говорить и дѣйствовать по вѣроятію или необходимости;» или какъ подтверждаетъ и одинъ изъ новыхъ поэтовъ—мыслителей, Жанъ Поль Рихтеръ, доказывая, что «поэзія не есть точная копія жизни,» а *художественное воспроизведеніе дѣйствительности.* Оно-то и составляетъ отличительное достоинство поэзіи драматической, которая поэтому вопреки поэзіи дидактической, устраняетъ аллегорію или символизмъ и не допускаетъ отвлеченнаго истолкованія нравственныхъ истинъ, которыя сами собою обнаруживаются изъ художественнаго представленія нравственной дѣятельности.—Относительно построенія драматическихъ произведеній, теорія требовательнѣе, обширнѣе и разнообразнѣе: правила древней драмы, примѣнявшіяся и къ драмѣ псевдо-классической, установляли *три единства—дѣйствія, времени и мѣста,* хотя собственно представитель этой теоріи—Аристотель, трактуетъ о единствѣ дѣйствія,—единство времени примѣрно опредѣляетъ суточнымъ круговоротомъ солнца, а о единствѣ мѣста вовсе не упоминаетъ; въ новой же драмѣ единство дѣйствія состоитъ въ неукоснительномъ устремленіи хода драмы къ опредѣленной цѣли, а единство времени и мѣста вовсе непримѣнимо, по причинѣ разнообразія и многосложности драматическихъ произведеній, изображающихъ разнообразную и многосложную жизнь. По этой же причинѣ и составъ древней драмы былъ проще въ сравненіи съ новой: въ первой не было никакого раздѣленія частей, вторая же дѣлится на *акты, сцены, выходы.* Что касается до внѣшней формы, древняя драма состояла изъ *хора, монолога, разговора;* новая же состоитъ изъ монолога и разговора, а хоры допускались лишь какъ исключительные опыты у нѣкоторыхъ поэтовъ. Языкъ древней драмы былъ стихотворный; въ новой же *стихотворный размѣръ,*—прежде шестистопный, а нынѣ пяти-

стопный,—также какъ *и проза*, порознь и вмѣстѣ,—употребляются соотвѣтственно духу, характеру, содержанію и цѣли различныхъ видовъ драматической поэзіи.—И въ раздѣленіи своемъ, драматическая поэзія полнѣе объемлетъ и рѣзче разграничиваетъ главнѣйшія стороны изящнаго, какъ существеннаго элемента поэзіи: ибо если *возвышенное*, *трогательное и смѣшное* отражаются и въ другихъ родахъ поэзіи и даже преобладаютъ—первое въ эпической, второе—въ лирической и третье—въ дидактической,—то въ поэзіи драматической образуютъ три особенные ея виды—*трагедію*, *драму и комедію*. Первая представляетъ высокую борьбу, т. е. коллизію внутреннихъ влеченій человѣческихъ съ внѣшними требованіями, или внутреннихъ усилій съ внѣшними противодѣйствіями, оканчивающуюся катастрофой, т. е. *печальнымъ зрѣлищемъ* (какъ буквально называютъ трагедію Нѣмцы); вторая раскрываетъ различныя житейскія отношенія, общественныя или семейныя, возбуждающія трогательное участіе къ лицамъ, вовлеченнымъ въ эти отношенія, которыя устраняются или разрѣшаются удовлетворительною развязкою; третья интересуетъ изображеніемъ людскихъ несовершенствъ, которыя бываютъ вредны или самимъ только виновникамъ и производятъ веселый смѣхъ, или другимъ и обществу и раждаютъ смѣхъ судорожный, въ томъ же и другомъ случаѣ униженіе человѣческой природы, или злоупотребленіе ея даромъ, пораждаютъ симпатію къ доброму и истинному, и антипатію къ злому и ложному. Но такъ какъ драматическое представленіе есть, такъ сказать, фотографія жизни, прошедшая сквозь призму поэтическаго ясновидѣнія, а въ жизни—отъ великаго до смѣшнаго, какъ и отъ грустнаго до забавнаго, только одинъ шагъ,—то поэтому всѣ три стороны изящнаго, характеризующія три рода драматической поэзіи, могутъ входить въ каждый изъ нихъ; притомъ же (по выраженію нашего великаго комика) «смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ,—не тотъ смѣхъ, который порождается временною раздражительностію, желчнымъ болѣзненнымъ расположеніемъ характера, не тотъ также

ложный смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно—бьющійся родникъ его, но который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проникающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка, (*)—смѣхъ, котораго такъ боятся всѣ низкія наши страсти,—который созданъ на то, чтобы смѣяться надъ всѣмъ, что позоритъ истинную красоту человѣка.» (**) Такая комедія имѣетъ такое же огромное соціальное значеніе въ наше время, какое имѣла въ древности политическая комедія греческая.—Но кромѣ того, что драматическая поэзія соединяетъ въ себѣ свойства другихъ родовъ поэзіи, она, какъ искусство сценическое, соприкасается съ другими родами искусствъ. Въ древности сценическія представленія были непосредственно соединены съ музыкой въ одномъ гармоническомъ цѣломъ; въ новѣйшее же время есть пьесы, составленныя изъ сюжетовъ трагедій, драмъ, комедій, въ которыхъ слова служатъ только дополненіемъ музыки, преобладающей въ немъ: это *оперы*, родина которыхъ и мѣсто процвѣтанія—Италія, въ Германіи же оперная музыка получила болѣе важный и серьезный характеръ; а во Франціи родился и перешелъ на всѣ сцены *водевиль*—небольшая комедія — шутка съ куплетами подъ акомпаниментъ музыки. Но если опера, принадлежа къ искусству тоническому, дѣйствутъ на душу посредствомъ вокальный и инструментальной музыки, выражающей человѣческія страсти и ощущенія,—то *балетъ*, какъ особенный родъ пластики, танцами, мимикой и блестящими декораціями поражаетъ одно только зрѣніе и большею частію господствуетъ тамъ и тогда, гдѣ и когда театръ изъ школы вкуса и нравственности становится болѣе забавой и развлеченіемъ.

(*) Гоголь, «Театральный разъѣздъ.»

(**) «Развязка Ревизора.»

VIII.

Вотъ основныя начала *теоріи* и главныя данныя *исторіи* поэзіи.—Изложеніе это показываетъ, что теорія поэзіи основывается на общихъ законахъ изящнаго, проявляющагося въ свободномъ развитіи духовныхъ силъ человѣка и народа: законы эти вѣчны, какъ вѣчна духовная природа человѣческая, проявленія же ея видоизмѣняются согласно духу времени, а также характеру личной индивидуальности и свойствамъ національныхъ особенностей. Изложеніе это доказываетъ также, что поэзія искони и всегда, въ большей, или меньшей степени развитія, существовала у всѣхъ народовъ, оставившихъ память о себѣ въ исторіи: высшее развитіе ея совершалось въ лучшія эпохи народной жизни, свободы гражданской и благосостоянія общественнаго; слабое развитіе ея есть примѣта младенческаго состоянія народовъ, а охлажденіе къ ней—ихъ упадка. Поэзія—украшеніе и прекрасный слѣдъ существованія человѣческаго на землѣ: она освѣжаетъ умъ, согрѣваетъ сердце и очищаетъ душу; она славитъ и увѣковѣчиваетъ все великое, честное, полезное, бичуетъ и кладетъ вѣчный позоръ на все низкое, безчестное и вредное. Въ педагогическомъ отношеніи изученіе поэзіи благотворно: оно разнообразитъ свѣдѣнія учащагося, дополняя ихъ познаніемъ самой высшей стороны духовной дѣятельности человѣка; оно изощряетъ его умственныя способности посредствомъ изслѣдованія тончайшихъ оттѣнковъ рѣчи въ различныхъ ея художественныхъ формахъ; оно образуетъ вкусъ критикой изящныхъ произведеній ума и воображенія. Но, конечно, изученіе поэзіи можетъ имѣть такое благотворное дѣйствіе лишь тогда, когда оно бываетъ не механическое и догматическое, а живое и животворящее; дѣйствительное же къ этому средство—соединеніе теоріи съ исторіей, синтеза съ анализомъ... Само собою разу-

мѣется, что въ настоящемъ изложеніи общихъ понятій о поэзіи представлены только намеки; подробности же предоставляются полному руководству къ изученію поэзіи, какъ словеснаго искусства.

Н. Мизко.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ.

Первоначальные корни.

Корень ga, gi, gu, ag или gha, ghi, ghu, agh.

1) Ga, gi, gu, ag, или gha, ghi, ghu, agh—sonare, sonum edere—звучать, издавать звукъ, говорить;—говорить съ самимъ собою, думать, мыслить, гадать;—издавать звукъ, хвалить, славить, прославлять;—издавать радостные клики, ликовать, радоваться, веселиться быть веселымъ.

Санскритск. gâ—canere, laudare, пѣть, воспѣвать, славить, прославлять;—gu, ghu—sonare;—hu вмѣсто ghu sacrificare. Зендск, zu—anrufen, beten; fluchen. Санскр. hava. Зендск. zava—Ruf, das Rufen. Руск. *зовъ*, *звать*, *зову*. *Зпвать*—кричать, орать, ревѣть; звать, кликать. *Зыкъ*, *зыкать*; *гулъ*, *гамъ*, гомонъ и пр.

Санскр. ah вмѣсто agh—говорить.

Gar, gir, gur, ghar, ghir, ghur, gra, gri, gru, gal и проч. Литовск. *жиргас*—добрый конь собств. ревунъ. Финск. härg—Ochs, собств. mugiens.

Gu—ar, gvar. Польск. *гварг*—говоръ, шумъ.

Gar—b. Древне-пруск. *гербт*—говорить. Литовск. *гербти*—думать, полагать; беречь, холить; хвалить, славить, прославлять.

Gu—g. Санскр. *гудж*, *гундж* вмѣсто *гуг*. *гунг*—summen, brummen, sonare, murmurare. Литовск. *джюг*, вмѣсто, *гуг*, настоящ. *джюгсту* или *джюнгу*—становиться веселымъ, веселѣть.

Gu—b. Древне-персидск. gub—sprechen. Латышск. *гаубт*—jubeln, sich ergötzen. Сербск. *жуборити*—susurrare.

Gud, gut. Верхне-шотландск. guth—vox, verbum; mala fama, calumnia. Словацк. *гŷтати*—denken, nachsinnen. Чешск. *гутати*—Horn blasen. Русск. *гуторъ*, *гуторить*.

Ghas, has. Санскр. has—ridere собств. sonum edere. Греч. γελάω—смѣюсь отъ gar, gal—sonare.

Ghü—an, hu—an, hvan. Русск. *звонъ*, *звенѣть*.

Санскр. ghuš—laut schreien, laut verkünden, ausrufen. Зендск. guš—hören.

Gar—dh, gar—h. Санскр. garh вмѣсто gardh—порицать, бранить, хулить. Польск. *гарды*—брезгливый; Южно-славянск. *гърдъ*—постыдный, срамный, гадскій.

2) Ga, gi, gu, ag или gha, ghi, ghu, agh—ire, se movere. Итти, двигаться; приводить въ движеніе, двигать, гнать, вести, нести, толкать, совать, тянуть;—лить, сыпать, бросать, метать, рождать (Junge werfen) и проч.

Санскр. gâ—ire, venire;—hâ вмѣсто ghâ—ire, cedere;—hi вмѣсто ghi—ire, progredi; mittere, ducere, excitare; jacere, projicere. *Адже* вмѣсто *аг* (ag)—1) gehen; 2) treiben. Зендск. az—gehen; führen, treiben. Латинск. ago, греч. ἄγω—веду, несу и пр.

Лифск. agâr—frisch, hurtig, munter, lebhaft. Мадьяр. agâr—борзая собака, хортъ.

Ga, gha, hu, gu—лить, сыпать, выливать собств. заставлять двигаться. Греч. корень χυ=hu, ghu—лить, сыпать, выливать. Санскр. gu—извергать калъ, испражняться. Санскр. had вмѣсто ghad, греч. χεδ—извергать калъ, испражняться. Слав. *гадить*, *гадость* и пр.

Латинскій корень fud вмѣсто ghud; готск. giutan, Нѣмецк. giessen.

Санскр. ghar—besprengen, beträufeln. Санскр. gal—herabträufeln; herabfallen, abfallen; wegfallen, verschwinden, verstreichen. Зендск. gar—herabfallen;—schwer sein. Смотр. Филологич. Наблюд. Зам. и выводы стр. 21.

Санскр, gad—fliessen. Зендск. zgâ, zgad, zgath, zgar—gehen, fliessen. Русск. *ожидскій*, *ожидать* и пр.

Примѣч. Буква z въ корняхъ zgâ, zgad, zgath, zgar —приставочная. Въ Литовскомъ языкѣ нерѣдко встрѣчается въ началѣ словъ приставочное *ж*, напр. *жмô*, *жмагус*—человѣкъ; въ Славянскихъ нарѣчіяхъ *г*, напр. *дуля* и *гдуля* и пр.

Ghub, hub или ghubh, hubh. Древне-прусск. gûbt—gehen. Чешск. *гыбати*—movere, flectere, Латышск. *губт*—гнуться, нагибаться.

Примѣч. Ga, gan, gna—рождать собств. сыпать, метать, бросать, Junge werfen.

3) Ga, gi, gu, ag или gha, ghi, ghu, agh—сіять, свѣтить, горѣть, грѣть, жечь, печь, морозить;—смотрѣть, глядѣть, видѣть, вѣдать, знать. Сохнуть, вянуть, чахнуть, чаверѣть.

Санскр. ahan, ahas, ahar вмѣсто aghan, aghas, aghar — день. Aga — Sonne; — agni — огонь. Чудское (эстонск.) ago—зоря. Польск. *гага* (дѣтское) огонь; Русск. *изгага*, *изжога*; *жегу* вмѣсто *жегу* первонач. *гагàми*. Русск. областн. *зьять*—*зіять*, *знѣть*—сіять, блестѣть, сверкать.

Ghar, ghra, ghla. Санскр. ghar—горѣть, свѣтить. Зендск. gar—brennen, leuchten. Смотр. Филолог. Наблюд. Зам. и выводы стран. 21—22. стран. 35.

Русск. *глазъ*, *глядѣть*.

Санскр. джал вмѣсто гал—frigidum esse. Латинск. gelu—морозъ.

Gu—ar, gu—al, gvar, gval. Санскр. *джвар*—горѣть;—джвал—hell brennen, flammen; verbrennen; glühen; leuchten. Смотр. Филолог. Наблюд. Зам. и выводы стран. 36. Верхне-шотландск. gual—carbo.

Ghu—as, ghu—is, hvas, hvis. Русск. звѣзда, Польск. гвязда, Литовск. жвайгжде—stella соб. lucens, splendens.

Санскр. gar—wachen, wachsam sein; erwachen; wachen über, aufpassen auf собств. смотрѣть. Бретонск. géda—ждать, ожидать, чаять, надѣяться, Русск. *ждать*, *ожидать*, *годить*—собств. смотрѣть.

Gan, gna—сіять; блестѣть, смотрѣть, глядѣть, узнавать, знать. Литовск. *жинти*—узнавать, *жиндти*—знать, вѣдать. Греч. γάνος—блескъ, красота; веселіе, радость.

Ga, gi, gu, ag или gha, ghi, ghu, agh—сохнуть, вянуть, чахнуть, чаверѣть, дряхлѣть, приходитъ въ упадокъ, гибнуть, исчезать; становиться жесткимъ, шероховатымъ, грубѣть.

Санскр. *джá* вмѣсто *гá*—schvinden, verfallen;—*джар* вмѣсто *гар*—gebrechlich werden; in Verfall kommen, sich abnutzen, morsch werden, áltern;—*джас*—erschöpft, todt müde sein, *ниджас*—verschwinden, vergehen. Литовск. *гести*—гаснуть, Русск. *гаснуть*, *гасить*. Латышск. *гьінт*—(gjint) in Verfall kommen. Литовск. *прагинти*—пропасть,—*прагина мана пинингай*—пропали мои деньги.—Литовск *гести* наст. *генду*; прошед. *гедау*—приходить въ упадокъ, портиться, разрушаться; *гадинти* — гадить, портить, истреблять, уничтожать. *Джути* — сохнуть, чаверѣть; — *жути* — гибнуть, погибать;—*ганстu* (корень *ганда*) испугаться, ужаснуться. Русск. *жуда*—страхъ, ужасъ, бѣда, нужа; *жудкій*, *жуткій*—тяжкій, трудный, мучительный.

Gub или gubh—Русск. *гибнуть*, *губить*.

4) Ga, gi, gu, ag или gha, ghi, ghu, agh—ударять со стукомъ, бить, рубить, рѣзать, колоть, жать, вообще—дѣлать, творить, производить;—тереть, молоть, измельчать, раздроблять, грызть, кусать, жевать, ѣсть и пр. *Челюсть*, *лапита;*—твердый, жесткій, набитый, густой.

Санскр. gha—Schlag; Getön, Geklingel, Glocke;—ghana—Knüttel, Keule; adj. fest, hart, zähe, dick; ganz, all. Слав. *густый*, первонач. *гунстъ* или *ганстъ*. Романское *гата*, албанск. *гати*—готовый собств. сдѣланный.

Ghan, han. Санскр. han—pulsare, icere; hins—вмѣсто ghins—icere, ferire. Русск. *гумно* (*гу—мьно*) токъ;—*жать*, *жинать*, *жевать*, *жую*.

Санскр. ghas—essen, fressen;—ghuš тереть, исти-

рать, раздроблять;—gharš—reiben. Санскр. gada зендск. gadha—кій, палка, дубина.

Санскр hanu вмѣсто ghanu maxilla; Латинск. gena—щека, греч γένος—челость. Санскр. gaṇda—щека, ланита;—Литовск. *жандас*—челюсть; *жинду*—сосу собств. жую, мямлю.

Примѣч. отъ корня kar, kal—ударять, рубить, рѣзать, происходятъ слова: Полабск. *чело* родит. *челесе*—челюсть, щека, ланита, Русск. *челюсть*.

Санскр. agra—Spitze, äusserstes Ende, Gipfel. Чудск. (эстонск.) oga—Dorn, Granne, Stachel, Nadel (an Bäumen), fig. Leid, Schmerz. Русск. *игла*, Чешск. *егла*, Полабск. *ягла*—acus, Nadel. Литовск. *агла*, *агле*, *эгле—ель.*

Отъ корня agh, ah—ударять, колоть, рубить, рѣзать произошли слова:—Литовск. *ажа*, *аже*, *эже*—межа, рубежъ; *ажис*, *эжис*—ежъ;—*ожис*, *ожис*—козелъ. Греч. ἔχις—змѣя, ἐχῖνος—ежъ. Русск. *ежъ*

Ghar, ghal, ghra, ghri, ghru—разить, рѣзать, колоть, и пр. Санскр. hal вмѣсто ghal—arare, орать собств. рѣзать землю Литовск. *гилти*, *гелти*—разить, колоть, жалить, причинять, боль, болѣть. *Галас*—конецъ, край;—*гележис*, *гележис*—желѣзо. Русск. *грань*—черта, рубежъ, предѣлъ, межа, конь, край;—*граница*.

Ghrabh, ghlabh, ghlubh. Греч. γράφω—нарѣзываю на какомъ либо твердомъ веществѣ, черчу, рисую, пишу;—γλάφω—выдалбываю, вырѣзываю, обрубаю;—γλύφω—выдалбливаю, вырѣзываю, занимаюсь рѣзной работой. Древне-Нѣмецк. graban—fodere, sculpere, caelare, cavare. Славянск *жлабъ*, *желобъ*.

Отъ ghas, ghu—as, ghvas произошли слова: готск. gazds—stimulus. Русск. *гвоздь*.

Ag, *анг*—тереть, натирать, мазать. Санскр. андж, Латинск ungere—мазать. Якутск. agha—мазать, обмазывать, тереть.

5) Ga, gi, gu, ag или gha, ghi, ghu, agh—flare, spirare; вѣять, дуть, дыхать; дышать открытымъ ртомъ,

растворять, расширять зѣвъ, пасть; хватать, ловить раскрытымъ зѣвомъ, пастью и пр. Дыхать, дышать, издавать запахъ, пахнуть, вонять, гнить; нюхать, обнюхивать;—сильно дышать, сопѣть, дуться, досадовать, серчать, гнѣваться и пр.

Ha, hi вмѣсто gha, ghi. Греч. χα, χαν—χαίνω, χάσ—χω—klaffen, gähnen—зіять, отверзаться, открывать широко ротъ, зѣвать, глазѣть. Латинск. hiare—зіять, раскрываться, растворяться, разверзаться; раскрывать ротъ, зѣвать, желать Русск. *зіять*, *зѣвать* Польск. *зяяць*—открытымъ ртомъ часто дышать;—*зепаць*—открывать ротъ и вдыхать свѣжій воздухъ.

Санскр. gabha—Spalte; gabhira, gambhira—глубокій;—джаб' вмѣсто gabh—schnappen nach, mit dem Maule packen, zermalmen, vernichten собств. хватать разинутымъ ртомъ, пастью, пожирать;—джамб'а—Gebiss, Rachen, Augenzahn, Fangzahn, Zahn. Русск. *зобать*, *зубъ*, первонач. *зумбъ* или *замбъ*. Литовск. *жебти*, *жебю*—зобать.

Санскр. джрамб' вмѣсто grambh—den Mund aufsperren; gähnen, раскрывать ротъ, зіять, зѣвать;—sich ausbreiten, verbreiten, sich ausdehnen, an Umfang gewinnen. Русск. *глубокій* первонач. *гламбокъ*, *грамбокъ*, *грумбокъ*. Стало быть, существовалъ корень: gar, gra, grabh—зіять, зѣвать; становиться шире, пространнѣе, объемистѣе, собств. разинуться, раздвинуться.

Санскр. gandha—Geruch, Duft.

Ghar. Санскр. ghra—обонять, нюхать.

Gan, ghan, gna, gni, gnu. Русск. *гнить* собств. вонять, издавать дурной запахъ;—*гнусъ*; *гнусный*, *гнѣвъ*.

Ghar, ghal, ghra, ghri, ghli—flare, spirare, inflari, tumescere, crescere, florere, fortem, robustum esse, valere, posse.

Латышск. *гарс*—духъ. Латинск. halo—дышу; glisco—пухнуть, вздуваться, увеличиваться, расти;—grandis—великій, большой; frons вмѣсто ghrond—листва, вѣтвь, отростокъ, отрасль. Исландск. grandi—colliculus. Славян. *грудь* первонач. *грандь*, *грундь*, Литовск. *галети*, *галю*—

могу. Смотр. Филолог. Наблюд. Зам. и выводы стран. 35.—Русск. желвь—шишка на тѣлѣ, опухоль, нарывъ; железа. Чешск. глази, жлаза—железа, желвакъ; Польск. золзы—родъ опухоли у лошадей. Польск. гуля,—гузъ—шишка на тѣлѣ. Южно-слав. гуша, Литовск. гужис—зобъ;—мадярск. гельва, гольва—зобъ у человѣка;—гомба—грибъ, губка. Русск. горбъ (гор—бъ) всякая выпуклость на плоскости;—грибъ (гри—бв);—южно-слав. гліва—зобъ у человѣка. Слова: губа (первоначал. гамба, гумба) и грибъ—значитъ собств. вздутое, пухлое.

Курдск. gir—толстый, тяжелый, большой. Санскр. giri—Hügel, Berg, Gebirge, Höhe. Славян. гора—Berg; Wald;—древне-прусск. gari - дерево;—Литовск. гиря—дремучій лѣсъ.

6) Ga, gi, gu, ag или gha, ghi, ghu, agh—tegere, operire. Крыть, покрывать, накрывать, закрывать, затворять, запирать.

Русск. язъ (корень agh, ah)—родъ плетня поперекъ рѣки, запруда, оттуда Слав. езеро, озеро;—Литовск. ажарас, эжарас, эжерас—озеро собств. запруженная вода. Славянск. гуня—родъ верхняго платья; губа—косматое одѣяло.

Санскр. gudh—verhüllen, bekleiden; guh вмѣсто gudh—zudecken, verhüllen, verbergen, geheim halten. Зендск. guz—verbergen, bewahren. Русск. гузно собств. закрытое. Литовск. гужти—крыть, укрывать; гуже—играть въ жмурки;—гуждти—быть одѣту, имѣть на себѣ много платья; ворочаться неловко, вяло, подобно тому, кто надѣлъ на себя много платья. Русск. гуза, гузать.

Санскр. gah вмѣсто gabh—sich verstecken;—Литов. гобти—закрыть, закутать.

Gar, ghar, garbh. Латышск. гербт—одѣвать, кутать.

Gardh—Славян. градъ—ограда; огороженное мѣсто. Верхне-шотландск. garadh—hortus, murus, sepes, moles; garadh—latibulum, latebra.

Санскр. gṛha вмѣсто gardha—домъ; Зендск. geredha—Höhle.

7) Ga, gi, gu, ağ или gha, ghi, ghu, agh—sumere, capere. Имать, брать, хватать, ловить, пріобрѣтать, наживать; собирать, складывать въ кучу, копить и пр.

Санскр. *джи* первонач. *ги*—etwas gewinnen, erbeuten, erwerben. Латышск. *гут*—хватать, хапать. Литов. *гаути* вмѣсто *гавти*—хватать, брать, получать.

Gabh, ghabh, habh. Западно-русск. *габать*—хватать, трогать. «*Ты мене не габай.*» Латинск. habere, Нѣмецк. haben—удержать, имѣть. Кельтск. gab—cepit; dedit. Нѣмецк. geben—давать собств. заставлять брать, получать.

Gar, ghar, ghra, ghri - Зендск. gar, ghar—greifen, ergeifen. Литовск. *грѣти*—снимать сметану съ молока. Русск. *горсть*.

Санскр. gardh—ausgreifen, streben nach etwas;—grabh—ergreifen, mit der Hand fassen, fest halten, nehmen.

8) Ga, gi, gu, ag или gha, ghi, ghu, agh—соединять, связывать, вязать,—стягивать, сжимать, давить.

Санскр. guṇa — прядь, нить, веревка; — grath, granth—knüpfen, winden, an einander reihen; bewinden. Санскр. ah вмѣсто agh, зендск. az—fügen, rüsten; ni—az - befestigen, gürten. Зендск. aghana—веревка;—agh; angh—стягивать, затягивать веревкою, петлею; греч. ἄγχω—затягиваю веревкою, петлею, душу, давлю, вѣшаю; душу, давлю, причиняю сильное безпокойство. Латинск. angere—сжимать, душить, давить; мучить, тревожить, беспокоить. Славянск. *вязать*, первонач. *вянзати*, *анзати*. Польское *гонзва*—связка, ligamen;—Русск. *гужъ* первонач. *ганжъ*, *гунжъ* Буквы *в* и *г* приставочныя; приводимъ для примѣра два три слова: Польск. *гонсѣница* или *вонсѣнка*—гусеница, отъ *усъ*, первонач. *унсъ*, *ансъ*; Хорутанск, *годръ* вмѣсто *одръ*. Слова *ужъ* и *гужъ* въ сущности тождественны.

Русск. *жень* —лазиво, веревка у бортниковъ;—Латышск. *дзенis*, первонач. *генis*—веревка. Сербск. жи-

ца (корень *жи*, *ги*) нить, проволока. Литовск. *гія* - нить. Санскр. *джья* вмѣсто *гья*, *гія*—тетива.

9) Ga, gi, gu, ag или gha, ghi, ghu, agh—находиться, пребывать, жить гдѣ либо; жить, питаться, кормиться чѣмъ либо;—жить, заживать, о ранахъ. Мѣстопребываніе, жило, домъ.

Зендск. *ги*, *джи*—жить;—*гая*—жизнь. Санскр. гая (gaja) Haus, Hof; Hausstand, Hauswesen, Hausgenossenschaft.

Литовс. *гити*—жить; жить, заживать, о ранахъ. Южно-слав. *гоити*—кормить, питать, воспитывать. Русское: сѣверное—*гоить*—устраивать что, убирать, приготовлять, ладить, чинить, чистить, мыть; холить; угощать и покоить собств. facere ut vivat. *Гаить*, *гаять*—крыть, у-за-на—по-крывать; платать, чинить; кутать. Западно-русск. *гоить*—лѣчить, заживлять рану; *гаить*—блюсти, хранить, холить. *Не гай мене*—не бавь, не держи.

10) Ga, gi, gu, ag или gha, ghi, ghu, agh—желать, хотѣть.

Зендск. az—verlangen.

Ghar, ghal. Греч. θέλω вмѣсто ghelo—хочу, желаю. Русск. *желать*.

Gadh gandh. Русск. *жадать* первонач. *жандати*—сильно желать, хотѣть.

Gubh—Литовск. *гобети*—быть алчнымъ, жаднымъ.

Смотр. Филолог. Наблюд. Зам. и выводы стран. 35.

Корень ta, ti, tu, at или tha, thi, thu, ath.

1) Ta, ti. tu, at, или tha, thi, thu, ath—sonare, sonum edere. Звучать, издавать звукъ, говорить; говорить съ самимъ собою, думать, мыслить, судить, обсуждать, задумывать, затѣвать.

Санскр. stu, зендск. çtu—хвалить, славить, прославлять; Зендск. çtaman, греч. στόμα—уста, ротъ. Русск. *тѣять*, *затѣвать*, *затѣять*—вздумывать, придумывать, замышлять;—*затѣя*—выдумка, намѣреніе, предпріятіе, Готск. stauua—судъ; распря; судья;—stojan—судить, разбирать.

Tar, tir, tur; tra, tri, tru. Литовск. *тарти*—говорить; думать. Санскр. tarka—Vermuthung, Erwägung, geistige Betrachtung, Raisonnement, Speculation. Русск. *толкъ, толковать*. Русск. области. *турать* о чемъ—думать, заботиться. *Объ этомъ онъ и не тураетъ*—ему и горя мало.

2) Ta, ti, tu, at или tha, thi, thu, ath—итти, двигаться; приводить въ движеніе, двигать, тянуть, растягивать, протягивать и пр.

Санскр. at—ходить, gehen, wandern; tar—über ein Gewässer setzen, überschiffen; Etwas überschreiten; über Etwas hinübergelangen; sich auf der Oberfläche des Wassers fortbewegen;—tal—gehen; - tas - hinwerfen, in die Höhe werfen;—tans—schütteln, hin und her bewegen. Русск. *таска, таскать*.

Санскр *так*—быстро двигаться; *танч, тванч*—gehen, sich bewegen. Зендск. *тач*—laufen, eilen, fliessen. Слав. *теку*.

Санскр. tur, tu—ar, tvar—eilig sein, vorwärts drängen, rennen, eilen.

Tar, tra, tras, tram, trap—дрожать, трястись. Смотр. Филологич. Наблюд. Зам. и выводы стран. 15.

Ta. tan, tang—Смотр. Филологическія Наблюд. Зам. и выводы стран. 14—15.

Санскр. star—ausbreiten; bedecken. Мадярск. tér—weit, geräumig, eben;—tér—просторъ, мѣсто.

Tand, tanp.—Латинск. tendere, Литовск. *темпти*—тянуть, натягивать.

Tu—is, tvis—Санскр. tviš—in heftiger Bewegung sein, erregt sein.

Targ, trag—Русск. *торгать, трогать*.

Talp, tilp. Литовск. *тилпти*—входить, войти, вмѣститься.

3) Ta, ti, tu, at или tha, thi, thu, ath—сіять, свѣтить, горѣть, грѣть; таять, жидѣть отъ тепла, распускаться, расплываться. Черный.

Латинск. ater, atra, atrum—черный. темный; злобный, ядовитый, злой. Зендск. âtar—огонь. Санскр. tar,

star, târâ, Нѣмецк. Stern, Бретонск. ster, steren — звѣзда.

Санскр. tap—Wärme von sich geben, warm sein, scheinen, von der Sonne;—erwärmen, erhitzen, glühend machen. Зендск. tap—brennen, leuchten. Русск. *теплый*, *топить*; *тополь*—populus alba.

Tu—as, tu—is, tvas, tvis. Санскр. tviš—leuchten, glänzen;—существит. tviš—Strahl, Licht, Glanz. Литов. *твискети*—сверкать;—*твоскоти*—мелькать.

Ta, tar, tarp—Русск. *таять*—Литовск. *тирпти*—таять.

4) Ta, ti, tu, at или tha, thi, thu, ath—ударять, бить, рубить, рѣзать, вообщ. дѣлать, творить, производить;—тереть, обтирать, чистить.

Смотр. Филолог. Наблюд. Зам. и выводы стран. 15.

Tu, tav, tva—Литовск. *твоти* бить, сѣчь; Русск. *тавро*—клеймо, знакъ, мѣтка.

Tar, tu—ar, tvar. Мадярск. tör—brechen, zerbrechen, stampfen, stossen, reiben;—tör—кинжалъ; шило. Либск. tera—Schneide, Schärfe; Aehrenspitze. Русск. *тернъ*; *тварь*, *творить*.

Targh. Санскр. tarh вмѣсто targh—раздроблять, измелять. Греч. τρώγω—грызу, раскусываю, ѣмъ.

Санскр. tard—spalten. durch—bohren, zerhauen. Латышск. *тірст*. (корень *тірд)* клевать.

Санскр. taks—behauen, schnitzen, bearbeiten;—abhauen, abspalten,—zerhauen, zerspalten;—verfertigen, ausarbeiten, machen, schaffen. Русск. *тесать* вмѣсто *тексать*.

Санскр. tvaks—schaffen, wirken, behauen.

Санскр. тидж, первонач. тиг (tig)—scharf sein, scharf werden; schärfen.

Tran, trin, trand. Литовск. *тринти*—тереть, пилить; *транде*—моль, червь древесный, древоточецъ; *трендети*—превращаться въ пыль, тлѣть, истлѣвать.

Литовск. *трукти*—рваться, разрываться, лопаться, трескаться. Русск. *труха*, *трухнуть*.

Отъ корня *тар*—ударять, рубить, рѣзать, дѣлать,

говорить, произошло слово *трпба*—дѣло, жертва, очистительная жертва *Трпбн есть*—opus est;—*трпбити*—чистить, очищать. Латышск. *тирс*, ж. *тира*—чистый, безъ примѣси, неподдѣльный.

Отъ *тар*, *тал*, *тра*, *тла* произошли слова: *тлѣть* и *утлый* первонач. *ун—тлв*, *ан тлъ*.

5) Та, ti, tu, at или tha, thi, thu, ath—flare, spirare; inflari, extendi, tumescere, crescere, fortem, robustum esse, valere, posse. Издавать запахъ, пахнуть, вонять.

Верхне-шотландск. at- tumor, inflatio; at, v. n. turge, intume. Греч. ἀτμός—паръ, испареніе. Древне-Нѣм. âthum—Athem, дыханіе, духъ. Санскр. âtman—дыханіе, душа; самъ; - tman вмѣсто atman—дыханіе; thamons собств. tumidum, tumor.

Санскр. tu—crescere, Зендск. tu—vermögen, können. Славян. тыти—pinguescere. Бретонск. tud (тюд) люди, народъ. Древне-слав. *щудв*—великанъ. Русск. *Чудь*, *чужій*. Латышск. *таута*—родъ, народъ, Древне-славян. *Штудв*, *щудь* — великанъ, первонач. *тюдъ* (tjudo).— *Чудо*—miraculum, отъ корня *ка*, *ку*—смотрѣть, глядѣть, древне-нѣм. scawon—schauen.

Санскр. tunga—emporstehend, hoch;—Anhöhe, Berg.

Tan, tin. Литовск. *тинти*—пахнуть; *танас*—опухоль; водяная болѣзнь.

Tu—an, tu—in, tvan, tvin. Литовск. *твинти*—вздуваться, подыматься, прибывать, о водѣ;—*тванас*—разливъ, наводненіе. *Твинкти*—вздуваться, пухнуть;—вымнѣть, о коровѣ.

Отъ корня *ту*,—*тук*—дуть, дуться, вздуваться, произошло слово *тощъ*—Литовск. *тукштас*—собств. inflatus, воздухомъ лишь наполненный.

Tank. Нѣмецк. stinken (stank)—вонять; Русск. *тухнуть* первонач. *тунхнунти*, *тункнунти*.

6) Та, ti, tu, at или tha, thi, thu, ath—крыть, укрывать, хранить, беречь, охранять.

Санскр. tha—ein Schützer vor Gefahren; das Schüt-

zen, Bewahren. Древне-Славян. *таяти*—таить, укрывать. Латинск tueri—охранять, защищать.

Tag̀, thag. Санскр. sthag̀—tegere, occulere.

Tar, tra, tri, tru—Санскр. trâ—tueri, protegere;—trâ—Beschirmer, Beschützer. Зендск. thrâ—schützen, ernähren;—thru—ernähren. Древне-Славян. *трути*—кормить; окормить, отравить. Русск *трава* собств. кормъ;—Западно-русск. *страва*, *потрава*—пища, кушанье.

Targ, trag. Славян. *стрегу*, *стерегу*, *стража*.

Tarp—Латышск. *тѣрпт*—одѣвать, кутать.

Санскр. tarp—traph. sich sättigen, satt werden; sättigen, laben. Греч. τρέφω—кормлю, вскармливаю, содержу—Слав. *требухъ*—животъ, брохо; обжора, прожора.

7) Ta, ti, tu, at или tha, thi, thu, ath—sumere, capere.

Финск. otau—sumo, capio, accipio, nehmen, greifen.

Tu—ar, tvar. Литовск. *тверти*—имать, хватать, ловить;—*турети*—держать, имѣть;—*твирети*—быть воткнуту, вонзену, торчать. Славян. *товаръ*—имѣніе, имущество, добро, пожитки.

8) Ta, ti, tu, at или tha. thi, thu, ath—соединять, вязать, связывать.

Санскр. at, ant—ligare, vincire. Албанск. int, ind—ich webe, тку, Литовск. *стига (сти—га)* струна.

Tar, tra, tri, tru—Южно слав. *тракъ*—веревка, ремень, вооб. все, чѣмъ вяжутъ, связываютъ. Слав. *струна*. Нѣмецк, Strick, Strang.

Мадярск. tör—петля, силокъ.

9) Ta, ti, tu, at или tha, thi, thu, ath—находиться гдѣ либо, стоять, покоиться, быть тихимъ.

Санскр. sthâ—stare; manere; esse.

Tak, tik, tikh. Латинск tacere—молчать, не говорить; быть тихимъ. Славянск. *тихій*, *тихнуть; тѣшить*—собств. заставляю молчать, быть тихимъ.

Санскр. *туш*—placari, mitigari, contentum esse; laetari, gaudere. Славян. *тухнуть*—погасать собств. униматься, становиться тише.

Tir, til – Литовск. *тила*—молчаніе; *тилети*—молчать. Нѣм. still.

Tar, tra. Славян. *трати*, *траяти*, *травати*, *трѣвати* – пребывать неизмѣннымъ, пребывать, оставаться. Смотр. Корнесловъ Русскаго языка—Шимкевича.

Стоять неподвижно, быть крѣпкимъ, твердымъ;—становиться неподвижнымъ, твердымъ, крѣпкимъ, тугимъ, жесткимъ, кочнѣть, цѣпенѣть.

Tip. Литовс. *стипти* наст. *стимпу*—цѣпенѣть, коченѣть.

Tar, tir. Литотовск. *стирти*—цѣпенѣть, коченѣть. *Нустира ман ранкос*—у меня руки онѣмѣли, окоченѣли. Литовск. и Славян. *стерва* собств. околѣлое

Tarb, targ. tirg. Старинное *стербуть*—крѣпнуть, черствѣть, терннуть, замирать. Нѣм. sterben—умирать.— Литовск. *тирпти*—терпнуть, цѣпенѣть; Латин. torpere—быть въ оцѣпенѣніи, окоченѣть, онѣмѣть, быть безъ чувствъ. Русск. *терпнуть*.

Tag, tig, tang, ting. Литовск. *стигти* наст. *стингу*—пребывать, жить покойно. Литовск *стингти* крѣпнуть, свертываться, о молокѣ. Латышск. *стінгт*—становиться, тугимъ, крѣпнуть, окрѣпнуть. Литовск.—*тингети*— коснѣть въ бездѣйствіи, лѣниться, быть лѣнивымъ.

Русск. *тугой*, первонач. *тунгъ* или *тангъ*.

Корень da, di, du, ad или dha, dhi, dhu, adh.

1) Da, di, du, ad или dha, dhi, dhu, adh – sonare, sonum edere. Звучать, издавать звукъ, говорить;—говорить съ самимъ собою, думать.

Старинное *дѣти* – loqui, dicere. Зенд. du – sprechen; denken. Болгарск. *дума*—рѣчь; *думамъ*—говорю. Русск. *дума*, *думать*—Смотр. Филолог. Наб. Зам. и выводы стран. 29—30. Санскр. dhî—Gedanke, Vorstellnng; Absicht.

Dhan, dhu – an, dhvan. Санскр. dhan—tönen; dhvan—tönen, Töne von sich geben. Dhuni—rauschend, tobend.

2) Da, di, du, ad или dha, dhi, dhu, adh—идти, двигаться; приводить въ движеніе, двигать; давить, вы-

жимамь; тянуть, растягивать, протягивать. Широкій, долгій; даль, далекій, давній.

Греч. θέω—бѣту, бѣгаю. Латышск. *дѣт*—прыгать, плясать, радоваться, веселиться. Санскр. adhvan (корень adh)—дорога; время; воздухъ;—dlire, volare;—du—gehen, sich bewegeu;—dhû—rasch hin und her bewegen;—dhu—das Schütteln, Bewegen;—dhuni—рѣка. Зендск. du—bewegen. Русск. *Двина* вмѣсто Dhu—ina.

Du—ar, dvar. Зендск. dvar—laufen, stürzen;—dvara—Thür, Thor; Pforte, Palast. Санскр. dvâr—Thor, Thür; Eingang oder Ausgang собств. *ходъ*. Осетинск. *удар* (duar) дверь. Русск. *дверь*, *дворъ*. Санскр. dur—Thür.

Санск. dûra (dû—ra) fern, weit; сравнитель, davîjans, превосход. davistha. Русск. *давѣ*, *давича*; *давній*; *даль; долъ* (неупотребл. прилагат.) откуда—*доль*, *длина*, *долина;* предлогъ *длѣ*, *по—длѣ*;—*долгій*.

Duk. Латинск. ducere—вести, тянуть, тащить, нести.

Dag, hdugh. Санскр.—dagh—ire; duh вмѣсто dugh—доить собств. давить, выжимать, заставлять течь.

Санскр. dhâ, ghajati—сосать, пить, собств. тянуть, втягивать въ себя.—Dhar, dhra, dhrang—Готск. drinkan. Нѣмецк. trinken (trank) пить.

Dar, dra, dri, dru. Санскр. drâ, dru—laufen, eilen;—eilend, rasch, geschwind. Русск. *драть*. *Гляди*, *какъ онъ деретъ*, *подралъ*, *удралъ*; *дорога*.

Dar, dhar—идти, двигаться, приводить въ движеніе, бросать, метать, сыпать, лить, извергать. Русск. *дермо*; *дрянь*. Латышск. дірст—испражняться; дірса—задница,

Darg или dharg. Литовск. *дарга*—слякоть, гадкая, дурная погода;—*дергти*—портиться, гадиться, изгадиться; *дергти*—гадить.

Drabh, dribh—Литовск. *дрибти*—наст. *дримбу*—течь, падать, о чемъ либо вязкомъ;—*дрѣбти*—бросать что либо вязкое;—*дриботи*—висѣть, о чемъ либо вязкомъ; — *дребети* — дрожать. Санскр. dar — timere. Скандинавск. drîfa—festinare; spargi, ferri, volare;—Готск. dreiban—pellere, ejicere, ruere; Нѣмецк. treiben—

нестись по водѣ; гнать, погонять, понуждать. Санскр. drapsa—капля. Русск. *дрябнуть*, *дряблый*.

Литовск. *дрикти*—вдоль вытягиваться, протягиваться, растягиваться.

Darg или dharg Русск. *дергать*—отрывисто тянуть, рвать.

3) Da, di, du, или dha, dhi, dhu, adh—сіять, свѣтить, горѣть, жечь, зажигать; видѣть, вѣдатъ, знать.

Санскр. du, intrans. brennen, von innerer Hitze vergehen, sich verzehren, vor Kummer, Trauer vergehen—горѣть, сгарать, таять, изсыхать, изнывать;- trans. жечь, причинять боль, печалить, опечаливать;—dî—zu Grande gehen; dî — Vernichtung, Untergang; — idh— entzünden, entflammen. Зендск. id—brennen.

Санскр. dî—scheinen, glänzen, leuchten; dina— Tag;—dhî—scheinen, videri; wahrnehmen. Зендск. dî— sehen;—dâ—wissen. Русск. *дока*.

Dagh. Санскр. dah вмѣсто dagh—горѣть, пылать; жечь, зажигать. Литовск. *дегти*—горѣть; жечь; Литовск. *дегутас*, *дигутис*—деготь; Русск. *деготь*

4) Da, di, du, ad или dha, dhi, dhu, adh—ударять, бить, рубить, рѣзать, дѣлить, вооб. дѣлать, творить, производить. Тереть, мазать.

Санскр. dâ рубить, рѣзать, жать, косить;—vidâ— zerstücken, zerkleinern, zermalmen.

Dar, dal. Санскр. dar—bersten, zerfahren, zerfallen. 2) bersten machen, sprengen, zerreissen, zerpflücken. Русск. *долъ*, *доля*, *дѣлъ*, *дѣлить*; *драть*; *у—дарь*. Бретонск. drean или draen—epine. Полабск. *дрѣнь*— шипъ, тернъ; *дриновать*—dornicht. Русск. *деренъ*— cornus mascula.

Ad, adh—Литовск. *адити* ковырять, подковыривать лапти;—Латышск. адит—вязать напр. рукавицы. Литовск. Латышск. адата—игла. Финск. odas - Stachel, Spitze, Spitziges Werkzeug.

Санскр. ad—ѣсть собст тереть, раздроблять, измелять пищу.

Санскр. dhâ—дѣлать, творить, производить старин. *дѣяти*—дѣлать.

Dhar. Литовск. *дарити*—дѣлать. Dharb, dharbh—Литовск. *дирбти*—дѣлать, работать;—*дарбас*—дѣло, работа.

Чешск. *двindependent*—vadere, fricare, scabere. Русск. *дерибать*—драть ногтями, царапать;—*дерябнуть*—сильно ударить. Западно-русск. *долбать*—долбить. Англо-сакс. dilfan—fodere, graben.

Digh. Санскр. dih вмѣсто digh—слегка прикасаться, тереть, мазать.

Смотр. Филолог. Наблюд. Зам. и выводы. стран. 12.

Dagh, dah. Литовск. *дежти*, *дежю* — макать, собств. тыкать, совать въ жидкость.

Dabh. Литовск. *добти*—бить, разить, поражать. Славян. *доба*—видъ, образъ=греч. τύπος—ударъ, видимый знакъ удара; видъ, образъ, форма. Литовск. *добе* или *дôбе*—яма—Санскр. Dharś—имѣть охоту драться, биться; быть смѣлымъ, отважнымъ, дерзать. Русск. *дерзать*, *дерзкій*.

Dak, daç—рѣзать, разрѣзывать, кусать, жевать и пр.

Санскр. daç, danç—кусать. Греч. δάκνω—кусаю;—δοκός—бревно. Русск. *доска*; *дясна*.

5) Da, di, du, ad или dha, dhi, dhu, adh—flare, spirare; inflari, tumescere, crescere, florere, fortem, robusrum esse. Вѣять, дуть, издавать запахъ; нюхать, обонять.

Греч. ὄζω прошед. ὄδωδα—пахну, воняю. Латинск. odor—запахъ, oleo вмѣсто odeo—пахну, воняю. Литовск. *ӧсти* наст. *ӧджю*—нюхать.

Русск. *дуть*, *духъ*, *дыхать*. Санскр. dham—blasen, aushauchen, anblasen, aufblasen. Русск. *домна*, *домра*. Западно-русск. *дму*—дую. Литовск. *думти*—дуть.

Литовск. *дидис*—великій, большой. Исландск. digr—crassus, tumidus, superbus;—dugr—vigor animi, vires.

Русск. *дюжій*, Западно-русск. *дужій* первонач. *дунжь* или *данжь*. Русск. *дянуть*—расти, плотнѣть,

здоровѣть, крѣпчать. *Недугъ* первоначально *недунгъ* или *неданг*ъ.

Мадярск. domb—бугоръ, холмъ собств. tumor, tumidum.

Санскр. andhas (корень adh съ носовымъ звукомъ) растеніе, зелень, кормъ. Греч. ἄνθος—цвѣтъ.

Dabh, dhabh—Русск. *дебѣлый*,—и *добрый* собств. дородный.

Dhu—as, dhvas. Литовск. *двести*—дыхать, дышать. Санскр. dhvas—разлетаться, пойти прахомъ, исчезать, гибнуть.

Dhu—ak, dhvak. Литовск. *двокти*—вонять.

6) Da, di, du, ad или dha, dhi, dhu, adh—крыть, укрывать, беречь, хранить, охранять.

Славянск. *одѣть*, одѣвать. Санскр. andha (корень adh съ носовымъ звукомъ) слѣпой соб. закрытый, темный;—andhas—Dunkel, Finsterniss.

Dangh. Санскр. dangh—tueri, custodire. Литовск. *дингти*—дѣться, дѣваться. *Кур эйсю кур дингсю*—куда я пойду, куда дѣнусь. *Дендти* крыть, покрывать. Южнорусск. *одягти*, *одягати*—одѣть, одѣвать.

Dhu—an, dhvan. Санскр. dhvan—sich verhüllen, verschliessen;—dhvanta—verhüllt, verdeckt, dunkel.

Dhu—ar, du—ar, dhvar, dvar. Санскр. dvar—bedecken. Славянск. *дворъ*—собств. закрытое, огороженное мѣсто.

7) Da, di, du, ad или dha, dhi, dhu, adh—sumere, capere. Имать, брать, хватать; девать, подавать собств. заставлять, брать, принимать;—брать въ руки, имѣть въ рукахъ, держать, носить.

Санскр. dhâ—halten (in der Hand), fassen, tragen, behalten;—âdhâ, med. nehmen, empfangen, erhalten;—dhi—halten, tragen.

Санскр. dhar—halten, tragen, Dharg. Слав. *держать*.

Отъ dhar, dhra—крыть, произошли слова: Болгарск.

дрехи,—Лужицко-Сербск. *драбы*, *драста*—платье, одежда. Санскр. drâpi—Mantel, Gewand.

Санскр. dâ—дать, давать. Мадярск. ad, Финск. and—дать, давать, подавать.

Санскр. dagh, dah—сягять, досягать, доставать до чего, хватать, достигать. Греч. δέχομαι—беру, принимаю, съ охотою принимаю, расположенъ къ чему. Санскр. daksa (dah—sa) ловкій, способный. Славян. *десный*, *десница*.

8) Da, di du, ad или dha, dhi, dhu, adh—ligare, vincire. Соединять, вязать, связывать, укрѣплять, вязать, ткать.

Санскр. dâ, djati—binden. Греч. δέω—вяжу, привязываю, связываю, сажаю въ оковы, въ темницу.

Dar, dra, darbh, drabh. Санскр. darbh вмѣсто darbh—вязать, связывать, укрѣплять; — drabhas—Gewand;—drâpi—Mantel, Gewand. Литовск. *дробе*—холстъ, полотно;—*драбужей*—одежда.

9) Da, di, du, ad или dha, dhi, dhu, adh—находиться, пребывать гдѣ, стоять, сидѣть, лежать;—класть, ставить собств. заставлять стоять, лежать. Лежать, покоиться, спать, дремать.

Санскр. dhâ—setzen, legen. Славян. *дѣти*—класть, ставить.

Санскр. hâ вмѣсто dhâ—ставить, оставить, оставлять, покидать.

Dar, dra. Санскр. drâ—спать, Русск. *дрема*, *дремать*, *дрыхнуть*.

Dhu—ar, du—ar. Санскр. dvar—hemmen собств. заставлять стоять.

10) Da, di, du, ad или dha, dhi, dhu, adh—желать, хотѣть, любить; выкнуть, привыкать собств. начинать любить.

Санскр. dhî—wünschen. Финск. adun (*адун*) выкну, привыкаю. Латышск. *даба*—обыкновеніе, обычай привычка.

Примѣч. Слово *уда*, первонач. *унда*, *анда*, an—dhâ, состоитъ изъ предлога *ан*—въ, in, и корня dhâ, собств. вдѣваемое, вонзаемое, что вдѣвается, вонзается.

Ст. Микуцкій.

СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ЮГОСЛАВЯНЕ.

II. Языкъ.

Наука выводитъ рядъ родственныхъ языковъ отъ одного праязыка, подобно какъ развѣтвившіяся семьи выводятся отъ однихъ прародителей,—и какъ распространившійся родъ разбивается на нѣсколько меньшихъ семействъ, которыя снова имѣютъ своихъ родителей, такъ точно бываетъ и съ языками. По нашему мнѣнію, которое здѣсь постараемся доказать, въ обширной семьѣ славянскихъ языковъ, языки Юго-славянскіе (въ смыслѣ, указанномъ нами въ началѣ статьи), т. е. Словенскій и Хорвато-сербскій, слѣдуетъ считать особою семьею меньшаго объема. Существованіе праязыка этихъ вѣтвей можно относить къ недавнимъ временамъ передъ началомъ исторіи Югославянъ, именно ко временамъ ихъ общихъ поселеній за Карпатами. Бартоломей Копитаръ въ своемъ ученомъ сочиненіи: Glagolita Closianus, 1836 г., и въ своихъ Prolegomena historica къ Реймскому Евангелію (Slavische bibliotek, 1) утверждаетъ, что въ земляхъ придунайскихъ глубоко до Альпъ, въ давнія времена обитало племя Славянъ, говорившее однимъ языкомъ и что вторженіемъ въ VII ст. Хорватовъ и Сербовъ и въ IX Мадьяръ оно разорвано было на двѣ части: восточную (Болгары) и западную (Словенцы). Отсюда получилъ начало взглядъ, поддерживаемый и до настоящаго времени Миклошичемъ и другими (мы указываемъ на это только мимоходомъ), что Болгарскій и Словенскій языки суть

ближайшіе братья между собою и что Кириллица есть древне-Славянскій языкъ.

Тѣмъ не менѣе въ историческихъ вопросахъ, касающихся славянскихъ древностей, мы не можемъ успокоиться на авторитетѣ Копитара, потому что этотъ знаменитый мужъ, какъ первый критическій изслѣдователь славянскихъ древностей, на первый разъ не могъ разогнать глубокую тьму и составить себѣ ясное представленіе о дѣлѣ, а въ позднѣйшее время, быть можетъ, не хотѣлъ измѣнить своего взгляда. Въ дѣлахъ этого рода единственнымъ авторитетомъ до послѣдняго времени остается великій Шафарикъ, котораго мнѣнія и доводы, съ другими новыми доводами резюмировалъ д-ръ Фр. Рачкій въ статьѣ (въ Арх. для Юго-сл. ист., IV. стр. 235 и слѣд.): Nacrt jugoslavjenskieh povjestij do IX stol. Болгары пришли въ свои теперешнія земли изъ Руси, гдѣ они занимали края, простирающіеся отъ Днѣпра до Двины, и въ IV ст. являются на нижнемъ Дунаѣ; въ это время Словенцы жили еще за Карпатами съ своими ближайшими родственниками Хорватами и Сербами, откуда въ VII ст. они перешли въ Паннонію а потомъ въ скоромъ времени, тѣснимые Аварами, проникли въ альпійскія краины. Такимъ образомъ Словенцы являются братьями не Болгаръ, но Сербовъ и Хорватовъ.

Тѣмъ, которые видятъ въ Болгарскомъ и Словенскомъ языкахъ ближайшее родство, мы должны напомнить, что весьма близкія племенныя сходства могутъ попадаться въ языкахъ самыхъ отдаленныхъ, какъ напр. въ Персидскомъ и Нѣмецкомъ; что древне-славянскій языкъ фрейзингенскихъ памятниковъ отличенъ отъ древне-болгарскаго языка памятниковъ, только не многимъ позднѣйшихъ, и даже имѣетъ преимущество старшинства; что слѣды носовыхъ звуковъ сохранились, какъ въ словенскомъ, такъ и въ чешскомъ; что полугласная ъ сохранилась въ нарѣчіи Черногорцевъ и, по свидѣтельству Головацкаго, у Русиновъ въ Карпатскихъ горахъ и т. д. Поэтому на признакахъ языка

нельзя основать родства Словенцевъ съ Болгарами въ ущербъ родственности ихъ съ Хорватами и Сербами; напротивъ, нѣкоторые признаки свидѣтельствуютъ прямо противъ него. Эти свидѣтельства можно представить въ слѣдующемъ видѣ. (См. Beiträge z. vgl. spracht. 1. 319 и слѣд. Шаф., Этногр. и Serbiche Lesekörner): 1) первоначальныя соединенія dj и tj въ древне-Болгарскомъ измѣнились въ žd и št; въ Словенскомъ на ихъ мѣстѣ употребляются j и č или ć, что ни въ какомъ случаѣ не могло произойти изъ žd и št, но изъ dj и tj; въ Хорвато-сербскомъ—dj и ć. 2) Род. пад. мѣст. и смѣшаннаго склоненія муж. и ср. рода въ Словенскомъ и Хорвато-сербскомъ имѣетъ ga, а это форма старѣйшая, чѣмъ болгарское окончаніе—go. 3) Такимъ же образомъ древне-болг. окончаніе 1 лица ед. числа—ѫ позднѣйшее, нежели словенское и сербо-хорв. — em, санскр. âmi. 4) Слов. и сербо-хорв. энклитическая ž измѣняется въ r, въ болгарскомъ этого не бываетъ; въ слов. и хорвато-сербск. е въ концѣ слога измѣняется въ гласную (u, сербск. о.) и т. д. На основаніи этихъ доводовъ представляемыхъ со стороны языка и исторіи, мы, кажется, имѣемъ достаточное право считать Словенскій и Хорвато-сербскій языки въ ближайшемъ родствѣ между собою, а это само собою свидѣтельствуетъ объ ихъ древнѣйшемъ братствѣ.

а) Словенскій языкъ.

Словенскій языкъ имѣетъ двухъ сильныхъ сосѣдей, языки Итальянскій и Нѣмецкій, вліяніе которыхъ, и особенно непрерывное преобладаніе послѣдняго, произвело то, что онъ не сохранилъ своего славянскаго характера въ такой чистотѣ, какъ Сербо-хорватскій; другимъ не менѣе пагубнымъ обстоятельствомъ было то, что онъ недавно еще живетъ литературною жизнью; до сихъ поръ онъ всего два раза, и то какъ бы мимоходомъ, изъ

простонароднаго употребленія возвышался до высшаго представленія народной жизни, именно въ VIII и IX ст. (Фрейзинг. памятники), и въ IX ст., когда съ одной стороны протестантизмъ, при его помощи, пролагалъ себѣ дорогу въ славянскія земли, съ другой католицизмъ, желая избавиться отъ своего жесточайшаго врага, избралъ его своимъ помощникомъ въ религіозной борьбѣ. Но и въ третьемъ періодѣ своей литературной жизни онъ принужденъ былъ колебаться между многоразличными формами, подвергаясь искаженіямъ отъ неумѣнья и несогласія писателей, пока окристаллизовался въ прочныя формы и получилъ возможность утвердить свое господство надъ случайными нарѣчіями сосѣдственныхъ славянскихъ земель. На этой ступени онъ былъ очищенъ для насъ превосходнымъ славистомъ Миклошичемъ въ его Vergleichende Grammatik der slav. Srp. (I—III), на основаніи которой и представляемъ образецъ его грамматическаго устройства, отсылая читателя для сравненія формъ къ отдѣлу c), стр. 303.

a) Ученіе о звукахъ. Словенскій языкъ имѣетъ слѣдующія гласныя: a, e, i, o, u, v, ô, e встрѣчается только мѣстами,—полугласную—ъ и двугласную ȋ.—1) гласная a ставится также вмѣсто древне-болгарскихъ полугласныхъ ъ и ь, напр. mah, на востокѣ meh, рѣдко вмѣсто древне-болг. ѧ: začati и взаимно мѣняется съ e: brašno—brešno.—2) Гласная e, какъ мы говорили, замѣняетъ въ восточномъ нарѣчіи древне-болг. ъ и ь, а также ѧ, въ какомъ случаѣ она имѣетъ и особенное произношеніе и пишется иногда въ формѣ ä: svet свѧтъ; взаимно мѣняется съ a: meh—mah, и съ ъ: tъ—ter; вставляется между согласными, неудобными для выговора, напр. род. множ. igel отъ igla и выпадаетъ съ уничтоженіемъ такой трудности (выговора): početek, početka; теряется въ энклитическомъ re: blagor.—3) Гласная ȋ заступаетъ также мѣсто исчезнувшей y: misel, а часто и древне-болг. ѣ: svitli, свѣтлъ—ін; въ началѣ слова принимаетъ j: jigra и igra.—4) Гласная o также удерживаетъ въ началѣ слова v: vorati и orati; кромѣ обычна-

то о у западѣ. Словенцовъ можно слышать еще произношеніе, какъ оа, напр. voda—voada.—5) Гласная u въ началѣ слова принимаетъ v и рѣдко j: vu, jutro въ юго-восточн. краяхъ, часто замѣняетъ древне-болгарск. ъ, ь: uš, duri, а иногда слышится и родственный звукъ veš, dveri; часто теряется: verval вм. veruval, подобно какъ у Чеховъ obedval вм. obědoval.—6) Гласная r произносится и въ началѣ (rdetise) и въ срединѣ словъ; но славянскіе писатели прибавляютъ къ ней въ письмѣ какую нибудь полную гласную, такъ напр. пишется: smъrt, smert, smart и произносится вообще smrt; r остается гласною и въ прич. прош. дѣйств., въ которомъ e переходитъ въ o и m: mr—u, mr—o должно произнести какъ двусложное; эта гласная буква произошла отъ ослабленія слоговъ rъ, rь, ra, ru, ri, ir, ur: frlan—furlan, rkao—rekel и т. д.; l произносится какъ гласная только въ томъ случаѣ, когда, вслѣдствіе потери ударенія, слогъ ея сокращается: slpotija вм. slepotija.—7) Гласная o замѣняетъ древно-болг. ѫ, а если надъ нею стоитъ удареніе, то и произношеніемъ отличается отъ обыкновеннаго o; поэтому въ Слов. языкѣ существуетъ три вида o: bodem (буду), voda (voada) и bôdem (буду).—8) Полугласная ъ заступаетъ мѣсто гласныхъ, которыя были нѣкогда полными, но съ теченіемъ времени ослабѣли, напр. jъg, tъptati, pevъc и т. д.; въ письмѣ однако употребляется полная гласная.—Двугласная ê произносится, какъ франц. é, а въ слогахъ, имѣющихъ надъ собою удареніе, соотвѣтствуетъ древнеболг. ѣ; такимъ образомъ у Словенцевъ существуетъ также и три вида e: обыкновенное, замѣняющее ж и ê. —9) Слѣды носовыхъ гласныхъ встрѣчаются во всемъ порядкѣ индо европейскихъ языковъ, а поэтому ихъ можно смѣло приписывать и праязыку славянскому; даже можно сказать, что онъ обнаруживаетъ къ нимъ особенную наклонность, такъ какъ выдѣлившись изъ семьи индо-европейской и вступивъ на самостоятельный путь, онъ не переставалъ производить новыя, сообразныя соединенія носовыхъ.

Изъ славянскихъ юго-восточныхъ языковъ они въ наибольшемъ употребленіи были въ языкѣ древне-олгарскомъ, а ББолгары седмиградскіе и до настоящаго времени хвалятся этимъ наслѣдіемъ. Сербскій языкъ, кажется, еще въ X в. не совсѣмъ отъ нихъ очистился (ср. Шаф. Lesek.; Микл. Vgl. Gramm. 1, p. 307); въ древней Словеніи, какъ заключаетъ по фрейзингенскимъ памятникамъ Миклошичъ, они были въ полномъ употребленіи; новѣйшая же сохранила ихъ слѣдовъ не болѣе чѣмъ Чехія. Тѣмъ не менѣе на основаніи носовыхъ еще нельзя судить объ особенной родственности языка Словенскаго съ Болгарскимъ. Носовые звуки встрѣчаются преимущественно въ Хорутаніи, въ срединѣ слова: ronka, и въ концѣ: въ им. древне-болг. на ѧ: brêmen, sêmen, въ твор. на om: hranom, если это окончаніе не произошло отъ древнѣйшаго—ov;—въ 1 л. ед.—em: hočem, съ рѣдкимъ окончаніемъ—o: hočo, въ остальныхъ случаяхъ на мѣстѣ древне-болг. носовыхъ стоятъ чистыя гласныя, а именно e вм. ѧ: jeti вм. ję̧ti, O вм. ѫ: ženô вм. zenѫ. Такимъ образомъ въ Словенскомъ языкѣ недостаетъ носовыхъ, y (и e большею частью). Фрейзингенскіе памятники, принадлежащіе IX в., показываютъ, что въ тѣ времена эти недостатки хотя и начинали обнаруживаться, но еще не были такъ значительны. Дѣйствительно, мы находимъ въ нихъ и гласную e, и носовые звуки, и гласную y; совершенно исчезнувшую въ наше время, которая обозначалась тогда въ формѣ u, ui и ugi (uji). Переходъ гласныхъ въ Слов. яз. ограничивается буквами a и o, которыя переходятъ въ e: križem bojevati, duše, также—chlapcev, и наоборотъ: krej, род. kraja. Стеченіе двухъ гласныхъ (гіатусъ) въ Слов. яз. избѣгается: вставкою согласныхъ—s, v, n: dajati, poznavati, vniti вм. vѫiti, переходомъ гласныхъ u и ъ въ ov и v: slovo, narvati, miroven, medved, sinovi и т. д., перемѣною i на j: prejde или prêde вм. pre—ide. Гласныя въ Слов. яз. поднимаются: e въ o и ѣ: grob, ogrebati, i въ e, oj: pitati, pêstiti, boj;—o въ a: stvar; l, r (въ древне-болг. въ связи съ полугл. ъ

или ь)—въ el, er, ol, or, ro, il, ir, li, ri, lé, ré, al, ar, la, ra: postelja, mor, vir, plézati, mraz и т. д.;—e въ a: vlak; u, i (y) въ av: slava, baviti. Въ различныхъ краяхъ словенскихъ существуетъ различное выпущеніе гласныхъ и даже цѣльныхъ слоговъ, напр. jam prišel = ja (bude)m prišel, on de prišel = on (bu) de priešel. Слоги бываютъ съ удареніемъ долгіе (со знакомъ—´), съ удареніемъ короткіе (со знак.—`) и безъ ударенія—всѣ короткіе. Удареніе непостоянно.

Согласныя буквы. 1. Изъ плавныхъ только l и n могутъ смягчаться; относительно r сохранились только слѣды этого смягченія въ словѣ: morje, l и нѣкогда мягкое lj на концѣ слога переходитъ въ u; l вставляется между губною согласною и слѣдующею за нею ерированною гласною. 2. Зубныя d и t, при встрѣчѣ съ j переходятъ въ j и ć: zeja, svéća; иногда впрочемъ такого перехода не бываетъ: osramoten, подобно какъ въ чешск. cítên вм. cicen, обѣ зубныя въ глаголахъ 2 кл. выпадаютъ передъ буквою n: venoti, передъ окончаніями ski и stvo: ljuski, bohastvo,—передъ l въ прич. прош. дѣйств. plel, отчего на западѣ говорятъ pledel,—передъ t, а иногда передъ l обѣ замѣняются s: plesti, gosli; d въ Крайнѣ на концѣ словъ произносится какъ англійское th;—передъ шипящими и буквою r охотно выступаютъ: mezdra, pester и даже въ словѣ pondřeti. 3. Губныя предъ ерированными гласными принимаютъ эвфоническое l: kaplja; p и v передъ n, а v въ началѣ словъ охотно исчезаютъ: utonoti, les; f—иностранное, m на концѣ словъ переходитъ въ n: van. 4. Гортанныя, встрѣчаясь въ склоненіи съ ерированными согласными, требующими перехода въ подпебныя стремятся обойти этотъ законъ; соединеніе kt и gt въ неопр. накл. переходятъ въ ć: peći; k передъ n выпадаетъ въ гл. 2 кл. stisnoti; лат. h. весьма рѣдко въ западныхъ краяхъ, на востокѣ древнеболг. х произносится, какъ лат. h. 5. Шипящія предъ ерированными гласными переходятъ въ соотвѣтствующія подпебныя: ovčar, bliže, noša; замѣчательны аномаліи: šmarjia, šmarten (Св. Марія и т. д.)

Ученіе о формахъ. Принимая за образецъ древне-Бол. языкъ, представимъ главныя уклоненія и общіе признаки Слов. языка. 1. *Въ существительномъ склоненіи* им. ед. муж. рода предметовъ одушевл. сходенъ съ род. moža; зват. пад. замѣняется именительнымъ; мѣстный пад. въ муж. и ср. сходенъ съ дат.; въ двойств. числѣ различно дополняются только род. и мѣстный, остальные падежи сохранились. Перемѣна въ склоненіи производится также выпаденіемъ подвижнаго е: vogel—vogla, но kôpel—kôpli вм. капели; вставка еврон. ч. е въ род. множ (debel и др.) напоминаетъ тѣже самыя явленія и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Особенность составляетъ окончаніе въ род. ед. нѣкоторыхъ односложныхъ коренныхъ словъ — u: volú, moží и склоненіе собственныхъ именъ: Toma, род. Tomata и Marko—Marka. Гортанныя передъ узкими гласными рѣдко переходятъ въ шипящія. Слогъ ov, происшедшій отъ расширенія кореннаго ъ, особенно охотно удерживается черезъ все склоненіе въ словахъ односложныхъ: sin, sinova, sinovi, sinovom и т. д. Женскія имена на а только тѣ могутъ окончиться въ родит. множ. на а, которыя въ род. ед. имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, напр. vodá откуда мѣстн. vodèh. Мужескія имена, кончащіяся на коренное ь большею частью перешли въ склоненіе на ъ, а также въ древне-бол. на ы, слов. en, древне бол. kamy; kamen род. kamna; cerkov и др. также склоняются по образцу riba. Вообще же полныя склоненія преобладаютъ. 2. *Мѣстоименное склоненіе* только въ нѣкоторыхъ падежахъ можно отличить отъ сложнаго, потому что древне-бол. гласныя, которыми оба склоненія отличаются между собою, въ Слав. языкѣ перешли въ соотвѣтствующія гласныя, напр. древне-бол. tego и dobraago=tega и dobrega, слѣд. о и аа перешло въ е; различіе удержалось только въ тѣхъ падежахъ, гдѣ въ мѣстоим. склоненіи въ древне-бол. было ѣ, напр. твор. ед. têm изъ teimь, и dobrim изъ древне-бол. dobryimь; ê однако и въ этомъ случаѣ часто ниспадаетъ въ ѣ, а на письмѣ замѣняется—i; такимъ образомъ и здѣсь нѣтъ различія, по-

тому что tem произносится тѣмъ, а пишется tim, какъ dobrim. 3. Относительно *сложнаго склоненія*, кромѣ сказаннаго, можно указать еще на слѣд. главныя уклоненія отъ древне-бол. сокращеніе—dobrega, нѣкогда dobriga изъ dobraago вм. dobrajego; во множ. числѣ женскій родъ вм. средняго: ozke vrata; двойств.—va изъ числит. dva, какъ и до сихъ поръ говорится: onêva и onêdva; несклоняемость нѣкоторыхъ прилагательныхъ, особенно взятыхъ съ нѣмецкаго, напр. tvojo falš misel, lepši ženska (въ вост. краинахъ lepša ž). 4. Глаголъ утратилъ аористъ и imperfectum, кромѣ незначительныхъ остатковъ, а также причастіе страдательное настоящаго времени.

Двепричастія прошедшаго и настоящаго времени употребляются, какъ герундій или нарѣчія; отъ настоящаго образуются также нарѣчія на—ečki: mučečki (tacendo). Прошедшее и давнопр. образуется такъ же, какъ и въ чешскомъ. Будущее не всегда означаетъ совершенное дѣйствіе, что произошло отъ вліянія Нѣмецкаго языка, а потому оно должно было образоваться цѣлымъ способомъ: помощію предлога po въ словахъ, означающихъ движеніе: pobežim, porodi, вмѣсто котораго Труберъ пишетъ: tvoja žena bodo tebi rodila; соединеніемъ неопред. наклоненія съ настоящимъ временемъ hotčti или iměti, напр. hočo priti (veniam), imate spoznati (cognoscetis), хотя въ настоящее время глаголъ iměti употребляется для выраженія обязанности;—чаще всего соединеніемъ прошедш. прич. дѣйств. съ глаголомъ bodem, по образцу польскаго: bom dělal. Тоже причастіе съ частицею bi (древне-бол. bychъ) образуетъ условное. Страд. зал. образуется помощію мѣст. возвр. se, или соединеніемъ прич. прош. страд. съ biti: govori se, smo hvaljeni.

Границы Словенскаго яз. Шафарикъ обозначаетъ слѣд. образомъ (Národopis, § 16). Начиная отъ Монштура, въ столицѣ Желѣзной, въ Венгріи, линія тянется по р. Лоблицѣ къ границамъ угроштирскимъ, потомъ идетъ по р. Чернцѣ; отсюда направляется черезъ Горцы до города Роганы къ р. Муръ черезъ нагорье Плачъ до Хбрутаніи и далѣе

на западъ черезъ города Грбинье и Вѣлякъ, за Бродомъ поворачиваетъ на югъ къ селу Лепалѣ на р. Бѣлой, идетъ по долинѣ Бѣлой и по границамъ Хорутаніи и Италіи къ горѣ Канину, огибаетъ венеціанскую делегацію, фріульскія краины пробѣгаетъ долину р. Резіи и поворачиваетъ къ юго-востоку отъ Венцона черезъ Трчетъ (Tarcento) и Старое мѣсто почти до самой Градишки, за тѣмъ по южной линіи горъ къ заливу тржицкому, за тѣмъ по бережью къ пиранскимъ соловарнямъ, отсюда идетъ по границамъ сербо-хорватскаго языка и мимо Добронака, Геетругъ и снова направляется къ Монштуру. Нарѣчій много, какъ вообще въ странахъ гористыхъ. Шафарикъ указываетъ слѣдующія: *Верхне-краинское*, въ которомъ с̆ или с передъ е, і употребляется вм. k, с̄ вм. cv: ceva (чрева), h вм. g, d на концѣ, какъ англійское th, даже какъ s: raş вм. rad, h (ch) вм. d передъ k rêlko—рѣдко, на концѣ вм. g: snêh;—*Нижне-кранское*, въ которомъ ej поставляется вм. ê: mejsto, особенное е, пишется je вм. ѧ: mjeso, u вм. о: nebu;—*Средне-краинское*, въ которомъ находится только среднее е, а вставочныя полугласныя і и u (вм. ъ) выговариваются полно bolêzin, dlug вм. dlъg;—*хорутанское*, *штирское*, *угорское* въ зап. Венгріи, *резянское* и *славонское* въ Италіи, *зитальское*, видоизмѣненіе хорутанскаго, наконецъ нарѣчіе *хорвато-словенское* въ Кроаціи (ср. Микл. Vrgl. Gramm. VIII. 1), такъ называемое въ этнографіи Шафарика Хорватское, въ немъ ê употребляется вм. ě: vera, dž вм. j; medža, v пред. l теряется, передъ начальнымъ u приставляется: las, vuho, твор. пад. на—um: ribum.

b) Хорвато-сербскій языкъ.

О ближайшемъ родствѣ Хорватовъ и Сербовъ и о неопредѣленности именъ: «Хорватъ» и «Сербъ,» мы предпошлемъ здѣсь нѣсколько словъ о разницѣ

названій: языкъ «Хорватскій» и «Сербскій.» При политической разорванности единство вѣры сдѣлалось на востокѣ сильнымъ объединяющимъ понятіемъ. Учрежденіе сербскаго патріархата въ Печѣ (Ипекъ) и независимой отъ Цареграда «Сербской» церкви соединило народъ въ одно цѣлое, въ которомъ никогда болѣе не угасало и знаніе этого единства, даже въ то время, когда политическія невзгоды разорвали его на части; каждый, исповѣдывавшій православную вѣру, зналъ, что его церковь есть «сербская,» или «славяно-сербская,» а языкъ его «Славяно-сербскій,» и тѣмъ болѣе держался этого единства, чѣмъ болѣе католицизмъ и магометанство угрожали его вѣрѣ, языку и народности. Когда такимъ образомъ на востокѣ имя Сербъ и сербская церковь обозначала народность и ея приверженцевъ, на западѣ духовенство совсѣмъ утратило сознаніе великаго славянства или иллирства, а народъ, забывая постепенно общее народное имя, сталъ называться своими частными мѣстными названіями: дубровницкимъ, далматинскимъ, босенскимъ, славонскимъ, а въ Яицѣ (въ Босніи) Гельфердингу отвѣчали: у насъ нѣтъ Сербовъ (т. е. православныхъ), мы латиняне (т. е. католики). Отъ такой небрежности духовенства, которое не умѣло внушить своему народу различія между народностью и вѣрою, произошло то, что православный юго-славянинъ вездѣ и всегда называлъ себя Сербомъ, а католикъ впослѣдствіи совсѣмъ не зналъ, какъ и называть себя.

Въ наше время, когда исторія и языкознаніе доказали тождество Сербовъ и Хорватовъ, нѣсколько освободились отъ этой путаницы, разумѣется, болѣе въ теоріи, но еще не вполнѣ на практикѣ; по крайней мѣрѣ, что касается литературнаго нарѣчія,—а оно, конечно, скорѣе уясняетъ дѣло, чѣмъ всякіе провинціализмы и идіотизмы, которыхъ всюду находится безчисленное множество—то грамматическія различія весьма незначительны (лексикальныхъ не существуетъ), и нѣтъ никакого основанія раздѣлять языкъ Хорватскій и Сербскій, когда существуетъ только одинъ языкъ *Хорвато-сербскій*;

уступка можетъ быть сдѣлана только для прежней привычки называть «Хорватскимъ» тотъ языкъ, на которомъ писали латинскою азбукой, а «Сербскимъ» тотъ, на которомъ писали Кириллицей. Въ послѣднее время Вукъ Караджичъ и Лудевитъ Гай дѣлали преобразованія въ обоихъ алфавитахъ, такъ что съ Кириллицы можно буква за буквой перелагать латинскимъ алфавитомъ (за незначительными исключеніями) и наоборотъ, для чего нужно только знаніе обоихъ алфавитовъ. Мы придерживались преимущественно правописанія Гая, частію по причинамъ типографскимъ, частію же потому что для чешскаго читателя этотъ алфавитъ знакомѣе; здѣсь, какъ извѣстно, сербское ђ=dj, ћ=ć (tj), џ=dž, љ=lj, њ=nj.

a) Ученіе о звукахъ. Изъ гласныхъ въ наибольшемъ употребленіи a, которая заступаетъ не только мѣсто древне-бол. а, но также древне-бол. ъ, ь, ѣ, ѧ, и для благозвучія ставится между согласными: san, dan, orach, jaše и т. д. Гласная е часто происходитъ отъ сокращенія ije, и въ такомъ случаѣ должна считаться ерированною гласною, въ слѣдствіе чего предшествующія ей гортанныя и губныя переходятъ въ поднебныя, l, n, r въ lj, nj, rj, напр. sluncе=tije. Гласная i заступаетъ древне-бол. у, а иногда иностр. u: pitati древне-бол. pytati, mir—murus. Древне-бл. лъ, ль на концѣ слова переходитъ въ о: misao (ль=лъ; prijatelj остается). Гласная u произошла изъ ѫ, въ часто изъ иностраннаго o: ruka, uz, limun. Гласной l не существуетъ (вм. slza—suza); r весьма употребительно и передъ гласными является также гласнымъ: smrt (въ словахъ smart и smert a и e—нѣмое), umro (трехсложное). Полугласная ъ употребляется только въ Черногорскомъ нарѣчіи и на сосѣднемъ побережьи: орапак читай: оръпък. Слѣды носовыхъ въ древнихъ памятникахъ весьма слабы (Шаф. Serb. Lesek, §. 9. и 10), въ нынѣшнемъ языкѣ вм. древне-бл. ѧ и ѫ употребляется e и u. Древне-бл. ѣ въ различныхъ мѣстностяхъ и сочиненіяхъ употребляется различно: на югѣ (см. ниже нарѣчіе южное или герцеговинское), если

имѣетъ удареніе острое, или никакого, то переходитъ въ je: mjera, zavjet если долгое—въ ie: mlieko, по сербски—*млиеко* (Хорваты вообще пишутъ ie тамъ, гдѣ Сербы, по правописанію Вука, пишутъ uje), а если за нимъ слѣдуетъ j, đi или гласная, то переходитъ въ i: bijah, pridje, dioba; на востокѣ переходитъ въ e, dete, въ Кроаціи въ—i, gredichu. Послѣ мягкихъ гласныхъ иногда o переходитъ въ e: vojevati и kojom, также a послѣ c: vjencem и mjesecom.

Зіянія Хорвато-сербскій языкъ избѣгаетъ: вставкою j, v, d, n, напр. bijen, biven, zpade, unutra,—поднятіемъ. y, u въ ov, uv ъ въ v, напр. slovem, kovati, rvati, jenvar, medved. Подпимаются; e въ o, rok,—въ ie (србск. uje) e, i (=ѣ) lietati, letati, litati; i въ ie, je (=ѣ) и oj—cviejati, vjestiti, roj.—o въ a: stvar; l (въ древне-бл, въ соединеніи съ ъ и ь) и r въ el, er, ol, or, ro, il, ir, li, al, ar, la, ra, напр. izbirati, zabor и т. д. древне-бл. ъ, ь въ o, i: opona, ticati и въ (ѣ=) je и ie, cvjetati, cviet; древне-бл. ѣ въ a, saditi; u и i=y—въ av, va, ov: baviti, kvas, rov; e (=ѧ)—въ u (=ѫ), напр. venuti (увядать), udo (ветчина). Сокращеній много: pojas=pas. На основаніи интонаціи и протяженности звуковъ Вукъ Стефановичъ употребляетъ 4 вида удареній ̀ для остраго, ̏ для болѣе остраго, ́ для слога долгаго и ̑ для двойнаго долгаго. Законы въ этомъ отношеніи до сихъ поръ еще мало изслѣдованы (Nêšto osrpkijem akcentima, Даничича въ Slav. bibl, Гласникъ 1), за то ухо тѣмъ чувствительнѣе и тоньше различаетъ ихъ. Часто по интонаціи отличаютъ одинаковые падежи и значеніе словъ одинаково написанныхъ, напр. дат. граду, мѣстн. граду, пас (насъ) и пас (песъ). Чаковцы однако значительно разнятся въ этомъ отношеніи отъ Штоковцевъ (см. Мажураничъ, Slovnica). Древніе писатели дубровницкіе и хорватскіе обозначали удареніе удвоеніемъ слѣдующей согласной, а долготу также удвоеніемъ гласной.

Согласныя буквы. О переходѣ l въ o говорилось выше; она вставляется послѣ губныхъ го-

раздо чаще, нежели въ древне-бл. напр. trpljeti, zivljeti вм. **Трънѣти, живѣти,** потому что, какъ намъ кажется, ѣ перешло въ ije, а это послѣднее въ ерированную гласную je, что во всякомъ случаѣ не составляло бы исключенія изъ древне-болг. закона, и trpljen=kupljenъ. Это евфоническое l въ Черногоріи и на сосѣднемъ побережьи мѣняется съ j: zobljem вм. zobljem; точно также на западѣ lj мѣстами перешло въ j: žeja вм. zelja; r бываетъ иногда мягкимъ, что доказываетъ слово carem (carjem), встрѣчающееся вмѣстѣ съ carom.

Иногда n послѣ m переходитъ въ l: mlogo. О замѣнѣ зубныхъ соотвѣтствующими поднебными можно сказать то же самое, что объ евфоническомъ l; поэтому dj и c соотвѣтствуютъ древне-бл. жд и шт, находясь передъ ерированною гласною, напр medja или meђa изъ первоначальнаго med—ija, древне бл. *межда* также braђa изъ первоначальнаго bratija, хотя Хорваты пишутъ bratja и gospoja, Госпо**Ѣ**а. Если поднебныя или шипящія встрѣчаются съ r, то между ними вставляется зубныя d или t, а—только иногда: ždrielo stzšljen. Обѣ эти зубныя выпадаютъ передъ n: krenuti вм. kretnuti, kinuti вм. kidnuti, передъ l: plela вм. pletla, prela вм. predla, на концѣ въ словѣ milos вм. milost и под., пуце вм. putce, dvanaest или dvanes вм. dvanadeset, gospostvo и т. д.; передъ t переходитъ въ s, а d передъ l, какъ въ чешскомъ. Соединеніе губныхъ pv и chv измѣняется иногда въ f; ufati, fala, въ другихъ случаяхъ иностранное f переходитъ въ p и v: tripun и trivun; p, b и v чаще выпускаются, нежели въ чешскомъ, преимущественно въ обыкновенной рѣчи, такъ poginuti, tonuti и obezeliti. Гортанныя g, k, ch переходятъ въ поднебныя предъ ерированными гласными, передъ e, также передъ i и передъ выпущеннымъ ь, какъ въ чешскомъ; въ иностранныхъ словахъ въ подобныхъ случаяхъ k и g переходитъ въ ć=(c) и dj (j), напр. šecer, kaludjez, kalujez; g, k, ch передъ i въ склоненіи переходятъ въ шипящія, какъ въ чеш-

скомъ и кромѣ того передъ а въ глаголахъ 5 класса: proricati, sczati, usdisati; k и g выпадаетъ въ глаголахъ 2 кл.: pisnuti, brinuti se и т. п.; ch въ различныхъ мѣстностяхъ произносится различно, отъ самаго мягкаго до самаго жосткаго; čt переходитъ въ št, ž въ r: što изъ чьто, more вм. moře. Шипящія переходятъ въ подънебныя, какъ въ чешскомъ, и кромѣ того передъ мягкими согласными, напр. šljiva, šljepota,—это особенная ассимиляція, встрѣчающаяся въ наибольшемъ употребленіи въ фонетическомъ правописаніи Караджича.

3) Ученіе о формахъ. 1 *Въ склоненіи существительномъ* им. и вин. муж. одуш. предметовъ сходны; дат. отъ мѣстн. отличается только удареніемъ (см. выше). Особенность составляетъ твор. женскихъ именъ вм. древне-*бл.* ąją или eją въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ встрѣчается—ою, єю; но также ов, єв, о, а позже, какъ и въ наст. вр.—om; это окончаніе произошло не отъ разложенія ж, потому что между ж и om въ хронологическомъ порядкѣ стоитъ ов, но съ поднятіемъ окончательной твор. падежа—m изъ окончательнаго—bhi. Съ подобнымъ, такъ сказать, реставрированіемъ исчезающихъ формъ мы встрѣчаемся весьма часто и въ другихъ случаяхъ, и это свидѣтельствуетъ о живомъ организмѣ языка. Двойственное число почти вполнѣ утратилось, оставивъ только незначительные слѣды у болѣе древнихъ писателей и въ современной рѣчи. Во множ. числѣ окончаніе in отпадаетъ: gradjanin—gradjani; въ большомъ употребленіи также множественное коллективное: gospoda, braћa; значительное количество односложныхъ удерживаютъ слогъ ov черезъ все множ. robovi, robovah, robove и т. д. Род. оканчивается на а, которое, по свидѣтельству Вука, въ Черногоріи и на сосѣднемъ побережьи произносится какъ ах и ъch, латинскимъ алфавитомъ пишется—ah: robah, djelah; въ Кроаціи это h не произносится, тамъ въ значительномъ употребленіи род. множ. который равенъ им. ед. otac, konj и т. д. а также род. на—i: popi kmeti. Дат., твор. и мѣстный множ. окан-

чиваются на ма: *робима*, *селима*, *женама*, изъ которыхъ дат. женама является какъ форма, перешедшая изъ двойств.; въ Кроаціи въ этихъ падежахъ говорятъ robom, robi, robih, что опять ближе къ древне-бл. и Сербы также приближаются къ этому во многихъ мѣстахъ.—
2. *Склоненіе мѣстоименнов* отличается отъ сложнаго произношеніемъ, именно—сложное сокращеніе формъ обнаруживаетъ удлиненіемъ слога, напр. onoga, čega и žutōga, vručēga; oni, one и žuti, žutē и т. д. Въ окончаніи род. выпадаетъ a: tog вм. toga.—3. *Въ сложномъ склоненіи* въ род. ед. также выпадаетъ a: dobrog. Нѣкоторыя прилагательныя, взятыя съ иностраннаго, не склоняются, на прим. metnu mukara boju na kara zubove.
4. *Глаголъ*, послѣ древне-бл., самая сохранившаяся часть рѣчи; въ немъ потерялось только причастіе наст. и супинъ древне-бл. Въ простыхъ формахъ оба языка имѣютъ замѣчательное сходство. Изъ сложныхъ формъ отъ чешскаго отличается преимущественно будущее, которое составляется: изъ неопред. съ настоящ. временемъ глагола htjeti (хотѣти), напр. hoćes poći, hvalićes=hvaliti+ćes сокращенно, подобно сокращенному *знад*—бѫдем=znati+budem;—соединеніемъ глаголовъ неокончательнаго вида съ предлогомъ uz (ставится послѣ союзовъ ako и kod), напр. ako uspišem, kad uzkosimo; кромѣ того въ Кроаціи употребительны формы будущаго изъ budem и imam+неопред наклоненіи: budem grliti, imam piti въ смыслѣ bibiturus sum. Biće poginuo очевидно есть остатокъ futurum exactum (Микл. Vrgl, Gramm. 1 III. Шаф. Serb. Lesek.)

П. Понырко.

ЯЗЫКЪ, ЯЗЫКИ И НАРОДЫ.

(Рѣчь Профессора Георга Курціуса) [1].

—

I.

Говорить о языкѣ и языкознаніи такимъ образомъ, чтобы выставить только понятныя всякому образованному человѣку, такъ сказать, только общечеловѣческія стороны предмета—дѣло далеко не легкое.—Хотя собственно нѣтъ ничего болѣе близкаго къ человѣку, какъ то удивительное средство, съ помощію котораго онъ сообщается съ другими людьми, благодаря которому онъ впервые ясно сознаетъ свои мысли, то драгоцѣнное средство, которое крѣпче привязываетъ его къ своему народу, чѣмъ что-либо другое и отдѣляетъ его отъ другихъ народовъ, инымъ образомъ передающихъ свои мысли и впечатлѣнія; хотя также нѣтъ недостатка въ хорошихъ сочиненіяхъ, которыя, имѣя соприкосновеніе съ этими общечеловѣческими, плѣняющими умъ и чувство, сторонами языка, пытаются расширить кругъ познаній относительно цѣли и задачи языкознанія: однако изслѣдованіе языковъ,

[1]) Предлагаемая рѣчь знаменитаго современнаго филолога была имъ произнесена въ Лейпцигѣ и напечатана въ Нѣмецкомъ журналѣ Daheim (IV Jahrgang, 6 Heft № 25.)

въ собенности Грамматика, считается слишкомъ сухимъ предметомъ, исключительнымъ достояніемъ ученыхъ, роющихся въ архивной пыли.—И каждому при словѣ «Грамматика»—приходятъ на память тѣ вздохи, которые ему приходилось расточать въ дѣтствѣ съ книжкою въ рукахъ, заключающей правила, все равно Французскаго или Латинскаго или Греческаго языка.—Часто слышатся разсужденія: въ свѣтломъ мірѣ искусства—духъ возвышается, въ созерцаніи законовъ природы—онъ просвѣтляется, вѣчными истинами религіи и нравственности—согрѣвается, въ исторіи человѣчества оживаетъ—а къ чему служитъ языкъ? Недавно только стало возможнымъ изслѣдованіе языка съ обширной точки зрѣнія. Прошлое столѣтіе знало только два способа разработки языка, сперва—чисто *эмпирическій*, ставившій себѣ цѣлью только правильное изученіе употребленія языка и смотрѣло на языкъ только какъ на средство входить въ сношенія съ чужимъ народомъ, посредствомъ разговора или письма.—Конечно, и эта цѣль, собственно для языковъ мертвыхъ, могла быть достигнута только при тонкой наблюдательности, только при запасѣ остроумія и учености.—Другой способъ обработки языковъ былъ *философскій*. Изслѣдовали вообще существо и происхожденіе языка, и думали здѣсь найти возможность, изъ законовъ мышленія, вывести всеобщіе законы языка и даже построить общую, содержащуюся во всѣхъ отдѣльныхъ языкахъ, лежащую въ основаніи всѣхъ ихъ—грамматику.

Первому способу обработки недостаетъ общаго интереса; второй, философскій, сталъ на зыбкую почву и обратился, какъ и другія подобныя стремленія въ другихъ областяхъ наукъ, къ произволу и неопредѣленности.

Когда въ началѣ нашего столѣтія, даровитый ученый, весьма уважаемый самимъ Гёте—Карлъ Филиппъ Морицъ захотѣлъ въ Берлинѣ прочитать лекцію, при огромномъ стеченіи публики, по предмету языкознанія, онъ не нашелъ другой темы, кромѣ одной, для того времени, быть можетъ, выбранной очень удачно, но во всякомъ случаѣ далеко не высокаго содержанія: о различіи между

mir и mich. Если мы рѣшаемся сегодня избрать нѣчто высшее, то преимущественно обязаны этимъ троимъ великимъ ученымъ, которые, съ весьма различныхъ сторонъ, внесли въ это дѣло значительную перемѣну.

Старшій между ними—Вильгельмъ-фонъ-Гумбольдъ. Вся его юность относится еще къ прошлому столѣтію. В. Ф. Гумбольдтъ росъ собственно среди философскихъ и эстетическихъ стремленій цвѣтущаго времени нашей литературы. Возбужденный Кантомъ и Фихте, находившійся въ тѣсной дружбѣ съ Шиллеромъ, онъ былъ передовой членъ веймарскаго кружка. Но по причинѣ его богатыхъ воззрѣній, его высокаго государственнаго положенія и другихъ обстоятельствъ, былъ онъ, мало по малу, увлеченъ на другое поприще собственно уже въ позднихъ лѣтахъ жизни, сосредоточивъ свое глубоко-проникающее мышленіе на языкѣ. И здѣсь прежде всего завлекла его великая проблема о безконечномъ *различіи* человѣческихъ языковъ. Основываясь на богатѣйшихъ коллекціяхъ, которыя отчасти достались ему, въ слѣдствіе путешествій его великаго брата Александра, изъ внутренней Азіи и Америки, онъ сдѣлалъ болѣе обстоятельное обозрѣніе этого различія, чѣмъ кто либо другой.

Яснымъ взглядомъ узналъ онъ, что это множество языковъ должно быть понимаемо не какъ нѣчто внѣшнее и случайное, а только какъ нѣчто *единое*, случайно испорченное и распавшееся, что скорѣе различіе языковъ и народовъ есть нѣчто данное въ существѣ духовной жизни человѣка, что мы, далеки отъ того, чтобъ жаловаться на это множество, скорѣе должны удивляться здѣсь непрестанному болѣе или менѣе удачному усилію духовной силы человѣка, усилію выразить мысль въ словѣ. Философемы Гумбольдта нанесли ударъ всѣмъ прежде построеннымъ системамъ, хотя онѣ выступили болѣе въ формѣ поясненій и предсказаній. Всякому изслѣдованію языка Гумбольдтомъ поставлены были высшія задачи, указаны другіе пути, прослѣдить которые до конца далеко еще не успѣла наука. Вмѣсто бывшихъ до сихъ поръ попытокъ—явленія языка выводить изъ готовыхъ формъ

мышленія, теперь поставлено было цѣлью—углубляться въ мысль и чувство, такъ—сказать въ душу каждаго народа и отсюда понимать особенности языка.

Ближе, чѣмъ Вильгельмъ Гумбольдъ (умершій въ 1835-мъ году) стоитъ къ нашему поколѣнію Яковъ Гриммъ. Вѣроятно многіе изъ насъ лично знаютъ того нѣмецкаго ученаго, который, въ смутное время чужевластія, началъ раскрывать нашему народу сокровище его языка, его обычаевъ, его права и древнихъ вѣрованій, который въ престарѣлыхъ лѣтахъ съ неутомимымъ рвеніемъ и поэтическимъ чувствомъ со дня на день ускорялъ окончаніе одного изумительнаго сочиненія: это Сказки. Посредствомъ этихъ сказокъ, изданныхъ имъ и его братомъ Вильгельмомъ, имя *«Гриммъ»* проникло даже въ дѣтскія комнаты нѣмецкихъ дѣтей. Образъ этого человѣка, соединявшаго дѣтское простодушіе съ исполинскимъ духомъ изслѣдованія, съ проницательнымъ остроумнымъ взглядомъ твердое мужество, доказанное имъ въ политической жизни,—есть общее достояніе всѣхъ нѣмцевъ.—И если величайшее произведеніе Якова Гримма, *Нѣмецкая Грамматика*, остается книгою ученыхъ, то его Нѣмецкій Словарь, начатый въ старости и доконченный преимущественно здѣсь въ Лейпцигѣ, есть въ высшей степени достойное національное произведеніе, такое сочиненіе, которымъ не можетъ гордиться никакой другой народъ. Если Вильгельмъ Ф. Гумбольдтъ пролилъ вообще новый свѣтъ относительно языкознанія, то заслуга Якова Гримма состоитъ въ томъ, что онъ показалъ, какъ должно изслѣдовать отдѣльно каждый языкъ (конечно, въ обширномъ смыслѣ слова) въ его основаніяхъ и прослѣдить движеніе въ его разнообразныхъ развѣтвленіяхъ. Языкъ для Вильгельма Гумбольдта есть проблема изъ жизни человѣчества; отдѣльный языкъ для Якова Гримма есть откровеніе народа, тѣсно связанное съ его вѣрованіями, обычаями, со всѣмъ кругозоромъ; за этимъ откровеніемъ онъ слѣдитъ съ внутреннею радостью до мелчайшихъ подробностей.

Третій въ ряду этихъ изслѣдователей, проложившихъ путь, но не послѣдній, хотя во многихъ отношеніяхъ

важнѣйшій, есть *Францъ Боппъ*, родившійся въ 1791-мъ году и недавно умершій въ Берлинѣ.

Его имя пользуется меньшею популярностію, чѣмъ имена двухъ названныхъ выше. Францъ Боппъ не былъ облеченъ въ высшія государственныя должности, не писалъ популярныхъ сочиненій. Его жизнь цѣликомъ принадлежитъ области строгой науки, это была—тихая жизнь ученаго. Но изъ его рабочаго кабинета выходили мысли, имѣвшія большое значеніе для обработки языковъ, для свѣдѣній о важнѣйшихъ народахъ, даже для основныхъ условій нашего европейскаго образованія.

Францъ Боппъ провелъ первую молодость въ Ашаффенбургѣ и тамъ получилъ призваніе, рано приведшее его къ занятію Санскритскимъ языкомъ, который тогда только сталъ нѣсколько болѣе извѣстенъ Европѣ. Еще раньше въ Европейскихъ литературахъ ощущалась потребность въ этомъ богатомъ внѣшними формами письменномъ и искусственномъ языкѣ индійскихъ браминовъ, которыхъ богатая, развившаяся въ теченіе многихъ столѣтій литература, все болѣе и болѣе выступала въ свѣтъ. Боппъ углубился въ изученіе этого языка въ Парижѣ, гдѣ представлялась тогда къ этому наибольшая возможность и вскорѣ сдѣлалъ изъ этого изученія такое примѣненіе, которое далеко превзошло всѣ до сихъ поръ бывшія попытки. Въ вышедшей въ 1816 году системѣ спряженій онъ показалъ поразительное сходство языковъ Греческаго, Латинскаго и Нѣмецкаго съ Санскритскимъ и тѣмъ создалъ науку, называемую съ того времени—сравнительною грамматикой, сравнительнымъ языкознаніемъ.

Сравненіе есть конечно для всѣхъ наукъ самое плодотворное средство къ изученію, средство, принадлежащее по праву нашему столѣтію. Достаточно указать на сравнительную Анатомію, сравнительную Географію, сравнительную статистику. Если въ наше время возможно, помимо всѣхъ препятствій, быстро достигать различныхъ воззрѣній и свѣдѣній, то должно цѣнить стремленіе—сравнивать разнообразное между собою, замѣчать черезъ сопоставленіе—сходство и различіе. Въ противо-

ложность съ прежнимъ способомъ сравнительное направленіе имѣетъ въ себѣ нѣчто космополитическое.

Едвали есть какая нибудь отрасль знанія, которая осталась бы не затронута этимъ направленіемъ. А для языкознанія она имѣетъ еще большее значеніе. Въ сравненіяхъ и прежде еще не было недостатка. Но тогда оставались при отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и произвольныхъ положеніяхъ.—Странное, поддерживаемое религіозными предразсудками заблужденіе до того злоупотребляло высокимъ значеніемъ Еврейскаго народа для религіозной жизни человѣчества, что считало Еврейскій языкъ—матерью всѣхъ языковъ и изъ него изъясняло наудачу слова другихъ языковъ. Понадобился вовсе не маловажный человѣкъ, Лейбницъ, чтобы первый разъ назвать этотъ предразсудокъ его именемъ. Противоположнымъ явленіемъ этому ложному универсализму была національная ограниченность. Каждый народъ хотѣлъ, гдѣ только можно, сдѣлать свой языкъ основнымъ. Такъ были попытки—выводить Греческій языкъ изъ Фламандскаго, Латинскій языкъ изъ Славянскаго. Въ XVII-мъ столѣтіи Пампелунскій капитулъ канониковъ положилъ рѣшеніе такого рода, что Адамъ и Ева во всякомъ случаѣ разговаривали по-басски и когда въ 1815-мъ году, именно въ тотъ годъ, когда Боппъ вступилъ на новую дорогу, сознаніе нѣмецкаго національнаго чувства было очень велико,—въ Майнцѣ утвердилась мысль, что Нѣмецкій языкъ былъ, между прочимъ, роднымъ языкомъ Зороастра, Моисея, Авраама и даже Адама. Охотно пользовались сравненіями, чтобы возвести трудно понимаемыя слова къ ихъ основной формѣ. Если это не удавалось съ средствами того языка, къ которому принадлежало данное слово, то ссылались нѣкоторымъ образомъ на другой.—И въ отношеніи къ выбору языковъ, а равно и къ пользованію ими—имѣли силу самые произвольные взгляды; Востокъ и Западъ, старое и новое время,—были смѣшиваемы безразлично. Этимологія была тогда на самомъ дурномъ счету у свѣтлѣйшихъ головъ того времени. Вольтеръ шутилъ надъ нею съ извѣстнымъ остро-

уміемъ,—говоря, что этимологія есть наука, въ которой вовсе не обращаютъ вниманія на гласныя буквы и очень мало на согласныя.

Чѣмъ же отличается наука, получившая начало отъ Боппа—отъ этихъ дикихъ и фантастическихъ попытокъ? Вотъ объ этомъ-то я хочу сообщить вамъ нѣсколько подробнѣе. Но считаю нужнымъ сказать еще то, что названные три великихъ изслѣдователя Гумбольдтъ, Гриммъ и Боппъ дружно работали, взаимно помогая другъ-другу. Гумбольдтъ призвалъ Боппа къ его прекрасной сферѣ дѣятельности при Берлинскомъ университетѣ и направлялъ его занятія постояннымъ и дѣльнымъ участіемъ, а самъ, обратно, часто основывался на данныхъ, основанныхъ на открытіяхъ Боппа и пользовался ими для своихъ цѣлей. Яковъ Гриммъ сначала былъ благодарнымъ ученикомъ Боппа, съ другой стороны и Боппъ не могъ такъ полно разрѣшить свои обширныя задачи безъ Нѣмецкой Грамматики Гримма. По моему мнѣнію, въ этой взаимности проглядываетъ также—черта, соотвѣтствующая лучшему духу нашего времени. Языкознаніе съ самаго начала основано не на талантѣ или авторитетѣ одного лица, но на взаимной дѣятельности многихъ, направленной безъ зависти къ достиженію общей цѣли.

Новый элементъ, внесенный юною наукой состоялъ уже въ томъ, что она создала порядокъ.—Это было въ высшей степени необходимо. Число извѣстныхъ языковъ безконечно. Совершенно точное изслѣдованіе еще долгое время будетъ невозможно особенно потому, что граница между языкомъ и нарѣчіемъ можетъ быть опредѣлена (и то съ трудомъ) только въ слѣдствіе отчетливаго знанія. Приблизительно вычислено профессоромъ Поттомъ въ Галлѣ, заключающимъ собой рядъ прежнихъ ученыхъ—число до сихъ поръ извѣстныхъ языковъ—860, изъ которыхъ—53 языка приходятся на долю Европы, 135—на долю Азіи, остальные принадлежатъ другимъ частямъ свѣта. Лейпсіусъ выставляетъ въ одномъ сочиненіи, гдѣ онъ составилъ общій алфавитъ для всѣхъ языковъ,—каталогъ изъ 320 языковъ, о которыхъ онъ имѣетъ свѣ-

дѣнія и упоминаетъ, что Библейское общество въ Лондонѣ издало Библію на 150 различныхъ языкахъ. Эту огромную, недоступную для обозрѣнія одному человѣку, массу стали приводить въ порядокъ въ двоякомъ отношеніи. Во 1-хъ посредствомъ классификаціи языковъ и во 2-хъ посредствомъ указанія генеалогической связи между многими изъ нихъ. Языки раздѣляются на классы по принципу или по основному характеру ихъ строенія. Это выраженіе: «строеніе языка» само есть продуктъ новѣйшей науки. Но такъ какъ выраженіе «строеніе» совпадаетъ съ понятіемъ образованія формъ, то нѣкоторые ученые употребляютъ для этого также греческое слово отъ формы μορφή (morphé) и называютъ классификацію языковъ—ихъ *морфологическимъ* раздѣленіемъ. Строеніе языка имѣетъ существенное основаніе на способѣ соединенія словъ между собою и въ предложеніяхъ. Если мы, напр. захотимъ употребить понятія Wort и Mann во взаимномъ отношеніи, то говоримъ Manneswort или das Wort eines Mannes. Мы видимъ различный смыслъ въ выраженіяхъ: der Mann giebt ein Wort (человѣкъ даетъ слово) и der Mann macht Wort (человѣкъ создаетъ слово). Но есть языки, въ которыхъ всѣ эти различія не могутъ быть выражены такимъ образомъ, потому что въ нихъ слова, обозначающія понятіе «человѣкъ» и «слово» всегда остаются безъ измѣненія. Можно оба слова только поставить другъ послѣ друга и уже предоставляется слушателю отъискать смыслъ, въ которомъ ихъ задумали соединить. Этому много помогаетъ приставка словъ и маленькихъ вспомогательныхъ частицъ. Что все-таки и такъ возможно пониманіе—можно видѣть изъ краткости нашихъ поговорокъ, напр. ein Mann—ein Wort. И вотъ тѣ языки, которые существенно имѣютъ такой характеръ, называютъ—языками *безформенными*. Между ними возбуждаетъ особое удивленіе знатоковъ Китайскій. Совершенно противоположны этимъ языкамъ—языки богатые формами, именно имѣющіе флексіи, которые могли бы быть названы также языками измѣняющимися, потому что ихъ сущность состоитъ въ томъ,

чтобы давать каждому слову по его отношенію къ другимъ перемѣнную наружную форму. Маленькіе, легко—произносимые слоги, то ставятся впереди, чаще позади корня слова, и оказываютъ тѣмъ важную услугу, нисколько не нарушая единства (цѣльности) слова.—Въ нашемъ измѣненіи Mann, Mannes, Manne; spreche, pricht, sprach, gesprochen, мы имѣемъ только слабый остатокъ этого нѣкогда гораздо большаго измѣненія (формообразованія). Между этими двумя полюсами,—языками безформенными съ одной стороны, языками изобилующищи формами съ другой—находятся всѣ остальные языки. Они заключаютъ въ себѣ многія, весьма разнообразныя попытки, отъ безформенности проникнуть до какого-нибудь рода формы. Языкознаніе, конечно, имѣетъ задачею—говорить и о языкахъ грубыхъ и дикихъ. Каждый языкъ, равно какъ каждое растеніе, каждое животное—есть само по себѣ достойное удивленія цѣлое. Тѣмъ не менѣе въ обѣихъ областяхъ мы можемъ различать высшіе и нисшіе организмы. Весьма вѣроятно. что высоко развившіеся языки произошли отъ нисшихъ ступеней. Изслѣдователь языковъ, какъ и естествоиспытатель, пытается—прослѣдить за бытіемъ того, что лежитъ другъ послѣ друга въ большомъ разнообразіи. Какъ геологъ изъ напластованія земли, какова она теперь, заключаетъ о прежнихъ періодахъ, лежащихъ внѣ всякаго преданія, такъ дѣйствуетъ и изслѣдователь языковъ въ своей области. Только не должно думать, что прогрессъ въ строеніи языка обусловливается изобрѣтеніемъ или размышленіемъ, или даже культурой. Установка формъ языка лежитъ внѣ всякой исторіи и культуры; періодъ образованія языка гораздо старше всякаго другаго элемента образованія человѣчества. Всѣ измѣненія, которыя мы можемъ замѣтить въ языкахъ въ теченіе тысячелѣтій, незначительны, сравнительно съ глубокими различіями, которыя должны были укорениться въ гораздо болѣе раннее время.

Внутри тѣхъ самыхъ языковъ, которые по своему строенію принадлежатъ къ одному и тому же классу, возникаютъ часто болѣе тѣсныя отношенія. Ясно ста-

новится, что цѣлые ряды ихъ родственны между собою. Это понятіе «родственны» мы беремъ въ строгомъ смыслѣ. Въ обыкновенной жизни называемъ мы родственными—кромѣ тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ чрезъ бракъ, такихъ людей, изъ которыхъ или одинъ другому прямо обязанъ бытіемъ или—которые имѣютъ общихъ, доказанныхъ предковъ.—Тоже самое и относительно языковъ. Родство языковъ обусловливается всегда происхожденіемъ изъ одного источника. Поэтому-то и называемъ мы распредѣленіе языковъ по ихъ родству и, такъ сказать, по ихъ родословному дереву—генеалогическимъ.—Число генеалогически опредѣленныхъ языковъ еще сравнительно мало. Но, къ счастію, между ними находятся языки—болѣе совершенные и болѣе важные для исторіи человѣчества.—И прямо для этого, а также и для открытія основныхъ законовъ, по которымъ возможно генеалогическое распредѣленіе,—открытіе Санскрита составило эпоху.

II.

Ровно 100 лѣтъ назадъ,—французскій миссіонеръ патеръ Коёрдуксъ въ Пондишери замѣнитъ, что въ священномъ языкѣ браминовъ много сходнаго съ западными языками, именно съ Латинскимъ и Греческимъ. «Удивленіе, сказалъ Платонъ, есть начало всякаго знанія.» Этому великому человѣку показалось такъ удивительнымъ упомянутое обстоятельство, что онъ послалъ Парижской Академіи записку подъ заглавіемъ: «какъ случилось, что въ Санскритскомъ языкѣ находится много словъ общихъ съ Латинскимъ и Греческимъ, преимущественно съ Латинскимъ?» Французская Академія не знала, какъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Также, когда въ 1786 году англійскій ученый Вильямъ Джонсъ представилъ подобныя же соображенія ученому обществу въ Калькуттѣ—дѣло не подвинулось впередъ.—Почти исключительно нѣмец-

кимъ ученымъ удалось—дать правильный отвѣтъ. Но чтобы достигнуть этого, надо было стараться разрѣшить вопросъ другими средствами. Сходство отдѣльныхъ словъ имѣетъ въ себѣ всегда нѣчто обманчивое: то это дѣло случая, то—является возможнымъ заимствованіе однимъ языкомъ изъ другаго. Францъ Боппъ первый обратилъ вниманіе не на отдѣльныя слова, а на общій строй языка и на существенныя стороны его сходства съ важнѣйшими языками Европы.

Какъ онъ въ этомъ случаѣ поступалъ,—легко можно понять и безъ обширнаго языкознанія. Если напр. Санскритская форма asti соотвѣтствуетъ Нѣмецкому er ist, Франц. est, Лат. est, Греческ.—ἐστί (esti); если Санскритской формѣ santi соотвѣтствуетъ наша sie sind Франц. sont, Лат. sunt, то тутъ уже не можетъ быть случайности.

Также немыслимо, чтобы столь употребительныя формы перешли къ остальнымъ народамъ изъ Индіи изъ другаго мѣста.—Также легко доказать, что основа для единственнаго числа есть as—ti, а эту форму анатомъ языка разлагаетъ на двѣ составныя, на коренной слогъ as, содержащій въ себѣ понятіе *бытія*, и на окончаніе ti, обозначающее личное окончаніе: онъ, она, оно. Если мы болѣе обратимъ вниманія на нашъ нынѣшній Нѣмецкій языкъ, то мы найдемъ это t не только въ формѣ ist, но и въ формахъ geht, steht, thut и т. д. и на томъ же мѣстѣ вообще ставится t во Французскомъ языкѣ,—напр. въ формахъ fait, vient. Въ Санскритѣ вездѣ является полный слогъ ti на этомъ мѣстѣ, и это ti отождествляется съ мѣстоименіемъ ta (онъ). Однимъ словомъ: окончаніе t въ формѣ ist собственно означаетъ *онъ*, слѣдовательно—такъ какъ форма is вмѣсто древней as означаетъ бытіе, то форма ist собственно=sein er. Тоже самое er, которое мы въ формѣ er ist ставимъ впереди—уже заключается въ основной формѣ, но по древнему пріему поставлено назади.—Если теперь обдумать, въ скольких тысячахъ случаевъ повторяется та же постановка впереди, то придешь къ убѣжденію, къ какимъ глубокимъ выводамъ приводитъ каждое отдѣльное подоб-

ное сравненіе, какъ оно гораздо больше доказываетъ родство языковъ, чѣмъ цѣлые ряды однозвучныхъ словъ. И если Боппъ доказалъ, что не только er, но и ich, du, wir, ihr, sie въ цѣломъ рядѣ языковъ выражаются тѣми же звуками, что ударенія имѣютъ тѣ же знаки, что можно доказать сходство въ падежныхъ окончаніяхъ,—то этимъ было доказано и сходство ихъ строенія. И это сходство объяснялось ничѣмъ другимъ, какъ только первоначальнымъ *единствомъ* этихъ языковъ. Такимъ образомъ это и послужило отвѣтомъ на вопросъ французскаго миссіонера: «Какъ это случилось, что Санскритъ имѣетъ такъ много сходства съ Латинскимъ и Греческимъ языкомъ?» Отсюда выходитъ, что эти языки, и многіе другіе, кромѣ ихъ, суть вообще братья, дѣти одной и той же матери, или, говоря иначе,—развѣтвленія одного и того же основнаго языка, который Боппъ тогда же назвалъ *индогерманскимъ*, соединивъ восточную и извѣстную тогда западную вѣтвь. Послѣ Боппъ самъ предпочелъ названіе *индоевропейскаго*.

Въ новѣйшее время стали употреблять нѣсколько сомнительное по точности, но удобное по краткости названіе—*Арійскій* основной языкъ. Мнѣ слѣдовало бы провести передъ вами отдѣльно каждый изъ этихъ родственныхъ языковъ. Но, съ вашего позволенія, я, въ краткихъ чертахъ, разскажу исторію всего этого племени, какъ она извлекается изъ архивовъ языкознанія, не всегда впрочемъ съ одинаковою точностью.

Въ то время, которое не поддается точному вычисленію, но во всякомъ случаѣ за нѣсколько тысячъ лѣтъ до Христіанской эры,—внутри Азіи, быть можетъ, на сѣверной окраинѣ ея могучей центральной цѣпи горъ, въ богатой лугами плодоносной полосѣ земли, жилъ высокодаровитый народъ. Ему надо было прожить долгое время свободнымъ отъ нападеній сосѣднихъ народовъ и имѣть полный досугъ, чтобы такъ просто и вполнѣ развитъ свой характеръ. Этотъ народъ, какъ и наши предки, которыхъ мы однако охотнѣе всего называемъ Индогерманцами,—былъ—народъ пастушескій. Въ воспомина-

ніе этого времени сохранилъ онъ въ теченіе тысячелѣтій, не смотря на всевозможныя раздѣленія въ послѣдствіи—тѣже названія для важнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, какъ-то: волъ, овца, лошадь, гусь, утка и, товарищъ пастуха, собака. Были также первые зачатки хлѣбопашества. Знали необходимое плотничье искусство, кораблестроеніе, хотя изъ этого еще не слѣдуетъ, что было судоходство по рѣкамъ и озерамъ. Высшимъ существомъ Индогерманцы почитали—свѣтлое небо. Борьба свѣта съ тьмою, задернутыхъ тьмою облаковъ съ блескомъ солнца, шумъ бурь и непогодъ, восходъ и заходъ солнца—все это развилось въ живомъ воображеніи народа въ чудные образы битвъ и дѣяній сверхъ-естественныхъ силъ. Время считалось по перемѣнѣ мѣсяца, который въ слѣдствіе того назывался *мѣрителемъ*. Кочевая жизнь требовала, быть можетъ, частыхъ перемѣнъ пастбищъ, но все таки домъ, хотя и подвижной, былъ для Индогерманца священнымъ мѣстомъ. Въ главѣ его—отецъ, имя котораго означало *защитникъ* и *хранитель* и мать, которой имя значитъ *мѣрящая*, что должно понимать въ хозяйственномъ смыслѣ какъ раздавательницу запасовъ и дѣлительницу кушанья. Въ противоположность ей—мужъ называется *господиномъ*, тогда какъ названіе братъ, вѣроятно, по отношенію къ сестрѣ, означаетъ *охранитель*. Внутреннее значеніе этихъ названій, какъ и безчисленныя выраженія для отдаленнѣйшихъ степеней родства, указываютъ на развитое понятіе о семьѣ и исключаютъ всякую мысль о дикости отношеній. И вотъ этотъ народъ, въ тиши его патріархальнаго быта, совершилъ великое духовное дѣло, доставшееся намъ въ наслѣдство, онъ создалъ совершеннѣйшій изъ языковъ человѣческаго племени. Это не значитъ, что мы представляемъ его себѣ въ началѣ—безсловеснымъ: человѣкъ по существу есть говорящее, мыслящее въ разговорѣ твореніе. До первыхъ зачатковъ языка не проникаетъ изслѣдованіе. Но совершенства строенія его безспорно прежде всего достигъ Индогерманскій языкъ и здѣсь удается прежде всего указать на переходныя степени этого развитія. Это должно было совершиться

въ ранній періодъ. Образованіе языка достается человѣку только въ раннія времена. Для всякаго народа должно предположить такой періодъ, когда духовная жизнь его состоитъ существенно, хотя не исключительно, въ образованіи языка. За этимъ періодомъ образованія языка— слѣдуетъ культура, творящая сказанія, а потомъ уже— періодъ полнаго сознанія. Народы, не достигшіе послѣдняго, стоятъ еще ближе къ этому дѣтскому возрасту и могутъ служить для насъ указаніемъ, какъ совершается это языкообразованіе. Путешественники замѣчаютъ, что для Индійскихъ племенъ, Южной Америки—любимой бесѣдой въ ихъ общественныхъ сходкахъ служитъ—изобрѣтеніе новыхъ словъ и измѣненіе словъ употребительныхъ. Счастливыя выдумки отдѣльныхъ лицъ сопровождаются смѣхомъ и рукоплесканіемъ, какъ на другихъ степеняхъ культуры,—новая пѣсня или новая острота, по благосклонности общественнаго мнѣнія, часто быстро переходятъ въ общее употребленіе. Въ такомъ же видѣ мы должны себѣ представить и работу надъ языкомъ со стороны интересующаго насъ Индогерманскаго кочеваго народа съ тою только разностію, что побудительною причиною былъ здѣсь другой болѣе глубокій народный духъ. Этимъ не исключаются даже геніальныя выдумки отдѣльныхъ личностей, но они могутъ быть приняты только тогда, когда они изобрѣтены въ точномъ смыслѣ народнаго духа и потому поняты имъ, приняты и далѣе распространены, потому что языкъ есть вообще продуктъ общественной жизни. Такимъ образомъ большая часть того безконечнаго богатства формъ, которому мы изумляемся въ Санскритѣ и въ Греческомъ языкѣ, изъ котораго порядочную долю получили и наши нѣмецкіе предки,—произошла въ это время, время, лежащее внѣ всякаго историческаго преданія. Позднѣйшая культура вліяла конечно на болѣе утонченное выраженіе,—но не на собственно увеличеніе этихъ богатствъ. Языкъ Индогерманцевъ уже имѣлъ числительныя, расположенныя по усовершенствованнѣйшей десятичной системѣ.

Въ Африкѣ есть языки, которыхъ впрочемъ нельзя въ

точномъ смыслѣ слова сосчитать до 5; здѣсь, напротивъ, система счисленія была уже готова до конца сотенъ, только для 1000 было присоединено слово въ послѣдствіи. Но изслѣдователи пошли дальше. Всякая мысль исходитъ изъ созерцанія, потому для языкознанія нѣтъ ничего важнѣе, какъ расположеніе всѣхъ понятій по чувственнымъ созерцаніямъ. Тамъ болѣе имѣетъ значенія то обстоятельство, что первобытное индогерманское племя уже перешло эту первую ступень и пріобрѣло себѣ слова для выраженія духовныхъ понятій. Наше ich weiss (я знаю) звучитъ въ древней доказанной формѣ,—vaida. Оно родственно съ индійскимъ veda, названіемъ священныхъ книгъ Индійцевъ, какъ сокращеніе всего ихъ знанія.— Чувственное основное понятіе сохранилось въ Лат.— videre, Франц. voir. Наше слово Name (имя) звучитъ по-санскритски, почти также—nâman и возводится къ основной формѣ Gnâ—man, сохранившейся самымъ чистымъ образомъ въ Лат. cognomen (прозваніе). Корень тутъ gnâ (познавать), слѣд. оно значитъ—*познаніе*. Третьимъ корнемъ, звучавшимъ man и означавшимъ *думать*,—куда относится и Нѣм. meinen, обозначенъ былъ даже человѣкъ: man—us, наше Mann собств. думающій. Этотъ корень родственъ съ mâ (мѣрять, касаться). Кажется, что языкъ понялъ мышленіе какъ духовное ощущеніе, такъ какъ первоначальное чувственное значеніе осталось въ Лат. manus, Франц. main. Отсюда видно, что народъ въ это первобытное время не жилъ только въ чувственномъ мірѣ.

Но Индогерманцы, которыхъ общій первобытный бытъ мы пытались возстановить—не могли всегда оставаться вмѣстѣ, потому что этотъ народъ былъ тѣснимъ сосѣдями (мы не должны забывать, что онъ былъ не одинъ), потому ли что внутренняя раздоры нарушили патріархальный міръ, или потому, что съ теченіемъ времени первоначально занятая полоса земли стала слишкомъ тѣсною для увеличившагося между ними населенія,—короче наступилъ періодъ раздѣленія. И какъ кажется, Индогерманцы раздѣлились на двѣ части, на восточную вѣтвь,

оставшуюся ближе къ первоначальному мѣсту жилища, и на западную, быстро увлеченную духомъ странствованія въ отдаленныя страны. Послѣдуемъ сперва за послѣдней. Весьма вѣроятно, что предки всѣхъ Европейскихъ родственныхъ племенъ въ періодъ времени ихъ особаго, но отъ восточной отрасли Индогерманскаго племени уже отдѣльнаго общества, скоро перешли отъ кочеваго быта къ земледѣлію, какъ къ главному занятію. Оба слова для pflugen (пахать) Лат. arare Ст. В. Нѣм.— aran и для mahlen (молоть) Лат. molere исключительно принадлежитъ западной части.

Но и это болѣе тѣсное общество не было продолжительно. Начались отдѣльныя странствованія на Западъ, благодаря которымъ Европа по большей части индогерманизировалась.—Странствованія народовъ, какъ ни могутъ они казаться враждебными современнымъ нашимъ воззрѣніямъ, достовѣрно извѣстны намъ въ большомъ объемѣ изъ среднихъ вѣковъ. Мы видимъ, что тогда какъ и въ извѣстныя времена, часто въ слѣдствіе ничтожныхъ побужденій, народными массами овладѣвала охота къ странствованію, и тогда, какъ это наглядно описываетъ Густавъ Фрейтагъ въ его превосходныхъ картинахъ нѣмецкаго прошлаго, мужчины, женщины, дѣти и домашній скотъ съ необходимымъ скарбомъ проходятъ огромныя пространства, временно отдыхаютъ, чтобы потомъ опять снова тронуться съ мѣста и основывать новую родину среди нужды, лишеній и наконецъ борьбы, часто въ недостижимой дали отъ прежнихъ единоплеменниковъ. Подобнымъ образомъ шли уже много столѣтій назадъ наши предки въ ихъ европейскія жилища. Мы можемъ также и среди ихъ различить различныя направленія. Одно—это сѣверный отдѣлъ, который долгое время былъ въ соединеніи въ Южной Россіей, а потомъ распался на 2 главныя семейства. Одно изъ этихъ семействъ — Славяно-Литовское, изъ котораго позднѣе произошла—большая масса Славянскихъ народовъ: Русскихъ, Сербовъ, Поляковъ, Чеховъ и т. д. съ другой стороны—Литовцы и Летты. Замѣчательнѣйшій въ исторіи языковъ, членъ

этой семьи Литовскій, на которомъ и до сихъ поръ говорятъ отчасти въ Восточной Пруссіи, въ тѣхъ странахъ, которыхъ бѣдственно еположеніе служило поводомъ къ тому, что мы сошлись здѣсь,—тотъ Литовскій языкъ, на которомъ говорятъ крестьяне въ Юго-восточномъ углу Балтійскаго моря и который болѣе всѣхъ сохранилъ первобытный индогерманскій типъ. Мужъ (супругъ) первоначально pati—s и до сихъ поръ звучитъ pats; волкъ—по Санскр. vrkas—по-литовски vilka—s; *онъ есть*, какъ и по-гречески—esti, *я иду*—какъ и по-греч. éimi. Состояніе Литовскаго языка служитъ главнымъ доказательствомъ для вывода, что отсутствіе дѣятельной жизни способствуетъ сохраненію цѣльности языка, наоборотъ стремленіе къ подвигамъ и богатая духовная жизнь содѣйствуетъ разложенію и образованію языковъ. Ближе всего къ Славяно-Литовской семьѣ языковъ граничитъ—Нѣмецкая, хотя отличающаяся отъ нея опредѣленными примѣтами, но всё таки ближе всѣхъ другихъ ей родственная. Нѣмецкое и Славянское составляютъ теперь и составляли долгое время прежде противоположности, но изслѣдованіе языковъ неопровержимо доказываетъ, что въ старину это не было паденіемъ. О томъ, какъ Нѣмецкія племена устремлялись отъ Юго-Востока къ Западу, Сѣверу, и даже до Скандинавіи, какъ овладѣли Англіею и проникли толпами глубоко въ Испанію, Францію, Италію, между тѣмъ какъ мы, Нѣмцы въ точномъ смыслѣ слова, удержали за собою средину,—довольно здѣсь только упомянуть объ этомъ.

Совсѣмъ другой видъ въ противоположность этой Сѣверной группѣ представляетъ группа Южно-Европейская. Уже въ раннія времена оторванные отъ дикой кочевой жизни, получивъ въ удѣлъ—наилучшій климатъ и богато разчлененныя, прорѣзывающія море страны—предки Грековъ и Римлянъ пришли очень рано въ соприкосновеніе съ цивилизаціею другихъ обитателей Средиземнаго моря и, по всѣмъ этимъ причинамъ, достигли большой культуры. Мы постоянно пользуемся и освѣжаемся тѣмъ, что создали Греки и Римляне, ихъ пониманіемъ искусства и чувствомъ вкуса, ихъ свѣт-

лыми мыслями, такъ рано засіявшими подъ свѣтлымъ небомъ Юга.—Греческое и римское только въ половину намъ чуждо. Собственно это общіе зародыши, которые только раньше и роскошнѣе взошли въ тѣхъ счастливыхъ націяхъ, чтобы потомъ достаться намъ и цѣлому свѣту, какъ одинъ изъ существеннѣйшихъ и необходимѣйшихъ элементовъ цивилизаціи. Греки и Римляне, образованность которыхъ имѣла взаимное вліяніе во время Цезаря, и по языку оказываются между собою въ тѣсномъ родствѣ. Быть можетъ, первоначальнымъ мѣстомъ общей жизни Греческихъ и Итальянскихъ племенъ была — средняя Азія. Извѣстно, что Италійцы принесли съ собою изъ тѣхъ странъ—во многихъ отношеніяхъ болѣе древній языкъ, между тѣмъ какъ Греческій языкъ, не смотря вообще на болѣе юный отпечатокъ, развился благодаря врожденному Грекамъ художественному чувству — до такой прелести, какой не достигалъ ни одинъ языкъ въ свѣтѣ. Изъ западной отрасли Индогерманскаго племени остается упомянуть еще объ одной семьѣ народовъ, о самой многочисленной и болѣе всѣхъ предпріимчивой,—а именно о Кельтахъ. Кельты проникли до внѣшней западной границы Европы, до Галліи, Британіи и Ирландіи и утратили сходство своихъ языковъ съ ихъ первоначальнымъ типомъ дотого, что связь ихъ съ остальными Индогерманскими языками только въ послѣдствіи была доказана. Богатство фантазіи и суевѣрія творчески высказались у нихъ въ мірѣ преданій и сказокъ. Теперь лучшія и болѣе блестящія черты ихъ особенности, какъ кажется, удержались въ національности Французовъ, конечно весьма смѣшанной.—Но ихъ нарѣчія низошли до народныхъ нарѣчій въ Бретани, въ Валлисѣ, въ Верхней Шотландіи и Ирландіи. Нынѣшній образованный міръ менѣе обращалъ бы вниманія на Кельтовъ, если бы дикія злодѣянія феніевъ не напоминали бы о томъ, что въ Ирландіи проявился особенный міръ.

Такъ далеко простирается эта Западная европейская вѣтвь великаго племени. Мы видѣли, что кромѣ того оставалась въ Азіи Восточная вѣтвь. Но и она не оста-

лась въ безопасности на старыхъ жилищахъ. Можно допустить, что ихъ западные единоплеменники были отдѣлены отъ нихъ уже отдаленными пространствами земли, когда Восточная отрасль Индо-германцевъ уже оставила ихъ родину. Здѣсь они также раздѣлились на два семейства. Персидская или Иранская держалась ближе къ центру Азіи и основала тамъ Персидское государство, которое въ своемъ развитіи распространилось далѣе на западъ и пришло въ непосредственныя сношенія съ Греками. Борьба Грековъ съ Персами была въ тоже время борьба между Западною и Восточною вѣтвью Индо-герм. племени и рѣшила на вѣки преобладаніе первыхъ надъ послѣдними. Отъ Германцевъ, съ которыми остались для него многія общія воспоминанія,—отдѣлилось племя, направившееся къ Югу, чтобы занять долину Инда на ближайшемъ полуостровѣ Индіи.—Здѣсь основало оно замѣчательную противустоявшую многимъ столѣтіямъ индійскую культуру, которой слѣды, весьма древніе, во всякомъ случаѣ значительно опередившіе время Гомера—сохранились въ первобытныхъ пѣсняхъ *Ригъ-Веды*, которыхъ органомъ служитъ тотъ же Санскритъ, также какъ и Латинскій до новаго времени сохранившійся неизмѣнно какъ языкъ ученыхъ, очищенный отъ наплыва народныхъ нарѣчій,-старательнѣйшимъ образомъ переданный,—Санскритъ, который получилъ преимущественно характеръ древности и потому былъ принятъ, какъ ключъ для изъясненія столь долгое время неизъяснимой загадки о родствѣ языковъ и народовъ.

Мы взяли задачею «родство языковъ и народовъ», и до сихъ поръ разсматривали языкъ и народъ какъ нѣчто нераздѣльное. Это этнографическое значеніе языка есть, конечно, одна изъ его замѣчательнѣйшихъ сторонъ. Но правильно ли мы принимали это? Быть можетъ, многимъ изъ васъ навязывается этотъ вопросъ, какъ и на самомъ дѣлѣ недавно онъ былъ поставленъ, что всѣ названные языки произошли изъ одного общаго основнаго языка,—это такого рода положеніе, въ основательности котораго никто уже не сомнѣвается. Боппъ и его ученики дока-

зали это съ математической достовѣрностью. Но родство языковъ доказываетъ ли родство человѣчества? Это вопросъ глубокій.—Есть примѣры, что народы замѣнили свой первоначальный языкъ другимъ. Ядро французской націи составляетъ, конечно, Гальское племя, но его языкъ происходитъ изъ Латинскаго. Посредствомъ завоевательныхъ походовъ Арабовъ—Арійскій языкъ былъ перенесенъ на безчисленныя народности Африки. Эти подобныя явленія привели на дѣлѣ къ тому, чтобы способствовать возможности предположенія, что и Индогерманскій языкъ былъ застигнутъ на пути передачи народомъ Европы, что такимъ образомъ родство ихъ языковъ еще вовсе не доказываетъ ихъ общаго исхода.—Языкъ такъ тѣсно сросся съ жизнію народа, что нужны были болѣе сильныя вліянія, чтобы ихъ разлучить. Только завоеватели, которые основывали продолжительное и твердо основанное господство,—которые обладали высшей культурой и соотвѣтствующимъ ей развитымъ въ литературѣ языкомъ, противодѣйствующимъ насиліемъ духа—достигли того, чтобы заглушить народные языки покоренныхъ племенъ. Но о вліяніи такихъ на Индо-германцевъ нечего думать въ тѣ древнѣйшія времена. Индо-германскіе языки, въ общихъ всѣмъ имъ словамъ, говорятъ не объ оружіи и войнѣ, но о мирныхъ, занятіяхъ о пастушеской жизни и домоводствѣ. Далѣе насильственное разрушеніе строя языка всегда оставляетъ слѣды. Яснѣе всего мы видимъ это на языкахъ, производныхъ отъ Латинскаго, такъ называемыхъ, Романскихъ. Здѣсь удержались разнообразные остатки древнѣйшихъ народныхъ языковъ, напр. Гальскаго во Французскомъ, но еще яснѣе дѣлаетъ возможнымъ нарушеніе строя языковъ другое явленіе. Эти языки хотя въ своемъ родѣ развитые до тонкости, изслѣдователю языковъ представляются какъ испорченная Латынь. Только въ этомъ послѣднемъ находятъ они свои правила. Совсѣмъ иное у народовъ Индо-германскихъ, которые не испытали той судьбы, какая выпала на долю Грекамъ, Нѣмцамъ, Славянамъ. Всѣ эти языки также регулярны, общіе ихъ корни такъ свойственны имъ, такъ органиче-

ски развиты, какъ—Индійскіе. Каждый изъ нихъ самостоятельно сохранилъ ту долю первобытности, которой не достаетъ другимъ. И даже измѣненіе и передвиженіе звуковъ, при всемъ ихъ разнообразіи,—являютъ достойную удивленія соразмѣрность. Все это можетъ быть изъяснено только изъ постояннаго преданія,—оно исключаетъ изученіе языковъ въ болѣе широкомъ объемѣ. Но мы не должны думать, что міръ, при переселеніи Индогерманцевъ, не былъ обитаемъ. И здѣсь, и тамъ были, конечно, смѣшенія и составныя части древнѣйшихъ племенъ могли исчезнуть въ массѣ одолѣвшихъ ихъ народовъ высшаго развитія. Но языкъ доказываетъ, что во всемъ великомъ и цѣльномъ—языкъ и народность совпадаютъ.

Такимъ образомъ новѣйшее языкознаніе граничитъ съ одной стороны съ естественными науками, хотя оно имѣетъ предметомъ—духовную природу человѣка,—съ другой стороны—съ исторіей, такъ какъ она можетъ догадываться о дѣлахъ давно минувшихъ, давать заключеніе о такихъ временахъ, которыя не имѣютъ вовсе достовѣрнаго преданія. Оно извлекаетъ ихъ конечно всегда въ сравнительно ограниченной области—посредствомъ сравненія и анализа такихъ языковъ, генеалогическое сродство которыхъ доказано. Оно отказывается привести все въ связь, но за то тѣмъ прочнѣе вращается въ томъ кругѣ знанія, который прочно установился.

Конечно, все-таки останутся многіе вопросы безъ отвѣта, разрѣшенія которыхъ, быть можетъ, потребуетъ прежде всего тотъ вопросъ, который далѣе отстоитъ отъ науки, такъ сказать, высшій и послѣдній послѣ вопроса о единствѣ человѣческаго рода. Должны ли мы въ слѣдствіе этого, спроситъ быть можетъ кто нибудь,—довольствоваться этими открытіями, обнимающими только часть языковъ? Развѣ не рѣшено единство человѣческаго рода и развѣ не должны мы признать единство языка? Особенно надо сомнѣваться еще въ генеалогической связи между нашими индо-германскими языками и послѣ нихъ самыми замѣчательными, такъ называемыми, семитически языками Евреевъ, Финикіянъ, Арабовъ. Если

присоединить сюда еще, какъ и сдѣлалъ Бунзенъ и другіе египтологи,—Египетскій языкъ,—то эти три языка обнимали бы собою всѣ главные цивилизованные народы міра. Много было высказано остроумныхъ и глубокихъ соображеній, чтобы упрочить эти мысли, но доказательства до сихъ поръ еще не приведено, и согласія еще не достигли. И привести эти 860 языковъ вполнѣ въ единство,—это мысль, которая пугаетъ даже смѣлѣйшихъ. Доказательство генеалогической связи до сихъ поръ основывалось, гдѣ это было возможно, на одинаковости формъ языковъ. Есть языки, въ которыхъ вообще и рѣчи о такихъ формахъ не может быть: въ нихъ нѣтъ главнаго средства для такого рода изслѣдованій. Чѣмъ меньше культура, тѣмъ больше языковъ (нарѣчій)—это доказанное дѣло для языковъ Индіанцевъ въ Сѣверной Америкѣ. Во многихъ областяхъ языковъ замѣчали быстрое измѣненіе одного и того же нарѣчія. И какъ коротко пространство времени, въ продолженіе котораго мы вообще узнали что нибудь объ этихъ отросткахъ!—Кто можетъ отрицать, что можно проникнуть еще далѣе? Но наука нынѣшнихъ дней идетъ путемъ ровнымъ и это-то обстоятельство приводитъ насъ къ тому, чтобы открыто заявить, что и до сихъ поръ не предвидится возможности.— изъяснить фактически данное безконечное различіе изъ всеобъемлющаго единства.

За догадки, которыя теперь только и возможны, вознаграждаетъ насъ взглядъ, составленный нами вообще относительно существа человѣческаго языка. Каждый языкъ не есть случайная оболочка мыслей, но достойная удивленія ткань, въ которой всѣ волокна находятся во взаимной связи. Онъ есть непосредственное выраженіе духа говорящаго на немъ народа и тысячью нитями связывается съ другими языками. Слово, которое мы произносимъ—кажется нашимъ,—однако мы не можемъ ни одного слова образовать по своей волѣ, но каждый изгибъ, которымъ мы пользуемся—основывается на стародавнемъ преданіи. Языкъ есть нѣчто новѣйшее, ибо никто не можетъ такъ говорить, какъ его современники, и нѣ-

что древнѣйшее, ибо его исторія—начинается раньше всѣхъ другихъ. Чѣмъ совершеннѣе языкъ, тѣмъ болѣе возбуждаетъ, освѣщаетъ и просвѣтляетъ онъ мысль.—Это не было вовсе дѣломъ случая, что народы, съ совершеннѣйшимъ строеніемъ языка, стали обладателями земли. И главнымъ орудіемъ къ нашей умственной работѣ обязаны мы не себѣ и не нашему богатому изобрѣтеніями времени,— но тому племени, которое совершило нѣчто великое для многихъ тысячелѣтій.

Н. К.

НАУКА О ЯЗЫКѢ.

НОВЫЙ РЯДЪ ЧТЕНІЙ

Макса Мюллера.

Лекція XII.

Современная миѳологія.

То, что я называю современной миѳологіей, составляетъ предметъ до того обширный и важный, что въ этой, послѣдней, моей лекціи я могу только указать ея характеръ и широкія границы, въ предѣлахъ которыхъ можетъ быть замѣчаемо ея дѣйствіе. Послѣ опредѣленія миѳологіи, сдѣланнаго мною уже при разныхъ случаяхъ, мнѣ тутъ придется прибавить только то, что подъ этимъ именемъ я подразумѣваю всѣ случаи, когда языкъ получаетъ независимую силу и дѣйствуетъ обратно на умъ, вмѣсто того, чтобы быть простымъ осуществленіемъ и внѣшнимъ воплощеніемъ ума.

Въ древнѣйшія времена языка игра миѳологіи, безъ сомнѣнія, была болѣе живая и болѣе распространенная, и ея дѣйствія чувствовались сильнѣе, чѣмъ въ наше время зрѣлой спекуляціи, когда слова уже не принимаются болѣе на вѣру, а постоянно подвергаются логическому анализу. Когда языкъ протрезвляется, когда метафоры дѣлаются менѣе смѣлыми и болѣе ясными, опредѣленными, тогда менѣе опасно говорить о солнцѣ, какъ о конѣ, потому что поэтъ назвалъ его небеснымъ рысакомъ, или говорить про Селену, что она влюблена въ Эндиміона, потому что въ извѣстной поговоркѣ при-

ближеніе ночи выражалось жаждущими взглядами луны на скрывающееся солнце. Однако подъ другою формою языкъ все-таки удерживаетъ за собою сокрытую силу; и если онъ уже пересталъ создавать боговъ и героевъ, онъ все-таки производитъ много словъ, пріобрѣтающихъ подобное уваженіе. Кто желалъ бы изслѣдовать вліяніе, какое производятъ простыя слова на человѣческій умъ, тому пришлось бы написать исторію міра, которая научила бы насъ большему, чѣмъ какая либо изъ существующихъ у насъ нынѣ исторій. Слова опредѣленнаго значенія суть побудительныя причины почти всѣхъ нашихъ философскихъ и религіозныхъ споровъ, и даже такъ называемыя точныя науки часто были вводимы въ заблужденіе этимъ же голосомъ сирены.

Я не говорю здѣсь о томъ очевидномъ злоупотребленіи языка, когда писатели, у которыхъ мысли не созрѣли и не приведены въ порядокъ, извергаютъ потокъ тяжелыхъ и невѣрно употребленныхъ выраженій, которыя если не другими, то ими самими считаются за глубокую ученость и высокую спекуляцію. Это святилище невѣжества и тщеславія уже почти уничтожено, и ученые или мыслители, которые не могутъ высказываться ясно, послѣдовательно и понятно, въ наше время имѣютъ мало надежды считаться за хранителей таинственнаго знанія. Si non vis intelligi, debes negligi. Я болѣе имѣю въ виду такія слова, которыя всѣми употребляются и по-видимому такъ ясны, что подвергнуть ихъ разсмотрѣнію—могло бы казаться смѣлостію. За исключеніемъ языка математики, однако, интересно видѣть, до какой степени перемѣнчиво значеніе словъ, какъ оно мѣняется съ каждымъ столѣтіемъ, какъ даже почти каждый говорящій видоизмѣняетъ значеніе словъ, хотя бы съ самымъ незначительнымъ оттѣнкомъ. Слова, каковы *природа*, *законъ*, *свобода*, *необходимость*, *тѣло*, *вещество*, *церковь*, *государство*, *вдохновеніе*, *познаніе*, *вѣра*, употребляются въ словопреніяхъ, какъ будто всякому извѣстно ихъ значеніе и какъ будто каждый употребляетъ ихъ точно въ такомъ же смыслѣ; между тѣмъ какъ

большинство и особенно тѣ, кто выражаетъ общественное мнѣніе, подбираютъ эти сложныя выраженія какъ дѣти, начиная съ самыхъ неопредѣленныхъ понятій, потомъ прибавляютъ къ нимъ со временемъ нѣсколько больше значенія, иногда, можетъ быть, также поправляютъ случайно нѣкоторыя изъ своихъ заблужденій, но никогда не присмотрятся къ исторіи тѣхъ выраженій, которыя они такъ свободно употребляютъ, не обращая вниманія на точность ихъ значенія по точнымъ правиламъ логическаго опредѣленія. Давно уже сказано, что противорѣчія большею частью происходятъ отъ словъ. Это справедливо. Словесные споры не всегда бываютъ таковы, чѣмъ они кажутся; они не всегда формальные, внѣшніе, не важные или случайные споры, которые можно было бы уладить простымъ объясненіемъ или справкою въ словарѣ Джонсона [1]). Часто эти споры происходятъ отъ болѣе или менѣе совершеннаго, полнаго и правильнаго пониманія словъ; не языкъ одинъ ошибается, а также и умъ.

Если дитя, научившись примѣнять названіе золота ко всему желтому и блестящему, стало бы утверждать, что и солнце есть золото, то оно, безъ сомнѣнія, было бы справедливо, потому что въ его умѣ слово «золото» означаетъ что-то желтое и блестящее. Мы нисколько не стѣсняясь, говоримъ, что цвѣтокъ имѣетъ золотистое отраженіе, подразумѣвая только цвѣтъ, а не думая о предметѣ. Впослѣдствіи дитя узнаетъ, что кромѣ цвѣта, есть еще другія качества, свойственныя золоту и отличающія его отъ подобныхъ ему предметовъ. Оно привыкаетъ всѣ эти качества соединять подъ названіемъ *золота*, такъ что наконецъ золото для него перестаетъ имѣть значеніе только чего-то желтаго и блестящаго, а начинаетъ означать и что-то тяжелое, гибкое, плавкое и растворимое въ царской водкѣ; ко всѣмъ этимъ качествамъ оно прибавляетъ и другія, обнаруживаемыя по-

[1]) «Половины пуканицъ и недоразумѣній можетъ быть приведена къ неясности мысли, скрывающейся подъ неясностію языка.»—Edinb. Review, Oct. 1862, стр. 378.

слѣдовательными изслѣдованіями каждаго поколѣнія. Однако, вопреки всѣмъ этимъ осторожностямъ, столь тщательно опредѣленное философами слово *золото* все-таки ускользаетъ въ массу словъ и слышишь, какъ банкиры разсуждаютъ о рыночной цѣнѣ золота такимъ образомъ, что пожалуй и не повѣришь, что они говорятъ о томъ же предметѣ, который мы сперва видѣли въ плавильникѣ химика. Мы видѣли, какъ выраженіе «златорукій,» примѣняемое къ солнцу, повело къ исторіи, объясняющей, какъ солнце лишилось одной руки, и какъ она была замѣнена искусственною рукою изъ золота. Это—древняя миѳологія. Если же сказать, что въ послѣдніе годы привозъ золота сильно увеличился, и изъ этого вывести, что увеличеніе подлежащаго налогу имущества происходитъ отъ открытія золота въ Калифорніи, то это—современная миѳологія. Слово *золото* мы должны употреблять въ двоякомъ смыслѣ: въ одномъ случаѣ оно синонимно съ наличнымъ капиталомъ, въ другомъ оно—названіе находящагося въ обращеніи знака. Мы сдѣлали бы ту же самую ошибку, какъ древніе народы, употребляя одно и то же слово въ двоякомъ смыслѣ съ слабымъ между собою различіемъ, и потомъ смѣшивая одно значеніе съ другимъ.

Не слѣдуетъ предполагать, что миѳологія, даже въ болѣе голой формѣ, ограничивается древнѣйшимъ временемъ міра. Хотя одинъ источникъ миѳологіи, происходящій отъ корневой и поэтической метафоры, менѣе обиленъ въ новѣйшихъ нарѣчіяхъ, чѣмъ въ древнихъ, однако есть въ современныхъ нарѣчіяхъ другой дѣятель, производящій другимъ путемъ почти тѣ же результаты, именно—*звуковая порча*, влекущая за собою *народную этимологію*. Чрезъ звуковую порчу многія слова потеряли свою этимологическую прозрачность, и слова, первоначально совершенно различныя какъ по формѣ, такъ и по значенію, впослѣдствіи принимали случайно даже одну и ту же форму. Въ человѣческомъ же духѣ есть стремленіе къ этимологіи, желаніе узнать такъ или иначе, почему такой-то предметъ названъ такимъ-то именемъ, и поэтому постоянно случается, что слова измѣняются еще

больше для того, чтобы еще разъ сдѣлаться понятными; или если два первоначально различныя слова дѣйствительно слились въ одно и для нихъ требуется объясненіе, то оно сейчасъ изыскивается.

Sorrow, горе, есть А. Сакс. sorh, Нѣм. Sorge; предполагаемая связь этого слова съ sorry просто вымышленная, ибо sorrow есть А. Сакс. sárig, отъ sár, рана, нарывъ.

Многіе полагаютъ, что Нѣм. Sündfluth, потопъ, происходитъ отъ Sünde, грѣхъ, и Fluth, наводненіе, между тѣмъ какъ Sündfluth есть измѣненное народною этимологіею sinfluot, великое наводненіе.

Многіе изъ древнихъ знаковъ на храмахъ и общественныхъ зданіяхъ заключаютъ въ себѣ какъ бы іероглифную миѳологію. На Stoken Church Hill, близъ Оксфорда, былъ домъ съ вывѣскою «Feathers and a Plum.» Народъ называлъ этотъ домъ Plum and Feathers, а первоначально оно значило Plume of Feathers, отъ перьевъ на шлемѣ Принца Уэльскаго.

A Cat with a Wheel есть искаженная эмблема St. Catherine's Wheel. Bull and Gate первоначально имѣло значеніе трофея при взятіи Булони Генрихомъ III, Булонскія ворота, Boulogne Gate. Прекрасная древняя надпись на Пуританскомъ щитѣ «God encompasseth us,» [2]) насъ Богъ хранитъ, искажена въ «Goat and Compasses.»

Есть много такого рода народной миѳологіи въ народномъ языкѣ, происходящей отъ весьма естественнаго и обыкновеннаго стремленія, т. е. убѣжденія, что всякое названіе должно имѣть значеніе. Когда дѣйствительное и первоначальное значеніе разъ утрачено, преимущественно благодаря вліянію звуковой порчи, то сначала въ видѣ опыта, а вскорѣ и окончательно измѣненному слову приписывается новое значеніе.

Въ Линкунѣ есть лѣстница подъ названіемъ Grecian

---

2) French, English Past and Present, стр. 223:
«The George and Cannon=the George Canning.
The Rilly Ruffian=the Bellerophon (корабль).
The Iron Devil=the Hirondelle
Rose of the Quarter Sessions=la rose des quatre saisons.»

Stairs, ведущая чрезъ маленькія старинныя ворота New Hood въ Minster Yard. Эта лѣстница первоначально называлась Greesen, древне-Англійское множеств. число отъ gree, ступенька. Когда перестали понимать значеніе greesen, то для объясненія прибавили stairs, лѣстница, и Greesen Stairs (собственно ступенчатая лѣстница) инстинктомъ народной этимологіи измѣнилось въ Grecian Stairs, греческая лѣстница.

Примѣромъ подобнаго рода народной этимологіи, ведущей иногда къ народной миѳологіи, могутъ служить нѣкоторыя поговорки. Есть Англійская поговорка «to know a hawk from a handsaw,» отличать ястреба отъ ручной пилы, что первоначально значило «отличать ястреба отъ цапли,» hernshaw, что впослѣдствіи искажено въ handsaw, ручная пила.

Франц. слово buffetier, буфетчикъ, въ Англійскомъ приняло форму beef—eater, мясоѣдъ, и весьма понятно, что этихъ толстыхъ, жирныхъ людей представляли себѣ питающимися самыми лакомыми кусками жаркого.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ силы народной этимологіи представляетъ Англ. Barnacle. Не часто намъ представляется возможность прослѣдить имя отъ столѣтія до столѣтія чрезъ различныя степени его роста и потому исторія о Barnacle достойна того, чтобы изслѣдовать ее болѣе подробно.

Barnacle, въ значеніи очковъ, по-видимому, находится въ связи съ Нѣмецкимъ названіемъ очковъ, Brille. Это Нѣмецкое слово есть искаженное beryllus. Въ одномъ словарѣ 1582-го года мы находимъ brill, parill, мужскаго рода, драгоцѣнный камень, похожій на стекло или ледъ, то же что berillus или bernlein. з) Севастіанъ Франкъ еще въ началѣ 16-го вѣка употребляетъ barill въ смыслѣ очковъ. Впослѣдствіи слово это стало женскаго рода и вмѣстѣ съ тѣмъ установилось какъ названіе очковъ.

Вмѣсто beryllus, въ смыслѣ драгоцѣннаго камня,

з) Срав. Grimm, D. Wörterb. сл. Brill. Mr. Wedgewood производитъ barnacles въ значеніи очковъ отъ Лангедокскаго bourgna, косить глаза.

мы находимъ Прованс. berille, [4]) а въ смыслѣ очковъ—древне-Франц. béricle. Bericle потомъ измѣнилось въ bésicles, что обыкновенно, но невѣрно производится отъ bis—cyclus.

Въ Беррійскомъ нарѣчіи вмѣсто bericle или besicle мы находимъ діалектическую форму berniques, напоминающую намъ Нѣм. форму bern—lein. Аналогичную форму мы имѣемъ въ Англ. barnacle, что первоначально означало очки, а потомъ употреблялось въ смыслѣ драйка (намордника), надѣваемаго на морду лошадей при подковываніи, кровопусканія или объѣздкѣ. [5]) Нѣм. Brille употребляется въ подобномъ же смыслѣ, означая кусокъ кожи съ желѣзными колючками, навязываемый молодымъ животнымъ для того, чтобы ихъ отнять отъ матокъ. Bernicula, по видимому, произошло отъ beryllicula, что во избѣжаніе повторенія буквы l, перешло въ berynicula. Относительно перехода l въ n, см. melanconico, filomena и пр. въ грамматикѣ Diez'a, стр. 190.

Barnacle, въ смыслѣ извѣстнаго рода моллюсковъ (Cirrhopoda), по всей вѣроятности, есть уменьшительное Латинское perna, ляшка, а pernacula перешло въ bernacula. [6]) Плиній упоминаетъ извѣстный родъ раковинъ, называемыхъ pernae по своему сходству съ ляшкой свиньи.

Тѣла этихъ животныхъ мягки и заключаются въ оболочкѣ, составленной изъ нѣсколькихъ известковыхъ пластовъ; ихъ края представляются пучкомъ связанныхъ нитокъ, который они могутъ выдвигать чрезъ отверстіе какъ оболочку, покрывающую собою внутренность раковины. Имъ-то они ловятъ свою пищу, какъ человѣкъ неводомъ, и какъ скоро они погружаются въ морскую воду возвращающимся приливомъ, ихъ дѣятельность возобновляется. Обыкновенно ихъ находятъ при-

[4]) «Berillus (gemma, speculum presbiterorum aut veterum, d. i. brill).» Diefenbach, Gloss. Lat.-Germ. Eise можетъ означать кристаллъ.

[5]) Въ Dict. du vieux Français, Paris, 1766, bernicles встрѣчается въ смыслѣ nihil, rien, ничто.

[6]) Skinner производитъ barnacle, «fraenum quod equino rictui injicitur,» отъ bear и neck.

лепившимися къ скаламъ, сваямъ, камнямъ или даже къ живымъ раковинамъ; разъ приставши къ чему нибудь, они уже не оставляютъ своего мѣста, но не избравъ еще такого постояннаго мѣстопребыванія, они движутся свободно и какъ будто наслаждаются болѣе высоко-организованнымъ состояніемъ жизни. Они снабжены глазами, щупальцами и членами, и такъ же дѣятельны, какъ любой изъ мелкихъ обитателей моря.

Есть два семейства Cirrhopoda. Первое, Lapadidae, уткороды, прикрѣпляются къ своему мѣстопребыванію посредствомъ гибкаго стебля, имѣющаго большую силу стягиванія. Раковина обыкновенно состоитъ изъ двухъ треугольныхъ кусковъ на каждой сторонѣ, а сзади заключается третьею продолговатою частью, такъ что она вся состоитъ изъ пяти частей.

У втораго семейства, Balanidae, раковина обыкновенно составлена изъ шести отдѣловъ, коихъ нижняя часть твердо прикрѣпляется къ камню или дереву, на которомъ живетъ это мягкотѣлое.

Эти животныя въ Англіи уже давно извѣстны подъ названіемъ Bernacles, т. е. bernaculae или маленькія раковины. Хотя ихъ названіе созвучно съ barnacles въ смыслѣ очковъ, однако оно первоначально не имѣетъ никакой связи съ этимъ послѣднимъ словомъ, происходящимъ, какъ мы видѣли, отъ beryllus.

Теперь же является третій претендентъ на это названіе—извѣстный гусь-казарка, barnacle goose. Есть дѣйствительно гусь bernicla, котораго однако иногда смѣшивали съ уткою, Anas niger minor, Англ. scoter, Франц. maereuse; его рисунокъ и описаніе можно найти во всякой хорошей орнитологіи. 7) Но не смотря на дѣйствительное существованіе такого гуся, описанія его, не только въ популярныхъ, но и въ научныхъ сочиненіяхъ, составляютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ главъ въ исторіи современной миѳологіи.

7) Plin. H. Nat. 32, 55: «Appellantur et pernae concharum generis, circa Pontias insulas frequentissimae. Stant velut suillo crure longo in arena defixae, hiantesque, qua limpitudo est, pedali non minus spatio, cibum venantur.»

Я начну съ описанія помѣщеннаго въ Philosophical Transactions, № 137, January and February 1677 7—8. Тутъ въ статьѣ: «A relation concerning Barnacles, by Sr. Robert Maray, lately one of His Majesties Council for the Kingdom of Scotland,» на стр. 925 сказано слѣдующее.

«На западныхъ островахъ Шотландіи есть много выбрасываемаго океаномъ строеваго лѣса, изъ котораго простой народъ строитъ свои дома. Наиболѣе тутъ находятся сосны и ясени. Онѣ обыкновенно очень большія и безъ вѣтвей, которыя по видимому скорѣе отломаны и стерты, чѣмъ отрублены; онѣ до того бываютъ повреждены, что, особенно на соснахъ, нѣтъ и коры. Будучи на Восточномъ островѣ, я видѣлъ на берегу кусокъ большой сосны въ 2½ фута въ размѣрѣ, и длиною въ 9 или 10 футовъ; онъ уже давно лежалъ внѣ воды, такъ что совсѣмъ высохъ, а большая часть раковинокъ, прежде покрывавшихъ его, на немъ пропали. Только на частяхъ лежавшихъ ближе къ землѣ, висѣло еще множество маленькихъ раковинокъ, въ которыхъ заключались вполнѣ развитыя птицы, вѣроятно Barnacle.

«Раковинки висѣли тѣсно и плотно другъ къ другу, и были различной величины; цвѣтъ и твердость какъ у обыкновенныхъ раковинъ, а бока или связки соединены такою же тонкою перепонкою, какъ это бываетъ у раковинъ; она служитъ имъ при движеніи какъ петля у дверей, когда онѣ открываются или закрываются.....

«Раковинки висѣли на деревѣ шеею, которая длиннѣе самой раковины; она въ родѣ плевистаго вещества, кругла, внутри пуста, морщиниста, на подобіе дыхательнаго горла у цыплятъ, наиболѣе широка тамъ, гдѣ она прикрѣплена къ дереву, изъ котораго она вѣроятно всасываетъ вещества для роста и поддержанія раковины и заключающейся въ ней птички.

«Этихъ птичекъ я находилъ во всѣхъ раковинкахъ, какъ самыхъ маленькихъ, такъ и самыхъ большихъ, которыя я находилъ такъ удивительно и совершенно развитыми, что относительно внутреннихъ частей у нихъ

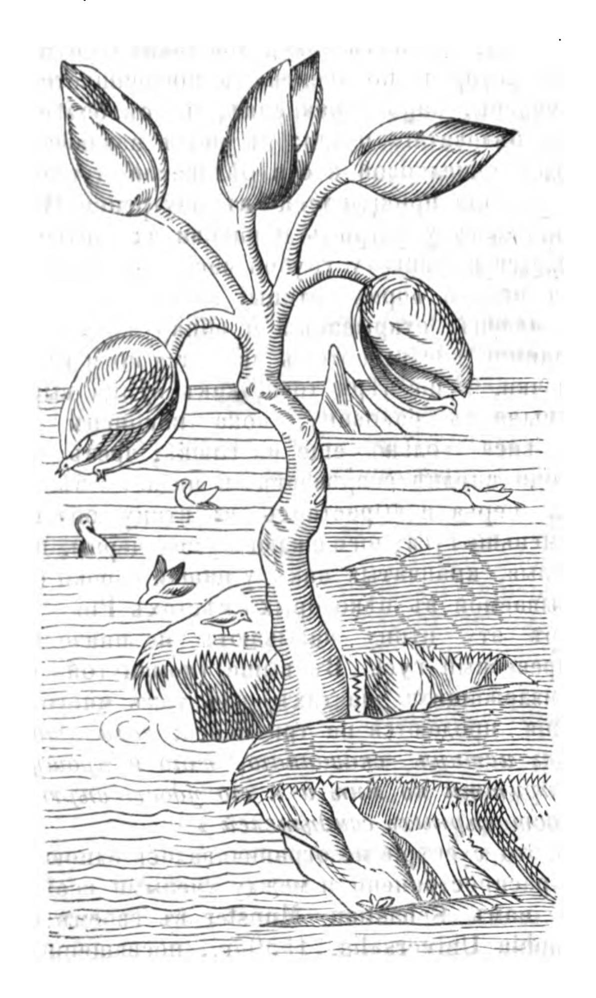
не было никакихъ недостатковъ, чтобы считаться морскими птицами: каждая часть была видна такъ ясно, что все тѣло казалось большою птицею, разсматриваемою чрезъ увеличительное стекло; цвѣтъ и сложеніе вездѣ были ясны и красивы. Маленькій клювъ какъ у гуся, глаза рѣзки, голова, шея, грудь, крылья, хвостъ и ноги развиты, перья вездѣ совершенно ясны и черноватаго цвѣта; ноги у нихъ, я хорошо помню, какъ и у прочихъ морскихъ птицъ. Такъ какъ все вымерло и изсохло, то я не разсмотрѣлъ ихъ внутренности; также я не видалъ ни одной птички живой, и не слыхалъ, чтобы кто нибудь ихъ видѣлъ живыми. Только нѣкоторые достовѣрные люди увѣряли меня, что видѣли ихъ величиною въ кулакъ.»

И такъ у насъ изъ 1677 го года есть свидѣтель, утверждающій передъ просвѣщенною публикою, что хотя самъ не видалъ дѣйствительнаго превращенія раковины— barnacle въ гуся—barnacle, однако видѣлъ въ раковинѣ клювъ, глаза, голову, шею, грудь, крылья, хвостъ, ноги и перья зародыша птицы.

Не много раньше этого писателя Лондонскій хирургъ John Gerard свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ превращеніи. Въ концѣ изданнаго имъ въ 1597 г. «Herballe» мы не только находимъ изображеніе дерева съ выходящими изъ его вѣтвей птицами, которыя потомъ плаваютъ въ морѣ или мертвыми падаютъ на землю, но и читаемъ слѣдующее описаніе (стр. 1391):

«Въ сѣверныхъ частяхъ Шотландіи и на близлежащихъ Оркадскихъ островахъ находятся извѣстныя деревья, на которыхъ растутъ извѣстныя черепокожныя животныя бѣлаго цвѣта съ переливомъ въ бурокрасный; въ нихъ содержатся маленькія живыя существа. Эти черепы во время зрѣлости открываются и изъ нихъ выростаютъ тѣ маленькія живыя птички, которыя у насъ называются барнаклами, (barnakle) въ сѣверной Англіи Brant Goose,

а въ Ланкаширѣ tree Goose; другія же, падающія, на землю, умираютъ и пропадаютъ; это извѣстіе согласно съ другими описаніями и съ подтвержденіемъ народа тѣхъ странъ, и оно весьма можетъ согласоваться съ истиною.

«Но теперь мы скажемъ, что видѣли своими глазами и трогали своими руками. Въ Ланкаширѣ есть маленькій островъ Pile of Foulders, на которомъ находятся сломанныя остатки старыхъ кораблей, прибитыхъ сюда кораблекрушеніемъ, а также и пни или остовы старыхъ сгнившихъ деревьевъ съ вѣтвями, также выброшенныхъ сюда. На нихъ находится какая то пѣна (spume или froth), которая по временамъ превращается въ извѣстные черепы, какъ у раковинъ, но съ болѣе острымъ концомъ и бѣловатаго цвѣта; въ нихъ заключается что-то на подобіе шелковой кисти бѣловатой тонкой ткани; одна ея сторона прикрѣплена къ внутренности черепа, совершенно какъ у устрицъ и раковинъ; другой конецъ прикрѣпляется къ животу грубой массы, принимающей по временамъ видъ и форму птицы: когда она совершенно развита, черепъ открывается и обнаруживается сперва вышесказанная кисть; потомъ являются ноги птицы, вися изъ оболочки, и по мѣрѣ того, какъ птица выростаетъ, она раскрываетъ раковину, пока наконецъ выходитъ совсѣмъ, вися только еще на клювѣ; чрезъ нѣсколько времени она вполнѣ созрѣваетъ и падаетъ въ море, гдѣ получаетъ перья и выростаетъ въ птицу больше дикой утки, но меньше гуся; ноги и клювъ у нея черны, перья черныя и бѣлыя, крапчатыя какъ у нашей сороки (Magge—Pie), называемой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Pie – Annet; въ Ланкаширѣ эту птицу называютъ не иначе какъ tree Goose, древесный гусь. Въ выше упомянутой странѣ и всѣхъ близлежащихъ частяхъ ихъ такъ много, что самыя лучшія продаются по три пенса: *если кто сомнѣвается въ истинѣ сказаннаго, того я прошу потрудиться притти ко мнѣ и я его удостовѣрю указаніемъ на достовѣрныхъ свидѣтелей.*»

Что это суевѣріе не ограничивалось одною Англіею, но было распространено и между учеными всей Европы, говоритъ намъ Sebastian Munster въ своемъ сочиненіи Cosmographia Universalis, 1550 г., посвященномъ Карлу V. Онъ разсказываетъ тоже самое, не упуская и изображенія, и хотя онъ приводитъ саркастическое замѣча-

ніе Энея Сильвія, что чудеса-де всегда улетаютъ въ отдаленныя страны, но онъ однако самъ нисколько не сомнѣвается въ возможности существованія деревьевъ раждающихъ птицъ, что по его замѣчанію подтверждаетъ и Saxo Gramamaticus. Вотъ что онъ пишетъ: «Въ Шотландіи находятся деревья, производящія плодъ свернутый изъ листьевъ, который въ свое время падаетъ въ воду, оживляется и превращается въ живую птицу, которую называютъ древеснымъ гусемъ. Растетъ это дерево и на островѣ Pomana, не далеко отъ Шотландіи на сѣверъ. Чтобы не считали это за вымыселъ новѣйшихъ писателей, то скажу, что упоминаютъ объ этомъ деревѣ также и древніе космографы, особенно Saxo Grammaticus.»

Другое свѣдѣніе объ этихъ необыкновенныхъ гусяхъ мы находимъ въ 14-й главѣ космографіи и описанія Альбіона, предшествующихъ исторіи Шотландіи, составленной Hector Roece'омъ (1465—1536) на Латинскомъ языкѣ, а впослѣдствіи переведенной на Англійскій. И этотъ писатель признаетъ существованіе подобной птицы, основываясь на разныхъ случаяхъ, будто бы имъ самимъ видѣнныхъ. Хотя, по его словамъ, эти гуси и рождаются различнымъ образомъ, однако во всякомъ случаѣ онъ считаетъ природу моря за преимущественную причину ихъ рожденія; по его собственнымъ будто-бы наблюденіямъ, онѣ развиваются изъ червяковъ, содержащихся въ гнилыхъ деревьяхъ, выбрасываемыхъ моремъ на берегъ.

Но даже еще раньше, именно въ 12-мъ вѣкѣ, во время Генриха II (1154—89), мы встрѣчаемъ тотъ же разсказъ, которому тогда въ такой степени вѣрили, что Giraldus Cambrensis счелъ необходимымъ протестовать противъ тогдашняго обычая ѣсть этихъ barnacle— гусей во время поста на томъ основаніи, что они будтобы не птицы, а рыбы.

Я не знаю, какъ давно до этого писателя существовала эта басня; но не слѣдуетъ предполагать, чтобы впродолженіе пяти столѣтій, чрезъ которыя мы прослѣдили ея существованіе, она никѣмъ не была опровергаема.

Противъ нея возставалъ Альбертъ Великій (умеръ въ 1280 г.), видѣвшій, по его словамъ, что эти птицы кладутъ яица и высиживаютъ ихъ. Возражалъ также и Роджеръ Бэконъ (ум. въ 1294 г.). Эней Сильвій (послѣ папа Пій, II, 1458—64), навѣстивъ короля Іакова (1393—1437, царствовалъ отъ 1424 до 1437 г.), спрашивалъ объ этомъ деревѣ и жаловался, что чудеса улетаютъ все дальше и дальше; ибо когда онъ прибылъ въ Шотландію, чтобы увидать это дерево, то ему сказали, что оно растетъ дальше на сѣверъ, на Оркадахъ. Голландскіе мореплаватели, посѣтившіе въ 1599 году Гренландію, дали подробное описаніе, что они нашли тамъ яйца barnacle—гусей (которыхъ они по Голландски называли ratgansen), что эти послѣдніе высиживали яйца и кричали rot, rot, rot, что они одного изъ нихъ убили камнемъ и съѣли его вмѣстѣ съ шестью-десятью яйцами.

Не смотря на такія опроверженія, басня являлась все снова и священники продолжали ѣсть эту птицу во время поста безъ всякихъ угрызеній совѣсти. Aldrovandus разсказываетъ въ своей «Ornithologia» 1603, (въ книгѣ XIX), про одного ирландскаго священника Октавіана, увѣрявшаго его подъ клятвою на Евангеліи, что онъ видѣлъ этихъ птицъ въ незрѣломъ состояніи и держалъ ихъ въ рукахъ. И самъ Aldrovandus, взвѣсивъ всѣ свидѣтельства за и противъ чудеснаго происхожденія barnacle—гусей, наконецъ приходитъ къ заключенію, что лучше ошибаться съ большинствомъ, чѣмъ спорить противъ многихъ знаменитыхъ писателей. Въ 1629 г. нѣкій Графъ Майеръ во Франкфуртѣ издалъ книгу «De Volucri Arborea» о древесной птицѣ, въ которой онъ объясняетъ весь процессъ ея рожденія и вдается въ самыя нелѣпыя разсужденія.

Какимъ же образомъ произошла эта удивительная сказка? Какимъ образомъ кому либо могло притти въ голову, что птица происходитъ изъ раковинки, и что эта именно птица, казарка, происходитъ отъ этого именно мягкотѣлаго, уткорода? Когда басня разъ возникла, то она уже многими могла быть поддерживаема, и ея жиз-

ценность дѣйствительно была удивительна. Есть извѣстныя черты у этой раковины, которыя поверхностному наблюдателю могли показаться сходными съ первыми зачатками птицы; и особенно ноги, которыми эти животныя ловятъ свою добычу и доставляютъ ее въ раковину, положительно походятъ на очень нѣжныя перья. Далѣе то обстоятельство, что эта басня о раковинныхъ гусяхъ служила оправданіемъ для употребленія во время поста этихъ птицъ въ пищу, безъ сомнѣнія, также сильно благопріятствовало поддержанію всеобщей вѣры и облекло эту послѣднюю въ извѣстной степени священимымъ характеромъ. Въ Бомбеѣ, гдѣ извѣстные классы народа рыбу считаютъ запрещенною пищею, священники называютъ ее морскою зеленью, и подъ этимъ названіемъ позволено ее ѣсть. Никто не повѣритъ, чтобы Линней раздѣлялъ общее заблужденіе, а тѣмъ не менѣе онъ удержалъ для раковины названіе anatifera, утконосая, а для гуся—названіе Bernicla.

Я думаю, языкъ первый далъ поводъ къ образованію этого миѳа. Правильное и настоящее названіе этихъ раковинъ, какъ мы видѣли, было bernaculae; также мы знаемъ, что ихъ ловили въ Ирландіи. Giraldus Cambrensis писалъ противъ Ирландскихъ епископовъ, порицая ихъ за употребленіе этихъ птицъ въ пищу во время поста; изъ позднѣйшихъ же источниковъ мы узнаемъ, что это открытіе Ирландскихъ священниковъ съ готовностью было принято во Франціи. Ирландія же называется Hibernia, и я полагаю, что эта птица первоначально называлась Hibernica или Hibernicula. Первый слогъ, какъ неимѣющій ударенія, былъ опущенъ, точно также, какъ въ Итальянскомъ вмѣсто il iverno говорятъ il verno, зима. Такое опущеніе перваго слога довольно часто встрѣчается въ Латинскихъ словахъ, перенесенныхъ монахами въ современныя Романскія нарѣчія и въ средневѣковыхъ Латинскихъ словаряхъ мы дѣйствительно находимъ слово hybernagium въ сокращенной формѣ bernagium. Потому названіе птицъ Hiberniculae, потомъ Berniculae, стало созвучно съ названіемъ раковинъ, Bernaculae, и

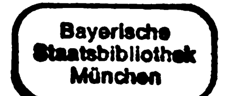

такъ какъ ихъ названія казались одинаковыми, то и самыя существа стали считаться тожественными.

Есть однако еще другое производство имени Bernacula, предложенное Gesner'у однимъ изъ его корреспондентовъ. «Ioannes Caius,» говоритъ онъ, «пишетъ мнѣ слѣдующее: Я думаю, что птицу, называемую нами Anser brendinus, а другими Bernaclus, слѣдуетъ называть Bernclacus, ибо древніе Бретоны и нынѣшніе Шотландцы называютъ дикаго гуся Clake. Поэтому они до сихъ поръ удерживаютъ названіе, нами искаженное въ Lake или Fenlake, т. е. озерной гусь, вмѣсто Fencklake; нашъ народъ часто переставляетъ буквы и говоритъ bern вм. bren.» (Historia Animalium, кн. III стр. 110).

И такъ онъ полагалъ, что названіе происходитъ изъ Шотландскаго, что на Шотландскомъ птица называлась Bren clake, и что это произносилось какъ Bernclake и потомъ было латинизовано въ bernclacus. Есть однако то важное возраженіе противъ этой этимологіи, что между многочисленными видоизмѣненіями слова Bernicula нѣтъ ни одного, которое подходило бы къ формѣ Bernclacus. Clake или claik дѣйствительно означаетъ гуся, и особенно гусь—barnacle такъ называется. Bran въ составныхъ словахъ значитъ темный, какъ напр. въ А. Сакс. branwyrt, ежевиика, различно отъ brunewyrt, норышникъ; Iamieson приводитъ шотландское прилагательное branded, brannit, краснобурый цвѣтъ, какъ будто опалённый огнемъ; branded cow есть почти совсѣмъ бурая корова. Brant—fox есть лисица съ черными ногами. Branta, какъ мы видѣли, было названіе гуся—barnacle, и дано ему, какъ говорятъ, потому, что онъ темнаго цвѣта.

Какъ легко въ подобныхъ случаяхъ составляется легенда для устраненія всякихъ затрудненій, представляемыхъ словами, которыя уже перестали понимать, можетъ быть доказано многими легендами.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1.) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ, по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл. Поэзіи, Исторіи Литературы; — будутъ помѣщаться даже цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;— указанія на разнорѣчія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч. — словомъ, это будетъ обмѣнъ мыслей между преподавателями.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библіографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, меткостей, силы выраженія и красотъ языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библіографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,— (народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ съ краткими указаніями относительнаго достоинства ихъ, и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографія, сравнительной миѳологіи и народной психологіи.

Издатель и Редакторъ **А. Хованскій.**

Дозволено Ценсурой. Москва. 20 Декабря 1869 г.

